Исаев Алексей Валерьевич

Берлин 45-го: Сражения в логове зверя

Аннотация издательства: книг посвящена операциям на Берлинском направлении в январе — марте 1945-го и сражению за Берлин, начиная с Висло-Одерской операции. В результате быстрого продвижения на запад советские войска оказались в 60–70 км от Берлина. Однако за стремительным броском вперед последовала цепочка сражений на флангах 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Только в середине апреля 1945 г. советские войска смогли начать Берлинскую операцию.

Содержание

Введение. ***Неизвестный 1945 г.*** *[5]*
Пролог. ***Висло-Одерская операция*** *[12]*
У бездны мрачной на краю [38]
Армия-победительница [58]
Сражение за плацдармы. Раунд первый [71]
Часть первая. ***Кризис на флангах***
1-й Белорусский фронт [106]
2-й Белорусский фронт [118]
1-й Украинский фронт [124]
«Солнцестояние» [145]
Часть вторая. ***Прочь от Берлина***
Восточная Померания [160]
Верхне-Силезская операция [213]
Часть третья. ***На расстоянии вытянутой руки***
Сражение за плацдармы. Раунд второй [244]
Кюстрин. Индустриальная крепость [256]
Часть четвертая. ***Планы и силы сторон***
Оборона в глубину [285]
Перемены на Западном фронте [304]
Впереди Берлин [308]
За бортом разграничительной линии [333]
Часть пятая. ***Падение «Одерского фронта»***
Зееловские высоты [362]
Неожиданный соперник. Конев поворачивает на Берлин [458]
Часть шестая. ***Последний штурм***
Хальбский «котел» [547]
Венк и Штайнер спешат на помощь [576]

Флаг над Рейхстагом [600]
***Заключение** [673]*
Когда считать мы стали раны... [673]
Краткие выводы [685]
Приложения [695]
Литература [712]
Примечания

Автор выражает благодарность Д. Шеину, Н. Власову, П. Шиткину, И. Островскому, А. Томзову и К. Невенкину
за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Введение. Неизвестный 1945 г.

Глубоко ошибается тот, кто считает «белые пятна» только атрибутом истории поражений. В силу ряда причин «белые пятна» присутствуют во всех периодах Великой Отечественной войны. Можно даже сказать, что период поражений 1941–1942 гг. лучше освещен в сравнении со второй половиной войны в силу большего общественного интереса к нему. Различались, пожалуй, только причины появления пропусков и умолчаний. Если в период поражений стремились замалчивать некоторые из них, то в 1944–1945 гг. предметом умолчания стали упущенные возможности и местные успехи противника.

Удачные выпады противника, необходимость на лету менять планы и форму операций задают интригу хода боевых действий. Первые месяцы 1945 г. для Германии, так же как и лето 1941 г. для СССР не были скучным избиением младенцев. Фильм по сюжету бондаревского «Горячего снега», в сущности, можно снимать про любой период войны, в том числе про 1945 г. Марш батарей, подготовка позиций, тяжелый бой с перекатыванием немецких танков через позиции артиллеристов, полуокружение, неизвестность — все это могло быть не только в декабре 1942 г. под Сталинградом, но и в феврале 1945 г. под Арнсвальде или в апреле 1945 г. под Баутценом.

Многочисленные «белые пятна» также являлись следствием общего подхода к описанию истории войны. Нельзя сказать, что события 1945 г. были преданы забвению. Но в наследство от СССР нам досталась странная смесь военно-исторических [6] исследований. С одной стороны, существовала политизированная

историческая литература, замусоренная рассуждениями о роли партии. Авторы таких многотиражных работ часто уходили от истории к вульгарной пропаганде. Своими корнями этот вид исторической литературы уходит в пропагандистские статьи и очерки времен войны, призванные воодушевлять на подвиги и учить на примере героев. В частности, широко известная книга о Берлинской операции «Последний штурм» насыщена примерами подвигов, за которые в ходе этих боев давали звание Героя Советского Союза.

Не следует думать, что у нас был какой-то особый путь. Литература тактического эпизода имеет своих побратимов на Западе. Ее авторами двигало стремление показать войну глазами непосредственных участников событий. Однако такой подход требует репрезентативной выборки участников из самой гущи событий. Без скелета внятного общего описания сражения получается желе. Съезжание на тактические эпизоды бывает занимательно, но часто приводит к потере нити повествования о развитии событий и серьезным ошибкам. Например, в том же «Последнем штурме» совершенно беспомощно описаны резервы, введенные немцами против наступающих на Берлин войск 1-го Белорусского фронта. Эта беспомощность не есть следствие нехватки информации о противнике: вскоре после войны на научной конференции, посвященной битве за Берлин, бывший заместитель командующего фронтом В. Д. Соколовский безошибочно перечислил введенные в бой его оппонентом по ту сторону фронта резервы. Просто мешанина действий мелких подразделений не требует четкого знания группировки противника в динамике. Одним словом, из коротких штанишек описания войны как мозаики тактических эпизодов давно пора вырасти.

С другой стороны, в СССР существовали закрытые грифами «ДСП» и «Секретно» работы, ориентированные на подготовку будущих полководцев в училищах и академиях. Они во многом опережали время и по своей стилистике близки к новейшим исследованиям. Как правило, грифованные [7] работы не были перегружены ролью партии и вполне внятно описывали развитие событий в тех или иных сражениях. Часто даже с нелицеприятными оценками принятых командирами и командующими решений. Этот вид исторических исследований также уходит своими корнями в военное время. Тогда с целью обмена опытом выпускались информационные бюллетени и сборники материалов по изучению опыта войны. Однако преимущественно учебные функции существенно снижали ценность этих

книг как исторических работ. В первую очередь это касается практически полного забвения темы потерь. Данные о понесенных войсками потерях в грифованных работах, как правило, отсутствуют. Между тем понесенные потери являются важным критерием оценки интенсивности боевых действий, умения войск и правильности принятых командованием решений. Помимо освещения вопроса с потерями, необходимо без ханжества описать действия штрафных частей. Умолчание их действий привело к совершенно ненужному ореолу таинственности вокруг действий штрафников.

Конечно, не следует бросаться в другую крайность и превращать исследование операций в смакование цифр потерь. Это не более чем дешевый прием привлечения внимания к себе путем придания исследованию некоторой скандальности. Опять же подсчеты погибших в большей степени требуют познаний в арифметике, нежели аналитического мышления. Еще одним минусом закрытых грифами книг является их устаревание с точки зрения освещения действий противника. Как правило, описание действий немецких войск основывалось на данных советской разведки с ее неизбежными промахами и пропусками.

Также необходимо отметить, что, несмотря на грифы «ДСП» и даже «Секретно», профессиональные советские исследования не были полностью лишены пропусков и умолчаний. В частности, в книге «Берлинская операция» 1950 г. были обойдены вопросы, связанные с изменением планов проведения операции 1-м Украинским фронтом. Исследование документов показывает, что в последний момент, менее [8] чем за двое суток до начала наступления в план были внесены существенные поправки. В первую очередь это касается отказа от ввода танковых армий в чистый прорыв. По первоначальному плану операции предполагалось ввести 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии в прорыв по достижении пехотой общевойсковых армий рубежа реки Шпрее. 14 апреля Конев утвердил решение, по которому танковые армии должны были вступить в бой уже в первый день наступления и идти к Шпрее плечом к плечу со стрелковыми дивизиями. Это была мера, призванная нарастить темпы ведения наступления и в перспективе дать возможность повернуть часть сил на Берлин. Поворот на Берлин не прошел для 1-го Украинского фронта безболезненно: расплатой стала настоящая катастрофа, постигшая наступление на дрезденском направлении.

Наше время, пожалуй, добавило легковесности и публицистичности. Можно было, не утруждая себя глубокими раскопками первичных материалов, выдвигать конспирологические теории и хлесткие определения. Круговерть тактических эпизодов сменилась простыми объяснениями сложных явлений: «Это произошло потому, что войсками командовал человек, порожденный кровавым коммунистическим режимом, боявшийся Сталина и заискивавший перед вождем». Объяснение той же степени убедительности, как «Он принял это решение, чтобы заставить замолчать голоса в своей голове».

Перед добросовестным исследователем истории войны открывается непаханое поле. Требуется перемолотить колоссальный массив документов, воспоминаний и вычленить из них ключи к развитию событий. Поиск простых объяснений и попытка уйти от многопланового повествования к скачкам по тактическим эпизодам это не что иное, как капитуляция перед массивом нуждающейся в обработке информации. Анализировать броуновское (на первый взгляд) движение дивизий и корпусов действительно сложно. Их просто много, и информация об их перемещениях зачастую противоречива. [9] Однако только таким способом можно понять, что произошло.

По горячим следам и на страницах мемуаров появляются преимущественно легенды. Например, в случае с Зееловскими высотами легенда была создана за счет мемуаров В. И. Чуйкова и М. Е. Катукова. Наступавшие на Берлин вне Зееловских высот Н. Э. Берзарин (командующий 5-й ударной армией) и С. И. Богданов (командующий 2-й гв. танковой армией) мемуаров не оставили. Первый погиб в автокатастрофе сразу после войны, второй умер в 1960 году, до периода активного написания мемуаров нашими военачальниками. Соответственно выслушать их мнение возможностей не было.

Несмотря на утрату стратегической инициативы, умирающий Третий рейх продемонстрировал целеустремленное, организованное и осмысленное сопротивление. Тезис о том, что вермахт в 1945 г. был совершенно недееспособен и трудности в проведении операций могли возникать только в случае ошибок командования, совершенно не соответствует действительности. В операциях 1945 г. присутствовала интрига [10] в лице неожиданных поворотов событий, смены планов под нажимом обстоятельств и результативных, пусть даже и самоубийственных, выпадов противника. Такая «изюминка» встречается даже в

мелочах. Например, мало кто знает, что штурма Рейхстага было два: один неудачный, 29 апреля, и ставший впоследствии широко известным 30 апреля.

Битва за Рейх проходила в атмосфере, принципиально отличной от сражений за пределами Германии. Когда речь шла о самом существовании страны, под ружье были поставлены и стар, и млад, а оборонялись они с фанатичным упорством. То же упорство можно наблюдать в проводившихся немецким командованием операциях. Анализируя события 1945 г., я пришел к выводу, что описание битвы за Берлин необходимо начинать с января, т.е. периода, когда были захвачены плацдармы на Одере в 60–70 км от немецкой столицы. В данном случае нельзя не согласиться с Озеровым, начавшим фильм «Битва за Берлин» именно с событий января — февраля 1945 г. Точно так же, как описание битвы за Москву традиционно начинают с операции «Тайфун» октября 1941 г., повествование о битве за Берлин должно начинаться с Висло-Одерской операции.

Интрига закладывалась именно в конце января и начале февраля 1945 г. После катастрофы групп армий «А» и «Центр» под ударами Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций немецкое командование сумело собраться с силами и навязать войскам трех фронтов на берлинском направлении напряженное сражение на флангах. Только сокрушив в двухмесячных тяжелых боях группировки противника в Восточной Померании и Силезии, советское командование получило возможности провести штурм собственно Берлина. Расплатой за время стала передышка для подготовки противником развитой системы обороны на берлинском направлении. Постоянные напряженные бои февраля — марта 1945 г. привели к вступлению советских войск в бой за немецкую столицу в далекой от штатной комплектности техники танковых корпусов и армий. Кроме того, существенно снизилась средняя численность стрелковых соединений трех фронтов на берлинском направлении. Ослабленным [11] соединениям пришлось участвовать в сражении за гигантскую крепость, построенную вокруг Берлина.

Одну из главных своих задач я вижу в том, чтобы дать картину боев 1945 г. на современном уровне исследования: тактику, технику, организацию войск сторон. Одним из интересных аспектов изучения истории сражений 1945 г. является их сравнение с 1941 г. Перед немецкими войсками стояли в Померании, Силезии и под Берлином примерно те же задачи, что и перед Красной армией в Белоруссии и на Украине в первые месяцы войны. Немецкие войска были вынуждены ликвидировать

плацдармы, наносить контрудары и пробиваться из окружений. При этом командиры вермахта и войск СС имели за плечами большой опыт военных действий. Избранная ими тактика и стратегия во многом опирались именно на этот опыт. Сравнение позволяет хотя бы в общих чертах оценивать оптимальность решений куда менее опытных военачальников РККА 1941 г. [12]

Пролог.

Висло-Одерская операция

Через неделю после начавшегося 14–15 января 1945 г. советского наступления в немецком фронте на востоке зияла 500-км брешь, в которую без видимого эффекта, как уголь в топку паровоза, бросали резервы. Для парирования угрозы выхода в тыл войскам на нижнем течении Вислы было решено создать новую группу армий в районе между бывшей группой армий «А», которая с 25 января стала называться «Центром», и бывшей группой армий «Центр», которая называлась теперь «Севером». Для этого было использовано уже существовавшее управление главнокомандования «Верхний [13] Рейн», сформированное на западе 7 декабря 1944 г. рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. 26 января оно было переименовано в командование группы армий «Висла» (Heeresgruppe Weichsel).

Такой выбор командующего объединением на ключевом направлении вызвал резкие разногласия в высшем руководстве германских Вооруженных сил. Историю этого конфликта в красках описывает Г. Гудериан, который в тот период занимал пост начальника Генерального штаба: «Я предложил ему (Гитлеру. — *А. И.)* выбрать один из штабов групп армий, находившихся на Балканах, а именно — штаб фельдмаршала барона фон Вейхса. Я хорошо знал генерала фон Вейхса и особенно высоко ценил его характер и военные способности. Он был умным, честным и храбрым солдатом, т.е. по своим данным больше других был способен спасти тяжелое положение, если это еще было вообще возможно. Йодль обещал поддержать меня во время доклада Гитлеру. Казалось, что мне удастся осуществить свой план. Когда же 24 января я внес на рассмотрение Гитлера свое предложение, последний ответил: «Фельдмаршал фон Вейхс производит на меня впечатление усталого человека. Я не верю, что он может справиться с этой задачей». Упорно защищая свое предложение, я сказал, что Йодль тоже придерживается моего мнения. Но тут меня постигло большое разочарование, так как Йодль, к сожалению,

неудачно упомянул о глубокой религиозности фельдмаршала, а это явилось причиной того, что Гитлер бесцеремонно отклонил мое предложение и вместо Вейхса назначил Гиммлера. Эта явная ошибка фюрера привела меня в ужас»{1}. Вместе с тем, другие немецкие военачальники отмечали положительные качества Гиммлера. Например генерал-лейтенант Зигмунд фон Шпайниц, командир 402-й запасной дивизии, на допросе в советском плену высказался следующим образом: «Командующий группой армий Гиммлер — вне всякого сомнения человек большой [14] энергии, исключительной работоспособности и ясного взгляда, но не военный и военного образования не имеет»{2}.

Одним из первых шагов Гиммлера на посту командующего группой армий «Висла» стало назначение нового коменданта Познани. 1 февраля 1945 г. вместо генерала Маттерна был назначен полковник Эрнст Гонелл, командир офицерской школы в Познани. Маттерн и Гонелл были примерно равны по опыту службы, первый командовал полком, а второй батальоном и полком на Восточном фронте в 1941 г., далее оба занимались преподаванием в различных военных учебных заведениях. Существенно отличал их только возраст — Гонелл был на 12 лет моложе Маттерна. 42-летний полковник был спешно произведен в генерал-майоры и командовал обороной крепости до самого конца, в день падения Познани 23 февраля покончив жизнь самоубийством. За свой краткий звездный час Гонелл успел получить Немецкий крест в золоте в январе и Рыцарский крест в феврале 1945 г. Оставленный командовать одним из участков обороны Познани, Маттерн 22 февраля 1945 г. добровольно сдался в плен.

Выдвигавшийся Гудерианом на пост командующего новой группой армий Максимилиан фон Вейхс с 1943 г. до описываемых событий командовал группой армий «Ф» на Балканах. Он был сослан руководить группой армий «Ф» после сомнительных успехов в командовании группой армий «Б» во второй половине 1942 г. и начале 1943 г. Управление группы армий «Ф» Гудериан рекомендовал для использования в качестве штаба группы армий «Висла». Вместе с тем следует отметить, что следы группы армий «Ф» прослеживаются в группе армий «Висла» — одним из корпусных штабов стало управление V горного корпуса СС, выведенное с Балкан. Одновременно Гудериан добился того, чтобы в помощь Гиммлеру был направлен опытный штабист — генерал Вальтер Венк, занимавший в то время

должность начальника оперативного отдела Верховного командования сухопутных войск. [15]

Штурм «Восточного вала». Пока Гитлер занимался переименованием групп армий и перестановками в высших эшелонах командования, 26 января войска 1-го Белорусского фронта пересекли старую германо-польскую границу. Укрепления на польской границе, строившиеся в 1930-х под названием «пояс Варты — Одера» и более известные как «Восточный вал» никогда не были приоритетным направлением немецкого оборонительного строительства. В сущности это был такой же «бумажный тигр» как и «линия Сталина». Немецкое командование никогда не заблуждалось относительно возможностей польской армии и больше внимания уделяло «Западному валу» на французской границе. В частности, на поясе Варты — Одера даже не планировалась постройка крупных сооружений типа «А» (с толщиной стен 3,5 метра бетона, способных выдерживать 520-мм снаряды и 1000-кг бомбы), сравнимых с «оврагами» линии Мажино. Здесь предполагалась только постройка сооружений типа «Б» (2,5 м бетона, способных выдержать 220-мм снаряды и 500-кг авиабомбы), а также легких укреплений типа «Ц» и «Д» (с противоосколочной защитой). В большей степени пояс Варты — Одера [16] был полигоном для испытания новинок техники фортификации, например, ДОТов с 50-мм автоматическими гранатометами и огнеметами. Существенно снижены были возможности «Восточного вала» изъятием части вооружения на Атлантический вал.

Основной единицей укреплений был бронированный ДОТ (нем. Panzerwerke) — двухуровневое сооружение круговой обороны с пулеметными установками. Слово «бронированный» в названии, с одной стороны, носило пропагандистский характер, с другой — отражало увлечение немцев броневыми элементами в конструкции ДОТов. Визитной карточкой немецкой фортификации были броневые колпаки с амбразурами по периметру, внутри которых по направляющим от амбразуры к амбразуре двигалась установка пулемета МГ-34. Толстые броневые плиты также закрывали амбразуры пулеметных казематов. Еще одной особенностью фортификации на восточной границе Германии была система тоннелей, связывавшая узлы обороны пояса Варты — Одера. По плану по этим тоннелям должен был двигаться поезд на электрической тяге. Точно так же, как союзникам на «Западном [17] валу» советским войскам пришлось столкнуться с «зубами дракона» — бетонными пирамидальными надолбами.

Встречающийся в отечественной литературе термин «Мезерицкий УР» является проекцией на противника собственной военной терминологии. В действительности у немцев никакого аналога этому наименованию не было. Пояс Варты — Одера разделялся на северный, центральный и южный сектора обороны, а их «Панцерверки» объединялись в группы, названные по именам военачальников: «Людендорф», «Роон», «Шарнхорст» и т.п. Всего в поясе Варта — Одер были построены 83 бронированных ДОТа, 41 из которых были сконцентрированы в центральном секторе обороны.

Будучи уже в статусе командующего группы армий «Висла» Г. Гиммлер для обороны довоенной границы Рейха приказал выдвинуть в район Мезерица управление V горного корпуса СС, в подчинении которого находились 433-я и 463-я резервные пехотные дивизии. Сегодня нам довольно точно известен состав, по крайней мере, первой из них из показаний попавшего в плен командира дивизии Фольрата фон Люббе. 433-я резервная пехотная дивизия была учебным и [18] запасным соединением двухполкового состава с тремя батареями артиллерии. 18 января она получила приказ выступить из места постоянной дислокации и занять оборону на фронте 60 км на германской границе 1939 г. Дивизия заняла фронт поперек долины р. Варта, от Бризена на р. Нетце до Тирштигеля на р. Обра. Люббе разбил два исходных полка на три полка двухбатальонного состава. Артиллерия была представлена тремя батареями: одна из трех трофейных советских 152-мм гаубиц, вторая — трех 105-мм leFH, третья — три 75-мм пушки. Противотанковый дивизион составляли шесть 88-мм противотанковых пушек (вероятно Pak-43. — *А. И.)* и «Офенроры». Минометов и пулеметов не хватало, зато в избытке было «Офенроров» и фаустпатронов. Численность соединения составляла около 4 тыс. человек. Соединению остро недоставало автотранспорта. Большинство солдат состояло из ограниченно годных людей старшего возраста. По показаниям, данным в плену командиром батальона дивизии капитаном Дайнером Ахелом, в его батальоне было 600 человек в возрасте от 17 до 48 лет, большинство было старше 35 лет. Батальон капитана Ахела оборонялся на фронте 8 км. Командование пообещало Люббе фольксштурмистов, но они так и не прибыли. Дивизия заняла укрепления, построенные осенью 1944 г. Фактически соединение Люббе должно было обороной на границе 1939 г. прикрыть развертывание резервов на укрепления пояса Варты — Одера.

Стремясь упредить занятие и удержание укрепленных районов на старой границе Рейха, командующий 1-го Белорусского фронта поручил их прорыв с ходу 1-й и 2-й гвардейской танковым армиям. Конечно, советские танковые армии не обладали необходимой для взлома укреплений тяжелой артиллерией. Для танков, даже тяжелых ИСов, бронированные колпаки «Панцерверке» были крепким орешком, сравнимым по бронезащите с «Элефантом». В сущности, танкисты могли рассчитывать на момент внезапности и штурмовые действия мотострелков. Соответственно 1-я гв. танковая армия должна была 28 января овладеть основными опорными пунктами укреплений противника в районе Мезерица, а 2-я гв. танковая армия — прорвать укрепления в [20] Померании с захватом не позднее 29–30 января плацдарма на Одере. Для содействия танковым армиям командующим общевойсковыми армиями было приказано выделить для наступления вслед за ними по одному стрелковому корпусу. Одновременно общевойсковые армии вели наступление в своих полосах.

В период с 29 по 31 января войска 1-го Белорусского фронта преодолевали сопротивление противника в приграничных районах Германии. Столкновение с резервами немцев потребовало разворачивания в боевые порядки. На 433-ю пехотную дивизию Люббе обрушились сразу несколько ударов. Левый фланг дивизии был 27 января обойден передовым отрядом 5-й ударной армии в районе Лукац Крейц на р. Драге. Против правого фланга началось наступление 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии. Корпус в 9.00 29 января пересек государственную границу Германии. Натиск 35-й гв. стрелковой дивизии частям Люббе удалось сдержать. Но в течение 29 и 30 января корпус прорвал оборону силами 47-й и 57-й гв. стрелковых дивизий, обошел правый фланг 433-й пехотной дивизии и вышел к Шверину. Приказ Люббе на отход на западный берег реки Обра просто запоздал: 433-я пехотная дивизия была атакована двумя полками 47-й гв. стрелковой дивизии во фланг. Тем временем 57-я гв. стрелковая дивизия форсировала р. Обру и стала развивать наступление в глубину. Кроме того, 416-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии ударом через Ландсберг 1 февраля перехватила идущее к Кюстрину шоссе, и пути отхода частей Люббе были окончательно отрезаны. Посланные за боеприпасами автомашины не вернулись. Остатки дивизии пробивались в юго-западном направлении. Сам генерал Люббе был ранен, попал в плен и до 1955 г. находился в заключении в СССР.

Запланированного прикрытия развертывания резервов на укрепления пояса Варты — Одера дивизиями на старой границе с Польшей не состоялось. Советские войска устремились к фрагментарно занятым позициям. В некоторые укрепления успели посадить фольксштурмистов. Довольно [21] подробно происходившее описал на допросе в советском плену обер-лейтенант Герман Штеп (1885 г. рождения), командир роты в 128-м батальоне фольксштурма. Он был захвачен в плен 31 января 1945 г. в районе Блезена, к северу от Мезерица. Состояние укреплений Штеп описал так: «ДОТ, в котором мы находились, был построен в 1936 году и представлял собой двухэтажное цементное сооружение. В нем свободно размещалась рота (численностью 50 человек. — *А. И.)* со всеми пулеметами. Однако ДОТ имел существенные недостатки: вентиляция была не в порядке, и атмосфера поэтому была плохая. Кроме того, в ДОТе господствовала сырость: со стен стекала вода. Состояние ДОТа сильно расстраивало солдат и офицеров роты»{3}. Из тяжелого оружия в роте Штепа было только 8 пулеметов, минометы отсутствовали. Отсутствие полноценного противотанкового оружия обусловило неудачу обороны роты. Слово обер-лейтенанту Штепу: «31 января днем к нашему ДОТу подошли русские танки. Они были на расстоянии 100–150 метров. Их было 6 штук. Кроме того, было много самоходных и противотанковых пушек. Что мог я сделать против них своим оружием? [...] Увидев в бинокль танки, я сказал, что если мы не станем стрелять, то и русские так же поступят. Так оно и получилось. В роте был один, который немного знал русский язык. Мы выставили белый флаг, а затем вышли наружу. Переводчик крикнул русским, что мы хотим сдаться в плен»{4}.

Несколько менее гладко преодоление приграничных укреплений прошло на направлении наступления танковой армии М. Е. Катукова. 28 января 1945 г. передовые части 1-й гв. танковой армии вышли к пограничной реке Обра южнее Ной-Тиршкигеля и к утру 29 января прошли ее. 44-я гв. танковая бригада И. И. Гусаковского из состава 11-го гв. танкового корпуса к 20.00.29 января вышла к окраине Хохвальде (к юго-западу от Мезерица). Здесь она встретила незанятые укрепления, прикрытые минными полями, проволочными [22] заграждениями и надолбами в 5–7 рядов. Бригада продолжила наступление и к 3.00 31 января с боем овладела районом Тауэрциг, Мальсов, на 50 км оторвавшись от главных сил армии. Однако к моменту выхода главных сил 11-го гв. танкового корпуса к укреплениям к западу от Мезерица они были уже заняты противником.

Попытки взломать оборону ограниченными артиллерийскими средствами танковой армии 30 и 31 января успеха не имели. В отличие от вышеописанных фольксштурмистов защитники укреплений у Мезерица предоставили танкам возможность проверить прочность защиты ДОТов. Как отмечалось позднее в отчете штаба 1-й гв. танковой армии, «ДОТы 85-мм снарядом танковой пушки на дистанции 100 м не пробивались»{5}. Более удачливым оказался 8-й гв. механизированный корпус И. Ф. Дремова. Подразделения корпуса 30 января обошли с севера узел сопротивления противника в Швибусе и успешно продвинулись на запад. В ночь на 1 февраля на маршрут 8-го гв. механизированного корпуса был выведен 11-й гв. танковый корпус, и армия М. Е. Катукова начала наступление к Одеру.

В районе к юго-западу Мезерица также действовал 11-й танковый корпус И. И. Ющука, являвшийся подвижной группой 69-й армии. Корпус вышел к немецким укреплениям в районе города Бомст 27 января и преодолел их 29 января. Далее 11-й танковый корпус в течение нескольких дней вел позиционные бои под Кунерсдорфом.

Наступавшая севернее рек Нетце и Варта 2-я гв. танковая армия оказалась по отношению к немецким укреплениям на границе с Польшей в весьма своеобразном положении. Здесь граница 1939 г. делала изгиб, а выстроенные фронтом на юг опорные пункты «Померанского вала» находились на некотором расстоянии от нее. Соответственно наступавшие на запад соединения танковой армии С. И. Богданова прошли в полосе между границей и цепочкой «Панцерверке». 1-й механизированный корпус С. М. Кривошеева пересек границу с Германией в районе к западу от Чарникау и далее двигался [23] почти параллельно границе на запад. В середине дня 28 января 37-я механизированная бригада вышла на «Рейхсштрассе № 1» в районе Хохцайта. Благодаря смелым и решительным действиям танкистам удалось захватить подготовленную к взрыву переправу через р. Драгу. Однако по автобану части корпуса С. М. Кривошеева двигались меньше 10 км: город Вольденберг оказался занят противником, а переправы на подступах к городу взорваны. Вольденберг был обойден с севера, и 1-й механизированный корпус по лесным дорогам продолжил наступление к Одеру.

В тот же коридор между границей и «Померанским валом» удалось протиснуться 9-му гв. танковому корпусу 2-й гв. танковой армии. После переправы через р. Нетце у Чарникау корпус сначала начал наступление на север к Шеланке. Встретив

сопротивление в городе, командир корпуса направил остальные бригады в обход и атаковал его с тыла. К 16.00 28 января Шеланке был очищен. Двумя днями ранее, 26 января 1945 г., на рыночной площади Шлоппе выступил перед гражданами гауляйтер Померании Франц Шведе-Кобург и заявил, что никакой опасности нет. Советские танки, в последние дни появившиеся в округе, это одиночки, а никакие [24] не авангарды армий, сказал он. Опровергая его слова, вечером 28 января танки, САУ и автомашины 9-го гв. танкового корпуса вынырнули из лесов, пересекли «Рейхсштрассе № 1» южнее Шлоппе и снова углубились в леса. Справедливости ради нужно сказать, что сразу въехать на еще не остывшую от речей гауляйтера площадь Шлоппе тогда возможности не было: на подступах к городу заняла позиции 402-я учебная пехотная дивизия. По лесным дорогам части 9-го гв. танкового корпуса к 4.00 30 января вышли в район западнее Берлингхена. Здесь они остановились в ожидании горючего и продолжили наступление к Одеру передовыми отрядами.

Однако на третий корпус 2-й гв. танковой армии предполья перед «Померанским валом» уже не хватило. Первой задачей 12-го гв. танкового корпуса на территории Германии стал захват Шнейдемюля — узла шоссейных и железных дорог невдалеке от границы 1939 г. Взять город с ходу не удалось, и он был обойден с севера и юга. После этого 12-му гв. танковому корпусу была поставлена задача активного прикрытия фланга армии. С. И. Богданов в своем частном боевом приказе от 29 января предписывал корпусу захватить Дойч-Кроне, Меркиш-Фридлянд и Тютц. Через Дойч-Кроне почти параллельно «Рейхсштрассе № 1» проходили укрепления постройки 1930-х годов. Столкнувшись с организованным сопротивлением противника, 12-й гв. танковый корпус втянулся в бои фронтом на север, не принесшие крупных успехов. Ни один из перечисленных городов Померании захвачен не был. Хотя «Панцерверке» на старой границе не задержали прорыв большей части 2-й гв. танковой армии на запад, но стоили тяжелых потерь 12-му гв. танковому корпусу. 49-я гв. танковая бригада корпуса была даже выведена из боя вследствие потери значительной части танкового парка. На 9 февраля в бригаде числился всего один боеготовый танк Т-34, 3 танка были в среднем ремонте и 26 танков — в капитальном ремонте.

Одновременно с продвижением к Одеру Г. К. Жуков был вынужден озаботиться прикрытием правого фланга своего фронта за спиной вырвавшихся вперед

танковых армий. В связи с тем, что главные силы 2-го Белорусского фронта [25] были повернуты против окруженной восточнопрусской группировки противника, а войска левого крыла задерживались на р. Висла в районе Торн, разрыв между смежными крыльями 1-го и 2-го Белорусских фронтов 24–25 января достигал 110–120 км. Оценивая обстановку, сложившуюся на правом крыле фронта, командующий фронтом решил обеспечить это крыло войсками 47-й и 61-й армий и соединениями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Помимо разрыва с войсками 2-го Белорусского фронта проблемой стало усиление противника в Померании, нависавшей над правым флангом войск Жукова. Перед лицом возрастающей угрозы своему правому флангу Г. К. Жуков был вынужден задействовать для прикрытия с севера дополнительно 1-ю армию Войска Польского и 3-ю ударную армию (второй эшелон фронта). Хотя 2-й Белорусский фронт решил задачу отсечения восточнопрусской группировки противника от основных сил немецкой армии, сдвиг фронта на запад в его полосе был незначительный. Войска К. К. Рокоссовского 25 января вышли к заливу Фриш-Гаф и вбили достаточно узкий клин, разделяющий восточнопрусскую и восточнопомеранскую группировки противника. Отброшенные на запад немецкие корпуса выстроились в линию вдоль нижнего течения Вислы, препятствуя быстрому продвижению советских войск в Померанию. В отличие от рухнувшего фронта на берлинском направлении, здесь противник быстро восстановил целостность построения своих войск.

Конев наступает к Одеру. Стартовав с относительно ограниченного в размерах плацдарма, войска 1-го Украинского фронта после прорыва обороны противника начали расходиться веером, расширяя наступление до всей полосы фронта. В продвижении 1-го Украинского фронта вперед выделились два основных направления — на Бреслау и на Силезский промышленный район. Поначалу «перепонку» между этими направлениями образовывали за счет ввода в бой армий, находившихся во втором эшелоне. В ходе наступления на Краков в промежуток между 5-й гвардейской и 60-й армиями была введена 59-я армия. 19 января, еще в ходе боев за Краков, в сражение для овладения Силезским промышленным [26] районом была введена 21-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Кроме того, из 5-й гв. армии в 21-ю армию передавался 31-й танковый корпус. 21-я армия перешла в наступление в направлении на Тарновиц. В дальнейшем армия должна была развивать успех, обходя группировку противника в Силезии с северо-запада.

Центр тяжести наступления 1-го Украинского фронта все сильнее смещался в сторону левого фланга.

Однако в этот период немцы начали обычные для операции по восстановлению рухнувшего фронта переброски войск с других участков. Ближе всего к Силезии была Венгрия. Оттуда были сняты 20-я и 8-я танковые дивизии, направленные в Верхнюю Силезию. 20-я танковая дивизия на 15 января 1945 г. насчитывала 78 танков, из них боеготовыми 4 Flakpanzer.IV, 25 Pz.IV, 22 Pz.V «Пантера» и 5 командирских танков. 8-я танковая дивизия на ту же дату насчитывала 91 танк, из которых боеготовыми числились 1 Pz.II, 3 Pz.IV, 8 Pz.V «Пантера» и два командирских. С Западного фронта (с Нижнего Мааса) была направлена 712-я пехотная дивизия. Из 19-й армии на Западе в Эльс (на восточные подступы к Бреслау) перевозилась 269-я пехотная дивизия. Туда же перебрасывался 405-й народно-артиллерийский корпус, недавно участвовавший в составе 6-й танковой армии в арденнском наступлении. Кроме того, немецкие войска усиливались за счет просачивания отдельных групп из состава соединений, оборонявшихся на Висле. В частности, к своим пробились остатки группы генерала Неринга, командовавшего XXIV танковым корпусом. Переброшенный из Восточной [27] Пруссии корпус «Великая Германия» генерала Заукена не успел в Кельце, выгружался в районе Лодзи и далее откатывался на запад. Но он был использован для деблокирования остатков XXIV танкового корпуса, и в конце января корпуса Заукена и Неринга действовали совместно.

Интересно отметить, что Вальтер Неринг по итогам боев был 22 января 1945 г. награжден мечами к Рыцарскому кресту, несмотря на общую неудачу боевых действий вверенных ему войск. В германской армии имела место нехарактерная для Красной армии практика награждения военачальников, не добившихся однозначно положительных результатов, но по крайней мере продемонстрировавших профессионализм и личное мужество. Аналогичный Нерингу пример дает Герман Хон, командовавший в январе 1945 г. так называемой «боевой группой Хона» на периметре сандомирского плацдарма. Ему также удалось пробиться из окружения, и 30 января 1945 г. он был повышен в звании до генерал-лейтенанта.

Поворот армий южного крыла 1-го Украинского фронта на Краков привел к растягиванию фланга и замедлению наступления 5-й гвардейской армии. Ее фронт растянулся более чем на 70 км. Правофланговые соединения армии, используя

успех 52-й армии, вышли в район Лансберга, а левофланговые части вели бои в 20 км юго-западнее Ченстохова. Медленное продвижение армии А. С. Жадова на запад позволяло противнику отвести войска за Одер и организовать оборону на левом берегу реки. В этих условиях Конев был вынужден 21 января развернуть наступавшую на запад 3-ю гв. танковую армию на юг. Ей была поставлена задача: ударом вдоль восточного берега Одера отрезать пути отхода войскам противника, действовавшим перед фронтом 5-й гв. армии. Поворот был выполнен практически безукоризненно, что позволило соединениям армии Рыбалко к концу дня 22 января выйти в район Клостербрюкк (5 км севернее Оппельна). 23 января увеличившей темп своего продвижения 5-й гв. армией были захвачены плацдармы на Одере. Продвижение войск 1-го Украинского фронта на запад в направлении Одера позволило глубоко обойти группировку противника в Силезском промышленном районе. К 23 февраля правофланговые [28] соединения 21-й армии вышли на р. Одер южнее Оппельна, а левофланговые части овладели г. Тарновиц.

Однако выход 3-й гв. танковой армии из полосы наступления 52-й армии существенно осложнил борьбу за Бреслау. Все попытки с ходу прорвать внешний оборонительный обвод города закончились неудачей. Встретив сильное сопротивление немцев на бреславльском обводе, советские войска начали обтекать город с севера и юга. 28 января правофланговые соединения армии вышли на Одер северо-западнее Бреслау. Несколько успешнее развертывалось наступление на левом фланге армии. Пройдя за 23 января до 20 км, 78-й стрелковый корпус к исходу дня вышел к Одеру. На другой день его передовые части начали форсирование реки и овладели на западном берегу Одера двумя небольшими плацдармами с деревнями Трешен и Юнгфернзее.

От штурма Бреслау командующий 1-го Украинского фронта на тот момент отказался. В 3.00 утра 25 января И. С. Конев приказал командующему 52-й армией главные усилия сосредоточить на своем левом фланге, форсировать Одер и захватить плацдарм до рубежа Ольдерн, Вангерн. По укреплениям Бреслау было приказано вести методический огонь тяжелой артиллерией. Одновременно в сражении начали все активнее участвовать перебрасываемые с других направлений резервы. 23 января 73-й стрелковый корпус 52-й армии, наступавший на город Эльс, отбил шесть контратак частей 269-й пехотной дивизии. Напряженные бои продолжались здесь весь день 24 января, и только 25 января город перешел под контроль

советских войск. В боях за город немцы потеряли большое число солдат и офицеров, было уничтожено 32 танка, а на аэродроме около города захвачено до 150 самолетов.

Наступавшие справа от 52-й армии 4-я танковая и 13-я армии в конце января еще сохраняли темпы своего продвижения. Передовые части 4-й танковой армии, не ввязываясь в бои с противником, быстро вырвались вперед и 22 января вышли к Одеру. Попытки частей танковой армии Д. Д. Лелюшенко с ходу форсировать реку проходили с переменным успехом. Передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса [29] 62-я гвардейская танковая бригада полковника С. А. Денисова — утром 24 января вышла к Одеру в районе Штейнау. Мост удалось захватить внезапной атакой. Восемь танков с десантом автоматчиков на большой скорости проскочили по мосту и ворвались в Штейнау. Однако мост не был взят под надежную охрану, а саперы не успели полностью его разминировать. В результате немцы прорвались к мосту и взорвали один из пролетов. Танковый отряд, отрезанный от главных сил бригады, несколько часов вел неравный бой в Штейнау, но шансов выжить у него уже не было.

Успех войсками 4-й танковой армии был достигнут за счет смены направления удара. К Одеру 6-й гв. механизированный корпус первоначально шел в затылок 10-му гв. танковому корпусу. Второй вышел к Штейнау, а 6-й гв. механизированный корпус повернул на север. 25 января его 17-я гвардейская механизированная бригада форсировала Одер и захватила плацдарм в районе Кёбена, севернее Штейнау. Здесь плацдарм был захвачен пехотой на лодках. Затем на паромах на западный берег были переправлены танки. Аналогичный прием был использован 10-м корпусом. 26 января 29-я гвардейская Унечская мотострелковая бригада на подручных средствах под огнем переправилась через Одер южнее Штейнау. Тем временем 62-я танковая бригада была переброшена на плацдарм у Кёбена и начала наступление на Штейнау. Замешкавшуюся с образованием плацдармов 4-ю танковую армию догнала пехота 13-й армии, сразу существенно изменившая баланс сил. К исходу дня 26 января главные силы армии Пухова вышли на восточный берег Одера, а передовые части армии уже вели бой на западном берегу реки. Соответственно 27-й стрелковый корпус 13-й армии захватил плацдарм южнее Штейнау, а 102-й стрелковый корпус захватил и удерживал плацдарм севернее Штейнау. Для того чтобы прочно закрепить и расширить захваченные плацдармы,

28 января командующий 13-й армией ввел в бой 24-й корпус, находившийся до этого во втором эшелоне. Корпус получил задачу выбить немцев из Штейнау. После трех дней напряженных боев в этом районе город перешел в [30] руки советских войск, К началу февраля плацдарм был расширен до 30 км по фронту и до 15 км в глубину.

Захватом плацдармов танкисты Лелюшенко и пехотинцы Пухова разворошили осиное гнездо. Особенность пролегания русла Одера привела к тому, что в полосе 1-го Украинского фронта советские войска захватили плацдармы уже в двадцатых числах января — река здесь протекала восточнее. Однако это был своего рода психологический барьер, и захват плацдармов на Одере вызвал сильное беспокойство немецкого командования. В журнале боевых действий Верховного командования вермахта 28 января отмечалось: «Из плацдармов, образованных противником по Одеру, самым опасным является плацдарм в районе Штейнау и Кёбена». Обоснованно предполагалось, что плацдарм может стать трамплином для броска на Берлин: «Противник, очевидно, намеревается, нанеся удар, овладеть Глогау и выйти затем в район Берлина». Реакцией немецкого командования на эту угрозу стали контрудары по правому флангу 1-го Украинского фронта.

Действовавшая на правом фланге 1-го Украинского фронта 3-я гвардейская армия оказалась в весьма своеобразном положении. С одной стороны, примыкавший с севера стык с успешно наступавшим 1-м Белорусским фронтом обеспечивал армию с фланга. С другой стороны, в полосу армии попадали немецкие части, уходившие на юго-запад под ударами войск Г. К. Жукова. Обстановка складывалась так, что наступавшие части Красной армии и отступавшие немецкие подразделения двигались на запад по параллельным маршрутам. Немцы при этом старались избегать крупных магистралей. Полоса на стыке 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов стала основным маршрутом прорыва на запад для разбитых на Висле дивизий. Часто отступавшие немецкие боевые группы попадали под удары советских дивизий и уничтожались. Так 20 января войсками 3-й гвардейской армии была окружена группировка численностью до 17 тыс. человек в районе Опочно.

Однако выжившие счастливчики постепенно накапливались перед фронтом наступавших войск И. С. Конева, [31] стремясь восстановить целостность построения группы армий «Центр». К 26 января перед фронтом 3-й гвардейской армии действовали боевые группы, созданные из остатков 6, 214-й пехотных

дивизий, отрядов фольксштурма, частей и подразделений 16, 17, 19, 25-й танковых дивизий, 10-й, 20-й танко-гренадерских дивизий и дивизии «Бранденбург», остатков XXXXII армейского корпуса (32, 88, 291, 342-я пехотные дивизии), частей 168-й пехотной и 603-й дивизии особого назначения и ряда других специальных частей и подразделений. Как мы видим, перед фронтом 3-й гв. армии собрались остатки защитников вислинских плацдармов: магнушевского, пулавского и сандомирского, а также XXXX и XXIV танковых корпусов из оперативного резерва группы армий «А» и корпуса «Великая Германия».

К исходу 28 января левофланговый 76-й стрелковый корпус 3-й гв. армии вышел на Одер и двумя полками 389-й стрелковой дивизии на подручных средствах форсировал реку. На западном берегу советским частям удалось вклиниться в оборону противника на глубину до 5 км. 29 января, т.е. на другой день после форсирования Одера передовыми частями, на западный берег реки переправились уже две стрелковые дивизии 76-го корпуса.

Для ликвидации угрозы было решено использовать накапливавшуюся на восточном берегу Одера группировку из отошедших с Вислы боевых групп и отдельных частей 4-й танковой и 9-й армий. К 29 января они сосредоточились в районе к западу от Лиссы. Немцы создали перед фронтом 3-й гвардейской армии две сильные группировки: одну в районе Лиссы, другую в районе Гюрау. Первая из них, в составе LVI танкового корпуса, разрозненных частей 10-й и 17-й зенитных дивизий XXXXII армейского корпуса (остатки 88, 291 и 342-й пехотных дивизий), штурмового полка 4-й танковой армии, 201-й бригады штурмовых орудий, имела задачей удержать за собой Лиссу, чтобы обеспечить отход за р. Одер остаткам различных соединений немецких армий и, таким образом, выиграть время для занятия ими прочной обороны на западном берегу реки.

Вторую группировку общей численностью 10–12 тыс. [32] человек (так называемая группа фон Заукена) составляли 1-я парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг», танко-гренадерская дивизия «Бранденбург», две пехотные дивизии, части фольксштурма и артиллерии. Она сосредоточилась в районе Гюрау и готовилась нанести удар на юг — в направлении Гросс-Остен, Любхен с целью отрезать части советского 76-го корпуса, действовавшие на захваченном ими плацдарме. Немцами было спланировано наступление, схожее с контрударом Манштейна под Харьковом в феврале 1943 г. Тогда силами прибывшего на Восточный фронт II танкового

корпуса СС был нанесен удар во фланг 6-й армии Юго-Западного фронта. Однако, в отличие от харьковских боев, сражение у Лиссы развивалось не в пользу немецких войск.

Напряженные бои на всем фронте 3-й гв. армии шли с 29 января по 1 февраля. Группа фон Заукена, перешедшая с утра 29 января в наступление в южном направлении, потеснила 120-й корпус и частью сил прорвалась в район Гюрау. Одновременно до пехотного полка с 30 танками вышли в район Гросс-Остен, угрожая отрезать от главных сил части 76-го корпуса, занимавшие плацдарм. Обстановка стала угрожающей. Чтобы сохранить плацдарм за Одером и обеспечить действия 76-го корпуса, командующий 3-й гв. армией направил на помощь ему 21-й стрелковый корпус, находившийся во втором эшелоне армии, который в результате напряженного боя выбил противника из Гюрау и продвинулся в сторону Гросс-Остен.

30 января на правом фланге армии 120-й корпус разгромил лисскую группировку немцев, овладел г. Лисса и, продолжая наступление в западном направлении, вышел к г. Фрауштадт. Соответственно 21-й корпус во взаимодействии с частями 76-го корпуса полностью ликвидировал группировку противника, вышедшую на коммуникации последнего в район Гросс-Остен, и тем самым восстановил положение на этом участке. За три дня боев, с 29 по 31 января, в районе Лиссы и Гюрау было захвачено в плен более 2800 человек, сожжено и подбито 40 танков и самоходных установок, 73 бронетранспортера, 87 орудий. В ЖБД ОКВ 1 февраля 1945 г. отмечалось: «Группа Заукена дальше не продвинулась; [33] намечается переправить ее главные силы на другой берег и затем нанести удар к западу от Одера»{6}.

Силезский промышленный район. Тем временем танковая армия Рыбалко уходила все дальше на юг. В своей директиве от 24 января № 0066 И. С. Конев поставил перед 3-й гв. танковой армией задачу: главными силами наступать в направлении Гросс-Стрелиц, Николаи и совместно с 21, 59 и 60-й армиями овладеть Силезским промышленным районом. По решению командующего 3-й гвардейской танковой армии, в первом эшелоне должен был наступать 7-й гв. танковый корпус. В своем наступлении корпус должен был к исходу 24 января полностью пересечь с севера на юг полосу 59-й армии, а передовым отрядом даже выйти в полосу 60-й армии. Левее 7-го гв. танкового корпуса должен был наступать 9-й гв.

механизированный корпус. 6-му гв. танковому корпусу было приказано двигаться за 9-м гв. механизированным корпусом во втором эшелоне армии. Параллельно 3-й танковой армии на юг наступал 31-й танковый корпус. Этим маневром сразу нескольких механизированных соединений отсекались коммуникации и пути отхода на запад для группировки противника в Силезском промышленном районе.

7-й гв. танковый корпус после короткого боя за переправы через р. Клодница втянулся в лесной массив западнее Глейвиц. Продвижение было медленным. Противник, используя лесные заграждения, огнем артиллерии и минометов сильно затруднял движение корпуса. Шоссе и просеки были под обстрелом его артиллерии и пулеметов, обходы вследствие бездорожья зачастую отсутствовали; сплошной лесной массив стеснял развертывание сил корпуса. Преодоление 30-километрового лесного массива с боем потребовало двух суток, и корпус лишь 26 января выполнил поставленную задачу и пересек полосу 59-й армии с севера на юг.

Двигавшийся параллельно 9-й гв. механизированный корпус, преодолевая сопротивление врага, к исходу 24 января совместно с 31-м танковым корпусом овладел г. Глейвиц и продолжал наступление на юг. С востока навстречу им двигались [34] части 59-й армии, лидировавшиеся 4-м гв. танковым корпусом. Навстречу советским частям в районе Глейвица немецкое командование выдвигало только что прибывшую из Венгрии 20-ю танковую дивизию.

Выход соединений 3-й гв. танковой армии и 1-го гв. кавалерийского корпуса на коммуникации противника привел к тому, что дальнейшие удары этой армии из района Глейвиц на Николаи, левофланговых соединений 59-й армии и 4-го гв. танкового корпуса в том же направлении из района Явожно замкнули бы кольцо вокруг группировки немцев в Силезском промышленном районе. Однако от окружения пришлось отказаться.

Впоследствии, выступая на сборах высшего командного состава центральной группы войск (сентябрь 1945 г.), маршал Конев сказал, что, как показал опыт Будапешта, бои с противником, окруженным в городе и засевшим в каменных постройках и бетоне, как правило, носят длительный и упорный характер. Силезский же промышленный район представляет собой сплошной огромный город заводов и промышленных предприятий, занимающий площадь 40х60 км. Развивая свою мысль, маршал Конев продолжал: «Бывают на войне положения, когда

представляются возможности эффективного завершения, с точки зрения фронта, той или иной операции, но это может не соответствовать общим интересам. Есть высшие государственные интересы, и они в данном случае продиктовали соответствующее решение операции»{7}.

Действительно, борьба с группировкой противника в насыщенном прочными бетонными постройками промышленном районе могла бы затянуться на длительное время и привела бы к потерям в рядах штурмующих и разрушениям важного в экономическом отношении района. Однако решение не препятствовать войскам противника в их выходе из Силезии было принято не сразу. 26 января командующий 3-й гв. танковой армии писал командиру 7-го гв. танкового корпуса: [35] «Мой начальник, как и я, не находит слов для возмущения таким топтанием. Как будто мы специально даем противнику время на эвакуацию Силезского промышленного района и на организацию обороны. Надо понимать, что в лесу колонной не воюют. У нас получается всегда хорошо, когда мы не встречаем никакого сопротивления, а как только перед нами незначительные силы противника, останавливаемся на месте. Последние два дня я Вас не узнаю. Необходимо как можно быстрее сманеврировать на Граумандсдорф и далее на Гросс-Рауден. По лесу просто вести прочесывание и тщательную разведку, чтобы не оставить танковую засаду противника, который может потом ударить во фланг и тыл... Имейте в виду, что, если мы сегодня не овладеем Рыбник, вся наша предыдущая работа пойдет насмарку»{8}. Справедливости ради следует отметить, что корпусам армии Рыбалко вследствие резкого поворота на юг пришлось действовать с растянутыми тылами. Среднесуточный пробег грузовика, подвозившего боеприпасы и горючее частям 3-й гв. армии, составлял 180–200 км.

Тем временем противник все чаще подумывал об отходе. 25 января командующий 17-й армии генерал пехоты Фридрих Шульц первый раз обратился к командованию группы армий с предложением отвести войска из Силезского промышленного района. 26 января Шульц повторил свое предложение и подкрепил его дополнительными аргументами: «Отсутствие разрешения на отход будет означать аннигиляцию сил, противостоящих противнику. Мы не только потеряем промышленный район, который не может далее удерживаться, но и особо ценные дивизии»{9}. Командующий 17-й армией также напомнил о возможных

последствиях: «В результате потери войск образуется большая брешь, которую нельзя будет запечатать».

Однако немецкое командование все еще надеялось исправить ситуацию. 26 января в район Рыбника начали прибывать [36] первые части 8-й танковой дивизии. Сосредоточение 8-й танковой дивизии на правом фланге 3-й гв. танковой армии и 20-й танковой дивизии — на левом фланге. Фланговые удары двух танковых соединений должны были предотвратить дальнейшее продвижение советских танковых частей. Одновременно на поле сражения появилась дивизия, призванная сдержать продвижение 3-й гв. танковой армии на юг с фронта. Ранним утром 26 января в Рыбнике начали выгрузку подразделения 1-й лыжно-егерской дивизии. Несмотря на своеобразное название этого соединения, она представляла собой пехотную дивизию двухполкового состава, по три батальона в полку. Особенностью вооружения дивизии были трофейные танки Т-34, присутствовавшие в количествах, больших, чем в любом другом соединении на Восточном фронте. На 30 декабря 1944 г. в 1-й лыжно-егерской дивизии насчитывалось 9 боеготовых танков Т-34 и еще 19 в краткосрочном ремонте. «Тридцатьчетверки» входили в состав так называемого тяжелого лыжного батальона, объединявшего буксируемые противотанковые пушки, самоходные зенитные и тяжелые пехотные орудия. Помимо этого, в лыжно-егерской дивизии были 9 САУ «Штурмгешюц».

После прибытия в район Рыбника 8-я танковая дивизия и 1-я лыжно-егерская дивизии пытались сомкнуть фланги и восстановить сплошной фронт. Части 7-го гв. танкового корпуса достигли Рыбника лишь к утру 27 января и завязали уличные бои. 9-й мехкорпус за 26 января продвижения не имел, ведя с противником бой на занятых позициях. 27 января 9-й механизированный корпус занял узел дорог Николаи.

Коридор для выхода из Силезского промышленного района на юг все еще оставался. Генерал Шульц вновь обратился к генерал-полковнику Шернеру с предложением отвести войска. Командующий группой армий на свой страх и риск санкционировал отступление в ночь на 28 января. После этого Шернер позвонил в штаб-квартиру Гитлера и сообщил о принятом решении. Однако вместо ожидаемого взрыва Шернер услышал на другом конце провода голос сломанного усталого человека: «Да, Шернер, если Вы так думаете. Вы все правильно сделали». В свою очередь командующим [37] 1-го Украинского фронта было принято решение

выпустить противника из Силезского промышленного района. Поэтому войска 3-й гв. танковой армии получили ограниченные задачи. С 28 до 31 января войска Рыбалко уничтожали отдельные группы противника в районах Рыбник и Николаи. Далее силами 9-го мехкорпуса и частью сил 6-го гв. танкового корпуса содействовали, во исполнение приказа Военного Совета 1-го Украинского фронта, выходу на Одер войск 59-й и 60-й армий.

К 29 января весь Силезский промышленный район был очищен от немецких войск. В процессе отхода части армии Шульца потеряли большую часть тяжелого вооружения. К исходу 30 января 59-я армия вышла к Одеру и захватила плацдарм. 60-я армия развернулась фронтом на юг. Один из старейших промышленных районов Германии был потерян. В Катовице трофеем советских войск стал завод, с которого вермахт получал большую часть знаменитых 88-мм зениток.

«Война проиграна» — такими словами начал министр вооружений Шпеер свой меморандум Гитлеру о значении потери Силезии, направленный в рейхсканцелярию 30 января, в день 12-летия прихода фюрера к власти. В меморандуме бесстрастно объяснилось почему. После массированных бомбежек Рура силезские шахты начали поставлять 60 процентов немецкого угля. Для железных дорог, электростанций и заводов остался двухнедельный запас угля. Таким образом, сейчас, после потери Силезии, можно, по словам Шпеера, рассчитывать лишь на одну четвертую часть угля и одну шестую часть стали от того объема, который она производила в 1944 г. Подводя итог сказанному, Шпеер делал вывод: «После потери Верхней Силезии немецкая оборонная промышленность более не будет в состоянии хотя бы в какой-то степени ... покрыть потребности фронта в боеприпасах, оружии и танках. В этом случае станет также невозможным компенсировать превосходство противника в технике за счет личной храбрости наших солдат». Это автоматически означало катастрофу в 1945-м. Однако эта информация осталась достоянием узкого круга лиц в высшем руководстве Германии. Справедливости ради нужно сказать, что часть [38] ресурсов Силезии все же осталась под контролем немцев. Шахты в районе Рыбника продолжали добывать уголь, даже когда фронт подошел к ним вплотную и они оказались под огнем артиллерии. В Моравско-Остравском районе добывали уголь до самого конца войны. Здесь добывалось и отправлялось в рейх до 16 тыс. тонн угля в день.

Даже окруженному и почти лишенному снабжения гарнизону Познани под руководством фанатичного командира предстояло сражаться месяц. После потери Силезии вся Германия стала «фестунгом» (крепостью). Ускорить капитуляцию «фестунга Третий рейх» мог захват Берлина.

У бездны мрачной на краю

Что собой представляли стоявшие у стен Берлина армии? Одной из отличительных особенностей армии, находящейся в глубоком кризисе, является раскручивание маховика мобилизации, часто с элементами хаоса. Нехватка рабочих рук в промышленности, недостаток офицеров, спешное обучение новобранцев — со всем этим приходилось мириться перед лицом грозящей стране опасности. Дивизии, корпуса и армии перемалываются в «котлах», и для поддержания боеспособности армии требуется непрерывно восполнять потери и формировать новые соединения. В той или иной форме этот процесс проходила Польша в сентябре 1939 г., Франция в июне 1940 г. и СССР в 1941 г. В Германии резкое форсирование темпов мобилизации имело место в последний год войны. Если за первое полугодие 1944 г. в действующую армию из армии резерва было передано 1130000 человек, за второе полугодие — 1426500 человек (всего за год 2556500 человек), то только за I квартал 1945 г. — 1626500 человек{10}. В отличие от «перманентной мобилизации» СССР, процесс «тотальной мобилизации» в Германии пришелся на заключительный период войны, и контингенты многих возрастов [39] были исчерпаны. Поэтому источником пополнений стали младшие возрасты и реструктуризация армии. В феврале 1945 г. к прохождению курса военного обучения был привлечен контингент рождения 1928 г., то есть 16-летние и 17-летние подростки. В марте 1945 г. было отдано распоряжение о призыве контингента 1929 г. рождения. Реструктуризация армии происходила за счет изъятия личного состава из люфтваффе, кригсмарине и вспомогательных служб. Так, на совещании у Геббельса (назначенного имперским уполномоченным по осуществлению тотальной мобилизации) 23 января было принято решение, по которому люфтваффе к 10 февраля высвобождало 112 тыс. человек для использования в наземных боях. Наряду с передачей сухопутным войскам части своего личного состава, люфтваффе сформировало четыре парашютно-десантные дивизии с 8-й по 11-ю. Никакой парашютной подготовки у этих соединений не было, и формировались они по штатам, близким к обычным пехотным дивизиям. Изъятие

личного состава производилось также из военно-морского флота. Кригсмарине передало в армию около 25 тыс. человек. Также на рубеже 1944–1945 гг. из моряков были сформированы три дивизии морской пехоты.

«Тотальная мобилизация» также неизбежно затрагивала все население ведущей войну страны. Приметой времени стали отдельные батальоны, подчинявшиеся не вооруженным силам, а национал-социалистической партии. Назывались они «фольксштурм» и формировались по указу Гитлера от 25 сентября 1944 г. В фольксштурм призывались способные держать оружие мужчины от 16 до 60 лет. Поскольку мужчины от 18 до 40 лет (и даже старше) уже были востребованы армией, основным контингентом фольксштурмистов стали старики. В отличие от частей вермахта, люфтваффе и войск СС, батальоны фольксштурма использовались в том же районе, где их формировали, т.е., например, батальон фольксштурма города Нейсе оборонялся в мартовских боях 1945 г. в самом городе и в непосредственной близости от него. Оба батальона фольксштурма Познани приняли бой на его улицах. Переброски батальонов фольксштурма между [40] различными участками фронта не практиковались. В сущности, силы призванных в фольксштурм распылялись между мелкими частями численностью до батальона. Даже попытки вооружать батальоны фольксштурма артиллерией не изменяли общей тенденции размазывания их тонким Слоем по всей территории Германии. При этом сама жизнь заставляла использовать фольксштурмистов для восполнения потерь соединений вермахта.

Нумерация батальонов фольксштурма включала две цифры, разделенные дробью. Числитель обозначал номер «гау» (Gau — единицы политического деления Германии), в [41] котором формировался батальон, а знаменатель — номер батальона в округе. Например, сочетание цифр 3/115 обозначало 115-й батальон в «гау» Берлин. Часто номер «гау» пропускался, и батальон фигурировал в донесениях под трехзначным номером или же назывался по имени города, в котором был создан.

Одной из главных причин формирования батальонов фольксштурма партийными чиновниками было снизившееся после 20 июля 1944 г. доверие Гитлера к армии. Партийный оттенок формирования привел к определенным трениям с вермахтом и требованию того, чтобы командиры фольксштурма были «верными и надежными национал-социалистами». Первые семь батальонов фольксштурма пошли в бой в

октябре 1944 г. в Восточной Пруссии, и этот дебют был неудачным — они почти сразу же попали в плен. Боеспособность фольксштурма немецкие армейские командиры оценивали невысоко. Также были существенные претензии к темпам формирования батальонов фольксштурма. Вот как комендант крепости Познань генерал Маттерн на допросе в плену высказался о процессе создания немецкого ополчения: «Однако это дело — организация и создание этих формирований — было передано партийному руководству, которое подняло вокруг этого вопроса большой шум, но мало сделало»{11}. Аналогичным образом высказался генерал-лейтенант Вильгельм Райтель, командир пехотной дивизии «Бервальде», бывший начальник артиллерии 4-й танковой армии: «Фольксштурм велик по своему замыслу, но военная его значимость весьма незначительна. Тут играют роль возраст людей, плохая их военная обученность и почти полное отсутствие вооружения. Батальоны фольксштурма, которые мне довелось видеть, были очень плохо обмундированы и еще хуже вооружены»{12}. Ему вторит полковник Генрих Янус, командир полка в дивизии «Меркиш-Фридланд», воевавший на востоке в 1941–1942 гг.: «Фольксштурм, как военная сила, не оправдал себя, немецкое военное командование в [42] расчеты формирования фольксштурма не принимает еще и потому, что фольксштурм подчинен не военному, а политическому руководству»{13}.

Следует отметить, что советское народное ополчение по принципам своего формирования и боевого применения принципиально отличалось от фольксштурма. Несмотря на активное участие советского партийного аппарата в создании ополченческих дивизий, они оставались структурами армейского подчинения. Их организация была унифицирована с армейской, и командный состав был из офицеров Красной армии. Ополченческие дивизии довольно быстро растворились в массе армейских соединений. В сущности, народное ополчение как явление 1941 г. было попыткой расширить контингент формируемых дивизий за счет добровольцев, формально не подлежавших мобилизации обычным порядком. Фольксштурм создавался в добровольно-принудительном порядке. Уклонение от призыва в формируемые батальоны фольксштурма грозило самыми суровыми [43] наказаниями, вплоть до смертной казни. Уклонение от записи в ополчение в СССР обещало в худшем случае моральное осуждение со стороны окружающих.

В целом концепция «народной войны» пустила глубокие корни в Германии последних месяцев войны. В частности, было создано семейство стрелкового оружия «Фольксгевер» (народная винтовка). Это были упрощенные образцы магазинных и самозарядных винтовок под винтовочный патрон 7,92х57 мм и промежуточный патрон 7,92х33 мм. Даже реактивный истребитель Не-162 стал позиционироваться как «Фольксягер» (народный истребитель).

Несмотря на декларации относительно народной войны и сопутствующие декларациям мероприятия вроде формирования фольксштурма, наиболее эффективным средством борьбы в руках немецкого командования оставались танковые и моторизованные соединения. Большинство немецких подвижных соединений, действовавших в полосе 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, опирались на штаты, разработанные в 1944 г. Штат немецкой танковой дивизии апреля 1944 г. предусматривал численность личного состава соединения 14 727 человек при «боевой численности» (Kampfstaerke) 9307 человек. Ядром танковой дивизии образца 1944 г. был танковый полк двухбатальонного состава. Один батальон должен был вооружаться танками Pz.Kpfw.IV, а второй — Pz.Kpfw.V «Пантера». По своей структуре батальоны были идентичными и состояли из четырех рот по 22 танка в каждой и штабной роты из трех командирских машин. Новинкой в штате было включение в штабную роту специальных зенитных танков — четырех 37-мм автоматических зенитных пушек на шасси Pz.Kpfw.IV. В ноябре 1944 г. последовали сокращения штатов танковых рот: теперь по штатам K.St.N. 1177 Ausf.A, Ausf.B и K.St.N.1177a насчитывалось по 17, 14 и 10 танков соответственно. Иногда в танковые полки танковых дивизий попадали «Хетцеры», разработанные изначально для противотанковых дивизионов пехотных дивизий.

Изменения в ходе войны затрагивали преимущественно танковый полк соединений. В целом организация немецкой [44] танковой дивизии не претерпела существенных изменений, вносившиеся коррективы касались в основном перевооружения на новую технику. Так, противотанковый дивизион теперь вооружался самоходными, полностью бронированными истребителями танков. Как правило, в этой роли выступали САУ «Штурмгешюц», но в 1945 г. все чаще встречались Jagdpanzer IV/L70(V) с 75-мм пушкой с длиной ствола 70 калибров. По штату предполагалось иметь в дивизионе две роты по 14 САУ и 3 САУ в роте управления. При этом в противотанковом дивизионе сохранялась одна батарея буксируемых 75-мм

противотанковых пушек (12 орудий). Видимо, считалось необходимым сохранить некоторое количество буксируемых пушек в роли универсальных орудий, помимо своего прямого назначения способных участвовать в артиллерийской подготовке.

По-прежнему (фактически неизменно с начала войны) в танковой дивизии мотопехота была представлена двумя танко-гренадерскими (мотопехотными) полками двухбатальонного состава. Мотоциклетный батальон, сделавший мотоциклистов одним из символов «блицкригов», из штата 1944 г. исключался. По штату 1944 г. предполагалось иметь один из четырех мотопехотных батальонов на БТР «Ганомаг». Кроме того, в дивизии был разведывательный батальон, по организационной структуре близкий к мотопехотному батальону на БТР. В его составе было 56 БТР Sd.Kfz.251, 16 бронеавтомобилей Sd.Kfz.234 (16 машин с 20-мм пушкой, 3 машины с 75-мм короткоствольной пушкой) и 55 Sd.Kfz.250. Всего в танковой дивизии по штату было 290 бронетранспортеров, включенных не только в состав мотопехотных батальонов, но и в состав саперных и артиллерийских подразделений. Основной задачей БТР была защита личного состава от осколков снарядов и авиабомб противника. Поэтому БТР включались в звенья управления — штабные роты частей. Противоосколочное бронирование бронетранспортеров должно было повысить выживаемость офицеров и снизить вероятность потери управления. Также с целью защиты от осколков в дивизии имелись самоходные артиллерийские установки в артиллерийском полку. Один [45] из дивизионов артиллерийского полка вооружался САУ «Хуммель» и «Веспе» с 150-мм и 105-мм гаубицами соответственно. Точно так же структура танковой дивизии была пронизана зенитными средствами. Несмотря на наличие зенитного дивизиона, почти все части дивизии имели свои собственные 20-мм зенитные автоматы в количестве двух-трех единиц. Они присутствовали в каждом дивизионе артиллерийского полка, в ротах поддержки мотопехотных батальонов (по шесть единиц). В танковом полку были зенитные САУ на танковом шасси и шасси полугусеничного тягача, в разведывательном батальоне — на шасси БТР и в штабе дивизии — на шасси полугусеничного тягача.

Существенные изменения в штатах 1944 г. коснулись структуры танко-гренадерских дивизий. Период увлечения танко-гренадерскими дивизиями в 1943 г. прошел. Теперь дивизии выровняли под структуру обычной пехотной дивизии, только на автомашинах. Так же, как и пехотные дивизии, ядро танко-гренадерских

состояло из шести батальонов. Вместо танкового батальона в мотопехотной дивизии 1942 г. и танкового полка в танко-гренадерской дивизии 1943 г. они получали батальон САУ «Штурмгешюц» из трех рот по 14 самоходок в каждой. На практике батальоны САУ танко-гренадерских дивизий действовали в смешанном составе — в них встречались и «Штурмгешюцы», и Jagdpanzer-ы (общее название полностью бронированных истребителей танков), и Pz.Kpfw.IV, и «Пантеры». Помимо батальона «Штурмгешюцев» САУ этого типа могли присутствовать в двух ротах истребительно-противотанкового дивизиона соединения. Таким образом, танко-гренадерские дивизии стали одной из точек накопления «Штурмгешюцев» в вермахте и войсках СС. САУ «Хуммель» и «Веспе» в артиллерийском полку танко-гренадерских дивизий по штату отсутствовали, оставаясь привилегией танковых дивизий. Мотопехотные батальоны на БТР в танко-гренадерской дивизии по штату также отсутствовали.

Штат танковой и танко-гренадерской дивизий от 1 апреля 1945 г. был одобрен генерал-полковником Г. Гудерианом 25 марта 1945 г., незадолго до его вынужденного отпуска. Он [46] содержал важное новшество: танковый полк подвижных соединений теперь состоял из двух разнотипных батальонов. Первый батальон был мотопехотным на БТР «Ганомаг», а второй — танковым, из четырех рот по 10 танков. Причем танковый батальон был смешанным, две роты на Pz.Kpfw.IV и две на Pz.Kpfw.V «Пантера». В батальоне также была рота из восьми зенитных танков. Соответственно из состава мотопехотных полков батальон на БТР штатно исключался. В чем-то этот штат похож на штат просуществовавших короткое время в 1944 г. немецких танковых бригад.

По средней численности танкового парка немецкие танковые и танко-гренадерские дивизии, как правило, уступали аналогичным соединениям противника. Однако завершающий период войны характеризовался созданием в Германии совершенных образцов танков и самоходных установок, превосходивших по ряду параметров технику противника. Немцам удалось спроектировать и запустить в серийное производство в разгар войны новый средний танк для самостоятельных механизированных соединений — Pz.Kpfw.V «Пантера». Он был создан на основе опыта начального периода войны и по уровню бронезащиты и вооружения превосходил аналогичные по своему назначению танки союзников — Т-34, «Шерман» и «Кромвель». Попытки сравнивать «Пантеру» с ИС-2, основываясь на

примерном равенстве массы этих двух танков, на самом деле некорректны. ИС-2 был танком качественного усиления, т.е. боевой машиной, придававшейся отдельными полками стрелковым и механизированным соединениям на направлении главного удара. Аналогом ИСов в германской армии были тяжелые танки «Королевский тигр». «Пантера» штатно шла на укомплектование танковых полков самостоятельных механизированных соединений — основной единицы ведения маневренных действий. В этом качестве «Пантера» отвечала требованиям второй половины войны: сильно бронированный лоб, 75-мм пушка в 70 калибров длиной. В последний год войны на «Пантерах» были постепенно устранены «детские болезни». В частности, маска орудия получила «бороду», препятствующую рикошету попавших в нее снарядов в крышу корпуса. [47] К концу войны танки все чаще стали привлекаться для борьбы с бронеобъектами — танками и САУ противника. Длинноствольное орудие «Пантеры» было для этого как нельзя более подходящим. Его бронебойные снаряды были способны поражать даже ИС-2. Аналогичное по баллистике 75-мм 70-калиберное орудие устанавливалось на истребители танков Panzerjager IV/L70(V). Эти САУ ввиду своих высоких характеристик иногда вводились в танковые батальоны вместо танков Pz.Kpfw.IV и Pz.Kpfw.V «Пантера». В целом орудия с высокими характеристиками стали отличительной чертой немецких танков и САУ второй половины войны.

Помимо танковых и танко-гренадерских дивизий в вермахте и войсках СС существовали части качественного усиления — тяжелые танковые батальоны и бригады штурмовых орудий. Тяжелые танковые батальоны вооружались танками «Тигр». К 1945 г. они были практически полностью перевооружены на танки «Королевский тигр». Замысел вооружения вермахта тяжелым танком появился еще до нападения на СССР. На совещании, проводившемся 26 мая 1941 г., задачи тяжелого танка формулировались как создание «стержня (Spitze) из 20 тяжелых танков для каждой танковой дивизии». Они должны были иметь повышенные возможности поражения танков противника и лучшую защиту. Идея создания машины, обладающей мощными противотанковыми возможностями и эффективной защитой, последовательно реализовывалась немцами. Задача вооружения танка длинноствольной 88-мм пушкой с баллистикой зенитки Flak41 была поставлена, еще когда «Тигр» только-только начинал разворачиваться. Несмотря на все возникшие сложности, новый 68-тонный тяжелый танк был запущен в производство

и сравнительно широко применялся в 1945 г. Выдвинутая в мае 1941 г. идея «стержня» танковой дивизии, однако, не получила реализации на практике. «Тигриные» роты просуществовали короткое время в нескольких элитных соединениях. В дальнейшем «Тигры» попадали в танковые полки разве что вследствие хаоса снабжения бронетехникой. Основной формой организации для «Тигров» был тяжелый танковый батальон — отдельная часть, которая могла быть [48] придана как единое целое или отдельными ротами пехотному, танковому или танко-гренадерскому соединению. По существовавшему на начало 1945 г. штату батальон «Тигров» насчитывал 45 тяжелых танков (три роты по 14 танков и 3 танка в штабе батальона), 5 ремонтно-эвакуационных танков («Бергепантера»), 11 зенитных танков, 34 тягача и 171 автомобиль.

Основной проблемой немецких танков новых типов были слабые маршевые возможности. То есть при совершении длительных маршей они быстро выходили из строя. Этот недостаток был особенно чувствительным в условиях преимущественно оборонительных боев. В обороне часто не удавалось угадать направление удара противника, и танковые соединения были вынуждены форсированным маршем выдвигаться к месту прорыва уже в разгар боев. Усугублялась ситуация нехваткой топлива. Вследствие этого немало «Тигров» и «Пантер» были попросту брошены на обочинах дорог из-за поломок и израсходования топлива. Однако перенос боевых действий на территорию Германии существенно ограничил пространство, на котором велись боевые действия. [49]

Расстояние, которое нужно было проходить в процессе оборонительных боев, сократилось. Поэтому иногда даже капризные «Королевские тигры» проходили необходимое для решения поставленных задач расстояние.

Второй после батальонов «Тигров» разновидностью частей качественного усиления были бригады САУ «Штурмгешюц». Батальоны штурмовых орудий существовали с первого дня войны с СССР, и роль САУ этого типа неуклонно возрастала. В 1944 г. батальоны «Штурмгешюцев» переименовали в бригады с сохранением прежней нумерации. К 1945 г. было два штата бригады штурмовых орудий: 45 машин (33 штурмовых орудия StuG и 12 штурмовых гаубиц StuH) и 31 машина (22 штурмовых орудия StuG и 9 штурмовых гаубиц StuH). Более распространенным был второй вариант организации. В советских мемуарах штурмовые орудия чаще всего проходят под наименованием «Фердинанд». В завершающем периоде войны в штат

бригад «Штурмгешюцев» включили пехотинцев в форме «гренадерской батареи сопровождения» (Begleitgrenadier-Batterie) по штату K.St.N.448 от 1 декабря 1944 г. По своей структуре «батарея сопровождения» представляла собой роту из трех взводов пехотинцев и взвода саперов. Основным вооружением пехотных взводов были «Штурмгеверы». Отделения взводов численностью по 11 человек вооружались 7 «Штурмгеверами», 3 самозарядными винтовками и 1 пулеметом. Всего в составе «батареи сопровождения» было 2 офицера, 28 унтер-офицеров и 168 рядовых, вооруженных 61 карабином, 27 самозарядными винтовками и 96 «Штурмгеверами».

Несмотря на то, что Вторая мировая война получила наименование «войны моторов», большая часть войск враждующих сторон передвигалась пешим порядком. Подход в СССР и Германии к штатной организации пехоты был принципиально различным. В СССР разрабатывался некий теоретически обоснованный штат, который на практике соблюдался при переформировании соединения или же формировании дивизии с нуля. Находящиеся на фронте соединения чаще всего заметно отличались по своему численному составу от назначенного штата. Особенно ярко это проявлялось [50] во второй половине войны, когда дивизии реже выводили на переформирование. В Германии штат приближали к реальному состоянию дивизий на фронте. Если несколько упростить этот процесс, то немецкое командование закрепляло уже сложившуюся практику как новый штат. После тяжелых боев 1941–1942 гг. многие дивизии на Восточном фронте воевали в шестибатальонном составе. Это означало, что три потрепанных пехотных батальона в полку сводились в два удовлетворительной комплектности. После Курской дуги эта практика была закреплена. Осенью 1943 г. был введен штат пехотной дивизии «нового образца» (nA), в которой трехбатальонные пехотные полки заменялись на двухбатальонные. Таким образом, количество пехотных батальонов в дивизии падало с девяти до шести. Разведывательный батальон, который был одной из немногих моторизованных частей немецкой пехотной дивизии, переформировывался в дивизионный фузилерный батальон, по организации аналогичный пехотным батальонам. Последнее нововведение отражало сложившуюся в войсках практику, когда разведывательный батальон применялся как пехотный. Отличие было только в том, что он подчинялся непосредственно штабу дивизии. Общая численность личного состава дивизии

«нового образца» составляла 13 674 человека, в том числе 1774 человека в тыловых частях дивизионного подчинения. Это было существенно меньше численности личного состава в старой девятибатальонной дивизии — 16 тыс. человек (в том числе 2 тыс. человек тыловых частей).

В сущности, нехватка личного состава привела к постепенной деградации немецкой пехоты, которая в начальном периоде войны являлась опорной плитой «блицкригов». В заслонах из пехотных дивизий увязали контрудары советских мехкорпусов в июне 1941 г., пехотные дивизии принимали и добивали окруженных в многочисленных «котлах». Изначально ослабленные пехотные дивизии второй половины войны уже не были способны на те достижения, которые были обычными в 1941 г. Дивизии «похудели» и лишились возможности формирования подвижных боевых групп из разведывательного батальона, «противотанкистов» и саперов. [51]

В 1944 г. развитие организации немецкой пехотной дивизии продолжилось в плоскости снижения численности личного состава. Появился штат «пехотной дивизии 44» (I.D.44). Общая численность личного состава ПД-44 сокращалась до 12 769 человек (333 офицера, 70 чиновников, 2153 унтер-офицера и 10 213 рядовых). Из общей численности 12 769 человек 2380 человек было в тыловых частях и 750 человек — в запасном батальоне. Вместо 5072 лошадей в пехотной дивизии «нового образца» в ПД-44 было 3979 лошадей. Численность автомобильного парка сокращалась незначительно. Если в дивизии «нового образца» полагалось по штату 147 легковых автомобилей и 305 грузовых, то в дивизии-44–145 легковых и 303 грузовых. Количество мотоциклов сокращалось со 156 до 141{14}. Штатная численность «добровольных помощников» (Hiwi) дивизии уменьшалась с 1637 до 1466 человек (1164 в передовых подразделениях и 302 в тылах). Численность немецкого персонала ПД-44 составляла, таким образом, 11 303 человека{15}. Штатная «боевая численность» (Kampfstaerke) ПД-44 составляла 6410 человек (без учета запасного батальона). Следует отметить, что формирования войск СС не копировали существовавших в вермахте штатов. В частности, войска СС не коснулся переход на организацию пехотной дивизии «нового образца». Поэтому штат добровольческой пехотной дивизии СС был более многочисленным — 16 763 человека (в том числе 1755 человек в тыловых частях){16}. Доля «хиви» в добровольческой пехотной дивизии СС в передовых и тыловых частях составляла 1125 и 414 человек соответственно. Как мы видим,

штатно добровольческая дивизия СС была ближе к пехотной дивизии начального периода войны, нежели изыскам 1943-го и 1944 гг.

Снижение количества личного состава стремились компенсировать техникой. Важным новшеством в организации дивизий «нового образца» и ПД-44 стало их насыщение полностью [52] бронированными САУ, способными бороться с танками. С самого начала войны стандартным для пехотных дивизий был противотанковый дивизион, оснащенный буксируемой артиллерией. Поначалу буксируемые противотанковые пушки только усиливались качественно: вместо «дверных молотков» (37-мм ПАК-35/36) немецкая пехота получила сначала 50-мм ПАК-38, а с 1942 г. во все возрастающих количествах противотанковая артиллерия дивизий стала получать 75-мм противотанковые орудия. Самоходная противотанковая артиллерия поначалу была привилегией подвижных соединений.

В пехотной дивизии «нового образца» 1943 г. в противотанковом дивизионе по штату полагалось две роты по двенадцать 75-мм противотанковых пушек. Позднее одну из рот переводили на штат K.St.N. 1148 от 1 ноября 1943 г., т.е. она должна была оснащаться 75-мм пушками на самоходных лафетах. Громоздкие 75-мм противотанковые пушки повысили возможности немецкой пехоты в борьбе с советскими танками. Однако отдача быстро вбивала их сошники в грунт так, что извлекать орудие приходилось с помощью тягача. Маневренность противотанковой артиллерии при этом была условной. Одновременно не защищенные броней расчеты противотанковых пушек жестоко страдали от ударов артиллерии и штурмовиков. Для отражения атак на противотанковые батареи штурмовиков Ил-2 в штат противотанкового дивизиона ПД-44 ввели зенитные автоматы. По штату K.St.N. 198 от 1 апреля 1944 г. полагалось девять 37-мм зенитных автоматов.

Однако качественный скачок произошел в середине войны, когда в вермахте все большую роль стали играть САУ «Штурмгешюц». Разумеется, не обошла эта мода стороной пехотные дивизии. По штату ПД-44 один из противотанковых дивизионов перевооружался по штату K.St.N.l 149 от 1 февраля 1944 г. на роту САУ «Штурмгешюц». Версия этого штата Ausf.A предусматривала 10 самоходок, версия Ausf.B — 14. Таким образом, противотанковый дивизион пехотной дивизии 1944 г. состоял из роты буксируемых 75-мм противотанковых пушек (12 орудий), роты САУ «Штурмгешюц» и [53] роты зенитных орудий. Эта организация не была оторвана от реальности. Именно такую структуру и численность орудий и САУ имел, например,

противотанковый дивизион 309-й пехотной дивизии «Берлин», державшей оборону перед Кюстринским плацдармом.

Однако САУ «Штурмгешюц» была довольно дорогим удовольствием для ее разбазаривания по пехотным дивизиям. Решение было найдено к 1944 г. В августе — сентябре 1943 г. инженерами фирмы BMM (Boehmisch-Mahrish-Maschinenfabrik — так в оккупации назывался чехословацкий завод ЧКД) был разработан эскизный проект легкой, полностью бронированной САУ, функционально аналогичной «Штурмгешюцу». Первоначально предполагалось развернуть на мощностях BMM производство StuG.IV, однако перестройка производства была бы слишком долгой, и инженеры чехословацкого завода выдвинули предложение построить самоходку по собственному проекту. Проект был одобрен, воплощен в металле, а уже в апреле 1944 г. началось серийное производство САУ под названием «75-мм штурмовое орудие нового типа на шасси Pz.Kpfw.38(t)» (Sturmgeschutz nA mit 7,5 cm PaK 39 L/48 Auf Fahzgestell PzKpfw 38(t)). Шасси САУ было разработано на основе узлов и агрегатов легкого танка Pz.Kpfw.38(t), однако полной взаимозаменяемости с легким танком не было. «Штурмовое орудие нового типа» было полностью бронировано, причем лобовая броня толщиной 60 мм под большим углом наклона могла держать не только осколки, но и снаряды танковых орудий. Вооружалась самоходка 75-мм орудием длиной ствола 48 калибров в маске «свиное рыло». Важным преимуществом орудия было отсутствие дульного тормоза, поднимающего облака пыли при стрельбе. Основным достоинством САУ фирмы BMM была дешевизна и простота в производстве. Фактически был создан массовый аналог хорошо себя зарекомендовавшего «Штурмгешюца».

В августе 1944 г. были созданы первые четыре роты истребителей танков на «штурмовых орудиях нового типа» в составе 15, 76, 335-й пехотных дивизий и 20-й дивизии войск СС. В сентябре 1944 г. началось формирование рот истребителей [54] танков в составе гренадерских (пехотных), народно-гренадерских и дивизий войск СС. По штату в роте должно было быть 14 САУ: три взвода по четыре линейных истребителя танков плюс один командирский (с дополнительной радиостанцией Fu8) и один линейный во взводе управления. С 4 декабря 1944 г. самоходка получила наименование «Хетцер» (егерь, прикармливающий зверя).

Помимо противотанковых рот пехотных дивизий «Хетцерами» вооружались отдельные роты истребителей танков корпусного и армейского подчинения. В

частности, на берлинском направлении действовала 1129-я отдельная рота истребителей танков в составе V горного корпуса СС. На 15 марта 1945 г. была сформирована 81 рота истребителей танков, из которых 51 рота действовала на советско-германском фронте (529 «Хетцеров», из них 359 исправных). К 10 апреля 1945 г. на советско-германском фронте было 915 «Хетцеров» при общем числе танков и САУ на Востоке 3851 машина. То есть Jagdpanzer-38 «Хетцер» составляли почти четверть от общей численности бронеединиц на Восточном фронте. Как замена 75-мм буксируемых противотанковых пушек, «Хетцеры» были переходом на качественно новый уровень. Теперь выживаемость противотанковой артиллерии пехотных дивизий существенно повысилась. Jagdpanzer-38 мог защитить экипаж не только от осколков снарядов и авиабомб в период артиллерийской и авиационной подготовки наступления, но и от ответного огня наступающих танков.

Появление «Хетцера», разумеется, не означало отказа от «Штурмгешюцев» как таковых. Последние модификации САУ StuG.III и StuG.IVбыли намного совершеннее примитивного «Хетцера»: просторное боевое отделение, командирская башенка. «Штурмгешюцы» оставались во многих пехотных дивизиях до самого конца войны. Они в 1945 г. также оставались в составе отдельных бригад и включались в состав танковых и танко-гренадерских дивизий. «Штурмгешюцы» были едва ли не самым распространенным типом немецкой бронетехники в конце войны. Из 3851 танка и САУ на Восточном фронте на 10 апреля 1945 г. «Штурмгешюцев» [55] разных типов (StuG.III, StuH.42 и StugG.IV) было 1211 штук, т.е. около трети.

Снижение качества подготовки немецкой пехоты нарушило отлаженное взаимодействие между пехотой и САУ «Штурмгешюц» или другими САУ, выступавшими в роли истребителей танков. Поэтому 20 октября 1944 г. во все группы армий и отдельные армии было разослано распоряжение об организации «взвода сопровождения» (Grenadier-Begleitzuegen) для САУ «Штурмгешюц» и истребителей танков в пехотных, гренадерских, народно-гренадерских, горных и егерских дивизиях. Решение было по сути аналогичным формированию «батарей сопровождения» в бригадах штурмовых орудий, о которых было сказано выше. Необходимость такого подразделения в пехотных соединениях формулировалась следующим образом:

«Практический опыт неизменно свидетельствует, что повсюду, где противотанковые САУ и штурмовые орудия применяются в тесном взаимодействии

с пехотой, даже при использовании небольших сил достигаются решительные успехи в наступлении и обороне. Там, где это взаимодействие было плохо организовано или отсутствовало вовсе, боевые задачи часто не выполнялись или выполнялись с непропорционально высокими потерями. Поэтому штурмовые орудия и противотанковые САУ не должны действовать в одиночку ни в одной фазе боя»{17}.

Пехотинцам, выделенным для прикрытия САУ, нужно было пройти специальный курс обучения, причем в приказе было сказано: «В гренадерское сопровождение выделяются лучшие бойцы дивизии». Предполагалось каждую батарею САУ эскортировать на поле боя отделением пехотинцев. По штату взвод сопровождения состоял из 1 офицера, 5 унтер-офицеров и 55 рядовых{18}. Вооружение взвода составляли 58 «Штурмгеверов» и три карабина. Таким образом, сопровождающие САУ пехотинцы поголовно вооружались автоматическим оружием. Карабинами вооружались водители [56] транспортных средств взвода — мотоцикла и автомобиля. В составе немецкого «взвода сопровождения» также было 12 саперов.

С тактической точки зрения развитие организации немецкой пехоты шло по пути насыщения войск новым автоматическим оружием. Принятый на вооружение «Штурмгевер» существенно повлиял на штаты низовых звеньев пехоты. Ввиду улучшения баллистики индивидуального оружия пехотинца стало возможным использовать «Штурмгевер» как основное оружие отделения. В штате гренадерской роты K.St.N.131V от 1.9.1944 было три взвода, два из которых имели приставку M. P. — «машиненпистоле». Впоследствии в штате K.St.N. 131V от 1.11.1944 эти взводы получили наименование «штурм». Соответственно два отделения M. P. (штурм)-взвода состояли из девяти человек (восемь стрелков и один командир), вооруженных «Штурмгеверами», а в третьем отделении на те же девять человек был один пулемет, пять «Штурмгеверов» и три карабина с винтовочными гранатометами. Третий взвод гренадерской роты нового штата был более традиционным по своей организации: пехотинцы вооружались винтовками, в каждом отделении был ручной пулемет. Точно так же как в первых двух взводах, в третьем взводе было отделение с четырьмя гранатометчиками, вооруженными карабинами с винтовочными гранатометами. В штате ноября 1944 г. от этой практики отказались, и гранатометчики из штата всех трех взводов были исключены. Аналогичные изменения претерпели штаты танко-гренадеров

(мотопехоты). Только в отличие от обычной пехоты в танко-гренадерской роте штата K.St.N.1114a от 1.11.1944 был один «штурм»-взвод, вооруженный «Штурмгеверами». Два других в танко-гренадерской роте назывались «стрелковыми» (Schuetzen) и их вооружение было обычным для немецкой мотопехоты второй половины войны: по два ручных пулемета на отделение, остальные стрелки вооружаются карабинами. Также в отличие от обычной пехоты в роте танко-гренадеров было противотанковое отделение, вооруженное тремя «Панцершреками». Вместо противотанкового отделения в пехоте по штату было отделение снайперов. Вполне очевидно [57] просматривается нацеливание пехотных частей на позиционные бои (больше «Штурмгеверов», меньше пулеметов, снайперы), а танковых — на маневренную войну (больше дальнобойных пулеметов).

Практика опоры на «фестунги» породила особый вид пехоты германской армии — крепостные части. Помимо обычной и противотанковой артиллерии для «фестунгов» формировались пехотные подразделения по особому штату. Батальон «крепостной» пехоты имел численность 695 человек и состоял из четырех рот. Тяжелое оружие батальона составляли двенадцать 81-мм минометов, пятьдесят четыре «Панцершрека», двенадцать станковых и тридцать ручных пулеметов. «Крепостной» пулеметный батальон численностью 606 человек вооружался 30 станковыми и двенадцатью ручными пулеметами, пятьюдесятью четырьмя «Панцершреками» и двенадцатью 81-мм минометами. Наряд сил «крепостных» частей был различным и определялся конкретными условиями. Например, для Познани выделялся один батальон «крепостной» пехоты и один «крепостной» пулеметный батальон.

Несмотря на сохранившееся до конца войны стремление немцев держать сильное артиллерийское звено в дивизиях, Германию затронула общая тенденция укрупнения организационных структур артиллерии. Первой ласточкой на этом поприще стала 18-я артиллерийская дивизия, сформированная по указанию фюрера 07.09.1943 г. (согласно журналу боевой деятельности организационного отдела Генерального штаба) на базе расформированной 18-й танковой дивизии. Следующим этапом стало создание так называемых народно-артиллерийских корпусов. Они были сформированы путем сведения частей артиллерии резерва ОКХ. Каждый корпус насчитывал в своем составе от 13 до 15 батарей, то есть

народно-артиллерийские корпуса были несколько сильнее, чем дивизионные артиллерийские полки.

Например, 405-й народно-артиллерийский корпус состоял из:

восемнадцати 75-мм полевых орудий Feldkanonen 40;

восемнадцати 105-мм легких полевых гаубиц (leFH18/40); [58]

двенадцати 105-мм пушек (Kanone 18);

двенадцати 122-мм трофейных советских гаубиц (schwere feldhaubitze 396 (r));

двенадцати 152-мм трофейных советских гаубиц (Feldhaubitze 433 (r)).

Такое вооружение было типичным для народно-артиллерийских корпусов заключительного периода войны.

Армия-победительница

Во второй половине войны организация танковых и самоходно-артиллерийских частей и соединений Красной армии отличалась большим разнообразием. Если в июне 1941 г. танковые соединения были сделаны по одному шаблону, то в 1945 г. от форм и видов организации бронетанковых частей рябило в глазах.

Низшей формой существования танков были отдельные танковые полки. Они предназначались для непосредственной поддержки пехоты и подчинялись общевойсковым командирам. По штату отдельный танковый полк насчитывал 21 танк. В 1945 г. это чаще всего были Т-34–85. В том же формате существовали тяжелые танки ИС-2. Однако части, вооруженные ИСами, назывались отдельными тяжелыми танковыми полками (оттп) и с момента формирования им присваивалось гвардейское звание. По штату полк насчитывал 21 ИС-2 и 374 человека личного состава. Первая задача полков ИСов была аналогична обычным отдельным танковым полкам — непосредственная поддержка пехоты. Отдельные гвардейские тяжелые танковые полки чаще всего были средством РГК, придававшимся стрелковым соединениям на направлении главного удара. Второй задачей полков на ИСах была поддержка механизированных соединений. Здесь они решали задачу борьбы с тяжелой бронетехникой противника. Фактически в СССР была реализована предложенная немцами в мае 1941 г. для «Тигров» схема «стержня»

танковых дивизий. Многие советские танковые и механизированные корпуса получили такой «стержень» — полк ИСов. [59]

Организационно полк ИСов состоял из четырех танковых рот по пять машин, роты автоматчиков, роты технического обеспечения, взвода управления (один танк), саперного взвода, хозяйственного взвода и полкового медицинского пункта. Собственной артиллерии полк не имел. Рота автоматчиков, нехарактерная для отдельных танковых частей армий других государств, должна была сопровождать танки в бою при отсутствии или отставании пехоты, выделенной для этой цели из общевойсковых частей. «Свои» автоматчики были обучены взаимодействию с танками и, кроме того, давали дополнительную защиту на марше. В декабре 1944 г. части ИСов подверглись укрупнению и на свет появились отдельные тяжелые танковые бригады на танках ИС-2.

Отдельные танковые бригады были следующей после полков ступенькой в организации танковых войск. По сути своей танковая бригада была готовой боевой группой, включавшей танки, мотопехоту, легкую артиллерию и инженерные средства под управлением одного командира. Появившись в 1941 г., танковые бригады стали тем «кубиком», из которых с 1942 г. собиралось ядро танкового корпуса. У немцев образование боевых групп шло на лету, а советский танковый корпус изначально собирался из готовых боевых групп. Это, конечно же, не мешало советским танковым командирам усиливать танковые бригады теми или иными средствами борьбы в зависимости от задачи. По существовавшему в 1945 г. штату танковая бригада насчитывала 65 танков. Отдельные тяжелые танковые бригады в этом отношении не были исключением — в них насчитывалось по 65 ИСов. Тяжелые танковые бригады были мощным тараном для взлома обороны противника на направлении главного удара. Помимо тяжелых танковых бригад существовали отдельные танковые бригады на Т-34. Тактически отдельные танковые бригады, как тяжелые, так и обычные, оставались средством непосредственной поддержки пехоты. Исключение составляли отдельные танковые бригады, иногда входившие в состав танковых армий. Например, в 1-й гв. танковой армии была 64-я гв. танковая бригада, в 4-й гв. танковой армии — 68-я гв. танковая бригада. Отдельные танковые бригады были [60] своего рода личной гвардией командарма — он мог без дробления подчиненных штабу танковой армии танковых корпусов направить на решение той или иной задачи отдельную танковую бригаду.

В начале войны РККА не имела эффективного самостоятельного механизированного соединения. Во второй половине войны таковые были созданы и использовались как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Это были танковые и механизированные корпуса. Они представляли собой организационные структуры из готовых боевых групп двух разных типов. Немецкие танковые дивизии в ходе боевых действий дробились на боевые группы, в которых была сильна или пехотная, или танковая компонента. Соответственно советский танковый корпус был собран из готовых боевых групп «танкового» типа, а механизированный — «пехотного». В конце войны в составе танкового корпуса было три танковых бригады, в составе механизированного — три механизированных бригады. Таким образом, в соединении было по три готовых боевых группы определенного типа. Помимо этого в танковых и механизированных корпусах было по одной бригаде, призванной разбавить однородность набора готовых боевых групп. Пехотная компонента танкового корпуса усиливалась за счет наличия в нем мотострелковой бригады. Бригада этого типа не имела танков и была средством накачки мотопехотой танковых бригад или же самостоятельного решения сугубо «пехотных задач». В составе механизированного корпуса обязательно присутствовала танковая бригада.

Танковые и механизированные корпуса были самостоятельным средством ведения операций. Они могли быть средством развития успеха в наступлении и мобильным резервом в обороне. Разделение корпуса на части и придание бригад стрелковым соединениям (т.е. низведение их до уровня средства непосредственной поддержки) не рекомендовалось. Корпус был ценен именно как единое целое, как соединение, способное вести бой в отрыве от главных сил армии, которой он подчинялся.

Общемировые тенденции развития вооруженных сил [61] неизбежно затрагивали армию СССР. В ходе войны Красная армия также постепенно насыщалась самоходно-артиллерийскими установками, дополнявшими танки и заменявшими артиллерию. Перед началом Висло-Одерской операции в войсках 1-го Белорусского фронта насчитывалось 1950 танков и 1245 САУ, т.е. САУ составляли почти 40% всей бронетехники. При этом значительная часть танков падала на танковые армии. Наступление 5-й ударной армии с магнушевского плацдарма поддерживали 100 танков и 126 САУ (18 ИСУ-152 и 108 СУ-76), наступление 8-й гвардейской армии — 69 танков и 165 САУ (41 ИСУ-152 и 124 СУ-76). В Берлинской операции в составе

1-го Белорусского фронта насчитывалось уже 1417 САУ различных типов. Соответственно в составе 1-го Украинского фронта на 10 января 1945 г. было 2255 танков и 989 САУ. Как мы видим, самой распространенной САУ была СУ-76. Она не была столь же защищенной, как серия ИСУ или даже СУ-85/СУ-100, но СУ-76 означала появление в Красной армии самоходного лафета для основного дивизионного орудия. Тем самым 76-мм артиллерия получала возможность сопровождать наступающие части в атаке своим ходом, а не перекатыванием на руках. При этом расчет самоходного орудия не лишался нормального обзора, как это было на полностью защищенных броней САУ. К. К. Рокоссовский писал: «Особенно полюбились солдатам самоходные артиллерийские установки СУ-76. Эти легкие, подвижные машины поспевали всюду, чтобы своим огнем и гусеницами поддержать, выручить пехоту, а пехотинцы в свою очередь готовы были защитить их от огня вражеских бронебойщиков и фаустников»{19}. Следует отметить, что в производственном отношении СУ-76 была наследником Т-70. Выпуск этих танков был свернут в пользу СУ-76, загрузив мощности советского автомобильного производства.

Что интересно, в самоходно-артиллерийские части и соединения достаточно часто переформировывались отдельные танковые бригады и полки. Например, 16, 19 и 22-я легкие [62] самоходно-артиллерийские бригады, вооруженные американскими самоходками Т-48 (обозначавшиеся у нас СУ-57), были переформированы из 60, 196 и 236-й отдельных танковых бригад. 16-я бригада вошла в состав 3-й гв. танковой армии, 19-я бригада была включена в состав 1-й гв. танковой армии и 22-я бригада — в состав 4-й гв. танковой армии. И этот пример среди участников Берлинской операции нельзя назвать единичным. 12-я самоходно-артиллерийская бригада 69-й армии 1-го Белорусского фронта была переформирована из 86-й танковой бригады. 8-я самоходно-артиллерийская бригада 52-й армии 1-го Украинского фронта была переформирована из 15-й танковой бригады. Ход войны показал, что не все задачи могут решать танки, и танковые части стали заменяться самоходно-артиллерийскими частями.

Первоначально полки САУ в Красной армии были средством РГК. Постепенно они стали включаться в состав механизированных соединений и объединений. Танковые армии с апреля 1943 г. получили два штатных самоходно-артиллерийских полка. Еще раньше, в январе 1943 г. в штат танкового и механизированного корпуса

включили полк САУ смешанного состава (СУ-76 и СУ-122). В середине 1943 г. эти полки были переведены на штат № 08/218 тяжелого самоходно-артиллерийского полка (361 человек, 12 СУ-152). В конце 1943 г. взамен истребительно-противотанкового полка с буксируемыми пушками в состав танкового и механизированного корпуса стали включаться полки СУ-76 штата № 010/484 (225 человек, 21 СУ-76), а вместо истребительно-противотанкового дивизиона — полк СУ-85 штата № 010/483 (230 человек, 16 СУ-85 и 1 Т-34 во взводе управления). Кавалерия также не была обойдена вниманием — с середины 1943 г. в состав кавалерийского корпуса включался полк СУ-76.

Спецификой организации советской самоходной артиллерии последнего периода войны стало включение в штат полков и бригад САУ мотострелков и саперов. По штату № 010/462 самоходно-артиллерийского полка РВГК на СУ-85 (позднее СУ-100) и штату № 010/461 самоходно-артиллерийского [63] полка ИСУ-152 помимо четырех батарей САУ в подчинении штаба полка была рота автоматчиков и саперный взвод. В самоходно-артиллерийской бригаде на СУ-76 штата № 010/508 1944 г. был целый батальон автоматчиков. Тем самым самоходные установки получили свою собственную, закрепленную за ними мотопехоту. Все говорит о том, что, столкнувшись с проблемой взаимодействия придаваемых САУ и поддерживаемой пехоты, ее решили в лоб, включением минимально необходимого числа пехотинцев в полк САУ. Следует отметить, что немецкое командование пришло в самом конце войны к абсолютно аналогичному решению — «батареям сопровождения» в бригадах штурмовых орудий. Своя пехота в самоходно-артиллерийских частях позволяла сглаживать проблемы взаимодействия при подчинении полков САУ пехотным соединениям. Изначально обученные для совместных действий с самоходками пехотинцы, несомненно, были надежнее назначенных на бегу, за несколько часов до боя бойцов.

Самоходную артиллерию в конце войны также получили стрелковые дивизии Красной армии. В начале 1944 г. был утвержден штат № 04/434 самоходно-артиллерийского дивизиона трехбатарейного состава (184 человека, 12 СУ-76 и 1 СУ-76 или Т-70 во взводе управления). Сформированные по этому штату отдельные самоходно-артиллерийские дивизионы (ОСАД-ы) заменили в ряде стрелковых дивизий отдельные истребительно-противотанковые дивизионы. Не все стрелковые дивизии успели до конца войны получить дивизионы СУ-76 и остались с

буксируемой артиллерией в качестве дивизионного противотанкового средства. Таким образом, организационно СУ-76 выступали в той же роли, что и «Хетцеры» в немецких пехотных соединениях. СУ-76, конечно, была неважным танкоборцем вследствие слабого бронирования. После войны стрелковые дивизии получили танкосамоходный полк с СУ-100. Однако включение в стрелковые и подвижные соединения этой самоходки было, безусловно, шагом вперед по сравнению с буксируемыми противотанковыми пушками 45-мм, 57-мм или 76-мм калибра.

По итогам январских боев 1945 г. в докладе командующего [65] бронетанковыми и механизированными войсками 52-й армии полковника Андреева дивизионы СУ-76 оценивались следующим образом:

«По отзывам командиров стрелковых корпусов, дивизий, полков и самих бойцов ОСАДы, действовавшие как артиллерия сопровождения, хорошо обеспечивали продвижение пехоты, уничтожая огневые точки противника, мешающие продвижению.

ОСАДы при правильном их использовании вполне живучи. Для сопровождения пехоты, при отсутствии танков противника ОСАДы можно дробить побатарейно, при наличии танков противника необходимо использовать массированно — в составе дивизиона.

ОСАДы, действовавшие в составе передовых отрядов СД, являлись не только артиллерией поддержки пехоты, но и выполняли самостоятельные задачи по захвату выгодных рубежей и населенных пунктов, для чего им придавался десант пехоты (6–8 человек на каждую СУ).

Маневренность СУ-76 вполне обеспечивает непосредственное сопровождение пехоты.

На самоходных установках (СУ-76) необходимо смонтировать танковый пулемет с круговым сектором обстрела, так как бывают случаи, когда самоходные установки ведут ночной бой или действуют без пехоты. Прицельная стрельба снарядом не всегда выгодна, а в некоторых случаях не дает должных результатов»{20}.

Пулемет СУ-76 получили только после войны — в рубке САУ на поперечной перекладине был смонтирован обычный ДТ. Использование СУ-76 в качестве импровизированного БТРа имело место не только в 52-й армии 1-го Украинского

фронта, но и в 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Правда, отмечалось, что у перегруженной пехотинцами САУ быстрее выходит из строя ходовая часть.

Существенным пробелом в структуре и материальной части советской самоходной артиллерии было отсутствие САУ в артиллерийских полках соединений. В СССР САУ с [66] орудиями навесного огня не имелось. Отсутствие САУ этого класса оставалось существенным недостатком в системе вооружения армии СССР до 1960-х годов. Установка в ходе войны на бронированное шасси артсистем, конструктивно аналогичных орудиям навесного огня, таких как 122-мм гаубицы М-30 (СУ-122) или 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 (ИСУ-152), лишало их возможности вести огонь подобно своим несамоходным прародителям. Ничего подобного немецким «Веспе» и «Хуммелям» и американским «Пристам» в Красной армии не было. Это существенно снижало возможности самостоятельных действий советских танковых и механизированных корпусов — самоходки у немцев и союзников шли в наиболее ценные самостоятельные механизированные соединения. Наличие САУ в артиллерийском полку способствовало выживаемости артиллерии в обороне и наступлении.

Если в 1941 г. больным местом РККА были механизированные части и соединения, то в 1945 г. слабым местом Красной армии были стрелковые дивизии. Причем проблема была отнюдь не в несоответствии штатной структуры соединения его задачам в бою и операции. Штаты стрелковых дивизий прошли проверку четырьмя годами войны, эволюционировали в сторону улучшения управляемости и боевых возможностей. Однако реальная численность личного состава как гвардейских, так и обычных стрелковых дивизий была в 1945 г. едва ли не вдвое ниже штатной. Сам штат стал абстракцией, влиявшей в большей степени на артиллерийское вооружение дивизий.

В сущности, Красная армия в середине войны столкнулась с той же проблемой нехватки личного состава, которая терзала вермахт. Бешеная гонка формирования новых соединений для восстановления фронта после окружений 1941–1942 гг. завершилась, и в полный рост встала проблема поддержания численности имеющихся дивизий. Для решения этой проблемы летом 1943 г. был принят урезанный штат стрелкового полка в дивизии штата № 05/550. Общая численность стрелкового полка снизилась с 2443 человек до 2017 человек. Соответственно

общая численность стрелковой [67] дивизии по штату № 05/550 теперь составляла 9380 человек.

Последние штаты стрелковых соединений были приняты в декабре 1944 г. Это были штаты № 05/40 от 18 декабря 1944 г. гвардейской и обычной стрелковых дивизий. По штату в гвардейской стрелковой дивизии должно было быть 11 706 человек, 1155 лошадей, 342 автомашины, 77 автотягачей, 53 мотоцикла. Пехотным ядром соединения были три стрелковых полка, численностью по 2725 человек каждый. В свою очередь, стрелковые полки разделялись на три батальона. По штату батальон насчитывал 670 человек. Отражением опыта войны было наличие в структуре полка двух рот автоматчиков численностью по 98 человек. Штатная численность стрелковой роты стрелкового батальона была 144 человека. Помимо стрелковых рот в батальоне были пулеметная, минометная роты и батарея противотанковых пушек.

Артиллерийское вооружение гвардейской стрелковой дивизии штата № 05/40 состояло из восемнадцати 45-мм противотанковых пушек, восемнадцати 57-мм противотанковых пушек, двенадцати 76-мм полковых пушек, восьмидесяти [68] девяти 82-мм минометов, тридцати восьми 120-мм минометов, двадцати четырех 76-мм дивизионных пушек, двенадцати 122-мм гаубиц и двенадцати САУ СУ-76М (для дивизий с ОСАД). На первый взгляд, артиллерия дивизии 1945 г. вызывает устойчивое чувство дежавю с 1941 г. Точно так же в стрелковой дивизии были гаубичный и пушечный артиллерийские полки. К ним прибавился минометный полк. Однако, в отличие от 1941 г., 152-мм гаубицы в штате артиллерии дивизии 1945 г. отсутствуют. Разделение на полк механической и гужевой тяги также отсутствовало. Вместо этого над гаубичным, пушечным и минометным полками в 1945 г. присутствовала управленческая надстройка — штаб артиллерийской бригады. Это существенно повышало уровень управления артиллерией за счет того, что в штабе бригады были радиостанции для связи с полками. Следует отметить, что помимо минометного полка 120-мм минометы присутствовали в каждом стрелковом полку. Также на уровне полковой артиллерии использовались 57-мм противотанковые пушки.

Обычная стрелковая дивизия имела схожую с гвардейской стрелковой дивизией организационную структуру, но незначительно отличалась от нее по численности. По штату № 05/40 в стрелковой дивизии было 11 780 человек (1135 офицеров, 3098 сержантов, 7547 рядовых), 1196 лошадей (55 верховых, 387 артиллерийских, 754

обозных), 437 автомобилей (15 легковых, 313 грузовых, 32 специальных, 77 автотягачей). Стрелковый полк штата № 05/41 обычной стрелковой дивизии насчитывал 2389 человек (182 офицера, 687 сержантов и 1520 рядовых). Точно так же в каждом стрелковом полку было две роты автоматчиков. Стрелковые батальоны имели численность 555 человек при численности стрелковых рот 104 человека. Разница между гвардейской и обычной стрелковыми дивизиями была в численности взвода. В гвардии он насчитывал 41 человека, а обычный — 28 человек.

Помимо советских стрелковых дивизий в боях на территории Германии участвовали пехотные дивизии двух армий Войска Польского. В целом польские пехотные соединения воспроизводили структуру стрелковой дивизии Красной армии. [69] Всего по штату в польской пехотной дивизии насчитывалось 11 465 человек, в том числе 1252 офицера, 3257 сержантов (подофицеров) и 6956 рядовых. Также дивизия имела по штату 1230 лошадей, 7 легковых автомашин, 26 специальных автомашин, 234 грузовика, 16 тракторов и 37 мотоциклов. Вооружение дивизии состояло из тридцати шести 45-мм противотанковых пушек, двенадцати 76-мм полковых пушек, пятидесяти восьми 50-мм минометов, восьмидесяти пяти 82-мм минометов, двадцати четырех 120-мм минометов, двадцати четырех 76-мм дивизионных пушек, двенадцати 122-мм гаубиц и тринадцати САУ СУ-76М. Все вооружение польских дивизий было советского образца. Также они получали боевую и вспомогательную технику, поступающую в СССР по программе ленд-лиза. В среднем польские дивизии имели лучшую укомплектованность личным составом, чем советские стрелковые дивизии. Бичом пехотных дивизий армии Войска Польского была нехватка офицерского состава.

Если в строительстве танковых войск Красной армии отчетливо прослеживаются следы копирования иностранного опыта, то артиллерийские соединения, напротив, были «визитной карточкой» советского военного строительства. Исключение из штата стрелковой дивизии в июле 1941 г. 152-мм гаубиц и ликвидация корпусного звена привела к появлению большого количества отдельных артиллерийских частей. Полки обычной и противотанковой артиллерии подчинялись напрямую армиям и фронтам. Следующим шагом стало укрупнение форм организации артиллерии. В конце октября и начале ноября 1942 г. началось формирование артиллерийских дивизий РГК. Они объединяли под одним управлением несколько гаубичных, пушечных и истребительно-противотанковых артиллерийских полков,

дивизион артиллерийской разведки и корректировочную эскадрилью. 6 декабря 1942 по постановлению Государственного Комитета Обороны № ГОКО-2428сс в артиллерийские дивизии было введено бригадное звено:

«1. Сформировать в каждой артиллерийской дивизии РГК:

а) Истребительно-противотанковую артиллерийскую [70] бригаду в составе трех истребительно-противотанковых артиллерийских полков по 24 76-мм пушки каждый.

б) Гаубичную артиллерийскую бригаду в составе трех гаубичных артиллерийских полков по 20 122-мм гаубиц каждый.

в) Пушечную артиллерийскую тяжелую бригаду в составе двух пушечных артиллерийских полков по 18 152-мм пушек-гаубиц каждый.

г) Минометную бригаду в составе четырех минометных полков по 20 120-мм минометов каждый.

д) Органы управления бригад и тыловые учреждения дивизии.

Общую численность дивизии установить — 9 368 человек»{21}.

Бригадное звено управления существовало и вне артиллерийских дивизий. В частности, постановлением ГОКО-3248сс от 23 апреля 1943 г. были сформированы десять истребительно-противотанковых бригад РГК. Каждая бригада включала два истребительно-противотанковых артиллерийских полка 76-мм пушек (по 20 орудий) и один истребительно-противотанковый артиллерийский полк 45-мм пушек (20 орудий).

В 1943 г. был сделан следующий шаг — артиллерийские дивизии были объединены в корпуса. Это было сделано постановлением Государственного Комитета Обороны № ГОКО-3164сс от 12 апреля 1943 г.:

«1. Сформировать четыре артиллерийских корпуса, каждый в составе:

Управление корпуса

Две артиллерийских дивизии прорыва

Одна гвардейская минометная дивизия

Батарея управления.

2. В состав артиллерийской дивизии прорыва включить:

одну легкую артиллерийскую бригаду — три полка по 24 орудия 76-мм пушек каждый; [71]

одну гаубичную артиллерийскую бригаду — три полка по 28 орудий 122-мм гаубиц каждый;

две тяжелых гаубичных артиллерийских бригады разрушения по 32 орудия 152-мм гаубиц каждая;

одну гаубичную артиллерийскую бригаду большой мощности — 24 орудия 203-мм гаубиц;

одну минометную бригаду — три полка по 36 120-мм минометов каждый;

Разведывательный артиллерийский дивизион и Батарею Управления.

Всего в дивизии иметь 244 орудия и 108 минометов»{22}.

На 1 января 1945 г. в действующей армии насчитывалось 7 артиллерийских корпусов прорыва, 33 артиллерийские и 5 минометных дивизий. Всего в Красной армии было на тот момент 10 артиллерийских корпусов прорыва, 37 артиллерийских и 7 гвардейских минометных дивизий.

Сражение за плацдармы. Раунд первый

Шагать десятки километров в маршевых колоннах гораздо приятнее, чем ползти считанные метры под шквальным огнем, теряя товарищей. Поэтому после успеха в прорыве обороны противника всегда было заманчиво его развить, быстро сдвигая фронт в глубину. Важнейшей задачей в ходе продвижения в глубину также являлся захват плацдармов на крупных реках, так как наступление с форсированием водной преграды всегда было одной из самых трудных задач. Если пехота еще может худо-бедно преодолеть реку, то перемещение через нее крупных масс артиллерии для продолжения операции является труднейшей задачей с организационной и инженерной точек зрения. Гораздо удобнее накапливать артиллерию на плацдарме и далее двигать ее вперед без лишних хлопот.

Занимать пустое пространство в тылу окружаемой и отходящей группировки противника было возможно до создания [72] в глубине заслона из резервов. Здесь шла гонка за время: пока неуспешно обороняющийся спешно восстанавливал

фронт, наступающий продвигался вперед. Часто первоначально намеченный для построения нового оборонительного фронта рубеж оказывался занятым наступающим до прибытия на него резервов. Иногда, напротив, обороняющийся решительными выпадами отсекал чересчур глубоко прорвавшиеся в его тыл части и восстанавливал положение, возвращая потерянную территорию. Линия, на которой в конечном итоге останавливался фронт, являлась результатом этой гонки. После остановки на сбалансированной взаимными выпадами и контрударами линии начинались новое соревнование. На этот раз обороняющийся начинал укреплять оборону, а наступающий — лихорадочно подтягивать силы для ее сокрушения. Одна операция заканчивалась, а другая вступала в стадию подготовки и планирования.

Наиболее эффективным средством гонки за рубеж в глубине являлись подвижные части и соединения. Они могли на колесах и гусеницах проходить до 70–80 километров в сутки. Но их продвижение ограничивалось возможностями снабжения горючим, особенно в отношении заправки прожорливых бронированных машин. Часто приходилось даже доставлять горючее самолетами. Меньше зависела от снабжения горючим кавалерия, но она существенно уступала мехчастям в ударных возможностях и скорости продвижения вперед. Однако большую часть войск в период Второй мировой войны составляла пехота, передвигавшаяся пешим порядком. Пехотинцы также хотели максимально сдвинуть в глубину рубеж следующего сражения и формировали для этого импровизированные передовые отряды на автомашинах, мотоциклах и конных повозках. Хотя штатно пехотные соединения не имели автомашин для перевозки своих батальонов, грузовики присутствовали в тылах и автотранспортных полках и батальонах. Именно они становились транспортом для передовых отрядов — подразделений, лидирующих продвижение вперед. Основная масса стрелковых частей и соединений двигалась в маршевых колоннах, а впереди них двигались небольшие отряды на автомашинах. Они [73] могли сбивать сопротивление отдельных частей противника, подразделений охраны тыла и захватывать с использованием момента внезапности мосты, переправы и плацдармы.

Победителем в гонке за новую линию фронта мог оказаться не самый быстрый и сильный, а просто тот, кому повезло оказаться в нужное время в нужном месте. Именно так произошло в финальной фазе Висло-Одерской операции, когда первым вышел на рубеж реки Одер передовой отряд пехоты 5-й ударной армии, а

несколькими часами позже — бригада 2-й гв. танковой армии. Это был армейский передовой отряд под командованием заместителя командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Харитона Есипенко. Полковник Есипенко 30 января получил от командующего 5-й ударной армии задачу двигаться по маршруту Байерсдорф, Нойдамм, Фюрстенфельде, Кинити, упредить противника в выходе к р. Одер и захватить плацдарм в районе Кинитц. Отряд был сформирован 25 января 1945 г. В его состав вошли 1006-й стрелковый полк 266-й дивизии под командованием подполковника И. И. Терехина на автомашинах 41-го автомобильного полка, 220-я отдельная танковая бригада полковника А. Н. Пашкова, 89-й отдельный тяжелый танковый полк подполковника М. Л. Жилы, 507-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк подполковника В. А. Дмитриева, 360-й отдельный самоходно-артиллерийский дивизион майора Н. А. Жаркова, 2-й дивизион 489-го минометного полка, 2-й дивизион 94-го гвардейского минометного полка, 303-й гвардейский зенитно-артиллерийский полк 2-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии и рота саперов. Предназначенный по штату для обслуживания перевозок боеприпасов и других предметов снабжения, 41-й автомобильный полк 5-й ударной армии состоял из 127 грузовиков «Форд» и 476 «Студебеккеров». Для перевозки передового отряда 94-й гв. стрелковой дивизии автополк выделил 77 «Студебеккеров», а для перевозки передового отряда 266-й стрелковой дивизии (полковника Есипенко) — 61 «Студебеккер»{23}. Отряд Есипенко насчитывал [75] 90 танков, в том числе 21 ИС, 12 САУ, 42 орудия и миномета, 12 «катюш». Командиру передового отряда выделялась мощная радиостанция типа РАФ (предназначавшаяся для звена фронт — армия), а при удалении отряда от основных сил армии до 100 км и более планировалось посылать для связи офицеров штаба на самолетах По-2. Таким образом, важная даже в масштабе фронта задача поручалась сильному подразделению, в состав которого входили все рода войск, а уровень подвижных средств связи соответствовал армии.

В 16.00 26 января подразделения отряда с ходу переправились через реку Нетце в районе Чарникау. Здесь проходила линия обороны, состоящая из ДОТов и длинных рядов колючей проволоки. Именно здесь отряду несказанно повезло. Ни отходящие немецкие части, ни резервы из глубины не успели занять укрепления. Это позволило общевойсковой армии обогнать две танковые армии в выходе на рубеж Одера. Мимо безмолвных ДОТов отряд вошел на территорию Германии и, не

останавливаясь, понесся дальше мимо островерхих фольварков и аккуратно расчерченных полей. Отряд Есипенко двигался по «Рейхсштрассе № 1». Грузовики позволяли отряду продвигаться темпом в 30–40 км в сутки. В 15 км от Одера в передовом отряде стал ощущаться недостаток горючего. Командир отряда сформировал подвижную группу в составе двух стрелковых батальонов на автомашинах, трех рот танков Т-34, дивизиона гвардейских минометов и одного истребительно-противотанкового полка. В авангард он выделил 1-й батальон 1006-го стрелкового полка, 360-й дивизион самоходно-артиллерийских установок 266-й стрелковой дивизии, 1-ю батарею 507-го армейского истребительно-противотанкового полка и взвод саперов. Дозаправив автотранспорт и танки группы за счет автотранспорта остальных частей передового отряда и временно бросив часть техники, полковник Есипенко продолжил движение вперед. В 8.00 31 января подвижная группа переправилась по льду через Одер и захватила плацдарм на его левом берегу в районе небольшого городка Киниц. Впоследствии этот эпизод стал обрастать яркими и сочными деталями («когда [76] отряд ворвался в город Киниц, на его улицах спокойно разгуливали немецкие солдаты, в ресторане было полно офицеров»), но в реальности в маленьком немецком городке не было частей вермахта, кроме поезда с шестью зенитными пушками. Зенитчики и местный персонал RAD (Reicharbeitsdienst) были захвачены врасплох и сдались в плен. Всего было захвачено 13 офицеров и 63 юнкера зенитного училища. Также были освобождены 57 советских военнопленных, задействованных как сельскохозяйственные рабочие в Амт Киниц.

Буквально через несколько часов к Киницу вышел передовой отряд 1-го механизированного корпуса — 219-я танковая бригада гвардии полковника Е. Г. Вайнруба. Если отряд Есипенко двигался вдоль крупной автомагистрали «Рейхсштрассе № 1», то бригады 1-го механизированного корпуса шли по второстепенным дорогам. Утром 29 января 219-я танковая бригада захватила городок Танков примерно в 15 км от «Рейхсштрассе № 1». Отряд Есипенко прошел в этом районе сутками ранее, уклонившись от боя в городе Фридеберге на «Рейхсштрасе № 1». Стартовав из Танкова утром 30 января, танкисты в 16.00 захватили узел дорог Карцих. Далее к Одеру двинулся один батальон (11 танков M4A2 «Шерман» и 3 Mk.IX «Валентайн»), а остальные части бригады остались в Карцихе. В тот момент 1-й механизированный корпус испытывал серьезные

проблемы с горючим: «Весь колесный транспорт соединений и частей корпуса и танки 35 механизированной бригады, ввиду отсутствия горючесмазочных материалов, были оставлены в районе Мариенфельде, Дивельбрух»{24}. В 10.00 31 января отряд 219-й танковой бригады вышел к Одеру у Киница. Однако, в отличие от пехоты отряда Есипенко, танки переправиться через Одер не могли и повернули на юг в поисках моста или брода. В поисках переправы они добрались до Кюстрина, куда в этот момент прибыл эшелон с дивизионом артиллерийского полка 25-й танко-гренадерской дивизии. В результате боя три танка (один «Валентайн» и два «Шермана») были подбиты фаустпатронами. [77] Захват Кюстрина был отложен почти на два месяца. Подбитые танки стояли на улицах города и вселяли в защитников слабую надежду в успех их безнадежного дела.

37-я механизированная бригада 1-го механизированного корпуса днем 31 января форсировала Одер севернее Кюстрина в районе Каленцига двумя спешенными батальонами пехоты и к 18.00 вела бой за селение Геншмар на западном берегу реки. Главные силы 1-го механизированного корпуса вышли к Одеру к 22.00 31 января. 19-я механизированная бригада 1 февраля завязала бои за Кюстрин, одним мотострелковым батальоном форсировав Одер. 35-я механизированная бригада сосредоточилась в Каленците в готовности поддержать 37-ю механизированную бригаду.

Вечером 31 января к Одеру вышли передовые подразделения соседнего 9-го гв. танкового корпуса 2-й гв. танковой армии. Роль передового отряда корпуса выполняла 47-я гв. танковая бригада. В 20.00 31 января она вышла к железнодорожной станции Цекерик на восточном берегу Одера. К 12.00 1 февраля три танковых батальона с батальоном автоматчиков перешли в наступление и захватили станцию. Захваченные пленные показали, что переправу прикрывала маршевая рота танкового полка, прибывшая 29 января с целью не допустить захват моста. Вооружение роты составляли три 88-мм зенитки и фаустпатроны. Переправиться на западный берег Одера передовому отряду в этот день не удалось. Как записано в журнале боевых действий армии: «Переправой овладеть не удалось ввиду отсутствия пехоты и, как только танки пошли в атаку в район станции, они подбивались или зажигались «Фауст-патронами»{25}. Главные силы 9-го гв. танкового корпуса вышли к Одеру во второй половине дня 1 февраля.

Наилучшего результата на тот момент добился отряд полковника Есипенко. Передовым отрядом 5-й ударной армии был занят плацдарм 4 км по фронту и глубиной до 3 км. Расширить плацдарм наличными силами, располагавшими 0,5 боекомплекта боеприпасов и 0,1 заправки горючего, было [78] невозможно. Поэтому полковник Есипенко принял решение закрепиться, перебросить на левый берег Одера как можно больше артиллерии, минометов и стрелковых подразделений, организовать круговую оборону и создать в Кинице сильный противотанковый узел. В 14.00 31 января на плацдарм также переправился еще один передовой отряд 5-й ударной армии, собранный из подразделений 94-й гв. стрелковой дивизии. Части отрядов приспособили под огневые точки подвальные помещения каменных домов, вырыли окопы, использовали для обороны дамбы, идущие вдоль западного берега Одера. Одними из первых по льду были переправлены три батареи 303-го гв. полка малокалиберной зенитной артиллерии для прикрытия района Киница с воздуха. К исходу 31 января на плацдарм было дополнительно переброшено: 84 миномета, 42 орудия 45-мм, 39 орудий 76-мм дивизионной и полковой артиллерии, 18 орудий 122-мм. Танки и гвардейские минометы из-за плохого состояния льда переправить не удалось, и они остались на правом берегу Одера. Также к 18.00 в район переправ подошли две батареи 306-го полка малокалиберной зенитной артиллерии. Как показали последующие события, зенитки стали предметом первой необходимости.

После захвата плацдармов разыгралось типичное для войны сражение за них, сценарий которого был похожим по обе стороны фронта и в разные периоды войны. В этом отношении борьба в 1945 г. на одерских плацдармах не отличается принципиально от борьбы, например, за плацдарм у Острова в Прибалтике в 1941 г. Точно так же прибывающие резервы бросались в бой по мере прибытия и с призрачными надеждами на успех. Ответные действия немцев на захват плацдарма в 68 км от Берлина последовали сравнительно быстро. Уже в 13.00 (берлинского времени) 31 января майор Викль, командовавший северокавказским батальоном в Кюстрине, получил приказ взять 345-й специальный батальон из города, соединиться с 203-м батальоном из Берлина и сформировать из них боевую группу. Под покровом темноты поздним вечером 31 января 203-й батальон занял позиции на линии Софиенталь — Зюдовице на южном фасе советского плацдарма, а 345-й батальон занял западный берег Одера от [79] плацдарма до Кюстрина. В 1.00 ночи

последовал приказ: в 4.00 ударом 203-го батальона вдоль дороги от Лечина до Амт Киница пробиться в Киниц. Атака должна была быть поддержана несколькими учебными танками из NSKK (национал-социалистического моторизованного корпуса) во Врицене. Также в 4.00 1 февраля по плацдарму открыли огонь зенитки дивизиона 211-го зенитного полка, прибывшего из Берлина. Расчеты орудий состояли из 16 и 17-летних школьников, и использование зениток в качестве полевых орудий было им непривычно. Атака 203-го батальона состоялась, но была отбита.

Быстрее всего отреагировала на захват плацдармов немецкая авиация. Поначалу для ВВС противника в этом районе сильный отряд советских войск на Одере был нонсенсом. Так, группа самолетов Ю-88 около 16.00 31 января беспечно возвращалась на свой аэродром в районе Лечина на высоте 400 м, была обстреляна зенитчиками передового отряда, и один самолет был сбит. Однако, в отличие от своих находившихся в боевом вылете коллег, оставшиеся на базах экипажи получили предупреждение и поднялись в воздух. Поэтому уже с 15.00 31 января на занятый плацдарм и переправы обрушились удары с воздуха, продолжавшиеся до наступления темноты. 1 февраля, несмотря на облачность, последовало 2889 самолето-пролетов люфтваффе в полосе 1-го Белорусского фронта, на 900 больше, чем было зафиксировано за весь январь 1945 г. (!!!). Из этого числа 2409 самолето-пролетов было зафиксировано в полосе 5-й ударной армии (более 83% общего числа). 65–75% действовавших по плацдарму самолетов были ФВ-190, второе место занимал Ю-87, а Хе-111 и Ю-88 в этот период больше занимались воздушной разведкой. Аэродромы 16-й воздушной армии к моменту захвата плацдармов были еще далеко от Одера. К 1 февраля в районе Нойштадт (около 100 км от линии фронта) находились только аэродромы 3-го истребительного авиационного корпуса и 278-й истребительной авиадивизии. Поэтому основная тяжесть борьбы с авиацией противника легла на плечи зенитчиков. За 1 февраля над плацдармом 5-й ударной армии было сбито 12 самолетов огнем малокалиберной зенитной артиллерии и 1 — среднекалиберной. [80]

За первыми неуклюжими попытками ликвидировать плацдарм последовали более серьезные атаки. К моменту захвата плацдарма в район Кюстрина двигались 21-я танковая и 25-я танко-гренадерская дивизии. Они перебрасывались по железной дороге с Западного фронта. По первоначальному плану дивизии должны были

выгрузиться в Кюстрине и оборонительными действиями на восточном берегу Одера предотвратить захват плацдармов. Вследствие успешных действий передового отряда полковника Есипенко эта задача стала неактуальной, и дивизии выгружались под огнем уже на западном берегу Одера. Первые эшелоны с частями 25-й танко-гренадерской дивизии начали выгрузку уже 31 января. Один дивизион артиллерийского полка выгружался в Кюстрине, а батальон танко-гренадерского полка — в Гузове. Выгрузку сопровождали хаос и паника, начавшиеся вследствие сообщений о выходе советских войск к Одеру. Станция горела, артиллерийские орудия скатывали с платформ на руках. Выгрузившиеся в Кюстрине части были вынуждены вскоре вернуться назад и вступить в бой на западном берегу Одера. [81]

Состояние танкового парка 21-й танковой и 25-й танко-гренадерской дивизий на 15 января 1945 г.

	Тип танка или САУ	Боеготовы	В краткосрочном ремонте	В долгосрочном ремонте
25 тд	Flakpanzer.IV	1	2	—
	Pz.IV	—	1	—
	Pz.V «Пантера»	3	24	10
	CAVStuGIH	2	11	20
21 тд	Pz.38(t)	—	2	—
	Flakpanzer.IV	2	8	—
	Pz.IV	6	21	10
	Jagdpanzer.IV/ L70	13	4	—
	Pz.V «Пантера»	15	24	26
	Командирские	—	1	—
	Танки артиллерийских наблюдателей	4	1	—

Когда на следующий день после захвата плацдарма противники пришли в себя и осмотрелись, и передовые части 1-го Белорусского фронта, и немецкие части в

районе Кюстрина могли констатировать сложность своего положения и неясные перспективы дальнейшего хода событий. Немецкое командование вместо запланированного маневренного сражения на правом берегу Одера вынуждено было таранить оборону захваченных плацдармов. Строившаяся на западном берегу Одера оборонительная линия «позиции Нибелунгов» (Nibelungen-Stellung) в одночасье утратила свое значение. Однако положение советской 5-й ударной армии также было не безоблачным. С одной стороны, ее дивизии стояли в нескольких десятках километров от немецкой столицы. С другой стороны, они фактически висели в воздухе, зацепившись за Одер. Из артиллерийских средств с войсками на Одере и на подступах к нему действовала лишь артиллерия, имевшая конную тягу (сорок одна батарея 76-мм и шестнадцать батарей 122-мм орудий). Вся артиллерия, имевшая механическую [82] тягу (семь батарей 76-мм, одиннадцать батарей 122-мм и 356 орудий артиллерии усиления), из-за недостатка горючего растянулась на 80 км и значительно отстала от войск. Отставание артиллерии и проблемы со снабжением боеприпасами существенно снижали как обороноспособность войск, так и их возможности по расширению плацдармов.

Ко всем прочим трудностям армия Н. Э. Берзарина осталась на плацдармах в одиночестве: 2-я гв. танковая армия была развернута на север. Уже 1 февраля С. И. Богданов получил директиву Военного совета 1-го Белорусского фронта № 00214/оп следующего содержания:

«2 гвардейская танковая армия вырвалась вперед, вышла на р. Одер и свою задачу выполнила. В результате отставания 1 Польской армии и 47 армии и растяжки боевых порядков 61 армии, образовался большой разрыв.

ПРИКАЗЫВАЮ:

2 гвардейскую танковую армию с утра 1.2.45 двумя корпусами организованно повернуть на север с задачей — выйти в район:

а) 9 гв. ТК юго-восточнее озера Плензее, Пириц, Мелентин.

Сильные передовые отряды выдвинуть — Виттихов и при возможности занять Штаргард;

Второй передовой отряд выдвинуть на фронт Шутценау, Грабин;

б) 1 МК выйти в район Кейзелиц, Геберсдорф, Бан, Нойендорф, Байерсдорф и выдвинуть передовой отряд к переправам через р. Одер на участке Грейфенхаген, Шведт, Цеден.

в) 12 гв. ТК продолжать выполнение прежней задачи»{26}.

12-й гв. танковый корпус ранее уже был задействован в районе Дойч-Кроне для прикрытия фланга 1-го Белорусского фронта. Сейчас на север разворачивались два других корпуса армии С. И. Богданова. Уже в 15.00 1 февраля 9-й гв. танковый и 1-й механизированный корпуса выступили в назначенные районы. Войска 5-й ударной армии лишались [83] поддержки танковых частей 2-й гв. танковой армии, с которыми они шли вместе с магнушевского плацдарма. Им предстояло снова встать плечом к плечу только через два с половиной месяца, перед началом Берлинской операции.

Вскоре положение советских войск на одерских плацдармах перестало быть безоблачным в буквальном смысле этого слова. Ответственный за берлинское направление немецкий 6-й воздушный флот насчитывал на 6 января только 364 самолета. К 3 февраля он насчитывал уже 1838 самолетов. Быстрое возрастание числа самолетов неизбежно привело к резкому возрастанию ахтивности ВВС противника. В первые четыре дня февраля немецкая авиация по числу самолето-пролетов действовала даже более активно, чем в дни наступления на Курской дуге 5–12 июля 1943 г. против войск Воронежского и Центрального фронтов. При этом сосредоточение сил на узких участках даже превышало период сражения под Курском. Зафиксированные 5 июля 1943 г. 2293 самолето-пролета на Центральном фронте и 3150 самолето-пролетов на Воронежском фронте пришлись в достаточно широкой (несколько десятков километров) полосе главного удара противника по окопанным войскам. 1 февраля 1945 г. более 2000 самолето-пролетов было отмечено над компактным плацдармом и по находившимся на марше частям и соединениям. Больше всего досталось 5-й ударной армии. За 2409 самолето-пролетами в ее полосе 1 февраля последовало 1805–2 февраля, 462–3 февраля и 1800–4 февраля. Только 3 февраля фаворитом на один день стала находившаяся южнее Варты 8-я гв. армия — 1995 самолето-пролетов.

Мощные удары с воздуха привели к тому, что 10–23 км, отделявшие соединения 5-й ударной армии от Одера к вечеру 31 января, были преодолены днем 1 февраля с

большим трудом. Дивизиям армии Н. Э. Берзарина потребовалось на это 10–12 часов. К исходу дня 1 февраля соединения 5-й ударной армия находились в следующем положении. 9-й стрелковый корпус 230-й и 248-й стрелковыми дивизиями вышел к Одеру на рубеж Альт-Блессин, Целлин, Гросс Нойендорф, захватив одним стрелковым полком 248-й дивизии [84] небольшой плацдарм в районе Гросс Нойендорф; 301-я стрелковая дивизия — второй эшелон корпуса — головой колонны подходила к Троссин, где и должна была сосредоточиться для ночлега. 26-й гвардейский стрелковый корпус 94-й гвардейской стрелковой дивизией и передовым отрядом армии удерживал плацдарм в районе Киница. 89-я гвардейская стрелковая дивизия была на подходе к переправе через Одер в районе Каленциг, а 266-я стрелковая дивизия сосредоточивалась в район Дармитцель, Квартшен, Цихер. 32-й стрелковый корпус в течение дня частью сил вел бои за овладение Витцем, а частью сил наносил удар в направлении Блоквинкель. 60-я гвардейская стрелковая дивизия, обходя Витц с севера, продолжала движение на Кюстрин; ее передовой отряд вышел на северо-восточную окраину Кюстрина — Нейштадт («новый город»). 295-я стрелковая дивизия вела бои за Витц. 416-я стрелковая дивизия в течение ночи на 1 февраля вышла на рубеж Нойзоест, Россвизе, Зейдлиц, откуда начала наступление в южном направлении.

Командарм Берзарин понимал, что залогом успешности обороны плацдармов является быстрая переправа главных сил армии на западный берег Одера. Командующий армией приказал командирам корпусов не терять времени, использовать темноту и продолжать наступление в ночь на 2 февраля. Войскам армии была поставлена задача к исходу 2 февраля выйти на рубеж Врицен, Нейтреббин, Ней-Лангзов, Горгаст, Киц, то есть захватить плацдарм шириной по фронту до 45 км и глубиной до 12–17 км.

В течение ночи на 2 февраля 248-я стрелковая дивизия, оставив один стрелковый полк в Целлине, остальными силами продолжала переправу на левый берег Одера к северу от Киница. Не встречая сопротивления противника, части дивизии продвигались на запад с задачей овладеть Ной-Барнимом, Кляйн Нойендорфом. К 5.00 утра 2 февраля на левый берег реки из состава дивизии было переправлено два стрелковых полка, тридцать четыре 82-мм миномета, двенадцать 120-мм минометов, двадцать четыре 45-мм пушки, четыре 76-мм пушки полковой артиллерии и двенадцать 76-мм пушек дивизионной артиллерии. [85]

Пока люфтваффе пыталось бомбо-штурмовыми ударами задержать подходящие к Одеру советские дивизии, прибывшие немецкие части с ходу атаковали плацдармы. Вслед за мотопехотными частями 25-й танко-гренадерской дивизии выгрузился 5-й танковый полк соединения, насчитывавший 25 танков Pz.Kpfw.V»Пантера» и 10 истребителей танков JagdpanzerIV/70(V). В 7.30 2 февраля мотопехотный батальон на БТР «Ганомаг» и танковый полк 25-й танко-гренадерской дивизии атаковали по обе стороны дороги Ортвиг — Гросс-Нойендорф. Атаку также поддерживали восемь «Хетцеров» армейского танко-истребительного подразделения. В результате атаки немцам удалось прорваться в район Гросс Нойендорф. Их противником в этом бою были части только что переправившейся на западный берег Одера 248-й стрелковой дивизии. На подготовку обороны перед лицом атаки «Пантер» у пехотинцев было всего несколько часов. В условиях угрозы окружения дивизия удерживала занимаемые ею рубежи до 14.20 2 февраля. К этому времени в частях дивизии были израсходованы все боеприпасы и выведены из строя большинство минометов и вся полковая и батальонная артиллерия. Под нажимом танковых атак части дивизии начали отходить к Одеру.

Командир 248-й дивизии генерал-майор Н. Э. Галлай с началом немецкой контратаки приказал командиру 905-го стрелкового полка ускорить переправу полка на левый берег Одера и быть в готовности к наступлению в общем направлении на Ортвиг. Переправе полка через реку противник оказывал сильное сопротивление огнем пехотного оружия и особенно авиацией. Полк переправлялся в течение всего дня и вводился в бой побатальонно. Однако это решение вскоре дало положительный результат. Подразделения полка контратаками остановили наступавшего противника и начали закрепляться на достигнутом рубеже.

Во второй половине дня 2 февраля вновь разгорелись ожесточенные бои за Гросс Нойендорф, который оборонялся 1-м стрелковым батальоном 902-го стрелкового полка и артиллерийским полком дивизии в составе двенадцати 76-мм пушек, имевших около 0,4 боекомплекта боеприпасов. В течение [86] нескольких часов советские войска в районе Гросс-Нойендорф отбивали танковые атаки противника. Только после того, как были уничтожены или выведены из строя все орудия и большинство орудийных расчетов, мотопехоте и танкам боевой группы 25-й танковой дивизии удалось ворваться на западную окраину Гросс-Нойендорфа. Ожесточенные бои в населенном пункте продолжались до утра 3 февраля, когда в

результате согласованных ударов 902-го стрелкового полка с восточной окраины Гросс-Нойендорфа, батальона 905-го стрелкового полка с севера и части сил 94-й гвардейской стрелковой дивизии из района Кинитц противник с большими для него потерями был выбит из Гросс-Нойендорфа. В боях 2 февраля 248-я стрелковая дивизия понесла значительные потери в живой силе и боевой технике. Однако ей удалось удержать захваченный плацдарм шириной до 5 км по фронту и глубиной до 1–3 км, закрепившись на рубеже Ортвиг, Гросс-Нойендорф.

Как мы видим, нажим на плацдармы был достаточно сильный, подкрепленный мощными ударами с воздуха по самим плацдармам и по подходящим к ним резервам. Однако [87] удержание нескольких клочков земли на левом берегу Одера было задачей первостепенной важности.

По мере выхода к Одеру главных сил 1-го Белорусского фронта число плацдармов начало увеличиваться. Левофланговые соединения 5-й ударной армии отстали и находились в 20 км от Одера, поэтому вклинение было образовано 230-й стрелковой дивизией правофлангового 9-го стрелкового корпуса. В течение ночи на 2 февраля на левый берег реки в районе Целлин переправились два стрелковых полка и вся дивизионная и приданная артиллерия на конной тяге. Всего на левый берег было переброшено 144 орудия вместе с 45-мм пушками. В то время как 248-я стрелковая дивизия отбивала контрудар противника, 230-я стрелковая дивизия перешла в наступление в направлении Карлсбизе и Ной-Левина. Наиболее сильным средством воздействия противника на новую угрозу стали удары с воздуха. Наступление 230-й дивизии проходило под непрерывным воздействием авиации противника, которая группами до 50 самолетов бомбила и обстреливала боевые порядки частей дивизии, наступавших по открытой равнинной местности. Отдельные подразделения прикрытия противника оказывали сопротивление артиллерийским и пулеметным огнем из районов Карлсбизе и Гизхоф — Мерин — Грабен. К исходу дня части дивизии захватили плацдарм шириной по фронту до 2,5 км и такой же глубины. Захватом этого плацдарма была создана угроза северному флангу 25-й танко-гренадерской дивизии. В конце дня 2 февраля 89-я гвардейская стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Каленциг и начала переправляться на левый берег Одера. Отставший 32-й стрелковый корпус после 25-км марша 60-й гвардейской стрелковой дивизией вышел к Одеру на участке Каленциг,

Альтшаумбург и частью сил также начал переправу на левый берег реки. Образование плацдармов стало принимать характер цепной реакции.

Если советское командование было вынуждено развернуть 2-ю гв. танковую армию на север, противостоящие 5-й ударной армии немецкие войска начали усиливаться. 2 февраля прибыли по железной дороге 303-я пехотная дивизия «Добериц» и 309-я пехотная дивизия «Берлин». Они заняли [88] позиции к югу от 25-й танко-гренадерской дивизии. В дождливый день 3 февраля выгрузились из эшелонов последние части 25-й танко-гренадерской дивизии. Немецкая оборона на западном берегу Одера постепенно обустраивалась. Вновь прибывшие соединения были объединены штабом вновь организованного корпусного штаба «Берлин», вскоре переименованного в CI (101-й) армейский корпус. Возглавил корпус Вильгельм Берлин, занимавший ранее должность генерала артиллерии в ОКВ. Но к тому моменту баланс сил сместился в сторону советских войск, и от продолжения контрударов немецкое командование вынуждено было отказаться, ограничившись локальными контратаками. К концу дня 3 февраля 5-я ударная армия образовала сплошной плацдарм на левом берегу Одера до 25 км по фронту и от 2 до 7 км в глубину. Ситуация пришла к равновесию: немецкие резервы не могли ликвидировать плацдарм, а войска 5-й ударной армии столкнулись с серьезными затруднениями в его расширении.

Однако немцы испытывали не меньшие трудности со сдерживанием советских войск на рубеже Одера: плацдармы начали захватываться один за другим. Наступавшие севернее дивизий 5-й ударной армии стрелковые части 61-й армии также быстро продвигалась вперед. Лидером в продвижении вперед стала 82-я стрелковая дивизия полковника Дудорова. В отличие от полностью моторизованного передового отряда армии Берзарина, части 82-й дивизии двигались вперед на конных повозках. Вместо ИСов были два батареи 1899-го самоходно-артиллерийского полка на СУ-76. 28 января части дивизии пересекли старую польско-германскую границу. Ввиду нехватки горючего вся артиллерия дивизии и значительная часть штабных автомашин отстала в пути. На пути движения настигались и захватывались автомашины, мотоциклы, обозы и сопутствующие им пленные. Важнейшим фактором действий передовых отрядов стала внезапность. Так, 31 января отряд 210-го стрелкового полка стремительно ворвался в город Зольдин и квартал за кварталом быстро очистил его от противника. Было

уничтожено 158 солдат гарнизона и взято в плен свыше 200. Трофеями советских [89] войск стали 8 эшелонов, 4 паровоза, 140 автомашин и тягачей, 4 зенитных установки, большое количество продовольствия, шанцевого инструмента и оружия.

Несмотря на использование лошадей в качестве основного транспорта, части 82-й стрелковой дивизии вышли к Одеру ненамного позже отряда Есипенко и передовых частей двух танковых армий. Передовой отряд 250-го стрелкового полка численностью в стрелковый батальон к 9.00 2.2.45 г. форсировал р. Одер и закрепился на берегу западнее Ной Блессина. Один стрелковый полк дивизии занял позиции на плацдарме, а два других остались на восточном берегу Одера. Не обошлось без приятных сюрпризов: в районе Штемпхеля был захвачен аэродром, на котором было уничтожено 30 самолетов. Захваченное на аэродроме горючее было использовано для заправки автомашин дивизии и подтягивания артиллерии на механической тяге. Так же как и соединения 5-й ударной армии, части 82-й стрелковой дивизии подверглись интенсивным ударам с воздуха. Полковник Дудоров в своем отчете по итогам событий писал: «Авиация противника безнаказанно на бреющем полете расстреливала движущиеся части и бомбила их расположение»{27}. В отличие от войск 5-й ударной армии, правый фланг 82-й дивизии был открыт, и она подверглась атакам не только на западном берегу Одера, но и на восточном. Правофланговый 601-й стрелковый полк подвергся атакам с севера, организовал круговую оборону. Первые контратаки противника пришлось отражать преимущественно огнем стрелкового оружия. В ночь с 4 на 5 февраля немцами были предприняты атаки на восточном берегу Одера в направлении на Цекерик и даже ворвались на северную окраину Цекерика. После упорного боя в 14.00 5 февраля положение было восстановлено. К концу дня на выручку прибыл мотоциклетный полк и три танка из 2-й танковой армии. Они к исходу дня овладели Цеденом и тем самым окончательно обезопасили правый фланг захваченных 5-й ударной армией плацдармов.

Задержавшись на укреплениях в районе Мезерица, 1-я гв. [90] танковая армия вышла к Одеру на два дня позже 2-й гв. танковой армии. 11-й гв. танковый корпус вышел главными силами к Одеру в ночь на 2 февраля. 40-я гв. танковая бригада захватила в первой половине дня 2 февраля Гериц, в 15.00 мотопехота и часть артиллерии переправились через Одер, а к вечеру бригада частью сил вела бой на южной окраине Кюстрина. 44-я гв. танковая бригада переправила мотопехоту и

часть артиллерии через Одер южнее Герица. К вечеру 2 февраля плацдарм был расширен по фронту до 8 км и в глубину до 6 км. Продвижение 8-го гв. механизированного корпуса армии Катукова к Одеру сдерживалось нехваткой горючего и необходимостью вести бои с отходящими в западном направлении частями противника.

Наступавшая параллельно 5-й ударной армии 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова также имела задачу захватить плацдарм на Одере, но в гонке к реке не получила даже почетное третье место. Две армии были разделены руслом реки Варта: 5-я ударная армия действовала севернее Варты, а 8-я гв. армия — южнее Варты. Армия Чуйкова двигалась к Одеру 4-м гв. и 28-м гв. стрелковыми корпусами, в то время как 29-й гв. стрелковый корпус вел бои за овладение г. Познань. Продвижение соединений 8-й гв. армии сдерживали разрозненные части противника, цепляясь за узлы дорог, отдельные населенные пункты и лесные массивы. Еще одним средством сдерживания продвижения советских войск была авиация, в том числе истребители ПВО. Как было написано в отчете штаба 4-го гв. стрелкового корпуса: «Авиация противника самолетами марки Ме-109 все время контролировала дороги, обстреливая войска пулеметно-пушечным огнем». 4-й гв. корпус первым из соединений 8-й гв. армии достиг Одера вечером 2 февраля. Части корпуса вышли в тот же район, что и бригады 1-й гв. танковой армии. Однако в 23.00 М. Е. Катуков получил от Г. К. Жукова приказ на выдвижение в район Ландсберга (на северный берег р. Варта) «в готовности к действиям в северном и северо-восточном направлениях»{28}. С утра 3 февраля части 1-й гв. танковой армии начали [91] выдвижение в назначенный район. Подошедшие к Одеру подразделения 8-й гв. армии принимали существующие плацдармы от мотострелков Катукова и занимали новые.

В 7.00 3 февраля 57-я гв. стрелковая дивизия корпуса форсировала реку на участке Киц, Гериц и в течение дня захватила плацдарм на западном берегу глубиной до 4 км и шириной 7 км. 47-я гв. стрелковая дивизия форсировала реку и в течение дня полностью переправила три полка, выдвинувшись в направлении Маншова. 35-я гв. стрелковая дивизия осталась во втором эшелоне корпуса на восточном берегу реки. Форсирование Одера и захват плацдармов стоили 4-му гв. стрелковому корпусу 99 человек убитыми и 157 ранеными. Соседний 28-й гв. стрелковый корпус, пройдя за день 20 км, сумел переправить на западный берег Одера один полк 79-й стрелковой

дивизии. В итоге к вечеру 3 февраля 8-я гв. армия захватила три небольших пока еще изолированных друг от друга плацдарма. Немецкое командование сразу же перенацелило на новые плацдармы свою авиацию, на один день переключившись с 5-й ударной армии на 8-ю гвардейскую армию.

За сектор фронта от дороги Кюстрин — Берлин до Франкфурта-на-Одере отвечал V горный корпус СС. Переправившимся через Одер передовым частям двух корпусов 8-й гв. армии противостояла так называемая дивизия «Рэгнер», состоявшая из шести батальонов RAD и фольксштурма. Дивизия получила свое название по имени своего командира, генерал-майора Адольфа Рэгнера. Он был освобожден Гиммлером от должности коменданта Кюстрина для формирования дивизии из разрозненных частей. Средством контрударов стала формирующаяся танко-гренадерская дивизия «Курмарк». Она формировалась по приказу от 30 января по штату танко-гренадерской дивизии 1944 г. Первоначально танковый батальон дивизии состоял из 28 «Хетцеров». 2 февраля в дивизию был введен танковый батальон «Бранденбург» в составе 45 только что полученных с завода «Пантер». Одновременно в бой были введены будущие офицеры — в районе Рейтвейна.

4 февраля 4-й гв. стрелковый корпус начал расширение захваченного плацдарма. В течение дня соединения корпуса [92] под сильным огнем противника продвигались вперед и овладели южной окраиной Кица, перерезали железную дорогу из Кица на запад. Бой за плацдарм вели две дивизии, 35-я гв. стрелковая дивизия корпуса еще находилась на марше на восточном берегу Одера. В своем приказе от 4 февраля командующий фронтом нацеливал вышедшие к Одеру войска на захват Берлина:

«Задача войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до двух заправок горючего, до двух боевых комплектов и стремительным броском 15–16 февраля 1945 года взять Берлин»{29}.

Однако расширение плацдарма шло трудно. Начался обычный после столкновения с резервами противника процесс стабилизации фронта. 5 февраля 4-й гв. стрелковый корпус вновь перешел в наступление с целью расширения плацдарма, но успеха не имел и вынужден был отражать контратаки противника: корпус был атакован прибывшими частями дивизии «Курмарк». Потери по сравнению с

периодом преследования сразу возросли. За 4 февраля корпус потерял 180 человек убитыми и 527 человек ранеными, а за 5 февраля — 81 человека убитыми и 481 человека ранеными. 6 февраля корпус фактически перешел к обороне занимаемых позиций. Попытки возобновить наступление 7 февраля успеха не принесли, натолкнувшись на контратаки пехоты и танков противника. Для восстановления положения в районе станции Рейтвейн командир корпуса ввел в бой один стрелковый полк 35-й гвардейской стрелковой дивизии, атаками которого удалось частично восстановить положение, овладеть ст. Рейтвейн и обеспечить стык с соседом слева. Соседний 28-й гвардейский стрелковый корпус в этот период отражал контратаки противника, овладел Рейтвейном и несколько расширил плацдарм на своем правом фланге.

Атаки противника с применением танков настоятельно требовали переброски на плацдарм бронетехники. В период с 5 по 7 февраля на плацдарм удалось переправить три полка [93] на легких СУ-76: 1087-й самоходно-артиллерийский полк в распоряжение командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса, а 1061-й и 694-й самоходно-артиллерийские полки — в распоряжение командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса. Полки СУ-76, которые оказали большую помощь нашим войскам при отражении контратак противника и при овладении Маншовом и Рейтвейном. Более тяжелая техника пока оставалась на восточном берегу Одера: 394-й самоходно-артиллерийский полк в 2 км северо-западнее Геритц, а 34-й тяжелый танковый полк в Зоненбурге. Расширение плацдарма пока происходило медленно. К исходу 7 февраля плацдарм 8-й гвардейской армии был расширен до 15 км по фронту и до 3–5 км в глубину.

Переброски резервов противника пока опережали накопление бронетехники на захваченном плацдарме. В период 4–6 февраля в подчинение 9-й армии с Западного фронта из Эльзаса прибывала 21-я танковая дивизия. Танковый полк соединения насчитывал 18 танков Pz.Kpfw.IV и 29 танков Pz.Kpfw.V «Пантера», танко-истребительный дивизион — 15 САУ JagdpanzerIV. Дивизия была в хорошем состоянии — танко-гренадерские батальоны были укомплектованы до 90% штата. По прибытии дивизия начала сосредоточение в районе Гольцов — Горгаст — Маншов с целью сокрушения только что образовавшегося советского плацдарма.

Если 5-я ударная армия была лидером по числу обрушившихся на нее ударов авиации, то армия Чуйкова испытала на себе сильные удары танков противника.

Только что сошедшие с конвейеров «Пантеры» атаковали со всех сторон. В 3.30 7 февраля под проливным дождем 21-я танковая дивизия атаковала удерживавшийся 137-м стрелковым полком 47-й гвардейской стрелковой дивизии городок Горгаст, но встретила ожесточенное сопротивление советских войск, и эта атака была отражена. На следующий день части 8-й гв. армии столкнулись с новой контратакой. 8 февраля 21-я танковая дивизия продолжила наступление. Оно стало столь же безуспешным, как и предыдущее. Единственным результатом стал выход к Альт Блейну и восстановление связи с гарнизоном Кюстрина. 9 февраля дивизия продолжила пробиваться [94] в направлении Кюстрина и образовала коридор шириной два километра на линии Горгаст — Альт Блейн. 47-я гв. стрелковая дивизия была потеснена к югу от железной дороги, идущей от Кица до Горгаста. Однако пробивание коридора к Кюстрину стало последней акцией 21-й танковой дивизии на берлинском направлении. Вследствие наступления 1-го Украинского фронта возник кризис в 4-й танковой армии, и Гитлер потребовал рокировки соединения на этом направлении. Заменой 21-й танковой дивизии стали части 25-й танко-гренадерской дивизии. В свою очередь позиции последней занимала пехота свежеприбывшей 303-й дивизии «Добериц». Уже в 20.00 9 февраля началась смена частей 21-й танковой дивизии на защите кюстринского коридора.

Столкнувшись с трудностями в расширении плацдарма 8-й гв армии, Г. К. Жуков усилил ее. 9 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом рокировал в распоряжение В. И. Чуйкова из 69-й армии 11-й танковый корпус (65, 20 и 36-ю танковые бригады, 12-ю мотострелковую бригаду, 1493 и 1061-й самоходно-артиллерийские полки и 50-й тяжелый танковый полк. К тому моменту в составе корпуса И. И. Ющука числилось 7 танков ИС-2, 79 Т-34, 13 СУ-85 и 12 СУ-76. Переправа частей корпуса проходила ночами до конца февраля. Чуйков использовал переданный в его распоряжение 11-й танковый корпус в качестве противотанкового резерва.

Обсуждение

Висло-Одерская операция несомненно является одним из самых больших успехов советских Вооруженных сил во Второй мировой войне. В течение всего 23 суток (12 января — 3 февраля 1945 г.) войска двух фронтов продвинулись на 500 км. Такие темпы являются абсолютным и относительным рекордом для Красной армии. Типичным для операций второй половины войны было продвижение на 250–300 км.

Только в длившемся 68 суток «Багратионе» было достигнуто сравнимое по глубине продвижение — 500 км. 1-я гв. танковая армия прошла с боями 610 км (из них 100 км по территории [95] Германии) за 17 суток. Таким образом, среднесуточный темп наступления армии М. Е. Катукова составлял 36 км. Соседняя 2-я гв. танковая армия двигалась еще быстрее, покрыв за 16 дней 705 км, что дает темп продвижения 44 км в сутки. Если вычесть из этих 16 дней периоды бездействия в ожидании горючего, то темп продвижения танкистов армии С. И. Богданова вперед составлял 59 км в сутки. При этом уровень потерь был одним из самых низких для операций такого размаха — безвозвратные потери составили всего 2% численности участвовавших в наступлении войск. Более характерным для наступательных операций советских войск во второй половине войны был уровень в 4–7% безвозвратных потерь.

Быстрое продвижение позволило наступающим армиям без особых затруднений пройти через линию укреплений на германо-польской границе. Если бы их успели занять регулярными частями, то взлом пояса Варты — Одера мог стоить большой крови. Нельзя не отметить также психологическое воздействие Висло-Одерской операции на противника. Быстрое продвижение Красной армии от Вислы до Одера и вторжение на территорию Германии угнетающе подействовало на многих немцев. В ходе операции двумя фронтами было захвачено 147 тыс. пленных.

Важнейшим достижением Висло-Одерской операции также был захват плацдармов на Одере в непосредственной близости к Берлину. Наступление на немецкую столицу с форсированием такой реки, как Одер, могло стоить больших жертв. Одновременно плацдармы притягивали к себе резервы противника, стремившегося сбросить в реку зацепившиеся на западном берегу Одера советские части.

Однако у всякого достижения есть своя оборотная сторона. С оперативной точки зрения Висло-Одерская операция была де-факто ориентирована, прежде всего, на продвижение вперед, а не на образование «котлов» для противостоявших двум советским фронтам соединений германской армии. С одной стороны, большая глубина операции во многих случаях означала фактически безвыходное положение для оказавшихся далеко позади наступающих советских танковых [96] и общевойсковых армий немецких частей и соединений. Их перехватывали на узлах дорог, водных преградах. Число захваченных пленных красноречиво свидетельствует об эффекте резкого смещения фронта в глубину. Однако вместе с

тем было немало дивизий, боевой костяк которых пробивался на соединение с основными силами групп армий «Висла» и «Центр». В наибольшей степени это сказалось на действиях 1-го Украинского фронта, так как именно в его полосу постепенно отходили группы сбитых с вислинских позиций немецких войск в той или иной степени боеспособности. Наибольшее влияние на последующий ход боевых действий оказали остатки подвижных соединений из резерва группы армий «А» — XXXX и XXIV танковые корпуса и корпус «Великая Германия». Свою роль сыграл тот факт, что оси наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов проходили не строго в меридиональном направлении, а несколько смещались на северо-запад. Именно поэтому Конев собрал на себя остатки соединений, отброшенных с позиций на Висле войсками Жукова.

В обзоре, сделанном по итогам Висло-Одерской операции в штабе 4-й гв. танковой армии, было написано следующее: «Если во всех прошлых операциях противостоящие силы противника окружались захождением наших полевых армий и уничтожались в «котлах» на месте, то в Висло-Одерской операции, в которой противник уклонился от сражения в тактической зоне, в силу образа действий наших войск, образовалось большое количество «блуждающих котлов», борьба с которыми не была заблаговременно организована. Когда эти «блуждающие котлы» были окружены, против них были выставлены мотоциклетные части, войска вспомогательного назначения, другие, которые довольно быстро ликвидировали эти котлы. Однако следует учесть, что частями 4 ТА 25–26.1 на Одере были взяты пленные из состава частей, разбитых 15–16.1 в районе Радом — Томашув и прошедших таким образом за 10–11 дней по 300 км»{30}.

Далее в отчете в качестве примера была приведена история [97] 88-й пехотной дивизии в изложении пленного полковника Хееш. После разгрома в районе Русский Брод 16–17 января (в полосе 1-го Белорусского фронта) остатки 245, 248 и 110-го пехотных полков дивизии насчитывали до 3500 человек и по 40% боевой техники, т.е. в результате окружения и боя соединение потеряло примерно половину первоначального состава. Командир дивизии генерал Риттберг попал в плен. В районе Пиорткув к отходящим на запад частям 88-й пехотной дивизии присоединились остатки 16-й и 17-й танковых дивизий, а несколько позже 25-й танковой дивизии (разбитой под Магнушевским Плацдармом). Группа из остатков соединений отходила по проселочным дорогам, двигаясь только ночью и обходя

города и крупные населенные пункты. Достигнув Глогау. группа оторвалась от советских войск. К моменту выхода из окружения в составе дивизии сохранилось около 2 тыс. человек. Впоследствии (15 февраля) 88-я пехотная дивизия была снова введена в бой против фланга 4-й танковой армии.

Сделанная в ходе Висло-Одерской операции ставка на глубокое продвижение вперед была обоснованной: прорыв в «блуждающем котле» неизбежно сильно снижал численность пробивающихся на запад соединений. Однако этим одновременно были заложены основы для восстановления немецким командованием фронта на рубеже Одера и последующих попыток связать дальнейшее наступление советских войск контрударами. Значительная часть «блуждающих котлов» блокировалась и уничтожалась, но пробивавшиеся на стыках армий и фронтов все же выходили к своим.

Разумеется, на одних вышедших «блуждающими котлами» войсках фронт построить было нельзя. Для восстановления рухнувшего фронта немцы пользовались вполне традиционными методами: переброской соединений со спокойных участков фронта и из резерва. В журнале боевых действий Верховного командования вермахта в записи от 7 марта 1945 г. приводится следующая статистика перемещений соединений:

«Переброски войск на Восточный фронт в период с 12.1 по 1.3.

Конечная задача: сорок два соединения (с 1.3 предусмотрена [98] переброска дальнейших соединений). В период по 12.2 переброшено тридцать три соединения, а именно:

1. Из группы армий «Курляндия» — десять соединений, из них девять в группу армий «Висла»: 83-я пехотная дивизия, 4-я танковая дивизия, 32-я пехотная дивизия, танковая дивизия СС «Нордланд», танковая дивизия СС «Недерланд», 389-я пехотная дивизия, 281-я дивизия, 93-я пехотная дивизия (в группу армий «Север»), 215 пехотная дивизия.

2. Из 20-й армии в Норвегии — три соединения, а именно: 163-я пехотная дивизия, 199-я пехотная дивизия, 169-я пехотная дивизия;

3. Из штаба ВМФ на побережье Северного моря — одно соединение: 1-я дивизия морской пехоты (ранее именовалась морской мотопехотной дивизией);

4. Из главного управления войск СС — четыре соединения: 18-я мотопехотная дивизия СС, дивизия СС «30 января», 31-я добровольческая гренадерская дивизия СС, 37-я кавалерийская дивизия СС (эти дивизии переброшены в группу армий «Юг»);

5. От командующего армией резерва — шесть соединений: дивизии «Курмарк», «Дёбериц» и «Берлин», 275-я пехотная дивизия, танковая дивизия «Ютерборг» и танковая дивизия «Силезия». Кроме того, приказано перебросить 600-ю пехотную дивизию (русскую) и танковую дивизию «Мюнхеберг»;

6. От командующего группы «Запад» — десять соединений: в группу армий «Висла» переброшены 712-я и 711-я пехотные дивизии, 269-я фольксгренадерская дивизия, 10-я танковая дивизия СС, дивизия «Гренадеры Фюрера» и дивизия «Сопровождение Фюрера», 27-я и 28-я добровольческие дивизии СС; далее в группу армий «Юг» переброшены четыре соединения (1-я, 2-я, 9-я и 12-я танковые дивизии СС).

7. От командующего группы «Юго-Запад» переброшены три соединения в группу армий «Юг» (356-я пехотная дивизия, 16-я мотопехотная дивизия СС, кроме того, после 1.3 приказано перебросить 715-ю пехотную дивизию)»{31}. [99]

В том же источнике мы находим красноречивые цифры поставки на фронт техники: «В феврале штурмовых орудий и прочего передано на Восточный фронт — 1555 единиц, на Западный фронт — 67, на Юго-Западный фронт — 20»{32}.

Кроме уже существующих соединений, немцами были в спешном порядке сформированы новые дивизии. Основой для их формирования стали военные учебные заведения на территории Германии и учебные части. Например, из слушателей артиллерийской школы в Гроссборне были сформированы дивизии «Бервальде» и «Меркиш-Фридланд». Первая получила 2000 будущих артиллеристов, а вторая — 4000. Помимо слушателей артиллерийской школы в дивизию были направлены отставшие от своих частей и пробившиеся из окружений солдаты и офицеры. В штеттинском резервном корпусе к двадцатым числам января 1945 г. были таким образом сформированы четыре новых дивизии. Некоторые унтер-офицерские школы шли в бой как есть, не будучи переформированы в дивизии.

Учебные дивизии направлялись на фронт как есть или же переформировывались в новые соединения. Как правило, штабы учебных дивизий существовали с начала войны как «дивизионный штаб специального назначения» (Divisionsstab z.b.V.), которому напрямую подчинялись батальоны (учебные части), без полкового звена. Объединение батальонов в полки происходило уже при выдвижении на фронт.

Прибытие на Восточный фронт резервов привело к переходу кампании 1945 г. в новую фазу. В построение немецких войск был вбит клин, вершина которого покоилась на одерских плацдармах, а основание — на Висле. Такая конфигурация фронта определила характер сражений февраля — марта 1945 г. Наиболее уязвимыми были растянутые фланги выдвинутой к одерским плацдармам группировки. За счет свежесформированных, переброшенных с других участков фронта соединений и накачки людьми и техникой избежавших окружений дивизий немецкому командованию удалось [100] навязать трем фронтам на берлинском направлении почти двухмесячное сражение на флангах.

Кризис на флангах наметился, когда фронтом на север была развернута 2-я гв. танковая армия 1-го Белорусского фронта 1 февраля и 3-я гв. танковая армия 1-го Украинского фронта в двадцатых числах января 1945 г. Далее на север была повернута 1-я гв. танковая армия. В ходе сражений на флангах советские войска понесли потери, которые потребовали дополнительного времени на их восполнение. Пауза между захватом плацдармов на Одере и наступлением с Кюстринского плацдарма оказалась заполнена напряженными боями, и прибывающее пополнение не могло быстро восполнить понесенных потерь как в людях, так и в технике. Поворот на север и даже на восток (2-й Белорусский фронт и 1-я гв. танковая армия) означал также затраты времени на перегруппировку войск. Тем самым еще дальше был сдвинут момент начала наступления на Берлин.

«Фестунги». Одним из характерных приемов ведения боевых действий немецких войск в 1945 г. оставалось удержание важных узлов коммуникаций окруженными в них войсками. Этот прием не был новинкой последнего периода войны. В 1941–1942 гг. он также широко применялся на оперативном и даже тактическом уровне, когда окруженными немецкими частями удерживались отдельные населенные пункты. Снабжение окруженные гарнизоны получали по воздуху. Если посадка самолетов или планеров была невозможной, боеприпасы и продовольствие сбрасывались в парашютных контейнерах. В условиях 1945 г. нехватка самолетов

и горючего существенно усложняла снабжение по воздуху. Кроме того, сказывался неизбежный хаос в рушащемся государстве. Так, в частности, для «Королевских тигров» в Арнсвальде были сброшены 88-мм снаряды к зенитным пушкам Flak-36, непригодные для орудий танков этого типа. Управление окруженными гарнизонами осуществлялось по радио. В заключительный период войны изменился сценарий ведения обороны «фестунгов» (крепостей). Если в 1941–1942 гг. была высока вероятность деблокирования извне, то в 1945 г. чаще всего приходилось держаться до исчерпания [101] возможностей сопротивления и пытаться прорываться, бросая раненых. Деблокированный «Солнцестоянием» гарнизон Арнсвальде был исключением из правила. Пытавшиеся прорваться гарнизоны Познани и Шнейдемюля рассеивались, и только отдельным счастливчикам удавалось прорваться к своим. Если называть вещи своими именами, то окруженные гарнизоны, отказываясь от капитуляции, жертвовали собой во имя изменения обстановки на фронте в целом.

Но эффект от «фестунгов» нельзя недооценивать. И Красная армия, и вермахт имели в своем составе как моторизованные, так и немоторизованные дивизии. Моторизованных соединений было меньшинство, и в случае успеха наступления противника крупные массы малоподвижной пехоты оказывались глубоко обойдены танковыми клиньями и отрезаны от снабжения. После этого у них был простенький выбор между уничтожением и капитуляцией. Вместо смерти или плена солдаты и офицеры отходящих на запад немецких соединений оседали в «фестунгах» и дорого продавали свою жизнь. В журнале боевых действий штаба оперативного руководства вермахта (KTB OKW) 16 февраля [102] 1945 г. было записано: «В общем можно отметить, что в результате сопротивления наших войск в Позене и других городах-крепостях заметно замедлилось продвижение противника»{33}.

Как и всякий экспромт, доставившие немало неприятностей «фестунги» были подготовлены заранее. Бреслау был объявлен «фестунгом» летом 1944 г., Кольберг — осенью 1944 г. Статус «крепости» означал строительство укреплений вокруг города и наличие постоянного гарнизона. Для крепостей Кенигсберг, Летцен, Торн, Грауденц, Позен, Данциг, Оппельн, Бреслау и Глогау осенью 1944 г. формировались крепостные батареи артиллерии по 6 полевых пушек и по 3–4 полевых гаубицы. Для Позена формировалась одна батарея трофейных советских 76,2-мм пушек (по 6 орудий), две батареи трофейных французских 75-мм пушек (по 6 орудий) и три

батареи трофейных чешских 150-мм гаубиц. Позднее было заказано еще 11 батарей крепостной артиллерии. В частности, для Шнейдемюля было выделено три батареи 10-см гаубиц (16 чешских и 2 югославских гаубиц). Также для «фестунгов» формировались специальные крепостные роты противотанковых пушек по штату K.St.N.1147 от 1 сентября 1944 г. В декабре 1944 г. для Восточного фронта формировалось 11 противотанковых рот по восемь 88-мм «Пупхенов» и четырех тяжелых 88-мм противотанковых пушек ПАК-43 и 19 рот по восемь средних противотанковых пушек (ПАК-40) и четыре тяжелых 88-мм противотанковых пушки ПАК-43. Расчет составителей плана обороны «фестунгов» был в принципе верным: артиллерия, особенно в случае пехотных дивизий, была одним из первых кандидатов на оставление в придорожном кювете отступающими войсками. Крепостные батареи могли отразить натиск не слишком сильного передового отряда и обеспечить артиллерийскую поддержку оседающим в «фестунге» частям.

Оборона «фестунга», помимо блокирования коммуникаций, означала исключение из состава наступающих на запад советских войск, по крайней мере, одного стрелкового корпуса, [103] значительных сил артиллерии и танков непосредственной поддержки пехоты. При этом на качестве и количестве сил штурмующих неизбежно экономили, что продлевало жизнь окруженного гарнизона. Советским командованием также признавалась эффективность «фестунгов». По итогам боев за Арнсвальде был сделан вывод, что окружать мелкие города нецелесообразно. Имеет смысл вынуждать гарнизон отступить из них артиллерийским и минометным обстрелом, оставляя возможность отхода. Такое решение в масштабах целой области мы наблюдаем в Силезии, когда 1-й Украинский фронт сознательно отказался от окружения крупной группировки противника в промышленном районе.

Техника и тактика. Знаменитые «тридцатьчетверки» к 1945 г. утратили свое превосходство в бронезащите, которое они имели в 1941 г. Основной советский танк уверенно поражался противотанковым оружием, состоявшим на вооружении немецких частей и соединений. Самоходные и противотанковые 75-мм пушки поражали Т-34 в лоб с 800–1000 м. [104]

Столкновение с немецкими танками также не предвещало советским танкистам ничего хорошего. В 1945 г. в отличие от предыдущих операций была решена проблема вооружения: подавляющее большинство танковых частей и соединений

были укомплектованы танками Т-34–85. 85-мм орудие позволяло на равных вести бои с основными типами немецких танков и САУ. Но главным отличием завершающего периода войны стало превосходство советской бронетехники в эксплуатационных характеристиках. По оценке штаба 1-й гв. танковой армии, тяжелые танки и САУ перекрывали гарантийные сроки эксплуатации в два раза, а Т-34 — в полтора-два раза. Многие танки Т-34 отрабатывали до 350–400 моточасов. Такой «запас прочности» танков позволял советскому командованию проводить целый каскад наступательных операций, не давая противнику опомниться. С теми танками, которые были в советских танковых войсках в 1942–1943 гг., падение числа боеготовых танков происходило гораздо быстрее, вследствие чего наступательные операции быстрее выдыхались.

Однако, намотав на гусеницы сотни километров и врываясь на полном ходу в города и деревни, советские танки сталкивались с новым противником. Бои на территории Германии стали настоящим бенефисом ручного противотанкового оружия. Несмотря на то, что первые 500 фаустпатронов были выпущены еще в августе 1943 г., их применение в 1944 г. не впечатлило советские войска. К 1945 г. количество перешло в качество: вступившие в Германию войска вскоре почувствовали эффект от массового применения фаустпатронов. Как уже отмечалось выше, 2-я гв. танковая армия впервые столкнулась с массовым применением фаустпатронов еще на территории Польши, в Сохачеве. Интересно отметить, что в 4-й танковой армии до 24 января потери от фаустпатронов вообще не отмечаются.

Военный совет 1-й гв. танковой армии отреагировал на сравнительно большие потери от фаустпатронов соответствующей разъяснительной директивой. В ней, в частности, говорилось:

«Вместо того чтобы врываться в населенные пункты с [105] второстепенных направлений, неожиданно появляться перед противником, сея огнем своего вооружения панику и страх, танковые подразделения двигаются по главным магистралям, неся потери от фаустпатронов, истребителей танков, засевших в домах и укрытиях.

Фаустпатрон, действуя на дистанции 60–100 м, не является и не может быть грозным и серьезным оружием против танков. Между тем 20% вышедших из строя танков получили боевые повреждения от них, а безвозвратная гибель танков от

фаустпатронов составляет более 30%. Этот вид оружия, за который взялись немцы в своем отчаянии, может быть развенчан и эффективность его сведена к нулю, если наши части и подразделения будут...»{34}

С теми же проблемами столкнулась также 2-я гв. танковая армия. С 16 января по 9 февраля безвозвратные потери танков и САУ составили:

а) от огня артиллерии и танков противника — 82 машины, или 51,5% общих потерь.

б) от «фаустпатронов» противника — 68 машин, или 43% общих потерь.

Доля фаустпатронов в общих потерях танков 2-й гв. танковой армии составила 31%. Конечно, одной из причин этого была специфика маневренных боев 1945 г., когда танкисты врывались в города, заранее не зная реальных возможностей их защитников. Но в целом сражения в Германии с широким использованием ручного противотанкового оружия в начале 1945 г. стали для советских танковых войск ледяным душем.

Одновременно бои за «фестунги» в урбанизированной Германии в первые месяцы 1945 г. стали для Красной армии школой уличных боев. Учились воевать в новых условиях как танкисты, так и пехотинцы. В итоге в Берлин вошли соединения, получившие этот опыт и на практике освоившие спущенные сверху рекомендации по уличным боям. [106]

Часть первая.

Кризис на флангах

1-й Белорусский фронт

Первые признаки осложнения обстановки на фланге 1-го Белорусского фронта наметились еще в тот момент, когда передовые отряды спешили к Одеру. Наступавший во втором эшелоне 2-й гв. танковой армии 12-й гв. танковый корпус не смог с ходу взять ни узел коммуникаций Шнейдемюль, ни находившийся к северу от Шнейдемюля узел автомобильных и железных дорог город Дойч-Кроне (через него проходила «Рейхсштрассе № 1»). Артиллерия корпуса отстала, наступавшие на широком фронте части натолкнулись на подготовленные позиции противника. Поэтому приказ С. И. Богданова «к исходу дня 29.1.45 г. овладеть Дойч-Кроне, Меркиш-Фридланд, Тютц» остался невыполненным. Пробив в построении немецких

войск коридор до Одера глубиной почти 500 км, советское командование столкнулось с серьезными трудностями в его расширении.

Последовавший за захватом плацдармов на Одере поворот на север 9-го гв. танкового и 1-го механизированного корпусов был уже закономерен: немецкое командование выстраивало сплошной фронт от Одера до Вислы. Нависая над тылами захваченных 31 января плацдармов, на восточном берегу Одера на рубеже от реки до озера Плеен-зее разворачивался II резервный корпус. Корпус не имел никакого отношения к II армейскому корпусу, отличившемуся под Демянском, и получил свой номер от номера военного округа, в котором он формировался. Командовал корпусом генерал пехоты Вальтер Хоерляйн. В подчинение Хоерляйна прибывала 4-я танко-гренадерская дивизия СС «Полицай», а вскоре [107] к ней присоединилась 28-я дивизия СС «Валлония». Регулярные части были разбавлены примерно тридцатью батальонами фольксштурма. Кроме того, уже в первые дни боев фронтом на север части 2-й гв. танковой армии столкнулись с подразделениями дивизии и «Адмирал Дениц» (1-й дивизии морской пехоты). Столкновение с резервами противника происходило на фоне нехватки горючего после 700-километрового броска от Вислы. Поэтому легкого продвижения не получилось: корпуса армии С. И. Богданова втянулись в бои с прибывающими частями противника и оборонявшими узлы коммуникаций батальонами фольксштурма. [108]

На север также была развернута 1-я гв. танковая армия. Если 2-я гв. танковая армия выстраивала фронт от плацдармов на Одере до передовых частей общевойсковых армий, то 1-я гв. танковая армия стала резервом в глубине обороны. В случае перехода противника в наступление корпуса армии М. Е. Катукова могли быть использованы для контрударов и затыкания брешей в обороне. В районе Ландсберга армия была сосредоточена 4 февраля и оставалась там до 10 февраля. Вечером 10 февраля Жуков директивами № 00294/оп и № 00295/оп приказал 8-й механизированный корпус выдвинуть в район Бад-Шенфлис, сменить части 1-го механизированного корпуса и очистить восточный берег Одера от противника.

У высшего военного руководства Германии были свои недостатки, но меньше всего оно заслуживало упреков в непрофессионализме. Помимо очевидного даже с бытовой точки зрения решения с построением «прочной обороны» на берлинском

направлении, был начат сбор сил на фланге 1-го Белорусского фронта. После того как вследствие разрыва 1-го и 2-го Белорусских фронтов у советских войск на берлинском направлении появился растянутый северный фланг, немецкое командование начало разработку наступательной операции. Впоследствии она получила кодовое наименование «Солнцестояние» (Sonnenwende). Автором плана контрнаступления был Гейнц Гудериан. В мемуарах он описывает свой план следующим образом: «Я решил еще раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином. Наступление должно было развиваться в южном направлении из района Пиритц, Арнсвальде и в северном направлении с рубежа Глогау, Губен»{35}. Для проведения операции выделялось управление 11-й армии, которая стала именоваться 11-й танковой армией СС. Важным достоинством активной стратегии действий [109] является более продолжительный по времени эффект даже при невыполнении первоначально намеченных целей. Принимая решения о стратегии действий германских Вооруженных сил, Гудериан прекрасно знал это по собственному опыту. В 1941 г. ему пришлось поворачивать от Москвы на Киев, теряя драгоценные дни и недели, остававшиеся до наступления периода распутицы. В 1945 г. Гудериану удалось повернуть советские войска от Берлина на север, в Померанию.

Поворот 1-го Белорусского фронта в феврале — марте 1945 г. в Померанию вызвал в послевоенный период едва ли не большие дискуссии, чем поворот Гудериана на Киев в 1941 г. Главным возмутителем спокойствия стал бывший командующий 8-й гв. армией В. И. Чуйков, выдвинувший теорию «стоп-приказа», исходившего от Сталина. В очищенном виде его теория была озвучена на беседе для узкого круга, состоявшейся 17.1.66 г. у начальника Главного политического управления СА и ВМФ А. А. Епишева: «Жуков 6 февраля дает указание готовиться к наступлению на Берлин. В этот день во время заседания у Жукова звонил Сталин. Спрашивает: «Скажите, что вы делаете?» — тот: «Планируем наступление на Берлин». Сталин: «Поверните на Померанию». Жуков сейчас отказывается от этого разговора, а он был». Скорее всего, Чуйков проецирует на весь фронт вывод из полосы его армии корпусов М. Е. Катукова.

В первую очередь следует отметить, что Василий Иванович в период написания мемуаров не очень хорошо владел обстановкой в берлинском направлении. Состояние противостоявшей 1-му Белорусскому фронту на Висле 9-й армии он характеризовал совершенно уничижительными эпитетами: «9-я немецкая армия была разбита вдребезги. Да, на севере было 38 дивизий, но на фронте 600 км дивизии, разбитые «в доску». Однако следует заметить, что от старой 9-й армии на Одере действовало только армейское управление. Ему были подчинены свежесформированные или переброшенные с других участков фронта соединения, никак не пострадавшие в ходе боев на Висле. Поэтому ставить знак равенства между 9-й армией в составе группы армий «А» и 9-й [110] армией в составе группы армий «Висла» просто некорректно. Если на 25 ноября 1944 г. в составе 9-й армии числились VIII армейский корпус, XXXXVI танковый корпус и IVтанковый корпус СС, то на 1 марта 1945 г. 9-я армий состояла из V горного корпуса СС, XI корпуса СС и CI армейского корпуса. Оценку сил противника Чуйковым можно характеризовать как совершенно беспомощную.

Нелишним будет напомнить, что соединения немецкой 9-й армии часто находились в куда лучшем состоянии, чем стрелковые дивизии армии Чуйкова. Так, пехотная дивизия «Берлин» на 15 февраля 1945 г. насчитывала 8554 человека (262 офицера, 25 чиновников, 1409 унтер-офицеров, 6858 рядовых, в том числе 554 «хиви»){36}. Соединение имело организацию «пехотной дивизии 44» с тремя двухбатальонными гренадерскими полками, фузилерным батальоном, артиллерийским полком и частями боевого обеспечения. «Берлин» также имел бронетехнику: в дополнение к 12 буксируемым 75-мм противотанковым пушкам его истребительно-противотанковый батальон был вооружен 10 САУ StuGIII. Пехотная дивизия «Добериц» насчитывала 10 045 человек (303 офицера, 27 чиновников, 1705 унтер-офицеров, 8010 рядовых, в том числе 666 «хиви»){37}. В состав истребительно-противотанкового батальона «Доберица» входили 30 САУ StuGIII и 10 Panzerjaeger.IV. Определение «разбитые в доску» к этим соединениям никак не подходит.

Кроме того, важным фактором развития событий на берлинском направлении было удержание немцами крупных узлов железных и шоссейных дорог — Шнейдемюля и Познани. Группировка противника, окруженная в районе Шнейдемюля, была уничтожена к 14 февраля, а крепость Познань пала только 23 февраля. То, что один

из стрелковых корпусов 8-й гв. армии штурмовал Познань, было одной из причин перехода двух других стрелковых корпусов армии Чуйкова к обороне на захваченных плацдармах. [111]

Если обратиться к оперативным документам 1-го Белорусского фронта, то выясняется: Г. К. Жуков в начале февраля вовсе не собирался отказываться от продолжения операции. Он всерьез планировал захватить Берлин, до которого оставалось всего несколько десятков километров. Ни о каком «стоп-приказе» в начале февраля не могло быть и речи. И Жуков, и Сталин прекрасно понимали, что передышка позволит противнику усилить оборону Берлина как новыми соединениями, так и усовершенствовать ее в инженерном отношении. 10 февраля 1945 г. Жуков направляет в адрес Сталина доклад о плане Берлинской наступательной операции. В отличие от позднейшего невразумительного описания противника В. И. Чуйковым командующий 1-м Белорусским фронтом довольно точно оценил группировку противника на берлинском направлении и даже несколько завысил перспективы ее усиления, выдвинув предположение о переброске на Одер 6-й танковой армии СС. Нельзя отказать Г. К. Жукову в прозорливости — выдвижение против советских войск под Берлином 6-й танковой армии СС было более чем логичным и предлагалось Г. Гудерианом, но было отклонено Гитлером. По настоянию фюрера эсэсовцы были задействованы в борьбе за нефть в Венгрии. При этом Жуков был готов принять удар 6-й танковой армии СС: севернее Варты была готова к парированию наступления противника крупными силами 1-я гв. танковая армия.

Принимая меры к отражению мощного контрудара, Жуков тем не менее готовился наступать на Берлин. Целью операции, как он ее сформулировал в своем докладе Верховному, было «сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать оборону на западном берегу р. Одер и овладеть городом Берлином»{38}. В свете предположения о выдвижении к Берлину 6-й танковой армии СС такая цель выглядит вполне логично: захватить германскую столицу до того, как на пути [112] советских войск стальным щитом встанет сильнейшее танковое объединение противника.

Согласно оценке, приведенной в докладе Г. К. Жукова, подготовка операции могла быть проведена в течение нескольких дней: «Перегруппировку сил и средств с правого фланга фронта на р. Одер я могу начать только с переходом 2-го

Белорусского фронта в наступление, т.е. с 10.2.45 г., и закончу ее 18.2.45 г. В связи с этим войска, предназначенные для действий на Берлин, будут подготовлены к переходу в наступление лишь 19–20.2.45 г. Наступление на Берлин могу начать 20.2.45 г.»{39}.

Прорыв обороны противника по предложенному Г. К. Жуковым плану операции предполагалось произвести на узких участках (5–7 км) с сосредоточением артиллерии с плотностью 250–300 стволов на километр фронта. К проведению наступления на берлинском направлении привлекались 47-я армия, 5-я ударная армия, 8-я гвардейская армия, 69-я армия и 33-я армия. Собственно в Берлин должны были входить 8-я гвардейская, 69-я и 33-я армии. 5-я ударная и 47-я армии после прорыва обороны противника должны были двигаться в обход Берлина с целью прикрытия штурма города от контрударов противника с северо-западного направления.

1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии предполагалось вводить на участках прорыва 5-й ударной и 47-й армий соответственно «с продвижением пехоты на 2 км». 1-я гв. танковая армия получила задачу на второй день после ввода в прорыв овладеть восточной и северо-восточной частями Берлина. 2-я гв. танковая армия должна была ворваться в Берлин с северо-запада.

Возникает закономерный вопрос: «А не остались ли все эти планы пустым звуком, не получившим отклика наверху?» Ответ будет: «Нет, не остались». Доклад от 10 февраля вскоре получил продолжение в директивах войскам фронта. 12 февраля в адрес командующего 47-й армией была направлена [113] директива № 00300/оп за подписью Жукова, гласившая: «47 армии в 19.00 12.2.45 г. выступить из района Дейч Кроне на рубеж р. Одер с задачей к утру 16.2.45 г. выйти в район: Госсов (6 км севернее Бэрвальде), Альт-Литцгерике, (на р. Одер), Целлин, (иск.) Гросс-Нойендорф, ст. Фюрстенвальде, Зеллин. [...] Переход армии в указанный район совершать в ночное время, скрытно от противника с соблюдением всех мер маскировки»{40}. Только группа генерал-майора Кузьмина из состава 47-й армии оставалась в районе Шнейдемюля с задачей уничтожить окруженный гарнизон противника. В 2 часа ночи 13 февраля Жуков направляет командующим подчиненных ему армий директиву № 00309/оп, в которой ознакомил их с планом наступления на Берлин и распределением ролей в предстоящей операции. Последним пунктом директивы шел «План наступательной операции армии

предоставить мне на утверждение к 12.00 17.2.45 г.». Указанные в директивах сроки четко стыкуются с названными Жуковым в докладе Сталину. Машина подготовки к наступлению завертелась. 47-я армия начала марш к Одеру по раскисшим вследствие оттепели дорогам. Дисциплина марша была довольно низкой: маршруты перемешивались, на дорогах возникали пробки из машин и повозок. Но, несмотря ни на что, дивизии упорно шли к Берлину.

Определенным подарком судьбы стало падение Шнейдемюля. 13 февраля комендант Шнейдемюля полковник Ревлингер вследствие истощения запаса артиллерийских боеприпасов принял решение на прорыв. Гарнизон, включая способных носить оружие легкораненых, был разбит на моторизованную и пешую колонны общей численностью около 8 тыс. человек и в 20.00 13 января без артиллерийской подготовки начал прорыв. Впоследствии оба отряда были рассеяны заслонами советских войск и пробивались к своим группами по 3–5 человек. Ревлингер со своим штабом попал в плен. Осаждавший Шнейдемюль 125-й стрелковый корпус с частями усиления очистил город и начал марш к Одеру. [114]

Однако в феврале советскому плану рывка на Берлин не суждено было реализоваться. Важным разделом жуковского доклада было обеспечение разрыва со 2-м Белорусским фронтом на правом фланге. В силы прикрытия выделялись 3-я ударная армия, 2-й и 7-й гв. кавалерийские корпуса, 1-я польская армия и 7-й стрелковый корпус. Также фронтом на север планировалось использовать 61-ю армию. После прорыва фронта 47-й армией она должна была двигаться вслед за ней и выстраивать заслон на ее правом фланге. Даже до начала наступления северный фланг 1-го Белорусского фронта был сильно растянут. С продолжением движения на запад он растягивался еще больше. Именно здесь возникла опасность, которая поставила под сомнение возможность реализации предложенного Г. К. Жуковым плана. Показательно, что в начале февраля 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом находился не в штабе 5-й ударной или 8-й гв. армии, а на померанском направлении. Полемизируя с Чуйковым, он пишет: «4–5 февраля я был в штабе 61-й армии, которая развертывалась на правом крыле фронта в Померании для действий против померанской группировки противника»{41}. Захватившую плацдарм на Одере 82-ю стрелковую дивизию 61-й армии Жуков передал в подчинение командующего 5-й ударной армии, а остальные соединения приказал развернуть фронтом на север. В течение 4–5 февраля командующий

фронтом производил перегруппировку сил. 12-й гв. танковый корпус выводился из позиционных боев у Дойч-Кроне и по «Рейхсштрассе № 1» выходил в район Арнсвальде, Делиц. 61-я армия сдавала позиции у Шнейдемюля 47-й армии.

Планируя наступление на Берлин, Георгий Константинович внимательно смотрел, позволит ли ему идти на немецкую столицу обстановка на фланге, и активными действиями улучшал эту обстановку. Одним из средств борьбы с предполагаемыми контрударами противника было смещение линии фронта к северу. В период 4–5 февраля по директиве [115] командующего 1-го Белорусского фронта № 00255/оп 12-й гв. танковый корпус 2-й гв. танковой армии должен был выйти в район Арнсвальде, Делиц, отбросить противника на линию Реетц — Штаргард, 9-й гв. танковый корпус той же армии наступал от Пирица на Штеттин. По той же директиве № 00225/оп от 4 февраля командующий 61-й армией должен был использовать результаты наступления 12-го гв. танкового корпуса и силами 9-го гв. стрелкового корпуса и 80-го стрелкового корпуса «закрепить за собой Арнсвальде и Делиц». В течение 5 февраля войска 61-й армии продвинулись на 2–5 км, отдаляя коммуникации войск на Одере от острия немецкого контрудара. Однако такие темпы продвижения были явно недостаточными. Маневр 12-го гв. танкового корпуса был ограничен недостатком горючего. В район сосредоточения вначале выступили только боевые машины, штабы и небольшое количество автотранспорта. Остальные части остались ожидать горючего в районе южнее Дойч-Кроне. Далее корпус втянулся в бои с «Валлонией» в районе южнее Штаргарда.

Ни Жуков, ни Ставка не сомневались относительно намерений противника в оперативной обстановке, сложившейся в результате броска к Одеру. Германское военное руководство, несмотря на все сложности в снабжении и импульсивные решения фюрера, оставалось в 1945 г. сильным и опытным противником. Сбор резервов начался уже через несколько дней после начала советского наступления и на следующий день после падения Варшавы — 18 января 1945 г. В этот день командование кригсмарине отвечало (видимо, на ранее направленный запрос) о возможности перевозки морем соединений из числа блокированных в Курляндии. Гросс-адмирал Дениц докладывал Гитлеру, что флот может предоставить 28 кораблей в 110 729 регистровых тонн. Это позволяло перевезти одним рейсом 23 250 человек, 4520 лошадей и 3160 транспортных средств. В качестве ударной силы «Солнцестояния» было решено вывезти из Курляндии III танковый корпус СС в

составе двух добровольческих соединений. Следующими на очереди были 389-я и 281-я пехотные дивизии. Из Курляндии также вывозились 4-я танковая, [116] 32-я и 215-я пехотные дивизии, но они попали не в Померанию, а на Вислу, во 2-ю армию. Им пришлось латать фронт перед лицом наступления 2-го Белорусского фронта. Позднее во 2-ю армию также вывезли из Курляндии 12-ю авиаполевую дивизию. Если бы не проблемы с топливом для кораблей, то ГА «Курляндия» была бы полностью вывезена в Германию.

Кроме Курляндии донором для новой ударной группировки стала Норвегия, из которой в Померанию была переброшена 163-я пехотная дивизия. Переброскам войск из относительно удаленной Норвегии в большем объеме опять же препятствовали трудности с топливом. В Померанию также были направлены танковая дивизия «Фрундсберг», добровольческие дивизии СС «Лангемарк» и «Валлония», 503-й тяжелый танковый батальон СС. Для «Валлонии» операция «Солнцестояние» должна была стать дебютом в качестве дивизии. Она была сформирована из бельгийцев по штату пехотной дивизии (три гренадерских полка, артиллерийский полк) и проходила в 1944 г. обучение в районе Ганновера, в бой не вводилась и в начале февраля 1945 г. прибыла в Штаргард. Командовал дивизией известный бельгийский нацист Леон Дегрель. Помимо существовавших к началу Висло-Одерской операции соединений, перебрасывавшихся с других участков фронта, падение Варшавы заставило формировать новые соединения. Так, 18 января поступили приказы на развертывание в дивизии бригад «Сопровождение фюрера» (Fuhrer-Begleit Division) и «Гренадеры фюрера» (Fuhrer-Grenadier Division). Оба соединения формировались по штатам танко-гренадерских дивизий. Менее чем через месяц спустя эти две дивизии приняли участие в наступлении в Померании. На этом процесс формирования дивизий не остановился. 1 февраля из 233-й резервной танковой дивизии была сформирована танковая дивизия «Гольштейн». В качестве управленческих единиц 11-я армия получила управление X армейского корпуса СС, сформированное осенью 1944 г. в группе армий «Верхний Рейн», и управление XXXIX танкового корпуса из Арденн.

В то время как передовые отряды 1-го Белорусского [117] фронта спешили к Одеру, в Курляндии начались лихорадочные перемещения войск. Первыми начали погрузку соединения, которым вскоре предстояло отражать наступление войск 2-го Белорусского фронта. Уже 19 января началась погрузка первых частей 4-й танковой

дивизии на транспортный корабль «Пруссия». В утренние часы 21 января «Пруссия» вошла в Данцигскую бухту. Вслед за 4-й танковой в Данциг была перевезена морем 32-я пехотная дивизия. За этими перевозками последовали дивизии для намеченного Гудерианом контрнаступления. В ночь на 28 января части III танкового корпуса СС снялись с фронта и начали погрузку в эшелоны до Либавы. Надо сказать, А. Маринеско в какой-то мере не повезло с тем, что «Вильгельм Густлов» не был потоплен с эсэсовскими подразделениями на борту. 1 февраля в море было двенадцать транспортов на пути из Курляндии в Свинемюнде, шесть из них везли части эсэсовского корпуса. К 10 февраля 10 тыс. человек из состава III танкового корпуса СС выгрузились с транспортов в Штеттине. 389-я пехотная дивизия выгружалась в Готенхафене. К 13 февраля в гавань Штеттина вошли уже 33 корабля с частями корпуса, но не все они были к тому моменту разгружены. Переброска шла такими темпами, что 9 февраля Гитлер высказал Деницу свое восхищение эффективностью и скоростью морских перевозок, по морю соединения перевозились даже быстрее, чем по железным дорогам. Ему было с чем сравнивать — по суше перевозилась в Померанию 4-я танко-гренадерская дивизия СС, на переброску которой на меньшее расстояние было потрачено больше времени. Объяснялась успешность перевозок удержанием Курляндии: отсутствие баз на побережье Балтийского моря значительно сковывало активность КБФ. В итоге всех этих маневров в подчинении 11-й армии в Померании в первой половине февраля 1945 г. были собраны XXXIX танковый корпус, III танковый корпус СС и X корпус СС. Возглавил армию Феликс Штайнер, ранее командовавший III танковым корпусом СС. Его место на посту командира эсэсовского танкового корпуса занял ранее командовавший 14-й танковой дивизией генерал-лейтанант Мартин Унрейн. Он не имел никакого отношения к войскам [118] СС, но был опытным танковым командиром. При этом начальником штаба корпуса был эсэсовец — оберштурмбанфюрер фон Бокельберг. Командование XXXIX танкового корпуса также не было связано с СС, корпус возглавлял генерал танковых войск Карл Деккер. Феликс Штайнер был одним из самых опытных военачальников войск СС — свою карьеру на Восточном фронте он начал в июне 1941 г. в качестве командира моторизованной дивизии «Викинг». Всего в феврале 1945 г. в подчинении армии Штайнера было семь полностью комплектных дивизий и пять недоукомплектованных. Большая часть соединений относилась к войскам СС и поэтому армия была эсэсовской не только по названию. Первоначально Штайнер

планировал перейти в наступление 22 февраля, но Гудериан убедил его начать до сосредоточения всех сил 16 февраля.

Надо сказать, что В. И. Чуйков в своей критике Г. К. Жукова совершенно игнорирует померанский фактор. Он считал группировку противника в Померании фантомом и оспаривал боевой состав противника на уровне объединений: «Группа армий «Висла» сколачивалась на ходу из разбитых в Восточной Пруссии армий. 11-й армии не было и в помине. Если бы она была, она бы участвовала в боях». Здесь Василий Иванович демонстрирует незнание сил противника на соседнем участке фронта. Как было показано выше, 11-я танковая армия СС Феликса Штайнера не была фантомом. Она собиралась не из восточнопрусской группировки противника, а из Курляндии и резервов. Напротив, восточнопрусская группировка (немецкая 2-я армия) оставалась на месте и также усиливалась переброской войск из Курляндии.

2-й Белорусский фронт

Усиление восточнопрусской группировки за счет Курляндии стало одной из причин пробуксовывания наступления 2-го Белорусского фронта в Померании. Еще 8 февраля 1945 г. директивой Ставки ВГК № 11021 войскам 2-го Белорусского фронта было приказано «10 февраля перейти в наступление к западу от р. Висла и не позже 20.02. овладеть рубежом [119] устье р. Висла, Диршау, Берент, Руммельсбург, Нойштеттин»{42}. Дополнительно 2-му Белорусскому фронту передавалась из резерва Ставки 19-я армия генерал-майора Г. К. Козлова. Георгий Кириллович Козлов был однофамильцем печально известного командующего Крымским фронтом Д. Т. Козлова. Рокоссовскому передавали 19-ю армию третьего формирования, созданную в 1942 г. в составе Карельского фронта на базе Кандалакшской оперативной группы. Г. К. Козлов всю войну провел в Карелии, а 19-й армией командовал с мая 1943 г. Она была переброшена на западное направление из Карелии только осенью 1944 г. в рамках общего сбора сил с флангов на берлинское направление для решающего сражения. 19-ю армию предполагалось использовать в развитии операции. В вышеупомянутой директиве Ставки ВГК фронту К. К. Рокоссовского предписывалось: «развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты»{43}. Таким образом, 2-й Белорусский фронт должен был пройти всю Померанию до устья реки Одер и тем самым обезопасить правый

фланг своего соседа — 1-го Белорусского фронта. Именно поэтому Г. К. Жуков 10 февраля представил на рассмотрение Верховного план операции по захвату Берлина. Предполагалось, что войска 2-го Белорусского фронта успеют очистить Восточную Померанию в то время как армии 1-го Белорусского фронта будут готовиться к штурму Берлина. В случае реализации этого плана Берлин штурмовали бы в Международный женский день 8 марта.

Еще до получения директивы Ставки на наступление в Восточной Померании К. К. Рокоссовский начал перегруппировку войск. По его приказу была выведена из боя на правом крыле фронта 49-я армия и к 4 февраля сосредоточена в районе Дойч-Айлау, Любово, Ново-Място, а затем переброшена на левый берег Вислы. В ночь на 9 февраля эта армия, [120] сменив соединения 70-й армии, была введена в первую линию на левом крыле фронта в стыке между ранее наступавшими 65-й и 70-й армиями. Находившиеся в резерве командующего войсками фронта 330-я и 369-я стрелковые дивизии 3 февраля были переданы в состав 70-й армии и введены в полосу ее действий. 2 февраля был выведен из боя на правом крыле фронта 3-й гвардейский кавалерийский корпус и переброшен на левое крыло. 8 февраля корпус, находясь в резерве фронта, сосредоточился в районе севернее Фордон. Основные силы 2-й ударной армии по указанию командующего фронтом перегруппировывались на свой левый фланг. Чтобы высвободить силы 2-й ударной армии для действий на левом берегу Вислы, в период с 3 по 7 февраля ей были переданы три укрепленных района из правофланговой 50-й армии с задачей занять оборону по правому берегу реки от Эльбинга до Грауденица.

По решению Ставки штаб К. К. Рокоссовского освобождался от дополнительной управленческой нагрузки. 50, 3, 48-я общевойсковые армии и 5-я гв. танковая армия, продолжавшие бои в Восточной Пруссии, были 9 февраля 1945 г. переданы в состав соседнего 3-го Белорусского фронта. В связи с понесенными в боях за Восточную Пруссию потерями один танковый корпус 2-го Белорусского фронта был выведен из боя в резерв. Вместо него из резерва Ставки ВГК поступил 3-й гвардейский танковый корпус, сосредоточившийся в районе Млавы. К началу наступления в Померанию с востока в состав 2-го Белорусского фронта входили пять общевойсковых армий (2-я ударная, 65, 49, 70 и 19-я), три танковых корпуса (1, 3 и 8-й гвардейские), один механизированный корпус (8-й), один кавалерийский корпус (3-й гвардейский). Однако следует отметить, что к началу операции части

19-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса находились в движении, и подход их ожидался не ранее второй половины февраля. Ввод их в сражение К. К. Рокоссовский предполагал осуществить только 22–25 февраля 1945 г. Поддержку с воздуха войскам фронта оказывала 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина. [121]

Всего в пяти общевойсковых армиях 2-го Белорусского фронта к началу нового наступления имелось сорок пять стрелковых дивизий. Почти все они были поражены общей для Красной армии 1945 г. болезнью — низкой комплектностью. Средняя укомплектованность дивизий 2-й ударной армии составляла несколько более 4900 человек, 49-й и 70-й армий — около 4900 человек, 65-й армии — около 4100 человек. Дивизии армий 2-го Белорусского фронта были не в блестящем состоянии до Восточно-Прусской операции, а в ходе январских боев понесли потери. Для сравнения: на 10 января 1945 г. средняя численность дивизии во 2-й ударной армии была 7056 человек, в 49-й армии — 6266 человек, в 70-й армии — 6356 человек и в 65-й армии — 6093 человека. Как мы видим, после месяца боев на укреплениях Восточной Пруссии соединения насчитывали на 1100–1800 человек меньше. Только в переданной фронту из резерва Ставки ВГК и находившейся на марше 19-й армии средняя укомплектованность дивизии достигала 8300 человек. Боеготовых танков и САУ в составе фронта было всего 297, еще 238 числились в ремонте.

Войскам 2-го Белорусского фронта противостояла 2-я армия группы армий «Висла» в составе двенадцати пехотных, двух танковых дивизий, шести боевых групп, три крупных гарнизона крепостей, а всего около двадцати двух расчетных дивизий. В отличие от советских соединений, немцам удалось пополнить многие свои соединения практически до штата. Так, прибывшая из Курляндии 4-я танковая дивизия была пополнена за счет местных ресурсов и на 1 февраля 1945 г. насчитывала в строю 12663 человека из 14871 по штату. Причем значительная часть некомплекта падала на «хиви», дефицит которых в 1945 г. был вполне объясним. На то же число в дивизии насчитывалось 26 танков Pz.Kpfw.IV, 4 Pz.Kpfw.III, 11 САУ»Штурмгешюц» и 168 броневиков и бронетранспортеров. Потери техники 4-й танковой дивизии непрерывно восполнялись, и на 7 февраля она насчитывала 23 Pz.Kpfw.IV, 21 «Штурмгешюц» и JagdpanzerIV и 2 «Тигра». Таким образом, недоукомплектованным советским дивизиям на направлении главного

удара в Померании были противопоставлены [122] соединения в меньшем числе, но в высокой комплектности, неплохо оснащенные техникой. В 20-х числах февраля из Курляндии в 4-ю танковую дивизию прибыл батальон «Пантер». 7-я танковая дивизия на 15 января насчитывала боеготовыми 1 Pz.III, 2 Flakpanzer.IV, 28 Pz.IV, 29 JagdpanzerIV/L70, 37 Pz.V «Пантера» и один командирский танк. Еще шесть танков числились в ремонте. Кроме танковых соединений, в составе 2-й армии находились 209, 226 и 276-я бригады штурмовых орудий.

Наступление 2-го Белорусского фронта началось согласно плану утром 10 февраля 1945 г. Удар наносился с плацдарма на левом берегу Вислы. В центре, в полосе действий 65-й армии, противник оказывал очень сильное сопротивление, и нашим войскам с трудом удалось овладеть двумя опорными пунктами врага — городами Швец и Шенау. В полосе действий 49-й армии наступление наших войск развивалось также очень медленно. За день боя соединения этой армии продвинулись всего на 2–3 км. Наиболее успешными были действия 70-й армии, усиленной танковым и механизированным корпусами. Но и здесь продвижение советских войск было незначительным. Соединения правого крыла фронта в первый день операции в наступление не переходили. Частью сил они вели бои по уничтожению противника, окруженного в Эльбинге и блокированного в Грауденице, а основными силами 2-й ударной армии производили перегруппировку, выводя их в полосу действий 65-й армии на левом берегу Вислы.

За пять суток боевых действий войска 2-го Белорусского фронта продвинулись на 15–40 км, причем наибольшего успеха добилась 70-я армия, которая продвинулась на 40 км. 65-я и 49-я армии, действовавшие в центре группировки фронта, продвинулись за это время всего на 15–20 км. Переправленная на плацдарм 2-я ударная армия в это время наступления не вела вследствие того, что войска 65-й армии, в полосе которой она должна была наступать, продвигались медленно и не достигли рубежа, с которого намечалось ввести армию для «сворачивания» обороны противника.

К 15 февраля самым большим достижением войск К. К. Рокоссовского стал захват крупных железнодорожных узлов и [123] опорных пунктов противника: городов Кониц (Хойнице) и Тухель. Вследствие нехватки горючего немцы были вынуждены чаще, чем обычно, прибегать к перевозкам по железной дороге. Поэтому за узлы и

крупные станции разворачивалась отчаянная борьба. В боях за Кониц и Тухель были задействованы обе танковые дивизии немецкой 2-й армии — 4-я и 7-я.

На следующий день, 16 февраля, наконец-то был введен в сражение 108-й стрелковый корпус 2-й ударной армии из района западнее Грауденица, наносивший удар вдоль левого берега Вислы в северном направлении. Преодолевая сопротивление врага, войска фронта до 16 февраля продвигались с темпом 5–8 км в сутки. Однако в последующие дни наступления даже этот черепаший темп продвижения вперед начал снижаться. Одной из основных причин было снижение боевого состава соединений фронта. По оценке К. К. Рокоссовского, армии правого крыла фронта насчитывали двадцать шесть трехтысячных и восемь четырехтысячных стрелковых дивизий.

Было очевидно, что без ввода дополнительных свежих сил в сражение операция по разгрому восточнопомеранской группировки врага может сильно затянуться. Поэтому К. К. Рокоссовский 15 февраля отдал приказ соединениям, прибывшим из резерва Ставки, выдвинуться на левое крыло фронта. Войскам 19-й армии генерал-лейтенанта Г. К. Козлова было приказано выступить из занимаемого района и к исходу 21 февраля 1945 г. сосредоточиться в тылу ударной группировки фронта. Туда же приказывалось выдвинуться к 23 февраля 3-му гвардейскому танковому корпусу. 19 февраля на рубеже Меве, Черск, Хойнице наступление войск 2-го Белорусского фронта было фактически приостановлено. На момент приостановки наступления максимальное продвижение войск фронта составило 70 км. 65, 49 и 70-я армии смогли оттеснить противника на север и северо-запад на расстояние всего от 15 до 40 километров. Кроме того, 2-й Белорусский фронт обзавелся собственным «фестунгом» в лице Грауденица. [124]

1-й Украинский фронт

Начало февраля было временем надежд как для Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, так и для И. С. Конева. Командующие трех фронтов прекрасно понимали, что остановка наступления означает для противника долгожданную паузу на стабилизацию фронта и совершенствование обороны. Первоначальный план операции, впоследствии получившей название Нижне-Силезской, был представлен командующим 1-го Украинского фронта в Ставку 28 января, на десять дней раньше, чем Жуков свой план захвата Берлина. В феврале Конев планировал наверстать

упущенное вследствие необходимости сосредоточения усилий против группировки противника в Силезском промышленном районе.

Представленный на утверждение в Ставку план был поистине грандиозным. И. С. Конев намечал нанести по противнику одновременно три удара: два с плацдармов севернее и южнее Бреслау и третий вдоль Судетских гор. Первые два удара имели своей целью разгром бреслау-дрезденской группировки противника и «к 25.2.45 г. главными силами выйти на реку Эльба»{44}. Войсками правого крыла фронта предполагалось во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта овладеть Берлином. Именно необходимость выйти вровень с захватившим плацдарм в 60 км от Берлина 1-м Белорусским фронтом обусловила появление плана наступления войск И. С. Конева почти на две недели раньше упоминавшегося выше плана Жукова от 10 февраля. Большая глубина задач потребовала активной защиты фланга. Для этого наносился третий удар с плацдарма юго-западнее Оппельн вдоль северных склонов Судетских гор. Он должен был способствовать решению главной задачи, выполнявшейся войсками правого крыла и центра фронта. Наступление предполагалось начать 5–6 февраля.

Возвращение центра тяжести операций на правый фланг фронта потребовало перегруппировки войск. В частности из Силезии возвращалась 3-я гв. танковая армия и перегруппировывалась [125] с одного плацдарма на другой 52-я армия. В результате перегруппировки, произведенной в период с 29 января по 7 февраля, на правом крыле фронта были развернуты четыре общевойсковые (3-я гвардейская, 13, 52 и 6-я) и две танковые (3-я гвардейская и 4-я) армии, а также один танковый (25-й) и один механизированный (7-й гвардейский) корпуса. Основные силы главной ударной группировки фронта развернулись на плацдарме северо-западнее Бреслау. Перед этой ударной группировкой И. С. Конев поставил задачу разгромить противостоящего противника и выйти на р. Нейсе, а в последующем развивать наступление в обход Берлина с юго-запада. Тем самым операция 1-го Украинского фронта увязывалась с вероятными действиями 1-го Белорусского фронта.

Вторая ударная группировка в составе 5-й гвардейской и 21-й армий с оперативно подчиненными им 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами была развернута на плацдарме южнее Бреслау. К началу готовившейся операции войска этих армий уже вели напряженные наступательные бои по расширению занимаемого

плацдарма. Войска, развернутые на плацдарме южнее Бреслау, должны были во взаимодействии с левофланговыми войсками главной ударной группировки разгромить бреславскую группировку противника и в последующем наступать на дрезденском направлении.

Третья ударная группировка сосредотачивалась на левом крыле фронта и состояла из 59-й и 60-й армий и 1-го гв. кавалерийского корпуса. Она должна была наступать с плацдарма юго-западнее Оппельна вдоль северных склонов Судетских гор и обеспечивать действия войск правого крыла и центра фронта.

После большого январского наступления армии И. С. Конева действовали в полосе около 500 км. Это существенно затрудняло создание необходимых плотностей на направлении главного удара и выделение резервов для парирования неизбежно возникающих в ходе наступления кризисов. Для создания необходимых тактических плотностей все четыре общевойсковые армии главной ударной группировки [126] должны были действовать в одном оперативном эшелоне. Построение армий (за исключением 13-й армии) также было одноэшелонным. Большинство стрелковых корпусов первого эшелона также строились в одну линию. Армии, наступавшие в центре и на левом крыле фронта, также имели одноэшелонное построение. Кроме того, к наступлению пришлось готовиться, продолжая борьбу за плацдарм на западном берегу Одера. Первые дни февраля части 4-й танковой армии совместно со стрелковыми соединениями отражали удары «Бранденбурга» и «Германа Геринга». С 1 по 7 февраля 4-я танковая армия потеряла 42 боевых машины, сведя на нет усилия ремонтников по восстановлению подбитых танков и САУ.

Верный своему принципу использования танковых армий, И. С. Конев поставил перед танковыми армиями задачу прорвать оборону противника совместно с общевойсковыми армиями, а потом вырваться вперед и развивать успех. Командующий фронтом впоследствии вспоминал: «В данной обстановке я считал такое решение вполне оправданным. [127]

Без этого наши утомленные долгими боями и в значительной мере обескровленные стрелковые дивизии не решили бы стоящих перед ними задач...»{45}. Кроме того, фронт не располагал боеприпасами для длительной артиллерийской подготовки вследствие растянутости коммуникаций и был вынужден полагаться на танки. Все

мероприятия командования фронта и напряженная работа фронтового и армейского транспорта обеспечили лишь восстановление израсходованных запасов.

Состояние танковых армий к тому моменту было не блестящим, но вполне допускавшим ведение наступательных операций. В составе 4-й танковой армии на 1 февраля было 414 исправных танков и САУ (283 Т-34, 26 ИС-2, 8 СУ-122, 24 СУ-85, 25 СУ-76 и 43 СУ-57){46}. Еще 121 танк числился в ремонте. Армия Лелюшенко насчитывала 38 405 человек, в том числе 5880 офицеров, 13 260 сержантов и 19 265 рядовых. Вследствие значительных потерь армия стала типичным для завершающего периода офицерско-сержантским объединением с низкой комплектностью стрелковых рот. Осознавая ослабление пехотной составляющей своей армии, Лелюшенко просил у Конева придать ему хотя бы обычное пехотное соединение: «Прошу придать в предстоящей операции в оперативное подчинение одну стрелковую дивизию, которую смогу посадить на танки и наличие которой позволит армии успешно закреплять захватываемые районы в оперативной глубине противника, а также прочесывать лесные массивы»{47}. Также командарм просил передать в его подчинение один из танковых корпусов фронта. Командующий фронтом удовлетворил только первую просьбу командующего 4-й танковой армией: с 23.00 7 февраля армии Лелюшенко подчинялась 112-я стрелковая дивизия полковника Д. Т. Жукова. Один стрелковый полк командарм вывел в свой резерв, а саму дивизию перевел в оперативное подчинение 6-го гв. механизированного корпуса. [128]

В довершение всех проблем 8 февраля была плохая погода, и 1-й Украинский фронт был лишен поддержки авиации. Наступление началось в 6.00 утра 8 февраля после короткой 50-минутной артиллерийской подготовки. Что интересно, 8 февраля наступали обе стороны: части «Германа Геринга» продолжали атаки плацдарма с запада. В первые два дня наступления войска главной ударной группировки прорвали оборону противника на фронте 80 км. Общевойсковые армии вклинились на глубину от 10 до 15 км, а танковые — от 30 до 60 км.

«Вскрытие» плацдарма на Одере 4-й танковой армией было организовано так, что танковый и механизированный корпуса стартовали с северного и южного фаса плацдарма, а затем ударили навстречу друг другу. Тем самым было образовано окружение противника в лесах северо-западнее Любена. Были окружены части дивизий «Бранденбург», «Герман Геринг» и 20-й танко-гренадерской дивизии.

9 февраля генерал-майор Неккер был снят с командования 1-й парашютно-танковой дивизией «Герман Геринг» и заменен на полковника Макса Лемке. Лемке стал последним командиром соединения. Показательно, что механизированным соединением люфтваффе командовали офицеры вермахта, не имевшие до этого отношения к ведомству Геринга. До вступления в должность командира «Германа Геринга» Лемке командовал разведывательным батальоном и мотопехотным полком. Его предшественник также был командиром танковых войск, занимавшимся с 1943 г. обучением полевых частей люфтваффе. Поначалу окруженные немецкие [129] дивизии пытались пробиваться на северо-запад, но были остановлены частями 6-го гв. механизированного корпуса на подступах к Польквицу. Потерпев неудачу с прорывом на северо-запад, окруженцы частью сменили направление прорыва: теперь они пробивались строго на запад. Здесь остатки нескольких дивизий были встречены 63-й танковой бригадой 10-го гв. танкового корпуса. Танки из засад расстреливали пробивающиеся на запад колонны пехоты, танки, автомашины и бронетранспортеры. Танкисты корпуса Белова оказались на пути остатков корпуса «Великая Германия», так как 4-я танковая армия была вынуждена обходить крупный лесной массив (Примкенауер Форст) и оба ее корпуса 10 февраля стали выходить на один маршрут. По странному стечению обстоятельств советский 10-й гв. танковый корпус, так же как и его оппонент по другую сторону фронта, сменил командира: вместо полковника Н. Д. Чупрова 10 февраля был назначен генерал-лейтенант Е. Е. Белов (ранее заместитель Д. Д. Лелюшенко).

Леса вскоре стали прибежищем окруженцев. Поворот 10-го гв. танкового корпуса в обход Примкенауер Форст позволил «Великой Германии» пробиваться на запад через лесистый район у Котценау. Массированный удар между деревнями Вейссбиг и Вольфендорф позволил немцам сокрушить выставленные в заслон противотанковые орудия 10-го гв. танкового корпуса и уйти в леса. Уже 12 февраля части «Бранденбурга», «Германа Геринга» вышли к Шпротау и втянулись в бои за город.

Тем временем 4-я танковая армия продолжала наступление в западном направлении. В течение 11 февраля 6-й гв. механизированный корпус прошел 35 км и вышел к р. Бобер. В это время 10-й гв. танковый корпус вел бои за Шпротау. Используя успех 6-го гв. механизированного корпуса, Лелюшенко снял 10-й гв. танковый корпус с затянувшегося штурма Шпротау и направил его форсировать р.

Бобер у Зорау. 4-я танковая армия на тот момент была безусловным лидером наступления 1-го Украинского фронта: 3-я гвардейская армия в силу слабого боевого состава отстала, в полосе наступления 3-й гв. танковой армии р. Бобер протекала в 20 — [131] 30 км восточнее, и части армии Рыбалко только подходили к реке. «Желтая майка лидера» и возникшие в связи с этим открытые фланги потребовали от Лелюшенко вывести две танковые бригады в резерв. Обстановка начала накаляться.

Осознавая угрозу флангам, Д. Д. Лелюшенко тем не менее продолжил наступление. С захваченных на р. Бобер плацдармов корпуса 4-й танковой армии устремились дальше на запад. В 14.00 14 февраля 16-я механизированная бригада 6-го механизированного корпуса вышла к р. Нейсе и завязала бой за переправу. 49-я механизированная бригада и 112-я стрелковая дивизия были в 5–7 км от Нейсе. 17-я гв. механизированная бригада и 93-я отдельная бригада прикрывали в районе Христианштадта правый фланг армии. Наступавший параллельным маршрутом 10-й гв. танковый корпус в тот же день вышел к р. Нейсе 6 танками с десантом автоматчиков из состава 62-й танковой бригады. 61-я танковая бригада того же корпуса оставалась в районе Зорау на прикрытии левого фланга армии. 63-я танковая бригада 10-го гв. танкового корпуса в 9.00 переправилась через р. Бобер и также выдвигалась для прикрытия левого фланга армии в районе Зорау. Войска 13-й армии еще сильно отставали от вырвавшихся к Нейсе танкистов Лелюшенко.

На правом фланге 1-го Украинского фронта 3-я гв. армия окружила последний «фестунг» линии «Ц» — Глогау. Частью сил блокировав эту группировку, войска В. Н. Гордова продолжали развивать наступление в северо-западном направлении. К 15 февраля войскам армии удалось выдвинуться к р. Бобер на фронте от ее устья до г. Наумбург.

Разрыв между общевойсковыми и танковыми соединениями был немедленно использован противником. Командованием немецкой 4-й танковой армии было спланировано контрнаступление силами двух танковых корпусов: XXIV танкового корпуса и пробившегося из окружения танкового корпуса «Великая Германия». В состав XXIV танкового корпуса Неринга на тот момент входили 16-я танковая дивизия, 72, 88 и 342-я пехотные дивизии. Соответственно штабу корпуса «Великая Германия» подчинялись дивизии «Бранденбург», «Герман Геринг» и 20-я танко-гренадерская дивизия. [132] Командовавший «Великой Германией» генерал Заукен

незадолго до начала контрудара убыл в Восточную Пруссию, новым командиром корпуса стал генерал-лейтенант Георг Яуер. С утра 14 февраля немцы двумя ударными группировками начали наступление, стремясь отражать прорвавшиеся к Нейсе части 4-й танковой армии от переправ на р. Бобер. Оборонительными действиями 93-й отдельной танковой бригады, 17-й механизированной бригады, 22-й самоходно-артиллерийской и 63-й танковой бригады удалось не допустить противника к переправам. Однако в результате контрудара немцам удалось добиться успеха — наступающие с севера и юга группировки соединились и отрезали главные силы 4-й танковой армии от тылов и войск 13-й армии.

Командующий 4-й танковой армии был вынужден развернуть вышедший к Нейсе 6-й механизированный корпус на 180 градусов. В 11.30 16 февраля он направляет в передовые соединения приказ следующего содержания:

«Командиру 10 ТК для срочной передачи командиру 6 МК (похоже, непосредственный контакт со штабом 6 МК на тот момент отсутствовал. — *А. И.).*

Командиру 6 МК оставить прикрытие на р. Нейсе и 112-й СД в районе Зоммерфельд и главными силами немедленно нанести удар через Зоммерфельд навстречу 93 ОТБР.

Начало действий донести»{48}.

6-й гв. механизированный корпус начал пробивать коридор в 15.20 16 февраля ударом на Зоммерфельд. На восток пробивался отряд из 28-го тяжелого танкового полка, батальона 49-й механизированной бригады, одного полка 112-й стрелковой дивизии при поддержке дивизиона РС.

Одновременно были подготовлены деблокирующие действия силами 93-й отдельной танковой бригады и 280-й стрелковой дивизии. Бригада и дивизия днем 16 февраля наступали на Бенау с запада. Город обороняли части бригады СС «Дирлевангер». Поскольку вследствие оттепели земля размокла, танки были вынуждены отказаться от обходных [133] маневров по бездорожью и наступать вдоль дороги. Засевшие в домах «фаустники» вынуждали танки держаться в 100 м позади наступающей по улицам Бенау пехоты. 16 февраля взять Бенау не удалось. Передовые части 4-й танковой армии и части на р. Бобер все еще разделяли 10–15 км.

17 февраля кризис еще сохранялся. Сводный отряд 6-го механизированного корпуса обошел Зоммерфельд и стал продвигаться к Бенау с запада, но был контратакован из Зоммерфельда и остановился. 17-я механизированная бригада, 93-я отдельная танковая бригада и 280-я стрелковая дивизия продолжали штурм Бенау. Оптимизм внушало только то, что войска 3-й гв. и 13-й армий наконец вышли передовыми соединениями к р. Бобер. Обеспокоенный положением своих передовых частей, Лелюшенко отправил в штаб фронта в 23.15 17 февраля донесение, которое можно было бы назвать «паническим»: «В связи с тем, что в течение двух дней войска 13 А не продвинулись вперед, прошу разрешения повернуть все части армии, находящиеся на р. Нейсе с целью нанесения общего удара на Зорау, Бенау и разгрома Бенаусской группировки противника совместно с частями 13 А. В дальнейшем совместно с 13 А вновь выдвинуться к реке Нейсе»{49}.

Командующий 4-й танковой армией фактически предлагал отказаться от борьбы за плацдармы на р. Нейсе, позволить противнику закрепиться на рубеже реки или даже на подступах к ней. Такое решение было неприемлемым и одобрения не получило. Вместо этого пробивающийся на восток отряд 6-го механизированного корпуса был усилен 61-й танковой бригадой 10-го гв. танкового корпуса. В усиленном составе сводный отряд к 17.00 18 февраля пробился к западной окраине Бенау. Деблокирующая группа днем 18 февраля продолжала штурмовать Бенау, на этот раз танки были усилены двумя батареями СУ-57 из состава 22-й самоходно-артиллерийской бригады. Советские бомбардировщики [134] и штурмовики бомбили и обстреливали немцев в Бенау и севернее города.

Во второй половине дня 19 февраля Бенау был наконец захвачен. Связь вышедших к Нейсе частей с тылом была восстановлена. Развернутые к Бенау части начали подтягиваться к Нейсе. В свою очередь, командующий немецкой 4-й танковой армии 19 февраля приказал прекратить контрудар и выйти из боя. Армия Д. Д. Лелюшенко была полностью сосредоточена на р. Нейсе к утру 21 февраля. Однако опасность флангам еще оставалась, и часть сил была развернута фронтом на север. Но продолжения наступления не последовало. В 5.25 22 февраля из штаба фронта была передана директива № 109/оп следующего содержания:

«Приказываю: 4 ТА к утру 24.2.45 г. сосредоточить в районе (иск.) Раудтен, Зеебниц, Крумлинге, Любен.

Марш совершать скрытно, по ночам. Начало марша с вечера 22.2.45 г.

Тридцать танков Т-34 с наиболее отработанными моторесурсами, а также СУ-122 и ИС-122 передать командарму 13 для укомплектования 88 тп и 327 гсап.

В новом районе армию спешно приводить в порядок»{50}.

Днем 22 февраля 6-й гв. механизированный и 10-й гв. танковый корпуса сдавали позиции на Нейсе войскам 13-й армии. О планировавшемся выходе к 25 февраля главными силами на реку Эльба пока пришлось забыть. С 8 по 22 февраля в 4-й танковой армии вышли из строя 257 машин (162 Т-34, 22 ИС-2, 12 СУ-122, 16 СУ-85, 20 СУ-76, 23 СУ-57 и 6 «Валентайнов»), в том числе безвозвратно 127 танков и САУ (95 Т-34, 7 ИС-2, 2 СУ-122, 7 СУ-85, 10 СУ-76, 4 СУ-57 и 2 «Валентайна»){51}. На этом этапе боевых действий большая часть потерь армии Д. Д. Лелюшенко приходилась на воздействие артиллерии противника — 201 танк, или 75% общего числа вышедших из строя. На фаустпатроны приходилось 20 танков, или 7,8% потерь.

3-я гв. танковая армия П. С. Рыбалко поначалу обошлась [135] без подобных приключений, форсировав 10 февраля р. Бобер и р. Квейс в районе западнее Бунцлау. Однако вскоре наступление 1-го Украинского фронта столкнулось с проблемой совмещения продвижения вперед и обеспечения фланга. Снова, как и в январе 1945 г., основные усилия сосредотачивались на ударе в западном направлении. Здесь были обе танковые армии. Окружение Бреслау поручалось общевойсковым армиям — 5-й гвардейской и 6-й. Первая получила в качестве средства развития успеха 7-й гв. механизированный корпус, а вторая — 4-й гв. танковый корпус. Второстепенность захвата Бреслау обусловила отклонение от стандартов ведения операции на окружение. Наступление советских войск на этом направлении обошлось без удара в глубину для обеспечения внешнего фронта окружения. Соответственно 6-я армия, повернув на юг навстречу 5-й гвардейской армии, была вынуждена выделить силы для прикрытия с юго-запада. Распыление сил привело к затруднениям в продвижении вперед. Армия фактически остановилась на подступах к Бреслау. В свою очередь, поворот 6-й армии на Бреслау заставил командование фронта развернуть 52-ю армию на [136] прикрытие левого фланга фронта. Снова, как и в январе, наступающая на запад группировка начала таять.

И. С. Конев вновь, как и в январе 1945 г, был вынужден 12 февраля разворачивать танковую армию Рыбалко с запада на восток из района Бунцлау на Бреслау. Вновь наступление на запад лишалось сильного подвижного объединения. Поначалу И. С. Конев решил обойтись поворотом двух корпусов. В 6.00 12 февраля командующий фронтом приказал 3-й гв. танковой армии силами 7-го гв. танкового и 9-го механизированного корпусов нанести удар на юго-восток навстречу 7-му гв. механизированному и 31-му танковому корпусу. После замыкания кольца окружения предполагалось во взаимодействии с 5-й гвардейской и 6-й армиями разгромить бреслаускую группировку противника. Только 6-му гв. танковому корпусу Конев сохранил задачу наступления в западном направлении — на Герлиц.

Выполняя поставленную задачу, бригады 7-го гв. танкового корпуса, совершив ночной марш из района Бунцлау, с утра 12 февраля завязали бои с танками и пехотой противника на рубеже Рауске, Оссих и к 18 часам овладели этими населенными пунктами. Одновременно 69-я и 70-я механизированные бригады 9-го механизированного корпуса овладели городами Яуер и Штригау, а 91-я танковая бригада — Гучдорфом. 7-й гв. танковый корпус, наступая в восточном направлении, к 18.00 13 февраля вышел на рубеж Альбрехтзау, Кант, где соединился с 7-м гв. механизированным корпусом. В ночь на 14 февраля части 32-го гв. стрелкового корпуса 5-й гв. армии в районе Ротсюрбена соединились с 7-м гв. механизированным корпусом, окружив город Бреслау. 1-й Украинский фронт обзавелся новым «фестунгом».

Ликвидацию окруженной в районе Бреслау группировки противника командующий фронтом возложил на войска 6-й армии генерала В. А. Глуздовского. Первоначальный план на выделение 6-й армии в резерв пришлось забыть. Корпусам 3-й гвардейской танковой армии было приказано выйти из боя, пополниться запасами и привести в порядок боевую технику и вооружение. 9-й механизированный корпус начал [137] перегруппировку 14 февраля, еще до выхода в занимаемый им район соединений 5-й гвардейской армии, которые должны были сменить его с утра 15 февраля. Это обнаружила разведка противника. Бригады 9-го механизированного корпуса, перестроившиеся в походные колонны, в полдень были внезапно атакованы с юга 8-й танковой дивизией противника. 69-я механизированная бригада полковника С. Г. Литвинова вступила в тяжелый бой с превосходящими танковыми силами на рубеже Гросс-Розен, Гучдорф. Опасность

была ликвидирована лишь благодаря правильному и быстрому решению генерала П. С. Рыбалко. По его приказу бригады 9-го механизированного и 7-го гвардейского танкового корпусов нанесли фланговый удар по противнику и остановили его продвижение. Бои с контратаковавшим противником продолжались до 15 февраля. На 15 февраля в составе 3-й гв. танковой армии оставалось 418 танков и САУ.

После смены частей 3-й гв. танковой армии пехотой она была возвращена на направление главного удара и должна была возобновить наступление в западном направлении. П. С. Рыбалко попытался сделать ход конем и окружить оборонявшую подступы к Герлицу группировку противника двумя ударами по сходящимся направлениям. Северную клешню «канн» образовывал 6-й гв. танковый корпус, наступавший с северо-востока, а южную — 7-й гв. танковый корпус, наступавший с востока.

7-й гв. танковый корпус, выполняя поставленную задачу, вышел к реке Квейс в районе Лаубана, но встретил сильное огневое сопротивление с левого берега реки и не смог форсировать ее. В свою очередь, 6-й гвардейский танковый корпус развернул наступление вдоль шоссе от Нойдорфа на Герлиц, но, встретив организованное сопротивление на правом берегу реки Гросс-Чирне, весь день 17 февраля вел упорные бои в 4–5 км к западу от реки Квейс. Первые дни наступления показали, что разбиение армии на две «клешни» на тот момент не соответствовало обстановке. Танковая армия была уже ослаблена более чем месяцем боев, и быстрого продвижения не получилось. Осознав свою ошибку, П. С. Рыбалко [139] решил собрать оба корпуса в единый кулак на направлении действий 6-го гв. танкового корпуса. По указанию командующего армией командир корпуса генерал-майор С. А. Иванов направил 54-ю и 55-ю гвардейские танковые бригады на переправы через реку Квейс в полосе действий 6-го гвардейского танкового корпуса в район Нойдорфа. Предполагалось, что таким маневром можно будет обойти Лаубан с севера и ударом с северо-запада во взаимодействии с наступавшими с востока 56-й танковой и 23-й мотострелковой бригадами овладеть им.

Однако решительного результата этим маневром добиться не удалось. К 8.00 17 февраля 54-я и 55-я гвардейские танковые бригады переправились через реку Квейс и вышли в район Нойдорфа, где были встречены сильным огнем танков противника и вынуждены были перейти к обороне на южной окраине Нойдорфа.

56-я танковая и 23-я мотострелковая бригады в течение 17 февраля, преодолевая огневое сопротивление противника, медленно продвигались к восточной окраине Лаубана. Город обороняли боевые группы 6-й народно-гренадерской и 17-й танковой дивизий. Первая была переформирована после катастрофы в Польше и получила роту истребителей танков «Хетцер». 17-я танковая дивизия, будучи изрядно потрепана в ходе Висло-Одерской операции, была переформирована в начале февраля 1945 г. и получила на доукомплектование 28 истребителей танков Pz.IV/70(V) и 16 танков Pz.IV. Кроме маневрировавших по улицам самоходок и танков в центре Лаубана, советские танки встретили заграждения из надолбов в виде рельсов, вертикально закрепленных в бетоне.

Вывод двух танковых бригад из района восточнее Лаубана ослабил фланг 7-го гв. танкового корпуса, в результате чего армия Рыбалко вскоре была поставлена в затруднительное положение. В район юго-восточнее Лаубана была выведена 8-я танковая дивизия, которая с утра 18 февраля начала наступление во фланг и тыл частям 7-го гв. танкового корпуса на подступах к Лаубану. Наступавшая на Лаубан 56-я танковая [140] бригада была вынуждена прекратить атаки и развернуться на 180 градусов, фронтом на восток.

Во втором эшелоне 3-й гв. танковой армии двигался 9-й механизированный корпус. Поначалу он помог отражению контрудара 8-й танковой дивизии в районе Левенберга, но вскоре сам был атакован. Противником были подтянуты 10-я танко-гренадерская и 408-я пехотная дивизии, и контрнаступление ГА «Центр» продолжилось. Командир 9-го механизированного корпуса генерал-лейтенант И. П. Сухов принял решение развернуть все свои силы на широком фронте от Левенберга до Гольдберга и отразить контрудар противника на этом рубеже. Бригады корпуса в течение 19 и 20 февраля вели здесь тяжелые оборонительные бои.

В журнале боевых действий штаба оперативного руководства за 20 февраля 1945 г. есть такая запись: «В целом следует отметить, что за последние 14 дней в полосе группы армий «Центр» наши войска добились значительных успехов, хотя их состав сведен до минимума. Своим успехом операция обязана, среди прочего, гибкому командованию, которое быстро изменило направление удара танковых соединений и образовало ударные группировки»{52}. Действительно, Шёрнеру удалось остановить контрударами прорыв на запад как 4-й танковой армии Д. Д. Лелюшенко, так и 3-й гв. танковой армии П. С. Рыбалко.

В течение 20–21 февраля войска 3-й гв. танковой армии продолжали вести наступление в направлении Герлица. Особенно ожесточенными были уличные бои в Лаубане, где противник оборонял каждый дом, широко применяя против наступающих танков фаустпатроны. Обороняли Лаубан части 6-й народно-гренадерской и 17-й танковых дивизий, отступивших с Вислы и пополненных уже в составе группы армий «Центр». Соединения армии П. С. Рыбалко понесли большие потери. На 21 февраля в танковых бригадах насчитывалось по 15–20 танков. Весь 7-й гвардейский танковый корпус имел в строю всего 55 танков, а в 9-м механизированном корпусе осталось 48 танков. [141]

Кризис в наступлении 3-й гв. танковой армии вызвал неудовольствие у самого Верховного Главнокомандующего. И. С. Конев вспоминал: «В тот день, когда немецко-фашистские части начали выходить на тылы 3-й танковой армии, Сталин позвонил мне и выразил тревогу: «Что у вас там происходит в третьей танковой армии? Где она у вас там находится?» Я ответил, что армия Рыбалко ведет очень напряженные бои в районе Лаубана, но, считаю, ничего особенного с ней не произошло. Армия воюет в сложной обстановке, но это для танковых войск дело привычное. Звонок Сталина застал меня на командном пункте 52-й армии, недалеко от Лаубана. Я заверил Верховного Главнокомандующего, что, если обстановка усложнится, мы примем все необходимые меры на месте»{53}.

Чтобы сломить сопротивление противника в Лаубане, [142] против него были развернуты 51-я и 53-я гв. танковые бригады 6-го гвардейского танкового корпуса, часть сил 9-го механизированного корпуса. Наступающие на Лаубан части были усилены 16-й самоходно-артиллерийский бригадой, 57-м гв. тяжелым танковым полком и несколькими артиллерийскими и минометными полками. Вскоре танкистов догнала пехота. 22 февраля в полосу наступления 6-го гв. танкового корпуса была выдвинута 254-я стрелковая дивизия 52-й армии.

24 февраля, когда еще шли бои за Лаубан, считается последним днем Верхне-Силезской операции 1-го Украинского фронта. Формально можно считать этот день моментом отказа советского командования от реализации первоначального плана операции. «Фестунги» в полосе фронта И. С. Конева стали одними из самых долгоживущих: Глогау капитулировал только 1 апреля, а Бреслау держался до самого конца — его гарнизон сложил оружие только 6 мая. Потери фронта в период с 8 по 24 февраля составили 99 386 человек (23 577 человек безвозвратные потери

и 75 809 санитарные). В результате Нижне-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта вышли вровень с позициями 1-го Белорусского фронта на одерских плацдармах. Это обеспечило войскам двух фронтов благоприятное положение для проведения наступления на Берлин.

Сражение за Лаубан после 24 февраля не затихло, а продолжало полыхать с новой силой. Против Лаубана были сосредоточены все соединения 7-го гв. танкового и 9-го механизированного корпусов, а также 214-я стрелковая дивизия, армейские и приданные артиллерийские части. Однако бои приобрели затяжной характер. Очередной драматичный поворот событий последовал, когда под Лаубан были переброшены дивизия «Сопровождение фюрера» и «Гренадеры фюрера» из Померании и 21-я танковая дивизия из района Кюстрина. На базе управления XXIV танкового корпуса была образована так называемая группа Неринга в составе LVII и XXXIX танковых корпусов. В первый вошли 408-я дивизия, 103-я танковая бригада, 8-я танковая дивизия и дивизия [143] «Сопровождение фюрера». Во второй — боевая группа 6-й народно-гренадерской дивизии, боевая группа 17-й танковой дивизии, дивизия «Гренадеры фюрера» и части 21-й танковой дивизии. От обороны части противника под Лаубаном перешли к контрнаступлению. Такое внимание к району Лаубана было связано не только с желанием нанести поражение 3-й гв. танковой армии, но и с экономическими вопросами — в этом районе проходила железная дорога, связывавшая центральную Германию с Силезией. Эта железнодорожная ветка также имела существенное значение для снабжения войск группы армий «Центр». В случае потери Лаубана войска Шернера должны были бы довольствоваться мелкими железнодорожными ветками, подходившими из Чехии. Вследствие этих причин командованием немецкой 17-й армии было спланировано контрнаступление внушительных по меркам 1945 г. масштабов.

Немецкое контрнаступление началось в ночь на 2 марта. Оно было построено на традиционной идее удара по флангам по сходящимся направлениям, в обход Лаубана с севера и с юга. Северное крыло наступления образовывал XXXIX танковый корпус генерала Декера, а южное — LVII танковый корпус генерала Кирхнера. Они должны были соединиться на шоссе Герлиц — Бунцлау. В центре «канн» оборонялась 6-я народно-гренадерская дивизия. Северная ударная группировка противника в течение 4–5 марта потеснила бригады 6-го гв. танкового корпуса на участке Хеннерсдорф, Штайберсдорф, форсировала реку Квейс и вышла

в район Логау (на берегу Квейса к северо-востоку от Лаубана). Южная ударная группировка (8-я танковая дивизия и дивизия «Сопровождение фюрера») пробилась через боевые порядки 9-го механизированного корпуса и вышла в район Наумбурга. До соединения двум немецким клешням оставалось всего несколько километров. Оценив сложившуюся обстановку, П. С. Рыбалко с разрешения командующего фронтом дал приказ на вывод подчиненных ему войск из Лаубана. С утра 6 марта войска армии совместно со стрелковыми соединениями [144] 52-й армии заняли оборону на рубежах в 5–6 км севернее и восточнее Лаубана.

С 6 по 12 марта корпуса 3-й танковой армии отбивали атаки противника вместе с частями 52-й армии. 13–14 марта соединения армии были выведены во второй эшелон фронта в район южнее Бунцлау для пополнения личным составом и техникой. К этому времени армия имела в строю 255 танков и САУ. Хотя 3-я гв. танковая армия не добилась успеха под Лаубаном, немецкое контрнаступление также не достигло поставленной цели.

В целом следует охарактеризовать февральское наступление 1-го Украинского фронта как попытку прорваться далеко вперед при открытом фланге. Даже в 1945 г. противник такие вольности не прощал. Закономерным результатом стали сильные фланговые удары противника, приведшие к временному окружению 4-й танковой армии и полуокружению 3-й гв. танковой армии. Общая обстановка 1945 г. позволила избежать катастрофических последствий, подобных сражению за Харьков в марте 1943 г. Однако слова Сталина «Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и [145] Жуков» оказались провидческими. Продвижение 1-го Украинского фронта в феврале 1945 г. было умеренным и не благоприятствовало удару на Берлин, даже если бы в Померании было все спокойно.

«Солнцестояние»

Начала немецкого наступления в Померании с нетерпением ожидали по обе стороны фронта. Жуков ожидал перехода противника в контрнаступление с первых чисел февраля. Пока 2-й Белорусский фронт прогрызал оборону 2-й немецкой армии, а 1-й Украинский фронт вел бои фронтом на юго-запад, на северном фланге 1-го Белорусского фронта происходило сосредоточение 11-й танковой армии СС

Феликса Штайнера. Прибывающие соединения не всегда могли привезти технику с собой и получали ее с заводов. В Штеттине дивизия «Нордланд» получила 30 штурмовых орудий и 30 «Пантер» и постепенно отдельными боевыми группами стала втягиваться в бои.

Самым сильным соединением 11-й армии была 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг». На 1 февраля 1945 г. в составе «Фрундсберга» насчитывалось 20104 человека (432 офицера, 3470 унтер-офицеров и 16 202 солдата) — высокая комплектность личного состава дивизий в отличие от Красной армии не была редкостью в немецких соединениях 1945 г. Командовал «Фрундсбергом» генерал-майор войск СС Хайнц Хармель — опытный офицер войск СС, прошедший школу крупнейших сражений Восточного фронта. В боях под Харьковом в феврале — марте 1943 г. он командовал мотопехотным полком дивизии СС «Дас Райх». В январе 1945 г. «Фрундсберг» участвовал в немецком контрнаступлении на Западе в Верхнем Эльзасе (операция «Нордвинд»), и только 5 февраля дивизия погрузилась в эшелоны. Путешествие соединения с запада на восток проходило под ударами авиации союзников. 10 февраля первые части дивизии прибыли в район Штеттина и Альдамма. [146]

К «Солнцестоянию» также привлекались недавно развернутые из бригад в дивизии «Гренадеры фюрера» и «Сопровождение фюрера». Первая насчитывала на 15 февраля 9775 человек (272 офицера, 39 чиновников, 2014 унтер-офицеров и 7450 рядовых, включая 327 «хиви»). Фактически «Гренадеры фюрера» оставалась бригадой — в ее составе был один танко-гренадерский полк из трех батальонов (в том числе один батальон на бронетранспортерах). Танковый парк дивизии составляли 28 Pz.IV и 28 Pz.V «Пантера». «Гренадерам фюрера» тактически подчинялась 911-я бригада штурмовых орудий (32 StuG III). Дивизия «Сопровождение фюрера» (Fuehrer-Begleit-Division) насчитывала на 15 февраля 9506 человек (280 офицеров, 49 чиновников, 1972 унтер-офицера, 7205 рядовых, в том числе 339 «хиви»). Так же, как и «Гренадеры фюрера», дивизия еще не дотягивала до дивизии — в наличии имелся один танко-гренадерский полк из трех батальонов (один из них на БТР). В той и другой дивизии отсутствовал разведбатальон — его заменяла разведрота. [147] Из двух дивизий только «Гренадеры фюрера» могла похвастаться самоходной артиллерией.

Масштабы планировавшейся операции «Солнцестояние» постепенно сокращались сообразно выделенным для нее силам. Как пишет Гудериан: «От задуманного плана наступления осталась лишь идея удара из района Арнсвальде с целью разгромить русских севернее р. Варта, укрепиться в Померании и сохранить связь с Западной Пруссией»{54}. Всю первую половину февраля в районах Арнсвальде и Штаргарта шло накопление сил сторон с обменом ударами. Основным участником боев с сосредотачивавшимися частями армии Штайнера стала 61-я армия П. А. Белова, входившая в состав 1-го Белорусского фронта. Уже поздним вечером 2 февраля Белов в приказе подчиненным ему корпусам пишет: «61-я армия перегруппировывается фронтом на север». 89-й стрелковый корпус 61-й армии на периметре окружения Шнейдемюля начиная с 3 февраля сменялся частями [148] 47-й армии. 61-я армия продвигалась на север, сдвигая рубеж, с которого мог начаться немецкий контрудар. Одновременно выбивались потенциальные участники контрудара, в частности, был уничтожен гарнизон города Нантиков.

Интересно отметить достаточно высокий процент тяжелых танков в бронетанковых частях армии Белова. В описываемый период танки Т-34 были в количестве 8 штук только в 85-м танковом полку. ИСов было 30 единиц в составе 88-го тяжелого танкового полка и 11-й гв. тяжелой танковой бригады. Наиболее многочисленными были СУ-76 — их было 43 в трех самоходно-артиллерийских и двух танковых полках.

Упомянутый Гудерианом город Арнсвальде был окружен 6 февраля, и в нем было блокировано около 3 тыс. человек гарнизона под командованием генерал-майора Фогхта и 11 тыс. беженцев. Костяк гарнизона составляли запасные части реактивных минометов и прибывавшие в Восточную Померанию подразделения армии Штайнера. Так, в составе арнсвальдского гарнизона оказались семь «Королевских тигров» из 503-го батальона тяжелых танков СС, только 28 января выгрузившегося в районе Веделла, недалеко от Арнсвальде. «Королевские тигры» были использованы для обороны Арнсвальде весьма своеобразным способом: несколько машин были погружены на железнодорожные платформы и стали импровизированным бронепоездом. Он двигался по железной дороге, обходившей Арнсвальде, и танки вели огонь по атакующим советским войскам. Остальные танки использовались для маневрирования по улицам города на направления советских атак. Артиллерии у гарнизона Арнсвальде не было: советскими войсками

отмечалось присутствие только двух батарей 81-мм минометов. Система обороны строилась на автоматно-пулеметном огне. По ночам транспортники Ю-52 сбрасывали грузы осажденному гарнизону. В целом оборона Арнсвальде развивалась по типичному для «фестунгов» второй половины войны сценарию: упорная оборона в полном окружении, скудное снабжение по воздуху и призрачные надежды на деблокирование. Впрочем, Арнсвальде находился не в худшем положении. 12 февраля гарнизону [149] было предложено капитулировать, генерал Фогхт отклонил это предложение: он уже знал о готовящемся наступлении.

13 февраля Жуков оперативной директивой № 00813/оп приказывает Белову сдать участки фронта на правом фланге армии частям 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии и 7-му гв. кавалерийскому корпусу. После сдачи своих боевых участков корпуса 61-й армии перебрасывались дальше на запад и сменяли 2-ю гв. танковую армию и 8-й гв. танковый корпус 1-й гв. танковой армии. Соответственно 47-я армия выходила на рубеж Одера и занимала позиции на левом фланге 61-й армии. Именно эта директива командующего фронтом определила положение советских войск в момент начала «Солнцестояния». 80-й стрелковый корпус остался штурмовать Арнсвальде, а 9-й гвардейский и 89-й стрелковые корпуса выходили в новые районы и занимали позиции к югу от Штаргарда. Тем самым под удар наиболее сильного XXXIX танкового корпуса выдвигалась пехота двух стрелковых [151] корпусов 61-й армии. Для усиления обороны 9-го гв. стрелкового корпуса Жуков направил свежий 1818-й самоходный артполк РГК, вооруженный СУ-85 (21 САУ).

Общее наступление армии Штайнера началось 16 февраля 1945 г. На правом фланге наступал XXXIX танковый корпус в составе танковой дивизии «Шлезиен», 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг», 4-й гренадерской дивизии СС «Полицай» и 28-й дивизии СС «Валлония». Первоначально «Фрундсберг» и «Шлезиен» нанесли удар по левому флангу 12-го гв. танкового корпуса. На направлении немецкого наступления занимали оборону части 34-й гв. мотострелковой и 48-й гв. танковой бригад. Новичкам повезло: к 16.00 «Шлезиен» и «Валлония» заняли город Вербен на берегу озера Мадю-зее, а к 20.00 — Шенинген, перехватив тем самым идущее от Пирица до Штаргарда шоссе «Рейхсштрассе № 158». В ходе наступления частями «Полицая» был захвачен плацдарм на р. Фауле Ина южнее Блумберга.

Дивизия СС «Фрундсберг» пошла в бой в буквальном смысле «с колес». Утром 16 февраля один батальон танкового полка и 22-й танко-гренадерский полк были еще в пути. Выгружавшиеся на железнодорожной станции южнее Штаргарда танки ехали прямо в бой. В результате наступление «Фрундсберга» было менее удачным — Варниц был удержан подразделениями 66-й гв. танковой бригады. Показательно, что оказавшиеся под ударом немецкого наступления бригады были уже изрядно потрепанными: в 48-й гв. танковой бригаде на 15 февраля насчитывалось всего 20 танков Т-34, а в 66-й гв. танковой бригаде — 15 танков Т-34{55}. Поскольку 12-й гв. танковый корпус оказался крепким орешком, действия «Фрундсберга» 17 февраля по настоянию Венка были перенесены на направление наступления «Полицая». Прибывающий по железной дороге 22-й танко-гренадерский полк «Фрундсберга» выгружался уже в Блумберге. Новый удар пришелся в стык 75-й и 12-й гв. стрелковых дивизий 61-й армии. «Полицай» 17 февраля захватил Делитц, а из-за его правого фланга «Фрундсберг» развил наступление на Мушерин, [152] во фланг и тыл 12-му гв. танковому корпусу и 75-й стрелковой дивизии. На Мушерин был сразу же нанесен контрудар при поддержке 6-го гв. тяжелого танкового полка. Тем временем «Фрундсберг» повернул дальше на запад и 17 февраля захватил Заллентин, еще глубже охватывая правый фланг 12-го гв. танкового корпуса. После захвата Заллентина был занят Мушерин. Положение было неустойчивым — захватившие Мушерин немецкие части находились под непрерывным обстрелом из минометов. Танкисты даже предпочитали не покидать свои танки, прячась от града осколков под броней. Правый сосед «Фрундсберга» — 28-я добровольческая дивизия СС — захватила 17 февраля Линденбегские холмы.

Из Мушерина части «Фрундсберг» с утра 18 февраля начали наступление на юг, в район Любтова и канала Шеннингер. Но это наступление уже не достигло поставленных целей. В район Любтов к тому моменту выдвигалась 397-я стрелковая [153] дивизия 89-го стрелкового корпуса 61-й армии. В Заллентин 17 февраля были направлены 17 танков 65-й гв. танковой бригады 9-го гв. танкового корпуса с задачей выбить противника из господского двора на южной окраине Заллентина. Но вместо наступления в 19.00 18 февраля танки 65-й гв. танковой бригады отошли на северо-запад в Клеммен. По итогам последовавшего вскоре разбирательства командир 1-го танкового батальона бригады был снят с должности и предан суду Военного трибунала. Ему напомнили приказ № 227 1942 г. Командир 65-й гв.

танковой бригады получил выговор. На отражение нарастающей угрозы была направлена 66-я гв. танковая бригада, отбившая Заллентин к 18.00 19 февраля. На следующий день Мушерин был отбит 75-й стрелковой дивизией и 6-м гв. тяжелым танковым полком.

В центре построения 11-й танковой армии СС в направлении на Арнсвальде наступал III танковый корпус СС в составе танко-гренадерских дивизий «Нордланд» и «Недерланды». За ними двигались 281-я пехотная дивизия и 27-я дивизия СС «Лангемарк». Эсэсовский корпус поддерживал 503-й батальон тяжелых танков СС (17 боеготовых «Королевских тигров» на 15 февраля). На левом фланге наступали дивизии «Сопровождение фюрера» и «Гренадеры фюрера» под управлением штаба X армейского корпуса СС. Немецкие части продвигались вперед с большим трудом. Наступление «Нордланда» в полосе, обороняемой кавалеристами 7-го [154] гв. кавкорпуса, развивалось относительно успешно, но задачи дня выполнены не были. В частности, полк «Норге» не смог захватить Шлагентин. Попытки дивизий «Недерланды» и «Сопровождение фюрера» захватить узел дорог Риц атакой с двух сторон успехом не увенчались, разбившись о прочную противотанковую оборону. Здесь оборонялся 7-й стрелковый корпус 3-й ударной армии. Следует отметить, что немецкому командованию удалось поддержать наступление некоторым количество авиации. Если в первую декаду февраля в полосе 61-й армии постами ВНОС было отмечено всего 45 самолето-пролетов, преимущественно разведывательного характера, то во второй декаде их было уже 208. Немецкие самолеты группами по 5–14 машин атаковали боевые порядки советских войск.

Тем временем части 80-го стрелкового корпуса 61-й армии с утра 16 февраля начали штурм Арнсвальде независимо [155] от его деблокирования наступающим с севера противником. Сложилась своеобразная, но типичная для последнего периода войны обстановка перемешивания занимавших фронт и штурмующих немецкие «фестунги» соединений: 7-й гв. кавалерийский корпус оборонялся фронтом на север, а в его тылу 80-й стрелковый корпус штурмовал окруженный город. Для захвата Арнсвальде были брошены основные танковые части армии П. А. Белова: 11-я гв. тяжелая танковая бригада, 85-й танковый полк и 1899-й самоходный артполк. Кроме того, 80-му стрелковому корпусу временно передавалась 415-я стрелковая дивизия и 60-й гв. корпусной артполк из 9-го гв. стрелкового корпуса. Бригада тяжелых ИСов силами 91-го (6 ИС-2) и 92-го (5 ИС-

2) танковых полков поддерживала 356-ю стрелковую дивизию, 85-й танковый полк — также 356-ю стрелковую дивизию, а 1899-й самоходный артполк — 311-ю стрелковую дивизию. Однако ввиду малочисленности пехоты ворваться в город не удалось. В отчете по итогам операции руководством 80-го стрелкового корпуса как одна из причин затягивания штурма Арнсвальде указывалась: «недостаточное количество пехоты: 600 активных штыков в двух дивизиях (356-й сд — 260 человек, 212-й сд — 300 человек); поздний подход пехотного усиления (311 и 415-й сд). Поздний потому, что к этому времени противник ввел новые танковые моточасти и начал решительные атаки с севера»{56}. Также в качестве причины неуспеха первых дней штурма указывался недостаток тяжелой артиллерии — длительное время у штурмующих не было орудий калибром свыше 122 мм.

С утра 17 февраля штурм Арнсвальде продолжился, к наступающим присоединились 14 ИС-2 90-го танкового полка. 356-я стрелковая дивизия с бригадой ИСов заняла газовый завод на окраине Арнсвальде и втянулась в уличные бои в городе. Но увеличение числа танков не переломило ситуацию в пользу атакующих: немногочисленная пехота отсекалась огнем с верхних этажей зданий, а по ИСам били курсировавшие [156] по улицам «Королевские тигры». За день боя было сожжено 4 и подбито 3 танка ИС-2.

В 16.00 17 февраля передовые части «Нордланда» дошли до Арнсвальде и деблокировали окруженный гарнизон города. Под удар деблокирующей группировки попала артиллерия 80-го стрелкового корпуса: «Следует отметить, что имевшаяся дивизионная артиллерия не могла бороться с тяжелыми танками противника из-за отсутствия специальных снарядов, а пехота не имела достаточного количества средств борьбы, благодаря чему танки почти беспрепятственно выходили на ОП артиллерии и нанесли ей значительные потери в материальной части, повреждено и уничтожено 60 орудий и минометов»{57}.

Однако на этом успехи дня для войск Штайнера закончились. Соседний XXXIX танковый корпус не добился продвижения и под воздействием контратак советских войск перешел к обороне. Также утром 18 февраля последовала контратака во фланг дивизиям «Гренадеры фюрера» и «Сопровождение фюрера» в районе Нантикова. Днем 19 февраля дивизия «Гренадеры фюрера» попыталась возобновить наступление и штурмовала Либенов. Но это уже были конвульсии операции «Солнцестояние». Вечером 19 февраля из штаба группы армий «Висла»

последовал приказ на прекращение наступления. Точно такой же приказ на переход к обороне последовал по другую сторону фронта. Вечером 19 февраля П. А. Белов приказывает 23-й стрелковой дивизии сменить части 7-го гв. кавкорпуса и перейти к обороне во всей полосе армии. К обороне переходил также 80-й стрелковый корпус, штурмовавший Арнсвальде. Для продолжения уличного боя по овладению городом от дивизий первого эшелона выделялись штурмовые группы.

Вечером 21 февраля под воздействием интенсивного артиллерийского огня, разрушившего до 90% городских построек, Арнсвальде был оставлен, и немцы отступили в северном направлении. Из Арнсвальде немцы отошли на север на рубеж реки Ина. За III танковым корпусом последовал [157] XXXIX танковый корпус. После отхода на исходные позиции 11-я танковая армия СС прекратила свое существование. В начале февраля из Восточной Пруссии было вывезено управление 3-й танковой армии во главе с генерал-полковником Эрхардом Раусом. 24 февраля войска, находившиеся под управлением 11-й танковой армии СС, перешли в подчинение 3-й танковой армии. Первоначально под управление армии Рауса планировали передать часть сил армии Штайнера, но в конечном итоге управление одной армии сменило управление другой. «Солнцестояние» проводил Штайнер, а расхлебывать последствия этого выпада пришлось уже Раусу.

Одновременно со сменой командования начался демонтаж ударной группировки «Солнцестояния». Управление XXXIX танкового корпуса убыло в Саксонию. Возникший в связи с образованием плацдарма на Одере войсками 69-й армии кризис потребовал усиления 9-й армии. В район Франкфурта-на-Одере была отправлена танковая дивизия «Шлезиен». 25 февраля в район Франкфурта-на-Одере началась отправка дивизии «Фрундсберг».

Соединения 61-й армии перешли к преследованию частей теперь уже 3-й танковой армии противника. П. А. Белов приказал частям 80-го и 89-го стрелковых корпусов, 7-го гв. кавалерийского корпуса в 10.00 23 февраля перейти в наступление с целью выхода на р. Ина и захвата плацдармов. В течение 23 февраля два стрелковых и кавалерийский корпуса вышли на южный берег Ины. Попытки захвата плацдармов в первый день успеха не имели. За февраль 1945 г. 212-я стрелковая дивизия 80-го стрелкового корпуса потеряла 1384 человека (410 убитыми, 864 ранеными и 110 по другим причинам), 356-я стрелковая дивизия — 2257 человек (720 убитыми, 1439 ранеными и 98 по другим причинам), 415-я стрелковая дивизия — 2353

человека (443 убитыми, 1805 ранеными, 105 по другим причинам){58}. Так же серьезно пострадала 311-я стрелковая дивизия, потерявшая 1636 человек (376 убитыми, 1165 ранеными, 95 по другим причинам). В период окружения [158] Арнсвальде с 4 по 10 февраля 1945 г. 80-й стрелковый корпус потерял 280 человек убитыми, с 10 по 20 февраля — 656 человек убитыми и 1571 человека ранеными. Пополнение, полученное сражавшимися за Арнсвальде дивизиями 61-й армии, не покрывало потерь даже в первом приближении. 212-я стрелковая дивизия получила 139 человек, 356-я — 350 человек, 415-я — 477 и 311-я — 301 человека. К 1 марта 1945 г. эти дивизии насчитывали 4361, 3868, 4418 и 3817 человек соответственно. Попавшая под удар «Полицая» 12-я гв. стрелковая дивизия потеряла за февраль 1945 г. 2291 человека (588 убитыми, 1469 ранеными, 234 по другим причинам). Общие потери частей и соединений 61-й армии за февраль составили 3748 человек убитыми, 9721 ранеными, 1217 по другим причинам, а всего 14 686 человек.

Тем не менее захват войсками П. А. Белова плацдармов на р. Ина в конце февраля 1945 г. был уже делом времени. Ночью 28 февраля по батальону от 311-й и 234-й стрелковых дивизий переправились через реку и в 8.00 перешли в наступление. В 12.00 форсирование Ины было произведено двумя усиленными батальонами от 415-й и 212-й стрелковых дивизий 80-го стрелкового корпуса. В течение дня за передовыми батальонами последовали основные силы дивизий. 2-я гв. танковая армия до 24 февраля сдавала занимаемые позиции стрелковым корпусам 47-й и 61-й армий и сосредотачивалась во втором эшелоне 61-й армии. 1-й механизированный корпус был оставлен в подчинении 47-й армии. 1 марта 61-я и 2-я гв. танковая армии должны были перейти в наступление. Но не на Берлин.

Обсуждение

Столкнувшись в феврале 1945 г. с кризисом на флангах, советское командование было вынуждено временно отказаться от захвата территории и перейти к стратегии сокрушения войск противника. Остававшиеся на флангах и обойденные группировки немецких войск доставляли слишком большое беспокойство. В миниатюре это было повторено в [159] ходе февральской операции 1-го Украинского фронта. Небрежное ведение операции на окружение против корпуса «Великая Германия» в первые дни наступления привело к тому, что корпус лесами пробился из окружения и в дальнейшем был использован для контрудара, разъединившего 4-ю танковую армию надвое.

Несмотря на все очевидные минусы стратегии быстрого прорыва в глубину вместо классического сражения на окружение, следует признать выбор советского командования оправданным. Совершенно неочевидно, что задача выхода на ближние подступы к Берлину была бы решена цепочкой «котлов». Восстановление фронта и проведение контрударов немцами опиралось в большей степени на приток резервов извне, чем на вырвавшиеся с Вислы соединения.

Часть вторая.

Прочь от Берлина

Восточная Померания

Планы меняются. Идея поворота войск 1-го Белорусского фронта от Берлина на север появилась еще до первых успехов немецкого наступления южнее Штаргарда и деблокирования Арнсвальде. За день до начала «Солнцестояния» 15 февраля Верховный Главнокомандующий потребовал от командующего фронтом доложить соображения относительно дальнейших действий. Поздним вечером 16 февраля Жуков направил Сталину доклад с планом частной операции войск правого крыла фронта на штеттинском направлении. Главный удар по этому плану предполагалось нанести силами 61-й армии, 2-й танковой армии, 7-м гв. кавалерийским и 9-м танковым корпусами в северном направлении с целью прерывания коммуникаций на запад померанской группировке войск противника. К вспомогательному удару привлекались 1-я Польская армия и два стрелковых корпуса 3-й ударной армии. Таким образом, предполагалось повторить с войсками левого крыла группы армий «Висла» ту же манипуляцию, которую только что проделали с восточнопрусской группировкой противника. Жуков обещал Верховному Главнокомандующему, что войска фронта могут перейти в наступление 19 февраля. Плановая продолжительность наступления составляла 6–7 дней.

Еще до утверждения представленного плана Ставкой Г. К. Жуков отдал предварительные распоряжения войскам фронта директивой № 00324/оп от 16 февраля 1945 г. В ней, в частности, предписывалось: «61 армии с 2 гв. ТА с утра 19.2.45 г. перейти в наступление и, нанося удары в направлениях [161] Штаргард, Голлнов и Пиритц, Альтдамм, отбросить противника на север и 21–22.2.45 г. овладеть рубежом: Массов, Голлнов, Альтдамм, Гротфенхаген с целью перерезать

коммуникации померанской группы войск противника на западе. При благоприятных условиях обстановки захватить Штеттин»{59}. Главный удар наносился основными силами 61-й армии при поддержке 12-го гв. танкового корпуса 2-й гв. танковой армии на Штаргард. 61-я армия усиливалась артиллерийскими средствами, изъятыми из 47-й армии. Для удара на север также задействовался 8-й гв. механизированный корпус 1-й гв. танковой армии. Он должен был очистить от противника восточный берег Одера.

Идея изоляции группировки противника в Померании ударом в направлении Балтийского моря в середине февраля просто носилась в воздухе. За день до начала «Солнцестояния», 15 февраля 1945 г., К. К. Рокоссовский выдвинул предложения, призванные гальванизировать погрязшее в позиционных боях наступление фронта. Командующий 2-го Белорусского фронта направил в Генеральный штаб доклад, в котором предлагал перенести усилия на другое направление:

«Исходя из наличных средств фронта, полагаю, что 19 А и 3 гв. тк целесообразней использовать на левом крыле фронта с задачей, развертываясь на рубеже Шлохау, Ратцебур, наступать в общем направлении на Бальденберг, Бублиц, Кезлин с целью разрезать померанскую группировку противника с выходом на побережье Балтийского моря на фронте оз. Ямундерзее, Кольберг»{60}.

К. К. Рокоссовский называл в качестве ориентировочной даты начала наступления 22–23 февраля, так как на подход к рубежу развертывания 19-й армии и 3-му гв. танковому корпусу требовалось совершить 160-километровый марш. Для выполнения поставленной ранее задачи командующий фронтом просил усилить его левое крыло двумя общевойсковыми армиями с двумя танковыми корпусами и дать 80 тыс. [162] человек пополнения для стрелковых дивизий и 20 тыс. человек — для специальных войск.

Вечером 17 февраля директивами Ставки ВГК за №№ 11024 и 11026 были утверждены представленные командующими 1-го и 2-го Белорусских фронтов планы операций в Померании. В качестве замены запрошенных К. К. Рокоссовским двух общевойсковых армий Г. К. Жукову приказывалось: «47-ю армию и 1-ю гв. танковую армию иметь в резерве ближе к правому крылу фронта с тем, чтобы при необходимости использовать их на стыке со 2-м Белорусским фронтом»{61}. В связи с новыми задачами фронтов перенарезалась разграничительная линия между

ними, по решению Ставки она проходила по линии Бромберг, Фледерборн, Нойштеттин, Кольберг. Разгром основных сил 11-й армии противника Г. К. Жуков предполагал осуществить в течение 5–7 дней, а очищение всей территории Померании к западу от меридиана Нойштеттин, Кёрлин, Кольберг до р. Одер — в течение 14–16 суток.

Первоначально в качестве даты начала наступления 1-го Белорусского фронта Ставкой было принято предложенное Г. К. Жуковым 19 февраля. Однако в связи с начавшимся немецким наступлением дата начала операции была сдвинута. Как было записано в журнале боевых действий 2-й гв. танковой армии: «На основании указанной директивы, командующий армией в 13.00 17.2.45 отдал войскам армии боевой приказ № 09/оп, но осуществление этого приказа было приостановлено активными действиями противника»{62}. В первоначально назначенный день 19 февраля части 12-го гв. танкового и 9-го гв. стрелкового корпуса вели тяжелые оборонительные бои, и о переходе в наступление не могло быть и речи. Кроме того, ожидался более мощный удар с рубежа Каллис, Штаргард по флангу и тылу армий, действовавших на берлинском направлении. В этих условиях Г. К. Жуков решил на всем фронте армий правого крыла перейти к обороне [163] с тем, чтобы отразить этот удар. В показаниях пленных мелькали сообщения о прибытии на фронт дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», т.е. были основания считать, что 6-я танковая армия СС все же будет задействована на берлинском направлении. Соответственно в течение ближайших 5–6 суток, т.е. примерно до 25–26 февраля, войска правого крыла фронта должны были оборонительными боями обескровить атакующие соединения противника, а затем сами перейти в наступление. В итоге 2-й Белорусский фронт должен был перейти в наступление 24 февраля, а 1-й Белорусский фронт — 1 марта.

Для отражения вероятного удара с севера войска 1-й гв. танковой армии были сосредоточены в районе Берлинхен и юго-восточнее города. Им была поставлена задача по прикрытию направлений на Ландсберг и Дризен (30 км южнее и юго-восточнее Арнсвальде). После того как обстановка разрядилась — Арнсвальде был эвакуирован, — корпуса армии Катукова должны были в период с 25 по 28 февраля ночными переходами выйти в исходный район для нового наступления. Войска 2-й гвардейской танковой армии, которые еще продолжали вести упорные бои с XXXIX танковым корпусом противника в районе южнее Штаргарда, должны были сдать

свои боевые участки стрелковым соединениям, выводившимся на это направление, и к 27 февраля сосредоточиться в районе Арнсвальде.

Рокоссовский наступает в одиночку. Тем временем развернулось сражение на левом крыле фронта К. К. Рокоссовского. Марш войск 19-й армии в назначенную ей полосу наступления был сопряжен с большими трудностями. 20 февраля 1945 г. в связи с тем, что войска 19-й армии опаздывали с выходом в свою полосу наступления и поэтому не могли своевременно принять боевые участки и сменить действовавшие там части армии правого крыла 1-го Белорусского фронта, К. К. Рокоссовский вынужден был срочно выдвинуть на этот участок 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Кавкорпусу было приказано форсированным маршем выдвинуться в район Линде и к 24 часам 20 февраля сменить соединения и части правофланговой армии 1-го Белорусского [164] фронта, занять назначенный участок и прочно его оборонять. К исходу 23 февраля войска 19-й армии сменили левофланговые части 70-й армии и части 3-й ударной армии и заняли исходные районы для наступления.

Полоса 19-й армии в предстоящем наступлении составляла 17 км при общей ширине полосы 2-го Белорусского фронта 212 км. Оперативное построение 19-й армии для наступления предусматривалось в два эшелона: два стрелковых корпуса в первом эшелоне и один — во втором эшелоне. Боевой порядок корпусов первого эшелона армии был принят для правофлангового корпуса в два эшелона, для левофлангового — в три эшелона. На участке прорыва, который был равен 10 км, средняя плотность артиллерии достигала 152 орудий и минометов (от 75-мм калибра и выше). Танки непосредственной поддержки пехоты отсутствовали. Проведение наступательной операции 19-й армии планировалось в два этапа. Первый этап включал прорыв обороны противника, уничтожение его противостоящих частей и овладение рубежом Флётенштайн, Нойштеттин. Время на выполнение задач первого этапа — двое суток, темп наступления — 20–25 км в сутки. На этом этапе предусматривалось ввести в прорыв 3-й гв. танковый корпус, усилив его одной стрелковой дивизией за счет корпуса второго эшелона. Второй этап включал разгром оперативных резервов противника и отражение возможных контратак пехоты и танков противника, выход к побережью Балтийского моря и разворот основных сил армии для наступления в восточном направлении на город Гдыню. Время на выполнение задач в этом этапе — двое суток. Планируемый темп

наступления — 30–35 км. Глубина всей операции составляла 114 км, средний планируемый темп наступления — 25–30 км в сутки.

На намеченном для наступления 19-й армии направлении оборонялся XVIII горный корпус 2-й армии. Он состоял из вывезенной из Курляндии 32-й пехотной дивизии, группы Акс (остатки 15-й латышской дивизии СС), полка дивизии GC «Недерланд», различных учебных подразделений и 33-й дивизии СС «Шарлемань» (1-й французской СС) в качестве резерва во второй линии. [165]

Утром 24 февраля операция началась. 19-я армия перешла в наступление после сорокаминутной артиллерийской подготовки. В первый же день она продвинулась вперед на 10–12 км и расширила участок прорыва до 20 км. На левом фланге армии действовал 3-й гв. кавалерийский корпус. Однако бои первого дня показали, что стрелковые соединения без танков и непосредственной поддержки пехоты продвигаются недостаточно быстро, и это может отразиться на выполнении плана операции. Учитывая это, командующий войсками 19-й армии решил ввести в сражение 3-й танковый корпус генерала А. П. Панфилова (274 танка и САУ) несколько ранее намечавшегося срока.

По решению командира корпуса, соединения вводились в сражение по двум маршрутам. Боевой порядок корпуса был построен в два эшелона: в первом эшелоне две танковые бригады со средствами усиления, во втором эшелоне одна мотострелковая бригада. Каждой танковой бригаде первого эшелона придавалось по одному стрелковому полку 313-й стрелковой дивизии, приданной корпусу на усиление. В 11 часов утра 25 февраля соединения танкового корпуса перешли в наступление. Передовые отряды 3-й и 18-й гвардейских танковых бригад с десантами автоматчиков на танках, обогнав пехоту на этом рубеже, устремились вперед. Выйдя на оперативный простор, части 3-го гвардейского танкового корпуса, сбивая отряды прикрытия противника, начали быстро развивать наступление. За день боя танковый корпус продвинулся на глубину до 40 км и к утру 26 февраля передовым отрядом 3-й гвардейской танковой бригады овладел Бальденбергом. В это время 18-я гвардейская танковая бригада, разгромив сильный узел обороны противника в районе Шенау, овладела этим городом и станцией.

Однако наступление 19-й армии хотя и ускорилось, но все же недотягивало до плановых темпов. Это объяснялось, в частности тем, что части танкового корпуса

действовали в относительно узкой полосе и на одном направлении, а поэтому в его тылу оставались крупные опорные пункты противника, сопротивление которых снижало темп продвижения стрелковых соединений. Кроме того, воевавшие на спокойном [166] участке фронта в Карелии части 19-й армии не имели боевого опыта, сравнимого с ветеранами западного направления. Вследствие этого войска армии к исходу 25 февраля (т.е. за два дня операции) продвинулись лишь на 20–25 км, при плановом темпе наступления 20–25 км в сутки. Войска 70-й армии, наступавшие правее 19-й армии, за два дня боев имели незначительное продвижение в пределах 4–6 км.

После проведения ряда мероприятий по упорядочению управления войсками 19-й армии и вывода некоторых соединений на новые направления, наступление возобновилось с утра 26 февраля. Тем временем 3-й гвардейский танковый корпус передовыми частями захватил населенные пункты Сидов и Порет, а вскоре под ударами частей корпуса пали Дравен и Бублиц. Разгромив гарнизоны противника в Шлохау, Баренвальде и Хаммерштайне, войска 19-й армии продвинулись за день боя до 22 км в глубину территории Восточной Померании и расширили прорыв по фронту до 60 км.

Однако темпы наступления пехоты все еще сильно отставали от танкистов. 3-й гвардейский танковый корпус, продвинувшийся далеко на северо-запад и находившийся от стрелковых соединений 19-й армии на удалении 30–40 км, мог оказаться в очень тяжелом положении и мог подвергнуться фланговому удару с юго-запада, где у противника была сильная группировка подвижных войск 3-й танковой армии, оборонявшейся против войск правого крыла 1-го Белорусского фронта. Кроме того, наступлением ударной группировки войск Рокоссовского в построение 2-й немецкой армии был вбит достаточно узкий клин с изначально слабыми флангами. Несмотря на то что на дворе был 1945-й год, опасность фланговых ударов была все еще велика. На левом фланге был задействован 3-й гв. кавалерийский корпус, наступавший на Ной-Штеттин. Для защиты правого фланга К. К. Рокоссовский приказал войскам 70-й армии совместно с правофланговыми соединениями 40-го стрелкового корпуса 19-й армии овладеть к утру 27 февраля районом Прехлау.

Не следует думать, что Рокоссовский опасался каких-то фантомов. Фланговые удары по вклинившимся до Бублица [167] частям 19-й армии и 3-го гв. танкового

корпуса были спланированы командованием группы армий «Висла», и в конце февраля начались мероприятия по сбору сил для контрудара. Соединения собирались за счет демонтажа ударных группировок уже потерявшего актуальность «Солнцестояния». Для удара по правому флангу 19-й армии была собрана группировка войск под управлением VII танкового корпуса генерала Мортимера фон Кесселя. В ее состав вошли 7-я танковая дивизия с левого фланга 2-й армии, 4-я дивизия СС «Полицай», перевезенная из района Штаргарда, и 226-я бригада штурмовых орудий. Для удара По левому флангу 19-й армии была создана так называемая корпусная группа фон Теттау (названная так по имени своего командира, генерал-лейтенанта Ганса фон Теттау). В нее вошли: танковая дивизия «Гольштейн», пехотные дивизии «Поммерланд» и «Бэрвальде». Дивизия «Гольштейн» была наспех сформирована в феврале 1945 г. из 233-й резервной танковой дивизии. Она была сравнительно малочисленной: на 15 февраля в ее составе числилось 7028 человек (195 офицеров, 25 чиновников, 1427 унтер-офицеров и 5441 рядовой, включая 198 «хиви») и 25 танков Pz.IV в одном трехротном батальоне{63}. Артиллерия «Гольштейна» состояла из двух дивизионов, один из которых был вооружен двенадцатью 88-мм зенитками вместо гаубиц. Группа фон Теттау и VII танковый корпус должны были нанести удары по сходящимся направлениям и отрезать вырвавшиеся вперед части 3-го гв. танкового корпуса и 19-й армии. Именно для руководства действиями X корпуса СС и группы фон Теттау первоначально планировалось использовать управление 3-й танковой армии Эрхарда Рауса.

Создавшаяся обстановка вынудила командующего войсками 2-го Белорусского фронта временно приостановить наступление танкового корпуса и подтянуть к захваченному им рубежу главные силы 19-й армии. Фронт остановился, когда до берега Балтийского моря оставалось всего около 50 км. 27 февраля 1945 г. войска 19-й армии фронта, остановившись на достигнутых накануне рубежах, приводили себя [168] в порядок, частью сил своего правого фланга во взаимодействии с соседом справа (частями 70-й армии) вели наступательный бой в районе Прехлау, отбивая при этом многочисленные контратаки противника. 3-й гв. кавалерийский корпус блокировал Ной-Штеттин.

В принципе с выходом в район Ной-Штеттина и Бублица войсками К. К. Рокоссовского была частично выполнена задача, поставленная фронту Ставкой еще

8 февраля. Однако армии правого крыла и центра 2-го Белорусского фронта в течение 24 и 25 февраля успеха не имели и вели бой на прежних рубежах. Соответственно 2-я ударная армия, усиленная 8-м гв. танковым корпусом, продолжала вести бои, будучи разделенной на две группировки: осаждавшую Грауденц и занимавшую участок фронта перед 2-й армией противника. 65-я и 49-я армии продвинулись на 6–10 км, 70-я армия на 25–35 км.

На последний день февраля командующий 2-м Белорусским фронтом поставил подчиненным ему войскам задачи, в большей степени относившиеся к закреплению достигнутого и защите флангов, нежели направленные на продвижение к заветному берегу Балтийского моря. Рокоссовский явно выжидал перехода в наступление войск 1-го Белорусского фронта. 28 февраля 3-й гвардейский танковый корпус, остановленный К. К. Рокоссовским в районе Бублица, организовал круговую оборону в этом районе. Находившийся в резерве 8-й механизированный корпус генерал-майора танковых войск А. Н. Фирсановича был сосредоточен в районе Хойнице с задачей поддержать наступление 70-й армии. К исходу 28 февраля 1945 г. войска 70-й армии продвинулись на 10 км и сломили сопротивление противника в районе Прехлау, ликвидировав угрозу флангу 19-й армии. Несмотря на потерю 2529 человек в феврале 1945 г., цементировавшая немецкую оборону в районе Хойнице 4-я танковая дивизия поддерживалась в высокой комплектности. На 1 марта в ее составе насчитывалось 12 249 человек из 14 968 по штату, 13 танков Pz.IV, 19 танков Pz.V «Пантера» и САУ «Ягдпантера», 3 САУ «Штурмгешюц», 4 САУ PzJag.IV, 230 бронетранспортеров, бронемашин и командирских танков. Комплектность техникой [169] 4-й танковой дивизии даже повысилась в сравнении с 1 февраля 1945 г.: стало больше БТРов, пулеметов, артиллерийских орудий и автомашин. Дивизия сохраняла структуру с двумя танковыми батальонами, один из четырех мотопехотных батальонов был полностью пересажен на БТР. Одним словом, немцам удавалось до определенного момента поддерживать свои танковые соединения в хорошей форме. Одновременно советской разведкой было вскрыто сосредоточение ударной группы VII танкового корпуса в районе Руммельсбурга. На последний день февраля К. К. Рокоссовский поставил 40-му гвардейскому стрелковому корпусу 19-й армии задачу изменить направление своего наступления с северного на северо-восточное. Корпусу предписывалось выйти в район Руммельсбурга и, захватив этот город, иметь не менее одной стрелковой дивизии с

передовыми отрядами на рубеже Георгендорф, Вокнин к северо-востоку от города. Тем самым предполагалось разгромить собираемую противником для контрудара группировку до ее перехода в наступление. Командующему 19-й армией было приказано усилить 40-й гвардейский стрелковый корпус пушечной, гаубичной и истребительно-противотанковой артиллерией. [170]

Прикрытие левого фланга пока ограничилось тем, что 3-й гвардейский кавалерийский корпус овладел городом Ной-Штеттин.

Coup de grace{64}. Как мы видим, даже введя в сражение свежую армию, 2-й Белорусский фронт не добился решительного результата. Разгром левого крыла группы армий «Висла» в Померании мог быть достигнут только совместными действиями двух фронтов. Еще до перехода в наступление войск Рокоссовского, 22 февраля, Жуков оперативными директивами № № 00343/оп, 00344/оп и 00349/оп (47-й и 1-й польской армиям задачи ставились отдельными директивами) поставил армиям правого крыла 1-го Белорусского фронта задачи на подготовку и проведение наступательной операции. По сравнению с представленным в Ставку 16 февраля вариантом плана наступления в Померании к 22 февраля последовали существенные изменения. По откорректированному решению командующего войсками 1-го Белорусского фронта главный удар наносился двумя общевойсковыми (61-й и 3-й ударной армиями) и двумя танковыми армиями. Помимо этого наносились два вспомогательных удара (47-й армией и 1-й польской армией), их наступление должно было начаться на второй день операции. 3-я ударная армия усиливалась 9-м танковым корпусом из резерва фронта, а 47-я армия получила на усиление 1-й механизированный корпус из состава 2-й гв. танковой армии. Командармам было приказано представить на утверждение детализированные планы операций к 25 февраля. По докладу, представленному Жуковым Верховному неделей раньше (16 февраля), предполагалось задействовать только 2-ю гв. танковую армию, главный удар наносить 61-й армией, а вспомогательный — 3-й ударной армией. По новому плану 3-я ударная армия становилась одной из двух армий на направлении главного удара, а ее успех должна была развивать 1-я гв. танковая армия. «Пристяжными» становились 47-я армия и 1-я армия Войска Польского. [171]

Подготовке операции сопутствовали соответствующие меры предосторожности:

«8. С директивой разрешаю ознакомить начальника штаба, начальника оперативного отдела штаба армии и командующего артиллерией армии. Остальным исполнителям ставить задачи в пределах выполняемых ими обязанностей. Командирам полков письменных распоряжений не давать, задачи поставить устно за два-три дня. По службе тыла общих директив не давать, ограничиться устными распоряжениями.

9. Всему личному составу войск армии разъяснять, что нашей задачей является упорная оборона на длительное время. Мл. командному составу и красноармейцам задачу на наступление объявить за 2 часа до атаки»{65}.

Готовящееся наступление должно было привести в движение почти 200-км фронт, занятый армиями правого крыла 1-го Белорусского фронта. Перегруппировка войск 1-го Белорусского фронта завершилась к исходу 28 февраля. В результате перегруппировки на фронте 250 км были собраны тридцать две стрелковые дивизии, четыре кавалерийские дивизии, четыре танковых корпуса, два механизированных корпуса с частями усиления. В полосе наступления ударной группировки фронта шириной 75 км было сосредоточено восемнадцать стрелковых дивизий, одна кавалерийская дивизия, четыре танковых корпуса и один механизированный корпус. Здесь были собраны 70–75% выделенных для операции артиллерийских частей и соединений. В общей артиллерийской подготовке задействовалась артиллерия танковых армий. Средняя плотность на одну стрелковую дивизию на направлении главного удара составляла 4 км при средней оперативной плотности 8 км на одну стрелковую дивизию. Укомплектованность стрелковых соединений 1-го Белорусского фронта была традиционно для 1945 г. низкой. Средняя численность стрелковой дивизии в 3-й ударной армии была 4900 человек, 61-й армии — 4300 человек, 47-й армии — тоже 4300 человек. В каждой из этих трех армий было девять [172] стрелковых дивизий. Только дивизии 1-й армии Войска Польского (1, 2, 3, 4 и 6-я пехотные дивизии) отличались относительно высокой комплектностью — в среднем 7400 человек. В 1-й и 2-й гвардейских танковых армиях на 1 марта насчитывалось 1067 танков и САУ.

Январское наступление и февральские бои в Померании заметно понизили возможности 2-й гв. танковой армии. Сильнее всего пострадал 12-й гв. танковый корпус. Согласно «Справке о состоянии частей и соединений 2 гв. ТА на 13.00 28 февраля 1945 г.» в строю в корпусе насчитывалось 77 Т-34, 12 СУ-85, 5 СУ-76 и 12

ИС-2{66}. Еще 124 танка были в ремонте, в большинстве своем капитальном. В 48-й гв. танковой бригаде, сдерживавшей натиск «Фрундсберга» на Варниц, осталось на ходу всего 6 танков Т-34. В несколько лучшем состоянии был 9-й гв. танковый корпус. В боевых порядках корпуса по той же справке от 13.00 28 февраля насчитывалось: 120 Т-34, 1 «Валентайн» Mk.IX, 18 ИСУ-122, 7 СУ-85 и [173] 20 СУ-76. В ремонте числилось 35 танков. Танковая армия М. Е. Катукова понесла в январских и февральских боях куда меньшие потери и на 1 марта 1945 г. насчитывала в строю 23 танка ИС-2, 401 Т-34, 11 ИСУ-122, 32 СУ-85, 28 СУ-76 и 83 СУ-57. Более существенной проблемой был расход моточасов танков. 62,8% танков Т-34 имели расход моточасов 180–200, 22% — 225. Эти цифры вплотную приближали костяк танкового парка армии М. Е. Катукова к массовому выходу из строя по техническим причинам.

Перед фронтом наносивших главный удар 3-й ударной и 61-й армий оборонялись части III танкового и X армейского корпусов СС. В полосе наступления 61-й армии оборонялись: 27-я добровольческая дивизия СС «Лангемарк», 28-я добровольческая дивизия «Валлония» и по одному полку от танко-гренадерских дивизий «Нордланд» и «Недерланд». В тот период части двух этих дивизий действовали разрозненно. Так, 24-й танко-гренадерский полк «Нордланда» оборонялся в отрыве от других частей дивизии южнее Штаргарда. В полосе наступления 3-й ударной армии оборонялась 5-я егерская дивизия X армейского корпуса СС.

1 марта после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска 3-й ударной и 61-и армий 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Уже к 10.00 утра войска армий овладели главной позицией обороны противника и успешно продвигались в северном и северо-западном направлениях. Далее со стороны Жукова последовала типичная «коневщина», т.е. ввод танковых армий в бой, а не в прорыв. В полосе действий 3-й ударной армии для развития успеха была введена в сражение 1-я гв. танковая армия. Передовые отряды соединений армии М. Е. Катукова (1-я и 44-я гвардейские танковые бригады с частями усиления) за 15 минут до окончания артиллерийской подготовки начали свое выдвижение к переднему краю. Это обеспечило вхождение их в боевые порядки стрелковых соединений через час после начала движения и уже на глубине 2 км за передним краем обороны противника. Передовые отряды 1-й танковой армии, наращивая

удары пехоты, вступили в бой. Развивая наступление совместно со стрелковыми соединениями, [174] передовые отряды вскоре оторвались от пехоты и устремились вперед. Главные силы 1-й танковой армии, начав выдвижение из исходного района в 14.00 1 марта, около 17.00 прошли боевые порядки пехоты, обогнав стрелковые соединения. Мощным ударом они окончательно сломили сопротивление противника и продвинулись в глубину на 20–25 км. Наибольшего успеха достиг 11-й гв. танковый корпус, продвигавшийся вдоль дороги: его передовой отряд к 22.00 вышел к окраинам Неренберга. Двигавшийся по проселочным дорогам по параллельному маршруту 8-й гв. механизированный корпус прошел существенно меньшее расстояние. Вследствие наступившей распутицы бои шли в основном вдоль дорог. Как отмечается в отчете, составленном в штабе 1-й гв. танковой армии по итогам операции, «движение по обочинам, а тем более вне дорог было невозможным»{67}. В условиях скованного маневра существенной проблемой стало минирование дорог, лесные завалы. Корпуса 1-й гв. танковой армии 2 марта поменялись местами: 1-я гв. танковая бригада 8-го гв. механизированного корпуса вырвалась вперед, опередив на 10 км 44-ю гв. танковую бригаду, [175] завершив к 18.00 бои на окраине Вангерина. Части армии М. Е. Катукова из лесов вышли к «Рейхсштрассе № 162».

Поскольку 2 марта подвижные части 2-го Белорусского фронта вышли к Балтийскому морю в районе Кеслина, возникла опасность прорыва в западном направлении частей 2-й армии противника. С целью предупреждения таких действий противника Катуков решил развернуть 8-й гв. механизированный корпус фронтом на восток, заняв узлы дорог Бельгард и Керлин.

По схожему сценарию поначалу развивались события в полосе 61-й армии П. А. Белова. По первоначальному решению ввод в сражение подвижных соединений планировалось осуществить во второй половине 1 марта с рубежа Фалькенвальде, Рафенштайн, Шлагентин. Поскольку этот рубеж не был достигнут, 2-й гв. танковой армии было приказано вместе со стрелковыми соединениями правого фланга 61-й армии завершить прорыв обороны противника. Уже к 14.00 1 марта не только передовые отряды танковых соединений, но и их главные силы были развернуты и вошли в сражение. Однако наступление развивалось здесь несколько хуже, чем в полосе 3-й ударной армии. В первый день операции завершить прорыв обороны противника не удалось. Стрелковые и танковые соединения 61-й и 2-й гв. танковой

армий за день боя овладели только главной полосой обороны противника, продвинувшись на глубину 5–7 км.

Командир III танкового корпуса СС Унрейн перед лицом мощного удара советских войск не видел другого решения, кроме как постепенно загибать левый фланг своего корпуса. Предполагалось отходить от Рица на Фрейевальде, удерживая Штаргард. Далее Унрейн решил попробовать удержаться на линии «Рейхсштрассе № 158» (Штаргард — Фрейевальде). Также после выявления направления главного удара был заменен фузилерным батальоном и выведен в резерв корпуса 24-й танко-гренадерский полк дивизии «Нордланд». Однако сохранять управление войсками становилось все труднее. Быстрый прорыв наступающих танков и пехоты в глубину привел к дезорганизации немецких войск: колонны снабжения не находили «своих» танков и самоходок, [176] а иногда даже попадали под удары советских танков. Утром 2 марта наступающие советские части вышли к «Рейхсштрассе № 158». Для контратаки в районе Фосберга были привлечены все оставшиеся танки 11-го танкового полка «Нордланда» и «Королевские тигры» 503-го тяжелого танкового батальона СС. Этой контратакой наступление было ненадолго приостановлено.

Выводившаяся из Восточной Померании в подчинение 9-й армии Бюссе 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» была вновь возвращена в бой. Первоначально предполагалось использовать дивизию в районе Кеслина, для предотвращения прорыва советских танков к Балтийскому морю. Однако вскоре дивизия была перенацелена в полосу III танкового корпуса СС и выгружалась в районе Массова, Плате и Наугарда.

Проблему отставания второй ударной группировки фронта (2-я гв. танковая и 61-я армии) Г. К. Жуков решил предельно просто. Командующему войсками 2-й гв. танковой армии С. И. Богданову было приказано, прикрывшись частью сил с фронта, основными силами глубоким маневром обойти укрепленные позиции и нанести удар по флангу и тылу оборонявшейся группировки противника. Выполняя эти указания командующего фронтом, войска танковой армии провели маневр через полосу наступления глубже продвинувшейся соседней 3-й ударной армии в обход фланга противостоящего противника. Далее танкисты нанесли удар на Наугард по флангу и тылам III танкового корпуса СС, оборонявшегося перед фронтом 61-й армии. Смелый маневр [177] принес успех. Хотя эсэсовцы 3 марта смогли еще

удержать Штаргард и Фрейенвальде, фронт между ними и севернее Фреенвальде рухнул. Немецкое командование приняло решение образовать новый фронт по линии Штаргард — Массов. Тем самым фронт III танкового корпуса СС разворачивался на 90 градусов: если ранее его линия шла с востока на запад, то теперь она шла с севера на юг.

К исходу 4 марта войска 2-й гв. танковой армии завязали бои за Наугард, развивая частью сил наступление на Голлнов. Выдвижение противником в район Наугарда и в район между Наугардом и Массовом дивизии СС «Фрундсберг» уже запоздало. 5 марта Наугард был очищен от противника. Разбитые части III танкового корпуса СС стали отходить на запад и северо-запад. Преследуя их по пятам, войска 61-й армии за три дня продвинулись в глубину более чем на 30 км и 4 марта заняли Штаргард. Однако сопротивление III танкового корпуса СС заставило откорректировать планы использования 2-й гв. танковой и 61-й армий. В директиве № 00362/оп от 28 февраля Г. К. Жуков нацеливал эти две армии на наступление в северо-восточном направлении. 2-й гв. танковой армии ставилась задача: «с выходом в район Фрайенвальде, Россов, Шенебер продолжать наступление в общем направлении на Наугард, Гольцов, Каммин»{68}. Танковая армия С. И. Богданова должна была выйти к побережью Балтийского моря и занять позиции на восточном берегу Штеттинской гавани, блокирующие «Рейхсштрассе № 111» (у Воллина) и «Рейхсштрассе № 165» (у Дивенова на побережье). 61-я армия должна была занять позиции от южного фланга 2-й гв. танковой армии до Альтдамма. Однако танкистам 2-й гв. танковой армии не суждено было отправлять в качестве донесений бутыли с морской водой, как это делали их коллеги из 1-й танковой армии. Армии С. И. Богданова и П. А. Белова были развернуты на запад и должны были разгромить основную ударную группировку «Солнцестояния» на восточном берегу Одера.

Поворот двух армий на запад вскоре оказал влияние на [178] развитие операции в целом. В полосе 3-й ударной армии события поначалу развивались в соответствии с директивами № № 00343/оп и 00362/оп штаба фронта. Советскими войсками была успешно взломана оборона 5-й егерской дивизии противника. В отличие от механизированных соединений корпуса Унрейна, пехота не могла эффективно противодействовать советскому наступлению. Вырвавшиеся на [179] оперативный простор соединения танковой армии Катукова быстро продвигались в северном направлении, все больше удаляясь от Берлина. Пока 8-й механизированный корпус

постепенно разворачивался фронтом на восток, его сосед продвигался на север. 45-я гв. танковая бригада 11-го гв. танкового корпуса А. Х. Бабаджаняна 4 марта к 12.00 овладела юго-западной окраиной Кольберга. В 9.00 5 марта из узла дорог Бельгарда были выбиты части дивизии СС «Шарлемань». Сухопутные коммуникации немецкой 2-й армии, ставшей на пути наступления 2-го Белорусского фронта в Померанию, были наконец перехвачены.

По иронии судьбы, примерно за месяц до описываемых событий в Германии вышел на экраны фильм режиссера Фейта Харлана «Кольберг» об обороне города в период наполеоновских войн. Это был последний, причем цветной, фильм Третьего рейха. Одним из авторов сценария был Йозеф Геббельс. Фильм снимался два года, и его показ начался 30 января 1945 г. Однако в жизни получилось совсем не так, как на киноэкране.

Кольберг был объявлен «фестунгом» в ноябре 1944 г. и к февралю 1945 г. вокруг него были возведены укрепления. На 1 марта 1945 г. в городе был строительный батальон, батальон фольксштурма и дивизион зениток. 2 марта в Кольберг прибыли восемь легких полевых гаубиц, а 3 марта — 51-й крепостной пулеметный батальон. В журнале боевых действий Верховного командования вермахта 5 марта с досадой отмечается: «В крепости находится лишь слабый гарнизон наших войск». Неудивительно, что Кольберг стал одним из самых короткоживущих «фестунгов». Численность гарнизона города составляла 4000 человек с шестью неисправными танками и батареей 88-мм зениток. Командовал гарнизоном полковник Фриц Фулриде, раненный в июле 1941 г. в Прибалтике, служивший после выздоровления в Тунисе, Италии, а в 1944 г. — под Варшавой. Артиллерийскую поддержку гарнизону Кольберга оказывал эскадренный миноносец Z-43. Здесь немецким морякам пригодились 150-мм орудия эсминцев, излишне тяжелые для кораблей этого класса. После двухнедельного штурма город был на 90% разрушен. [180]

18 марта 1945 г. под натиском соединений 1-й армии Войска Польского и 2-го гв. кавалерийского корпуса Кольберг прекратил сопротивление. По данным ЖБД ОКВ, из города морем было эвакуировано 68 тыс. беженцев, 1223 раненых и 5213 военнослужащих (около 800 солдат и офицеров боевых частей, а остальные — железнодорожники, организация Тодта и т.п.). По советским данным, в плен в Кольберге было взято 6292 солдата и офицера. Комендант Кольберга полковник Фулриде в плен не попал, был после эвакуации повышен в звании до генерал-

майора и в последние дни войны командовал 3-й дивизией морской пехоты, сдался американцам. [181]

С переходом в наступление 1-го Белорусского фронта оживились боевые действия в полосе 2-го Белорусского фронта. Рокоссовский не зря приостановил наступление своих войск в ожидании удара войск Жукова. 3 марта продвижение войск 2-го Белорусского фронта составило 6–15 км. Передовые отряды подвижных частей фронта вышли на побережье Балтийского моря в районе северо-восточнее Кезлина. Наступающие части 19-й армии овладели городом Руммельсбург. 4 марта обходным маневром и штурмом был взят Кезлин — узел коммуникаций, крупный промышленный центр Померании. 6 марта К. К. Рокоссовский избавился от висевшего на шее «фестунга» Грауденц. Оборонявшийся 7000-м гарнизоном город был взят штурмом частями 2-й ударной армии. В плен было только 5 марта взято свыше 2000 солдат и офицеров противника, в том числе комендант крепости генерал-майор Фрике со штабом. 7 марта войска 2-го Белорусского фронта вышли на восточную окраину Кольберга и соединились с войсками 1-го Белорусского фронта.

Группа фон Теттау: бегство вместо контрудара. Прорыв 1-й гв. танковой армии к Балтийскому морю поставил жирный крест на немецких планах контрудара по прикрытому кавалерией Осликовского флангу 19-й армии группой фон Теттау. Запланированный контрудар так и не состоялся: ни VII танковый корпус, ни группа фон Теттау перейти в наступление не смогли. Вечером 4 марта генерал фон Теттау отдал приказ о прорыве на запад. К нему также присоединились остатки разбитого 19-й армией XVIII горного корпуса — дивизия СС «Шарлемань» и латышская 15-я дивизия СС. 5 марта выяснилось, что маршрут отхода по шоссе через Регенвальде блокирован советскими войсками. Фон Теттау решил пробиваться в северо-западном направлении, в просвет между стрелковыми частями и корпусами пробившейся к морю армии Катукова.

Несколько облегчалось положение группы фон Теттау тем, что юго-западнее от нее в районе Драмбурга был окружен X армейский корпус СС. Против него были сосредоточены основные усилия общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта. Жуков приказал командующему войсками 3-й [183] ударной армии не допустить отхода противника на запад и северо-запад. Одновременно командующим фронтом было отдано распоряжение 1-й армии Войска Польского ускорить продвижение

вперед и во взаимодействии с другими соединениями разгромить окруженного противника. Несколько позже командующий войсками фронта приказал 1-й гв. танковой армии частью сил содействовать 1-й армии Войска Польского в уничтожении окруженного X корпуса СС противника, оставив в районах Бельгард и Кёрлин небольшие отряды прикрытия. Чтобы не допустить отхода противника из района Кёзлин на запад, было приказано уничтожить все переправы на р. Перзанте на участке Бельгард, Кёрлин, Кольберг.

Пленные командиры немецких дивизий (командир дивизии «Бервальде» Райтель и 402-й запасной дивизии Шпайниц) указывают, что приказ на отход был отдан в ночь с 4 на 5 марта или утром 5 марта. Но к тому времени он уже запоздал. В журнале боевых действий Верховного командования вермахта 5 марта записано: «Наши войска, которые находятся еще на старых позициях, объединены под командованием генерала Краппе и предпринимают попытки пробиться в западном направлении на Лабес»{69}. То есть в то время как танкисты Бабаджаняна уже вышли к Кольбергу, они еще занимали те же позиции, что и 1 марта. В течение 4 и 5 марта в районе восточнее и северо-восточнее Лабеса разгорелись ожесточенные бои. 3-я ударная армия 12-м гвардейским и 79-м стрелковыми корпусами наступала на запад, а 7-й стрелковый корпус был оставлен для прикрытия правого фланга и борьбы с окруженной группировкой противника. В дальнейшем 79-й стрелковый корпус вышел к Померанской бухте и р. Одер на участке Вальддивенов, Каммин. Там он сменил части эшелона развития успеха 3-й ударной армии — 9-го гв. танкового корпуса. Так был образован внешний фронт окружения группы фон Теттау и остатков группы Краппе. Немецкое Верховное командование отреагировало на крушение фронта в Померании традиционным способом: 8 марта [184] Эрхард Раус был смешен с поста командующего 3-й танковой армией, а его место занял генерал танковых войск Хассо фон Мантойфель. До этого Мантойфель командовал 5-й танковой армией на западе и получил в этой должности бриллианты к Рыцарскому кресту в феврале 1945 г.

После получения приказа на отход немецким соединениям между смежными флангами 1-го и 2-го Белорусских фронтов осталось только попытаться пробиться к своим. Командир дивизии «Бервальде» генерал-лейтенант Райтель на допросе в советском плену объяснял логику своих действий так: «План прорыва я построил на своем опыте танковой войны: после того, как прошли танки, пехота движется с

некоторыми интервалами и сплошной фронт устанавливается постепенно. Я рассчитывал пройти в промежутки между танками и пехотой»{70}. Вскоре дивизии пришлось бросить артиллерию и тылы. Однако Райтель неправильно оценил местонахождение промежутка между танками и пехотой. Он отводил свои части строго на запад и вскоре столкнулся с сильными заслонами. Топливо для САУ «Штурмгешюц» закончилось, и дивизия лишилась средства прокладывания себе дороги вперед. Дивизия была рассеяна, а сам Райтель был взят в плен поляками. 402-й запасной пехотной дивизии генерала фон Шпайница 5 марта пришлось бросить свою артиллерию, и после этого разгром соединения был предрешен. Сам Шпайниц с 6 по 16 марта пытался лесами выйти из окружения, но попал в плен.

Преуспела в выходе из окружения только группа фон Теттау. Ночами группе сбрасывали контейнеры с боеприпасами и горючим. 5 марта части группы фон Теттау сконцентрировались в районе к востоку от Шифельбайна. Путь на запад по «Рейхсштрассе № 162» окруженцам преграждали части 8-го гв. механизированного корпуса. Роковая ошибка была в этот момент допущена командиром 1-й гв. танковой бригады полковником А. М. Темником. Его бригада продолжила начатый 4 марта бой за Бельгард вместо перехвата путей отхода противника в районе Гросс Рамбин (на полпути [185] от Шифельбайна до Бельгарда). Тем самым А. М. Темник проигнорировал вечерний приказ М. Е. Катукова, которым его бригаде предписывалось к 7.00 5 марта выйти в район Гросс Рамбина и оставить против Бельгарда заслон из роты танков. Маршруты прорыва из Бельгарда на запад должна была прикрыть 20-я гв. механизированная бригада. В результате 1-я гв. танковая бригада высвободилась только в 13.30, повернула на юг и лишь к 18.00 вела бои в районе Гросс Рамбин фронтом на восток и юго-восток. Выдвижение в район севернее Шифельбайна 64-й гв. танковой бригады 11-го гв. танкового корпуса также завершилось только к 18.00 5 марта. Однако именно утром 5 марта в снежную бурю дивизии группы фон Теттау начали прорыв на запад. В центре шли части дивизии «Поммерланд», слева — «Бервальде», справа — «Гольштейн» и в арьергарде двигались эсэсовцы. Столкнувшись с заслонами на «Рейхсштрассе № 162» у Шифельбайна, группа обошла город с севера и проскочила в просвете между основными силами 8-го гв. механизированного корпуса и 1-й гв. танковой бригадой. На растерзание танкистам Катукова остались только отставшие от группы.

6 марта группа фон Теттау заняла позицию «ежом» (круговую оборону) в лесах юго-восточнее Вицмица. Здесь был установлен контакт по радио со штабом 3-й танковой армии. Фон Теттау получил от Рауса важнейшую информацию: немецкий плацдарм у Воллина (строго на запад от Вицмица) утрачен. Эта информация заставила командира группы принять решение о прорыве на северо-запад к плацдарму, удерживаемому немецкими частями у самого берега моря — в районе Дивенова. В ночь с 8 на 9 марта группа фон Теттау пробилась к Балтийскому морю и образовала плацдарм в районе Хорста. Однако, после выхода на побережье, наступающие советские войска вплотную занялись остатками группы фон Теттау.

Строго говоря, в первоначальном плане операции (отраженном в директиве № 00362/оп) все было построено так, что ни малейших шансов выскользнуть у окруженных не оставалось. Внешний фронт окружения по плану образовывали соединения 2-й гв. танковой армии. В первую неделю [186] марта соединения армии в целом придерживались плана. 9-й гв. танковый корпус после захвата Наугарда продолжил наступление на северо-запад. 65-я гв. танковая бригада 9-го гв. танкового корпуса 5 марта вышла на подступы к Каммину, а 47-я и 50-я гв. танковые бригады того же корпуса — к Воллину. 6 марта Каммин был захвачен, и к морю в сторону Валь-Дивенова был выслан передовой отряд. Однако наступавший южнее на Голлнов потрепанный в февральских боях 12-й гв. танковый корпус успеха не имел. К низкой комплектности добавились ошибки управления, в результате которых корпус 6 марта топтался перед ручьем шириной 2–2,5 м. Несмотря на артподготовку 152 стволами артиллерии в 13.00 6 марта, батальоны были подняты в атаку только при участии начальника артиллерии армии генерал-майора Пласкова и начальника оперативного отдела штаба армии полковника Лятецкого. Пласков впоследствии писал в своем докладе: «Собрал всех саперов (все прятались в лесу, всех пришлось силой собирать) и в течение 30 минут мост был готов, я заставил орудия выкатить на руках, мы переправили танки, артиллерию, машины, людей [...] Все продвинулось в 18.00 только после того, что я с Лятецким прибыли в батальоны и все живое и всю технику двигали вперед»{71}. По итогам разбирательства командир корпуса генерал Н. М. Теляков получил выговор. Так или иначе, Голлнов 12-гв. танковым корпусом взят не был, что дало возможность противнику организовать его оборону подразделениями дивизии СС «Фрундсберг». Поэтому уже 7 марта 9-й гв. танковый корпус был развернут на юг

(фактически на 180 градусов) и 8 марта наступал на Голлнов с севера. 65-я гв. танковая бригада 7 марта сдала свои позиции 713-му стрелковому полку 171-й стрелковой дивизии (79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии) и также развернулась на юг.

Вследствие поворота частей 2-й гв. танковой армии на запад и юг 3-я ударная армия была вынуждена взять на себя образование и внутреннего, и внешнего фронта окружения. Вместо продвижения в маршевых колоннах за паровым катком [187] 1-й гв. танковой армии соединения 3-й ударной армии разошлись «веером» на широком фронте. Основные силы армии (12-й гвардейский и 79-й стрелковые корпуса) были задействованы на захвате берега Штеттинской гавани. В этой ситуации пришлось импровизировать. Жуков приказал силами 7-го стрелкового и 7-го гвардейского кавалерийского корпусов разгромить войска противника в этом районе. Отмечу, что по директиве № 00362/оп 7-й гв. кавалерийский корпус планировалось «вывести в резерв фронта на пятый день операции». Руководство операцией по разгрому прорывающихся из окружения групп немецких войск было возложено на командующего 3-й ударной армии генерал-майора Н. П. Симоняка. Герой Советского Союза Николай Павлович Симоняк был участником обороны Ханко и Ленинграда, а 3-ю ударную армию возглавил в октябре 1944 г. в Курляндии, пойдя на повышение с поста командира корпуса.

В соответствии с приказом командующего фронтом и указаниями командующего 3-й ударной армии 207-я стрелковая дивизия полковника В. М. Асафова должна была, наступая в общем направлении на Гросс-Юстин, Ренвальд, овладеть побережьем Балтийского моря на участке Ренвальд, Пустхоф. Задачей соединения было не допустить погрузки войск противника на корабли в районе Гофф, а частью сил по выходу к морю занять оборону фронтом на восток. Дивизия полковника Асафова усиливалась 5-м мотоциклетным полком (переданным из 2-й гв. танковой армии), 163-м гвардейским истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 2-м дивизионом артиллерийской бригады корпуса. Таким образом, на пути группы фон Теттау создавался заслон из усиленной стрелковой дивизии.

В ближайшей перспективе 7-й стрелковый корпус 3-й ударной армии силами двух дивизий должен был к утру 10 марта занять оборону на участке Дарген, Штухов, Клайн-Юстин и не допустить прорыва противника в западном и юго-западном направлениях. Одну стрелковую дивизию корпусу приказывалось иметь во втором

эшелоне в районе южнее Штухов. Нажим на окруженного противника предполагалось осуществлять 7-му гв. кавалерийскому корпусу. [188] Кавалеристам предстояло развивать удар на Корнитц, отбрасывая противника дальше на восток.

С утра 10 марта 207-я стрелковая дивизия перешла в наступление в заданном направлении и, обойдя Гросс-Юстин, к исходу дня овладела населенным пунктом Пустхоф и завязала бои за Гофф. Тем самым группе фон Теттау отрезался путь отхода по берегу Балтийского моря. Однако если построение заслона шло относительно успешно, то обжим «котла» кавалерией не привел к желаемому результату. На участке действий 7-го гвардейского кавалерийского корпуса противник контратакой отбросил 16-ю и 15-ю гвардейские кавалерийские дивизии от Карнитц. Это вынудило Н. П. Симоняка изменить задачу соединениям 7-го стрелкового корпуса. Уже в 14.30 10 марта корпусу было приказано двумя дивизиями перейти в наступление на Карнитц и оказать помощь частям кавалерийских дивизий. Усиление 207-й стрелковой дивизии пока откладывалось. Вскоре этим воспользовался противник.

Прорыв группы фон Теттау на запад был назначен на 22.00 10 марта. Его лидировала танковая дивизия «Гольштейн» (уже не имевшая танков). В результате напряженного боя частям 207-й стрелковой дивизии пришлось отойти на 5–8 км к западу, хотя они и удержали за собой западную окраину Пустхоф. Навстречу прорывающимся противником был нанесен удар по частям 171-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса. К утру 11 марта был образован коридор, по которому начался постепенный вывод частей с плацдарма. 12 марта последние части группы Теттау пробились к плацдарму у Дивенова, удерживавшегося частями из кригсмарине. Из состава 5-й егерской и 402-й пехотной дивизий вышли 180 офицеров, 1000 унтер-офицеров и 4300 рядовых, из состава дивизий «Бервальде», «Поммерн» и 163-й пехотных дивизий вышли 150 офицеров, 650 унтер-офицеров и 3000 рядовых. В наилучшем состоянии сохранилась танковая дивизии «Гольштейн» — 90 офицеров, 500 унтер-офицеров и 3000 рядовых.

Все говорит о том, что именно прорыв группы фон Теттау стоил должности командующему 3-й ударной армии [189] Н. П. Симоняку — 16 марта он был сменен на В. И. Кузнецова. Соответственно Симоняк вместо участия в штурме Берлина был отправлен на куда менее престижную «должность» — добивать группу армий

«Курляндия» в качестве командующего 67-й армией. В. И. Кузнецов до марта 1945 г. занимал пост заместителя командующего 1-го Прибалтийского фронта и освободился в связи с его расформированием.

Если группа Теттау смогла пробиться самостоятельно, то окруженная группа Краппе без посторонней помощи пробиться через заслоны советских войск не могла. План деблокирования X армейского корпуса СС присутствует в записи от 6 марта в ЖБД ОКВ: «С 6.3 в Штеттин прибывает танковая дивизия «Силезия». Севернее Голлнова находятся части морской пехоты. Атаки в восточном направлении освободят путь группе Краппе». Однако все эти меры уже безнадежно запоздали. В течение 6 и 7 марта соединения 7-го стрелкового корпуса во взаимодействии с войсками 1-й армии Войска Польского завершили разгром X корпуса СС противника. После окончания боев с окруженцами 7-й стрелковый корпус был выведен во второй эшелон 3-й ударной армии. Польские части захватили 262 орудия разных калибров, 39 самоходок, 31 танк, 345 станковых пулеметов, 126 минометов. Командир X армейского корпуса СС генерал-лейтенант Гюнтер Краппе был взят в плен поляками 6 марта 1945 г. Он был освобожден в 1949 г. и умер в 1981 г. Вопреки утверждениям в мемуарах С. Г. Поплавского, что Краппе под Сталинградом командовал корпусом и был вывезен на самолете, немецкий генерал в период Сталинградской битвы был всего лишь военным атташе в Мадриде. На фронт Краппе попал командиром 61-й пехотной дивизии лишь в феврале 1943 г. в 18-ю армию под Ленинградом. С группой армий «Север» он отступал в Курляндию, а затем был назначен командиром эсэсовского корпуса. Парадоксальная ситуация, когда корпус именовался эсэсовским, подчинялись ему армейские дивизии, а командовал им армейский генерал, объяснялась довольно просто. Управление корпуса формировалось из подразделений XIV корпуса СС в Померании, а первым командиром корпуса был обергруппенфюрер Эрих фон дем [190] Бах-Зелевски. Далее сформированный штаб был использован для управления армейскими соединениями, а Бах-Зелевски сменил Краппе. Обергруппенфюрер Бах-Зелевски был больше известен своими «подвигами» на ниве борьбы с партизанами и участием в подавлении Варшавского восстания, чем успехами в управлении войсками на поле боя.

Отошедшая в район Голлнова 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» не смогла нанести результативный контрудар, но затруднила прорыв к Одеру частей 2-й гв.

танковой и 3-й ударной армий. Город Голлнов расположен среди лесов, которые прикрывают подступы к нему со всех сторон. Леса в значительной степени заболочены. В городе сходятся четыре шоссейные дороги. Лесисто-болотистая местность не позволяла осуществить широкий маневр. По прибытии в Голлнов части «Фрундсберга» сразу же получили пополнение из персонала люфтваффе и моряков. Но, несмотря на эти трудности, советские войска после трехдневных упорных боев к 4.00 8 марта решительным штурмом овладели городом. Решающую роль в захвате Голлнова сыграли вышедшие к городу [191] с севера части 9-го гв. танкового корпуса. Переправы через р. Ина в районе Голлнова были взорваны противником, но уже к 9.00 8 марта была построена переправа для колесного транспорта и артиллерии, а к 17.00 — для танков. Наступление продолжилось, «Фрундсберг» отступил в сторону Альтдамма. С овладением Голлновом войска 3-й ударной армии завершили выполнение своей задачи, и им было приказано после передачи боевых участков соединениям 1-й армии Войска Польского и 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу к 16 марта сосредоточиться в 60 км к югу от Штеттина.

Ликвидация альтдамского плацдарма. Последним сражением 1-го Белорусского фронта в Померании стал разгром II армейского корпуса (вскоре переименованного в XXXII армейский корпус), III танкового корпуса СС и борьба за плацдарм у Альтдамма. Расширяя фронт боевых действий в Восточной Померании, 2 марта перешли в наступление войска 47-й армии. Армии Ф. И. Перхоровича противостояли 9-я парашютно-десантная дивизия, 1-я дивизия морской пехоты и 281-я пехотная дивизия. Соединения 77-го и 125-го стрелковых корпусов 47-й армии в первый день боя прорвали главную полосу обороны противника. Для развития успеха с утра второго дня наступления в сражение был введен 1-й механизированный корпус. Однако трудные условия местности и упорное сопротивление противника не позволили нашим войскам развить наступление в высоких темпах. К исходу 3 марта войска 47-й армии продвинулись в глубину обороны противника всего на 20 км. Бои приняли упорный и ожесточенный характер. К 6 марта войска 47-й армии вышли к крупному опорному пункту противника на подступах к Альтдамму — Клебову. К тому моменту II армейский корпус был усилен 549-й народно-гренадерской дивизией из Восточной Пруссии.

После недели советского наступления в Восточной Померании фронт войск 3-й танковой армии на восточном берегу Одера и Штеттинской бухты начал постепенно сжиматься в точку. Части эсэсовских соединений с разных направлений отходили к Альтдамму — узлу дорог к востоку от Штеттина. Войска 61-й армии, наступая на Альтдамм с востока, [193] встретили упорное сопротивление III танкового корпуса в районе Массова и южнее этого пункта. В течение трех суток они продвинулись всего на 10–12 км в западном направлении. Особенно упорное сопротивление противник оказывал в городе Массов, где советским войскам пришлось вести бои за каждый дом. Город обороняли части дивизии СС «Недерланд».

Вскоре Массов был охвачен с флангов, и 7 марта в 3.00 дивизии III танкового корпуса получили приказ на отход. Зацепиться за «Рейхсштрассе № 163» (шоссе Штаргард — Массов — Наугард) не удалось. В течение 7 и 8 марта части эсэсовских дивизий отошли на запад в направлении Альтдамма. На левом фланге III танкового корпуса от Голлнова отходили подразделения «Фрундсберга». Завершило образование плацдарма у Альтдамма наступление войск 47-й армии. Преодолевая упорное сопротивление врага и тяжелые условия местности, части армии Перхоровича к 10 марта овладели южной окраиной Грайфенхагена. Однако попытки наступающих с ходу сокрушить уплотнившуюся оборону плацдарма у Альтдамма были безуспешными.

В этих условиях Жуков принял решение приостановить наступление. В директиве № 00426/оп от 12 марта 1945 г. указывалось: «В результате особо упорного сопротивления противника войска 61 армии, 47 армии и 2 гв. ТА в течение трех дней не имели успеха и прорвать оборону противника с хода не смогли»{72}. Трем армиям предписывалось «приостановить на два дня наступление и закрепиться на занимаемых позициях». В течение двух суток предполагалось подготовиться к продолжению атак на плацдарм. Надлежало провести тщательную разведку переднего края обороны противника, его системы огня, огневых позиций артиллерии, противотанковых средств, установить, имеются ли у врага танки и места их сосредоточения. При подготовке к наступлению и организации боя особое внимание приказывалось обратить на организацию четкого взаимодействия пехоты с танками, артиллерией и авиацией. Для проведения артиллерийской [194] подготовки атаки было приказано усилить армии на этом направлении четырьмя артиллерийскими дивизиями прорыва. На участках главных ударов армии было

приказано создать плотность артиллерии 250 стволов (61-я армия) и 280 стволов (47-я армия) на 1 км фронта. Также в полосе 47-й армии концентрировались усилия авиации: командующему 16-й воздушной армии предписывалось поддержать наступление ударами штурмовой авиации из расчета 40% вылетов на поддержку 61-й армии и 60% — 47-й армии. Артиллерийскую подготовку планировалось начать в 7.30, а атаку пехоты и танков — в 8.30 14 марта 1945 г.

Основной идеей нового наступления был перенос усилий танковых войск из полосы 61-й армии в полосу 47-й армии. Тем самым танки выводились из неблагоприятной для них лесистой местности и должны были быть использованы на безлесном участке к югу от Альтдамма. В директиве № 00426/оп приказывалось: «Командующему 2 гв. ТА механизированный и танковый корпуса армии использовать для наступления на участке главного удара 47 А, в тесном взаимодействии с пехотой»{73}. Таким образом, изъятый из танковой армии С. И. Богданова 1-й механизированный корпус вновь в нее возвращался. В период двухдневной паузы танковая армия, сдав свои боевые участки стрелковым соединениям 61-й армии, должна была переместиться на правый фланг 47-й армии. На 15.00 12 марта в составе 12-го гв. танкового корпуса насчитывалось 206 танков и САУ по списку (из них всего 52 машины в боевых порядках), в 9-м гв. танковом корпусе — 191 танк и САУ по списку (78 машин в боевых порядках), в 1-м механизированном корпусе — 206 танков и САУ по списку (116 в боевых порядках). Таким образом, ударные возможности (по числу боеготовых машин) 2-й гв. танковой армии были существенно снижены.

К середине марта 1945 г. на плацдарме у Альтдамма были собраны довольно крупные силы немецкой 3-й танковой армии. Южный фас плацдарма обороняли 1-я дивизия морской пехоты, 25-я танко-гренадерская дивизия и танковая [195] дивизия «Шлезиен». На восточном фасе оборонялись 549-я народно-гренадерская дивизия, 281-я пехотная дивизия и 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг». Наконец в северной части плацдарма оборонялись дивизии «Нордланд» и «Недерланд».

В запланированный день 14 марта наступление не состоялось и было отложено на следующий день. В 9.00 15 марта после артиллерийской и авиационной подготовки войска 2-й гв. танковой, 47 и 61-й армий возобновили наступление. Первая позиция была подавлена артиллерией и авиацией, и стрелковые части, сопровождаемые

танками и артиллерийско-самоходными установками, начали продвигаться вперед, уничтожая на пути наступления уцелевшие очаги сопротивления противника. В результате трехдневных упорных боев советские войска, ликвидировав значительное количество опорных пунктов и узлов сопротивления противника, вышли к последнему поясу укреплений противника на альтдаммском плацдарме.

С целью нанесения последнего сокрушительного удара Г. К. Жуков вновь приказал временно приостановить наступление и произвести некоторые перегруппировки артиллерии и танков. В соответствии с этим приказом соединения 61, 47 и 2-й гвардейской танковой армий, прекратив наступление, вновь в течение двух суток готовились к его возобновлению.

18 марта 1945 г. в 9.00 утра после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска фронта возобновили наступление. В полосе действий ударной группы 47-й армии советские войска сломили сопротивление противника в районе 2 км севернее Клебова, прорвали его последний рубеж обороны и начали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. 19 марта стрелковые соединения 47-й армии совместно с танковыми частями 2-й гв. танковой армии вышли к мостам через Одер севернее автобана. Мосты были предусмотрительно взорваны немцами еще в ночь с 16 на 17 марта. Тем самым наступающие рассекли альтдаммскую группировку противника на две части.

Немецким командованием были быстро сделаны выводы [196] о перспективах удержания плацдарма. Уже в ночь с 18 на 19 марта тяжелое оружие и техника начали выводиться в Штеттин. Саперы начали подрывать здания и сооружения в Альтдамме, которые могли бы пригодиться советским войскам. Был даже освобожден и взорван бункер, в котором располагался штаб дивизии «Нордланд». 19 марта командование 3-й танковой армии направило в штаб группы армий «Висла» донесение, в котором предлагался отход и прозрачный выбор: «или отвести все на западный берег сегодня вечером и сохранить, или потерять все завтра». Отход был неожиданно быстро одобрен Гитлером. Отвод войск в Штеттин продолжился в ночь на 20 марта и после перехода на западный берег Одера батальона «Дирикс» (в него были сведены остатки «Валлонии») и двух танков последний мост взлетел на воздух. Несколькими часами позже под ударами соединений 47-й армии пал Грайфенхаген. В результате разгрома альтдаммской группировки советскими войсками было взято более 12 тыс. пленных, 126 танков и

самоходных орудий, более 200 орудий разных калибров, 154 миномета и много другого вооружения и военного снаряжения.

В результате трехнедельных боев в ходе Восточно-Померанской операции заметно снизилась боеспособность 2-й гв. танковой армии. Согласно «Справке о состоянии частей и соединений 2 гв. ТА на 15.00 21 марта 1945 г.» танковый парк армии просел до 162 машин в строю в трех корпусах, меньше, чем в одном корпусе на момент начала Висло-Одерской операции. В 12-м гв. танковом корпусе осталось только 28 Т-34 и 9 СУ-76{74}. Ни одного боеготового танка ИС-2 или САУ СУ-85 в корпусе не было. Если февральские бои привели к большим потерям в 12-м гв. танковом корпусе, то Восточно-Померанская операция привела к прореживанию 9-го гв. танкового корпуса. В корпусе насчитывалось в строю на 21 марта всего 18 Т-34 и 5 СУ-85. Все САУ СУ-76 и ИСУ-122 числились в капитальном ремонте. В 1-м механизированном корпусе оставалось в строю 43 М4А2 «Шерман», 9 СУ-85, 16 [197] СУ-76 и 9 ИСУ-122. Еще 6 Т-34, 13 М4А2 «Шерман» и 1 СУ-76 числились в строю в армейских частях.

В истории IIT танкового корпуса СС результат сражения описывается следующим образом: «Так закончились бои в Померании. Они также завершились практически полным уничтожением III танкового корпуса СС. Он сражался до самопожертвования, чтобы помочь эвакуации населения Померании. В итоге остались только понесшие большие потери батальоны и полки. Целые роты были полностью уничтожены»{75}. Согласно донесению штаба группы армий «Висла» в ОКХ от 23 марта общая численность личного дивизии СС «Недерланд» составляла 3955 человек, а «боевая численность» (Kamfstaerke) — 1355 человек{76}.

В семидневных позиционных боях войска правого крыла 1-го Белорусского фронта разгромили войска противника в западной части Восточной Померании, пытавшиеся удержать за собой важный оперативный плацдарм на восточном берегу Одера в районе Альтдамма. С 21 марта началась перегруппировка основных сил участвовавших в Восточно-Померанской операции армий на берлинское направление.

Вперед, на восток! В полосе 2-го Белорусского фронта события в марте 1945 г. развивались по схожей схеме, но намного драматичнее. Несмотря на в целом успешное наступление, по итогам боев начальной фазы операции последовали

кадровые перестановки. 6 марта командующий 19-й армией Г. К. Козлов был сменен на генерал-лейтенанта В. З. Романовского. Владимира Захаровича Романовского отличал от предыдущего командующего серьезный опыт позиционных боев под Демянском и Ленинградом в 1942–1943 гг.

После выхода войск 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю у Кеслина Ставка ВГК директивой № 11035 поставила перед К. К. Рокоссовским задачу разгромить группировку противника в районе Данцига, Штольпа, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20 марта выйти по всей [198] полосе фронта на побережье Балтийского моря. Такое необычное сочетание польского и немецкого названий (Данциг и Гдыня) в одном месте связано с тем, что порт Данциг имел статус свободного города. Нуждавшаяся в порту на Балтике Польша построила его с нуля. Город Гдыня вырос в 1920–1930 гг, из небольшой рыбацкой деревни Гдинген. После оккупации Польши в 1939 г. немцы переименовали Гдыню в Готенхафен. Но название трудно приживалось, и часто город Гданьск немцы называют в воспоминаниях именем деревни Гдинген.

Оборона Гдыни с суши опиралась на систему пунктов ПВО, возведенных для обороны базы с воздуха. Они опоясывали город сплошным кольцом в радиусе 12–15 км от его центра. Расположение пунктов ПВО на господствующих над местностью высотах, наличие готовых артиллерийских позиций и долговременных сооружений, готовая сеть наблюдения и связи давали неоспоримые преимущества обороняющимся. Сооружения системы ПВО военно-морской базы [199] были дополнены сетью траншей, противотанковых препятствий и проволочных заграждений. Зенитная артиллерия калибром до 128 мм была подготовлена к ведению огня по наземным целям.

Для развития успеха 2-му Белорусскому фронту директивой Ставки № 11034 6 марта была передана из состава 1-го Белорусского фронта 1-я гв. танковая армия. Вместе с танковой армией М. Е. Катукова 2-му Белорусскому фронту передавалась 1-я польская танковая бригада. Разумеется, переход танковых соединений из подчинения одного фронта в подчинение другого не произошел мгновенно. Официально армия передавалась в подчинение К. К. Рокоссовского с 12.00 8 марта. 6 марта 1-я гв. танковая армия продолжала бои по уничтожению окруженных групп противника в районе Шифельбайна. В ходе этих боев было захвачено в плен 1960 солдат и офицеров противника. 7 марта сражение с рвущимися на запад

разрозненными отрядами продолжилось. В 7.30 7 марта одна из таких групп напала на подразделения штаба армии М. Е. Катукова. Части штаба понесли потери в личном составе и автотранспорте. Только во второй половине дня 7 марта войска 1-й гв. танковой армии приступили к сдаче занимаемых позиций 1-й армии Войска Польского. Выдвижение в район Кезлина началось в ночь на 8 марта. Первый боевой приказ от штаба К. К. Рокоссовского армия получила 8 марта. В нем предписывалось перейти в наступление с утра 10 марта. Боевой потенциал 1-й гв. танковой армии к тому моменту еще сохранялся. Армия М. Е. Катукова на 10 марта 1945 г. имела в строю 302 танка Т-34, 17 танков ИС-2, 27 СУ-85, 34 СУ-76 и 75 СУ-57. Артиллерия армии насчитывала 285 орудий, 79 минометов калибром 120 мм и 35 установок реактивной артиллерии.

Отсеченные от основных сил группы армий «Висла» прорывом советских войск к Балтийскому морю соединения немецкой 2-й армии в середине марта еще сохраняли боеспособность (см. таблицу). Для сравнения — 9-я армия под командованием Вальтера Моделя наступала в июле 1943 г. на северный фас Курского выступа при средней «боевой» численности [200] дивизий 3500 человек. Отставая от 2-го Белорусского фронта в общем числе соединений, 2-я армия превосходила советские войска по средней численности дивизии.

Общая и «боевая» численность соединений 2-й армии на 9 марта 1945 г.

Дивизия	Общая численность Tagesstaerke	«Боевая численность» Kampfstaerke
4 т-гд «Полицай»	4767	2744
7-я тд	11832	3639
32 пд	3800	2144
215 пд	5727	3270
389 пд	6472	3029
227 пд	6895	3009
4 тд	2109	725
73 пд	5478	2243

Панд	3800	2700
542 нгд	6408	3480
252 пд	6500	2700
35 пд	6125	2205
337 нгд	3920	1950
83 пд	4532	2120
23 пд	6000	3600
7 пд	19720	10373

Даже подчинение 2-му Белорусскому фронту танковой армии не обеспечило решение поставленной задачи в установленные Ставкой сроки. Танковая армия М. Е. Катукова могла перехватить пути отхода 2-й армии противника и не дать немцам осесть на укреплениях у Данцига и Гдыни. Но этого не произошло: танковая армия была использована для простого оттеснения противника в район Данцига. Рокоссовский сформулировал задачу 1-й гв. танковой армии так: «перейти в наступление в направлении Лауенбург, Нойштадт и не позднее 12.3 выйти на побережье Данцигской [201] бухты на участке Гдыня, Путциг»{77}. То есть танковая армия должна была просто двигаться вдоль побережья и выйти к бухте севернее Данцига. Никаких попыток отсечь отходящие на восток соединения противника от Данцига и Гдыни предпринято не было.

К укреплениям на подступах к Гдыне 1-я гв. танковая армия вышла 12 марта. На 13 марта был назначен их штурм, а для очистки от войск противника косы Путцигер Нерунг был выделен отряд 40-й гв. танковой бригады в составе 7 танков, батареи 76-мм орудий, двух взводов автоматчиков и взвода саперов. Однако попытки взломать оборону противника совместно с пехотой 19-й армии успеха не имели. В течение 13–15 марта части армии М. Е. Катукова таранили оборону противника, подвергаясь обстрелу тяжелых орудий с кораблей и береговых батарей. Отряд 40-й гв. танковой бригады на косе Путцигер Нерунг (Хела) встретил ров, заполненный водой, минированное шоссе, противотанковые препятствия. Прикрывал инженерные заграждения бронепоезд [203] противника. Упорная оборона песчаных дюн объяснялась тем, что на косе скопились огромные массы беженцев, постепенно

эвакуировавшихся морем в Германию. Капитуляция косы Хель была надолго отложена: она была сдана только в мае 1945 г.

По мере отступления группировка немецкой 2-й армии постепенно схлопывалась в точку, с увеличением плотностей построения соединений и сопутствующим возрастанием сопротивления продвижению советских войск. Если в начале Восточно-Померанской операции протяженность фронта армий 2-го Белорусского фронта составляла около 240 километров, то теперь не превышала 60 км. Ширина полосы каждой из армий, действовавшей на ударном направлении, составляла всего 10–12 километров. В условиях уплотнения фронта бои быстро перешли в позиционную фазу. Кроме того, Данциг издревле был окружен укреплениями. В 1734 г. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха взяли Данциг после 135-дневной осады; в 1807 г. армии Наполеона потребовалось 87 дней осады, чтобы взять город. В конце XIX века укрепления Данцига были существенно усилены в соответствии с требованиями времени. Поэтому Данциг никак нельзя было отнести к военно-морским базам, слабо защищенным с суши. Кроме того, с юго-востока город прикрывала танконепроходимая водная преграда — канал Мотлау Умфлитер.

Статус военно-морской базы обеспечивал Данцигу поддержку кригсмарине, в частности «самой большой канонерки Балтики» — тяжелого крейсера «Принц Ойген». За двадцать шесть дней осады крейсер расстрелял 4871 снарядов 20,3-см калибра и 2644 снарядов 10,5-см калибра. Когда он покинул данцигскую бухту, в погребах осталось всего 40 снарядов 20,3-см калибра. В связи со всем вышесказанным нельзя не отметить определенной самонадеянности К. К. Рокоссовского, отказавшегося от окружения отходящей на Данциг группировки противника до ее выхода на внешний обвод укреплений города.

Но так или иначе, препятствовавшие наступлению 2-го Белорусского фронта в Восточную Померанию дивизии противника [204] были наказаны. Они были отсечены от основных сил германской армии и зажаты на узком пространстве на берегу моря без всякой надежды на спасение. Немецкая 2-я армия была передана из группы армий «Висла» в группу армий «Север». 12 марта командовавший 2-й армией генерал-полковник Вальтер Вейс был назначен командующим группой армий «Север», его преемником на посту командующего 2-й армией стал командир 4-й танковой дивизии генерал танковых войск Дитрих фон Заукен.

К. К. Рокоссовским был намечен следующий план разгрома и уничтожения группировки противника. Главный удар должен был наноситься в направлении на Цоппот (небольшой курортный городок между Данцигом и Гдыней) с тем, чтобы рассечь оборонявшуюся группировку противника и уничтожить ее по частям. Было решено прорвать оборону противника и выйти на побережье Данцигской бухты в районе Цоппота, в дальнейшем ударами с различных направлений по Данцигу и Гдыне овладеть этими городами и завершить разгром 2-й армии. В соответствии с принятым решением командующий войсками фронта поставил задачи войскам. Выполнение главной задачи по рассечению группировки противника было возложено на войска двух армий, усиленных двумя танковыми корпусами. Они должны были, продолжая наступление к Данцигской бухте, прорвать оборону на участке Эспенкруг, Витцлин и не позднее 14 марта овладеть пригородом Олива и портом Цоппот. В дальнейшем одна из армий нацеливалась на штурм Данцига с северо-запада, а вторая должна была наступать на Данциг с севера вдоль берега Данцигской бухты. Для борьбы с боевыми кораблями противника и недопущения их подхода к причалам командующему войсками 49-й армии было приказано выдвинуть на берег бухты дальнобойную артиллерию и ее огнем воспретить подход кораблей противника к Данцигу.

Начатое утром 14 марта 1945 г. советское наступление в направлении города Цоппот развивалось очень медленно. Войска 49-й и 70-й армий смежными флангами наступали на Цоппот, имея задачей рассечь данцигско-гдынскую группировку противника на две изолированные группы, овладеть [205] рубежом Олива, Цоппот, Колибкен и выйти на этом рубеже к Данцигской бухте. В боевом донесении штаба 2-го Белорусского фронта в Генеральный штаб положение армий описывается довольно лаконично: «49 и 70 А — в 12.00 перешли в наступление, во взаимодействии с частями 1 и 3 гв. тк. Отразили контратаку пехоты противника с самоходными орудиями в районе Барнин. Успеха не имели»{78}.

В 2.30 18 марта К. К. Рокоссовский докладывал в Генеральный штаб план действий по уничтожению отошедшей в район Данцига и Гдыни группировки противника. Командующий фронтом оценивал ее численность в 100–120 тыс. человек. Операцию предполагалось разделить на три этапа. На первом этапе задачей войск было выйти к побережью в районе Цоппота и овладение районом Гдыни. Этот этап планировалось завершить 22–23 марта. На втором этапе целью наступления

становилось овладение лесными массивами западнее Колибкена, Данцига и окружение Данцига. Задачи этого этапа по плану К. К. Рокоссовского должны были быть решены 23–27 марта. Наконец, третьим этапом был штурм Данцига. На него отводилось три дня.

Бои носили столь упорный характер, что продвижение советских войск в иные дни исчислялось лишь сотнями метров. [206] До 22 марта войска К. К. Рокоссовского продвигались с темпом не более 1–1,5 км в сутки. Советское наступление тонуло в мартовской грязи. В отчете штаба 1-й гв. танковой армии отмечалось: «Условия местности для действия танков были очень ограничены. На направлении действия корпуса имелось только одно шоссе. Распутица и сильнопересеченная местность, покрытая лесом, вынуждали действовать вдоль шоссе, т.к. попытки наступать вне дорог приводили к тому, что танки застревали в грязи, становясь мишенью для самоходок и артиллерии противника»{79}. Серьезно осложняли задачу захвата двух крупных портов зенитные орудия из состава их ПВО, развернутые на прямую наводку.

Против наиболее сильной данцигской группировки действовали 2-я ударная, 65,49 и 70-я армии. Против гдыньской группировки действовали 19-я армия, один стрелковый корпус 70-й армии и соединения 1-й гв. танковой армии. В течение [207] 23–26 марта продолжалось наступление в направлении Данцига и Гдыни. Уничтожая отдельные опорные пункты врага, войска 49-й и 70-й армий к 24 марта прорвали две линии укреплений противника и вышли к третьей, последней линии укреплений, прикрывавших Цоппот с запада. Эта линия укреплений, созданная в 3 км от берега Данцигской бухты, проходила по Данцигскому королевскому лесу и высотам, прилегавшим к Цоппоту и Данцигской бухте с запада. В свою очередь, 1-я гв. танковая армия и 19-я армия 24 марта захватили Кляйн Кац и наступали с юга на Гдыню.

Советское командование стремилось как можно быстрее покончить с окруженным и прижатым к морю противником с тем, чтобы бросить основные силы 2-го Белорусского фронта на берлинское направление. Кроме того, вопрос с ликвидацией остатков 2-й немецкой армии имел политическое значение. В феврале 1945 года на Ялтинской конференции представители Англии ставили вопрос о том, чтобы советские войска возможно быстрее заняли Данциг и Гдыню, так как там на верфях якобы строилось 30 процентов новых немецких лодок. Мотивировалось это

тем, что «авиации и надводному флоту союзников будет очень трудно бороться против подводных лодок новых серий, так как они обладают высокой скоростью хода под водой и оснащены новейшей техникой»{80}. Речь идет о подводных лодках XXI серии, высокие технические характеристики которых создали союзникам немалые трудности. Участники Ялтинской конференции с советской стороны подтверждают интерес союзников к Данцигу. Н. Г. Кузнецов вспоминал:

«От англичан выступил не фельдмаршал А. Брук, как ожидалось, а адмирал Э. Канингхэм. В его докладе явственно слышалась знакомая нотка о трудностях борьбы с немецкими подводными лодками и мольба о помощи Британии в этой борьбе. Отметив, что немецкие лодки строятся главным образом в Данциге, адмирал закончил свое выступление словами: [208]

— Как моряк я хочу, чтобы русские поскорее заняли Данциг»{81}.

Надо сказать, что союзники не только требовали быстрейшего захвата Данцига, но и оказывали посильную помощь штурмующим. 12 марта 700 «Летающих крепостей» и «Либерейторов» американских 8-х ВВС сбросили 1435 бомб на город и порт. Удар тяжелых бомбардировщиков несколько разнообразил почти непрекращающиеся налеты Ил-2 и Пе-2.

23 марта обороняющим Данциг немецким войскам был направлен ультиматум за подписью К. К. Рокоссовского. Помимо официального обращения, на горящий город и немецкие позиции высыпалось 4,5 млн листовок с текстом ультиматума. Психологический нажим на немецкие войска со стороны населения усилился. Им говорили: «Русские гарантируют вам жизнь, а вы, словно дурные быки, сами лезете под топор и наводите на нас ужасный огонь русских!» Однако сопротивление пока не ослабевало. Все наступающие армии встречали упорное сопротивление и отчаянные контратаки.

Однако именно 23 марта наступил перелом в сражении. В ночь на 23 марта советские войска ночным штурмом прорвали последнюю линию укреплений противника в стыке между Данцигом и Гдыней, и в 6.00 утра ворвались в Цоппот. В ходе уличных боев Цоппот был захвачен, и группировка противника окончательно разъединена на две части. В районе Данцига остались части XXIII, XXVII и XX армейских корпусов, XVIII горно-егерский корпус, часть сил XXXXVI танкового корпуса. В районе Гдыни были блокированы остатки VII и XXXXVI танковых

корпусов. Одновременно была захвачена цепочка высот к западу от Данцига. Город и вся система обороны немцев просматривалась как на ладони.

Войска 19-й армии после незначительной перегруппировки своих сил и перемещения артиллерии возобновили действия по овладению Гдыней. Отвоевывая один опорный пункт за другим, они взломали оборону противника; а 26 [209] марта начали штурм города. Части 310-и и 313-й стрелковых дивизий в этот день прорвали окончательно оборону на ближних подступах к Гдыне и ворвались в город. 310-ю стрелковую дивизию поддерживали 40, 44 и 45-я гв. танковые бригады 1-го гв. танкового корпуса. 313-ю стрелковую дивизию поддерживала 1-я польская танковая бригада. В ожесточенных боях они овладели тринадцатью кварталами города. 27 марта 1-я гв. танковая армия была изъята из состава 2-го Белорусского фронта и вернулась на берлинское направление. Танки и САУ были отправлены по железной дороге, а остальные части возвращались своим ходом.

28 марта войска 19-й армии полностью захватили город и порт Гдыню. Советскими войсками было взято 18 985 пленных, около 200 танков и самоходных орудий, 600 орудий разных калибров и назначений, 1068 пулеметов, 71 самолет, [210] 6246 автомобилей, 20 различных кораблей, в том числе взорванные экипажами старый броненосец «Шлезвиг-Гольштейн» (корабль, начавший Вторую мировую войну) и линейный корабль «Гнейзенау».

Одновременно с наступлением на цоппотском и гдынском направлениях шли напряженные бои на правом крыле фронта, где войска 2-й ударной и 65-й армий вели наступление по наикратчайшему направлению с юга и юго-запада на Данциг. 27 марта советские войска начали штурм города. Ведя наступление на Данциг одновременно с трех направлений, они к 29 марта овладели большей частью города. Соединения 2-й ударной армии вели бои за южную часть Данцига, соединения 65-й армии ворвались в центральную часть города, а войска 49-й и 70-й армий овладели его северной частью. 30 марта Данциг пал. Защитники Данцига переправились через рукав Вислы на остров Хёйбуде. В Данциге советскими войсками было захвачено 45 подводных лодок, которые так беспокоили союзников.

Сыгравший важную роль в обороне города тяжелый крейсер «Принц Ойген» навсегда ушел из Данцигской бухты, [211] прибыв 20 апреля в Копенгаген. После войны по условиям Потсдамского соглашения между США, СССР и Великобританией

«Принц Ойген» достался Соединенным Штатам. В 1946 г. корабль был потоплен в ходе испытаний атомного оружия на атолле Бикини. Одновременно с «Принцем Ойгеном» ушел из Данцигской бухты старый броненосец «Шлезиен» — систершип «Шлезвиг-Гольштейна», построенный в Данциге на верфи «Шихау». Он закончил свои дни в Свинемюнде в мае 1945 г.

После захвата Данцига Восточно-Померанская операция формально была завершена. Войска противника, блокированные в районе севернее Гдыни, были разгромлены и пленены 19-й армией к 4 апреля. С 10 февраля по 4 апреля войска 2-го Белорусского фронта взяли в плен 63 577 солдат и офицеров противника, захватили 3470 орудий и минометов, 681 танк и штурмовое орудие, 431 самолет, 23 989 автомашин и 2730 мотоциклов. Из плена было освобождено 32 170 военнослужащих Красной армии и 25 872 военнослужащих других стран. Собственно в Данциге и Гдыне были захвачены 32 775 человек пленных, 201 танк и самоходное орудие, 134 самолета (неисправных), 727 орудий, 566 минометов, 162 тягача и трактора, 15 бронепоездов, 151 судно и другое имущество и вооружение. Кроме того, осталось два лагеря «вооруженных военнопленных»: на косе Хель и в районе дельты реки Висла юго-восточнее Данцига. Эти части немецкой 2-й армии капитулировали после 9 мая. К 15 мая 1945 г. в районе юго-восточнее Данцига сдались 15 134 человека, на косе Путцигер-Нерунг — 96 470 человек, еще 12 616 человек сдались на о. Борнхольм{82}. Среди сдавшихся было 12 генералов, в том числе командующий армией генерал танковых войск фон Заукен, командир IX армейского корпуса генерал артиллерии Вутман, командир XX армейского корпуса генерал пехоты Шпехте и другие.

Восточно-Померанская операция стоила 2-му Белорусскому фронту достаточно высоких потерь. С 10 февраля по 4 апреля 1945 г. войска К. К. Рокоссовского потеряли 173 389 [212] человек (40 471 человек безвозвратные потери и 132 918 санитарные), т.е. едва ли не треть своей первоначальной численности. Цифры безвозвратных и общих потерь фронта вполне сопоставимы с потерями войск Г. К. Жукова в Берлинской операции. Общие потери 1-го Белорусского фронта в Восточно-Померанской операции были существенно меньше — 52 303 человека.

1-я гв. танковая армия с 9 по 27 марта 1945 г. потеряла безвозвратно 68 танков и САУ (57 Т-34, 8 СУ-76 и 3 СУ-57), 120 боевых машин получили боевые повреждения (98 Т-34, 12 СУ-85, 6 СУ-76 и 4 СУ-57), 33 — завязло (31 Т-34 и 2 СУ-85) и 67 машин

были выведены из боевых порядков по естественному износу{83}. После возвращения 1-й гв. танковой армии в Ландсберг было выведено из боевых порядков по израсходованию моточасов еще 115 танков и САУ, и все они были сданы в капитальный ремонт. Пожелание Г. К. Жукова вернуть 1-ю гв. танковую армию в целости и сохранности могло теперь вызвать только горькую усмешку. [213]

Верхне-Силезская операция

Отдохнуть и восстановить силы 1-му Украинскому фронту перед последним броском на Берлин не дали. В то время как войска Жукова и Рокоссовского бились за Данциг, Альтдамский плацдарм и Кюстрин, несколько армий Конева провели последнее перед Берлином сражение на своем левом фланге. Наступательная операция была инициирована Ставкой. Верховное Главнокомандование еще в ходе февральского наступления войск 1-го Украинского фронта в Нижней Силезии неоднократно обращало внимание И. С. Конева на серьезное отставание войск левого крыла фронта. Оно подчеркивало, что это обстоятельство в последующем может затруднить подготовку и проведение операции войсками фронта на берлинском направлении.

Если быть точным, то отставал не столько фланг 1-го Украинского фронта, сколько 4-й Украинский фронт И. Е. Петрова, наступавший в Верхнюю Силезию с востока. Еще 13 февраля 1945 г. И. Е. Петров представил в Ставку доклад с планом операции по овладению Моравско-Остравским промышленным районом. Цель операции в докладе формулировалась так: «Нанося сосредоточенный удар силами двух армий (38 и 1 гв. А) в направлении Оломоуц, Пардубице, разбить противостоящего противника и, выйдя главными силами на рубеж р. Влтава, овладеть Прагой»{84}. Для проведения операции 4-му Украинскому фронту передавались 126-й и 127-й легкие горно-стрелковые корпуса и 5-й гв. механизированный корпус. Директивой Ставки ВГК № 11029 от 17 февраля представленный командованием 4-го Украинского фронта план был утвержден. И. Е. Петрову было рекомендовано: «Операцию начать не позднее 10 марта»{85}. В плане мартовских наступлений отчетливо просматривается стремление советского командования провести согласованную операцию смежными флангами двух фронтов. Наступая в [214]

Верхнюю Силезию с севера, войска 1-го Украинского фронта выходили во фланг и тыл армейской группы Хайнрици, оборонявшейся перед войсками 4-го Украинского фронта.

Выполняя указания Ставки, командующий 1-м Украинским фронтом разработал план наступления в Верхней Силезии и 28 февраля представил его на утверждение. В своих мемуарах Конев описал свой замысел следующим образом: «Планируя Верхне-Силезскую операцию, мы рассчитывали прежде всего на окружение той части немецко-фашистских войск, которые располагались на самом оппельнском выступе и непосредственно в Оппельне»{86}. 1 марта представленный в Ставку план был утвержден.

Для решения задачи, поставленной Ставкой, И. С. Конев решил использовать нависающее положение захваченного советскими войсками плацдарма в районе Гротткау. В какой-то мере она повторяла операцию по окружению Бреслау, проведенную в феврале 1945 г. В Верхней Силезии также предполагалось нанести удары по сходящимся направлениям с двух плацдармов на Одере. В соответствии с общим замыслом на операцию командующий фронтом создал две ударные группировки — оппельнскую (в выступе северо-западнее Оппельна) и ратиборскую (на плацдарме севернее Ратибора).

В состав оппельнской группировки вошли 21-я общевойсковая и 4-я танковая армии, 34-й гв. стрелковый корпус 5-й гв. армии и 4-й гв. танковый корпус. Она должна была нанести удар в общем направлении Гротткау, Нейссе, Нойштадт, где и соединиться с ратиборской группировкой. В ратиборскую группировку входили 59-я и 60-я армии, 7-й гв. механизированный и 31-й танковый корпуса. Эта группировка имела задачу нанести удар с плацдарма севернее Ратибора в западном направлении навстречу войскам оппельнской группировки и к исходу третьего дня операции соединиться с ней в районе Нойштадта и Зюльца.

Владея стратегической инициативой, советское командование могло сосредотачивать танковые тараны на любом [215] направлении, обеспечивая себе, по крайней мере, преимущество первого удара. 4-я танковая армия, только что действовавшая в западном направлении между реками Бобер и Нейсе, перемещалась далеко на юго-восток. В частности, 6-й гв. механизированный корпус 4-й танковой армии снялся с плацдарма у Штейнау 4–6 марта и отправился ночными

маршами мимо окруженного Бреслау на юго-восток. Он сосредоточился в назначенном районе к 10 марта. Потрепанный в февральских боях корпус оставил 49-ю гв. механизированную бригаду в прежнем районе дислокации. В ней оставалось всего 4 танка Т-34. Но в целом в 1945 г. пополнение техникой происходило регулярно. В период подготовки к операции 4-я танковая армия получила на доукомплектование 159 Т-34–85, 45 ИС-2, 21 СУ-100 и 20 СУ-76. Новейшие СУ-100 были получены в виде свеженького, с иголочки 1727-го самоходно-артиллерийского полка. Всего к 14 марта в армии Д. Д. Лелюшенко насчитывалось боеготовыми 302 Т-34–85, 11 Т-34–76, 47 ИС-2, 2 СУ-122, 21 СУ-100, 5 СУ-85, 52 СУ-57, 38 СУ-76 и 4 «Валентайна». Mk. IX/X{87}. Еще 6 машин (2 Т-34–85, 3 ИС-2 и 1 СУ-85) находились в текущем ремонте по небольшим неисправностям и были введены в строй к утру 15 марта.

Пережившая в начале марта мясорубку у Лаубана 3-я гв. танковая армия не была готова к новой операции. Поэтому вторую «клешню» в операции на окружение составляли отдельные подвижные соединения фронта. Окружавшие в феврале Бреслау 7-й гв. механизированный и 4-й гв. танковый корпуса перемещались вместе с 4-й танковой армией на юг и сосредотачивались на плацдарме у Ратибора. Этот маневр позволял советскому командованию достичь превосходства в силах в выбранном районе операций. Противник мог лишь реагировать перемещениями резервов на возникающий кризис уже после успеха первого удара советских войск.

«Котел» на берегах Одера. Сведения о готовящемся советском наступлении просочились к немцам в начале марта [216] 1945 г. Из допросов пленных были даже получены данные о примерной дате начала наступления — 10 марта. Генерал-полковник Хайнрици решил нанести упреждающий удар по советскому плацдарму между Козелем и Ратибором. Контрударом по стартовой площадке советского наступления он рассчитывал нанести поражение сосредотачивающимся войскам и сократить размеры плацдарма. Программой-максимум была ликвидация плацдарма. Для контрудара была создана егерская боевая группа в составе 97-й егерской дивизии и части 1-й лыжно-егерской дивизии. Она сосредотачивалась против южного фаса плацдарма. Возглавил боевую группу генерач-лейтенант фон Паппенхайм. Также в наступлении должны были участвовать оборонявшиеся по периметру плацдарма соединения XI армейского корпуса генерала фон Бюнау — 371-я пехотная дивизия, 18-я дивизия СС «Хорст Вессель». Поскольку немцы

считали датой начала операции советских войск 10 марта, контрудар предполагалось нанести в ночь на 8 марта.

Немецкое контрнаступление началось в назначенное время. Егерская боевая группа наступала на север вдоль берега Одера. 371-я пехотная дивизия наступала навстречу егерям с запада. Две ударные группировки должны были соединиться и окружить советские части в южной части плацдарма. Поначалу наступление развивалось успешно, но после трех дней боев выдохлось. Добиться окружения хотя бы части советских войск на плацдарме немцам не удалось. Было отвоевано лишь несколько километров на южном фасе плацдарма. После остановки контрнаступления немцами были перегруппированы части по периметру плацдарма. Им оставалось ждать его «вскрытия» советскими войсками.

Наступление войск 1-го Украинского фронта началось 15 марта действиями передовых батальонов 21-й и 5-й гвардейской армий из района Гротткау. Артиллерийская подготовка началась в 7.00 и продолжалась 1,5 часа. В 8.40 в наступление перешли главные силы 21-й и 4-й танковой армий. Преодолевая упорное огневое сопротивление противника и отражая неоднократные контратаки его тактических резервов, соединения армий к исходу первого дня наступления [217] прорвали две укрепленные позиции противника на 8-километровом фронте и продвинулись в глубину вражеской обороны также на 8 км.

Войска 59-й и 60-й армий, наступавшие с плацдарма севернее Ратибор в направлении Нойштадта, перешли в наступление после 80-минутной артиллерийской подготовки. Сломив сопротивление противника, они прорвали главную полосу его обороны на 12-километровом фронте и за день боев продвинулись на 6–8 км.

Сравнительно низкие темпы наступления в первый день операции объяснялись целым рядом причин. Во-первых, артиллерийской подготовкой не была полностью подавлена система обороны противника. Авиационная подготовка 15 марта вследствие плохой погоды оказалась менее интенсивной, чем планировалось. До 12.00 из-за плохой погоды советская авиация боевых вылетов не производила. Только с 12.00 по мере улучшения погоды авиация начала наносить бомбо-штурмовые удары по опорным пунктам, штабам и узлам связи противника. Однако вместо 2995 самолето-вылетов, запланированных на первый день операции,

авиация произвела лишь 1283 самолето-вылета. Во-вторых, на боевые действия неизбежно оказывала влияние весенняя распутица. В журнале боевых действий 6-го гв. механизированного корпуса отмечалось: «Местность в районе действия средне-пересеченная, открытая. Почва суглинистая и местами супесок, весеннее время сделало почву рыхлой и топкой, в результате танки могли действовать только лишь по дорогам, что лишало корпус основного элемента в наступлении — маневра на поле боя»{88}. Строить оборону направлений вдоль дорог противнику было значительно легче, чем удерживать сплошной фронт. Также в наступлении проявился «краевой эффект» — продвижение находившегося на правом фланге оппельнской группировки фронта 4-го гв. танкового корпуса в первый день операции было незначительным. Однако в целом советское наступление развивалось успешно: оборона [218] 45-й пехотной дивизии в районе Гротткау была взломана, и полки дивизии утратили связь друг с другом.

Несмотря на полученные от пленных данные о готовящемся советском наступлении, немцы явно недооценили его размах. Поэтому до начала операции ими не было накоплено резервов в непосредственной близости к советским плацдармам. Действительные масштабы советского наступления были осознаны немецким командованием только после его начала. 16 марта в журнале боевых действий штаба оперативного руководства вермахта появилась запись: «Южнее Гротткау противнику удалось вбить глубокий клин. Здесь появилась 4-я танковая армия, местопребывание которой оставалось неизвестным»{89}. «Палочкой-выручалочкой» могли стать механизированные соединения. 20-я танковая дивизия, 10-я танко-гренадерская дивизия и 19-я танковая дивизия были сняты из района Штрелена и Шведница и поспешили на помощь. Они все еще сохраняли боеспособность. На 15 марта в 20-й танковой дивизии насчитывалось 9 Pz.V «Пантера», 21 Pz.IV, 13 САУ StuGIII, 10 PanzerjaegerIV/70 и 2 FlakpanzerIV, в 10-й танко-гренадерской дивизии — 29 САУ StuGIII и StuGIV и 9 PanzerjaegerIV/70, в 19-й танковой дивизии — 17 Pz.V «Пантера», 20 Pz.IV и 11 PanzerjaegerIV/70. Не все эти дивизии по названию являлись танковыми в действительности. 10-я танко-гренадерская дивизия просела в численности до боевой группы. Само по себе название «боевая группа» обозначало временное объединение танковых, мотопехотных, саперных и артиллерийских частей под единым командованием для решения тактической задачи. Как правило, танковая, танко-гренадерская или

пехотная дивизия дробилась на две-три боевых группы. Тот факт, что дивизия стала «боевой группой», означал, что от соединения осталась половина, треть или даже меньшая доля ее состава. Другими словами, оставшихся от дивизии частей хватало только для создания одной типовой боевой группы. Для отражения советского наступления также выдвигались [219] отдельные части. Из района Штригау была переброшена 300-я бригада штурмовых орудий.

Прибытие резервов противника неизбежно осложняло обстановку на фланге оппельнской группировки 1-го Украинского фронта. В связи с этим нельзя не отметить продуманное построение Коневым правофланговой ударной группировки фронта в Верхне-Силезской операции. Два танковых и механизированный корпус шли параллельными маршрутами и в глубине обороны противника стали двигаться уступом. 4-й гв. танковый корпус и 6-й гв. механизированный корпус 4-й танковой армии действовали на внешнем фронте намечающегося окружения, 10-й гв. танковый корпус — на внутреннем. Движение уступом приводило к тому, что возможный контрудар во фланг 10-му гв. танковому корпусу в направлении с запада на восток неизбежно попадал под удар 6-го гв. механизированного корпуса, двигавшегося с севера на юг. Удар во фланг всей танковой армии оказывался под ударом с севера 4-го гв. танкового корпуса. Немцы оправдали ожидания командующего 1-м Украинским фронтом и действовали именно так, как он предполагал. Поэтому наибольшая нагрузка в операции легла на 4-й гв. танковый и 6-й гв. механизированный корпус. Они должны были предотвратить непосредственное воздействие немецких резервов на обходной маневр и отражать деблокирующие удары.

16 марта стало днем борьбы наступающих с прибывшими механизированными соединениями противника. Как это обычно происходит, резервы вводились в бой по частям. Первыми вступили в бой 19-я танковая дивизия и 10-я танко-гренадерская дивизия. Заполнить разорванный на лоскуты фронт они не могли. Поэтому 10-й гв. танковый корпус 4-й гв. танковой армии быстро нащупал брешь в построении противника и продвинулся далеко вперед, начав маневр на окружение противника. Два других корпуса оппельнской группировки 1-го Украинского фронта втянулись в бои с резервами противника. Боевая группа 10-й танко-гренадерской дивизии прикрыла город Нейсе с севера. 19-я танковая дивизия столкнулась с плотным заслоном в основании прорыва, созданным 4-м гв. танковым корпусом и

34-м гв. стрелковым [220] корпусом. 6-й гв. механизированный корпус тем временем нащупывал промежутки в восстанавливаемой обороне для прорыва на юго-запад. 16-я и 17-я гв. механизированные бригады стали обходить Нейсе с запада. Противодействие оказывали контратаки частей 10-й танко-гренадерской дивизии и артиллерия 405-го народно-артиллерийского корпуса. Интенсивность боев резко возросла. Если 15 марта 6-й гв. механизированный корпус потерял 7 человек убитыми и 18 ранеными, 16 танков сгоревшими и подбитыми, то 16 марта потери корпуса составили 149 человек убитыми и 247 ранеными, 36 танков и 2 СУ-100. Численность танков в 16-й и 17-й гв. механизированных бригадах корпуса упала до 16 машин.

17 марта стало днем метаний. В предыдущий день 10-й гв. танковый корпус успешно наступал к р. Нейсе к востоку от города Нейсе. В 3.00 ночи Д. Д. Лелюшенко приказал 6-му гв. механизированному корпусу разворачиваться вслед своему быстрее наступавшему соседу и форсировать Нейсе у Ротхауса. Однако командир корпуса мог направить к Ротхаусу только одну 16-ю гв. механизированную бригаду. 17-я гв. механизированная бригада была оставлена на захваченном в предыдущий день рубеже в качестве флангового прикрытия. В 8.20 командующий 4-й танковой армией изменил свое решение и приказал 6-му гв. механизированному корпусу захватить город Оттмахау, а 10-му гв. корпусу — город Нейсе.

10-й гв. танковый корпус в 13.00 17 марта форсировал р. Нейсе у Ротхауса силами 61-й гв. танковой бригады и развил успех на Нойштадт. 62-я гв. танковая бригада была поставлена во фланговый заслон во избежание контратак со стороны Нейсе. В тщетной попытке остановить продвижение советских танков навстречу частям 10-го танкового корпуса были брошены полицейские из Нейсе, вооруженные только легким стрелковым оружием. Это привело к немедленному уничтожению нейсенской городской полиции. Естественно, что люди, отправлявшиеся в бой с неподходящим оружием и без надежды на успех, пытались искать для себя [221] лучшей судьбы. Однако Шернер наводил порядок драконовскими мерами: дезертиры безжалостно расстреливались.

Нельзя сказать, что преодоление 10-м гв. танковым корпусом реки Нейсе прошло безболезненно. Под Ротхаусом в бою погиб командир 10-го гв. танкового корпуса полковник Н. Д. Чупров. В командование корпусом вступил генерал-майор Е. Е.

Белов — заместитель командующего 4-й танковой армией. 6-му гв. механизированному корпусу пришлось днем 17 марта пожинать последствия метаний между двумя направлениями. Камнем преткновения стал населенный пункт Штефансдорф на пути к Оттомахау. В середине дня его штурмовала 17-я гв. механизированная бригада, а во второй половине дня — возвращенная от Ротхауса 16-я гв. механизированная бригада. 17-я гв. механизированная бригада во второй половине дня оборонялась фронтом на запад — к полю сражения подтянулись передовые части 20-й танковой дивизии противника.

В разгар сражения в Верхней Силезии, 17 марта 1945 г. 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко получила звание гвардейской. Из шести существовавших на тот момент советских танковых армий армия Д. Д. Лелюшенко получила «гвардию» последней. Сформированная в 1944 г. 6-я танковая армия А. Г. Кравченко получила гвардейское звание в сентябре того же года. Сформированная практически одновременно с 4-й танковой армией 2-я танковая армия стала гвардейской в ноябре 1944 г. 1-я танковая армия М. Е. Катукова вошла в советскую гвардию в апреле 1944 г. 3-я и 5-я танковые армии носили гвардейское звание с весны 1943 г.

Присвоение гвардейского звания 4-я танковая армия отметила успехами на поле боя. Задача замыкания кольца вокруг соединений LVI танкового корпуса была успешно решена 10-й гв. танковым корпусом. В конце дня 18 марта 61-я гв. танковая бригада корпуса и 93-я отдельная танковая бригада вышли в район Бухенсдорфа, где соединились с частями 7-го гв. механизированного корпуса и 31-го танкового корпуса, наступавшими с востока. Крышка «котла» для четырех немецких дивизий захлопнулась. В окружение попали: 20-я [222] пехотная дивизия СС (1-я эстонская), 168-я и 344-я пехотные дивизии, часть сил 18-й дивизии СС «Хорст Вессель».

Ожидавшиеся И. С. Коневым контрудары уже не могли помешать замыканию кольца. Они были проведены соединениями группы армий «Центр», переброшенными с других участков фронта. Опоздание было вызвано необходимостью совершать длительные марши до выхода в район Нейсе. Уже в первый день совете кого наступления, 15 марта 1945 г., 1-я парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» получила приказ на выдвижение в новый район сосредоточения. К тому моменту дивизия была выведена с плацдарма у Мускау и

находилась на отдыхе в районе Герлица. Первые части «Германа Геринга» были выгружены из эшелонов в Оттмахау 17 марта. Дивизия получила задачу атаковать растянутый фланг «клешни» советских войск, окружавших LVI танковый и XI армейский корпуса. Исходными позициями для контрудара был район юго-восточнее города Нейсе. Однако наступление советских войск привело к нарушению сосредоточения «Германа Геринга» на исходных позициях для контрнаступления. Если бы не метания 6-го гв. механизированного корпуса между двумя направлениями 17 марта, исходные позиции для контрудара были бы просто захвачены советскими войсками.

18 марта брошенные немцами в бой резервы столкнулись с агрессивным прикрытием фланга оппельнской группировки 1-го Украинского фронта. 6-й гв. механизированный корпус наступал в юго-западном направлении. Задачей корпуса было овладение Оттмахау — той самой станцией, на которой выгружался «Герман Геринг». Ранним утром 18 марта 16-я и 17-я гв. механизированные бригады совместными усилиями захватили узел дорог Штефансдорф, который штурмовали поодиночке в предыдущий день, и продолжили наступление на Оттмахау. Однако передовые отряды корпуса были встречены засадами, и дальнейшее продвижение остановилось. Советский механизированный корпус вытянулся клином в направлении Оттмахау.

Середина дня прошла в отражении контратак прибывших частей «Германа Геринга» и 20-й танковой дивизии. 6-й [223] гв. механизированный корпус создавал непосредственную угрозу флангу «Германа Геринга» и тем самым препятствовал нанесению действенного контрудара. Сопротивление с фронта было слабым, но угроза флангу вынудила немцев остановить наступление на восток и заниматься устранением угрозы с севера. Массированным огнем 17-й гв. механизированной бригады, а также всей артиллерии 16-й гв. механизированной бригады и корпусной артиллерийской группы все контратаки частей «Германа Геринга» были отбиты. Также безуспешным было наступление 20-й танковой дивизии во фланг 6-му гв. механизированному корпусу. В отражении атак противника участвовали полученные 4-й гв. танковой армией незадолго до операции в Верхней Силезии самоходки СУ-100. Осознавая важность прикрытия фланга, командующий 4-й гв. танковой армии также направил на поддержку мехкорпуса части армейского

подчинения: 22-ю самоходно-артиллерийскую бригаду на ленд-лизовских СУ-57 и 57-й мотоциклетный батальон.

Отражением немецких контратак руководил лично командир 6-го гв. механизированного корпуса. Однако прекрасный обзор поля боя с передовой имел и оборотную сторону — риск попасть под огонь противника. Разорвавшимся на командном пункте снарядом были смертельно ранены командир 6-го гв. механизированного корпуса генерал В. Ф. Орлов, начальник разведотдела корпуса майор Чернышев и командир 17-й гв. механизированной бригады Герой Советского Союза подполковник Л. Д. Чурилов. В командование корпусом вступил начальник штаба гвардии полковник В. И. Корецкий. Несмотря на достаточно спокойное развитие событий, Верхне-Силезская операция стала для 4-й гв. танковой армии периодом потерь командного состава. Общие потери 6-го гв. механизированного корпуса за 18 марта составили 99 человек убитыми, 318 ранеными, 8 танков сожженными.

Переброшенные с других участков фронта группы армий «Центр» соединения были также введены в бой непосредственно к югу от только что сформированного «котла». В район Леобшютца выдвигался хорошо знакомый войскам 1-го [224] Украинского фронта противник — XXIV танковый корпус Неринга. Ему были подчинены 16-я и 17-я танковые дивизии, 78-я штурмовая дивизия и дивизия «Сопровождение фюрера». На 15 марта 16-я танковая дивизия насчитывала боеготовыми 14 Pz.V «Пантера» и 31 САУ «Хетцер», дивизия «Сопровождение фюрера» — 10 Pz.V «Пантера», 7 Pz.IV, 20 САУ StuGIII, 12 PanzerjaegerIV/70 и 2 FlakpanzerIV. Состояние всех этих соединений было далеко не блестящим, но сыграть свою роль в сражении они еще могли.

Однако окруженные немецкие дивизии не стали дожидаться деблокирования. Во второй половине войны ожидание помощи извне уже могло привести к фатальным последствиям. Воспоминания о судьбах уничтоженных «фестунгов» заставляли нервничать. Командир 344-й пехотной дивизии генерал Йолассе вспоминал: «Ответы на все запросы дивизии, касающиеся возможного прорыва на юг через Дойч-Расселъвиц, тормозились XXIV танковым корпусом». В 15.00 19 марта Йолассе решил «перед лицом быстро ухудшающейся ситуации действовать самостоятельно». Йолассе подписал приказ на прорыв, который был первоначально назначен на 17.00. Генерат в своих воспоминаниях настаивал, что принял решение

на прорыв самостоятельно. Прорыв начался в 19.00 того же дня. На прорыв пошли 18-я дивизия СС и 344-я пехотная дивизия. Если называть вещи своими именами, то немецкие войска к юго-западу от Оппельна (севернее позиций дивизии Йолассе) бросались этим прорывом на произвол судьбы. Они вскоре оказались в обособленном «котле» без надежды на спасение. Когда командиры соединений все меньше верили обещаниям командования о скором деблокировании, неизбежно начинал действовать принцип «каждый сам за себя».

Целью прорыва была деревня Дойч-Рассельвиц. Местность была открытая, без каких-либо естественных укрытий. В результате огонь советских орудий и минометов пробивал бреши в рядах идущих на прорыв немецких частей, перемешанных с беженцами. Отчаянный рывок проложил дорогу к спасению немногим счастливчикам. Дойч-Рассельвиц был захвачен около 22.00. В 2 км от деревни была река, но мост [225] через нее был взорван. Кто-то искал спасения вплавь, кто-то дождался, когда будет найден брод. Следующим пунктом прорыва стала деревня Хотценплоц на берегу одноименной речушки. Здесь мосты через реку тоже были предусмотрительно взорваны советскими саперами. Генерал Йолассе вспоминал: «Берег реки был превращен в сплошное грязное месиво и находился под непрерывным обстрелом артиллерии противника. Здесь мы понесли чувствительные потери. Многие машины, орудия и последние самоходки застряли в попытке пересечь Хотценплоц. Все они были взорваны и брошены». Те, кто смог прорваться через Хотценплоц, вскоре достигли позиций частей XXIV танкового корпуса.

Если угрозу с запада со стороны «Германа Геринга», 19-й и 20-й танковых дивизий удалось парировать 4-м гв. танковым и 6-м гв. механизированным корпусами, то XXIV танковый корпус Неринга вполне мог нанести сильный деблокирующий удар. Однако, не дожидаясь помощи извне, остатки окруженных войск пошли на прорыв. Поэтому XXIV танковому корпусу пришлось восстанавливать целостность фронта, в котором после окружения LVI танкового корпуса образовалась обширная брешь.

Пока окруженные немецкие части прорывались из окружения, к северо-западу от города Нейсе отражали контратаки противника, 6-й гв. механизированный корпус сам не продвигался вперед, но удержал захваченные в предыдущие дни позиции. В журнале боевых действий штаба оперативного руководства вермахта ситуация на 20 марта был обрисована следующим образом: «Войска, отрезанные между

плацдармами, отходят. Удары дивизии «Герман Геринг» не удались. Противнику удалось окончательно связать плацдармы и образовать большой плацдарм на западном берегу [Одера] «{90}.

В течение пяти дней войсками 1-го Украинского фронта была окружена и ликвидирована крупная группировка противника на западном берегу Одера. В результате этого была ликвидирована возможность флангового удара противника по войскам фронта из Верхней Силезии в ходе Берлинской [226] операции. Советское наступление также заставило немецкое командование снять сосредоточенные в районе Цобтена и Швейдница механизированные соединения и бросить их в бой в районе Нейсе. Тем самым были сорваны планы деблокирования Бреслау. 5 марта комендантом Бреслау был назначен генерал-лейтенант Герман Нихофф. Он прилетел в крепость на самолете с обещанием Шернера прорваться к окруженному городу извне. Это обещание осталось невыполненным. Потери 1-го Украинского фронта на первом этапе операции можно оценить как умеренные. Безвозвратные потери бронетехники в войсках фронта за период с 15 по 20 марта составили 259 бронеединиц (196 танков и 63 САУ){91}.

Потери техники 4-й гв. танковой армии за период 15–22 марта и их распределение по характеру повреждений показаны в таблице. Потери от авиации и от фаустпатронов в частях армии Лелюшенко в этот период отсутствовали. Это объясняется господством в воздухе советских ВВС и отсутствием уличных боев. Выход из строя по техническим неисправностям в основном падал на отработку моторесурса в метаниях по дорогам Польши и Германии. К началу операции в 4-й танковой армии было 123 танка, отработавших по 1,5–2 нормы.

Потери 4-й гв. танковой армии в период с 15 по 22 марта 1945 г. и их распределение по причинам повреждений

Тип и марка машин	Всего вышло из строя	Потеряно безвозвратно	Из числа вышедших из строя			
			От артогня	От мин	Застряло в болоте	Тех. неисправности
Т-34–85/76	220	89	161	1	50	9
ИС-2	29	7	19	—	6	4

ИСУ-122	6	2	5	—	—	1
СУ-85	6	2	2	—	2	2
СУ-100	15	4	12	—	3	—
СУ-76	12	8	12	—	—	—
Всего	288	112	211	1	61	16 [227]

Точно так же, как Восточно-Померанская операция 1-го и 2-го Белорусских фронтов, Верхне-Силезская операция проходила в условиях весенней распутицы. Это неизбежно сказывалось на потерях. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта 4-й гв. танковой армии указано, что «операция в период с 15.3 по 22.3.45 г. проходила во время весенней распутицы, движение вне дорог было невозможное даже для танков, чем объясняется большое количество застрявших танков, застрявшие танки, как правило, поражались противником»{92}.

Неудача И. Е. Петрова и ее последствия. Если наступление войск 1-го Украинского фронта проходило вполне успешно, то 4-й Украинский фронт никак не мог похвастаться сколь-нибудь весомыми достижениями. Амбициозный замысел И. Е. Петрова начал рушиться, не успев достичь даже целей первого этапа операции. Армиями на направлении главного удара командовали будущие сановники верхнего эшелона власти Советского Союза брежневской эпохи. 38-ю армию возглавлял К. С. Москаленко, 1-ю гвардейскую армию — А. А. Гречко. На вспомогательном направлении была на 70-километровом фронте развернута 18-я армия генерал-лейтенанта А. И. Гастиловича. Как и большинство советских армий на советско-германском фронте, они не могли похвастаться хорошей комплектностью стрелковых соединений. Численность личного состава стрелковых дивизий 18-й и 38-й армий колебалась от 3 до 4 тыс. человек. Только две дивизии 38-й армии имели по 5 тыс. человек. Численность стрелковых дивизий 1-й гвардейской армии колебалась от 4 до 5,5 тыс. человек.

Причины неудач были достаточно тривиальными. Во-первых, был воспринят как незыблемый срок начала операции — 10 марта. Возможно, здесь сыграл свою роль тот факт, что членом Военного совета фронта был печально известный Л. З. Мехлис. Именно его давлением можно объяснить безукоризненное выполнение указания Ставки «операцию начать не позднее 10 марта». Вследствие этого наступление

[228] началось в условиях незавершенности подготовки войск к нему. Вместо того чтобы сообщить наверх о неготовности войск к наступлению, командование фронта предпочло умолчать о возникших трудностях.

Во-вторых, против ударной группировки 4-го Украинского фронта сработал прием с отводом войск из первой траншеи. Сведения о советском наступлении просочились к немцам. Стала известна дата его начала — 10 марта. Вечером 9 марта оборонявшиеся на направлении предполагаемого удара советских войск немецкие части получили приказ на отход во вторую линию траншей. Отход был выполнен перед рассветом 10 марта. Производившийся под прикрытием начавшейся метели отвод не был замечен, и удар артиллерии пришелся практически по пустому месту. Результаты этого промаха не замедлили сказаться. Вместо прорыва на глубину 23–25 км войска армии 10 марта вклинились в оборону противника на 3–4 км на фронте 15 км. Вклинение советских войск в оборону группы Хайнрици притянуло подвижные резервы в лице 8-й танковой дивизии. На 15 марта в составе [229] 8-й танковой дивизии насчитывалось 42 Pz.IV (из них 11 исправных), 10 Pz.V «Пантера» (из них 9 исправных) и 30 Panzerjaeger.IV/70 (из них 6 исправных). К исходу 17 марта на направлении главного удара войскам 4-го Украинского фронта удалось продвинуться всего лишь на 12 км.

За очевидной неудачей как обычно последовали оргвыводы. Директивой Ставки ВГК № 11045 И. Е. Петров 25 марта был снят с должности командующего 4-го Украинского фронта с формулировкой: «за попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок»{93}. Место И. Е. Петрова занял А. И. Еременко. Несколько дней спустя был сменен начальник штаба фронта: генерала Ф. К. Корженевича сменил генерал-полковник Л. М. Сандалов.

Для вывода наступления 4-го Украинского фронта из кризиса был применен испытанный метод — перенос направления главного удара. К. С. Москаленко, командовавший 38-й армией, так описал в мемуарах свои впечатления от наблюдения за передним краем на новом направлении:

«В полутора километрах к югу от высоты находился небольшой город Зорау. Он был невелик, но являлся узлом семи шоссейных и трех железных дорог, лучами расходившихся во все стороны. Еще ближе, непосредственно у скатов высоты,

протекала небольшая речка. Ее долина до 500 м шириной представляла собой заболоченную местность с множеством искусственных прудов и прикрывала Зорау с северо-востока. Мы подошли к городу еще ближе, насколько позволяла линия фронта. Теперь от Зорау нас отделяло расстояние до 1 км. Отчетливо были видны улицы, тихие, спокойные. По ним неторопливо и так же спокойно расхаживали солдаты. Казалось, они не ожидали удара. Между тем нанести его следовало именно здесь. Тем более что к северо-востоку от Зорау виднелся лесной массив, который мог обеспечить скрытное сосредоточение войск и техники»{94}. [230]

Решение о наступлении через Зорау было одобрено еще И. Е. Петровым, но пожинать его результаты пришлось уже А. И. Еременко. Для прорыва были сосредоточены 95-й стрелковый и 126-й легкий горнострелковый корпуса 38-й армии. Каждый из них получил по танковой бригаде. Наступление на новом направлении началось 24 марта и развивалось намного успешнее, чем 10 марта. На главном направлении 95-й стрелковый и 126-й легкий горнострелковый корпуса в тот день продвинулись на глубину до 7 км, а 101-й стрелковый корпус на вспомогательном направлении — на 4 км.

Немецкое командование попыталось заткнуть образовавшийся у Зорау прорыв прибывшей по железной дороге 715-й пехотной дивизией генерала фон Рора. Дивизия прибыла из Италии, и ее солдаты и офицеры были совершенно неподготовлены к реалиям Восточного фронта. Попав под удар горнострелковых частей 38-й армии, она была разметана на части и понесла большие потери. За неудачу своей дивизии ее командир был мгновенно понижен в звании до полковника «по приказу фюрера». Также по приказу Гитлера солдаты и офицеры 715-й пехотной дивизии лишались всех наград и знаков отличия.

В течение 25–28 марта войска 4-го Украинского фронта продвигались вперед со среднесуточным темпом 4–5 км. К 28 марта они находились в 20 км от Моравской Остравы. На этом рубеже они встретили возросшее сопротивление противника и дальше продвинуться не смогли. Осознавая значимость Моравско-Остравского промышленного района, противник выдвинул на его защиту 16-ю и 19-ю танковые дивизии, 10-ю танко-гренадерскую дивизии. Сюда же выдвинулась 8-я танковая дивизия, успешно участвовавшая в отражении советского наступления 10–18 марта. Боевые действия здесь замерли до середины апреля.

Вторая фаза Верхне-Силезской операции. Поскольку 4-й Украинский фронт безнадежно застрял, после окружения и разгрома дивизий LVI танкового и XI армейского корпусов операция 1-го Украинского фронта не остановилась. Обвал фронта противника позволил выдвинуть вперед стрелковые дивизии общевойсковых армий и усилить ими механизированные [231] и танковые бригады. 6-й гв. механизированный корпус во взаимодействии с 382-й и 72-й стрелковыми дивизиями должен был наступать на город Нейсе с севера, очистить от противника северный берег реки Нейсе. Следующей задачей было наступление по северному берегу реки на Оттмахау. Задача флангового прикрытия перепоручалась 128-й стрелковой дивизии. Замыкавший окружение 10-й гв. танковый корпус разворачивался и во взаимодействии с 55-м стрелковым корпусом должен был наступать на обойденный несколько дней назад город Нейсе с юго-востока.

23 марта 6-й гв. механизированный корпус и подошедшие стрелковые дивизии решали одновременно две задачи: оборонялись фронтом на запад и наступали на юг. Лежавшая на северном берегу Нейсе часть города Нейсе была захвачена. К 20.00 23 марта на восточную окраину Нейсе вышли 10-й гв. танковый и 55-й стрелковый корпуса. У защитников города остался только один путь к бегству — на запад.

Когда-то город Нейсе был крепостью, но в 1945 г. уже был совершенно непригоден для этой роли. Как выразился командующий 17-й армией генерал Шульц, «укрепления Нейсе были пригодны для боя во времена Фридриха Великого, но не во время Второй мировой войны». Основной проблемой был недостаток и ограниченные возможности защитников. В городе Нейсе в конце января были сформированы 273-й и 274-й батальоны фольксштурма. Но их возможности были просто ничтожными. Каждый состоял из четырех рот численностью около 60 человек. В каждой роте был один станковый пулемет и до 15 фаустпатронов. Запас патронов у фольксштурмистов был около 60 штук на карабин. Кроме того, обстоятельства не позволили фольксштурму использовать преимущества боя на улицах города. 273-й батальон «фольксштурм Нейсе» был выведен из города и принял бой на открытой местности. В этих условиях исход борьбы за Нейсе был предрешен. К исходу дня 24 марта южная часть города была очищена от немецких войск силами 10-го гв. танкового и 55-го стрелкового корпусов.

После сдачи Нейсе командующий группы армий «Центр» Шернер потребовал смертного приговора его коменданту, [232] полковнику Георгу Шпарре. Нейсе, как и многие другие немецкие города, был объявлен «фестунгом» (крепостью). Шпарре сумел спасти свою жизнь только с помощью блефа, сообщив, что он является шурином рейхсляйтера Бормана. Услышав фамилию одного из высших сановников Третьего рейха, судья остановил процесс с заранее известным результатом. Поэтому, вместо того чтобы предстать перед отделением солдат с винтовками, полковник Шпарре отправился в крепость Глатц для дальнейшего разбирательства. Там он из заключенного вскоре стал военнопленным советских войск. Тем временем потребовалось гальванизировать наступление 1-го Украинского фронта в районе Ратибора. Здесь наступала 60-я армия П. А. Курочкина. В первый день наступления она продвинулась на 8 км. В мемуарах И. С. Конев писал: «Такие темпы наступления нас никак не устраивали, и я на помощь 60-й армии ввел два корпуса 4-й гвардейской танковой. Танкисты должны были нанести дополнительный удар с севера»{95}. Если быть точным, то на новое направление поначалу выводились армейские части и один из корпусов [233] армии. Утром 24 марта 10-му гв. танковому корпусу 4-й гв. танковой армии было приказано продолжать бои за южную часть Нейсе во взаимодействии с 55-м стрелковым корпусом. Корпусу Е. Е. Белова также передавался 1727-й самоходно-артиллерийский полк на СУ-100. Остальные силы армии Д. Д. Лелюшенко предполагалось вывести из района Нейсе и уже 25 марта перейти в наступление на новом направлении.

Кроме того, 4-я гв. танковая армия получила новое соединение, с которым ей предстояло завершать войну. С 24 марта 1945 г. в состав танковой армии включался 5-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора танковых войск Б. М. Скворцова. Первоначально он входил в состав 4-го Украинского фронта, но неудача в проведении наступательной операции привела к передаче корпуса в подчинение результативнее наступавшего 1-го Украинского фронта. Комплектность 5-го гв. мехкорпуса можно оценить как высокую. К моменту перехода в подчинение Д. Д. Лелюшенко мехкорпус Б. М. Скворцова насчитывал исправными 171 танк и САУ (116 Т-34–85, 17 ИС-2, 18 СУ-85, 20 СУ-76){96}. Корпус Скворцова с июня 1944 г. находился в резерве Ставки ВГК, к 7–8 февраля 1945 г. полностью укомплектован танками. Однако корпусу катастрофически не хватало автотранспорта. Командующий 4-м Украинским фронтом И. Е. Петров в феврале досадовал: «5 мк,

сосредоточившись в районе Дембицы, укомплектован полностью личным составом и танками, но не имеет автомашин — некомплект выражается в 1243 шт. 800 запланированных машин для корпуса находятся в пути и частью еще не отгружены. Доставка их в корпус запланирована к 20.02.1945 г.»{97}. Вследствие этого в бой корпус пошел только 10 марта и успел безвозвратно потерять только 35 Т-34–85. Поэтому 5-й гв. мехкорпус хорошо сохранился к моменту, когда большинство подвижных соединений 1-го Украинского фронта были основательно побиты в боях. Вводом управления, армейских частей и одного сильно потрепанного корпуса 4-й гв. танковой армии командующий [234] фронтом не столько усиливал 60-ю армию, сколько стремился повысить уровень управления войсками в районе Ратибора.

Новое соединение 4-й гв. танковой армии первым начало наступление на новом этапе операции. 5-й гв. механизированный корпус в 8.00 24 марта перешел в наступление в направлении Леобшютц — Троппау. В первый день наступления к корпусу Б. М. Скворцова присоединились только отдельные части армейского подчинения: 93-я отдельная танковая бригада и 22-я самоходно-артиллерийская бригада. Однако вместо бреши в рухнувшем фронте части 4-й гв. танковой армии встретились с обороной XXIV танкового корпуса. В результате продвижение советских войск составило всего 3–4 км.

Упорное сопротивление вместо рыхлых руин обороны на месте ликвидированного «котла» стало неприятной неожиданностью. Вывод 4-й гв. танковой армии на новое направление последовал в измененном относительно первоначального плана порядке. Первым был выведен из захваченного города Нейсе 10-й гв. танковый корпус. Корпус Е. Е. Белова был введен в бой 25 марта для наращивания удара левее 5-го гв. мехкорпуса. Но по стечению обстоятельств на запланированном направлении удара было собрано сразу несколько немецких танковых соединений, направленных к Оппельну и Ратибору как «пожарная команда»: 16-я и 17-я танковые дивизии, дивизия «Сопровождение фюрера», 254-я пехотная и 78-я штурмовая дивизии. Несмотря на то что 17-я танковая дивизия находилась в статусе «боевой группы», она могла похвастаться на 15 марта 14 PzKpfw.IV (из них 10 исправных), 23 PzKpfw.V «Пантера» (из них только 4 исправных), 19 PanzerjaegerIV/70 (из них 18 исправных) и 3 зенитных Flakpanzer.IV.

Однако немецкие резервы в 1945 г. не могли быть вездесущи. Путь к успеху лежал в прощупывании ударами новых направлений. 6-й гв. механизированный корпус

сдал позиции пехоте после двухдневной паузы. Передача корпусом позиций соединениям 21-й армии происходила в ночь на 27 марта, а уже с утра 28 марта позволила перейти в наступление. Свое решение Д. Д. Лелюшенко в своих мемуарах объяснил [235] так: «Решаю 28 марта ввести корпус в бой в направлении Штойбервитца, где враг совершенно не ожидал нашего удара»{98}. К тому моменту 6-й гв. мехкорпус насчитывал 15 Т-34 в 16-й гв. механизированной бригаде, 16 Т-34 в 17-й гв. механизированной бригаде, 9 ИС-2 в 28-м гв. тяжелом танковом полку, 17 Т-34 в 95-м отдельном мотоциклетном батальоне и 14 СУ-76 в 1433-м самоходно-артиллерийском полку. По сравнению с массой танков в мехкорпусе Скворцова оставшийся в двухбригадном составе мехкорпус Корецкого был гораздо слабее. Но даже две бригады в нужное время в нужном месте могли сыграть весомую роль. Брешь в обороне противника должна была пробить 107-я стрелковая дивизия, а 6-му гв. механизированному корпусу была поставлена задача наступать на Троппау с северо-востока. Этот удар выводил мехкорпус в тыл XXIV танковому корпусу противника. По плану части 6-го гв. мехкорпуса должны были ворваться в Троппау уже вечером 28 марта. 5-й гв. механизированный и 10-й гв. танковый корпус должны были наступать в прежнем направлении, выводившем к Троппау с севера. Тем самым войска 1-го Украинского фронта должны были образовать еще один «котел» в Верхней Силезии. [236]

Операция началась в 12.00 28 марта с наступления 107-й стрелковой дивизии и 31-го танкового корпуса. В 18.00 к нему присоединились части 6-го гв. механизированного корпуса. Наступление развивалось в целом успешно, но темпы были все же сильно ниже запланированного стремительного броска к Троппау. Подступы к лежащему на пути наступления бригад корпуса узлу дорог Штольмотц были густо заминированы, а мост через реку Цинна — взорван. Огнем из Штольмотца противник также препятствовал обходному маневру. Разминирование дорог, поиски брода и форсирование Цинны заняли время, и Штольмотц был взят 17-й механизированной бригадой к 1.00 29 марта. Оборона Штольмотца была сдана 95-му мотоциклетному батальону, а две механизированные бригады продолжили наступление.

К вечеру 29 марта 31-й танковый корпус овладел Ратибором и соединился с частями 60-й армии, наступавшими на город с востока. Следует отметить решающую роль артиллерии в боях за Ратибор. В течение нескольких дней войска 60-й армии

безуспешно пытались овладеть этим сильным узлом сопротивления противника. Тогда И. С. Конев приказал сосредоточить в районе Ратибор 17-ю артиллерийскую дивизию прорыва, только что прибывшую в состав фронта 25-ю артиллерийскую дивизию прорыва, а также большую часть войсковой артиллерии армии. Массированным огнем этой артиллерии сопротивление противника было быстро сломлено, и советские войска овладели городом.

Захватом Ратибора был надежно прикрыт левый фланг 6-го гв. механизированного корпуса. Напротив, остальные соединения 4-й гв. танковой армии пока не могли похвастаться громкими успехами. Правый фланг 10-го гв. танкового корпуса и левый фланг 5-го гв. механизированного корпуса продвинулись всего на 2 км. В 18.00 Д. Д. Лелюшенко приказал командующему 6-м гв. мехкорпусом создать подвижный отряд и выбросить его вперед для перехвата коммуникаций окружаемого противника. Отряд был создан из 95-го отдельного мотоциклетного батальона, батальона 17-й гв. мехбригады и двух танков ИС-2 28-го гв. тяжелого танкового полка. Всего в составе отряда было 14 Т-34 и 2 ИС-2. [237]

Возглавил отряд командир 17-й гв. механизированной бригады гвардии майор Бушмакин. Отряд получил приказ наступать через Ресниц на Пильтш.

Однако момент для внезапного прорыва в глубину был упущен. На направление удара 6-го гв. механизированного корпуса была переброшена дивизия «Сопровождение фюрера». Отряд Бушмакина 30 марта попал под контрудары вновь прибывших частей, потерял 10 танков и 110 человек пехоты и отступил. Две бригады 6-го гв. мехкорпуса продолжили пробиваться вперед.

В последний день марта наконец добилась некоторого успеха правофланговая ударная группировка 4-й гв. танковой армии. К утру 31 марта 61-я гв. танковая бригада 10-го гв. танкового корпуса вышла к Ресницу, а 62-я гв. танковая бригада — к Диршелю. В условиях падения численности танков в танковых бригадах части на ключевых направлениях пополнялись за счет второстепенных. Командир 61-й гв. танковой бригады вспоминал: «Когда мы к исходу дня 30 марта заняли деревню Нассидель, меня вызвал к телефону командарм гвардии генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Он сказал, что на пополнение бригады направлены подразделения из других частей 10-го гвардейского танкового корпуса, и приказал сразу же после их прибытия начать наступление и к утру 31 марта захватить деревню Рейснитц. Уже

в темноте в наше распоряжение прибыли 11 танков и самоходок и два артиллерийских полка»{99}.

Оборонявшаяся в районе Каршера группировка немецких войск оказалась в полуокружении. С фронта ее сковывали 386-я стрелковая дивизия и 22-я самоходно-артиллерийская бригада 4-й гв. танковой армии. Попытка 1-й лыжно-егерской дивизии нанести фланговый удар и пробиться на свободу через тылы 6-го гв. механизированного корпуса закончилась неудачей. В бою по отражению контрудара погиб начальник оперативного отдела 6-го гв. механизированного корпуса гвардии майор Рыбаков. [238]

1 апреля последовал последний акт драмы, ради которой 4-я гв. танковая армия была снята с берлинского направления и направлена в Верхнюю Силезию. Задачей 6-го гв. механизированного корпуса был прорыв навстречу 61-й гв. танковой бригаде в Реснице. Однако решение проблемы «в лоб» обещало только большие потери — предстояло таранить оборону дивизии «Сопровождение фюрера». В этих условиях командир 16-й гв. механизированной бригады подполковник Г. М. Щербак вышел к командиру корпуса с предложением пробиться в Ресниц по другому маршруту. Он предложил ударить там, где в предыдущий день немцы наносили контрудар. Это решение принесло успех, и части двух корпусов 4-й гв. танковой армии соединились в Реснице. В окружение попали части 1-й лыжно-егерской дивизии, 500-й штрафной батальон и часть сил дивизии «Сопровождение фюрера». Интересно отметить, что предложивший удачное решение поставленной задачи подполковник Г. М. Щербак был назначен на должность командира бригады только 29 марта. Он сменил отстраненного от должности подполковника Махно. Последний самоустранился от руководства боем и был смещен приказом командира корпуса. Г. М. Щербак до этого был начальником штаба бригады. За успешное решение поставленной задачи всему личному составу 6-го гв. механизированного корпуса была объявлена благодарность от имени командующего фронтом. Высокую оценку первым дням своего пребывания в должности командира мехкорпуса получил полковник Василий Игнатьевич Корецкий. В боевой характеристике нового командира 6-го гв. механизированного [239] корпуса было записано: «Корецкий командовал корпусом при проведении трех частных операций по овладению Нойштадт, Нейсе, Ратибор. В проведенных боях показал хорошие организаторские

способности и боевые качества. Храбр. Умеет организовать бой корпуса в сложных условиях»{100}.

В целом И. С. Конев был недоволен развитием событий в последние дни марта. Позднее он вспоминал: «Мы продолжали продвигаться, но по-прежнему крайне медленно. Изо дня в день шли упорные бои за овладение небольшими населенными пунктами, узлами дорог, высотами и высотками. Войска несли немалые потери. Это, естественно, вызывало чувство неудовлетворенности. Операция протекала явно не в том духе, не в том темпе, не на том уровне, на которые мы вправе были рассчитывать, исходя из собственного опыта, из своего недавнего боевого прошлого»{101}.

Действительно, мартовские наступления проходили тяжело. Значительно снизившаяся из-за потерь в зимние месяцы численность техники и личного состава соединений и период весенней распутицы — все это влияло на темпы операций. Спецификой Верхне-Силезской операции было то, что за спиной у противника лежали Судеты. Это ограничивало глубину ударов и соответственно число окружаемых за одну операцию соединений противника. Фактически оба окружения проходили «впритирку» к горам. В ходе Верхне-Силезской [240] наступательной операции войска левого крыла 1-го Украинского фронта овладели юго-западной частью Верхней Силезии, окружили и разгромили пять дивизий противника, а остальные его силы отбросили в предгорья Судет. Потери противника только пленными составили 18518 солдат и офицеров.

К 2 апреля в составе 6-го гв. механизированного корпуса оставалось 3 танка в 16-й гв. механизированной бригаде, 10 танков в 17-й гв. механизированной бригаде, 5 танков ИС-2 в 28-м гв. тяжелом танковом полку и 5 танков в 95-м мотоциклетном батальоне. Еще 4 машины оставалось в 49-й гв. механизированной бригаде, не участвовавшей в операции. В 61-й гв. танковой бригаде 10-го гв. танкового корпуса оставалось всего 8 танков. Общие потери армии Д. Д. Лелюшенко во второй фазе Верхне-Силезской операции показаны в таблице.

Потери танков и САУ 4-й гв. танковой армии в период с 23 марта по 2 апреля 1945 г. и их распределение по причинам повреждений

Из числа вышедших из строя

Тип и марка машин	Всего вышло из строя	Из них потеряно безвозвратно	От артогня	Застряло	От фаустпатронов	По тех. неисправностям
Т-34–85/76	255	194	201	8	36	10
ИС-2	24	14	19	—	—	5
ИСУ-122	19	8	19	—	—	—
СУ-85	12	12	9	—	3	—
СУ-100	13	5	8	—	—	5
СУ-76	44	26	38	—	4	2
СУ-57	17	7	17	—	—	—
Mk.IX/X	3	1	1	—	—	2
Всего	387	267	312	8	43	24

Большая часть потерь пришлась на 5-й гв. механизированный корпус. Как отмечалось в отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта 4-й гв. танковой армии: [241] «Высокий % машин, безвозвратно потерянных, особенно в Ратиборскую операцию, объясняется действием армии в горной местности и частично из-за недостаточного навыка в умелом маневрировании на поле боя (при действиях в горной местности) приводил к выходу танка из строя»{102}. Основным противником советских танков оставалась артиллерия (под «артиллерией» в данном случае следует понимать не только противотанковые пушки, но и орудия танков и САУ). Это объясняется тем, что противником соединений армии Д. Д. Лелюшенко были танковые дивизии противника. Они были вооружены техникой, в частности новейшими Panzerjaeger.IV/70, способной поражать все типы советских танков.

В начале апреля проводившие Верхне-Силезскую операцию три корпуса 4-й гв. танковой армии и 7-й гв. механизированный корпус выводились на пополнение и отдых перед наступлением на Берлин. В «наследство» от Верхне-Силезской операции армии Д. Д. Лелюшенко достался 5-й гв. мехкорпус. Танковая армия стала трехкорпусной. В обмен на это приобретение в Силезии остался 31-й танковый

корпус, начинавший Висло-Одерскую операцию в составе 1-го Украинского фронта, а завершавший войну в Моравско-Остравской операции в составе 4-го Украинского фронта.

Обсуждение

В марте 1945 г. действовавшие на берлинском направлении фронты провели две операции, в ходе которых наступающие войска не приближались к Берлину, а удалялись от него. В случае 1-го Белорусского фронта удалялись, наступая на север, 1-го Украинского — на юг. 2-й Белорусский фронт в завершающей стадии операции вообще наступал на восток. Схема действий советских войск в Восточной Померании и в Верхней Силезии была схожей. В том и другом случае сосед с берлинского направления оказывал содействие завязшему в наступлении на обороняющегося фронтом на восток противника. [242] В случае с Восточной Померанией неудачу потерпел 2-й Белорусский фронт — его начатое 10 февраля наступление развивалось без особых успехов. В случае с Верхней Силезией и Моравско-Остравским промышленным районом в роли отстающего оказался 4-й Украинский фронт. Для решения проблем отстающих фронтов их нацеленные на Берлин соседи были развернуты для атаки во фланг и тыл успешно оборонявшимся немецким армиям. В Восточной Померании это была 2-я армия, в Верхней Силезии — армейская группа Хайнрици. Ввод в сражение крупных сил с берлинского направления сразу же изменял обстановку в пользу советских войск. Особенно оживляло операцию участие танковых армий.

Восточно-Померанскую операцию 1-го и 2-го Белорусских фронтов можно оценить как в целом успешную. Нависавший над флангом 1-го Белорусского фронта противник был разгромлен или загнан в «лагеря вооруженных военнопленных». Напротив, мартовские наступления 1-го и 4-го Украинских фронтов при всем желании нельзя оценить однозначно положительно. Если 1-му Белорусскому фронту удалось к началу Берлинской операции выровнять линию соприкосновения с противником по Одеру от Балтики до Франкфурта-на-Одере, то 1-й Украинский фронт не имел даже плацдарма на западном берегу Нейсе. Кроме этого, на шее у И. С. Конева остался висеть балласт в лице растянутого левого крыла фронта, сожравшего две армии. Также в его ведении оставался осажденный Бреслау, поглотивший еще одну армию. Соответственно меньше сил оставалось на берлинское направление. Меньше сил осталось не только в расчете на

общевойсковые армии. Операция с успехами локального характера отрицательно сказалась на состоянии наиболее ценных механизированных соединений 1-го Украинского фронта. Прошедшие Верхне-Силезскую операцию 5-й и 7-й гвардейские механизированные корпуса вошли в битву за Берлин просто развалинами.

В условиях поражений на всех фронтах локальные успехи вызывали бурный восторг у Гитлера. Успешно оборонявшийся против 4-го Украинского фронта генерал Готтард [243] Хайнрици был обласкан фюрером. Именно он 21 марта сменил Гиммлера на посту командующего группой армий «Висла», оборонявшей берлинское направление. Однако на новой должности у него был противник куда более опытный и квалифицированный, чем И. Е. Петров и Л. З. Мехлис. Также следует помнить, что в Верхней Силезии советские и немецкие войска решали разные задачи. Немецкие войска обороняли стратегически важный промышленный район с привлечением достаточно крупных сил механизированных соединений. 1-й и 4-й Украинской фронты решали локальную задачу сокращения линии фронта.

Наступления в мартовской грязи серьезно потрепали наиболее ценные объединения 1-го Белорусского фронта — 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Обе они требовали срочного пополнения людьми и техникой. Но наиболее серьезной потерей в Восточно-Померанской операции было время. Синхронного наступления 1-го и 2-го Белорусских фронтов на Одере не получилось. Завершив разгром данцигско-гдынской группировки противника, войска 2-го Белорусского фронта в период с 4 по 15 апреля 1945 г., выполняя директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 11053, совершали комбинированный марш на 250–350 км. Когда к исходу 16 апреля войска К. К. Рокоссовского только занимали исходное положение для наступления, 1-й Белорусский фронт уже сражался за окутанные дымом Зееловские высоты. [244]

Часть третья.

На расстоянии вытянутой руки

Сражение за плацдармы. Раунд второй

Командующий 9-й немецкой армией генерал Бюссе в силу своего положения был информирован о готовящемся «Солнцестоянии». Под шумок большого контрудара

вполне можно было атаковать плацдармы с некоторой надеждой на успех. 11 февраля 1945 г. Бюссе направил в войска приказ на ликвидацию советских плацдармов с конечной целью образовать линию фронта по западному берегу Одера. В результате реорганизации 9-й армии дивизия «Курмарк» и отдельные части, противостоявшие войскам 4-го и 28-го гвардейских корпусов от Кица до Франкфурта, были переданы под управление штаба XI танкового корпуса СС. В период с 6 по 17 февраля в состав корпуса прибыли четыре полка, сформированные из унтер-офицерских школ («Кампфшуле») в Дрездене, Потсдаме, Вены-Нейштадта и Вецлара. Вечером 17 февраля в распоряжение Бюссе прибыла еще одна пехотная дивизия — 712-я, ранее действовавшая против 1-го Украинского фронта.

Однако запланированное контрнаступление 9-й армии не состоялось. Унтер-офицерским школам пришлось пойти в бой на новом участке: 12 февраля Одер форсировала 69-я армия. В 16.00 без артиллерийской подготовки части армии форсировали замерзший Одер и ворвались в Лебус, разметав растянутые по фронту части «Кампфшуле Дрезден» и перерезав железную дорогу, идущую из Франкфурта-на-Одере в Кюстрин. Было образовано два плацдарма. Первый, основной, создали части 61-го стрелкового корпуса, а второй, поменьше, [245] южнее первого — части 25-го стрелкового корпуса. Северный плацдарм образовали 247-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. Д. Мухина и 370-я стрелковая дивизия полковника П. С. Гавилевского, южный — 77-я гв. стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора В. С. Асколепова. Уже к середине дня 12 февраля на северный плацдарм было переправлено десять стрелковых батальонов, тридцать три 45-мм пушки, семнадцать 76-мм полковых пушек, тридцать 76-мм дивизионных пушек, сотня минометов, 5 танков Т-34, 1 ИС и 22 СУ-76. На южном плацдарме к середине дня 12 февраля было четыре батальона пехоты, девять 45-мм пушек, пять 76-мм полковых пушек, четырнадцать 76-мм дивизионных пушек.

Несмотря на утверждения немцев о переправе через Одер 30–50 танков, поддержка плацдармов бронетехникой была довольно скромной. На южном плацдарме танки и САУ вообще отсутствовали. На северный плацдарм к 13 февраля были переправлены 14 танков Т-34 68-й танковой бригады подполковника П. М. Бордюкова, из них 3 вскоре были подбиты. Всего в составе 68-й танковой бригады на 13 февраля было 55 танков, из них в строю — 20 Т-34 и 2 КВ-1С. Еще 33 танка бригады требовали капитального и среднего [247] ремонта{103}. Кроме того, на

плацдарм был переправлен один танк ИС из состава 33-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка полковника Н. П. Татаренко. Всего в составе полка числился 21 танк, из них в строю — 11. Один танк был на западном берегу р. Одер, 4 танка в районе переправы, 6 танков были сосредоточены в районе Третти{104}. К 16 февраля на плацдарме было 23 танка Т-34 68-й танковой бригады, 1 танк ИС 33-го тяжелого танкового полка и 20 СУ-76 двух самоходных артполков.

Далее события развивались по стандартному сценарию: немцы попытались наспех организованным контрударом сбить советские войска с нового плацдарма. Для атаки привлекалась пехота только что прибывшей «Кампфшуле Вецлар» и танки «Курмарка», высвобожденные стабилизацией обстановки на плацдарме 8-й гв. армии. Что интересно, авиационную поддержку контрудара обеспечивала эскадрилья истребителей Ме-109, а не штурмовики или бомбардировщики. Артиллерийская подготовка предусматривалась длительностью 30 минут. Начавшееся в 10.00 18 февраля наступление на Лебус после продвижения на 1,5 км остановилось под огнем советских войск. К 22 февраля на северном плацдарме находились 14 СУ-76 из 1206-го самоходно-артиллерийского полка, 12 СУ-76 из 1221-го самоходно-артиллерийского полка, 5 танков ИС-2 из 33-го тяжелого танкового полка и 19 танков из 68-й танковой бригады. Еще один захваченный советскими войсками плацдарм был сохранен.

После интенсивного обмена ударами в начале февраля сражение за плацдармы стало затихать. С 15 февраля 8-я гвардейская армия прекратила дальнейшие попытки развить наступление и закреплялась на достигнутом рубеже. Одной из причин было то, что во второй половине февраля и начале марта составлявшая ядро XI корпуса СС дивизия «Курмарк» была существенно усилена в артиллерийском отношении. На 15 февраля «Курмарк» насчитывал 4559 человек (136 офицеров, 18 чиновников, 971 унтер-офицер и 3434 рядовых, в [248] том числе 128 «хиви».){105}. Соединение имело всего один танко-гренадерский полк двухбатальонного состава. Однако «Курмарк» был усилен дивизионом 100-мм пушек, дивизионом реактивных установок, полком тяжелых зениток, двумя 280-мм железнодорожными орудиями К5. Также в этом районе действовал 404-й народно-артиллерийский корпус. Всего «Курмарк» поддерживался более чем 250 орудиями, обильно снабженными боеприпасами (что само по себе было необычно для этого периода войны). Участвовавшие в боях у Рейтвейна ветераны Первой мировой

войны сравнивали артиллерийский огонь с бомбардировкой форта Дуомон под Верденом в 1916 г.

Помимо традиционных средств борьбы, немцами было использовано против плацдармов новейшее вооружение. 1 марта 1945 г. Гитлер лично приказал полковнику Баумбаху, занимавшему в то время должность генерал-инспектора бомбардировочной авиации, нанести удары по переправам через Одер и Нейсе. Баумбах ранее командовал 200-й «секретной» [249] бомбардировочной эскадрой. 6 марта переправы были атакованы самолетами Дорнье-217 из 200-й с эскадры с помощью управляемых ракет Хеншель-293. По донесениям летчиков, им удалось поразить мост у Геритца (плацдарм 8-й гв. армии). Ранее ракеты Хеншель-293 применялись преимущественно против кораблей союзников. Одна из ракет, упавшая в воду, вызвала живейший интерес со стороны руководства советских ВВС. Последовала настойчивая просьба в адрес саперов 8-й гв. армии извлечь ракету и организовать ее доставку в Москву.

Двумя днями позже та же переправа у Герица была атакована сцепками типа «Мистель». Аэросцепки были еще одним «чудо-оружием» Третьего рейха, использованным совсем не по назначению и не оказавшим ожидавшегося влияния на ход боевых действий. Аэросцепка представляла собой скрепленные специальным кронштейном истребитель (Ме-109 или ФВ-190) и бомбардировщик Ю-88. На месте пилотской кабины Ю-88 закреплялась кумулятивная боевая часть весом 3,5 тонны, бомбардировщик не имел экипажа и управлялся пилотом истребителя. При подлете к цели самолеты расцеплялись, самолет-снаряд таранил цель, а истребитель возвращался на базу. Сцепка получила официальное наименование «Бетховен-Герат», но осталась в истории под придуманным летчиками прозвищем «Мистель» (рождественское украшение). Необычное сооружение весило около 20 тонн и могло использоваться только с бетонных взлетно-посадочных полос. Первоначально предполагалось использовать «Мистели» для ударов по английскому флоту и по советским промышленным предприятиям (операция Eisenhammer). Однако отчаянное положение на фронтах заставило использовать «Мистели» для ударов по переправам, где их кумулятивная боевая часть была совершенно бесполезна.

Атака аэросцепок на переправы на Одере была назначена на 1 марта, были подготовлены 14 «Мистелей», но из-за технических проблем и плохой погоды она

не состоялась. 8 марта 1945 г. четыре «Мистеля» поднялись в воздух. Один сразу же сорвался с управляющего самолета и рухнул в поле. [250]

На высоте 3000 м «Мистели» подошли к переправе у Герица под прикрытием истребителей и обычных бомбардировщиков, атаковавших ПВО мостов. Однако еще один «Мистель» получил попадание зенитного снаряда и, охваченный пламенем, рухнул на землю далеко от переправ. Оставшиеся два «Мистеля» расцепились в штатном режиме, но, несмотря на внушительные взрывы, существенного ущерба переправам нанесено не было. В конце марта «Мистели» снова атаковали мосты у Герица и Ной Ратштока, но результативность этих атак была невысокой. Повреждения переправ быстро устранялись советскими саперами.

Последними всполохами борьбы за плацдармы стали мартовские операции 8-й гв. армии, направленные на улучшение занимаемых позиций. 1 марта 1-й Белорусский фронт начал Восточно-Померанскую операцию и на берлинском направлении наступила пауза, которая была использована для проведения частных операций. Первой из них стало наступление с целью овладения Ратштоком и Хатеновом. Характерной особенностью плацдарма 8-й гвардейской армии было то обстоятельство, что на участке Херцерсхоф, Рейтвейн, [251] ст. Рейтвейн линия фронта делала изгиб в сторону советских войск. Глубина плацдарма в этом районе составляла всего 1,2 км. Такое начертание линии фронта удлиняло протяжение фронта армии и создавало угрозу прорыва противника к Одеру на стыке корпусов и рассечение плацдарма надвое. Поэтому В. И. Чуйков принял решение выровнять фронт на этом участке по шоссе от Лебуса на север и 25 февраля утвердил план частной операции по захвату Ратштока и Хатенова. Для проведения этой операции привлекались 57-я и 79-я гвардейские стрелковые дивизии смежных 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов, усиленных двумя самоходно-артиллерийскими полками. Наступление этих дивизий поддерживалось тридцатью артиллерийскими полками (725 орудий и минометов), что создавало среднюю плотность до 131 ствола на 1 км фронта, не считая 30 установок гвардейских минометов. Операция планировалась в лучших традициях позиционных сражений. К наступлению привлекались орудия крупных калибров, до 203-мм включительно и тяжелые РСы. В частности 57-я гв. стрелковая дивизия поддерживалась 100-й гаубичной бригадой особой мощности, вооруженной 203-мм гаубицами и дивизионом 25-й гв. минометной бригады, вооруженной реактивными установками М-31.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 3 часа 15 минут, из которых три часа должен был вестись огонь на разрушение, после чего 15-минутный огневой налет. Лидировать атаку дивизии должна была 327-я отдельная штрафная рота.

Операция началась 2 марта в 14.15, когда после артиллерийской подготовки части 57-й и 79-й гвардейских стрелковых дивизий перешли в атаку. К концу дня они полностью выполнили поставленные задачи и вышли на рубеж Херцерсхоф, Ратшток, Хатенов.

Когда 3 марта части 57-й гв. стрелковой дивизии еще очищали западную окраину Ратенова от противника, Г. К. Жуков уже поставил перед В. И. Чуйковым задачу на следующую частную операцию. 8-й гв. армии приказывалось овладеть пригородом Кюстрина — Кицем. Наступление было назначено на 6 марта, тем самым наступление армии Чуйкова [252] синхронизировалось с частной операцией соседней 5-й ударной армии по овладению другим пригородом Кюстрина — Нейштадтом.

На этот раз частная операция должна была проводиться силами 35-й и 47-й гвардейских стрелковых дивизий. Главный удар наносили два полка 35-й гв. стрелковой дивизии при поддержке 694-го легкого и 394-го тяжелого самоходных [253] артиллерийских полков. 47-я гв. стрелковая дивизия получила задачу обеспечивать левый фланг 35-й гв. стрелковой дивизии. Для артиллерийской поддержки привлекалась та же 100-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности с 203-мм Б-4. Артиллерийская плотность в наших частях достигала 141,5 артиллерийских и минометных стволов на 1 км фронта. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью в 2,5 часа. Готовность частей была установлена к 20.00 5 марта, а начало атаки намечено на 14.40 6 марта. 327-я отдельная штрафная рота также стала постоянным участником частных операций 8-й гв. армии.

Наступление предполагалось вести по стандартам Красной армии второй половины войны — штурмовыми группами. В полках первого эшелона 35-й гв. стрелковой дивизии было сформировано пять штурмовых групп в составе 40–45 человек с 1–2 орудиями каждая. Отряд 140-го гв. стрелкового полка состоял из двух штурмовых групп: одна в составе 78 человек с 5 орудиями и другая 83 человека с 7 орудиями.

Наступление началось в запланированное время. Части 47-й гв. стрелковой дивизии продвинулись на 300–400 м и залегли под сильным огнем. На направлении главного удара наступление развивалось несколько лучше, но сокрушение обороны противника шло медленно. Только в 19.00 35-й гв. стрелковой дивизии и 327-й штрафной роте удалось ворваться на южную и юго-западную окраины Кица и завязать уличные бои. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, каждый дом был превращен в крепость. Сражение на улицах Кица продолжалось несколько дней, только к 20.00 13 марта части 35-й гв. стрелковой дивизии вышли на окраины города.

Борьба за плацдармы на Одере в феврале и начале марта 1945 г. стала для обеих сторон весьма дорогостоящей. Потери и состояние соединений 5-й ударной армии в период сражения за плацдарм на Одере показаны в таблице. Для сравнения: в ходе прорыва фронта в Висло-Одерской операции (14–17 января) общие потери 5-й ударной армии составили 5564 человека или 8,4%, а в период преследования (18–31 января) еще меньше — 2229 человек, или 3,7%. [254]

Состояние и потери соединений 5-й ударной армии

Движение личного состава	9 ск			26 гв. ск			32 ск			Всего
	230 сд	248 сд	301 сд	89 гв. сд	94 гв. сд	266 сд	60 гв. сд	295 сд	416 сд	
Состояло на 31.01	7043	6793	6237	6349	6104	6929	6033	6870	5809	58167
Пополнение	25	130	394	405	533	5	696	342	1299	3829
Итого	7068	6923	6631	6754	6637	6934	6729	7212	7108	61996
Состояло на 28.02	4778	5009	5140	4783	5409	5322	5373	5334	5543	46691
Потери на 28.02	2290	1914	1491	1971	1228	1612	1356	1878	1565	15305
Потери в %	32,4	27,6	22,5	29,2	18,5	23,7	20,1	26,0	22,0	24,7

Данные приведены по ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 376, л. 48.

Общие потери 8-й гв. армии (убитые, раненые, заболевшие и пропавшие без вести) в период с 10 по 20 февраля 1945 г. составили 5459 человек{106}, с 1 по 10 марта — 3400 человек{107}, с 10 по 20 марта 3757 человек{108}. Данные по потерям армии В. И. Чуйкова с 21 по 28 февраля автору обнаружить не удалось, однако существенного изменения численности стрелковых дивизий в этот период не произошло. Следует также отметить, что в эти цифры входят потери 29-го гв. стрелкового корпуса 8-й армии в сражении за Познань. Например, в период с 10 по 20 марта наибольшие потери понесли 74-я (835 человек) и 88-я (894 человека) гвардейские стрелковые дивизии, а потери 35-й гвардейской стрелковой дивизии на улицах Кица в тот же период составили 726 человек.

Потери 69-й армии в боях за плацдармы на Одере были умеренными. В период с 10 по 28 февраля 1945 г. 77-я гв. стрелковая дивизия потеряла 564 человека (163 убитыми, 359 [255] ранеными и 51 заболевшими), 247-я стрелковая дивизия — 919 человек (231 убитыми, 612 ранеными, 3 пропавшими без вести, 15 небоевые потери и 58 заболевшими), 370-я стрелковая дивизия — 1051 человек (237 убитыми, 774 ранеными и 40 заболевшими){109}. Общие потери 69-й армии в период с 10 по 28 февраля (включая бои за Познань) составили 5962 человека (1531 убитыми, 3854 ранеными, 10 пропавшими без вести, 30 небоевые потери, 537 заболевшими).

Для немцев атаки плацдармов стали сражением на истощение. К середине марта большая часть дивизий 9-й армии просела до боевой численности 4 тыс. человек. 712-я пехотная дивизия и танко-гренадерская дивизия «Курмарк» потеряли 2000 человек с 6 февраля до 11 марта. Согласно данным, приведенным в журнале боевых действий группы армий «Висла», с 1 февраля по 15 марта 9-я армия потеряла 3977 человек убитыми, 18848 человек ранеными и 12550 человек пропавшими без вести{110}. Особенно ярко эти цифры смотрятся на фоне общей численности 9-й армии, которая составляла 50516 человек на 11 марта 1945 г. Полученное армией Бюссе с 1 февраля по 15 марта пополнение в количестве 9990 человек не покрывало и трети понесенных потерь.

Фронт в нескольких десятках километров от Берлина стабилизировался. Близость фронта к столице сделала командные пункты войск на Одере местом паломничества для высшего руководства Третьего рейха. Один за другим их посетили гросс-

адмирал Дениц, рейхсмаршал Геринг, рейхсфюрер Гиммлер и командующие другими группами армий. 3 марта 1945 г., к всеобщему удивлению, на Одерский фронт прибыл Гитлер. Это был его второй и последний выезд на фронт. Сначала Гитлер приказал отвезти себя на командный пункт CI армейского корпуса в Харнекоп. Здесь в старом замке Хезелер он выслушал доклад генерала Берлина об обстановке. Затем он посетил командные пункты 309-й и 303-й пехотных дивизий. Для войск сам факт визита фюрера на [256] фронт был моральной поддержкой в безвыходной ситуации, но на видевших его вблизи сгорбленная фигура и постоянно трясущаяся рука произвели тягостное впечатление.

Один из офицеров, видевших его в тот период, писал: «Его голова слегка тряслась, и это поразило меня больше всего. Левая рука безжизненно висела вдоль туловища, и левая ладонь дрожала мелкой дрожью. Двигался он как очень больной и дряхлый старик. Лицо говорило о крайнем утомлении и полном изнеможении, лишь глаза горели внутренним нестерпимым огнем, который моментально настораживал и казался почти неестественным; взгляд был пронизывающим»{111}.

Кюстрин. Индустриальная крепость

Кюстрин был одной из старейших крепостей Германии. Строительство укреплений было начато при Хане фон Кюстрине, сорегенте и брате курфюрста Бранденбурга Иоахима Хектора в 1536 году. Целью постройки было получить контроль над местом слияния рек Одера и Варты. Построенная крепость Кюстрин считалась неприступной, но в ходе Тридцатилетней войны ее на прочность не проверяли. Впервые крепость участвовала в боях в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. В начале августа 1758 г. русские войска осадили Кюстрин, но, узнав о подходе армии Фридриха II, командующий осаждающей армией генерал-аншеф В. В. Фермор отвел свои части от крепости. Через несколько дней (14 августа 1758 г.) состоялось сражение при Цорндорфе, самое кровопролитное в ходе Семилетней войны. В целом осаду Кюстрина в Семилетнюю войну можно назвать безуспешной. В эпоху наполеоновских войн крепость дала пример как быстрой сдачи, так и длительной осады. 1 ноября 1806 г. после победы под Йеной французы подошли к Кюстрину силами четырех рот пехоты без артиллерии, и командир этого ничтожного [257] отряда потребовал капитуляции крепости. Деморализация прусской армии была

такова, что крепость Кюстрин капитулировала по первому требованию с 4 тысячами прекрасно вооруженного гарнизона, с отличной артиллерией, с громадными складами провианта. Несколько лет спустя, когда крепость сменила хозяина, осада Кюстрина продолжалась с 24 февраля (8 марта) 1813 г. до 21 февраля (5 марта) 1814 г. В 1813 г. Кюстрин, оборонявшийся французским гарнизоном генерала Форнье, блокировали войска Воронцова и Капцевича. После перемирия их сменил прусский ландвер, которому французы в итоге сдали крепость после почти годичной осады.

В XX столетии Кюстрину суждено было сыграть роль импровизированной крепости нового времени, опирающейся не на бастионы и форты, а на приспособленные для обороны каменные и железобетонные постройки промышленного города. В 1940-х годах географическое положение Кюстрина как узла коммуникаций сохранилось и даже возросло. В нем сходились семь железных дорог, через Кюстрин проходила «Рейхсштрассе № 1» на Берлин. Кюстрин также был крупным индустриальным центром. Город расположен на низменности и реками Одером и Вартой делится на три части: Нейштадт (Neustadt — новый город), Альтштадт (Altstadt — старый город) и пригород Киц. Нейштадт — самая крупная часть города, где проживала основная масса населения и было сосредоточено большинство предприятий и административных учреждений. Наличие большого количества каменных построек с массивными (толщиной до 1 м) стенами и полуподвальными помещениями позволяло создать здесь прочную оборону. Нейштадт был наиболее уязвим с севера, так как к городу подходил лесной массив, позволявший наступающему скрытно выйти на ближние подступы к городским кварталам. К западу от города тянулась абсолютно ровная и открытая местность. Южные и юго-восточные окраины города были прикрыты болотистой долиной р. Варта, крайне ограничивавшей наступательные возможности войск. От крепости Нейштадт был отделен р. Варта, точнее каналом Фридрих Вильгельме, ширина которого в пределах города [258] достигала 70 м, а глубина 1,4 м. Первоначально Варта огибала южную часть старого города, но затем был прорыт канал и в старом русле образовался Одер-Инзель (Одерский остров), на котором располагались артиллерийские склады. Через Варту имелось два железнодорожных моста и один автогужевой, по которым гарнизон Нейштадта имел возможность сообщаться с крепостью. Основная часть крепости располагалась в Альтштадте, но помимо

главного крепостного сооружения она имела форты, вынесенные на 5–10 км от ее центра. Один форт находился на левом берегу Одера, два на Одер-Инзель и один в Нейштадте, непосредственно севернее железнодорожной станции. В сущности, Кюстрин был микрокосмом Германии середины XX столетия: старые милитаристские традиции сочетались с мощной индустриальной базой.

Значение Кюстрина как фортификационного сооружения специальной постройки было к 1945 г. утрачено. В последний день января, когда передовые части советских войск попытались войти в Нейштадт, Кюстрин был совершенно неподготовлен к роли крепости, уготованной ему Гитлером. От немедленного захвата он был спасен выгружавшимся на станции Кюстрин артиллерийским полком 25-й танко-гренадерской дивизии. В феврале оборона города постоянно совершенствовалась, прежде всего за счет полевой фортификации. Военный гарнизон города занимал позиции по периметру Нейштадта. К концу февраля оборона Нейштадта включала в себя две позиции глубиной до 3 км. Первая позиция имела три траншеи, расположенные на глубине до 1,5 км, и прикрывала подступы к городу с севера и северо-востока. Вторая позиция, состоявшая из одной траншеи, проходила по окраине города, связывая в цепочку подготовленные к обороне здания. Кюстринский фольксштурм оборудовал позиции в старой крепости.

К концу февраля 1945 г. общая численность гарнизона Кюстрина, по оценке советских разведчиков, составляла около 16 800 человек, включая зенитчиков и полицейских. Из этого числа «активными штыками» могло считаться около 10 тыс. человек, включая 900 человек местного фольксштурма. [259] После захвата города по трофейным немецким документам была установлена численность группировки в Кюстрине (боевые части) к 6 марта 1945 г. в 9570 человек. Эта цифра совпадает с имеющимися немецкими данными. Командир XI корпуса СС Клейнстеркамп, в ведении которого находился Кюстрин, в своем отчете по итогам боев оценивал состав защитников города так: «Численность крепостного гарнизона составляла на 3 марта, без учета гражданского населения, 16 800 голов, стоящих на довольствии, боевая численность округленно 10000 голов»{112}. Клейнстеркамп в документе употребил именно термин «голов» (Koepfen), хотя нам этот термин может резать слух. Три пятых гарнизона располагались на позициях в Нейштадте. По советским данным, гарнизон Нейштадта насчитывал в своем составе до 7 тыс. человек, 280 пулеметов, 50 минометов, 90 орудий калибра 77 мм и выше, 10 шестиствольных

минометов и 25 штурмовых орудий. Клейнстеркамп оценивал «боевую численность» гарнизона Нейштадта в 6000 «голов». Население города в течение 19–26 февраля было эвакуировано, за исключением мужчин, способных держать в руках оружие и мобилизованных в фольксштурм.

Следует отметить, что, помимо артиллерии гарнизона, подступы к Кюстрину и Нейштадту находились в сфере действия артиллерии с западного берега Одера. Командир XI танкового корпуса указы вал: «Положение крепости осложняется [260] недостатком собственной артиллерии. Он частично восполняется поддержкою корпусной артиллерии извне. Офицеры связи и передовые наблюдатели со средствами связи были для этой цели откомандированы в крепость. В боях за крепость участвуют 105 стволов»{113}.

Руководил обороной Нейштадта полковник полевой жандармерии Франц Вальтер. Комендантом Кюстрина со 2 февраля 1945 г. был 41-летний генерал-лейтенант войск СС Хайнц-Фридрих Рейнефарт, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями. Несмотря на то что он был первым среди эсэсовцев награжден Рыцарским крестом, Рейнефарт был более известен своей жестокостью при подавлении Варшавского восстания в августе — сентябре 1944 г. Гудериан характеризовал его так: «Комендантом крепости, укрепления которой были сооружены еще во времена Фридриха Великого, был Рейнефарт, когда-то начальник полиции Варшавы, хороший полицейский чиновник, но отнюдь не генерал»{114}.

Удержание Кюстрина не было актом упрямства или следствием простого страха перед гневом Гитлера. В своем отчете о боях за крепость Клейнстеркамп описал цели гарнизона так: «Задача вести борьбу в крепости Кюстрин была поставлена приказом по 9-й армии от 12.2.1945. В этом боевом приказе было предписано, что бои следует вести таким образом, чтобы сохранить опору на Одер и чтобы даже последняя из сражающихся групп была бы в состоянии воспрепятствовать строительству переправ через реку. После тактического подчинения крепости XI ТК СС 17 февраля, задачи крепости Кюстрин были еще раз подчеркнуты в приказе по корпусу. 20 февраля крепости было указано на предстоящую большую атаку и ожидаемую сильную огневую подготовку. В целях выполнения задачи было еще раз подчеркнуто, что защита прилегающей к крепости территории имеет целью предотвратить советский доступ к мостам через Варте и Одер и что активным ведением борьбы следует нарушать сообщения неприятеля через Одер в сфере

действия тяжелого [262] оружия»{115}. Как это часто происходит, борьба шла за коммуникации — немецкое командование стремилось уменьшить пропускную способность переправ, по которым шло снабжение советских войск на одерских плацдармах.

Первым этапом сражения за Кюстрин стали бои за овладение Нейштадтом. Выполнение этой задачи должно было стать начальным этапом операции по овладению городом и крепостью Кюстрин. К операции привлекались 295-я и 416-я стрелковые дивизии 32-го стрелкового корпуса генерала Д. С. Жеребина. По плану командующего 5-й ударной армии предполагалось в течение одного дня коротким ударом овладеть Нейштадтом и полностью очистить от противника северо-восточный берег р. Варта. В дальнейшем корпус должен был форсировать р. Варта и овладеть крепостью Кюстрин. [263]

Задачу, стоявшую перед 32-м стрелковым корпусом, нельзя назвать тривиальной. Ему предстояло взять крепость, гарнизон которой был вполне сравним по численности с силами штурмующих. По состоянию на 5 марта 1945 г. в составе 295-й стрелковой дивизии насчитывалось 5323 человека, в двух полках 416-й стрелковой дивизии — 3300 человек и в составе 123, 213 и 360-й отдельных армейских штрафных рот — 311 человек. Соотношение сил по батальонам пехоты между штурмующими и гарнизоном Нейштадта было 1,3:1 в пользу советских войск.

Основной идеей спланированного в штабе Н. Э. Берзарина наступления была концентрация основных сил осаждавшей Нейштадт 295-й стрелковой дивизии А. П. Дорофеева на правом фланге соединения. Взламывать оборону противника предполагалось на фронте 2,2 км двумя стрелковыми полками с последующим прорывом в направлении железнодорожных мостов через р. Варта с целью их захвата и изоляции гарнизона Нейштадта от основных сил 9-й армии. Оставшийся стрелковый полк 295-й дивизии заполнял 5 км периметра обороны Нейштадта и решал задачу сковывания противника атакой локального характера. Два полка 416-й стрелковой дивизии предполагалось использовать для развития успеха и очистки города от остатков неприятельских войск. Ее 1374-й и 1368-й стрелковые полки располагались во втором эшелоне в районе 0,5–2 км севернее Альт-Древиц.

В целях отвлечения внимания и сил обороняющегося от направления главного удара Н. Э. Берзарин приказал в ночь перед атакой высадить десант у южной

окраины Кюстрина, а за два часа до начала общей атаки произвести ложную атаку и артиллерийский налет в районе Варника. Сложная задача проведения ложной атаки возлагалась на 123, 360 и 213-ю отдельные армейские штрафные роты 5-й ударной армии. Командовали ротами капитаны И. И. Мишунин, П. И. Гройсер и В. С. Вишняков соответственно. Все они имели боевой опыт с 1941 г. Наиболее опытным был капитан П. И. Мишунин, он имел командный стаж в штрафных частях с декабря 1942 г., был награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. Капитан П. И. Гройсер командовал штрафниками [264] с апреля 1944 г. Он был выпускником Куйбышевского воздушно-десантного училища, был награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. В. С. Вишняков был новичком в роли командира штрафной роты — его назначили ее командиром только в январе 1945 г. Однако в его характеристике перед назначением отмечалось: «Капитан Вишняков обладает большим боевым опытом»{116}.

Наиболее сильными аргументами наступающего при примерном равенстве в численности личного состава были технические средства борьбы: артиллерия, бронетехника и авиация. Для проведения операции 32-му корпусу придавались 10 артиллерийских полков, 50 установок гвардейских минометов, один тяжелый танковый полк, один инженерно-танковый полк, батальон ранцевых огнеметов и один инженерно-саперный штурмовой батальон. Учитывая трудности преодоления обороны в городе, для штурма Нейштадта помимо 122-мм гаубиц, 152-мм гаубиц и гаубиц-пушек привлекалась тяжелая артиллерия: 32-й отдельный артиллерийский дивизион (шесть 280-мм мортир), 124-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности (восемнадцать 203-мм гаубиц). В отличие от штурмовавшего Арнсвальде на вспомогательном направлении 80-го стрелкового корпуса, у 32-го стрелкового корпуса с самого начала была тяжелая артиллерия. Помимо тяжелой артиллерии корпусу был придан дивизион 21-й минометной бригады в составе восьми 160-мм минометов. Артиллерийская подготовка планировалась длительностью 40 минут. По штатам 1945 г. в каждой стрелковой дивизии был отдельный самоходно-артиллерийский дивизион на СУ-76. В 295-й стрелковой дивизии было 7 СУ-76, в 416-й стрелковой дивизии — 8 СУ-76. В роли танков непосредственной поддержки пехоты в наступлении 32-го стрелкового корпуса выступали 89-й тяжелый танковый полк (8 танков ИС) и 92-й танковый полк (19 танков Т-34). Из этого числа 2 ИС и 4 Т-34 придавались 1038-му полку и 5 ИС, 10

Т-34–1040-му полку, находившимся в первом эшелоне. Поддержку с воздуха наступлению на Нейштадт должны [265] были оказывать 3-й бомбардировочный авиакорпус, 13-й истребительный авиакорпус, 300-я штурмовая авиадивизия и 242-я авиадивизия ночных бомбардировщиков (По-2).

Техника боя пехоты в операции соответствовала требованиям 1945 г. Для блокировки и штурма долговременных огневых точек противника и отдельных зданий, приспособленных к обороне, в каждом стрелковом батальоне было сформировано в среднем по две штурмовые группы в составе стрелковой роты (30–40 человек), усиленной саперами, огнеметчиками, двумя 45-мм, двумя 76-мм орудиями, одним танком ИС-2 и двумя танками Т-34. В 295-й стрелковой дивизии было создано 15 штурмовых групп (в 1038-м полку — 4, в 1040-м полку — 5, в 1042-м полку — 6). Эти группы прошли специальную подготовку. Корпусу было подвезено 3500 бутылок с горючей смесью, причем 25% из них было выделено в штурмовые группы для использования в уличных боях. В каждую штурмовую группу было включено одно-два отделения ранцевых огнеметов. Также был организован сбор трофейных фаустпатронов и обучение личного состава их применению. Разумеется, фаустпатроны предполагалось использовать не в качестве средства борьбы с бронетехникой, а в качестве инженерных боеприпасов, способных кумулятивной струей пробивать стены. Всего в качестве гранатометчиков в корпусе было подготовлено 590 человек. Особая роль отводилась штурмовой группе 1042-го полка, подготовленной в качестве лодочного десанта. В нее были отобраны 60 наиболее опытных солдат, сержантов и офицеров. Группа должна была на 12 рыбачьих лодках пройти по Варте до южной окраины Нейштадта и создать видимость высадки крупных сил.

Именно лодочный десант начал наступление на Нейштадт перед рассветом 6 марта 1945 г. В 4.00 десант, погрузившись на лодки, спустился вниз по течению реки Варта до ее слияния с Альте-Варте (Старой Варты). Десант был обнаружен, и по нему открыли огонь несколько пулеметов и зенитное орудие. Две лодки были потоплены. После часовой перестрелки десант был вынужден высадиться на левом берегу Варты (противоположном Нейштадту) и к концу дня [266] возвратился на исходные позиции. Вторым этапом отвлекающих действий стала атака штрафных рот в районе Варника. Местность здесь была открытой, и для сближения с противником использовались дымы, для чего привлекались роты химзащиты 295-й

и 416-й стрелковых дивизий. В 9.20 6 марта после 20-минутной артиллерийской подготовки все три штрафные роты, приданные корпусу (123, 360 и 213-я), атаковали противника с юго-западной окраины Варника. Сильным огнем противника, в том числе несколькими залпами реактивных минометов, роты были прижаты к земле. Дальнейшие попытки штрафников овладеть первой траншеей противника были безуспешными.

Ввиду того что из-за низкой облачности авиация не могла поддерживать наступление 32-го стрелкового корпуса, командующий 5-й ударной армии принял решение отложить наступление главных сил на следующий день. 7 марта погода действительно улучшилась, и в 11.00 штурмовики и бомбардировщики нанесли удары по целям в г. Кюстрин. В 11.20 после 20-минутной артиллерийской подготовки один батальон 1042-го стрелкового полка и три штрафные роты вновь перешли в наступление в районе Варника. На этот раз действия штрафников были более успешными, и после трехчасового боя 123-я и 360-я роты прочно закрепились в первой траншее противника. В 13.00 началась артиллерийская подготовка на направлении главного удара. За 10 минут до ее окончания вдоль Варты была поставлена дымовая завеса, прикрывшая наступающие части от артиллерийских наблюдателей на левом берегу Одера.

В 13.40 подразделения 1038-го и 1040-го стрелковых полков совместно с танками пошли в атаку. К 16.00 они овладели первой и частично второй траншеями, завязав бои в северо-западной части Нейштадта. Для развития наметившегося успеха в стык между полками были введены два полка 416-й стрелковой дивизии. В ходе дневного боя части 32-го корпуса прорвали оборону противника на фронте 2,5 км и продвинулись вперед от 1 до 2 км, овладев первой и второй траншеей. Однако задача первого дня наступления выполнена не была — противник удерживал мосты и пути подхода к ним. [267]

Ход боя 7 марта показал, что огонь артиллерии на уничтожение огневых точек в каменных зданиях с закрытых огневых позиций неэффективен, поэтому в ночь на 8 марта по приказу командира корпуса значительное число орудий крупных калибров (в том числе несколько 203-мм гаубиц Б-4) было выдвинуто для стрельбы прямой наводкой. В 9.00 8 марта после 10-минутного огневого налета части корпуса возобновили наступление. В результате наступательных действий 8 марта 1368-й стрелковый полк вышел к южному железнодорожному мосту и автогужевому мосту,

1040-й полк захватил железнодорожную станцию Кюстрин. Одновременно 1040-й полк после захвата станции провел наступление на соединение с 1042-м полком, точнее со штрафными ротами, ворвавшимися в квартал на юго-востоке Кюстрина.

С немецкой стороны эти события выглядели следующим образом: «Вследствие слабости блокирующих прорыв сил в районе вклинения и неудачной контратаки силами одного батальона, противнику удалось отрезать гарнизон в Нейштадт от реки Варте и расчленить его на отдельные группы. Это положение было крепостью Кюстрин лишь вечером во всей полноте осознано и доложено по команде»{117}. В итоге боев днем 8 марта и в ночь на 9 марта защитники крепости были рассечены на три изолированные группы. Наиболее многочисленная группа была окружена на восточной окраине Нейштадта. Однако попытки частей 295-й стрелковой дивизии с ходу захватить мосты и форсировать Варту успеха не имели. 10 марта мосты через Варту были взорваны немцами.

С точки зрения немецкого командования, одной из главных причин поражения была потеря управления. Клейстеркампф в своем отчете сетовал: «Из-за быстрого выхода из строя командования на участке Нейштадт, однако, исчезла необходимая для основной задачи согласованность в боях в отдельных местах. Только этим можно объяснить, что противнику относительно быстро удалось подойти к мостам через Варту, в то время когда основная масса гарнизона Нейштадта еще находилась в его северо-восточной части. Комендант [268] Нейштадта, полковник полевой жандармерии Вальтер, который из-за своего возраста и своей тактической подготовки казался для выполнения возложенных на него задач лишь ограниченно годным, был объявлен комендантом крепости. Полковник Вальтер был в свое время назначен выполнять эти обязанности лично комендантом крепости (Кюстрин, т.е. Рейнефартом. — *А. И.*)» {118}. Будучи сам полицейским, Рейнефарт предпочел назначить коллегу по ведомству. Однако престарелый полковник не обладал необходимыми знаниями и навыками для обороны крепости нового времени. Теперь, отрезанные от основных сил XI корпуса СС, защитники Нейштадта были обречены.

В течение 9, 10 и 11 марта части 32-го стрелкового корпуса вели уличные бои с окруженной группировкой противника. К исходу 11 марта в руках обороняющихся остались только форт и казармы Штольпнагель. Около 4.00 12 марта окруженными была предпринята отчаянная попытка прорыва на юг вдоль железной дороги

Нейштадт — Цорндорф. Ответом на попытку прорыва стали залпы советской артиллерии, пробивавшие большие бреши в цепях прорывающихся. В 5.00 12 марта после мощного огневого налета был начат штурм последнего очага сопротивления противника, и к 11.00 штурмующие ворвались в расположение казарм. К концу дня был также ликвидирован последний очаг сопротивления в Нейштадт-форт. В ходе боев за Нейштадт было захвачено 3584 человека пленных. Потери противника убитыми оценивались в 3500 человек. Потери штурмующих можно оценить как умеренные. Численность личного состава 295-й стрелковой дивизии снизилась к 13 марта до 4779 человек (перед началом штурма Нейштадта в дивизии числилось 5323 человека), 416-й стрелковой дивизии с 5543 человек на 28 февраля до 5082 человек на 13 марта{119}.

Штурм Нейштадта стал своего рода генеральной репетицией уличных боев в Берлине. Именно здесь войска 5-й ударной армии столкнулись с опирающейся на переоборудованные [269] в мини-форты жилые и промышленные здания обороной, насыщенной ручным противотанковым оружием — фаустпатронами.

Последним этапом боев за Кюстрин стало объединение плацдармов 5-й ударной и 8-й гвардейской армий. После захвата Нейштадта части 32-го корпуса оказались перед взорванными мостами через Варту. По левому берегу реки в 100–150 м от уреза воды шла прерывчатая траншея, а каменные здания на берегу были превращены в пулеметные гнезда. Все зеркало реки и оба ее берега простреливались. Захваченный 10 марта 30 бойцами из 2-го батальона 1038-го полка плацдарм в районе северного железнодорожного моста пришлось эвакуировать 11 марта. Понимая бесплодность попыток овладения Альтштадтом в лоб с форсированием водной преграды, советское командование перенесло направление главного удара 32-го стрелкового корпуса на левый берег Одера.

По овладении 5-й ударной армией Нейштадтом и 8-й гвардейской армией Кицем Г. К. Жуков директивой от 13 марта № 00431/оп поставил перед обеими армиями задачу расширения и объединения плацдармов на левом берегу Одера ударом по сходящимся направлениям. Командующему 5-й ударной армией было приказано силами тех же 295-й и 416-й стрелковых дивизий утром 20 марта перейти в наступление и прорвать оборону противника на участке от Геншмара до Альт-Блейэна. Нанося главный удар на Гольцов и вспомогательный из района Альт-Блейэн на Горгаст, армия должна была овладеть районом Геншмар, Гольцов,

Кубрюккен форштадт. Дивизии 32-го корпуса должны были поддерживаться участвовавшими в штурме Нейштадта 89-м тяжелым танковым полком, 124-й артиллерийской бригадой большой мощности (203-мм гаубицы Б-4), 32-м артиллерийским дивизионом особой мощности (280-мм мортиры Бр-2). Для выполнения поставленной задачи армии дополнительно придавались: вновь прибывшая 67-я тяжелая танковая бригада, 220-я танковая бригада, 14-я артиллерийская дивизия прорыва РГК и 5-й дивизион гвардейских минометов М-31. [270]

Командующему 8-й гвардейской армией была поставлена задача силами 4-го гв. стрелкового корпуса утром 20 марта перейти в наступление и прорвать оборону противника на участке от станции Горгаст до Ратштока. Главный удар силами 47-й и 57-й гвардейских стрелковых дивизий армия должна была наносить на Гольцов, а вспомогательный одним стрелковым полком 35-й гвардейской стрелковой дивизии — из района Киц в северо-западном направлении. По овладении районом крепость Кюстрин, Горгаст, Гольцов, Альт-Тухебальд войска армии имели задачу закрепиться на рубеже Гольцов, Альт Тухебанд, Хатенов. Наступающие соединения усиливались 20-й танковой бригадой, 259-м танковым полком, 34-м и 50-м гвардейскими тяжелыми танковыми полками (ИС-2), 1087-м самоходным артполком (СУ-76), 29-й артиллерийской дивизией прорыва РГК, 100-й гаубичной артиллерийской бригадой большой мощности (203-мм Б-4), 295-м и 1091-м пушечными артиллерийскими полками и 38-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой.

Сокрушение обороны противника предполагалось осуществить сосредоточенным ударом танков и артиллерии:

«На участках дивизий, наносящих главный удар, иметь:

— 5-й ударной армии — 100 танков и самоходных орудий и плотность артиллерии 190 стволов на 1 км. фронта.

— 8-й гв. армии — 100 танков и самоходных орудий и 200 стволов на 1 км фронта»{120}.

На направлении главного удара 8-й гв. армии участок прорыва не превышал 3 км. На этом пространстве был сосредоточен 641 ствол артиллерии и минометов, не считая гвардейских минометов, и 162 танка и САУ, что давало в среднем плотность 212 стволов и 54 бронеединицы на 1 км фронта.

16-я воздушная армия имела задачу действиями истребителей прикрыть наступление войск 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в районе Каленциг, Геншмар, Гольцов, Хатенов, Рейтвейн, Кюстрин и всеми силами штурмовой [271] авиации поддержать наступление войск из расчета по 50% имевшихся штурмовиков на каждую армию. Начало наступления первоначально было назначено на 20 марта, но затем сместилось на 22 марта вследствие прибытия дополнительных средств усиления. К 21 марта прибыли дополнительно приданные армиям части усиления: в 5-ю ударную армию — 4-я гв. истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (вернувшаяся из Померании), 37-й гвардейский минометный полки 5-я гвардейская минометная дивизия (16, 22, 23-я бригады); в 8-ю гвардейскую армию — 25-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и 59-й гвардейский минометный полк.

Жуков предполагал возможность немецкого контрнаступления и оговорил в директиве № 00431/оп соответствующие контрмеры: «Учитывая возможность контратаки пехоты и танков противника, иметь в резерве: за правым флангом ударной группы 5-й ударной армии и за левым флангом ударной группы 8-й гв. армии по одной иптабр и подвижный резерв противотанковых и противопехотных мин»{121}.

При планировании операции по объединению плацдармов использовалось выгодное, охватывающее положение 5-й ударной и 8-й гвардейской армий по отношению к противнику. В результате двух ударов обеих армий, сходившихся в районе Гольцов, не только объединялись плацдармы обеих армий, но и ликвидировалась вся кюстринская группировка противника, находившаяся восточнее Горгаста. Высвободившиеся в результате штурма Нейштадта основные силы 32-го стрелкового корпуса теперь усиливали группировку 5-й ударной армии на левом фланге плацдарма. Основные силы немецкой 9-й армии связывал с Кюстрином узкий коридор, который немцы называли «трубопровод». Он был образован 21-й танковой дивизией, оборонялся 25-й танко-гренадерской дивизией, а незадолго до советского наступления был передан 303-й пехотной дивизии и частям дивизии «Мюнхеберг». [272]

В 8.15 22 марта обе армии начали артиллерийскую подготовку, а в 9.15 после бомбоштурмовых ударов авиации по артиллерийским позициям и опорным пунктам в глубине неприятельской обороны пехота при поддержке танков и самоходных

орудий перешла в наступление. К 20.00 35-я гв. стрелковая дивизия продвинулась на 250–300 м, 47-й гв. стрелковой дивизией был захвачен Горгаст, 57-я гв. стрелковая дивизия вела бои за Альт-Тухебальд. Части 5-й ударной армии вышли к р. Штром и потеснили 309-ю пехотную дивизию в районе Геншмара. К исходу дня части 295-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии и 47-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии установили непосредственную связь в районе моста «Форстер» через р. Штром, 750 м севернее Горгаста, и выполнили задачу по объединению плацдармов. Группировка противника, оставшаяся в кюстринском выступе, была окружена к востоку от Горгаста. Помимо остатков гарнизона Кюстрина в окружение попали 303-й фузилерный батальон и три батальона из состава 1-го и 2-го танко-гренадерских полков танковой дивизии «Мюнхеберг».

Немецкое командование в первую очередь ожидало наступления на Берлин, и подразделения дивизии «Мюнхеберг» были построены так, чтобы воспрепятствовать прорыву советских войск вдоль «Рейхсштрассе № 1». Наиболее сильная танковая рота «Мюнхеберга» в составе 22 «Пантер» располагалась в районе Альт-Тухебальда. Рота «Тигров» и танковый батальон занимали оборону в районе Гольцова. В бою за «трубопровод» в Кюстрин могла быть задействована только рота танков Pz.Kpfw.IV и САУ соединения, которые оборонялись в районе Горгаста. Только эта рота контратаковала части 5-й ударной армии, наступавшие в обход Горгаста с юга к шоссе Берлин — Кюстрин. Однако вследствие такого построения «Мюнхеберга» возникли проблемы у советских частей на внешнем фронте окружения. Это были 57-я гв. стрелковая дивизия 8-й гв. армии и 295-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии, втянувшиеся в бои за Гольцов и Альт-Тухебальд соответственно. Танкистами дивизии «Мюнхеберг» было заявлено об уничтожении за день 59 советских танков. [273]

Общая заявка 9-й армии за день 22 марта составляла 119 советских танков.

Выведенная в резерв и пополнявшаяся 25-я танко-гренадерская дивизия была поднята по тревоге, передана в подчинение XI танкового корпуса и уже в 18.00 22 марта провела первую контратаку вдоль «Рейхштрассе № 1» Берлин — Кюстрин. Параллельно наступала боевая группа дивизии «Мюнхеберг». В 22.00 последовала еще одна, ночная контратака. Контратакой немцам удалось отбить станцию Гольцов. На следующий день к деблокирующему удару была привлечена 20-я танко-гренадерская дивизия, находившаяся в резерве в районе Зеелова. В

результате контрнаступления днем 23 марта противнику удалось вытеснить 47-ю гв. стрелковую дивизию из военного городка, но на остальных участках позиции были удержаны. Вместе с тем организованные контратаки вынудили части 4-го гвардейского стрелкового и 32-го стрелкового корпусов прекратить наступление и перейти к обороне.

Окончательно решение командующих 5-й ударной и 8-й гвардейской армиями о переходе к обороне было принято 24 марта. Было решено прекратить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах, создав сильную противотанковую оборону. Советские войска серьезно подготовились к отражению контрнаступления противника на вновь захваченном рубеже. Опыт войны научил быстро закреплять с трудом захваченные рубежи. 47-я гв. стрелковая дивизия установила в своей полосе к 25 марта 2500 противотанковых мин, 57-я гв. стрелковая дивизия — 2000 противотанковых мин и 380 противопехотных мин, 35-я гв. стрелковая дивизия — 1750 противотанковых мин и 2600 противопехотных мин. 32-й стрелковый корпус был дополнительно усилен одной истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, которая организовала противотанковую оборону западнее Геншмар. Все было готово к предсказуемым действиям противника.

Контрударом, призванным деблокировать Кюстрин, должен был руководить новый командующий. 20 марта 1945 г. Гудериану все же удалось добиться смещения рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера с поста командующего группы армий [274] «Висла». Вместо него 22 марта был выписан из южного сектора фронта командующий 1-й танковой армии генерал-полковник Готтард Хайнрици. Не боящегося ни бога ни черта национал-социалиста, далекого от военной службы, сменил глубоко религиозный представитель прусской военной школы, родившийся в семье пастора.

Когда Хайнрици вступал в должность, в высшем руководстве германской армии шла оживленная дискуссия относительно того, что нужно делать на одерском фронте. Друг другу противостояли штаб группы армий «Висла» и Верховное командование армии и вооруженных сил (ОКН и OKW). Командование группы армий считало целесообразным провести наступление с ограниченными силами с целью содействия прорыву на восток остатков гарнизона Кюстрина. Далее свободные резервы предполагалось использовать для ударов по плацдарму в районе Киниц — Гросс-Нойендорф. Напротив, ОКН и OKW под нажимом Гитлера вынашивали куда

более амбициозный план удара по тылам 69-й и 8-й гвардейской армий на восточном берегу с плацдарма у «крепости» Франкфурт. Эта операция получила кодовое наименование «Бумеранг». В операции предполагалось задействовать 169-ю пехотную дивизию, 20-ю и 25-ю танко-гренадерские дивизии, дивизии «Сопровождение фюрера» и «Гренадеры фюрера», а также 600-ю пехотную дивизию («русскую», т.е. власовскую).

Основной проблемой в подготовке «Бумеранга» была необходимость перебросить пять дивизий ударной группировки во Франкфурт-на-Одере по единственному мосту. Такие передвижения не могли пройти незамеченными и тем самым лишали операцию момента внезапности. Однако подготовка к операции началась. Выведенная с фронта к 22 марта 25-я танко-гренадерская дивизия должна была выдвинуться в район Франкфурта-на-Одере. Однако окружение Кюстрина 22–23 марта спутало все планы, дивизия была задействована в контрударах.

Когда 25 марта генерал Хайнрици был приглашен на совещание в штаб-квартиру Гитлера, ему удалось склонить фюрера к проведению операции с ограниченными целями. [275]

Группа армий «Висла» должна была пробить коридор к Кюстрину, а затем уничтожить плацдарм в Кинице. Генералу Рейнефарту было приказано держаться в Альтштадте любой ценой и ждать деблокирующего удара. Начало операции было назначено на 27 марта. Следует отметить, что такая стилистика действий была вполне в духе вермахта на Восточном фронте. Немцы, как правило, держались за узлы коммуникаций и сознательно шли на риск окружения противником этих позиций. Далее окруженных старались деблокировать и удерживать связывающий с ними коридор. Наиболее известный эпизод такого рода это II армейский корпус под Демянском и Рамушевский коридор к нему. Во второй половине войны удержание узлов коммуникаций все чаще стало приводить к уничтожению удерживающего их гарнизона.

К операции по деблокированию Кюстрина привлекались 25-я и 20-я танко-гренадерские дивизии, прибывшая из Померании дивизия «Гренадеры фюрера», танковая дивизия «Мюнхеберг», боевая группа «1001 ночь» и 502-й тяжелый танковый батальон СС. На 15 марта 1945 г. в этих соединениях насчитывалось бое готовыми: в 502-м батальоне тяжелых танков СС — 31 «Королевский тигр», в

боевой группе «1001 ночь» — 49 «Хетцеров», в «Мюнхеберге» — 8 «Королевских тигров», 10 Pz.Kpfw.V «Пантера», 3 Pz.Kpfw.IV и 5 САУ различных типов, в «Гренадерах фюрера» — 6 Pz.Kpfw.V «Пантера» и 21 САУ. Назначенные для контрудара дивизии объединялись управлением XXXIX танкового корпуса Карла Декера. Предполагалось прорвать советский фронт на участке от Геншмара до Горгаста и далее левофланговые соединения должны были развернуться на север в тыл плацдарму 5-й ударной армии, а правофланговые разворачиваться на юг и идти на соединение с окруженными в районе Кюстрина войсками.

Наступление началось в 4.00 утра 27 марта. Однако «Королевские тигры» тяжелого танкового батальона СС и дивизии «Мюнхеберг» не стали всесокрушающим тараном. 1-я рота 502-го батальона «Королевских тигров» была остановлена минным полем, то же произошло с 3-й ротой. Через несколько часов наступающие вышли к Геншмару, прошли [276] половину пути до Горгаста, но были остановлены, а затем отброшены назад с большими потерями. К вечеру в составе 502-го батальона осталось 13 боеготовых танков. Согласно дневному донесению 9-й армии людские потери составили 73 офицера, 1219 унтер-офицеров и рядовых. Тяжелой бронетехнике немцев, наступавшей при недостатке поддержки пехоты и артиллерии, были противопоставлены мины и сильный огонь советской артиллерии. Командир 90-го танко-гренадерского полка майор фон Лоешеке вспоминал: «Наши танки не смогли продвигаться дальше из-за мин противника. [...] Как только утренний туман рассеялся, противник открыл огонь по неподвижным танкам, которые были легкой мишенью на поле. В 11.00 началась бомбардировка всеми калибрами, включая «Сталинские органы». Солдаты, не получившие поддержки ни от своей артиллерии, ни от люфтваффе, начали покидать свои позиции, сначала поодиночке, а потом группами. Это была паника. Я остановил их у своего командного пункта и снова повел их вперед. В короткое время была достигнута старая линия фронта»{122}.

28 марта немцами была вновь предпринята попытка пробиться к Кюстрину. На этот раз фронт наступления был сужен: в полосе 4-го гв. стрелкового корпуса активных действий не предпринималось, а удар пришелся по частям 32-го стрелкового корпуса. Противнику удалось несколько потеснить малочисленные части 60-й гвардейской и 295-й стрелковых дивизий (укомплектованность стрелковых рот в этих дивизиях достигала 20–25 человек). Перейдя в атаку, 60-я гвардейская

стрелковая дивизия к исходу дня полностью восстановила прежнее положение, а 295-я стрелковая дивизия своим правым флангом отошла на линию 60-й гвардейской стрелковой дивизии и левым флангом на юго-западную окраину Танненхофа. 28 марта 32-му стрелковому корпусу была подчинена 94-я гвардейская стрелковая дивизия, которая для создания глубины обороны получила задачу 29 марта подготовить вторую полосу — рубеж на линии Геншмар, [277] Танненхоф, Альт-Блейэн. Из состава 8-й гвардейской армии корпусу передавалась 20-я танковая бригада. Воспользовавшись затишьем на внешнем фронте окружения, 35-я гвардейская стрелковая дивизия 4-го гв. стрелкового корпуса наступала на окруженный гарнизон Кюстрина, стремясь разгромить противника до его деблокирования. Однако первые атаки на внутреннем фронте окружения успеха не принесли.

Нажим с запада днем 28 марта заставил коменданта крепости Рейнефарта принять решение оставить Альтштадт и перейти на Одер-Инзель и позиции на западном берегу Одера. Однако в хаосе окружения приказы не дошли до всех подразделений, и часть обороняющихся, включая фольксштурмистов, осталась в Альтштадте, когда в 21.00–22.00 были взорваны мосты, соединявшие старую часть города с Одер-Инзель. В ночь с 28 на 29 марта Рейнефарт по радио запросил разрешение на прорыв. Этот запрос, дошедший до бункера фюрера, вызвал бурю эмоций. Официального разрешения на прорыв Рейнефарт не получил, но одновременно Бюссе не запретил ему поступать по своему усмотрению. Из окружения удалось прорваться группе численностью 1318 человек, самому Рейнефарту и 138 фольксштурмистам. Разъяренный неподчинением Рейнефарта приказу удерживать Кюстрин любой ценой, Гитлер приказал его арестовать и казнить. Однако в хаосе последних недель Третьего рейха это распоряжение выполнено не было.

Неудача с деблокированием Кюстрина также стала точкой в карьере Гейнца Гудериана как начальника Генерального штаба германских Вооруженных сил. Столкнувшись с неудачей первого дня наступления, он начал думать над реанимацией плана «Бумеранг» и собирался 28 марта ехать во Франкфурт-на-Одере. Вместо этого Гудериану пришлось присутствовать на совещании в бункере у Гитлера и защищать Бюссе от нападок фюрера. Закончилось все перепалкой между фюрером и начальником Генерального штаба. Формально Гудериан был отправлен в шестинедельный отпуск, но в действительности это было равносильно

отставке. Новым начальником Генерального штаба стал генерал пехоты Ганс Кребс. Этот молодой по немецким меркам генерал [278] (47 лет) застрелился 1 мая 1945 г. и не написал «Воспоминаний солдата» («Утраченных побед», «Окопной правды», «Пострадавших от фюрера»). Поэтому он остался для многих темной лошадкой, сменившей «блестящего» Гудериана. Например, английский историк Тейлор, описывая это назначение, пишет, что фюрер «снял Гудериана с поста начальника штаба и назначил угодливого Кребса»{123}. В действительности как штабист Кребс был явно сильнее своего предшественника. По крайней мере, его карьера была карьерой высокопоставленного штабиста на Восточном фронте с большим опытом и заметными успехами. В 1941 г. Кребс был военным атташе в Москве. Он вообще был специалистом по России — служил в 1930-х в отделе иностранных армий Востока и даже сносно говорил по-русски. С началом войны с СССР Кребс вернулся в Германию и служил в ОКХ. С января 1942 г. по январь 1943 г. Кребс был начальником штаба 9-й армии, т.е. прошел штабистом жесточайшее позиционное сражение под Ржевом. Несомненно, что непосредственное участие в ряде успешно проведенных оборонительных операций в районе Ржевского выступа стало одной из причин назначения Кребса начальником Генерального штаба. Именно за Ржев он был в апреле 1943 г. повышен в звании до генерал-лейтенанта. После повышения в звании последовал шажок на ступеньку вверх по служебной лестнице — с марта 1943 г. по сентябрь 1944 г. Кребс занимал должность начальника штаба группы армий «Центр», а затем до 17 февраля 1945 г. — начальника штаба группы армий «Б» на Западе. Рыцарский крест Кребс получил 26 марта 1944 г. за свою деятельность в качестве начальника штаба группы армий «Центр», а дубовые листья — 20 февраля 1945 г. как начальник штаба группы армий «Б». С 17 февраля 1945 г. Кребс стал начальником оперативного отдела ОКХ, а затем он сменил Гудериана на посту начальника Генерального штаба и вошел в историю именно в этом качестве.

Однако раненный вследствие бомбардировки союзниками Цоссена, Кребс уже ничем не мог помочь последней крепости [279] на «Рейхштрассе № 1». Судьба тех, кто не смог прорваться из Кюстрина, была незавидной. После прекращения деблокирующих атак, находившиеся на внутреннем фронте окружения Кюстрина советские соединения были задействованы для разгрома остатков гарнизона. С целью сосредоточить командование выполняющими эту задачу войсками в одних

руках 416-ю стрелковую дивизию временно передали из 5-й ударной армии в 8-ю гв. ударную армию. Для разрушения старой крепости были выдвинуты на прямую наводку тяжелые орудия. Чуйков вспоминает: «Мы ознакомились с местностью непосредственно на исходных рубежах. Тогда-то и возникла мысль выдвинуть на прямую наводку три батареи большой мощности. Против 203-миллиметровых орудий не устоит ни один дзот. Одну батарею врыли в дамбу на левом берегу Одера у пригорода Киц, которая вела огонь по дзотам на правом берегу, вторую — в дамбу на правом берегу в четырехстах метрах южнее острова — она нацеливалась по дзотам на дамбе левого берега. Такое расположение обеспечивало ведение перекрестного огня по видимым, близко расположенным целям. Чтобы не задеть своих, на обеих дамбах наш передний край обозначался хорошо приметными указками. Третью батарею поставили на дамбе у платформы Жабчин. Она нацеливалась на стены цитадели, которые были хорошо видны с этого участка»{124}. [280]

С восточного берега Одера крепость должна была атаковать 82-я гв. стрелковая дивизия, с западного — 35-я гв. стрелковая дивизия. Один полк 35-й дивизии готовился к лодочному десанту на остров с юга. В течение 29 и 30 марта объединенными и согласованными действиями 416-й стрелковой, 35-й и 82-й гвардейских стрелковых дивизий окруженная группировка в районе Ной-Блейэн, остров восточнее пригорода Киц и крепости Кюстрин была ликвидирована. В плен было взято 958 человек, кроме того, был захвачен госпиталь с 360 ранеными, автоматически перешедшими в разряд военнопленных.

Потери войск 5-й ударной армии за период с 21 по 31 марта 1945 г. составили 973 человека убитыми, 5 пропавшими без вести, 9 человек небоевые потери, 3281 человек были ранены, 290 человек заболело с эвакуацией в госпиталь{125}. Безвозвратные потери бронетехники составили 25 Т-34, 4 ИС-2, 8 СУ-152, 9 СУ-76, еще 14 Т-34, 19 ИС-2, 6 ИСУ-152, 1 СУ-76 были подбиты и ремонтировались{126}. Соответственно потери войск 8-й гв. армии с 20 марта по 1 апреля 1945 г. составили 1124 человека убитыми, 4052 ранеными, 697 заболевшими, а всего 6050 человек{127}. Больше всего пострадали 35, 47 и 57-я гвардейские стрелковые дивизии, потерявшие 1015, 1098 и 995 человек соответственно.

Общие потери 5-й ударной и 8-й гвардейской армии в сражении за Кюстринский плацдарм в период с 2 февраля по 30 марта 1945 г. составили 61799 человека (15 466 человек безвозвратные потери и 46 333 человек санитарные){128}.

Двухмесячные позиционные бои за плацдармы завершились. В 60 км от Берлина был образован Кюстринский плацдарм, ширина и глубина которого позволяла собрать на нем крупную ударную группировку для наступления на столицу Третьего рейха. Бесплодные попытки собранных по крупицам [281] немецких резервов ликвидировать плацдармы лишь привели к потерям людей и техники. Очевидно, что длительная остановка 1-го Белорусского фронта у ворот Берлина была вызвана только борьбой за образование плацдарма. Наступление на столицу Третьего рейха было отложено в связи с событиями в Восточной Померании и Силезии. Вынужденная пауза, с одной стороны, вызвала усиленное строительство оборонительных рубежей на подступах к Берлину, а с другой стороны — позволила войскам 5-й ударной и 8-й гвардейской армий подготовить трамплин для последнего прыжка на немецкую столицу.

Получив в свое распоряжение единый Кюстринский плацдарм, командующий фронтом не собирался останавливаться на достигнутом. В 3.40 26 марта командующим 69, 33 и 16-й воздушной армий была направлена директива № 00472/оп за подписью Жукова на овладение Франкфуртом-на-Одере. Каждой из армий предписывалось провести наступление двумя стрелковыми корпусами со средствами усиления. В полосе наступления 69-й армии предполагалось создать плотность 200 стволов на километр, в полосе наступления 33-й армии — 230 стволов на километр. Авиационная поддержка распределялась равномерно между двумя армиями. Для парирования возможных контрмер противника предполагалось использовать те же приемы, которые с успехом сработали в предыдущей операции. В частности, командующему 69-й армии Жуков рекомендовал: «Учитывая возможность контратак пехоты и танков противника, иметь в резерве за правым флангом ударной группы армии одну ТТБР, одну ИПТАБР и подвижный резерв противотанковых и противопехотных мин»{129}. Для прорыва фронта и выставления заслона против возможного контрудара 69-й армии выделялась 7-я гв. тяжелая танковая бригада на танках ИС-2. Начать операцию предполагалось 3 апреля 1945 г. Однако новому удару по позициям 9-й армии не суждено было осуществиться.

Вечером 2 апреля 1945 г. в адрес Г. К. Жукова из Москвы [282] пришла директива Ставки ВГК № 11054, в которой предписывалось:

«С получением настоящей директивы войскам фронта во всей полосе перейти к жесткой обороне. В полосе фронта построить не менее двух оборонительных рубежей. На основных направлениях создать сильные резервы и эшелонировать их в глубину»{130}.

Операция по образованию крупного плацдарма в районе Франкфурта-на-Одере была отменена. 3 апреля во все армии фронта были направлены словно написанные под копирку директивы на переход к обороне. Их подписывал даже не Г. К. Жуков — все они подписаны его заместителем генерал-полковником М. С. Малининым. Следующей адресованной командующему 1-го Белорусского фронта директивой Ставки ВГК № 11059 приказывалось начать подготовку операции по овладению Берлином. Наступило затишье перед бурей.

Обсуждение

Ведение боевых действий в урбанизированной Германии привело к развитию тактики городских боев. До этого уличные бои на советско-германском фронте носили эпизодический характер. Самым известным случаем втягивания сторон в уличные бои является, конечно же, Сталинград. Однако городом на Волге опыт городских боев конечно же не ограничивается. Ареной жестоких уличных боев становились в 1941 г. города Великие Луки, Новгород, в 1942 г. — Воронеж, Ржев, в 1943 г. — Харьков. Однако чаще всего итог сражения за тот или иной город решался вне его узких улиц. Обход и охват обороняемого одной из сторон крупного населенного пункта вынуждал защитников или капитулировать, или же уходить из города. Сражение за Германию перевело уличные сражения на новый уровень. Это было связано с [283] двумя факторами: развитием ручного противотанкового оружия и заблаговременной подготовкой городов к обороне. Фаустпатроны были не только действенным средством ведения боя в городе, но и психологическим фактором, вынуждавшим атакующих перестраивать тактику действий совместно с танками. Улицы городов немцы перегородили прочными баррикадами, непреодолимыми для танков. Они поддавались только разрушению артиллерией крупных калибров. Кроме того, немецкие города были сами по себе насыщены

прочными каменными постройками, благоприятствовавшими превращению их в крепости.

Для ведения городских боев были разработаны соответствующие рекомендации. Штурмовые группы в Красной армии 1945 г. были уже привычным делом. Они лишь приспосабливались к специфике городских боев. Одной из особенностей уличных боев была необходимость разрушения прочных каменных зданий и баррикад. Неожиданно подходящим орудием для боя в городе оказалась устаревшая 152-мм гаубица образца 1909/30 г. Она была достаточно легкой для перекатывания на руках и одновременно обладала достаточно могущественным 152-мм снарядом. Остальные орудия 152-мм калибра, состоявшие на вооружении Красной армии, были слишком тяжелыми для перекатывания на руках.

Однако поддержкой штурмовых групп орудиями 152-мм калибра дело не ограничилось. В ходе штурма пригорода Кюстрина Нейштадта широко применялся перевод тяжелых орудий до 203-мм калибра включительно на прямую наводку. Здесь ни о каком перекатывании силами расчета не могло быть и речи. Использовавшиеся в качестве средства тяги тяжелой артиллерии сельскохозяйственные тракторы были бичом артиллерии Красной армии до самого конца войны. По итогам боев за Кюстрин в сводке обобщенного боевого опыта артиллерии 5-й ударной армии было написано: «Тракторы ЧТЗ-65 как средство тяги в уличных боях совершенно не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям. Малая скорость движения не позволяет быстро проскочить простреливаемый участок. Большой шум при движении демаскирует [284] орудие. При бое в городе в качестве средства тяги нужно выделять мощные автомашины»{131}.

Весьма эффективными в городских боях оказались недавно принятые на вооружение 160-мм минометы: «Тяжелые минометы 160 мм и М-31 производили еще больший разрушительный эффект: после попадания 160-мм мины или мины М-31 здание полностью обрушивалось, от веса обрушившегося здания обрушивались и перекрытия подвальных помещений»{132}. Обрушившиеся перекрытия тем самым хоронили обороняющихся.

Штурм Кюстрина представляет собой пример хорошо спланированной и грамотно проведенной операции по овладению городом, точнее, группой городских кварталов. Успеху предприятия в значительной мере способствовало проведение

операции на будущем направлении главного удара. Это дало в руки штурмующим артиллерию большой мощности в лице 203-мм гаубиц Б-4. Но ключевым для успешного штурма стал правильный выбор направления главного удара, изолировавшего защитников Нейштадта.

Борьба за плацдармы на Одере в целом демонстрирует упорство и последовательность Г. К. Жукова, который даже в условиях серьезных проблем на фланге готовил почву для решающего броска на Берлин. Борьба велась достаточно скромными силами, которые маневрировали между участками фронта, последовательно решая поставленные задачи. Так 32-й стрелковый корпус сначала штурмовал Нейштадт, затем перерезал «трубопровод» к Кюстрину. [285]

Часть четвертая.

Планы и силы сторон

Оборона в глубину

На берлинском направлении. Перед лицом численного превосходства советских войск и владения ими стратегической инициативой немецкое командование искало ключ к успеху в совершенствовании тактики вывода обороняющихся войск из-под мощного удара советской артиллерии. Основным руководящим документом для группы армий «Висла» был подписанный Гитлером приказ от 30 марта, гласивший:

«Я требую, чтобы вся группа армий от командующего до последнего солдата понимала, что успех в грядущей битве может быть обеспечен духом энергичной обороны и фанатичным упорством. Сражение за Берлин обязано и будет решающей победой в обороне.

В частности я приказываю:

1. Группа армий выводит части, которые ведут бой в первой линии, назад для создания необходимой глубины обороны на участке каждой дивизии.

2. В трех-шести километрах позади от передовой должна быть определена и оборудована главная линия сопротивления. Эта линия будет занята по приказу командующего незадолго до выявленного времени начала вражеской атаки. Нет оснований считать, что ожидаемая массированная артиллерийская подготовка противника поразит всю глубину нашей обороны.

3. На расстоянии от восьми до десяти километров от передовой линии обороны занимают позиции объединенные силы фольксштурма и учебных частей люфтваффе.

4. Немедленно переместить артиллерию на такую глубину, чтобы основная часть батарей могла обеспечивать заградительный [286] огонь в области между передовой линией обороны и главной линией сопротивления. Позиции артиллерии должны располагаться на второй позиции (в 8–10 км от передовой) или за ней.

Постоянные позиции артиллерии могут располагаться только позади основной линии сопротивления. Основная часть зенитной артиллерии должна быть аналогичным образом оттянута за второй позицией.

С передачей 10-й танковой дивизии СС в состав группы армий «Центр» все моторизованные соединения должны быть отведены назад с тем, чтобы они могли контратаковать без задержек. Их готовность должна быть проверена на соответствующих учениях»{133}.

Путь к столице Германии советским войскам преграждала 9-я армия. С момента захвата плацдармов на Одере она непрерывно усиливалась. К моменту начала Берлинской операции состав и расположение соединений армии Бюссе было следующим. На крайнем левом фланге 9-й армии оборонялся CI армейский корпус генерала Вильгельма Берлина. Позиции на левом фланге корпуса, примыкая к частям 3-й танковой армии, занимала 5-я егерская дивизия. Это было старое, хорошо подготовленное соединение. Дивизия прошла войну на востоке с ее первого дня и до последнего сражения на подступах к Берлину. 5-я егерская дивизия благополучно избежала сокрушительных ударов «Багратиона» летом 1944 г. и Висло-Одерской операции января 1945 г. В том и другом случае дивизия оказывалась в стороне от главного удара советских войск. Однако бесконечно везение продолжаться не могло, и 5-я егерская дивизия серьезно пострадала в ходе Восточно-Померанской операции в марте 1945 г. Большие потери в мартовских боях заставили спешно пополнять соединение за счет персонала люфтваффе, полиции и частей фольксштурма. Характерной особенностью «егерской» дивизии был несколько ослабленный состав по сравнению с обычными дивизиями: два полка пехоты вместо трех. Командовал 5-й егерской дивизией генерал Фридрих [287]

Зикст. Он был назначен на эту должность еще в августе 1944 г., когда дивизия стояла на Висле.

Следующим соединением в цепочке обороны 9-й армии была 606-я пехотная дивизия. Она была наспех собрана из штаба австрийского происхождения и разнообразных частей, в том числе батальона бременской полиции, батальона «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и других. Тем не менее 606-я пехотная дивизия могла похвастаться трехполковым составом: полки «А», «Сатор» и «Роде». Командовал дивизией генерал-майор Максимилиан Росскопф.

Еще одним наспех сформированным соединением была 309-я пехотная дивизия «Берлин». Она также была трехполкового состава, стандартного для пехотных дивизий вермахта: полк «Великая Германия», 365-й и 652-й гренадерские полки. 309-й артиллерийский полк состоял всего из одного дивизиона. Командовал дивизией, носившей имя столицы Рейха, генерал-майор Генрих Фойгхтсбергер. Для 42-летнего Фойгхтсбергера это была вершина карьеры: он получил звание генерал-майора только 1 апреля 1945 г. До этого он командовал танко-гренадерским полком, воевал в Африке, на плацдарме у Запорожья, под Кривым Рогом и Одессой.

Занимавшие оборону в первой линии 5-я егерская дивизия, 606-я и 309-я пехотные дивизии входили в состав CI армейского корпуса генерала артиллерии Вильгельма Берлина. Резервом корпуса была 25-я танко-гренадерская дивизия генерал-лейтенанта Арнольда Бурмейстера, ветеран сражения за плацдармы. Формально соединение с этим номером начало Вторую мировую войну в качестве пехотной дивизии и [288] было переформировано в моторизованную пехотную дивизию осенью 1940 г. Войну с СССР начала в составе 1-й танковой группы в группе армий «Юг». Далее дивизия не вылезала с Восточного фронта до лета 1944 г. Здесь она была уничтожена в ходе разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии. После этого дивизия была восстановлена на Западе.

Помимо 25-й танко-гренадерской дивизии подвижными резервами корпуса генерала Берлина были 111-я учебная бригада САУ «Штурмгешюц» и боевая группа «1001 ночь» майора СС Бланкбойса. Последняя состояла из 560-го танко-истребительного батальона «Сулейка» из трех рот «Хетцеров», четырех рот самоходных орудий и разведывательного батальона «Гарем» со счетверенными зенитными орудиями, мотоциклистами, 75-мм буксируемыми и самоходными

пушками. Сопровождающей пехотой для этих частей самоходок служила рота из 600-го парашютного батальона СС.

Участок фронта на Зееловских высотах занимал LVI танковый корпус. Управление LVI танкового корпуса стало последним резервом, прибывшим в состав 9-й армии — его управление включили в состав армии 12–13 апреля. Соответственно только 10 апреля командиром танкового корпуса был назначен генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг. Ему подчинялись 9-я воздушно-десантная дивизия, 20-я танко-гренадерская дивизия и танковая дивизия «Мюнхеберг».

Первым соединением, занимавшим оборону в первой линии в составе корпуса Вейдлинга, была 9-я воздушно-десатная дивизия. Отмечу, формально она называлась именно воздушно-десантной (Fallschirm-Jaeger-Division), а не авиаполевой (Luftwaffen-Feld-Division) дивизией. С точки зрения организационной структуры дивизия не имела никакого отношения к парашютистам, это была обычная пехотная дивизия трехполкового состава (25, 26 и 27-й парашютные полки, 9-й парашютный артиллерийский полк). Однако формирование соединения из частей люфтваффе неизбежно наложило свой отпечаток на его облик. В отличие от соединений, сформированных по штату ПД-44, ее полки были трехбатальонными. 25-й полк 9-й парашютно-десантной дивизии состоял из батальона спецподразделения Скорцени, батальона [289] «Бранденбург» и батальона подготовленных парашютистов. Непосредственное отношение к воздушно-десантным войскам Германии имел также командир дивизии — генерал парашютных войск Бруно Брэуер. Он пришел в десантники еще до войны и участвовал в высадке на Крите в 1941 г., за которую получил Рыцарский крест.

Вторым соединением в линии обороны LVI танкового корпуса была 20-я танко-гренадерская дивизия. Это была типичная для германской армии система, когда подвижные соединения ставились в первую линию обороны. 20-я моторизованная пехотная дивизия прошла польскую, французскую кампании, а затем вступила на территорию СССР в составе 3-й танковой группы. В июле 1943 г. 20-я моторизованная пехотная дивизия получила наименование танко-гренадерской и просуществовала в таком качестве до самого конца войны. Командовал 20-й танко-гренадерской дивизией полковник Георг Шольце. Он участвовал в войне с СССР с первого дня в качестве командира батальона 900-го учебного полка. По итогам действий в кампанию 1941 г. получил Германский [290] крест в золоте. В феврале

1943 г. он получил Рыцарский крест. 20-ю танко-гренадерскую дивизию полковник Шольце возглавил в январе 1945 г.

Танковая дивизия «Мюнхеберг» была сформирована в феврале — марте 1945 г. из различных учебных частей и почти сразу пошла в бой. Три батальона танко-гренадерских полков дивизии попали в окружение в ходе сражения за Кюстрин в марте 1945 г. Вместо них были наспех сформированы три новых с использованием курсантских частей, фольксштурма и гитлерюгенда. Командовал «Мюнхебергом» генерал-майор Вернер Муммерт, ветеран войны на Восточном фронте. Он с самого начала Второй мировой войны служил в разведывательном батальоне танковых дивизий. За кампанию 1941 г. получил Германский крест в золоте, за сражение под Ржевом летом 1942 г. — Рыцарский крест, за бои под Черкассами зимой 1943–1944 гг. — дубовые листья к Рыцарскому кресту. Звание генерал-майора он получил 1 февраля 1945 г., и командование «Мюнхебергом» было его первой генеральской должностью.

Следующим в линии был XI танковый корпус СС генерала СС Матиаса Клейстеркампа. В его состав к началу сражения входили 303-я пехотная дивизия «Добериц», 169, 712-я пехотные дивизии и танко-гренадерская дивизия «Курмарк» с 502-м тяжелым танковым батальоном. 303-я пехотная дивизия была сформирована в учебном лагере Добериц. Возглавил соединение полковник Ханс-Вольфганг Шейнеманн. Дивизия «Добериц» получила первый боевой опыт в боях на Кюстринском плацдарме в феврале 1945 г. и потеряла свой фузилерный батальон в сражении за Кюстрин в марте. 169-я пехотная дивизия была своего рода «консервами». Она несла службу с 1941 г. в Норвегии и Финляндии и прибыла на фронт только в марте 1945 г. В отличие от возглавлявшихся полковниками новых дивизий, 169-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Георг Раджей. 712-я пехотная дивизия была сформирована 26 марта 1945 г. с использованием частей разросшегося «Курмарка». Командовал дивизией генерал-майор Иоахим фон Зигрот. 732-й и 745-й гренадерские полки дивизии были сформированы из [291] 1239-го и 1241-го гренадерских полков, бывших курсантских школ «Вецлар» и «Дрезден».

Особняком в ряду соединений армии Бюссе стоит гарнизон «крепости Франкфурт». Здесь были «замурованы» около 14 тыс. человек под командованием полковника

Эрнста Бихлера. «Фестунг» здесь был создан вполне современный: на периметре его обороны были даже ДОТы из танковых башен.

Южное крыло 9-й армии составлял V горный корпус СС под командованием генерала СС Фридриха Екельна. В его состав входили 286-я пехотная дивизия, 32-я добровольческая пехотная дивизия СС «30 января» и 391-я охранная дивизия. Так как немецкое командование не ожидало советского наступления в районе Франкфурта-на-Одере, 12 апреля 1945 г. было решено вывести 32-ю пехотную дивизию СС из состава V горного корпуса. К 18 апреля она должна была сосредоточиться за боевыми порядками XI танкового корпуса СС как средство для проведения контратак.

Интересно отметить, что оборонявшиеся против главных сил 1-го Белорусского фронта немецкие корпуса к началу сражения имели примерно одинаковую структуру: три пехотных (за единственным исключением — 20-я танко-гренадерская дивизия) соединения в первой линии и одно подвижное соединение во второй линии.

В резерве командующего 9-й армией была 156-я учебная пехотная дивизия генерала Зигфрида фон Рековски. В отличие от дивизий, сформированных по штату ПД-44, все три ее полка(1313, 1314 и 1315-й гренадерские полки) были трехбатальонными. Незадолго до сражения она была переименована в 156-ю пехотную дивизию. Также генерал Бюссе добился того, чтобы в его подчинение из резерва ОКВ была передана 18-я танко-гренадерская дивизия. Она также относилась к числу соединений, разгромленных в Белоруссии и восстановленных по штату 1944 г.

Вообще можно сказать, что для обороны Берлина были собраны преимущественно свежесформированные соединения. Старые дивизии вермахта и войск СС были разбросаны по другим участкам фронта или же просто уничтожены. Эсэсовские дивизии были в Венгрии, 8, 16 и 17-я танковые дивизии [292] обороняли Верхнюю Силезию. Соединения, сформированные до войны, прошедшие Польшу в 1939 г., Францию в 1940 г. и первые два года кампании на востоке, были редкостью среди защитников столицы. 5-я егерская дивизия, чудом занесенная в 9-ю армию, смотрится среди своих соседей настоящим динозавром. По той же причине в обороне Берлина участвовало крайне мало бригад штурмовых орудий. Они остались

в Курляндии, были потеряны в Восточной Пруссии и Восточной Померании. В обороне Берлина участвовали только 243-я и 249-я бригады штурмовых орудий, находившиеся на переформировании в берлинском округе, и батальон штурмовых орудий V горного корпуса СС, вооруженный итальянскими САУ «Семовенте».

Несмотря на то что большинство соединений на берлинском направлении были недавно сформированы, их «боевая численность» была доведена до высоких значений (см. таблицу). Даже недавно прошедшая разгром в Восточной Померании 5-я егерская дивизия была доведена до «боевой численности», которой могли бы позавидовать многие пехотные дивизии вермахта в середине войны. Обращаю внимание на высокую «боевую численность» эсэсовской пехотной дивизии и 9-й воздушно-десантной дивизии. Эти не относившиеся к вермахту формирования имели свои штаты и, несмотря на схожесть с организационной структурой армейских формирований, превышали «боевую численность» ПД-44 в 6410 человек. Власовская 600-я пехотная дивизия также превышала по своей «боевой численности» штат соединений вермахта. Хотя ее присутствие в данной таблице скорее формальность. После наступления локального значения 13 апреля 1945 г. начальник штаба 9-й армии полковник Хольц рекомендовал ОКХ «в связи с некомпетентностью дивизии во время сегодняшней атаки и поступившими сведениями о недисциплинированности дивизии, предлагается разоружить ее и перевести в другой район». В итоге дивизия РОА была передана в подчинение группы армий «Центр». Несмотря на попытки Шернера отправить власовцев на фронт, командир дивизии Буняченко увел своих людей в Богемию, и в сражении за Берлин соединение не участвовало. [293]

«Боевая численность» соединений 9-й армии на 10 апреля 1945 г.

Подчиненность на 10.4	Дивизия	«Боевая численность»
XXXIX танковый корпус	тд «Мюнхеберг»	1986
	25 тгд	5605
Армейское подчинение	Крепость Франкфурт	13945
	600 пд (русская)	7065
CI армейский корпус	309 пд	5926

	606 пд	5495
	5 егд	4970
	712 пд	4882
	169 пд	5956
	303 пд	3860
XI танковый корпус СС	20 тгд	4848
	9 вдд	6758
	тгд «Курмарк»	4350
	391 охр. див	4537
V горный корпус СС	32 пд СС «30 января»	6703
	286 пд	3950
Всего		90836

Lakowski s. 49

Общая численность 9-й армии была около 200 тыс. человек, 2625 орудий (в том числе 695 зенитных пушек). Армейская артиллерия состояла из трех народно-артиллерийских корпусов. 406-й народно-артиллерийский корпус полковника Бартелса располагался в районе Врицена. 408-й народно-артиллерийский корпус подполковника Адамса занимал позиции севернее Зеелова и 404-й народно-артиллерийский корпус полковника Фогта — южнее Зеелова. Также в районе Зеелова, Летцена и Мюнхеберга действовал тяжелый железнодорожный артиллерийский дивизион.

Всего в составе группы армий «Висла» было 754 боеготовых танка, 30 в краткосрочном и 43 в долгосрочном ремонте. Это дает боеготовность 91%, очень высокий показатель для заключительного периода войны. Распределение техники по соединениям см. в таблице. [294]

Наличие и состояние бронетехники группы армий «Висла» на 13 апреля 1945 г.

Соединение	Состояние

	Тип танка	Боеготовы	Краткосрочный ремонт	Долгосрочный ремонт	В пути
9-я армия					
«Курмарк»	Pz.IV	3	—	—	3
	Pz.IV(Flak)	—	—	—	2
	Хетцер	16	—	1	—
	Pz.V	28	2	1	—
	StuGIII	12	—	—	—
«Мюнхеберг»	Pz.III	1	—	—	—
	Pz.IV	2	—	1	—
	Pz.(L)A	1	—	—	—
	Pz.V	21	—	—	2
	Pz.VI	10	—	3	1
	JgPz.IV	1	—	—	—
	StuGIII	—	—	—	10
20 тгрд	Pz.IV	15	—	1	—
	Pz.(flak) IV	3	—	—	—
	Pz.(L)A	16	—	—	—
25 тгрд	Pz.IV	1	—	—	—
	Pz.(flak) IV	2	—	—	—
	Pz.(L)A	—	—	2	—
	Pz.V	30	3	1	—
	StuGIII	31	—	—	—

	StuGIV	—	—	—	2
	Pz.IV(L)A	12	—	—	—
	JgPz.IV	1	—	—	—
	StuGIII	1	—	1	—
5-я егерская дивизия	Pz.IV(L)A	10	—	—	—
	Pz.VI	29	—	1	—
502-й батальон тяжелых танков	Pz.IV(Flak)	4	—	—	—
пд «Берлин»	StuGIII	10	—	2	—
пд «Добериц»	StuGIII	17	1	—	—
	Pz.IV(L)	7	—	2	—
	StuGIII	20	—	2	—
пд СС «30 января»	StuH42	8	—	1	— [295]
	StugIII	8	—	—	—
	Хетцер	10	—	—	—
	StuGIII	33	—	—	—
111-я учебная бригада «Штурмгешюцев»	StuH42	9	—	—	—
	Pz.IV(L)A	6	—	—	—
1129 ПТ рота	Хетцер	11	—	1	—
2 ПТ батальон	Хетцер	24	—	1	—
561-й учебный батальон СС	StuGIII	—	—	1	—
	Хетцер	8	—	—	—

560-й ПТ батальон СС	StuGIII	—	3	—	—
	Хетцер	37	1	6	—
9-я вдд	StuGIII	—	—	1	—
	Хетцер	8	—	—	—
600 пд (русская)	Хетцер	8	—	2	—
	T-34	—	9	—	—
105-й батальон СС	L6	10	1	—	—
	M13/40	7	3	—	—
Всего в 9 А		512	25	30	20
3-я танковая армия					
1-й ПТ дивизион	StuGIII	4	—	—	—
	StuGIV	11	1	—	—
281 пд	Хетцер	4	1	—	—
	Хетцер	10	—	—	—
18 мд	Pz.IV	27	—	—	—
	Pz.IV(L)A	8	—	—	—
	Хетцер	19	—	4	—
23 мд СС «Недерланд»	StuGIII	4	—	—	—
	StuH42	2	—	—	—
18 мд СС «Нордланд»	StuGIII	22	1	—	—
	Pz.IV(L)V	10	—	—	—
503-й батальон тяжелых танков	Pz.VI	10	—	2	—
	Pz.IV(Flak)	8	—	—	—

	StuGIII	23	—	1	—
184-й батальон «Штурмгешюцев»	StuH42	8	—	—	— [296]
	Pz.V	1	1	—	—
Танковый отряд Остзее	JgPz.IV	3	1	—	—
	Хетцер	3	—	—	—
6 птд	Хетцер	17	—	2	—
	StuGIII	15	—	1	—
210 бригада штурмовых орудий	StuH42	12	—	2	—
	Pz.IV(L)V+A	11	—	1	2
Всего в 3-й ТА		232	5	13	5
Крепость Свинемюнде					
1234 птд 163 пд		10	—	—	—

NARA T311 R171 F7223303–305

Очевидным способом хоть в какой-то мере компенсировать количественное превосходство противника было инженерное оборудование местности. Для этого в распоряжении немецкого командования было два с половиной месяца, если считать с момента захвата первых плацдармов на Одере.

Передовая линия главной оборонительной полосы называлась «позиция Харденберг» (Hardenberg-Stellung). Она проходила по Зееловским высотам и вдоль русла Альте-Одера. «Позиция Харденберг» состояла из двух-трех линий траншей и прикрывалась инженерными заграждениями различных типов. На этой линии располагались позиции пяти зенитных полков 23-й зенитно-артиллерийской дивизии, поставивших свои орудия на прямую наводку. 53-й и 185-й полки занимали оборону в районе Кунерсдорфа и Кваппедорфа, 7-й полк — между Гузовом и Долгелином и 35-й и 140-й полки — в районе Шенфлиса.

Позади главной линии обороны находилась так называемая «позиция Штайн» (Stein-Stellung). Она должна была стать опорой для мобильных резервов, наносящих контрудары. Одновременно «позиция Штайн» должна была играть роль отсечной позиции, предотвращающей немедленный выход в тыл другим участкам главной полосы обороны. Такая [297] же отсечная позиция была оборудована поперек шоссе Франкфурт — Берлин.

Третья оборонительная полоса, призванная предотвратить прорыв советских танковых соединений, получила наименование «позиция Вотан» (Wotan-Stellung). Поскольку материалов для ее строительства уже не хватало, «позиция Вотан» состояла из цепочки подготовленных к круговой обороне городов и деревень. Пространство между этими опорными пунктами обороны прикрывалось огнем и перегораживалось противотанковыми препятствиями. Наиболее крупными опорными пунктами «позиции Вотан» были Фюрстенвальде, Мюнхеберг, Штернебек и Эберсвальде.

Поддержку с воздуха немецким войскам на берлинском направлении обеспечивал 6-й воздушный флот генерал-полковника Риттера фон Грейма. Группу армий «Висла» поддерживала 4-я авиадивизия численностью около 300 самолетов. Использование даже этого немногочисленного авиапарка существенно осложнялось нехваткой горючего. Топлива было либо на два дня интенсивной боевой работы, либо на несколько дней выполнения только самых важных заданий.

Группа армий «Центр». К югу от заслона, поставленного на пути к Берлину группой армий «Висла», находились войска 4-й танковой армии, подчиненной штабу группы армий «Центр». Группа армий «Центр» была в апреле 1945 г., пожалуй, самым боеспособным объединением немецких войск, возглавлявшимся твердым и энергичным командующим.

Наличие бронетехники в соединениях группы армий «Центр» на 5 апреля 1945 г.

		Боеготовых	В краткосрочном ремонте	В долгосрочном ремонте
342 пд	75-мм САУ(Мардер)	11	9	—

36 пд СС «Дирлевангер»	75-мм САУ(Мардер)	2	1	—
214 пд	75-мм САУ(Мардер)	6	6	— [298]
275 пд	Jagdpanzer 38(t) Хетцер	9	9	—
	75-мм САУ(Мардер)	16	16	—
	75-мм САУ(Мардер)	16	16	—
35 пд СС	88-мм ДТП на мехтяге	12	12	—
	Pz.Kpfw.III	2	1	1
«Бранденбург»	StuGIII	11	9	2
	StuGIV	7	6	—
	75-мм САУ(Мардер)	13	13	—
	75-мм САУ(Мардер)	2	2	—
545 пд	88-мм ПТП на мехтяге	1	1	—
6 пдс 1183 батальоном истребителей танков	Jagdpanzer 38(t) «Хетцер»	21	20	1
	75-мм САУ(Мардер)	14	14	—
72 пд	75-мм САУ(Мардер)	3	3	—
	Pz.Kpfw.IV	11	6	1
	PanzerJagerIV/L 70	9	3	5
«Сопровождение фюрера»	Pz.Kpfw.V «Пантера»	16	9	4
	StuGIII	25	8	6
	75-мм САУ(Мардер)	8	4	1
10 тд СС «Фрундсберг»	Pz.Kpfw.III	1	—	1

	PanzerJagerIV/L 70	37	32	—
	Pz.Kpfw.V	47	35	—
	«Ягдпантера»	6	2	—
	Jagdpanzer 38(t) «Хетцер»	6	3	3 [299]
	ЗСУ	8	1	—
	Танки артиллерийских наблюдателей	1	—	1
	Трофейные танки	10	7	—
	Трофейные САУ	3	3	—
	75-мм САУ(Мардер)	9	7	—
	Pz.Kpfw.IV	29	22	4
	PanzerJager.IV/ L70	15	14	1
	Pz.Kpfw.V	31	23	4
	StuG.IV	2	—	2
	ЗСУ	7	5	—
21 тд	Танки артиллерийских наблюдателей	5	4	1
	75-мм САУ(Мардер)	23	20	1
	88-мм ПТП на мехтяге	4	4	—
	Pz.Kpfw.IV	17	12	4
	PanzerJager.IV/ L70	18	12	6
20 тд	Pz.Kpfw.V	6	3	3
	StuG.III	16	9	7

75 пд	StuG.IV	7	5	2
	75-мм САУ(Мардер)	6	6	—
	StuG.III	10	6	2
	75-мм САУ(Мардер)	12	6	1
1 птд «Герман Геринг»	Pz.Kpfw.IV	11	10	1
	Pz.Kpfw.V	24	19	3
	75-мм САУ(Мардер)	3	2	1 [300]
17 пд	Jagdpanzer38(t) «Хетцер»	10	10	—
	75-мм САУ(Мардер)	11	11	—
344 пд	75-мм САУ(Мардер){~1}	4	4	—

{~1}по данным на 31 марта 1945 г.

Militaergeschichte № 2/1972, s. 196–197 со ссылкой на ЦАМО. ф. 6598, оп. 12450, д. 305, лл. 60, 61, 63, 65, 67, 76, 78.

Однако группе армий «Центр» не удалось в полной мере реализовать свой потенциал в сражении за немецкую столицу. Главной трудностью планирования оборонительного сражения, особенно в условиях острого недостатка сил, является правильная оценка замыслов противника. Немецкое командование в первой половине апреля ошибочно предполагало, что направлением главного удара Красной армии в полосе группы армий «Центр» будет Саксония. Считалось, что такой удар приведет к разделению Германии надвое и встрече с американцами на Эльбе. То есть предполагалось, что союзниками по антигитлеровской коалиции будет применен в стратегическом масштабе традиционный для операций по уничтожению «котлов» прием дробления окруженной группировки на части и их последовательное уничтожение. Поэтому сильные резервы группы армий «Центр» были сконцентрированы не на направлении будущего главного удара 1-го Украинского фронта, а намного южнее, в районе Герлица. Крупными подвижными резервами немцы планировали сохранить связь между северной и южной Германией, удержать хотя бы узкий коридор между ними.

Под Герлицем в феврале и начале марта 1945 г. уже были собраны соединения танкового корпуса «Бранденбург» и другие танковые и танко-гренадерские дивизии. В конце марта они были усилены танковым соединением, выведенным с берлинского направления. После эвакуации альдтамского [301] плацдарма части 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг» 27 марта были погружены в эшелоны на Штеттинском вокзале и отправились далеко на юг. В конце февраля уже были планы передачи дивизии в состав группы армий «Центр», но тогда этому помешала Восточно-Померанская операция. Уже 29 марта первые части 10-й танковой дивизии СС были выгружены в Бризене. Однако вскоре последовал приказ Шернера следовать еще дальше на юг, в район Герлица. Еще в то время, когда некоторые части «Фрундсберга» еще были в пути из Штеттина в Бризен, дивизия была погружена в эшелоны и отправилась на новое место. 2 апреля началась разгрузка из эшелонов в районе Лихенау, к востоку от Герлица. Здесь «Фрундсберг» оставался до самого начала советского наступления. Формально дивизия на 15 апреля 1945 г. подчинялась ОКВ.

В конце марта и начале апреля 1945 г. парашютно-танковый корпус «Герман Геринг» действовал в Верхней Силезии. 11 апреля 1-я парашютно-танковая дивизия получила приказ на сосредоточение в районе Герлица. Танки и артиллерия следовали по железной дороге, а колесный транспорт был отправлен своим ходом. Сосредоточившийся в районе южнее и западнее Герлица «Герман Геринг» поступил в подчинение XXXVIII танкового корпуса. Командованию дивизии предписывалось быть в готовности к действиям в северном и восточном направлении от места дислокации. Фердинанд Шернер собрал крупные силы в районе Герлица, ожидая [302] удара советских войск на запад и юго-запад к Эльбе на дрезденском направлении.

Поступавшая от разведки информация привела к метаниям и полумерам. 6 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» получила приказ на переброску в район Герлица. В назначенное место она прибыла 8 апреля. После четырех дней отдыха в новом месте расквартирования дивизия 12 апреля получила приказ на новый марш. К 13 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» своим ходом вышла в район Грауштайн (7 км восточнее Шпремберга). В итоге «Сопровождение фюрера» стало едва ли не единственным подвижным соединением, с самого начала сражения находившимся в подходящем для отражения советского наступления на Берлин

месте. Следует отметить, что перемещения дивизии не были отслежены [303] советской разведкой. В «Справке о группировке войск противника перед 1-м Украинским фронтом на 15.4.45 года» было сказано следующее: «Сняты с учета как отошедшие к 4-му Украинскому фронту в связи с изменением границы фронта — 16 тд и тд «Охрана фюрера» (так у нас переводили Fuehrer-Begleit-Division. — *А. И* .)»{134}. По информации разведуправления Генштаба Красной армии о перемещениях противника с 1 по 17 апреля дивизия «Сопровождение фюрера» была выведена в резерв, т.е. соединение фактически исчезло с горизонта советских разведчиков.

Также не была выявлена советской разведкой перевозка в 4-ю танковую армию 344-й пехотной дивизии. По данным разведки 1-го Украинского фронта, дивизия находилась на 14 апреля в районе Граца. 344-я пехотная дивизия была окружена и фактически разгромлена в начальной фазе Верхне-Силезской операции. Однако в Германии 1945 г. потрепанные в боях соединения быстро восстанавливали. Командовал 344-й пехотной дивизией генерал Эрвин Йолассе. Он начал войну с СССР командиром батальона, был дважды тяжело ранен (в ноябре 1941 г. и в октябре 1943 г.). Всю войну Йолассе был не пехотным, а мотопехотным командиром. 344-ю дивизию он принял в марте 1945 г.

Фронтом на восток на рубеже Нейсе оборонялись V армейский корпус и танковый корпус «Великая Германия». К 9-й армии группы армий «Висла» своим северным флангом примыкал V армейский корпус. В его состав на 15 апреля 1945 г. входили 342, 214 и 275-я пехотные дивизии и боевые группы двух эсэсовских дивизий — 35-й и 36-й.

Южнее V армейского корпуса находились позиции танкового корпуса «Великая Германия» генерала Георга Яуера. В состав корпуса к началу советского наступления входили танко-гренадерская дивизия «Бранденбург», 464-я пехотная дивизия, 615-я дивизия особого назначения и боевая группа 545-й народно-гренадерской дивизии. [304]

Перемены на Западном фронте

Когда передовыми отрядами армий 1-го Белорусского фронта были захвачены плацдармы на Одере, разница между положением советских и англо-американских

войск была огромной. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции только-только оправились от сильного удара, нанесенного им немецким наступлением в Арденнах. Передовые советские части стояли на Одере в 70 км от Берлина, а войска союзников находились в сотнях километров от него на западной границе Германии. Более того, наступление на «линию Зигфрида» в районе Эйфеля, начатое 28 января силами 1-й и 3-й американских армий, через три дня было остановлено Эйзенхауэром. Продвижение вперед было непропорционально потерям. Это стало одной из причин того, что на Ялтинской конференции Берлин был отдан в советскую зону оккупации.

Однако в феврале и марте 1945 г., когда советские фронты на берлинском направлении переживали кризис на флангах, англо-американские войска провели ряд операций, приблизивших их к немецкой столице.

Первым шагом стало продвижение к Рейну, начавшееся 8 февраля 1945 г. с наступления 1-й канадской армии из района Неймегена. 23 февраля к наступлению присоединились 1-я американская армия Ходжеса и 9-я армия Симпсона. Две армии начали наступление с рубежа реки Рур навстречу канадцам. Общий замысел наступления союзников предусматривал окружение немецких войск на западном берегу Рейна. 3 марта американские и англо-канадские войска соединились у немецкого города Гельдерна. 7 марта с захватом железнодорожного моста через Рейн у Ремагена был образован первый плацдарм союзников на восточном берегу реки. Это был единственный мост через Рейн, доставшийся союзникам неповрежденным. Для уничтожения моста у Ремагена были привлечены все средства, начиная от традиционной артиллерии и экзотических подводных диверсантов и заканчивая «чудо-оружием». По мосту было выпущено 11 ракет «Фау-2», что было единственным применением ракет в тактических целях. Для уничтожения моста была сформирована [305] специальная группировка, состоявшая из восьми бомбардировщиков «Арадо-234» (из 76-й бомбардировочной эскадры) и примерно тридцати «Ме.262» из I группы 51-й бомбардировочной эскадры. Первый налет не привел к успеху, равно как и следующие двенадцать. В конце концов бомбардировщику «Арадо-234» удалось повредить один мостовой пролет, но инженерные подразделения американцев быстро его исправили. Но в конце концов сильно поврежденный мост рухнул сам по себе, от близкого разрыва тяжелого снаряда. Однако к тому моменту американцы переправили на плацдарм пять дивизий, и разрушение моста запоздало.

Далее немецкое командование попало в типичную для стороны, вынужденной вести пассивную оборону, ловушку. Командующий группой армий «Б» Модель считал, что американцы начнут прорыв с северного фаса плацдарма у Ремагена с целью обеспечить форсирование Рейна своим соседям. Командующий оборонявшейся по периметру плацдарма 15-й немецкой армии фон Цанген считал более вероятным направлением удара центральную часть плацдарма. Однако последнее слово было за Моделем, и LIII корпус Байрлейна, в котором было сосредоточено большинство танков 15-й армии, занял оборону на северном фасе Ремагенского плацдарма. Здесь на реке Зиг была создана наиболее прочная оборона. В центре оборонялся второй по силе LXXIV корпус, а южный фас плацдарма занимал самый слабый LXVII корпус.

Вопреки ожиданиям Моделя удар был нанесен в центре ремагенского плацдарма. Начавшаяся 25 марта операция американских войск под кодовым наименованием «Вояж» уже на следующий день привела к обвалу немецкой обороны. Танки и «Ягдтигры» корпуса Байрлейна были просто обойдены. Уже 29 марта танковая колонна 1-й американской армии, пройдя за день 70 км, оказалась в 25 км от Падеборна, глубоко в тылу войск группы армий «Б». После короткого, но кровопролитного сражения у Падеборна, 1 апреля кольцо окружения вокруг немецкой группировки в Руре замкнулось. В гигантский «котел» попали около 370 тыс. человек. 28 марта Рур был объявлен «фестунгом», и вместо отступления на восток Модель решил его оборонять. В свою [307] очередь американское командование в лице Эйзенхауэра приняло решение сосредоточить усилия на периметре «котла», стремясь разбить окруженные войска противника. С этой целью 9-я американская армия была передана из состава 21-й группы армий Монтгомери в 12-ю группу армий Брэдли.

Англичане были отнюдь не в восторге от принятых Эйзенхауэром решений. 1 апреля 1945 г. Черчилль пишет президенту Рузвельту:

«...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они. Поэтому мое мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости»{135}.

Однако умирающий Рузвельт (американский президент скончался 12 апреля) уже не мог повлиять на Верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Западной Европе. Эйзенхауэр имел достаточные полномочия для проведения в жизнь принятых им решений. В своих воспоминаниях он впоследствии объяснял логику своих действий следующим образом: «Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин — символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников. Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием. Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, [308] в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач»{136}.

Таким образом, со стороны американского командования имел место сознательный отказ от участия в борьбе за Берлин. После того как у Монтгомери отобрали 9-ю американскую армию, перспектива прорыва к немецкой столице англичан была тем более туманной. Впоследствии это решение Эйзенхауэра стало объектом резкой критики, так как вместо почетной миссии взятия Берлина американским солдатам пришлось вести бои с окруженными немецкими войсками. К 18 апреля рурский «котел» окончательно развалился. 21 апреля командующий группой армий «Б» Вальтер Модель покончил жизнь самоубийством. Всего американскими войсками в

Руре было взято в плен 317 тыс. человек — больше, чем в Сталинграде и в Эль-Аламейне вместе взятых. Это стало некоторым утешением за ускользнувший из рук Берлин.

Впереди Берлин

Большая стратегия. Обеспечив себя в марте крупным монолитным Кюстринским плацдармом, Г. К. Жуков не собирался останавливаться на достигнутом. На 3 апреля 1945 г. [309] было назначено начало частной операции по объединению плацдармов 33-й и 69-й армий у Франкфурта-на-Одере. Ликвидацией франкфуртской группировки противника Жуков собирался обеспечить себе более широкое поле выбора направления главного удара. Приказ на наступление на Франкфурт был подписан 26 марта, а 28 марта были разработаны два плана наступления на Берлин. Они получили наименование вариантов «А» и «Б». По плану «А» предполагалось наступать на немецкую столицу, сосредоточив главные силы фронта на Кюстринском плацдарме. По плану «Б» основная ударная группировка сосредотачивалась на плацдарме у Франкфурта-на-Одере, захват которого собирались начать 3 апреля. Вариант «Б» предусматривал сосредоточение на Франкфуртском плацдарме 8-й гвардейской, 69-й и 33-й общевойсковых армий. На Кюстринском плацдарме оставалась 5-я ударная армия, усиленная 11-м танковым корпусом. 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать в полосе 69-й армии, а 2-я гвардейская танковая армия — в полосе 8-й гвардейской армии. Тем самым главный удар войск 1-го Белорусского фронта должен был наноситься в обход Зееловских высот.

С двумя вариантами плана операции Г. К. Жуков отправился 29 марта в Москву на прием к И. В. Сталину. Однако выбор варианта «А» или «Б» стал выбором политическим, а не военным. Крушение немецкого фронта на западе и не вполне очевидные планы союзников относительно Берлина побудили советское Верховное командование не затягивать с наступлением на немецкую столицу. Повествуя о планировании Берлинской операции, Жуков довольно много места в «Воспоминаниях и размышлениях» уделяет взаимоотношениям с союзниками и беспокойству Сталина относительно событий на Западном фронте. Наиболее существенным недостатком варианта «Б» была потеря времени на объединение

плацдармов 33-й и 69-й армий и разгром многочисленного гарнизона Франкфурта-на-Одере. В этих условиях выбор варианта «А» становился очевидным.

Следующим шагом стало привлечение к Берлинской операции застрявшего в Верхней Силезии 1-го Украинского [310] фронта. И. С. Конев прибыл в Москву 31 марта 1945 г., на два дня позже Г. К. Жукова. На следующий день состоялось совещание с участием командующих двух фронтов. Приглашать в Москву накрепко засевшего под Данцигом К. К. Рокоссовского было бессмысленно. Г. К. Жуков вспоминал: «1 апреля 1945 года Верховный Главнокомандующий заслушал доклад А. И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем — мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И. С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта»{137}.

Директивы Ставки командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на подготовку и проведение Берлинской операции были подписаны 2 и 3 апреля соответственно (текст директив см. в Приложении). Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-м Белорусским фронтом не оставляла сомнений относительно выбора варианта плана операции: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырех общевойсковых армий и двух танковых армий»{138}.

Пополнение. Развернувшаяся в феврале и марте борьба на флангах означала потери людей и техники, которые неуклонно снижали численность соединений 1-го Белорусского фронта. Пробиваться в Берлин бледными тенями дивизий и корпусов было нереально. Поэтому еще 27 февраля 1945 г. Г. К. Жуков запросил пополнение техникой для грядущего сражения за Берлин:

«Для приведения частей в порядок после Померанской операции для подготовки фронта к Берлинской операции прошу Вас дать 1-му Белорусскому фронту:

1. 100 танков М4-А2;

2. 250–300 танков Т-34;

3. 100 СУ-76;

4. 50 СУ-85; [311]

5. 30 тысяч [человек] пополнения для доведения [численности] стрелковых дивизий до 5–6-тысячного состава;

6. 2 боевых комплекта снарядов и мин.

Ваше решение прошу сообщить»{139}.

Пополнение не заставило себя ждать. Когда корпуса 1-й гв. танковой армии еще стояли под Гдыней, на станции Швибус с 20 по 30 марта разгрузились восемь эшелонов с новенькими «тридцатьчетверками». Танки принимали представители сражавшихся в Померании частей. Всего прибыло 193 танка Т-34–85. Наибольшее количество боевых машин (133 штуки) поступило с завода №183 в Нижнем Тагиле. Это был лучший советский танковый завод. Еще 40 танков прибыли с завода № 112 (г. Горький) и 20 — с завода № 174 (г. Омск). Продукция завода № 112 была известна как «сормовские уроды», и прибывшие машины в некоторой степени оправдали это наименование. Они имели всего по 20 кг масла в системе, а при снятии колпаков опорных катков выяснилось, что большинство из них имели неполное количество смазки. Четыре танка вообще не имели смазки в катках.

Прибывшие вместе с новыми танками водители прошли только обучение в учебных танковых полках и имели от 6 до 10 часов практики вождения. При разгрузке с платформ многие из водителей забывали снять горный тормоз, путали передачи. В общем, пополнение производило не лучшее впечатление. Рядом с водителями, прошедшими со своими машинами от Вислы до Одера, а потом до Гдыни, они смотрелись просто детьми.

В последних числах марта армия получила тяжелые танки и САУ: прибыли 21 танк ИС-2 и 21 ИСУ-122. Всего танковая армия М. Е. Катукова получила на доукомплектование до начала Берлинской операции 200 танков Т-34–85, 43 ИС-2, 20 ИСУ-122, 27 СУ-100 и 21 СУ-76. Из числа танков первоначального состава армии к дальнейшей эксплуатации после ремонта было допущено 92 Т-34–85, 14 СУ-85 и 18 СУ-76. Всего к 14 апреля 1945 г. в составе 1-й гв. танковой армии насчитывалось [312] 292 Т-34–85, 42 ИС-2, 21 ИСУ-122, 14 СУ-85, 27 СУ-100, 39 СУ-76 и 70 СУ-57{140}. Таким образом, танками армия была обеспечена на 60%. Как мы увидим далее, комплектность на две трети штата была типичной для советских танковых армий в Берлинской операции. Комплектность по танкам Т-34 в 104% перед Висло-Одерской операцией осталась далеко позади. С 14 апреля 1-й гв. танковой армии был подчинен 11-й танковый корпус И. И. Ющука, имевший к началу операции в строю 151 танк Т-34 (плюс 20 в ремонте), 21 ИС-2, 6 СУ-85, 14 СУ-100 и 21 СУ-

76{141}. Ни одна из бригад корпуса И. И. Ющука не имела штатного количества танков. В 20-й танковой бригаде было 39 танков, 36-я танковая бригада — 52, 65-я танковая бригада — 48. Армия Катукова стала трехкорпусной, что тоже было своего рода стандартом для Берлинской операции.

Следующим на очереди на пополнение техникой был второй танковый меч Жукова, вторая танковая армия его фронта. За две недели до наступления на Берлин 2-я гв. танковая армия отнюдь не поражала комплектностью бронетехники. На 1 апреля в ней насчитывалось исправными всего 78 Т-34, 12 ИС-2, 80 М4А2 «Шерман», 15 ИСУ-122, 31 СУ-100, 14 СУ-85, 26 СУ-76 и 4 СУ-57{142}. Трехкорпусная армия по числу танков не дотягивала до штатной численности одного танкового или механизированного корпуса. Общую картину несколько сглаживала 31 новенькая СУ-100, поступившая в конце марта 1945 г. и еще не успевшая побывать в бою. Поступление танков и САУ на доукомплектование 2-й гв. танковой армии началось 5 апреля 1945 г. Всего для армии на станцию Швибус (западнее Познани) подали под разгрузку 14 эшелонов. С эшелонами прибыли 392 единицы бронетехники (200 Т-34, 21 ИС-2, 26 ИСУ-122, 15 СУ-100, 30 СУ-76 и 100 М4А2){143}. В результате ремонта старых и получения новых танков и САУ 2-я гв. танковая армия к началу Берлинской [313] операции имела 685 боевых машин (310 Т-34, 33 ИС-2, 184 М4А2, 41 СУ-122, 46 СУ-100, 15 СУ-85 и 56 СУ-76){144}. Несмотря на поступление новых танков, комплектность танковых армий к началу наступления на Берлин была существенно ниже той, с которой они стартовали в январе с вислинских плацдармов.

Однако сама по себе необходимость проведения крупной наступательной операции в Восточной Померании и само ее неспешное развитие заставили пересмотреть февральскую заявку. Командующий 1-м Белорусским фронтом вышел к Верховному не только с двумя вариантам плана наступления на Берлин, но и с перечнем ресурсов, необходимых для реализации этих планов. 28 марта 1945 г. Г. К. Жуков обратился к И. В. Сталину с новой заявкой на пополнение людьми и техникой. В отношении бронетехники в ней было сказано следующее:

«Занарядить фронту россыпью для доведения до штатов:

танков ИС — 108 [130]

танков Т-34–748 [300 Т-34]

танков М4А2–115 [100 Шерман]

ИСУ-122–29 [60]

ИСУ-152–8 [40]

СУ-85–92 [80]

СУ-76–266 [220]

Всего танков — 971

самоходных орудий — 395»{145}.

В квадратных скобках показана карандашная правка, предположительно рукой Г. К. Жукова. Как мы видим, цифры округлены, запрос по Т-34 и СУ-76 снижен в пользу тяжелых танков и тяжелых САУ — 1-му Белорусскому фронту предстоял прорыв эшелонированной обороны и бои в городе. Однако поступление запрошенной Жуковым в марте техники началось буквально за несколько дней до начала Берлинской [314] операции. Эшелоны с 300 Т-34 и 100 «Шерманами» прибывали на станцию Швибус в период с 11 по 19 апреля{146}. Эти танки можно было использовать для пополнения механизированных частей и соединений фронта в ходе операции.

Помимо танков «россыпью» Г. К. Жуков попросил у И. В. Сталина один танковый корпус и два мехбатальона особого назначения (ОСНАЗ) амфибий. Батальоны амфибий в заявке подчеркнуты карандашом. Действительно, среди озер и каналов на берлинском направлении специальные средства форсирования были ценнее потрепанного корпуса с другого участка фронта. Плавающие танки в СССР не производились с 1941 г. и батальоны амфибий комплектовались поступавшими по ленд-лизу плавающими автомобилями Ford GPA. Запрос был удовлетворен, и к 12 апреля в районе Либбенау сосредотачивались 283-й и 286-й батальоны амфибий. Сами по себе батальоны автомобилей-амфибий не были новинкой — в состав 1-го Белорусского фронта уже входили 273-й и 274-й мехбатальоны ОСНАЗ. Всего в Красной армии на тот моменты было десять батальонов ОСНАЗ, т.е. едва ли не половина была собрана под Берлином.

Запрашивая у И. В. Сталина пополнение людьми и техникой 28 марта 1945 г., Г. К. Жуков первый пункт заявки посвятил «богу войны» — артиллерии: «Дополнительно усилить фронт двумя артиллерийскими дивизиями [3 ад прорыва], одной дивизией

М-31 трехбригадного состава, тремя-четырьмя истребительно-противотанковыми бригадами, четырьмя полками М-13 [1 див. М-31] и тремя артиллерийскими зенитными дивизиями»{147}. В квадратных скобках показана карандашная правка документа. Эта заявка была удовлетворена Верховным командованием в урезанном виде. 1-му Белорусскому фронту был передан 3-й артиллерийский корпус прорыва в составе 2-й и 18-й артиллерийских дивизий. Матчасть на гусеничной тяге и тяжелые грузы артиллерийского [315] корпуса прибывали 16 эшелонами до 8 апреля 1945 г. Остальная техника дивизии двигалась походом. Не дав Жукову три артиллерийские дивизии прорыва, командование компенсировало артиллерию реактивными минометами. 1-й Белорусский фронт получил две гвардейские минометные дивизии вместо одной запрошенной. Они также прибывали по железной дороге и походом в период 6–8 апреля 1945 г.

В первом абзаце заявки Сталину на дополнительные силы и средства для наступления после артиллерийских и минометных дивизий карандашом было написано «армия Горбатова». Действительно, 1-й Белорусский фронт получал 3-ю армию А. В. Горбатова, высвободившуюся после боев в Восточной Пруссии. 40 эшелонов с пехотой, артиллерией и тяжелыми грузами прибывали 7–17 апреля 1945 г. Артиллерия на механической тяге, на конной тяге и обоз двигались походом. В назначенном районе в глубине построения войск фронта 3-я армия должна была сосредоточиться уже после начала операции — 20 апреля 1945 г.

К апрелю 1945 г. советская авиация обладала неоспоримым преимуществом в воздухе, и поэтому заявка на усиление авиацией шла в заявке Сталину предпоследним пунктом. Командующий 1-м Белорусским фронтом просил один корпус Ту-2, один Пе-2 и один корпус истребителей. Карандашной правкой заявка была снижена с авиакорпусов до авиадивизий на самолетах тех же типов. Фронт получил один корпус истребителей (1-й ИАК из 3-й и 4-й гв. иад) и 188-ю бомбардировочную авиадивизию на самолетах Пе-2. Дополнительных бомбардировщиков Ту-2 фронту так и не дали. ВВС 1-й Белорусского фронта начали наступление на Берлин, имея четыре авиадивизии на Пе-2 и три на Ту-2. Следует отметить, что в составе 2-й и 4-й воздушных армий, поддерживавших 1-й Украинский и 2-й Белорусский фронты соответственно, вообще не было авиадивизий на бомбардировщиках Туполева. Более того, в 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта были собраны практически все Ту-2, имевшиеся в

советских ВВС. Будучи самым скоростным советским фронтовым бомбардировщиком и абсолютным [316] рекордсменом по бомбовой нагрузке (3 тонны), Ту-2 составляли всего 9% парка самолетов этого класса. Он не стал основным средним советским бомбардировщиком, каким даже в последние дни оставался созданный в предвоенной спешке Пе-2.

Последним, что попросил Жуков у Сталина 28 марта, были людские резервы: «Ввиду малочисленности пехоты стрелковых дивизий, занарядить фронту 30 000 пополнения»{148}. Этот запрос был удовлетворен полностью. 30000 человек на укомплектование пехотных соединений фронта прибывали тремя группами. Первая (13 100 чел.) прибывала по железной дороге 15 апреля, вторая (14 200 чел.) — 20 апреля, третья (2700 чел.) — 30 апреля. Прибытие пополнения «впритирку» к началу операции не позволяло пополнить стрелковые соединения, но могло помочь поддерживать их численность.

Большой план. Получив запрошенное пополнение или хотя бы его часть, командующий 1-м Белорусским фронтом 12 апреля выпустил пакет директив на наступление. В отличие от своих коллег, писавших пространные директивы всем армиям сразу, Г. К. Жуков ставил задачи подчиненным ему армиям несколькими частными директивами, разделив объединения своего фронта на несколько групп. Командующий фронтом частной постановкой задач разделил их на «корневых», «пристяжных» и делегацию для встречи с американскими войсками на Эльбе. Построение директив было стандартным: данные о противнике, соседи, задачи по рубежам на первые четыре дня наступления и конечная задача в операции.

Первой по номеру была частная директива № 00539/оп, адресованная лично командующим 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й танковым армиям. Эти четыре армии были «корневыми», которым предстояло наступать непосредственно на Берлин с Кюстринского плацдарма. Каждая из двух общевойсковых армий-»корневых» получила на усиления две артиллерийские дивизии прорыва. Прибывшие в ответ [317] на заявку Сталина от 28 марта 2-я и 18-я артиллерийские дивизии были переданы 5-й ударной и 8-й гвардейской армиям соответственно. Все остальные армии фронта имели по одной артиллерийской дивизии прорыва или не имели таковых вовсе.

Основной удар по городу Берлину должна была нанести 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова. Ее задачей по частной оперативной директиве № 00539/оп было:

«Прорвать оборону противника на участке: ст. (1 км юго-вост. Гольцов), Г [осподский]. Дв [ор]. (2 км вост. Заксендорф) и, развивая удар в общем направлении: Зеелов, Требнитц, Гарцау, Дальвиц, Силезский вокзал, Шарлоттенбург, овладеть рубежами:

а) В первый день операции — Альт-Розенталь, Ной-Энтемпель, Лицеи; [318]

б) Во второй день операции — Гарцин, выс. 78,2, оз. Максзее;

в) В третий день операции — искл. Альт-Ландсберг, вост. окр. Хоппегартен, Калькберге.

В дальнейшем овладеть пригородами: Марцан, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Каульсдорф, Мальсдорф, Дальвиц, центральной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавель»{149}.

«Запас прочности» у армии В. И. Чуйкова для выполнения поставленной задачи был небольшой. См. таблицу. Перед Висло-Одерской операцией соединения 8-й гв. армии насчитывали около 6 тыс. человек, а перед Берлинской операцией большинство дивизий не дотягивали до 5 тыс. человек. Численность стрелковых рот дивизий 8-й гв. армии была примерно 50% от штатной. Обращаю внимание на большое количество трофейных фаустпатронов, применявшихся советскими войсками как инженерные боеприпасы.

Боевой и численный состав войск 8-й гв. армии по состоянию на 10 апреля 1945 г.

	35 гв. сд	47 гв. сд	57 гв. сд	39 гв. сд	79 гв. сд	88 гв. сд	27 гв. сд	74 гв. сд	82 гв. сд
Офицеров	633	663	616	678	657	654	655	643	678
Сержантов	1153	1237	1036	1296	1397	1208	1229	1112	1469
Рядовых	3280	3000	3135	2903	2775	3075	2938	2985	2916

Всего людей	5066	4900	4787	4877	4829	4937	4822	4740	5063
Лошадей	1266	1050	1224	1145	1220	1098	1028	1284	1205
Винтовок	2776	2609	2526	2680	2890	2534	2514	2507	2391
ППШ/ППД	1177	1054	990	1079	1206	1034	1115	1087	844
Пулеметы									
Ручные	137	137	127	153	135	145	145	124	156
Станковые	48	49	47	62	44	51	48	53	52
Зенитные	12	16	17	18	16	15	17	17	16 [319]
Минометы									
120-мм	17	19	14	18	18	18	17	17	20
82-мм	42	46	36	49	48	46	41	40	44
ПТР	48	63	47	51	45	40	50	43	36
Фаустпатроны	300	411	305	605	337	336	534	336	1640
Автомашин	128	136	126	176	158	160	144	149	152
Артиллерия									
122-мм Г	14	13	16	15	16	14	16	16	16
76-мм ДА	31	32	29	32	32	33	31	32	31
76-мм ПА	9	9	7	8	8	9	7	9	7

45-мм ПТП	12	12	10	14	11	11	11	9	12

Г — гаубицы,

ДА — дивизионной артиллерии,

ПА — полковой артиллерии.

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 366, л. 223.

В целом состояние соединений 8-й гв. армии было достаточно характерным для войск, находившихся в подчинении Г. К. Жукова перед Берлинской операцией. Боевой и численный состав других армий 1-го Белорусского фронта см. в приложении.

Нехватку пехоты наступающих на Берлин армий можно было компенсировать танковым ударом. На 15 апреля 1945 г. танковые части 8-й гв. армии насчитывали: 7-я отдельная тяжелая танковая бригада — 64 ИС-2, 34-й гв. тяжелый танковый полк — 18 ИС-2, 259-й танковый полк — 10 Т-34, 65-й танковый полк — 17 Т-34, 1087-й самоходный артполк — 18 СУ-76, 694-й самоходный артполк — 10 СУ-76, 1061-й самоходный артполк — 14 СУ-76, 371-й гв. самоходный артполк — 10 СУ-76, 394-й гв. тяжелый самоходный артполк — 14 ИСУ-152. Таким образом, слабосильные дивизии армии Чуйкова обладали внушительным танковым тараном из 82 тяжелых танков ИС-2. [320]

Правым соседом 8-й гвардейской армии была 5-я ударная армия Н. Э. Берзарина. Ей в указанной частной директиве была поставлена задача:

«Прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Цехин), Гольцов и, развивая удар в общем направлении Цехин, Ной-Харденберг, Грунов, Везенталь, Блюмберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами:

а) В первый день операции — искл. Альт-Фридлянд, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь;

б) Во второй день операции — искл. Претцель, Рульсдорф;

в) В третий день операции — искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее»{150}.

Если наложить эту задачу на карту, то получается наступление в западном направлении темпом 14–15 км в сутки с захватом северной части Берлина.

Для непосредственной поддержки пехоты Н. Э. Берзарину достались две гвардейских тяжелых танковых бригады — 11-я и 67-я. Кроме того, в составе 5-й ударной армии был 220-я отдельная танковая бригада (26 Т-34) и 92-й инженерно-танковый полк (15 Т-34 тральщиков). Всего в составе танковых частей армии насчитывалось 353 бронеединицы (128 ИС-2, 41 Т-34, 3 Т-70, 134 СУ-76, 26 ИСУ-122 и 21 ИСУ-152){151}. Большое количество СУ-76 объясняется наличием самоходно-артиллерийских дивизионов в каждой из девяти дивизий 5-й ударной армии. В осадах было сосредоточено 94 СУ-76, от 7 до 13 в каждой дивизии.

Как мы видим, по числу тяжелых танков ИС-2 две общевойсковые армии вдвое крыли обе танковые армии главной ударной группировки. В рамках решения проблемы небольшого боекомплекта советского тяжелого танка в 7-й гв. тяжелой танковой бригаде боекомплект каждой машины был [321] доведен до 42 выстрелов вместо 28 штатных. Мощные 122-мм орудия ИСов должны были разрушать опорные пункты противника и гарантированно поражать любые танки противника в засадах и в случае контратак. В связи с этим обращаю внимание, что самоходных артиллерийских полков на специализированных истребителях танков типа СУ-85 и СУ-100 в составе 8-й гвардейской и 5-й ударной армий не было. Две сотни ИС-2 с лихвой компенсировали отсутствие САУ истребителей танков.

Если отягощенные массой артиллерии и тяжелой бронетехники общевойсковые армии были сильны своим ударом, то танковые армии должны были стать легким, но гибким и дальнобойным инструментом ведения операции. Преимуществом танковых объединений являлись большее число средних танков и САУ, а также наличие мотопехоты. Плановое использование двух танковых объединений 1-го Белорусского фронта в битве за Берлин было довольно необычным. По Директиве Ставки ВГК № 11059 их предполагалось «ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока». Эта рекомендация отражает скорее беспокойство советского Верховного командования относительно скорейшего установления согласованной в Ялте линии соприкосновения с союзниками по Эльбе.

Перспектива использовать могучие танковые армии для выстраивания их перед союзниками на Эльбе с плакатиками «Ты туда не ходи, ты сюда ходи!» Жукова, конечно же, не устраивала. Увод двух механизированных объединений от Берлина означал долгий и кровавый штурм набитого отступившими в него войсками «фестунга» 4-тысячными дивизиями общевойсковых армий. Поэтому предложенному Ставкой плану Георгий Константинович в своих частных директивах не последовал. Разумеется, никто не собирался бросать танкистов на тесные улицы. Сложности использования танковых соединений в крупном городе были очевидны и поэтому 1-я и 2-я гв. танковые армии должны были лишь подготовить Берлин к штурму общевойсковыми армиями. Обе танковые армии Жуков предполагал вводить в прорыв на рубеже, лежащем [323] примерно на полпути между исходными позициями, и задачей первого дня 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

На второй день после ввода в прорыв 2-я гв. танковая армия должна была:

«Выйти в район: Биркенвердер, Хейлигензе, Розенталь, Шенвальде.

В дальнейшем — одним корпусом захватить переправы через Гогенцоллерн-канал на участке Ораниенбург, Геннигсдорф и овладеть плацдармом на его зап. берегу. Главными силами армии ударом на юг, во взаимодействии с 1-й гв. ТА, овладеть северо-западной-частью г. Берлина до линии железной дороги Бернау, Панков, Шарлоттенбург, ст. 1 км вост. Ваннзее»{152}.

Если расшифровать эту задачу, то танковая армия С. И. Богданова должна была обойти Берлин с севера и повернуть на его северо-западную окраину. Тем самым выстраивалась «пробка» между защитниками немецкой столицы и резервами, которые могли подойти им на выручку с северо-запада и запада. Одновременно захватывался перспективный плацдарм на Гогенцоллерн-канале для вооруженной делегации по встрече с союзниками.

Задача 1-й гв. танковой армии была симметричной задаче 2-й гв. танковой армии относительно центра Берлина. На второй день после ввода в прорыв армия М. Е. Катукова должна была:

«Овладеть районом: Марцан, Карлсхорст, Шеневейде, Копеник, Фридрихсхаген, Ноенхаген.

В дальнейшем ударом на юго-запад, во взаимодействии со 2 гв. ТА, овладеть районом: Шарлоттенбург, Вильменсдорф, Целендорф, Лихтенраде, Рудов, приг. Трептов, Нейкельн»{153}.

Перечисленные в задачах 1-й гв. танковой армии названия это в основном не районы самого города Берлин, а его пригороды. Районами Берлина среди вышеперечисленного являются Шарлоттенбург, Вильменсдорф, Трептов и Нейкельн. Описанными в директиве № 00539/оп маневром 1-й [324] гв. танковой армии защитники города изолировались от подхода резервов с юга и юго-востока. Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на Окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану «обволакивали» немецкую столицу, подобно тому, как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катукова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона.

Справа и слева от «корневых» главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта должны были наступать две пары армий-»пристяжных». Слева от «корневых» в роли «пристяжных» выступали 69-я и 33-я армии. Этим двум армиям была поставлена задача единой частной директивой № 00543/оп. 69-я армия должна была стартовать с южной части Кюстринского плацдарма и наступать по маршруту, параллельному направлению движения главной ударной группировки фронта. Тем самым армии на направлении главного удара избавлялись от необходимости растягивать фланги. Директивой № 00543/оп предполагалось участие армии В. Я. Колпакчи в штурме немецкой столицы: «на шестой день операции овладеть юго-восточной и южной частью города Берлин и выйти на юго-восточный берег оз. Хавель»{154}.

33-я армия В. Д. Цветаева должна была стартовать с северного фаса захваченного в феврале 1945 г. плацдарма на Одере. В первую очередь две армии-»пристяжные» должны были реализовать задуманное еще в конце марта объединение плацдармов. Вспомогательными ударами по сходящимся направлениям 33-я и 69-я армии

должны были сомкнуть фланги и окружить «фестунг» Франкфурт-на-Одере. Однако главная задача той и другой армии лежала далеко на западе от [325] последнего немецкого плацдарма на восточном берегу Одера. Конечной задачей 33-й армии было, «обеспечивая свой фланг с юга и юго-запада, наступать в общем направлении Кенигс-Вустерхаузен, Михендорф, Бранденбург»{155}. Двигаясь на запад, 33-я армия должна была одновременно оттеснять противостоящего противника на юго-запад, отбрасывая его части в направлении стыка с 1-м Украинским фронтом.

Каждая из левофланговых армий-»пристяжных» получила одну артиллерийскую дивизию прорыва. Также 33-я армия получила 2-й гв. кавалерийский корпус и два укрепрайона. Последние можно было использовать для заслонов против контрударов противника. Кроме того, обе армии получили средства преодоления рек и каналов. Армия В. Я. Колпакчи получила в свое распоряжение 273-й батальон особого назначения (амфибий) из числа старых батальонов ОСНАЗ фронта. Армия В. Д. Цветаева получила 283-й батальон особого назначения (амфибий), один из двух батальонов ОСНАЗ, переданных 1-му Белорусскому фронту незадолго до начала операции. Это было связано с необходимостью для войск этих двух армий действовать в лесисто-озерном районе к юго-востоку от Берлина.

Севернее «корневых» должны были наступать правые «пристяжных» в лице 3-й ударной и 47-й армий. Им Г. К. Жуков поставил задачи частной оперативной директивой № 00542/оп. По первоначальному замыслу операции ни Егоров, ни Кантария, ни капитан Неустроев не должны были оказаться у Рейхстага. Если бы все развивалось по частной оперативной директиве № 00542/оп, их имена никогда не стали бы известны миллионам сограждан. Получившая впоследствии славу покорителя Рейхстага, 150-я стрелковая дивизия Шатилова, как и десятки других соединений на берлинском направлении, прошла бы мимо немецкой столицы, выполняя свою узкую задачу. 3-я ударная армия В. И. Кузнецова должна была наступать параллельно главной ударной группировке фронта, не входя в Берлин. Если конечной целью «корневых» было озеро Хавельзее, то 3-я ударная армия [326] должна была обойти его с севера и «заглянуть» за него. Конечной задачей армии было «на восьмой день операции овладеть районом: Геннигсдорф, Бризеланг, Фарлянд, Кладов, Гатов, Шпандау»{156}. Армия В. И. Кузнецова, единственная из общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта, получила на

усиление подвижное соединение — 9-й танковый корпус. Справа от 3-й ударной армии должна была наступать 47-я армия. Ее конечной целью был выход на р. Эльба. Плановый темп наступления 3-й ударной и 47-й армий составлял примерно 15 км в сутки.

Двум армиям на правом фланге 1-го Белорусского фронта задачи ставились раздельно. Связано это было скорее с языковым барьером — одной из них была 1-я армия Войска Польского. Частной оперативной директивой № 00541/оп польским войскам предписывалось форсировать р. Одер и уже в первый день наступления выйти к Альте Одер и захватить плацдарм на его западном берегу. На второй день операции 1-я польская армия должна была форсировать Альте Одер и далее наступать на запад. Для форсирования двух водных преград армия получала 274-й батальон особого назначения (амфибий). На одиннадцатый день операции польские части должны были выйти на р. Эльба.

Правым соседом 1-й польской армии была 61-я армия П. А. Белова. Она занимала позиции на правом фланге 1-го Белорусского фронта и примыкала к 49-й армии 2-го Белорусского фронта. По частной директиве № 00540/оп 61-я армия должна была форсировать Одер и уже к исходу дня 16 апреля овладеть обширным плацдармом на его западном берегу. Что интересно, именно в частной директиве 61-й армии мелькает в явном виде дата начала наступления — 16 апреля. Во всех остальных директивах написано только: «Время начала наступления согласно моих личных указаний». Армии П. А. Белова передавался 286-й батальон особого назначения (амфибий), прибывший незадолго до начала операции. На 15 апреля 286-й батальон ОСНАЗ насчитывал в строю 99 амфибий [327] «Форд». Бронетехника 61-й армии была представлена тремя полками СУ-76: 1899 (11 СУ-76 в строю на 15 апреля), 312 (21 СУ-76) и 1811-м (20 СУ-76).

После форсирования Одера 61-я армия должна была наступать на запад, «обеспечивая свой правый фланг от контрударов противника с севера и северо-запада». Конечной целью наступления был выход на р. Эльба. Расположение армии П. А. Белова на фланге означало как вполне вероятный вариант действий оборону фронтом на север подобно февралю 1945 г.

Ни 61-я армия, ни 1-я польская армия не получали средств усиления класса артиллерийских дивизий. Тем самым они радикально отличались по составу как от

«корневых», так и от «пристяжных», составляя делегацию для встречи с союзниками на Эльбе. Видимо, считалось, что на периферии обороны Берлина эти две армии встретят слабое сопротивление противника. 61-й армии также подчинялся 7-й кавалерийский корпус, который можно было применить [328] при слабом противодействии противника. На этом фоне несколько странно выглядит оценка противника, данная в директиве № 00540/оп. Предполагалось, что 61-й армии противостоят в первой линии 1-я дивизия морской пехоты, 11-я моторизованная дивизия СС, 610-я пехотная дивизия особого назначения, 503-й танковый батальон («Тигров»), а в качестве резерва указывалась 10-я моторизованная дивизия СС. В действительности последняя (10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг») к тому моменту уже находилась в подчинении группы армий «Центр» и дислоцировалась в районе Герлица.

Заключительной частью всех частных директив были указания по сохранению готовящейся операции в тайне:

«8. С директивой разрешаю ознакомить начальника штаба, начальника оперативного отдела штаба армии и командующего артиллерией армии.

Остальным исполнителям ставить задачи в пределах выполняемых ими обязанностей.

Командирам полков письменных распоряжений не давать, задачи поставить устно за три дня.

По службе тыла общих директив не давать, ограничиться устными распоряжениями.

9. Всему личному составу войск армии разъяснять, что нашей задачей является упорная оборона на длительное время.

Младшему ком. составу и красноармейцам задачу на наступление объявить за 2 часа до атаки.

10. Время начала наступления согласно моих личных указаний»{157}.

С целью дезориентировать немецкое командование относительно направления главного удара 1-го Белорусского фронта был предпринят ряд отвлекающих маневров. В частности, было организовано ложное сосредоточение в районе южнее Штеттина. Однако убедить противника, что главный удар будет наноситься не с Кюстринского плацдарма, а через Ост и Вест Одер южнее Штеттина, было

затруднительно. Выстраивавшаяся Г. К. Жуковым комбинация с образованием [329] Франкфуртского и Кюстринского плацдармов не получила своего развития. Соответственно заставить противника распылить внимание и силы между двумя крупными плацдармами стало невозможно.

Информированность немцев относительно ближайших планов Красной армии хорошо видна по документам ГА «Висла». На совещании в штабе группы армий 7 апреля 1945 г. время начала советского наступления и направление главного удара было определено довольно точно: «Ia (начальник оперативного отдела. — *А. И.*) группы армий докладывает о положении группы армий. Следует ожидать наступления на широком фронте силами Второго Белорусского фронта на северном фланге, и, вероятно, [выступления] Третьего Белорусского фронта [1-го Украинского фронта? — *А. И* .] на южном фланге. Начало генерального наступления, по всей вероятности, лишь после окончания сосредоточения новых сил примерно через 8 дней (15 апреля?). Главный удар, вероятно, как и прежде против 9-й армии. (Здесь имеется уже плацдарм, кроме того, Первый Белорусский фронт Жукова на тесном пространстве по обеим сторонам от Кюстрина.). На участке 9-й армии вероятны в ближайшее время подготовительные атаки для расширения исходных позиций юго-восточнее Кюстрина»{158}.

В условиях, когда отсутствовала внезапность наступления, добиться желаемого результата можно было безукоризненной техникой проведения операции. Для советского командования новая тактика немецкой обороны не была секретом. Информация о готовящемся маневре была получена от пленных. Так в журнале боевых действий 5-й ударной армии указывалось: «По показаниям пленных, был отдан приказ: в случае решительного наступления русских отвести (накануне) основную массу пехоты на вторую оборонительную линию, подготовленную на удалении 2–5 км от первой. В траншеях первой линии оставить по одному отделению от роты»{159}. Соответственно задачей войск в подготовительный [330] период стало «вскрыть, где проходит истинный передний край (принимая во внимание последние данные разведки об оттягивании артиллерии противником на Зееловские высоты), чтобы не выпустить зря 2000 вагонов снарядов»{160}. Как мы видим, понимание принципов построения обороны на берлинском направлении имелось достаточно отчетливое. [331]

Еще одним ответом на отвод обороняющихся частей противника назад стало увеличение глубины поражения обороны противника в ходе артиллерийской подготовки. Ее продолжительность была определена в 20–30 минут на глубину до 10–12 км, а полосе 8-й гвардейской армии — до 17–19 км. Для нанесения короткого, но мощного удара на 175-километровом фронте плацдарма было сосредоточено 14038 орудий и установок реактивной артиллерии (без учета артиллерии двух танковых армий и 3-й армии, а также 45-мм и 57-мм противотанковых пушек). Только ствольной артиллерии (без 45-мм и 57-мм противотанковых орудий и зениток) было собрано 12 629 единиц. На направлении главного удара фронта в 44-километровой полосе Гюстербизе, Подельциг средняя плотность достигала 189 стволов и установок реактивной артиллерии на 1 км фронта. На направлении главного удара армий плотность была еще выше: 286 на 1 км в 5-й ударной армии, 270 на 1 км в 47-й армии, 268 на 1 км в 8-й гв. армии, 253 на 1 км в 69-й армии и 266 на 1 км в 3-й ударной армии. Только для обеспечения работы артиллерии в первый день операции был запланирован расход 1147659 снарядов и мин, 49940 реактивных снарядов. На каждый стрелковый полк в армиях, действующих на направлении главного удара, приходилось от 1,4 до 2,4 артиллерийских полков.

Одной из «изюминок» Берлинской операции стало нештатное применение в ней прожекторов. Зенитные прожекторы было решено использовать для освещения поля боя и ослепления противника в первый день наступления с Кюстринского плацдарма. Всего привлекались 143 прожекторные установки. Они изымались для этого из фронтовой прожекторной роты и прожекторных частей 5-го корпуса ПВО. Прожекторы были распределены по армиям следующим образом: 3-й ударной армии — 20 установок, 5-й ударной армии — 36, 8-й гвардейской армии — 51 и 69-й армии — 36. Позиции для прожекторов были выбраны и оборудованы заблаговременно. Прожекторы располагались по фронту на удалении 150–200 м один от другого и в 300–800 м от переднего края. Предполагалось, что прожекторы могли дать лучи на глубину до 5 км. [332]

В сущности, прожекторы были новым решением старой проблемы организации наступления в предрассветные часы, когда еще достаточно темно. В этом отношении Берлинская операция вовсе не была первым сражением, начинавшимся затемно. Так, для облегчения ориентирования пехоты в ночных условиях в ходе прорыва обороны на Сандомирском плацдарме в январе 1945 г. артиллерия

обстреливала населенные пункты в направлении наступления 122-мм осветительными снарядами. Там же для продвижения в темноте командиры отделений вешали на спину наполовину затемненный фонарь, а подчиненные следовали за движущимся вперед огоньком. Широко применялись светосигнальные ракеты, ось наступления батальонов обозначалась трассирующими снарядами. Жуковская задумка с прожекторами, по сути своей, была продолжением этих ухищрений, попыткой радикально решить проблему боя передовых батальонов.

Отдельную группу среди войск, изготовившихся к Берлинской операции, составляли штрафники. В составе 1-го Белорусского фронта был один штрафной батальон и двадцать шесть штрафных рот. Чаще всего в общевойсковой армии фронта было три отдельных штрафных роты. Штрафники были поражены той же болезнью, что и стрелковые соединения Красной армии в тот период — катастрофически низкой комплектностью личного состава. В 8-м штрафбате было около трети полагающегося по штату количества солдат, сержантов и офицеров (см. таблицу).

Боевой и численный состав 8-го отдельного штрафного батальона 1-го БФ по состоянию на 15 апреля 1945 г.

	По штату	По списку
Нач. состав	53	45
Мл. нач. состав	23	23
Рядовой состав	16	21
Переменный состав	768	164
Итого военнослужащих	860	253 [333]
Вооружение		
Винтовки	435	90
Пистолеты-пулеметы	139	83
Ручные пулеметы	36	8
Станковые пулеметы	9	3
Противотанковые ружья	16	4

Минометы 82-мм	9	0
Минометы 50-мм	9	0
Рации всех систем	2	1

ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2338, д. 124, л. 92.

За бортом разграничительной линии

Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом, и плох тот военачальник, что не хочет войти в столицу противника. Да и для простых солдат участие в боях за главный город врага было мечтой, которую они лелеяли в ледяной воде переправ, в бесконечных маршах и в становившихся на многие месяцы домом окопах. Многие трудные и кровопролитные сражения сотрутся из памяти людей в послевоенные десятилетия. Только в глубине души вернувшиеся с войны солдаты и офицеры будут знать, что самым трудным и запоминающимся был бой у никому не известной деревушки. Но лишь нескольким сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.

Задача, поставленная войскам 1-го Украинского фронта директивой Ставки ВГК № 11060 от 3 апреля 1945 г., в принципе не предусматривала их участия в сражении собственно за Берлин. Цели операции формулировались Ставкой следующим образом:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Котбус [334] и южнее Берлина. Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльбе до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг»{161}.

Иван Степанович Конев прекрасно понимал, что значит стать покорителем Берлина в глазах потомков. И потому даже в исходный план операции были заложены меры, позволяющие оспаривать славу захвата лежавших так близко и так далеко улиц немецкой столицы. Особую роль в сражении должны были сыграть 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко и 3-я гвардейская армия В. Н. Гордова. Очевидно,

что быстрее всего можно было выйти к Берлину подвижными соединениями. Однако Конев был человеком трезвомыслящим и поэтому понимал сложности ведения боев в городе крупными механизированными соединениями. Поэтому предполагалось задействовать в боях за Берлин пехоту 3-й гвардейской армии.

В общей директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. возможное участие 3-й гв. армии в сражении за Берлин предполагалось более чем скромным: «Подготовить одну стрелковую дивизию для действий в составе особого отряда 3 гв. ТА из района Треббин на Берлин». Задача армии в том виде, в котором она была поставлена В. Н. Гордову, формулировалась в выражениях куда более сильных:

«Армия со средствами усиления прорывает оборону противника на зап. берегу р. Нейсе на участке (иск.) Форст, (иск.) перекресток шоссе и автострады, 1 км юго-восточнее Клейн-Бадемейзель, уничтожает противостоящего противника и, стремительно развивая наступление главными силами в обход Котбус с юга, выходит на рубеж (иск.) Цоссен, [335] Беслиц, Нимчек, откуда главными силами атакует Берлин с юга и одним СК с юго-запада»{162}.

Между «главными силами атакует Берлин» и «одной стрелковой дивизией для действий в составе особого отряда» лежит пропасть. Неясным остается вопрос, как И. С. Конев предполагал вывести из боя против котбусской группировки противника всю 3-ю гв. армию и в полном составе бросить ее на Берлин. Возможно, предполагалось использование для прикрытия фланга полученных от Ставки резервов в лице 28-й и 31-й армий. Возможно также, что имелась надежда на быстрое свертывание обороны противника и общую дезорганизацию немецких войск к юго-востоку от Берлина.

В решении командующего 3-й гв. армии присутствовали такие слова:

«...нанося главный удар в обход Котбус с юга в направлении Фетшау, Гольсен, Лукенвальде, во взаимодействии с 3 гв. ТА главными силами выйти на рубеж (иск.) Цоссен, Беелитц, Нимечек, откуда двумя стрелковыми корпусами (120 и 76 СК) нанести удар по Берлину с юга и одним СК (21 СК) с юго-запада»{163}.

Генерал Гордов несколько модернизировал поставленную Коневым задачу. Хотя в общем описании задачи армии присутствовал оборот «в обход Котбуса», ось ее наступления проходила через сам город Котбус. Разграничительная линия между корпусами, проходившая через Котбус на Фетшау, делила армию на две части.

Севернее ее должны были наступать 76-й и 120-й стрелковые корпуса, а южнее — 21-й стрелковый корпус. 76-й стрелковый корпус должен был захватить переправу через Шпрее у Дебрика, севернее Котбуса, 120-й стрелковый корпус — в районе самого Котбуса и 21-й стрелковый корпус — южнее Котбуса. Город Котбус несколько самонадеянно предполагалось захватить «передовым отрядом» 120-го стрелкового корпуса. Решение В. Н. Гордова можно объяснить стремлением захватить и использовать крупное шоссе, которое в случае простого обхода [336] Котбуса стало бы рокадой для контрударов противника. Немцы смогли бы в условиях лесных массивов перемещать крупные массы войск от Форста к Котбусу и обратно. Одновременно захват крупной трассы вытеснял противника в труднопроходимый район к северу от Котбуса.

Поддержку частей 3-й гв. армии осуществляли две артиллерийские дивизии прорыва — 1-я и 25-я, по семь артиллерийских бригад каждая. Противотанковый резерв составляла 7-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада. Всего в армии Гордова к началу операции насчитывалось:

Минометы: 82-мм	520
120-мм	577
160-мм	64
Орудия: 45-мм	137
57-мм	5
76-мм полковых	57
76-мм дивизионных	475
100-мм	28
105-мм	4
122-мм гаубиц	295
122-мм пушек	11
152-мм гаубиц	63
152-мм пушек-гаубиц	59
203-мм	23

Реактивная артиллерия: М-13	48 установок
М-31	72 установки
Всего	2202 (без реактивных минометов){164}.

Из указанного количества стволов 293 орудия были в полосе 76-го стрелкового корпуса, а 1909 — сосредоточены в полосе прорыва 120-го и 21-го стрелковых корпусов на фронте шириной 8 км. Плотность артиллерии составляла 239 стволов на километр фронта. Вся эта масса артиллерии сосредотачивалась для поддержки девяти стрелковых дивизий в трех стрелковых корпусах 3-й гвардейской армии. Средняя [337] численность дивизии составляла 5 тыс. человек. То есть около 50 тыс. пехотинцев поддерживались более чем 2 тыс. орудий и минометов. Укомплектованным едва ли на 50% стрелковым ротам прокладывали дорогу многочисленные орудия и минометы, не имевшие проблем с боеприпасами. Интересно отметить, что орудий новых типов сравнительно немного — всего пять 57-мм ЗИС-2, двадцать восемь 100-мм БС-3 и шестьдесят четыре 160-мм миномета. Ядро артиллерии составляли старые добрые 76-мм пушки ЗИС-3 и 122-мм гаубицы М-30.

Однако если артиллерийская поддержка 3-й гв. армии была выше всяких похвал, то состояние ее танковых войск оставляло желать много лучшего. 25-й танковый корпус на 15 апреля представлял собой жалкое зрелище. В 111-й танковой бригаде было 4 боеготовых танка и 6 в ремонте, в 162-й танковой бригаде — ни одного боеготового и 7 танков в ремонте, только 175-я танковая бригада могла похвастаться 22 боеготовыми танками при 7 в ремонте, входивший в состав корпуса 262-й гв. тяжелый самоходно-артиллерийский полк насчитывал 15 боеготовых ИСУ-152 и 9 в ремонте{165}. Отдельные части 3-й гв. армии принципиально не изменяли ситуацию. [338] 87-й отдельный тяжелый танковый полк насчитывал 11 боеготовых танков и 3 в ремонте. 938-й самоходно-артиллерийский полк насчитывал боеготовыми 9 СУ-76. В некоторой степени плачевное состояние танковых войск 3-й гв. армии сглаживалось вводом в бой в ее полосе 3-й гв. танковой армии.

Если 3-й гвардейской армии на правом фланге фронта И. С. Конев поставил задачу без обиняков, то в отношении участия 3-й гв. танковой армии в сражении за Берлин первоначально были сделаны указания общего характера. Сложившийся к 8 апреля первоначальный план операции был еще достаточно осторожным. Он

предусматривал выход 3-й гв. танковой армии в район к западу от Берлина: «Ком. фронта ориентировал командующего армией о последующей задаче 3 гв. ТА в общем направлении на Бранденбург»{166}. Бросок на Берлин пока имел самые общие контуры. В директиве войскам фронта № 00211/оп от 8 апреля Конев приказывал Рыбалко: «Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга»{167}.

Характер использования 3-й гв. танковой армии поначалу шел вразрез с типичным для И. С. Конева вариантом с вводом механизированных объединений в бой, а не в прорыв. Согласно все той же директиве командующего 1-м Украинским фронтом № 00211/оп от 8 апреля 1945 г. 3-ю гв. танковую армию предполагалось ввести в прорыв с рубежа р. Шпрее в полосе 3-й гвардейской армии. Такое использование наиболее мощного средства ведения маневренных операции соответствовало указаниям, данным И. С. Коневу в директиве Ставки ВГК № 11060: «Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара»{168}. Танковую армию предполагалось ввести в [339] сражение только после выхода пехоты общевойсковых армий на рубеж р. Шпрее. Согласно журналу боевых действий 3-й гв. танковой армии этот вариант был в основном утвержден командующим фронтом 9 апреля. Руководствуясь первоначальным планом операции, П. С. Рыбалко приказом № 022/оп от 1.30 13 апреля описывал условия ввода армии в сражение следующим образом: «3 гв. ТА вводится в прорыв на участке 3 гв. А с рубежа р. Шпрее южнее Котбус и, стремительно развивая наступление в общем направлении Калау, Люккау, Люкенвальде, к исходу Д+3 овладевает районом Китлиц, Шлапендорф, Фостлих-Дрена, Калау»{169}. Сообразно этому он поставил своим подчиненным задачу «войти в прорыв с рубежа р. Шпрее на участке (иск.) Котбус, Галингхен, имея в первом эшелоне 6 и 7 гв. ТК и во втором эшелоне, за левым флангом 9 МК»{170}. 6-й гв. танковый корпус должен был одной бригадой содействовать штурму Форста, переправиться через р. Нейсе в ночь на Д+2 (т.е. в ночь на второй день операции), содействовать 3 гв. армии в захвате Котбуса и в ночь на Д+3 форсировать Шпрее южнее Котбуса. 7-й гв. танковый корпус также должен был в ночь на Д+2 форсировать Нейсе, а в ночь с Д+2 на Д+3 — Шпрее. Некий налет «коневщины» имело только участие 6-го гв. танкового корпуса в штурме Форста и Котбуса.

Однако 14 апреля И. С. Конев во изменение ранее отданных распоряжений дал указания об использовании танковой армии П. С. Рыбалко с первого дня операции. Во изменение предыдущего приказа командарм в 22.30 14 апреля издает новый приказ № 023/оп:

«1.6 гв. ТК с дивизионом 40 ПАБР в период артподготовки выйти на исходный рубеж лес вост. р. Нейсе на участке Гросс-Бадемейзель, Клейн-Бадемейзель, имея передовую бригаду непосредственно за боевыми порядками 21 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и наступая непосредственно за боевыми порядками 21 СК, обогнать пехоту на рубеже Носсдорф, Зиммерсдорф, к исходу Д+1 передовой бригадой [340] захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее на участке Мадлов, Галлинхен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Кикебуш, (иск.) Фрауендорф, Хугон, (иск.)Хазов. [...]

2. 7 гв. ТК в период артподготовки выйти на исходный рубеж лес вост. р. Нейсе на участке Клейн-Бадемейзель, Эрленхольц, имея передовую бригаду (56 гв. тбр) непосредственно за боевыми порядками 102 СК, не позже Ч+3 форсировать р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками 102 СК, обогнать пехоту на рубеже: Зиммерсдорф, Клейн-Кельциг к исходу Д+1 передовой бригадой захватить плацдарм на западном берегу Шпрее на участке Фрауендорф, Нейхаузен, главными силами корпуса к исходу Д+1 овладеть районом Фрауендорф, Нейхаузен, (иск.) Роггозен»{171}.

9-й механизированный корпус должен был наступать во втором эшелоне армии. 16-ю самоходно-артиллерийскую бригаду на ленд-лизовских СУ-57 предполагалось использовать для прикрытия левого фланга армии, а 57-й гв. тяжелый танковый полк (единственная часть армии Рыбалко, вооруженная ИСами) оставался в резерве командарма.

Приказы двум передовым корпусам словно написаны под копирку: «в период артподготовки выйти..., не позже Ч+3 форсировать..., к исходу захватить плацдарм...». По новому решению командующего фронтом танковая армия должна была форсировать р. Нейсе в боевых порядках пехоты, а в дальнейшем обогнать пехоту примерно на трети пути от Нейсе до Шпрее и к исходу первого дня наступления захватить плацдармы на р. Шпрее. Для ускорения продвижения вперед 6-й гв. танковый корпус уводился с линии Форст — Котбус, оставляя штурм этих

узлов сопротивления противника пехоте. Стрелковым корпусам общевойсковых армий также предписывалось выбросить передовые отряды для захвата плацдармов на Шпрее. Далее от танкистов Рыбалко ожидался стремительный прорыв в глубину. По приказу № 023/оп передовые отряды 6-го и 7-го гвардейских [341] танковых корпусов (по одной бригаде) на второй день наступления должны были захватить Дубэн и Люккау соответственно. Эти пункты лежали в 60–70 км от Нейсе. Тем самым темпы операции были ускорены, по крайней мере, на треть: к Дубену и Люккау нужно было выйти на сутки раньше, чем по первоначальному плану наступления. Конев явно решил прорваться к Берлину первым. При этом подчиненных о перспективах покорения немецкой столицы он не информировал. В отчете штаба 3 гв. танковой армии по итогам операции отмечалось: «Наступление на Берлин не входило первоначально в задачу 3 гв. ТА»{172}.

Поставленной в центр построения ударной группировки 1-го Украинского фронта 13-й армии Н. П. Пухова по первоначальному плану операции досталась роль связки между двумя крупными танковыми таранами. Директивой № 00211 от 8 апреля 13-й армии предписывалось «форсировать реку Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Бадемейзель, (иск.) Клайн-Зэрхен и наступать в общем направлении Гросс-Кельциг, Дребкау, Мюнххаузен, Шлибен, Цана»{173}. Ввод в прорыв танковой армии в полосе наступления 13-й армии первоначально не предполагался. Кулак, взламывающий оборону для ввода в брешь крупных танковых масс, должен был действовать южнее, где войскам 5-й гвардейской армии И. С. Коневым предписывалось: «форсировать р. Нейсе, прорвать оборону противника на участке Клайн-Зэрхен, Мускау и, развивая удар в общем направлении Гойерсверда, Швепнитц, северо-западная окраина Дрезден»{174}. Содействовать пехоте 5-й гв. армии А. С. Жадова должен был 4-й гв. танковый корпус П. П. Полубоярова. Всего для непосредственной поддержки пехоты в составе армии А. С. Жадова к началу операции было 115 танков и САУ. 4-ю гв. танковую армию предполагалось «ввести в прорыв на участке 5-й гв. армии с рубежа р. Шпрее и, стремительно развивая [342] наступление в общем направлении Гросс-Решен, Финстервальде, Шлибен, Цана, к исходу третьего дня операции овладеть районом Задо, Финстервальде, Гохра, Зархен»{175}. Отметим, что участие в сражении за Берлин танкистов Д. Д. Лелюшенко даже в форме некоего «особого отряда» пока не предполагалось. Назначенный в качестве конечной точки город

Цана располагался к юго-западу от немецкой столицы, на полпути от Берлина до Лейпцига.

Точно так же, как в случае с 3-й гв. танковой армией, первоначально 4-ю гв. танковую армию предполагалось использовать по канонам советской военной науки и вводить в прорыв с рубежа р. Шпрее. Командующий 4-й гв. танковой армии Д. Д. Лелюшенко впоследствии вспоминал: «В первой директиве штаба фронта (т.е. директиве № 00211 от 8 апреля 1945 г. — *А. И.)* требовалось осуществить ввод в прорыв 4-й гвардейской танковой армии лишь тогда, когда 5-я гвардейская армия форсирует р. Шпрее и захватит плацдарм. В этом случае пехоте из армии Жадова предстояло с боями пройти от р. Нейсе до р. Шпрее добрых 35–40 км, затратив, как минимум, 2 дня. Серьезно задумались над этим вопросом военные советы нашей и 5-й гвардейской армий. Дело осложнялось тем, что войска Жадова имели мало танков для непосредственной поддержки пехоты. Следовательно, он не мог бы стремительно развивать наступление, а противник получил бы возможность планомерно отходить на следующие рубежи, одновременно подтягивая резервы из глубины, тем более что Берлин был рядом. Это позволило бы ему организовать оборону на р. Шпрее, подготовиться к встрече нашей танковой армии, организованным огнем и инженерно-минными заграждениями застопорить развитие нашего успеха»{176}.

Стоит отметить, что и по плану операции 5-й гв. армии требовалось два дня на продвижение к Шпрее. Задача располагавшейся на левом фланге главной ударной группировки [343] 1-го Украинского фронта 5-я гв. армии была не из легких. Вследствие того, что войскам фронта в феврале — марте 1945 г. пришлось отвлекать значительные силы на фланги, к началу Берлинской операции не был ликвидирован опорный пункт противника в районе города Мускау. Здесь немецкие войска удерживали плацдарм на восточном берегу Нейсе. Форст и Мускау как бы образовывали «геркулесовы столпы», «угловые столбы», ограничивавшие полосу советского наступления с севера и юга. Форст попал в полосу 3-й гв. армии, а Мускау — в полосу 5-й гв. армии. Если остальные армии начинали операцию с форсирования Нейсе, то армия А. С. Жадова должна была вначале ликвидировать вражеский плацдарм. Сразу форсировать Нейсе мог только один правофланговый 32-й стрелковый корпус 5-й гв. армии. 32-й стрелковый корпус строился для наступления с форсированием реки в два эшелона, 34-й стрелковый корпус должен

был наступать на Мускау в одноэшелонном построении, а 33-й стрелковый корпус составлял второй эшелон 5-й гв. армии.

За два дня до начала операции Д. Д. Лелюшенко получил указание командующего 1-го Украинского фронта сразу ввести в бой сильные передовые отряды 4-й гв. танковой армии для ускорения взлома всей тактической глубины обороны противника. Предполагалось, что, как только 5-я гв. армия захватит плацдарм на западном берегу р. Нейсе и наведет мосты, передовые отряды танковой армии обгонят пехоту, чтобы к утру 17 апреля с ходу форсировать Шпрее. Тем самым формат использования обеих танковых армий становился традиционным для И. С. Конева вводом в бой в первый же день наступления.

Отказ от ввода 4-й гв. танковой армии с рубежа р. Шпрее заставил сместить ее из полосы 5-й гв. армии на стык 13-й и 5-й гв. армии. Также в полосу 13-й смещалась часть сил 3-й гв. танковой армии. Причина этого проста. В случае успешного прорыва обороны противника полосы наступления армий постепенно расширяются. Происходит это за счет свертывания обороны противника в сторону флангов и естественного разворота фланговых армий во фланг и тыл обойденных прорывом [344] соединений врага. Это позволяло планировать ввод танковых армий в прорыв в полосе одной общевойсковой армии. Сдвиг рубежа ввода обеих танковых армий назад естественно вызвал перекрытие полосы 13-й армии. Так, армия Н. П. Пухова получила подарок судьбы — поддержку крупных танковых соединений с первого дня операции. До судьбоносного решения вводить танковые армии в бой пехоту 13-й армии должны были поддерживать всего один танковый полк и четыре самоходно-артиллерийских полка (97 танков и САУ).

Танковый кулак маршала Конева. Решающую роль в предстоящем сражении должны были сыграть две танковые армии: 3-я гв. танковая армия П. С. Рыбалко и 4-я гв. танковая армия Д. Д. Лелюшенко. Кроме того, И. С. Конев планировал решительным маневром этих армий снискать себе славу покорителя Берлина. Поэтому имеет смысл остановиться на их состоянии и вооружении поподробнее.

3-я гв. танковая армия не участвовала в Верхне-Силезской операции 1-го Украинского фронта и могла потратить оставшийся до начала Берлинской операции месяц на пополнение людьми и техникой и подготовку к предстоящим боям. Работа предстояла большая: после январских и февральских боев, а также контрудара

противника под Лаубаном танковая армия П. С. Рыбалко являла собой жалкое зрелище. На 10 марта 6-й гв. танковый корпус насчитывал в строю 49 танков и 34 САУ, 7-й гв. танковый корпус — 19 танков и 3 САУ, 9-й механизированный корпус — 27 танков и 21 САУ, 50-й мотоциклетный полк — 6 танков, 14 бронетранспортеров. Только 57-й гв. тяжелый танковый полк, получивший 20 новых танков ИС-2, был достаточно боеспособным, и поэтому его включили в систему обороны 48-го стрелкового корпуса 52-й армии. Армия П. С. Рыбалко приводила себя в порядок на подступах к Бреслау. В случае попытки противника прорваться к осажденному городу потрепанные корпуса танковой армии могли преградить ему дорогу. Но в марте 1945 г. на внешнем фронте окружения Бреслау было тихо. Только по ночам над расположением войск армии стрекотали двигатели транспортников, летавших в «котел». [345]

Поскольку 3-я гв. танковая армия наступала, подбитые боевые машины эвакуировались и могли быть восстановлены. Но ремонтный фонд был, конечно же, не единственным источником пополнения техникой. В течение марта месяца на пополнение армии поступило 187 танков и 75 САУ, 4360 человек. К началу Берлинской операции в составе 3-й гв. танковой армии насчитывалось исправными 397 Т-34–85, 12 Т-34–76, 22 ИС-2, 51 ИСУ-122, 39 СУ-100, 27 СУ-85, 45 СУ-76 и 39 СУ-57{177}.

Распределение этих боевых машин по корпусам и отдельным частям было следующим. 6-й гв. танковый корпус к началу Берлинской операции имел в строю исправными 133 танка и 49 САУ. 51-я танковая бригада корпуса насчитывала 40 танков, 52-я гв. танковая бригада — 37 танков, 53-я гв. танковая бригада — 38 танков. 7-й гв. танковый корпус имел в строю 133 танка и 54 САУ. 54-я гв. танковая бригада корпуса насчитывала 39 танков, 55-я гв. танковая бригада — 43 танка, 56-я гв. танковая бригада — 42 танка. 9-й механизированный корпус имел в строю 105 танков и 50 САУ. Соответственно 69-я механизированная бригада насчитывала 19 танков, 70-я механизированная бригада — 20 танков, 71-я механизированная бригада — 18 танков, 91-я танковая бригада — 38 танков. 57-й гв. тяжелый танковый полк насчитывал 22 танка ИС-2, 16-я самоходно-артиллерийская бригада — 39 САУ.

Численность танковой бригады по действовавшему на весну 1945 г. штату составляла 65 танков Т-34, штатная численность тяжелого танкового полка и

самоходно-артиллерийского полка — 21 машина. По штату 1944 г. танковый корпус должен был иметь 208 танков Т-34 и 49 САУ. Таким образом, при средней численности танковой бригады около 40 машин, части 3-й гв. танковой армии были укомплектованы танками примерно на две трети штата. Однако, поскольку танковые армии были одним из главных средств борьбы, армия П. С. Рыбалко была пополнена личным составом почти до штатной численности. К 16 апреля 1945 г. армия имела [346] 50 266 человек личного состава, что составляло около 90% штата. Однако армия к началу сражения за Берлин находилась в худшем состоянии, чем перед началом кампании 1945 г. К началу Висло-Одерской операции 3-я гв. танковая армия имела 55 674 человек личного состава, что составило 99.2% штатной численности. Укомплектованность танками и САУ перед Берлинской операцией также была хуже, чем перед Висло-Одерской: в январе 1945 г. в армии П. С. Рыбалко было 640 танков Т-34–85, 22 Т-34–76 (танков-тральщиков), 21 танк ИС-2, 63 ИСУ-122, 63 СУ-85, 63 СУ-76, 49 СУ-57. Бригады перед Висло-Одерской операцией имели практически 100% комплектность. В сражение за Берлин армия П. С. Рыбалко вступала в куда худшем состоянии.

Выведенные после окончания Верхне-Силезской операции в район Оппельна три корпуса 4-й гв. танковой армии начали марш на берлинское направление 7 апреля. Марш в район Зорау протяженностью 400–450 км проходил в период с 7 по 12 апреля. Марш не обошелся без инцидентов: в результате налета авиации противника была сожжена одна СУ-100, а два Т-34 получили повреждения моторно-трансмиссионной группы. Немецкая авиация напоминала о себе и перед наступлением: 62-я гв. танковая бригада была атакована шестеркой ФВ-190 15 апреля. Два самолета было сбито, потерь техники не было, но 2 человека погибли и 3 получили ранения.

Фактически 4-я гв. танковая армия провела маневр, симметричный проведенному перед наступлением в Верхней Силезии, оказавшийся столь неожиданным для противника. Быстрые переброски крупных механизированных объединений позволяли советскому командованию вводить противника в заблуждение относительно своих ближайших планов и наносить удар там, где его не ждали. Отследить перемещения танковых армий, менявших место своей дислокации буквально за несколько дней, противнику было очень трудно.

Проведение крупной наступательной операции после кровопролитных боев февраля — марта настоятельно требовало пополнения техникой. В период подготовки к операции 4-я гв. танковая армия получила с заводов промышленности [347] 241 танк и САУ (215 Т-34–85, 11 ИСУ-122 и 15 СУ-76). Еще 20 танков ИС-2 поступили с ремонтных баз фронта. Качество пополнения не вызвало бурных восторгов. В отчете управления бронетанкового снабжения и ремонта указывалось: «Прибывшие механики-водители с новыми танками подготовлены были слабо, не имели достаточной практики вождения, не имели практических навыков в обслуживании, слабо знали периодичность осмотров и обслуживания танков»{178}.

Всего к началу Берлинской операции в составе 4-й гв. танковой армии насчитывалось исправными 412 танков и САУ (265 Т-34, 26 ИС-2, 10 ИСУ-122, 2 СУ-122, 28 СУ-100, 10 СУ-85, 27 СУ-76,48 СУ-57 и 1 «Валентайн»){179}. Еще 83 танка и САУ числились в ремонте. Для трехкорпусной армии четыре сотни танков — это не так много. Перед началом Висло-Одерской операции тогда еще двухкорпусная и не гвардейская 4-я танковая армия насчитывала боеготовыми аж 750 танков и САУ. Наличие танков и САУ перед Берлинской операцией составляло лишь 38% от штатной численности. Распределение боевых машин по частям и соединениям 4-й гв. танковой армии перед битвой за Берлин показано в таблице.

Распределение танков и СУ по частям и соединениям 4 гв. ТА на 20.00 15.4.45 г.

	5 МК	6 МК	10 ТК	93 отбр	22 сабр	91 итп	51 мцп	Арм. части	Всего
ИС-2	—	14	12	—	—	—	—	—	26
Т-34	25	82	131	3	—	5	6	8	265
ИСУ-122	10	—	—	—	—	—	—	—	10
СУ-76	14	12	1	—	—	—	—	—	27
СУ-85	2	2	6	—	—	—	—	—	10
СУ-100	—	10	18	—	—	—	—	—	28
СУ-57	—	—	—	—	48	—	—	—	48 [348]

Валентайн	—	—	—	—	1	—	—	—	1
СУ-122	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Всего	51	120	168	3	49	5	6	10	412

Таблица составлена по ЖБД 4-й гв. ТА ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 55.

В таблице не показан 13-й гв. тяжелый танковый полк, который ни одного боеготового ИС-2 не имел, его матчасть на 15 апреля ограничивалась одним танком в среднем и одним в капитальном ремонте. 91-й инженерно-танковый полк был единственной частью 4-й гв. танковой армии, в которой имели танки Т-34–76, все остальные перевооружились на Т-34–85. Для танков-тральщиков пушка не была основным «орудием труда», и длинный ствол бы только мешал при подрыве тралом мин. Также в армии сохранились почти антикварные по меркам 1945 г. СУ-122. Эта самоходка со 122-мм гаубицей на шасси танка Т-34 выпускалась короткое время, уступив место ИСУ-122 и ИСУ-152.

Как видно из таблицы, 5-й гв. механизированный корпус, понесший большие потери в ходе Верхне-Силезской операции, так и не был укомплектован техникой к началу битвы за Берлин. Командование армии предпочло довести до уровня 60% штата два старых корпуса и оставить на голодном пайке новый. Прибывших на пополнение танков и самоходных установок едва хватило, чтобы подтянуть численности 10-го гв. танкового и 6-го гв. механизированного корпуса. Кроме того, по приказу И. С. Конева 5-й гв. механизированный корпус сдал немногочисленные оставшиеся после Верхне-Силезской операции боевые машины 31-му танковому корпусу 4-го Украинскою фронта. Только 14 апреля 1945 г. на укомплектование 5-го гв. мехкорпуса поступили 11 ИСУ-122, 15 СУ-76 и 30 танков.

Перспективы использования вновь приобретенного механизированного корпуса, по численности танков не дотягивавшего [349] до бригады, были, прямо скажем, туманные. В сущности, третий корпус армии стал для Д. Д. Лелюшенко тем самым чемоданом без ручки, который и бросить жалко и нести неудобно. Относительную ценность представляла пехота корпуса — к началу операции он насчитывал 11135 человек. Командующий 4-й гв. танковой армии поставил 5-му гв. мехкорпусу задачу «обеспечить левый фланг армии от возможных ударов противника с юго-запада»{180}. Буквально за два дня до начала наступления на Берлин 5-й гв.

мехкорпус сменил командира. Вместо генерал-майора танковых войск Б. М. Скворцова был назначен генерал-майор танковых войск Иван Прохорович Ермаков. До этого И. П. Ермаков был командующим бронетанковыми и механизированными войсками 3-й гв. армии. Причиной сменой командира были не просчеты в командовании соединением, а состояние здоровья Б. М. Скворцова. Талантливый генерал-танкист, герой Сталинграда и Курска, умер уже в 1946 г. от анемии сердца.

Состояние с укомплектованностью техникой частей армии Д. Д. Лелюшенко иллюстрирует наличие техники в бригадах и полках 10-го гв. танкового корпуса (см. таблицу).

Распределение танков и САУ по бригадам и полкам 10-го гв. танкового корпуса перед Берлинской операцией

	Матчасть	В строю	В пути	В ремонте		
				текущем	среднем	капитальном
61 гв. тбр	Т-34	40	5	—	1	4
62 гв. тбр	Т-34	30	—	1	2	2
63 гв. тбр	Т-34	44	—	1	1	6
72 огвттп	ИС-2	9	3	4	4	3
416 гв. сап	СУ-100	16	—	4	—	—
Всего		139	8	10	8	15

Таблица составлена по ЖБД 10-й гв. ТК (ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 189, л. 26). [350]

Разница с данными в предыдущей таблице объясняется естественным движением техники между состоянием «боеготовая» и «в ремонте», а также прибытием танков с рембаз фронта и с заводов промышленности. Так, по армейскому журналу боевых действий в 10-м гв. танковом корпусе на 20.00 15 апреля числится 168 танков и САУ боеготовыми и 29 — в ремонте. Также в таблице по 10-му гв. танковому корпусу не показан 425-й гв. самоходно-артиллерийский полк, который в операции не участвовал, так как находился на переформировании.

Как мы видим, состояние бригад и полков 10-го гв. танкового корпуса далеко от идеала: части корпуса были укомплектованы техникой примерно на две трети. В

корпусе насчитывалось 74 легковых, 730 грузовых, 154 специальных автомашин и 7 мотоциклов. Штат танкового корпуса предусматривал около 1300 автомашин, так что 10-й гв. танковый корпус недотягивал до штата примерно на треть. Только один численный показатель состояния корпуса был на высоте. Советское командование справедливо оценивало танковые войска как основу успеха операции, и поэтому корпус был укомплектован личным составом практически по штату. К началу операции он насчитывал 10 425 человек (1517 человек офицерского состава, 3650 сержантского и 5258 рядового состава). На фоне стрелковых дивизий 1945 г. численностью 4–5 тыс. человек при штате 11 тыс. человек танковый корпус почти в штатной численности солдат и командиров смотрелся очень хорошо. Всего в боевых частях танковой армии Д. Д. Лелюшенко перед битвой за Берлин насчитывалось 42 481 человек.

Резюмируя все вышесказанное, можно оценить состояние находившегося в руках И. С. Конева «танкового меча» как удовлетворительное, но не блестящее. «Запас прочности» двух танковых армий на случай столкновения с крупными резервами противника в глубине обороны был небольшой.

Цель — Дрезден. Помимо главного удара с использованием двух танковых армий предполагалось нанести вспомогательный удар. По директиве Ставки ВГК № 11060 войскам 1-го Украинского фронта предписывалось: «Для обеспечения [351] главной группировки фронта с юга силами 2-й польской армии и частью сил 52-й армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурта в общем направлении Бауцен, Дрезден»{181}. Такое наступление уступом по отношению к основному означало воздействие на противника в случае его попыток ударить с юга во фланг главной ударной группировки. Контрудар немцев в основание прорыва сам бы оказался под угрозой с правого фланга.

2-я польская армия своей главной ударной группировкой в составе трех пехотных дивизий, одного танкового корпуса, артиллерийской дивизии и армейских средств усиления получила задачу форсировать р. Нейсе, прорвать оборону противника на участке Ротенбург, фл. Обер-Форверк и развивать удар в общем направлении на Дрезден.

52-я армия должна была наступать своим правым крылом, перейдя к обороне на остальном протяжении своего фронта. Ударную группировку армии составлял 73-й

стрелковый корпус. 52-я армия получила задачу форсировать р. Нейсе и развивать удар в общем направлении на Бауцен, юго-восточную окраину Дрездена. Корпус строился в два эшелона. В первом эшелоне были 254-я и 50-я стрелковые дивизии, во втором — 111-я стрелковая дивизия. После захвата пехотой плацдарма на Нейсе, на второй день операции, предполагалось ввести в прорыв 7-й гв. механизированный корпус. Его задача формулировалась следующим образом: «с выходом в оперативную глубину овладевает узлами дорог Вейсенберг и района Баутцен, не допускает воздействия противника с юга и отхода противника с севера в южном направлении, чем обеспечивает левый фланг наступающей 52-й армии и, не имея соседей слева, сковывая южную группировку противника, обеспечивает на левом фланге фронтовую операцию по захвату г. Берлин»{182}. В целом можно характеризовать задачу 7-го гв. механизированного корпуса и [352] 73-го стрелкового корпуса 52-й армии как агрессивное прикрытие фланга основной ударной группировки фронта.

7-й гв. механизированный корпус И. П. Корчагина был одним из самых слабых механизированных соединений среди участвовавших в Берлинской операции в составе 1-го Украинского фронта. Точно так же, как и корпуса 4-й гв. танковой армии, он серьезно пострадал в Верхне-Силезской операции марта 1945 г. Корпус был 31 марта выведен в резерв фронта из боев по уничтожению оппельнской группировки немцев в составе 59-й армии. К моменту вывода из боя механизированный корпус И. П. Корчагина насчитывал 9709 человек личного состава, 14 танков Т-34, 1 ИС-2, 1 ИСУ-122 и 7 СУ-76. Для доведения до штатной численности корпусу требовалось 6521 человек (в основном по активным штыкам), 171 Т-34, 20 ИСУ-122, 21 СУ-85 и 14 СУ-76. До начала Берлинской операции мехкорпус успел получить лишь небольшую часть людей и техники, требующихся для восстановления потерь. С 1 по 15 апреля корпус получил из капитального ремонта 23 Т-34, 2 ИСУ-122, 5 СУ-122, 10 СУ-85, 1 СУ-76. Отремонтированные танки были уже изрядно потрепанными и имели запас хода 50–80 моточасов. От промышленности было получено 50 Т-34, 19 ИСУ-122, 8 СУ-76. Они имели запас хода от 130–150 моточасов. К 16 апреля корпус насчитывал 10 947 человек, боеготовыми 79 Т-34, 1 ИС-2, 21 ИСУ-122, 5 СУ-122, 10 СУ-85 и 10 СУ-76{183}. Еще 13 танков и 2 САУ были в ремонте. Таким образом, корпус по технике не дотягивал до 50% штатной численности при 70% комплектности личного состава. От

некоторых частей было одно название. Так, 355-й гв. тяжелый танковый полк был представлен единственным танком ИС-2, 1820-й самоходно-артиллерийский полк — 5 СУ-122.

Помимо 7-го гв. механизированного корпуса в составе 52-й армии были отдельные танковые и самоходно-артиллерийские части. Точнее, танковая часть была всего одна — 124-й отдельный танковый полк, насчитывавший к началу [353] операции 19 танков Т-34{184}. Куда более многочисленными были самоходно-артиллерийские части. 52-ю армию поддерживали: 8-я самоходно-артиллерийская бригада (58 СУ-76 к началу операции), 1198-й самоходно-артиллерийский полк (21 СУ-76 к началу операции) и отдельные самоходно-артиллерийские дивизионы (см. таблицу).

Состояние самоходно-артиллерийских дивизионов 52-й армии к началу Берлинской операции

Подчиненность	Дивизион	СУ-76	Т-70
	89 осад	9	1
73-й стрелковый корпус	267 осад	10	1
	311 осад	7	0
	246 осад	9	1
48-й стрелковый корпус	350 осад	3	1
	453 осад	9	0
	20 осад	10	1
78-й стрелковый корпус	151 осад	9	0
	248 осад	10	1

Самоходно-артиллерийские дивизионы подчинялись стрелковым дивизиям, но это закрепление не было жестким. В боевой обстановке по мере необходимости дивизионы СУ-76 могли передаваться из одной дивизии в другую и даже из одного корпуса в другой.

В прорыв на направлении вспомогательного удара также предполагалось ввести кавалерию — 1-й гв. кавалерийский корпус. Корпус по плану вводился в прорыв на

участке 52-й армии по достижении ей целей первого дня наступления. Стремительно развивая наступление в общем направлении севернее Лобау, Оппах, Зебнитц, Гласхутте (20 км южнее Дрездена), корпус должен был на четвертый день операции с хода форсировать р. Эльба и овладеть районом Гласхутте. [354]

Основной задачей кавалеристов было выйти на тылы герлицко-дрезденской группы немцев, громить тылы, штабы, узлы связи, резервы и отходящие части противника.

Помимо советских объединений в подчинении И. С. Конева находилась 2-я армия Войска Польского. Командовал армией генерал Кароль Сверчевский. Так получилось, что поляк Сверчевский сделал карьеру в Красной армии, примкнув в 1917 г. к отрядам Красной гвардии. Пройдя в рядах Красной армии Гражданскую войну, он остался на военной службе. В 1927 г. Сверчевский закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1936 г. он был направлен в Испанию, где под псевдонимом «генерал Вальтер» командовал 14-й интернациональной бригадой, а затем 35-й интернациональной дивизией. В 1941 г. в звании генерал-майора он командовал 248-й стрелковой дивизией. В 1943 г. начал формирование польских национальных соединений. 2-я армия Войска Польского начала формироваться в сентябре 1944 г. Часть должностей в польской армии занимали офицеры и сержанты Красной армии. Поляки составляли 53% офицеров, 95% сержантов, 96,5% рядовых (данные на 1 января 1945 г.). В подразделениях технических войск (артиллерии, инженерных и танковых) советских специалистов было больше 55%.

К началу Берлинской операции в состав 2-й армии Войска Польского входили 5, 7, 8, 9 и 10-я польские пехотные дивизии, 1-й польский танковый корпус, части усиления и переданная в подчинение К. Сверчевского советская 16-я танковая бригада. Танковый корпус был крупнейшим механизированным соединением польской армии. Структурно он воспроизводил аналогичные соединения Красной армии. В состав 1-го польского танкового корпуса входили 2, 3 и 4-я польские танковые бригады (по 65 танков Т-34–85 и 6 ЗСУ М-17), 1-я польская мотострелковая бригада, 24-й самоходно-артиллерийский полк (21 СУ-85), 25-й самоходно-артиллерийский полк (21 ИСУ-122), 27-й самоходно-артиллерийский полк (21 СУ-76М) и части боевого обеспечения. Численность личного состава 1-го польского танкового корпуса составляла 10 948 человек. Командовал корпусом генерал Юзеф (Иосиф) Кимбар. Так же как и Сверчевский, Кимбар [355] успел сделать карьеру в Красной армии. 22 июня 1941 г. он в звании подполковника был

начальником штаба 26-й танковой дивизии 20-го механизированного корпуса в Белоруссии. Свежий, еще не успевший побывать в боях польский танковый корпус был, пожалуй, абсолютным рекордсменом по числу танков среди соединений 1-го Украинского фронта.

На левом крыле 1-го Украинского фронта протяженностью до 350 км предполагалось обороняться силами 26 стрелковых дивизий. Балластом 1-го Украинского фронта был последний немецкий «фестунг»: из сражения за Берлин исключалась 6-я армия, осаждавшая Бреслау. Семь стрелковых дивизий армии вплоть до капитуляции блокировали окруженную группировку противника в Бреслау.

Порядок перегруппировки войск 1-го Украинского фронта для новой операции был определен частными директивами, отданными И. С. Коневым уже 3 апреля. Этими директивами были изменены разграничительные линии между 52-й и 21-й, между 21-й и 59-й армиями. В них же был указан порядок смены и вывода с левого крыла фронта войск 5-й гв. армии. Вывод армии А. С. Жадова производился за счет расширения полос обороны левофланговых 52, 21 и 59-й армий. Смена соединений 5-й гв. армии войсками 21-й армии в период с 4 по 7 апреля производилась. В свою очередь, 21-я армия сдавала свою полосу 59-й армии. В результате проведенных перегруппировок протяжение линии фронта 21-й и 59-й армий значительно увеличилось. Фронт 21-й армии увеличился с 66 до 97 км, а 59-й армии — с 48 до 103 км.

Напротив, на правом фланге фронта построение войск уплотнялось. Полоса 13-й армии сужалась с 55 км до 10 км (!!!) за счет ввода 5-й гвардейской и 2-й польской армий. Соединения 5-й гв. армии выходили в свою полосу шириной 13 км в ночь на 14 апреля. Свежесформированная 2-я польская армия к 9 апреля сосредоточилась в лесах северо-западнее Бунцлау в полосе действий 13-й армии. Три пехотные дивизии 2-й польской армии приняли участок полосы 13-й армии в ночь на 11 апреля. В эту же ночь часть полосы 13-й армии была передана 52-й армии. Уплотнение порядков войск на правом крыле 1-го Украинского фронта также происходило [356] за счет перенарезания разграничительных линий. Часть полосы 3-й гвардейской армии севернее Гросс-Гастрозе была передана 33-й армии 1-го Белорусского фронта. В результате этого фронт 3-й гв. армии сократился с 60 км

до 38 км. Сдача части своей полосы 13-й армии сузила фронт 3-й гв. армии до 28 км.

Обе танковые армии 1-го Украинского фронта, задействованные в марте 1945 г. в Верхне-Силезской операции, рокировались с левого крыла фронта на правый. 3-я гвардейская танковая армия выводилась в район южнее Зоммерфельда в полосу 13-й армии. 4-я гвардейская танковая армия выводилась в район южнее Зорау в полосу 5-й гвардейской армии. Выдвижение танковых армий в новые районы сосредоточения происходило в период с 8 по 14 апреля. Первой в период с 8 по 10 апреля из района Оппельн в район Трибель выдвигалась 4-я гв. танковая армия. Из этого же района в район северо-восточнее Пенцих был переброшен 7-й гв. механизированный корпус. В период с 11 по 14 апреля из района Бунцлау в район Гассен выходила 3-я гв. танковая армия. В целях маскировки движение танковых частей и соединений производилось только ночью. Скрытности перегруппировки способствовали леса в районах сосредоточения войск. К 15 апреля все танковые соединения вышли в новые районы сосредоточения.

Немецкое командование пыталось воспрепятствовать перегруппировкам советских войск и подвозу боеприпасов и других предметов снабжения всеми имеющимися у них средствами. Поскольку точные маршруты перегруппировок были неизвестны, ударам подверглись крупные переправы. 31 марта 1945 г. в воздух поднялись шесть аэросцепок типа «Мистель». Нехватка горючего заставляла немцев искать чудо-оружие, способное поразить цель за минимальное количество вылетов. Шесть «Мистелей» были частью отряда в 33 самолета, задачей которого была атака на железнодорожный мост через Одер в районе Штейнау. Один из «Мистелей» не смог убрать шасси и держать крейсерскую скорость. Вскоре самолеты расцепились, и бомбардировщик рухнул в поле. На еще одном «Мистеле» начались неполадки сначала с двигателем [357] истребителя, а потом с одним из двигателей бомбардировщика. Пилот Ме-109 отцепился от Ю-88, последний рухнул в поле, а истребитель сел неподалеку на брюхо. На еще одной сцепке начались неполадки с двигателем, и самолет-снаряд также был сброшен. В результате до цели дошли всего три «Мистеля». Два промахнулись, а один добился прямого попадания в переправу.

Обсуждение

Одной из характерных черт сражения между группой армий «Висла» и двумя Белорусскими фронтами стала глубокая информированность сторон относительно планов друг друга. Немецкое командование довольно точно угадало направление главного удара. В свою очередь, советское командование разгадало маневр противника с отводом войск на вторую линию обороны из-под удара артиллерии. В некоторой степени компенсировали игру с открытыми картами на берлинском направлении два других игрока — 1-й Украинский фронт и группа армий «Центр». Здесь с вскрытием планов [358] и отслеживанием перемещений войск друг друга было неважно.

Планирование Берлинской операции несет на себе печать некоторой торопливости, связанной с быстрым развитием событий на Западном фронте.

Одним из «пунктиков» советской историографии была подгонка действительного развития операции к ее первоначальному замыслу. Не избежала этого и Берлинская операция. Учитывая, что в ходе битвы за Берлин пришлось ломать первоначальный замысел операции обоих фронтов, подгонка замысла привела к забавным результатам. Принимавшиеся на второй, третий и даже четвертый день операции решения стали относить на подготовительный период. На самом деле командующий 1-м Украинским фронтом до начала сражения вовсе не собирался бросать обе танковые армии на Берлин.

Публикация базовых документов в 1990-е годы позволила расставить некоторые точки над «i». В частности, выяснилось, что появившаяся в хрущевскую эпоху версия о соревновании между И. С. Коневым и Г. К. Жуковым, устроенном в битве за Берлин лично И. В. Сталиным, не имеет под собой серьезных оснований. Неоспоримым фактом является то, что в поставленных Ставкой ВГК задачах двух фронтов элемент соревновательности отсутствовал напрочь. В директиве Ставки ВГК № 11059 от 2 апреля 1945 г. командующему 1-м Белорусским фронтом было прямым текстом сказано:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин и не позднее двенадцатого — пятнадцатого дня операции выйти нар. Эльба»{185}.

Задачи 1-го Украинского фронта в директиве Ставки ВГК № 11060 от 3 апреля 1945 г. формулировались следующим образом:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Котбуса [359] и южнее Берлина. Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг»{186}.

Как мы видим, в одном случае четко сказано «овладеть столицей Германии городом Берлин», то в другом документе «разгромить группировку противника [...] южнее Берлина», а о самом Берлине ничего не сказано.

Рывок на Рейхстаг был предпринят И. С. Коневым по собственной инициативе. Как он сам признается в своих воспоминаниях, лазейка была найдена в разграничительной линии между двумя фронтами. Конев пишет следующее: «Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе. Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставлять его у себя нетронутым справа на фланге, да еще в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся»{187}. При этом Конев почему-то упускает из виду, что задачи фронта по директиве Ставки ВГК были достаточно четко сформулированы на глубину, гораздо большую, нежели рубеж обрыва разграничительной линии. В директиве Ставки ВГК № 11060 четко указывается, что от 1-го Украинского фронта требуется овладеть «рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена». Беелиц лежит намного южнее окраин Берлина, примерно на меридиане Франкфурта-на-Одере. Далее войска И. С. Конева нацеливаются на Лейпциг, т.е. вообще на юго-запад.

Несмотря на отсутствие двусмысленностей в приказах командования, И. С. Конев еще в период подготовки операции заложил в нее свое участие в борьбе за Берлин. 3-й гв. танковой армии предписывалось наступать на Бранденбург, [360] т.е. севернее назначенного Ставкой ВГК Беелица. Было запланировано использование некоего особого отряда из танковых и стрелковых частей для действий в направлении Берлина. Ярче всего устремления И. С. Конева проявились в постановке задач 3-й гв. армии, которая вполне определенно нацеливалась на Берлин своими главными силами.

К слову сказать, сам по себе обрыв разграничительной линии у Люббена мог означать возможность ее поворота от этой точки на юг. В январе и феврале 1945 г. И. С. Коневу постоянно приходилось разворачивать войска на свой южный фланг. Такое же событие могло иметь место в ходе наступления на Берлин. В этом случае о прорыве к Бранденбургу пришлось бы забыть, как пришлось в феврале 1945 г. забыть о выходе к Эльбе.

Интересно отметить, что существенные изменения планов И. С. Конева последовали после того, как вечером 9 апреля 1945 г. директивой Ставки ВГК № 11064 генерал армии В. Д. Соколовский был назначен заместителем командующего 1-го Белорусского фронта. До этого Соколовский занимал должность начальника штаба 1-го Украинского фронта. Василий Данилович Соколовский был давним соратником Г. К. Жукова (он был его начальником штаба еще в период битвы за Москву), и при таком начальнике штаба вряд ли была возможность всерьез строить планы по самостоятельному броску на Берлин. Место Соколовского занял генерал армии И. Е. Петров. Последний был 25 марта 1945 г. снят с должности командующего 4-го Украинского фронта за срыв наступательной операции и введение в заблуждение Ставки относительно истинного положения войск фронта. И. Е. Петров с Г. К. Жуковым по службе напрямую не пересекался. Поэтому при новом начальнике штаба фронта И. С. Конев мог перетряхивать задачи армий и планировать поворот крупных сил на Берлин.

Таким образом, еще в период подготовки Берлинской операции в нее было заложено внутреннее напряжение, обусловленное стремлением И. С. Конева участвовать в боях собственно за Берлин. Это стремление стало дезорганизующим элементом, приведшим к существенным отклонениям [361] в ходе боевых действий от первоначальных планов советского Верховного командования.

План наступления на Берлин, составленный Г. К. Жуковым, можно оценить как взвешенный и разумный. Командующий 1-м Белорусским фронтом избежал шаблонности в решении задачи захвата крупного города. Традиционная претензия критиков Жукова к плану Берлинской операции фронта заключается в отказе от широкого маневра на окружение танковыми армиями. Однако в конкретных условиях апреля 1945 г. «канны» с Берлином в центре не имели смысла. По опыту многочисленных «фестунгов» 1945 г. залогом успеха в штурме города было сокращение числа его защитников. Соответственно задачей номер один было

отсечение от Берлина отходящих на запад войск 9-й армии и воспрещение подхода резервов с других направлений. Для решения этой задачи Жуков спланировал захват пригородов Берлина введенными в прорыв танковыми армиями. Они должны были быстро прорваться к городу и встать «ежом» на его окраинах. Тем самым отходящие с Одера немецкие части на пути в Берлин натолкнулись бы на заслоны 1-й гв. танковой армии, а подходящие с севера и северо-запада резервы — заслоны 2-й гв. танковой армии. Блокированный таким способом город было бы уже легче штурмовать силами общевойсковых армий. [362]

Часть пятая.

Падение «Одерского фронта»

Зееловские высоты

Разведка боем

Как граду 100-килограммовых «чемоданов» 203-мм калибра могут предшествовать одинокие пристрелочные выстрелы из 122-мм гаубицы, так перед большим наступлением на Берлин состоялось наступление малое. Еще до того, как в штабы армий ушли директивы на проведение Берлинской операции, 11 апреля Г. К. Жуков направил командующим 3-й ударной, 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69, 33 и 47-й армиям директиву № 00534/оп на разведку боем. Она гласила:

«С целью установить систему и степень прочности обороны и систему всех видов огня главной оборонительной полосы противника приказываю:

1.13.4.45 г. провести разведку боем.

2. Для ведения разведки выделить два стрелковых батальона. Батальонам первого эшелона придать по 5 танков, 4–6 самоходных орудий и поддержать наступление б-нов огнем двух артполков, огнем минометов и огнем РС.

3. Разведку начать в 6.00 13.4.45 г. после десятиминутного огневого налета.

4. Разведку провести на более слабых участках обороны и не направлять наступающие подразделения на сильные опорные пункты обороны противника»{188}.

Занимавшим позиции по берегу Одера 61-й и 1-й польской [363] армиям задачи на разведку боем были поставлены отдельной директивой № 00534/оп. Для проведения разведки с форсированием Одера в каждой из армий должен был быть выделен один батальон. Таким образом, прощупать вражескую оборону булавочными уколами предполагалось на всей линии соприкосновения войск 1-го Белорусского фронта с противником. 12 апреля директивой № 00546/оп время начала разведки боем было смещено с 6.30 13 апреля на 7.30 14 апреля.

Командование 1-го Белорусского фронта явно питало определенные надежды относительно возможности отхода противника на второй оборонительный рубеж. В частности, в своей директиве № 0028/оп от 13 апреля на проведение разведки боем командующий 69-й армии В. Я. Колпакчи указывал: «В случае обнаружения отхода противника на второй оборонительный рубеж, быть готовым преследовать его»{189}. Авиации в приказе командующего 69-й армией предписывалось: «Вести непрерывную разведку поля боя [...] с целью установления стреляющих батарей противника и характера поведения противника, в частности выдвижения резервов на тыловой рубеж или перегруппировки или отхода с рубежа нынешнего края противника»{190}. Стремление к развитию успеха разведки в прыжок «малой кровью» сразу ко второй полосе обороны отчетливо прослеживается и в других армиях.

Наиболее сложной была задача проведения разведки боем для 5-й ударной армии. Поскольку советское командование стремилось скрыть ввод на Кюстринский плацдарм 3-й ударной и 47-й армий, разведку боем было решено проводить частями дивизий, ранее занимавших оборону в полосах прибывающих армий. Соответственно 5-й ударной армии пришлось пробовать на прочность оборону противника не только в своей полосе, но и в полосе двух соседних армий. В 7.30 14 апреля в бой были введены полк 94-й гв. стрелковой дивизии и три батальона 295-й стрелковой дивизии. Артиллерийскую [364] поддержку действиям разведчиков оказывали 564 ствола артиллерии и минометов.

В результате двух-трехчасового боя привлеченные к разведке батальоны 5-й ударной продвинулись на некоторых участках до 400 метров и были остановлены сильным огнем. Однако уже предварительные результаты разведки боем продемонстрировали, что противник основную массу пехоты и артиллерии держит на втором рубеже. Оборона между передним краем и вторым рубежом была

построена на сопротивлении отдельных огневых точек, опорных пунктов и самоходной артиллерии. Командованием 5-й ударной армии был сделан вывод: «Проводить полную артподготовку по первому рубежу и прилегающей к нему тактической глубине не имело смысла»{191}.

Было решено продолжить действия разведбатальонов, усилив их боевой состав. В 15.00 14 апреля, после 15-минутного огневого налета, наступление повторилось. На этот раз в бой были введены дополнительно части 60-й гв. стрелковой дивизии и два стрелковых полка 301-й стрелковой дивизии. Всего на втором этапе к разведке боем привлекались 8 стрелковых полков, 5 минометных бригад, 2 минометных полка, 10 артиллерийских полков, 7 артиллерийских бригад, дивизион особой мощности и 3 танковых полка (27 Т-34, 52 ИС-2, 27 ИСУ-122). В усиленном составе ведущие разведку части 5-й ударной армии продвинулись к 19.00 на 2–2,5 км. В результате действий 32-го стрелкового корпуса в районе Гольцова был окружен и фактически уничтожен батальон 90-го полка 20-й танко-гренадерской дивизии. За день артиллерией армии Н. Э. Берзарина было израсходовано 16 320 выстрелов, в том числе шестьдесят 305-мм (!!!) и сто 203-мм.

Войска 47-й армии начали разведку боем в 7.30 14 апреля тремя своими батальонами и одним батальоном из состава 5-й ударной армии. Это были усиленные батальоны от 60, 175 и 132-й стрелковых дивизий и батальон 248-й стрелковой дивизии армии Н. Э. Берзарина. В начале боя командиры корпусов информировали командование армии о том, что [365] противник не оказывает серьезного сопротивления и отходит на вторую полосу обороны по линии Врицен, Кунерсдорф. Получив такие обнадеживающие донесения, командующий армией принял решение ввести в бой дополнительно по одному батальону от дивизий первого эшелона. Им была поставлена задача к исходу дня выйти ко второй полосе обороны противника. Таким образом, в бой к 12.00 фактически было втянуто 15 батальонов. Они вклинились в оборону противника, на некоторых направлениях захватили первую траншею и продвинулись на 1–1,5 км. Однако предварительная оценка действий противника как отхода на вторую полосу не оправдалась. Сопротивление было очень сильным. По итогам разведки боем был сделан вывод, что в первой полосе обороняются главные силы противника. Потери 47-й армии за 14 апреля составили 109 человек убитыми и 319 ранеными. Вклинение советских войск на северной оконечности плацдарма было с беспокойством оценено

противником. Бюссе позднее писал: «В полосе CI корпуса противник продвинулся более чем на 5 км к Врицену. Плацдарм в этом секторе достиг глубины 15 км и мог быть использован для сосредоточения крупных сил»{192}.

Соединения 3-й ударной армии в разведке боем 14 апреля не участвовали. Армия постепенно вводилась на Кюстринский плацдарм. Дивизии 3-й ударной переправлялись через Одер и принимали назначенные им полосы от частей 5-й ударной армии. Незначительные потери армия В. И. Кузнецова понесла от артобстрела немцами переправ через Одер. Также в разведке боем в первый день не принимали участие 61-я армия и 1-я армия Войска Польского.

По решению В. И. Чуйкова разведка боем 14 апреля проводилась в полосе каждого из стрелковых корпусов 8-й гв. армии. Для выполнения трудной и неблагодарной задачи проверки на прочность обороны противника привлекались штрафники. Соответственно 4-й гв. стрелковый корпус проводил разведку силами 327-й штрафной роты, а 28-й гв. стрелковый корпус — 326-й штрафной роты. Последняя [366] должна была атаковать вдоль «Рейхсштрассе № 1». В полосе 29-го гв. стрелкового корпуса было решено задействовать обычные стрелковые соединения. Захват селения Альт-Тухебальд к югу от «Рейхсштрассе № 1» возлагался на два батальона, по одному от 27-й и 74-й гв. стрелковых дивизий. Все проводившие разведку части получили поддержку САУ, танков и саперов. Стрелковый батальон 27-й гв. стрелковой дивизии усиливался батареей СУ-76, батареей СУ-152 и ротой саперов. Стрелковый батальон 74-й гв. стрелковой дивизии — батареей СУ-76, ротой танков и ротой саперов. Каждая из штрафных рот получила батарею СУ-76 и взвод саперов. Артиллерийскую поддержку каждой из штрафных рот и каждого батальона осуществляли по одному минометному полку и по одному дивизионному артполку. Позднее к ним были добавлены по дивизиону РС на каждую роту штрафников и полк РС на два батальона 29-го гв. стрелкового корпуса. В случае слабого сопротивления противника (т.е. его отхода на вторую линию обороны) в полной готовности для развития успеха держались по одному батальону от 57, 27, 74 и 79-й гв. стрелковых дивизий. В том случае, если бы немецкие части попытались выйти из-под удара советской артиллерии, пространство между передним краем и основной линией обороны было бы занято сильными отрядами советских войск.

В 7.40 14 апреля после 10-минутной артподготовки, в сопровождении огневого вала начали разведку штрафники и два стрелковых батальона. 326-я штрафная рота наступала с батареей 1061-го полка СУ-76. 327-я штрафная рота наступала, будучи усиленной батареей 694-го самоходно-артиллерийского полка. Первоначальный успех атакующих побудил командование 8-й гв. армии ввести в бой батальоны 47, 57, 27, 74 и 79-й гв. стрелковых дивизий. Однако преследования до второй линии обороны не получилось. Преодолевая ожесточенное сопротивление немцев и отражая контратаки, наступающие части овладели Альт-Тухебальдом (южнее «Рейхсштрассе № 1») и к 12.00 перерезали железную дорогу Франкфурт-на-Одере — Гольцов. В ответ результативную контратаку провела 920-я учебная бригада штурмовых орудий. [368] К исходу дня введенные в бой батальоны дивизий 8-й гв. армии продвинулись на 1,5–3 км, будучи остановлены на рубеже Заксендорфа. Однако возникший у Заксендорфа кризис вынудил командование 9-й армии отдать приказ на выдвижение вперед дивизии «Курмарк». К вечеру 14 апреля дивизия сосредоточилась в районе станции Долгелин, во втором эшелоне. Потери 4-го гв. стрелкового корпуса в ходе разведки боем составили 50 человек убитыми и 256 ранеными, 79-я гв. стрелковая дивизия 28-го гв. стрелкового корпуса — 78 человек убитыми и 255 ранеными.

Для проведения разведки боем командующий 69-й армией приказал выделить два стрелковых батальона. Поддерживать их должны были пять-шесть Т-34 и две батареи СУ-76. В 7.30 14 апреля 274-я и 247-я стрелковые дивизии силами усиленного стрелкового батальона от каждой после 10-минутного артиллерийского налета начали разведку боем. 41-я стрелковая дивизия провела разведку боем силами одной роты. Атакующим советским частям удалось ворваться в первую траншею. Попытки пробиться ко второй траншее были отражены сильным огнем и контратаками частей 712-й и 169-й пехотных дивизий. К 12.00 батальоны отошли в исходное положение. Бюссе писал о результатах этих атак: «На правом крыле XI танкового корпуса СС были отражены все атаки с большими потерями для противника»{193}. Потери войск 69-й армии за 14 апреля составили 67 человек убитыми и 241 ранеными.

За пределами Кюстринского плацдарма, на левом фланге фронта в 7.30 14 апреля начала разведку боем 33-я армия. В армии В. Д. Цветаева для малого наступления были выделены по одному батальону от каждой дивизии первого эшелона, а на

южном плацдарме у Визенау — одной роте. На восточном берегу Одера, под Франкфуртом были заняты только траншеи боевого охранения. Наилучший результат был достигнут в районе северо-восточнее Лоссова, где были заняты первая и вторая траншеи. В самой южной точке разведки боем фронта, у Визенау, была захвачена первая траншея. Во [369] второй половине дня последовали контратаки противника с целью вернуть утраченные позиции. Под Визенау проводившая разведку рота вернулась в исходное положение. Под Лоссовым все немецкие контратаки были безрезультатными, захваченные позиции удалось сохранить.

Общие потери танков и САУ 1-го Белорусского фронта за 14 апреля составили 31 машину сгоревшими, 29 подбитыми и 29 были выведены из строя по другим причинам{194}.

15 апреля разведка боем возобновилась лишь на отдельных участках. Наступательный порыв на второй день малого наступления сохранила 5-я ударная армия. Правофланговый 26-й гв. стрелковый корпус увеличил свои усилия вводом 266-й стрелковой дивизии и к концу дня сумел продвинуться на 3,5 км. Противник был выбит из занимаемых им траншей в районе Цехина. Центр (32-й стрелковый корпус) и левый фланг (9-й стрелковый корпус) продвинулись на 200–500 метров. Потери 5-й ударной армии за 14 и 15 апреля составили 321 человек убитыми и 969 ранеными.

В результате решительных действий частей 5-й ударной армии 20-я танко-гренадерская дивизия была сбита с занимаемых позиций. В связи с этим немецким командованием был сделан вывод, что нельзя оставлять эту дивизию в первой линии. Предполагалось заменить ее танковой дивизией «Мюнхеберг». Также было принято решение использовать управление LVI танкового корпуса Гельмута Вейдлинга. В подчинение Вейдлингу с 15.30 15 апреля были переданы из XI танкового корпуса СС 20-я танко-гренадерская и 9-я воздушно-десантная дивизии, а из резерва — дивизия «Мюнхеберг». Первая полученная LVI корпусом задача, отбить Цехин, выполнена не была — все атаки встретили упорное сопротивление частей 5-й ударной армии.

На второй день малого наступления к боевым действиям присоединилась 3-я ударная армия. Наиболее результативным было наступление на левом фланге

армии, на стыке с [370] 5-й ударной армией. Здесь с утра 15 апреля наступали части 12-го гв. стрелкового корпуса А. Ф. Казанкина. К разведке боем в корпусе привлекались три батальона при поддержке одной пушечной артиллерийской бригады, одной гаубичной артиллерийский бригады большой мощности, одной минометной бригады и одного истребительно-противотанкового артполка. Продвижение за день боя составило 3 км, были заняты первая и вторая траншеи противника. В полосе соседнего 79-го стрелкового корпуса разведку боем проводили два батальона, поддержанных огнем двух тяжелых артиллерийских и одной минометной бригад. Продвижение за день составило около 500 м. Первая и вторая траншеи были захвачены 150-й стрелковой дивизией. Потери 3-й ударной армии за день составили 41 человек убитыми и 80 ранеными. Было захвачено 132 человека пленных. Совместными усилиями войска 3-й и 5-й ударных армий выровняли в результате разведки боем излом линии фронта на стыке друг с другом.

Помимо 3-й ударной армии новичком в разведке боем 15 апреля стала 1-я польская армия. Она частью сил 2-й и 3-й пехотных дивизий при поддержке артиллерии форсировала Альте Одер у Гюсте-Бизе на фланге 47-й армии. 61-я армия в разведке боем 15 апреля по-прежнему не участвовала. Причины этого неясны, но действия армии П. А. Белова явно находились в противоречии с директивой командующего фронтом № 00534/оп. 61-я армия провела разведку боем в своей полосе только 16 апреля, когда уже началось общее наступление.

Снижение интенсивности боевых действий неизбежно сказалось на темпах потерь. Общие потери техники войск 1-го Белорусского фронта за 15 апреля составили 15 танков и САУ сгоревшими, 10 подбитыми и 9 выведенными из строя по другим причинам{195}.

Дневное донесение 9-й армии 15 апреля начиналось словами: «Противник не начал сегодня наступление, как это ожидалось». Свою роль сыграло также то, что 15 апреля было [371] воскресенье. Использование расслабляющего воздействия выходного дня также было расхожим приемом ведения боевых действий. Все хорошо помнят воскресенье 22 июня 1941 г.

Снижение активности 15 апреля в какой-то мере дезориентировало противника относительно сроков начала советского наступления. Командир LVI танкового корпуса Гельмут Вейдлинг на допросе в плену позднее сообщил: «Однако то, что

русские после действий своих разведотрядов 14 апреля, 15 апреля не наступали, ввело наше командование в заблуждение, и когда мой начальник штаба — полковник фон Дуффинг от моего имени сказал начальнику штаба 11 тк СС 15 апреля, что нельзя менять 20 мд дивизией «Мюнхеберг» накануне русского наступления, начальник штаба 11 тк ответил: «Если русские сегодня не наступали, значит, они предпримут наступление только через несколько дней». Таково было мнение и других высших офицеров 9-й армии»{196}.

Но, разумеется, введение противника в заблуждение относительно действительной даты наступления даже не декларировалось в жуковской директиве № 00534/оп. Основной эффект от двухдневной пальпации обороны противника с применением авиации и двенадцатидюймовой артиллерии был сугубо практического свойства. Проведенная советскими войсками на Кюстринском плацдарме 14 и 15 апреля разведка боем сыграла весьма важную роль. Хотя продвижение вперед исчислялось в лучшем случае 3–4,5 км, удалось «прощупать» оборону немцев. Наступающие избежали вполне вероятной возможности нанесения первого удара в пустоту. Также к началу операции на некоторых участках сложилась своеобразная обстановка, когда исходными позициями для наступления советских войск стали бывшие немецкие окопы. Вся полоса заграждений, в первую очередь минные поля, на бывшем переднем крае немцев осталась позади.

Не все немецкие командиры были успокоены относительным затишьем днем 15 апреля. Вечером 15 апреля Гитлер одобрил запрос командующего группой армий Хайнрици на [372] отвод всех войск назад на главную оборонительную позицию, оставив на передовых позициях только скелет обороны. Традиционно перед крупными сражениями в войсках зачитывалось обращение Гитлера. Вечером 21 июня 1941 г. в изготовившихся к наступлению дивизиях вермахта впервые прозвучало обращение «Солдаты Восточного фронта!». Традиция была сохранена в битве за Берлин, несмотря на очевидные сложности выбора момента зачитывания в оборонительном сражении. 15 апреля в ротах дивизий на «Одерском фронте» в последний раз зазвучали слова приказа фюрера:

«Солдаты Восточного фронта!

Последний раз со смертельной ненавистью большевизм начал наступление. Он пытается разрушить Германию и наш народ истребить. Вы, солдаты востока, знаете,

какая судьба ожидает ваших жен и детей, ибо все мужчины и дети убиваются, а женщины насилуются в казармах, а кто остается в живых, угоняется в далекую Сибирь. Мы предвидели это наступление и в течение января постарались создать сильное укрепление, мощная артиллерия встретит своим огнем врага. Его бесчисленные потери восполнены новыми частями, но новые части и фольксштурм усиливает наш фронт. Большевизм на сей раз встретит старая судьба, они будут обескровлены.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, будет предателем своего народа. Какой полк или дивизия отступит со своих позиций, должен будет с позором ответить перед своими женами и детьми, которые переживают ужасы бомбежки в городах. [...]

Берлин был немецким и будет немецким, а Европа не станет никогда русской. Создайте тесное сотрудничество всех не для защиты глубины страны, а ваших детей и жен и тем самым своей судьбы. В эти часы на вас смотрит весь народ»{197}.

Складывается впечатление, что этот текст был заготовлен заранее, еще в феврале (оговорка про подготовленные в январе укрепления) и лишь пущен в дело перед советским [373] наступлением. Многим из тех, кто слушал речь фюрера, оставалось воевать всего несколько часов. Кому-то из них было суждено навечно остаться в паутине траншей «Одерского фронта», кому-то — уныло шагать в колоннах пленных.

16 апреля. Первый день

Возможность отхода немцев из первых траншей беспокоила командующих армиями. Поэтому в последние часы перед наступлением продолжалось прощупывание обороны противника. Например, по приказу В. И. Чуйкова разведать состояние первой линии обороны противника нужно было в 22.00 15 апреля и в 2.00 16 апреля. Разведчики обнадежили: «Результаты ночных разведывательных действий показали наличие войск противника в первых траншеях»{198}.

В пять утра московского времени 16 апреля (три ночи берлинского времени) в предрассветной мгле вертикально вверх взметнулся белый луч прожектора. Хорошо видимая на многие километры вокруг воткнутая в «небесную твердь» ослепительная игла была сигналом для начала артиллерийской подготовки.

Наиболее замысловатым был план артиллерийской подготовки 8-й гв. армии. Первый 10-минутный налет всей артиллерии обрушился одновременно на все объекты обороны противника на общую глубину 10–12 км. Армейские артиллерийские группы армий свои основные усилия сосредоточили на подавлении батарей полевой и зенитной артиллерии противника. Сильные армейские артиллерийские группы (по 10–12 бригад) были одной из особенностей действий советской артиллерии в Берлинской операции. Это было вызвано необходимостью борьбы с артиллерией противника, плотность которой перед Кюстринским плацдармом достигала 46 стволов на километр фронта. Оттягивание немцами артиллерии назад усложняло борьбу с ней. В состав армейских групп включалась вся артиллерия, обладавшая большой дальнобойностью и мощностью огня. Для того чтобы [374] достать до позиций артиллерии противника на Зееловских высотах, в распоряжении армейской артгруппы 8-й гв. армии были 203-мм гаубицы, 210-мм пушки, 152-мм пушки и 152-мм пушки-гаубицы.

Позиции немецких гаубиц и многочисленных 88-мм зениток не были единственной целью армейских артиллерийских групп. До 50% их состава приходилось на реактивную артиллерию. Целью этого звена армейских артгрупп стало поражение живой силы и огневых средств в опорных пунктах между первой и второй полосами обороны и на второй полосе обороны, а также пунктов управления дивизий и резервов.

Артиллерия корпусных и дивизионных артиллерийских групп в основном подавляла минометные батареи противника и его важнейшие опорные пункты на промежуточном рубеже. Полковые артиллерийские группы подвергли почти сплошной огневой обработке первую траншею на промежуточном рубеже, подавляя и уничтожая живую силу и огневые средства. В полковые и дивизионные артиллерийские группы входили 76-мм пушки, 122-мм гаубицы, 120-мм и 82-мм минометы и достать они могли лишь до целей на переднем крае и в ближайшей глубине. Корпусные артиллерийские группы состояли из 122-мм пушек, 122-мм гаубиц и боевых машин реактивной артиллерии.

В 5.10 артиллерия 8-й гв. армии перешла к ведению методического огня, сократив темп стрельбы в 2–4 раза, чтобы дать расчетам и орудиям передышку перед новым мощным огневым ударом. В 5-й ударной армии отказались от такой передышки и

спланировали артподготовку как один 20-минутный огневой налет нарастающей плотности.

В 5.15 на фронте 8-й гв. армии начался последний, еще более мощный огневой налет артиллерии дивизий, корпусов и армии в основном по тем же объектам, что и первый. Сила удара нарастала в результате увеличения темпа огня, а также вследствие того, что в огневое поражение включалась основная масса реактивной артиллерии. Как правило, залпы реактивной артиллерии производились «внакладку» на огонь ствольной артиллерии по важнейшим опорным пунктам и [376] узлам сопротивления на первой и второй полосах обороны. К 5.25 мощь огня артиллерии была наивысшей. В этот момент были включены прожекторы, и пехота при поддержке танков и САУ поднялась в атаку.

Основная часть артиллерии полковых, дивизионных и корпусных артиллерийских групп перешла к поддержке атаки в ночных условиях двойным огневым валом. Большая часть артиллерии армейской группы продолжала до 5.30 огневой налет по батареям противника, перекрывая конец артподготовки и начало атаки (до овладения пехотой первой траншеей противника).

Воспоминания немцев об артиллерийской подготовке продолжительностью 2,5 часа и более — это всего лишь неправильная интерпретация продолжительности канонады. Собственно артподготовка на направлении главного удара длилась 20–30 минут, а последовавший за этим огонь артиллерии уже был направлен на поддержку атаки пехоты и залпы по заявкам командиров частей и соединений.

Главная ударная группировка. В первой линии в 5-й ударной армии было пять стрелковых дивизий: все три ее корпуса строились в два эшелона на фронте 9 км. На правом фланге армии наступал 26-й гв. стрелковый корпус П. А. Фирсова. Первым эшелоном корпуса были 94-я гв. и 266-я стрелковые дивизии. Второй эшелон корпуса составляла 89-я гв. стрелковая дивизия. В центре построения армии Н. Э. Берзарина находился 32-й стрелковый корпус Д. С. Жеребина. Его первый эшелон образовывали 60-я гв. и 295-я стрелковые дивизии, второй — 416-я стрелковая дивизия. На левом фланге 5-й ударной армии наступала 301-я стрелковая дивизия 9-го стрелкового корпуса. Вторая дивизия того же корпуса (248-я стрелковая) образовывала второй эшелон, а третья (230-я стрелковая) находилась в резерве командарма. На фронте прорыва шириной 7 км

сосредотачивались 60-я гв., 266, 295 и 301-я стрелковые дивизии. Противостояли войскам 5-й ударной армии (с севера на юг) 652-й гренадерский полк 309-й пехотной дивизии, 25-й и 26-й парашютно-десантные полки 9-й парашютно-десантной дивизии.

В 5.00 в восьмикилометровой полосе наступления 5-й [377] ударной армии 1999 стволов артиллерии и 306 установок реактивной артиллерии начали артиллерийскую подготовку. 20 минут спустя в наступление перешли пехота и танки.

Наибольший успех сразу же определился на правом фланге армии. 26-й гв. стрелковый корпус вышел на линию железной дороги Лечин — Зеелов, а в 14.00 повторной атакой сбил противника с этого рубежа. К 20.00 корпус продолжал бой уже в 3 км западнее.

Серьезным препятствием на пути продвижения частей 5-й ударной армии стала густая сеть каналов, идущих параллельно линии железной дороги. Мосты через эти каналы были взорваны, брустверa и траверсы — густо заминированы. Только на одном мосту через канал Гаупт Грабен (1 км западнее Лечина) при восстановлении переправы было потеряно убитыми и ранеными 80 человек. Там же был ранен заместитель командира 26-го гв. стрелкового корпуса по строевой части гв. генерал-майор В. Л. Цетлин.

Потери бронетехники 5-й ударной армии в первый день наступления составили 4 Т-34, 1 ИС-2 и 1 СУ-76 сгоревшими, 8 Т-34 и 16 ИС-2 подбитыми.

Стрелковые корпуса 8-й гвардейской армии были построены в линию на фронте 13 км. Каждый из трех корпусов, в свою очередь, имел двухэшелонное построение: две стрелковые дивизии в первом эшелоне и одна во втором. Первый эшелон 4-го гв. стрелкового корпуса образовывали 47-я и 57-я гв. стрелковые дивизии, второй — 35-я гв. стрелковая дивизия. В первом эшелоне 29-го гв. стрелкового корпуса были 27-я и 74-я гв. стрелковые дивизии, во втором — 82-я гв. стрелковая дивизия. В первом эшелоне 28-го гв. стрелкового корпуса были 79-я и 88-я гв. стрелковые дивизии, во втором — 39-я гв. стрелковая дивизия.

Участок прорыва шириной 7 км находился на правом фланге армии, в полосе 4-го и 29-го гв. стрелковых корпусов. Соответственно 3 км приходилось на 4 гв. стрелковый корпус, 3,3 км на 29-й гв. стрелковый корпус и еще 700 м — на один

стрелковый полк 79-й гв. стрелковой дивизии 28-го гв. стрелкового корпуса. Дивизии ударной группировки армии имели двухэшелонное построение, что давало девять стрелковых [378] полков на 7 км участка прорыва. 8-й гв. армии противостояли части 20-й танко-гренадерской дивизии, усиленные подразделениями танковой дивизии «Мюнхеберг», и три полка 303-й пехотной дивизии.

Части армии В. И. Чуйкова перешли в наступление после 25-минутной артподготовки, при свете прожекторов. Танки и САУ, действовавшие в боевых порядках стрелковых частей, атаковали с включенными фарами. Эффект от прожекторов командующий 8-й гв. армии впоследствии оценивал скептически: «Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, [379] поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя»{199}.

Осью наступления двигавшихся в первом эшелоне 47-й и 57-й гв. стрелковых дивизий 4-го гв. стрелкового корпуса стала «Рейхсштрассе № 1». Точно так же, как и части 5-й ударной армии, дивизии 8-й гв. армии пробивались через насыщенную инженерными заграждениями сеть каналов. Первой остановкой на пути к Берлину стали не Зееловские высоты. К середине дня наступающие вышли на рубеж канала Гаупт Грабен, где встретили ожесточенное огневое сопротивление противника. Канал также прикрывали своим огнем окопанные танки и САУ. Фактически Гаупт Грабен был естественным противотанковым рвом, пересекавшим практически всю полосу наступления главной ударной группировки фронта. Даже ИСам в данной ситуации пришлось туго. Атаку 4-го гв. стрелкового корпуса поддерживала 7-я гв. тяжелая танковая бригада. 105-й тяжелый танковый полк действовал совместно с 47-й гв. стрелковой дивизией, 106-й полк — с 57-й гв. стрелковой дивизией, 104-й полк бригады находился в резерве. К Гаупт Грабену полки ИСов подошли к 12.00 16 апреля. Имея перед собой естественное препятствие, ИСы не смогли преодолеть хорошо организованного противотанкового сопротивления противника и искали возможность переправиться через канал. На рубеже Гаупт Грабена танковые полки

понесли тяжелые потери: 105-й полк потерял 10 танков сгоревшими, 4 танка подбитыми и 1 подорвавшимся на мине, 106-й полк — 6 танков сгоревшими и 1 подбитым. Напомню, что в оборонявшейся на этом направлении дивизии «Мюнхеберг» было 10 «Тигров» и 20 «Пантер». Решением командира 7-й гв. танковой бригады полковника Н. Н. Юренкова из второго эшелона был введен на новом направлении 104-й танковый полк, но он также был остановлен на рубеже Гаупт Грабена. Для форсирования требовалась артиллерийская поддержка. [380]

В. И. Чуйков писал об этом эпизоде: «Особенно упорное сопротивление противник оказал на канале Хаупт, который проходит по долине, огибая подножие Зееловских высот. Вешние воды сделали его глубоким, непроходимым для наших танков и самоходных орудий. А немногочисленные мосты обстреливались артиллерийским и минометным огнем из-за Зееловских высот и прямой наводкой закопанных и хорошо замаскированных танков и самоходных орудий»{200}.

К 18.00 была подтянута артиллерия и после ее огневого налета, введя вторые эшелоны дивизий, части 4-го гв. стрелкового корпуса преодолели рубеж Гаупт Грабена и к вечеру 16 апреля вышли к подножию Зееловских высот. 47-я гв. стрелковая дивизия генерал-майора В. М. Шугаева подошла к Вербигу и Ной-Вербигу, где вступила в бой с 27-м парашютно-десантным полком 9-й парашютно-десантной дивизии. Не останавливаясь на достигнутом, гвардейцы генерала Шугаева штурмовали одну высоту за другой и вскоре вышли к «Рейхсштрассе № 5» между Зееловом и Гузовом. Успехи 57-й гв. стрелковой дивизии П. И. Зализюка были скромнее — к 21.00 дивизия находилась у подножия высот на подступах к Зеелову.

Первым вышел к подножию Зееловских высот южнее «Рейхсштрассе № 1» 29-й гв. стрелковый корпус. Наступление 74-й гв. стрелковой дивизии корпуса поддерживал 1200-й самоходный артполк на СУ-76. Уже к 10.00 наступающие части вышли к Зееловским высотам. Самоходки начали огнем с места уничтожать огневые точки на скатах высот. Поддержать прорыв пехоты на высоты самоходные установки не могли — крутизна ската высоты была непреодолима для СУ-76, а подняться на высоту по шоссейным дорогам не было возможности, так как они перекрывались обширными минными полями. Минные поля были обезврежены только к исходу дня.

Непосредственную поддержку пехоты 29-го гв. стрелкового корпуса осуществляли танки Т-34 65-го отдельного танкового полка (14 машин). Воспользовавшись отставанием [381] правого крыла 8-й гв. армии, немцы контратаковали вырвавшийся вперед 29-й гв. стрелковый корпус. Контратака последовала в 14.00 из района Людвиглуст. Она была отражена танками 65-го полка огнем с места. Однако действительно серьезные проблемы начались после захвата Людвиглуста. Железная дорога проходила по высокой и крутой насыпи, поэтому артиллерия и танки могли ее пересечь только по шоссе Людвиглуст — Фридерсдорф. Шоссе проходило в глубокой выемке, через которую был перекинут железнодорожный мост. Мост был взорван еще до подхода советских войск к Зееловским высотам, и его обломки образовали завал поперек узкого дефиле. Пересекавшая железнодорожную насыпь пехота 27-й гв. стрелковой дивизии попадала под контратаки танков и САУ противника и без поддержки своей артиллерии и танков продвигаться вперед не могла. Наступление застопорилось в ожидании пробивания саперами проходов для танков в искореженных остатках железнодорожного моста.

На левом фланге 8-й гв. армии наступал 28-й гв. стрелковый корпус. Поскольку участки прорыва 8-й гв. армии и 69-й армии не примыкали друг к другу, частью сил корпус должен был наступать на запад, а частью сил выстраивать оборону фланга армии фронтом на юг и юго-запад. Ударным острием корпуса была 79-я гв. стрелковая дивизия. Совместно с пехотой действовали танки Т-34 259-го отдельного танкового полка и ИС-2 34-го гв. тяжелого танкового полка. Приняв на броню десант пехоты 79-й гв. стрелковой дивизии, танки атаковали в направлении Заксендорфа. Проходы в минных полях проделывали танки-тральщики. К 8.00 Заксендорф был захвачен, и дивизия продвигалась в направлении Долгелина. К 16.00 79-я гв. стрелковая дивизия была остановлена на подступах к Долгелину.

На станции Долгелин располагался командный пункт 303-й пехотной дивизии, и прорыв советской пехоты с танками заставил немцев занервничать. Командир дивизии полковник Шейнеманн был тяжело ранен. В районе Долгелина заняла оборону выдвинутая вперед дивизия «Курмарк» и II батальон танкового полка «Бранденбург». Также в 10.30 на [382] станции Долгелин были разгружены шесть «Тигров» из 502-го тяжелого танкового батальона, которые с ходу вступили в бой. Вскоре два «Тигра» были подбиты, будучи обойдены по оврагу.

В бой вступают танковые армии. Крупные механизированные объединения, каковыми являлись танковые армии, были эффективным, но достаточно громоздким инструментом ведения боевых действий. Сотни танков, самоходных установок и тысячи автомобилей и тягачей могли запрудить даже развитую дорожную сеть. Необходимость выдвижения на исходные позиции для наступления через реку вынуждала тщательно планировать переправу танковых армий. Задержка на переправах могла привести к фатальному запаздыванию с вводом армий в прорыв. Нельзя было также сбрасывать со счетов авиацию противника и «чудо-оружие», способное разрушить наведенные мосты в самый неподходящий момент. Поэтому танковые армии 1-го Белорусского фронта начали втягиваться на Кюстринский плацдарм еще до того, как определилась сила сопротивления противника. Ввод в прорыв предусматривался в первый день наступления, и пересекать реку первые подразделения должны были ночью и рано утром. Артиллерия обеих танковых армий выдвинулась на плацдарм заранее и участвовала в общей артподготовке.

Первой к переправам выступила 2-я гв. танковая армия. Уже в ночь на 15 апреля три ее корпуса выступили маршем в исходный район для переправы. 12-й гв. танковый корпус к утру 15 апреля переправился через Одер, став первым соединением танковых армий на Кюстринском плацдарме. С 21.00 15 апреля началась переправа по двум мостам 9-го гв. танкового корпуса. После выхода на плацдарм корпус сосредоточился в районе Гольцов, Геншмар. 1-й механизированный корпус начал движение по мостам в 3.30 и к 13.30 сосредоточился в районе Горгаста. Таким образом, к 14.00 16 апреля все три корпуса 2-й гв. танковой армии сосредоточились на плацдарме для ввода в прорыв по плану операции.

Выдвижение в исходные районы для переправы через Одер частей 1-й гв. танковой армии началось в ночь на 15 апреля. Передовые отряды корпусов переправились на Кюстринский [383] плацдарм еще до начала артиллерийской подготовки. Главные силы армии сосредотачивались перед мостами к 6.00 16 апреля, под аккомпанемент канонады нескольких тысяч орудий. Начатая рано утром переправа войск армии М. Е. Катукова на плацдарм завершилась к 15.00.

К середине дня 16 апреля махина двух танковых армий была сосредоточена на плацдарме. Держать переправившиеся армии во втором эшелоне в ожидании «чистого прорыва» было бессмысленно. Несмотря на предусмотренный в плане

операции ввод в прорыв, танковые армии 1-го Белорусского фронта были введены в бой уже в первый день наступления.

Г. К. Жуков мотивировал свое решение так: «К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять. Для того чтобы усилить удар атакующих войск и наверняка прорвать оборону, мы решили, посоветовавшись с командармами, ввести в дело дополнительно обе танковые армии генералов М. Е. Катукова и С. И. Богданова. В 14 часов 30 минут я уже видел со своего наблюдательного пункта движение первых эшелонов 1-й гвардейской танковой армии»{201}.

В полосе 5-й ударной армии по приказу командующего фронтом вводилась двумя своими корпусами 2-я гв. танковая армия. Задачей армии было развить удар в общем направлении Ной-Харденберг, Илов, Претцель, Бернау. Это означало, удар в обход Берлина — Бернау находится на «Рейхсштрассе № 2» к северо-востоку от Берлина. Части 12-го гв. танкового корпуса, двигаясь за боевыми порядками наступающих соединений 5-й ударной армии, к 18.00 вышли на позиции, с которых утром стартовала пехота. Только передовой отряд 12-го гв. танкового корпуса (49-я гв. танковая бригада со средствами усиления) вышла в еще дымящийся от недавнего боя Альт-Лангзов. 66-я гв. танковая бригада и 34-я гв. мотострелковая бригада с частями усиления сосредоточились [384] в Гольцове, 48-я гв. танковая бригада — в Горгасте. 9-й гв. танковый корпус несколько отклонился от полосы 5-й ударной армии и поэтому столкнулся с помарками в наступлении соседней 3-й ударной армии. Передовой отряд корпуса (47-я гв. танковая бригада со средствами усиления) к 18.00 16 апреля вели бои северо-западнее Лечина. 65-я гв. танковая бригада втянулась в бой южнее Лечина (в районе Штейнтаха) на рубеже изрядно попортившего кровь танкистов и пехотинцев главной ударной группировки фронта Гаупт Грабена. 50-я гв. танковая бригада вышла в район юго-восточнее Лечина, и 33-я гв. мотострелковая бригада вышла в район Альт-Воллуп.

В 19.00 16 апреля Жуков поставил 2-й гв. танковой армии задачу: «Продолжать наступление и ночью во что бы то ни стало дорвать оборону противника и войти в прорыв. В случае, если противник окажет сильное сопротивление и армия не прорвется, то с утра 17.4.45 организовать взаимодействие и наступать совместно с пехотными соединениями»{202}.

В течение ночи войска 2-й гв. танковой армии совместно с частями 5-й ударной армии продолжали наступление и частью сил (9-м гв. танковым корпусом) вышли к реке Фриландерштром. По данным пленных и боем было установлено, что этот рубеж является главным оборонительным рубежом. Бригады 9-го гв. танкового корпуса были встречены упорным сопротивлением и контратаками.

Схема вступления в бой 1-й гв. танковой армии была в целом схожей с вводом в сражение 2-й гв. танковой армии. Передовые отряды армии М. Е. Катукова с 7.10 начали выдвижение за наступающей пехотой. Главные силы армии по мере прохождения переправ выходили на назначенные маршруты. В 13.30 командующий армией приказал передовым отрядам и авангардным бригадам корпусов обогнать пехоту 8-й гв. армии, выйти на свои маршруты и развивать наступление в общем направлении на Берлин. Приказ касался 65-й и 36-й танковых бригад 11-го танкового корпуса, 44-й и 40-й гв. танковых бригад 11 гв. танкового корпуса, 1-й гв. танковой [385] и 20-й гв. механизированной бригад 8-го гв. механизированного корпуса. 44-я гв. танковая бригада к тому моменту уже вышла на подступы к Зеелову вдоль «Рейхсштрассе № 1». Бригады армии Катукова постепенно расходились по имевшимся в назначенной полосе крупным и мелким дорогам, ставшим осями их наступлений.

На правом фланге армии наступал 11-й танковый корпус И. И. Ющука. К вечеру 16 апреля 65-я танковая бригада корпуса с 50-м тяжелым танковым полком вышла к станции Вербиг, 36-я танковая бригада — Хермансдорф. Таким образом, передовые части корпуса лишь подошли вплотную к рубежу Зееловских высот. В центре построения 1-й гв. танковой армии двигался 11-й гв. танковый корпус. К 17.00, встретив в Зеелове сильную противотанковую оборону противника, 44-я гв. танковая бригада пыталась обойти его с юга. 40-я гв. танковая бригада отклонилась от «Рейхсштрассе № 1» к югу. При выходе на свой маршрут бригада завязала бой в районе Людвиглуста, используя в качестве оси наступления вспомогательную дорогу к югу от шоссе. На левом фланге армии 8-й гв. механизированный корпус тем временем вел бой за две железнодорожные станции. 1-я гв. танковая бригада вела бой за станцию Долгелин, 20-я гв. танковая бригада — станцию Либбенихен (южнее Долгелина). В целом можно сказать, что бригады трех корпусов 1-й гв. танковой армии к вечеру 16 апреля выстроились в ряд по линии железной дороги, идущей в основании Зееловских высот.

Потери техники 1-й гв. танковой армии 16 апреля составили 13 танков сгоревшими, 17 танков подбитыми, 4 СУ-76 подбитыми и 2 СУ-85 сгоревшими. Такие потери никак не подходят под определение «тяжелые». Потери характеризуют действия армии М. Е. Катукова как отдельные стычки с противником.

Ввод в бой 1-й танковой армии несколько дезорганизовал маневр артиллерии 8-й гв. армии. В. И. Чуйков вспоминал: «Когда танковые соединения начали проходить боевые порядки 8-й гвардейской армии, на дорогах стало еще теснее, а сойти с них в сторону было невозможно. Танки 1-й гвардейской буквально уперлись в наши тягачи, перетаскивавшие [386] артиллерию, в результате чего маневр вторых эшелонов дивизий и корпусов оказался скованным. Должен сказать, что 8-я гвардейская армия располагала и своими немалыми танковыми силами»{203}.

Говоря о собственных танковых силах, В. И. Чуйков не лукавил: даже с учетом потерь в первый день наступления в его распоряжении оставалось 55 ИСов, 22 Т-34, 6 СУ-152 и 47 СУ-76. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, брешь в обороне противника образовали все же самостоятельные механизированные соединения.

Правая «пристяжная». Северная часть Кюстринского плацдарма была исходной позицией для войск 3-й ударной и 47-й армий. Этим двум армиям ставилась задача одной частной директивой, и они как бы образовывали правую «пристяжную» в тройке наступающих с плацдарма групп войск.

К «корневой» ударной группировке непосредственно примыкала полоса 3-й ударной армии. Армия строилась в два эшелона на фронте 11 км. В первом эшелоне находились 12-й гвардейский и 79-й стрелковый корпуса, а во втором — 7-й стрелковый корпус и 9-й танковый корпус. В свою очередь, корпуса также эшелонировали свои боевые порядки, с двумя стрелковыми дивизиями в первой линии и одной — во второй. В целом построение 3-й ударной армии было достаточно типичным для ударных группировок Берлинской операции. Участок прорыва в центре построения армии шириной 6 км занимали 23-я гвардейская стрелковая и 33-я стрелковая дивизии 12-го гв. стрелкового корпуса, 150-я и 171-я стрелковые дивизии 79-го стрелкового корпуса. Непосредственная поддержка пехоты осуществлялась отдельными частями танков и САУ. 150-ю стрелковую дивизию должны были поддерживать 21 СУ-76 1203-го самоходно-артиллерийского полка и

10 ИСУ-152 351-го самоходно-артиллерийского полка. Для поддержки пехоты 171-й стрелковой дивизии были выделены 10 Т-34 и 11 ИС-2 85-го танкового полка и 10 ИСУ-152 351-го самоходно-артиллерийского полка. Основным противником войск 3-й ударной армии [387] были части 309-й пехотной дивизии, полк танковой дивизии «Курмарка» и правый фланг 606-й пехотной дивизии.

79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии перешел в наступление в 5.30 после 30-минутной артиллерийской подготовки. Точно так же, как и войска главной ударной группировки, соединения корпуса столкнулись с трудностями форсирования каналов в полосе своего наступления. Таким препятствием для войск 79-го стрелкового корпуса стал канал Позедин Грабен, к которому 150-я и 171-я стрелковые дивизии вышли в середине дня. Тем временем 207-я стрелковая дивизия вышла на западную окраину Ной Барнима. Успеха в форсировании канала Позедин Грабен в 18.00 добилась 150-я стрелковая дивизия. Дивизия стала лидером первого дня наступления и пробилась к дороге Ной Левин — Ной Требин. 207-я стрелковая дивизия, очистив к 18.00 южную окраину Ной Барнима, была выведена во второй эшелон.

12-й гв. стрелковый корпус перешел в наступление в 5.40, на десять минут позже своего соседа. 33-я стрелковая дивизия генерал-майора Смирнова до 13.00 безуспешно штурмовала Лечин. Чтобы не задерживать наступление всей армии, дивизия была направлена в обход Лечина с севера. В итоге он был взят подразделениями 52-й гв. стрелковой дивизии, введенной в бой из второго эшелона корпуса.

Своеобразным приемом ведения операции В. И. Кузнецовым следует признать сохранение компактного построения армии. Для этого практиковался вывод фланговых соединений корпусов первого эшелона в резерв. Так, после взятия Лечина 52-я гв. стрелковая дивизия была выведена в резерв 12-го гв. стрелкового корпуса. Такая же манипуляция была произведена с 207-й стрелковой дивизией 79-го стрелкового корпуса. Фактически вечером 16 апреля в первой линии армии Кузнецова осталось четыре стрелковые дивизии из девяти. Максимальное продвижение войск 3-й ударной армии составило 8 км.

Находившаяся на северной оконечности Кюстринского плацдарма 47-я армия занимала фронт 8 км всеми своими стрелковыми корпусами в линию. Фронт прорыва

составлял 4,3 км. На этом фронте сосредотачивались 132-я и 143-я [388] стрелковые дивизии 129-го стрелкового корпуса, 175-я и 60-я стрелковые дивизии 125-го стрелкового корпуса и 260-я стрелковая дивизия 77-го стрелкового корпуса. Соответственно 76-я стрелковая дивизия была во втором эшелоне 125-го стрелкового корпуса, а 328-я и 185-я стрелковые дивизии образовывали второй эшелон 77-го стрелкового корпуса. 77-й стрелковый корпус поддерживался 1204-м самоходным артполком СУ-76, 125-й стрелковый корпус — 1892-м самоходным артполком СУ-76 и 334-м тяжелым самоходным артполком ИСУ-122, 129-й стрелковый корпус — 1416-м самоходным артполком СУ-76. В составе 125-го стрелкового корпуса действовали две штрафные роты. Противником войск 47-й армии была 606-я пехотная дивизия.

Оперативная обстановка в полосе 47-й армии была и простой, и сложной одновременно. Немецкая оборона на берлинском направлении опиралась своим северным крылом на междуречье Альте-Одера и Одера. Необходимость форсирования сразу двух водных преград естественным образом снижала требования к инженерной подготовке местности. Поэтому первым серьезным узлом оборонительного рубежа группы армий «Висла» стал город Врицен. Его опоясывало кольцо обороны, от которого лучами отходили линии обороны перед Кюстринским плацдармом. Соответственно 47-й армии можно было захватом Врицена или его обходом с юга преодолеть на небольшом пространстве сразу все позиции главной полосы обороны. Следующим рубежом стала бы уже тыловая «позиция Вотан».

Поскольку 47-я армия не относилась к числу «счастливчиков», в полосе которых были установлены зенитные прожекторы, артиллерийская подготовка в ее полосе началась в 5.50 16 апреля. Она длилась 25 минут вместо 30 минут по плану. Огневой вал проводился в условиях полутемного времени, сильного предрассветного тумана и задымления поля боя от разрывов снарядов только что проведенной артподготовки.

На всем фронте прорыва пехота дружно поднялась в атаку и, не встречая серьезного сопротивления, начала движение за огневым валом. К 11.00 войска 47-й армии прорвали [389] первую позицию главной полосы обороны, овладели Карлсбизе, Ной-Левин, Ной-Барним, Альт-Левин и вышли ко второй позиции.

Ухудшение ситуации, заставило немцев выдвинуть навстречу войскам 47-й армии из района севернее Врицена боевую группу «1001 ночь» майора Бланбуа. Ядром боевой группы был 560-й истребительно-противотанковый батальон СС, вооруженный «Хетцерами». Танков в 47-й армии было немного и основной целью «Хетцеров» стала наступающая советская пехота. При этом в 47-й армии был 1825-й самоходный артполк СУ-100, способных поражать «Хетцеры» на всех дистанциях боя. Потери бронетанковых частей армии Ф. И. Перхоровича за 16 апреля составили 6 СУ-76 и 1 СУ-100 сожженными, 2 ИС-2 и 3 ИСУ-122 подбитыми.

К 20.00 77-й стрелковый корпус вел бой 260-й и 328-й стрелковыми дивизиями за Борегард, а 185-я стрелковая дивизия оставалась во втором эшелоне. Продвижение корпуса за день составило 4–6 км. 125-й корпус согласованными усилиями обеих дивизий первого эшелона после ожесточенного боя овладел сильным опорным пунктом противника [390] Ной-Левин и к концу дня, преодолевая сопротивление немцев, продвинулся на 6 км. 129-й корпус полностью овладел сильным опорным пунктом немцев Ной-Барним, гарнизон Гросс-Барнима был уничтожен и частично пленен. К исходу дня корпус, продвинувшись на 6 км, вышел на рубеж Херренхоф, Нойнцигерт и подошел вплотную к рубежу железной дороги Врицен — Зеелов.

Несмотря на то, что 47-я армия не выполнила задачу дня, противостоявшая ей 606-я пехотная дивизия прекратила свое существование как боеспособное соединение. В общем-то второстепенный участок фронта к югу от Врицена стал для немецкого командования источником головной боли и пожирателем немногочисленных резервов. Уже в первый день по приказу Гитлера на направление наступления 47-й армии также выдвигалась из резерва 25-я танко-гренадерская дивизия.

Левая «пристяжная». На южной оконечности Кюстринского плацдарма на фронте 18 км были выстроены в одну линию три стрелковых корпуса 69-й армии В. Я. Колпакчи. Армия сосредотачивала усилия на своем правом фланге, где на участке прорыва шириной 6 км концентрировались шесть стрелковых дивизий. В центре ударной группировки армии на фронте 3,1 км располагались 274, 247 и 41-я стрелковые дивизии 61-го стрелкового корпуса. Второй эшелон корпуса составляла 134-я стрелковая дивизия. Справа к ударной группировке примыкала 77-я гв. стрелковая дивизия 25-го стрелкового корпуса, получившая 1,3 км участок прорыва. Слева 1,6 км участка прорыва получили 312-я стрелковая дивизия и часть сил 370-й стрелковой дивизии 91-го стрелкового корпуса.

После синхронной с остальными армиями фронта артиллерийской подготовки войска 69-й армии перешли в наступление и к 7.30 преодолели первый оборонительный рубеж с 3–4 линиями траншей. С подходом ко второму оборонительному рубежу войска армии В. Я. Колпакчи встретили сильное огневое сопротивление и дальнейшего успеха в продвижении не имели. Объединить прорывы в полосе 69-й и 8-й гв. армий в первый день наступления не удалось. [391]

В полосе 69-й армии подразделениям 169-й и 712-й пехотных дивизий удалось не только сохранить целостность фронта, но и частично вернуть утраченное. При поддержке 2-й роты 502-го тяжелого танкового батальона противник в 18.00 выбил подразделения 41-й стрелковой дивизии из Шенфлиса. Немецкая авиация также могла похвастаться успехом локального значения: была разрушена переправа через р. Одер в полосе 69-й армии грузоподъемностью 30 тонн.

Действия 33-й армии В. Д. Цветаева к югу от Франкфурта-на-Одере были на начальном этапе операции изолированы от наступления с Кюстринского плацдарма. 33-я армия занимала фронт 64 км тремя корпусами и двумя УРами. 115-й и 119-й УР занимали фронт 24 км и 23 км соответственно. На оставшемся фронте было выделено два участка прорыва. Это был участок прорыва шириной 3,5 км в полосе 62-го стрелкового корпуса южнее Брискова и участок прорыва шириной 3 км севернее Брискова на стыке 16-го и 38-го стрелковых корпусов. Южнее Брискова фронт предполагалось прорывать 362-й и 49-й стрелковыми дивизиями и 222-й стрелковой дивизией во втором эшелоне. Севернее Брискова фронт прорывался 339, 383 и 89-й стрелковыми дивизиями. Соответственно к югу от Брискова советским войскам противостояла 32-я дивизия СС «30 января», а к северу — 286-я пехотная дивизия. Оба соединения принадлежали к V горному корпусу СС.

Поскольку на занимаемых 33-й армией плацдармах не планировалось использования прожекторов, артиллерийская подготовка в полосе ее наступления началась позже других — в 5.45 утра 16 апреля. Атака стрелковых частей началась в 6.15. Атаковав противника, войска армии вначале встретили упорное сопротивление. Безуспешный бой продолжался почти до 11.00 16 апреля. Однако в конечном итоге немецкие части не выдержали натиска и стали отходить. Сопротивление противника на следующем рубеже обороны войскам В. Д. Цветаева

преодолеть не удалось. За день боя войскам 33-й армии удалось продвинуться лишь на 5–7 км.

Одна из причин умеренного успеха войск В. Д. Цветаева называется в журнале боевых действий армии: «после проведенной [393] по всему фронту нашими войсками в ночь на 15.4.45 г. разведки боем, противник, сделав для себя правильный вывод о готовящемся нашем наступлении, в течение 15.4.45 г. и первой половины ночи с 15 на 16.4 сменил значительную часть огневых позиций артиллерии и этим самым вывел из-под огня нашей артиллерии свои артиллерийские средства и таким образом сумел сохранить за собой возможность во время нашей атаки обрушиться сильным артиллерийским огнем на боевые порядки наступающих частей нашей армии, в результате чего темп атаки был резко снижен и наша пехота понесла значительные потери от артогня противника»{204}.

Форсирование Одера. Наступление 1-й польской армии началось в 4.15 16 апреля, когда польские части начали форсирование Альте-Одера в северной части плацдарма 47-й армии. В этом месте Альте-Одер течет практически перпендикулярно Одеру, и его форсирование выводит во фланг и тыл немецким войскам на рубеже Одера. 4-й и 5-й пехотные полки 2-й польской дивизии форсировали Альте-Одер и образовали плацдарм. В 6.45 6-й полк 2-й польской пехотной дивизии форсировал Одер и, образовав плацдарм, начал наступление навстречу 5-му полку той же дивизии. Во второй половине дня на плацдарм была переправлена 3-я польская пехотная дивизия.

Успех форсирования в месте слияния Одера и Альте-Одера позволил перейти к форсированию реки во всей полосе армии. В 8.30 2-й полк 1-й польской пехотной дивизии начал форсирование Одера южнее железнодорожного моста. С помощью 274-го батальона амфибий польские части из 1-го полка той же дивизии образовали еще один плацдарм напротив Цекерика. К 18.00 на плацдарме были уже все три полка 1-й польской пехотной дивизии, и началась переправа 6-й польской пехотной дивизии из второго эшелона армии.

В целом можно оценить действия польских войск в первый день операции как успешные: им удалось форсировать Одер и Альте-Одер, сбить немецкие части с передовых позиций и образовать крупный плацдарм. [394]

61-я армия в первый день наступления проводила разведку боем, т.е. то же, что уже сделали другие армии фронта 14 и 15 апреля. С 6.00 16 апреля двумя батальонами от 397-й и 75-й гв. стрелковой дивизии велась разведка на западном берегу Одера. Первый батальон 212-го гв. стрелкового полка и 152-я штрафная рота в 6.15 после 15-минутного огневого налета форсировали Одер и образовали плацдарм у северной окраины Ной-Глитцена. В этом районе оборонялся 56-й егерский полк 5-й егерской дивизии. Частям полка удалось предотвратить форсирование Одера батальоном 397-й стрелковой дивизии в районе ж.д. моста у Нидер-Вутцова и ограничить расширение плацдарма у Ной-Глитцена. Предпринятая в 15.00 вторая попытка форсировать Одер у Нидер-Вутцова также успеха не принесла. Попытки усилить зацепившуюся за Ной-Глитцен группу успеха не имели.

Соседний 80-й стрелковый корпус в 8.00 под прикрытием дыма и тумана пытался форсировать Одер разведгруппами 234-й стрелковой дивизии. Потери противника в журнале боевых действий 61-й армии оценивались в 150 человек. Штаб CI армейского корпуса заявил об уничтожении за день 41 советской штурмовой лодки.

В 20.40 16 апреля П. А. Белов приказал в 0.20 17 апреля начать форсирование Одера выделенным от каждого корпуса батальоном, а в 6.05 начать артподготовку наступления. Артподготовка должна была продолжаться до 6.50, а форсирование реки главными силами 61-й армии под ее прикрытием планировалось начать в 6.20. Фактически просматривается ведение командующим армией Беловым своей игры с некоторым обособлением от действий фронта в целом. Его армия не участвовала в общей разведке боем, свою разведку боем проводила под прикрытием большого наступления, а наступать должна была с 45-минутной артподготовкой.

Действия авиации. Ограничения по дальности большинства артиллерийских орудий фронта, не позволяющие доставать до оттянутых назад артиллерийских батарей противника, могла в какой-то степени восполнить авиация. Однако с рассвета и до полудня район базирования авиации, равно как и район целей, был закрыт туманом и дымкой при видимости [395] менее 500 м. Вследствие этого график авиационной подготовки в первой половине дня выполнен не был. Запланированные массированные удары штурмовиков и бомбардировщиков не состоялись. Их действия свелись к работе мелкими группами. Лишь во второй половине дня, с улучшением погоды, напряжение боевой работы авиации возросло.

При этом нельзя не отметить нескольких несомненных успехов советской авиации. В результате ударов с воздуха взлетел на воздух эшелон с боеприпасами в районе Фюрстенвальде. В его 17 вагонах было 7000 гаубичных выстрелов. Жертвами советских летчиков также стала батарея железнодорожной артиллерии в районе Мюнхеберга. Все три ее 280-мм пушки были выведены из строя.

Недостаток топлива ставил перед немецкими ВВС дилемму: активные действия в первые два или даже три дня сражения или спорадические удары по наступающим советским войскам в течение длительного времени. Был сделан выбор в пользу концентрации усилий в первые дни наступления на Берлин. Еще одной альтернативой люфтваффе в битве за Берлин был выбор между ударами по переправам через Одер или непосредственному воздействию на наступающие советские части. Здесь не было сделано определенного выбора — ударам подвергались и войска на поле боя, и переправы. На обоих поприщах были достигнуты частные успехи. В полосе 69-й армии 16 апреля была разрушена переправа грузоподъемностью 30 тонн. В 9-м гв. танковом корпусе в результате ударов немецкой авиации было сожжено две ИСУ-122, корпус потерял от ударов с воздуха 24 человека [396] убитыми и 36 человек ранеными{205}. В полосе 4-го гв. стрелкового корпуса отмечались действия аэросцепок типа «Мистель» по войскам на поле боя. Несмотря на внушительный пиротехнический эффект от взрыва самолетов-снарядов, потерь от них не было. Возможно, это были «Мистели», просто не долетевшие до переправ. Для ударов по переправам даже использовалась тактика японских камикадзе. Кадет Эрнст Бехль из специального добровольческого подразделения люфтваффе на ФВ-190 с подвешенной 500-кг бомбой в 17.35 совершил таран понтонного моста в районе Целлина (47-я армия). По донесениям истребителей эскорта, мост был поражен, однако в советских документах не удалось обнаружить каких-либо упоминаний о разрушении переправы в полосе 47-й армии.

Всего советскими постами ВНОС было отмечено около 1000 самолето-вылетов авиации противника. 16-я воздушная армия в первый день сражения выполнила 5342 самолето-вылета (109 ночными бомбардировщиками, 1315 бомбардировщиками, 1383 штурмовиками, 2545 истребителями). Советская сторона претендовала на 165 сбитых самолетов противника. Собственные потери составили

87 самолетов (8 сбито зенитной артиллерией, 13 истребителями противника, 54 не вернулось с боевого задания).

Итоги первого дня наступления. Зная последующее развитие событий, невольно испытываешь искушение назвать первый день особо значимым, если даже не решающим. Точно так же на детской фотографии будущей знаменитости мы пытаемся разглядеть черты гения или злодея, которым он стал впоследствии. Однако внимательное рассмотрение событий 16 апреля не позволяет сделать вывод о влиянии именно этих событий на форму операции. Берлинская операция сильно отклонилась от планов двух фронтов, но ломка первоначального замысла произошла не в первый день сражения.

Дневное донесение в ОКХ из штаба группы армий «Висла» 16 апреля начиналось достаточно бравурно: «На фронте [397] 9-й армии противник перешел к ожидавшемуся решающему крупному наступлению. Атака была поддержана сильнейшим 2,5-часовым ураганным огнем из 2500 стволов артиллерии и 1600 стволов реактивной артиллерии с общим расходом боеприпасов в объеме приблизительно 450 000 выстрелов, а также волнами бомбардировщиков и штурмовиков в объеме около 2000 самолето-вылетов. Противник также использовал около 450 танков. Благодаря расположению главной боевой линии и глубокому эшелонированию собственных артиллерийских позиций эффект вражеского обстрела не идет ни в какое сравнение с высоким расходом боеприпасов»{206}.

Однако детализация обстановки уже не создавала впечатления крупного успеха в обороне: «На направлении главного удара противника по обеим сторонам от шоссе Кюстрин — Мюнхеберг сильные вражеские части, поддержанные двумя группами танков, смогли оттеснить наши войска на несколько километров и закрепиться у Зееловских высот. Контрудар танковой дивизии «Курмарк» пока не принес успеха.

На разграничительной линии между LVI танковым корпусом и CI армейским корпусом противнику, поддержанному двумя группами танков, удалось во второй половине дня добиться вклинения глубиной 6 км. Мероприятия по ликвидации этого разрыва шириной 5 км уже приняты, для этого использованы последние резервы.

На северном участке главного удара противника к востоку от Врицена враг сумел добиться вклинения глубиной 5 км. Из района вклинения его крупные

подразделения, поддержанные танками, начали наступление в северном и южном направлении с целью охвата оставшихся на линии фронта по обеим сторонам прорыва частей. Положение в этом районе в данный момент неясно»{207}.

Для предотвращения прорыва фронта из резерва ОКХ командованием группы армий «Висла» была запрошена 18-я [398] танко-гренадерская дивизия полковника Рауша. Разрешение на переподчинение дивизии 9-й армии последовало в 19.10 16 апреля. С получением разрешения дивизия немедленно снялась с места в полосе 3-й танковой армии и отправилась в район Букова и Мюнхеберга.

Бюссе называл 16 апреля «большим успехом в обороне с учетом неравенства сил». Оговорка относительно неравенства сил носит существенный характер. Советским войскам просто не удалось добиться решительного результата в первый же день наступления.

Однако проволочки с наступлением на Берлин конечно же не вызвали восторга. Вечером 16 апреля состоялся телефонный разговор между Верховным Главнокомандующим и командующим 1-го Белорусского фронта. Жуков описывает его следующим образом:

«Вечером я вновь доложил Верховному о затруднениях на подступах к Зееловским высотам и сказал, что раньше завтрашнего дня этот рубеж взять не удастся.

На этот раз И. В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем.

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка, — сказал он резко и добавил:

— Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на Зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмем затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укрепленном городе.

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера, — сказал И. В. Сталин.

Я ответил:

— Танковые армии Конева имеют полную возможность [399] быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера.

— До свидания, — довольно сухо сказал И. В. Сталин и вместо ответа положил трубку.

Настроение у меня было неважным. Но я знал И. В. Сталина: даже когда не ладились мелочи, он очень раздражался.

Вскоре начальник штаба фронта М. С. Малинин сказал мне, что получена директива Ставки 1-му Украинскому и 2-му Белорусскому фронтам. В ней значилось: И. С. Коневу — наступать 3-й гвардейской танковой армией через Цоссен на Берлин с юга, 4-й гвардейской танковой армии выйти в район Потсдама, а К. К. Рокоссовскому ускорить форсирование Одера и частью сил наступать в обход Берлина с севера»{208}.

Попробуем проанализировать этот диалог. Противоречие между направлением наступления 1-й гв. танковой армии и указаниями Ставки имело место еще в подготовительный период операции. Ставка требовала от Г. К. Жукова: «Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока». Но, как мы знаем, по разработанному Жуковым плану 1-я гв. танковая армия должна была «обволакивать» Берлин обходом с юга. Таким образом, конфликт на почве разницы между заказанными Ставкой и действительными направлениями ударов танковых армий был заложен в план операции. Возникновение этого конфликта вечером 16 апреля было неизбежным и предсказуемым. Умеренные успехи первого дня наступления 1-го Белорусского фронта только усугубили неудовольствие Верховного.

Но главное, что следует отметить, это существенное ускорение событий в изложении Г. К. Жукова. И. С. Конев получил разрешение повернуть танковые армии на Берлин только на следующий день, 17 апреля. В своих воспоминаниях Иван Степанович датирует разговор со Сталиным относительно этого поворота именно 17 апреля. Боевое распоряжение командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми [400] армиями о смене направления наступления вообще датировано

1.40 ночи 18 апреля. Директива Ставки ВГК № 11071 командующему 2-м Белорусским фронтом наступать «в обход Берлина с севера» последовала не вечером 16-го, а в 4.00 18-го апреля.

Таким образом, просматривается сжатие Жуковым в «Воспоминаниях и размышлениях» событий двух дней в один. В первый день операции войска 1-го Белорусского фронта только подошли ко второй полосе обороны противника, «позиции Харденберга». Некоторые армии (69-я) только прикоснулись к ней.

Итоги первого дня наступления

Армия	1 ТА	2 ТА	61 А	47 А	3 уд. А	5 уд. А	8 гв. А	69 А	33 А
Убито	26	—	94	169	158	369	—	312	—
Ранено	117	—	204	977	483	1298	—	1417	—

Общие потери техники 1-го Белорусского фронта в первый день наступления составили 71 танк и САУ сгоревшими, 77 танков и САУ подбитыми и еще 40 выведенными из строя по другим причинам{209}.

17 апреля. Вторая полоса обороны

Документом, определяющим задачи войск 1-го Белорусского фронта на второй день операции, стала директива № 00558/оп за подписью начальника штаба фронта М. С. Малинина:

«Командующий войсками фронта приказал:

На тех участках, где не требуется прорыв второй оборонительной линии, продолжать наступление, не прекращая его и ночью с 16 на 17.4.45 г. На участках, где войска встречали организованное сопротивление на второй оборонительной [401] полосе противника, организовать прорыв этой полосы с утра 17.4.45 г. С этой целью на участках прорыва сосредоточить 250–270 стволов на 1 км фронта прорыва.

Провести артподготовку продолжительностью 30–40 минут. Атаку пехоты и танков начать в 8.00 17.4.45 г. и продолжать наступление с прежней задачей»{210}.

Главная ударная группировка. Не прекращая боевых действий в ночь с 16 на 17 апреля, 5-я ударная и 2-я гв. танковая армии на всем фронте наступления вышли на рубеж реки Альте Одер. Танковая армия силами 9-го гв. танкового корпуса

одновременно вышла к рубежу р. Фриландерштром в полосе 3-й ударной армии. По рубежу рек Альте-Одер и Фриландерштром проходила вторая полоса обороны противника. Подтянув артиллерию, после массированного огневого налета стрелковые части начали переправу вброд, перетаскивая на руках легкие орудия и минометы.

Захват плацдармов на западном берегу Альте-Одера не означал немедленного развития наступления. Серьезные трудности встретила постройка переправ для танков и артиллерии под огнем противника. Без переправы тяжелой техники развитие наступления было невозможным. 9-й гв. танковый корпус 2-й гв. танковой армии в течение дня вел упорные бои за овладение западным берегом р. Фриландерштром. 47-я гв. танковая бригада захватила плацдарм и, закрепившись в 100 м от берега, дала возможность саперным частям приступить к постройке переправы. Постройка переправы под огнем шла медленно, а уже построенную переправу в итоге разрушила артиллерия противника. Переправа в полосе 9-го гв. танкового корпуса была построена только к вечеру 17 апреля в полосе 12-го гв. стрелкового корпуса 3-й ударной армии.

12-й гв. танковый корпус к 7.00 утра 17 апреля передовым отрядом (49-й гв. танковой бригадой) вышел к Альте-Одеру в районе Кваппедорфера. Переправа в этом районе была взорвана, [402] противоположный берег был укреплен, и наступающих встретил сильный огонь артиллерии, минометов и самоходных орудий. Хотя танкисты не смогли форсировать канал, они обеспечили его преодоление пехотой. Позднее в своем выступлении на научной конференции, посвященной изучению опыта Берлинской операции, бывший заместитель командующего фронтом В. Д. Соколовский высказался об этом эпизоде так: «...танки помогли пехоте огнем с места; если бы не было этой лавины танков, которые, буквально выстроившись на вост. берегу этого канала, мощным огнем своих орудий помогали нашей пехоте, а позднее и артиллерии, то операция на этом участке фронта могла бы принять затяжной характер»{211}.

Единственным участком, где не требовалось форсировать Альте-Одер, был левый фланг армии в полосе 9-го стрелкового корпуса. Наступавшая в первом эшелоне 301-я стрелковая дивизия первоначально вынуждена была завязать фронтальный бой перед городом Гузов, превращенным в опорный пункт. Во избежание действий затяжного характера, из-за левого фланга 301-й стрелковой дивизии в бой была

введена 248-я стрелковая дивизия из второго эшелона корпуса. Совместными усилиями двух стрелковых дивизий Гузов был обойден с юга и захвачен. Ввод в первую линию дивизии из второго эшелона был также вызван необходимостью загнуть левый фланг из-за отставания соседней 8-й гв. армии.

Здесь же, на стыке двух армий, был введен из второго эшелона 2-й гв. танковой армии 1-й механизированный корпус. Планом операции предусматривалось использовать мехкорпус С. М. Кривошеина на правом фланге армии для отражения контрударов противника с севера. Однако первоначальная схема наступления уже в первый день полетела к черту, и 1-й мехкорпус был выдвинут в первую линию на левом фланге армии. Мехкорпусу пришлось пересекать поток [403] автомашин и артиллерийских частей, сменяющих артиллерийские позиции. Передовой отряд корпуса, 37-я мехбригада вышла вместе со стрелковыми частями к Гузову, а от него устремилась на север вдоль «Рейхсштрассе № 167». Тем самым бригада двигалась по западному берегу Альте-Одера за спиной у обороняющегося на рубеже реки противника. По приказу С. И. Богданова в 14.00 вслед за 37-й механизированной бригадой были направлены основные силы 1-го мехкорпуса. К 17.30 передовая бригада корпуса С. М. Кривошеина захватила Платков и переправу через Альте-Одер у Платкова. Мост был заминирован, но быстрый прорыв советской мотопехоты не позволил его взорвать. Захватом Платкова также была пробита следующая немецкая линия обороны — «позиция Штейн» (Stein Stellung). Не останавливаясь на достигнутом успехе, 37-я механизированная бригада вместе с подошедшей 219-й танковой бригадой продолжила движение вдоль «Рейхсштрассе № 167» в глубь обороны противника. К 19.00 две бригады заняли еще один пункт на шоссе — Ной-Харденберг. Прорыв по шоссе частей мехкорпуса С. М. Кривошеина был в масштабах позиционных боев практически безостановочным. К 21.00 37-я бригада вышла к р. Штобберов, завязав бой за плацдарм на западном берегу реки. Под прикрытием артиллерии, выставленной на прямую [404] наводку, а также огня танков и самоходок с места р. Штобберов была форсирована мотопехотой. К 2.00 была захвачена деревня Карлсдорф на западном берегу реки. Тем временем 219-я танковая бригада отклонилась на юг и вечером 17 апреля вышла к Вулькову — населенному пункту у подножия Зееловских высот.

Наметившийся прорыв был немедленно использован командующим 2-й гв. танковой армией. На направление действий 1-го мехкорпуса был рокирован застрявший у

переправы 12-й гв. танковый корпус. Переправившись через захваченную соседом переправу через Альте-Одер у Платкова, корпус к вечеру 17 апреля 48-й гв. танковой бригадой встал в затылок 219-й танковой бригаде у Вулькова. Остальные бригады переправлялись через Альте-Одер и по мере сосредоточения на западном берегу реки выходили на то же направление.

Используя прорыв у Гузова, к 20.00 17 апреля войска 5-й ударной армии продвинулись на 8–14 км, пересекли «Рейхсштрассе № 167» и подошли к подножию Зееловских высот, которые на этом направлении проходили западнее, чем в полосе 8-й гв. армии. Фактически армия Н. Э. Берзарина на второй день наступления вышла на рубеж, являвшийся задачей первого дня наступления.

Успешный дебют в операции 1-го мехкорпуса оказал влияние на действия соседей. Наибольший успех 8-й гв. армией и 1-й гв. танковой армией был достигнут на стыке с 5-й ударной армией. Здесь впритирку к 1-му мехкорпусу наступал 11-й танковый корпус совместно с 35-й гв. стрелковой дивизией. С 7.00 17 апреля после артиллерийского налета части корпуса начали движение вперед. Лидером наступления стала 65-я танковая бригада с 50-м тяжелым танковым полком. К 13.00 бригада вышла кр. Флисс. К исходу дня 65-я танковая бригада захватила Вульков, направив разведку в направлении Букова. Таким образом головная бригада 11-го танкового корпуса продвинулась в глубину немецкой обороны дальше всех частей танковой армии Катукова. Успеху в значительной степени способствовали условия местности — корпус И. И. Ющука шел по северной кромке Зееловских [405] высот. Остальные бригады корпуса, пытавшиеся наступать на высоты с востока, были вскоре развернуты на направление наступления 65-й танковой бригады.

Куда хуже дела шли в полосе 8-й гв. армии. Наиболее упорное сопротивление противник оказывал на шоссе Зеелов — Мюнхеберг. По обеим сторонам от шоссе занимали позиции четыре зенитных артполка, насчитывавшие около 200 зенитных орудий, из них 50% — калибром 88 мм. Близость крупного города с развитой системой ПВО неизбежно оказывала влияние на характер боевых действий.

11-й гв. танковый корпус к 12.00 овладел Фридерсдорфом, но дальнейшее продвижение бригад первого эшелона корпуса было задержано контратаками и сильным артиллерийским огнем противника. Видя бесплодность усилий 11-го гв. танкового корпуса, М. Е. Катуков решил использовать успех соседа справа, выйти

в район Герльсдорфа, форсировать р. Флисс и в дальнейшем вернуться на свой маршрут. К 22.00 44-я гв. танковая бригада захватила Герльсдорф. Здесь проходила следующая немецкая линия обороны — «позиция Штейн» (Stein Stellung). Отходящие немецкие части взорвали переправу через р. Флисс. Проведенная разведка путей обхода, объездов и бродов не обнаружила. Пришлось строить под огнем противника переправу, которая была закончена к 2.00 18 апреля.

8-й гв. механизированный корпус в течение дня 17 апреля вел тяжелые бои на Зееловских высотах. 1-я гв. танковая бригада наступала на Долгелин и заняла его к середине дня. Дальнейшее наступление бригады было задержано огнем противника у Нейс Форверка. 20-я гв. механизированная бригада наступала на Либбинихен, но успеха не имела. 19-я и 21-я гв. механизированные бригады, находясь во втором эшелоне, огнем поддерживали действия передовых бригад. К исходу дня М. Е. Катуков решил развернуть корпус А. Х. Бабаджаняна на направление наступления 11-го гв. танкового корпуса. Позднее на военно-научной конференции ГСВГ, посвященной Берлинской операции, Катуков описывал свои действия так: «У меня под Зееловом обход обозначился на правом фланге, и я принял на себя тяжелую ответственность: [406] снял 11 гв. тк и 8 гв. мк, прикрылся истребительной артиллерией, оставил две бригады у тов. Чуйкова, а ему сказал: «Я пошел, если удачно — за мной»{212}.

Потери 1-й гв. танковой армии за 17 апреля можно характеризовать как умеренные. Они составили 13 Т-34, 3 ИС-2, 1 СУ-100, 2 СУ-76 сгоревшими, 24 Т-34, 1 СУ-100, 2 СУ-85 — подбитыми. При этом успешнее всего наступавший 11-й танковый корпус потерял 5 Т-34 сгоревшими и 6 Т-34 подбитыми. Катуков позднее говорил: «Все, кто высунулся вперед, моментально горел, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была».

Если М. Е. Катуков мог сказать «ну я пошел» и развернуть корпуса на перспективное направление, то армия В. И. Чуйкова была вынуждена в ожидании успеха танкистов 17 апреля продираться через Зееловские высоты в пределах назначенной полосы. Все три стрелковых корпуса 8-й гв. армии в 10.15–10.30 после 15– или 30-минутного огневого налета (в разных корпусах время артподготовки было различным) перешли в наступление. В полосе 4-го гв. стрелкового корпуса был введен в бой второй эшелон — 35-я гв. стрелковая дивизия. 35-я и 47-я гв.

стрелковые дивизии обеспечили ввод в бой 11-го танкового корпуса и к концу дня вышли на р. Флисс. 57-я гв. стрелковая дивизия к 15.00 обходным маневром окружила и захватила Зеелов и к 22.00 вышла к р. Флисс у Герльсдорфа. За день 4-й гв. стрелковый корпус продвинулся на 8 км.

К утру 17 апреля были пробиты проходы для танков и артиллерии в обломках железнодорожного моста на шоссе Людвиглуст — Фридерсдорф. Это позволило 29-му гв. стрелковому корпусу продолжить наступление. Ударом по сходящимся направлениям 27-й и 74-й гв. стрелковых дивизий при поддержке 40-й и 44-й гв. танковых бригад Фридерсдорф был окружен и захвачен. Дальнейшее продвижение было остановлено. [407] Во второй половине дня корпус лишился поддержки двух танковых бригад 1-й гв. танковой армии, уведенных на более перспективное направление. В донесении группы армий «Висла» в ОКХ эти события описывались так: «Атакующий из Дольгелина и Фридерсдорфа в юго-западном направлении противник был остановлен контратакой танковой дивизии «Курмарк» и отброшен до центра Дольгелина и района к западу от Фридерсдорфа»{213}.

Продвижение 29-го гв. стрелкового корпуса за день составило 2–4 км. Умеренные результаты наступления корпуса 17 апреля вынуждали искать новые направления использования его соединений. 82-я гв. стрелковая дивизия из второго эшелона была направлена к заветному пункту Герльсдорф, к переправе через р. Флисс, на правый фланг армии.

Наименее успешными из всех соединений армии В. И. Чуйкова 17 апреля были действия 28-го гв. стрелкового корпуса. 79-я и 88-я гв. стрелковые дивизии корпуса совместно с частями 8-го гв. механизированного корпуса в первой половине дня вели бои на рубеже «Рейхсштрассе № 5». Во второй половине дня 8-й гв. механизированный корпус был снят с бесперспективного направления и начал марш на правый фланг 1-й гв. танковой армии. Также отрицательное влияние на действия 28-го гв. стрелкового корпуса оказывала необходимость прикрывать левый фланг армии, открытый из-за невыполнения своих задач соседней 69-й армией. Продвижение 28-го гв. стрелкового корпуса за день составило 1–3 км.

Левая «пристяжная». Достижением ночи с 16 на 17 апреля в 69-й армии стал захват 247-й стрелковой дивизией Шенфлиса, отбитого накануне немецкой контратакой. В 10.30 после 30-минутной артподготовки войска армии В. Я.

Колпакчи перешли в наступление. Однако, встреченные сильным огневым сопротивлением из широко развитой системы траншей, прикрытой сплошными противотанковыми и противопехотными минными полями, части 69-й армии 17 апреля особых успехов не достигли. [408]

К 11.00 подразделениями 25-го стрелкового корпуса был захвачен Мальнов. В дневном донесении группы армий «Висла» в ОКХ этот эпизод был описан лаконично, но вполне однозначно: «В результате охватывающих ударов врага, поддержанных 60 танками, во второй половине дня был потерян Мальнов. Гарнизон уничтожен»{214}.

В 16.30 25-й стрелковый корпус вновь атаковал оборону 169-й пехотной дивизии, но лишь на отдельных участках преодолел одну-две траншеи противника. 61-й стрелковый корпус дважды атаковал противника, но также смог только вклиниться на глубину одной-двух линий траншей. Оборону 712-й пехотной дивизии на этом участке подпирала рота «Королевских тигров» из 502-го тяжелого танкового батальона СС. Немецкими танкистами было заявлено об уничтожении 25 советских танков. 91-й стрелковый корпус дважды атаковал противника, но только на отдельных участках преодолел одну линию траншей. Продвижение 69-й армии составило всего 1–2 км и совершенно не соответствовало понесенным потерям (см. таблицу в конце раздела). Справедливости ради нужно отметить, что в местности типа Зееловских высот 69-й армии пришлось вести боевые действия с первого дня операции.

33-я армия на своем «выселке» перешла в наступление 17 апреля позже других: в 11.00 после 30-минутной артиллерийской подготовки. 16-й стрелковый корпус силами 383-й стрелковой дивизии к исходу дня ворвался в Маркендорф и занялся его очищением от противника. 38-й стрелковый корпус ввел в бой два полка 64-й стрелковой дивизии для прикрытия стыка с 16-м стрелковым корпусом. 62-й стрелковый корпус расширял плацдарм в лесном массиве к западу от Брискова, а на своем левом фланге 222-й стрелковой дивизией форсировал канал Одер — Шпрее.

Однако, если командование 33-й армии оценивало продвижение своих соединений как «незначительное», прорыв 16-го стрелкового корпуса вызвал серьезную тревогу в стане противника. В дневном донесении ГА «Висла» ситуация [409]

описывалась следующим образом: «К югу от Франкфурта нас атаковали 4–5 дивизий противника при поддержке танков и прорвались до рубежа восточнее шоссе Мюллрозе — Франкфурт. Для ликвидации угрозы в бой вводится танко-гренадерская дивизия СС «Недерланд»{215}. Угроза, как мы видим, считалась достаточно серьезной, чтобы для ее парирования планировалось задействовать одну из двух эсэсовских дивизий, снимаемых из 3-й танковой армии. Однако признания своих достижений в виде выплывающего из тумана айсберга свежего соединения противника В. Д. Цветаеву удалось избежать. Изменение обстановки 18 апреля заставило немцев задействовать «Недерланд» на другом направлении.

Левая «пристяжная». 47-я армия по итогам дня 16 апреля могла быть признана одной из наступавших относительно успешно. Кроме того, периферийное положение армии позволяло надеяться на некоторую слабость обороны противника на направлении ее наступления. С 6.00 47-й армии был подчинен 7-й гв. кавалерийский корпус М. П. Константинова. Командующему 47-й армией было приказано во второй половине дня с выходом пехоты на рубеж Врицен — Кунерсдорф ввести кавкорпус в прорыв. Кавалеристы должны были наступать на Берлин и во взаимодействии с 2-й гв. танковой армией овладеть северо-восточной частью города. Приказ, несомненно, несет следы спешки, но присутствовал также элемент расчета: пока основные силы 9-й армии были скованы с фронта на одерском рубеже, немецкая столица оставалась почти беззащитной. Быстро прорвавшиеся к городу подвижные части, скорее всего, встретили бы только отряды фольскштурма и полиции. Ядро гарнизона города, который штурмовали в конце апреля несколькими армиями, составили как раз отброшенные с одерского рубежа дивизии.

Осознавая слабости своей обороны в районе Врицена, немецкое командование выдвинуло в полосу 47-й и 3-й ударной армий один из своих немногих резервов — 25-ю танко-гренадерскую дивизию. Впоследствии советские войска [410] захватили приказ командира дивизии № 47 на 17 апреля, что позволяет несколько прояснить цели и задачи соединения. 25-я танко-гренадерская дивизия занимала оборону во втором эшелоне на рубеже Альте-Одера в готовности отражать советское наступление уже утром 17 апреля. После отражения наступления планировался переход в контрнаступление.

Войска 47-й армии перешли в наступление в 8.00 после получасовой артиллерийской подготовки. В первой половине дня войска армии Ф. И. Перхоровича, преодолевая возросшее огневое сопротивление противника, полностью преодолели вторую позицию обороны и подошли ко второй оборонительной полосе противника. В 15.20 войска 47-й армии атаковали противника на второй полосе обороны. Однако здесь сопротивление возросло (за счет выдвижения на этот рубеж свежей 25-й танко-гренадерской дивизии) и дальнейшее продвижение вперед было незначительным.

К вечеру 17 апреля 77-й стрелковый корпус 47-й армии вел бой за Врицен, 125-й и 129-й стрелковые корпуса вышли на р. Фриланденштром и частью сил образовали плацдармы на ее западном берегу. За день корпуса армии Ф. И. Перхоровина [411] продвинулись на 5 км, 4 км и 4 км соответственно. Лидером наступления 47-я армия не стала.

Сосед слева 47-й армии, 3-я ударная армия, наступала 17 апреля в двухэшелонном построении. 7-й стрелковый корпус оставался во втором эшелоне — В. И. Кузнецов берег его для действий в Берлине и на ближних подступах к городу. Как показали дальнейшие события, он не ошибся. Таким образом, 3-я ударная армия двигалась вперед в глубокоэшелонированных порядках, имея в первой линии четыре стрелковые дивизии из девяти.

79-й стрелковый корпус 150-й и 171-й стрелковыми дивизиями вышел на восточный берег р. Фриланденштром и начал подготовку к форсированию. 12-й гв. стрелковый корпус наступал несколько более успешно. Корпус не только пробился к р. Фриландерштром, но форсировал ее частью сил 23-й и 33-й стрелковых дивизий. Продвижение 3-й ударной армии за 17 апреля составило 6–8 км. С оперативной точки зрения армия В. И. Кузнецова вклинилась во вторую (главную) полосу обороны.

В дневном донесении группы армий «Висла» этот эпизод был описан следующим образом: «Удар 25-й танко-гренадерской дивизии по превосходящим танковым силам врага, направленный против грозящего прорыва противника из района к востоку и юго-востоку от Врицена, не получил развития. Принужденная к обороне, дивизия приступила к ударам по сильным вражеским клиньям на линии южнее Ной

Треббин — Хетцдорф — Близдорф и в настоящее время ведет тяжелые оборонительные бои»{216}.

Форсирование Одера. На второй день наступления 61-я армия П. А. Белова наконец начала запланированное форсирование Одера. В 6.05 началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся до 6.50. В 6.20 под прикрытием артогня войска 61-й армии начали переправу через Одер.

Разведгруппы 75-й и 12-й гв. стрелковых дивизий 9-го гв. стрелкового корпуса начали переправу через реку еще в 2.00 ночи 17 апреля. Успех в ночных действиях сопутствовал разведчикам [412] 12-й гв. стрелковой дивизии — была занята дамба южнее Ной-Глицена. Батальон 75-й гв. стрелковой дивизии успеха не имел. В 6.20 к форсированию приступили главные силы двух гвардейских дивизий. Частями 75-й гв. стрелковой дивизии удалось штурмом захватить Ной-Глицен. Однако 56-му егерскому полку 5-й егерской дивизии удалось предотвратить дальнейшее расширение плацдарма. Всего за день через реку переправились до четырех полков с артиллерией. С наступлением темноты рота 286-го батальона амфибий начала перевозку на плацдарм частей 397-й стрелковой дивизии.

Итоги дня. Если отсутствие громких успехов в первый же день операции командующему 1-го Белорусского фронта могли простить, то низкий темп наступления и на следующий день уже начинал беспокоить. Тот разговор со Сталиным, в котором Жуков был информирован о повороте на Берлин своих соседей, состоялся, скорее всего, именно 17 апреля. Если сопоставить хронологию событий, то получается следующая картина. Примерно в середине дня 17 апреля Жуков направляет Верховному донесение о показаниях немецкого пленного. Сталин ему отвечает:

«Получил Вашу шифровку с изложением показания немецкого пленного насчет того, чтобы не уступать русским и биться до последнего человека, если даже американские войска подойдут к ним в тыл.

Не обращайте внимания на показания пленного немца. Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками.

Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине»{217}.

Пленный, судя по всему, воспроизвел крылатую фразу Бюссе: «Мы будем считать свою задачу выполненной, если [413] нам в спину ударят американские танки». Поскольку немцы 17 апреля продемонстрировали недюжинную стойкость в обороне, эти слова не звучали как пустая похвальба. На этом фоне неприятный разговор со Сталиным, который Жуков датирует вечером предыдущего дня, выглядит более логичным. Кроме того, теперь это хорошо стыкуется с «добро», данным И. С. Коневу на поворот на Берлин.

Последствия неприятного разговора командующего фронтом с Верховным не заставили себя ждать. Если в предыдущий день вечером в войска была направлена нейтральная директива о продолжении наступления с прежними задачами, то в 20.30 17 апреля из штаба фронта пришла выволочка:

«1. Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катукова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй [день] действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катуков и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджанян за полем боя и за действием своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина»{218}.

На момент написания ругательного приказа успех прорыва 1-го мехкорпуса 2-й гв. танковой армии еще не был известен. Поэтому наступление двух танковых армий выглядело как медленное прогрызание второй линии обороны противника. 69-я армия действительно не поражала своими успехами, продвижение ее было наименьшим из всех армий фронта (если не считать правого крыла, наступавшего с форсированием [414] Одера). Далее в приказе давались указания общего характера: «крупные населенные пункты и узлы дорог обходить», «не разбрасываться по фронту и действовать кулаком».

Объективным результатом второго дня наступления стал прорыв немецких линий обороны «позиция Харденберг» и «позиция Штейн» в полосе 5-й ударной армии. За счет безусловно успешного прорыва 1-го механизированного корпуса армия Н.

Э. Берзарина 17 апреля добилась наибольшего продвижения из всех армий 1-го Белорусского фронта. Наметилось направление, на котором вскоре был осуществлен прорыв обороны 9-й армии на подступах к Берлину.

Прорыв механизированного корпуса С. М. Кривошеина вдоль «Рейхсштрассе № 167» был замечен противником. В дневном донесении штаба группы армий «Висла» в ОКХ отмечалось: «В среднем районе главного удара в полосе LVI танкового корпуса противник сумел, используя крупные силы танков, прорвать наши линии охранения и добиться глубоких вклинений. Переброшенная сюда 18-я танко-гренадерская дивизия перешла к контрнаступлению по обе стороны от Нижнего Гёрлсдорфа»{219}. Переданную группе армий «Висла» из резерва ОКХ 18-ю танко-гренадерскую дивизию было решено использовать для восстановления рассыпающейся обороны 9-й воздушно-десантной дивизии. 30-й и 51-й полки 18-й танко-гренадерской дивизии были сосредоточены в лесах по обе стороны от Вулькова. Однако 17 апреля дивизия не успела принять участие в боевых действиях, прочность обороны ее частей советским войскам предстояло проверить на следующий день.

В качестве средства сдерживания прорыва наступающих советских войск, немецкое командование продолжало стягивать в 9-ю армию дивизии с неатакованных или, по крайней мере, подвергшихся слабому воздействию участков. Намеченные контрмеры были отражены в дневном донесении группы армий: «В ожидании завтрашних ударов противника, которые тот нанесет с применением всех сил на упомянутых направлениях главного удара с целью раздробить наш фронт [415] и прорваться к имперской столице, группа армий приняла решение, не считаясь ни с чем, обнажить фронт 3-й танковой армии и перебросить добровольческую дивизию СС «Нордланд» в район западнее Зеелова и добровольческую дивизию СС «Недерланд» для предотвращения прорыва южнее Франкфурта»{220}. Две восстановленные после боев в Восточной Померании эсэсовские дивизии должны были стать сменой постепенно теряющих боеспособности дивизий первой линии. Вместе с двумя дивизиями перебрасывался 503-й батальон тяжелых танков СС. К полуночи 17 апреля первые подразделения «Нордланда» и «Недерланда» пришли в движение.

Итоги наступления 17 апреля

Армия	1 ТА	2 ТА	61 А	47 А	3 уд. А	5 уд. А	8 гв. А	69 А	33 А
Убито	38	—	119	210	113	615	—	308	—
Ранено	175	—	284	1251	417	2034	—	1276	—

Общие потери техники 1-го Белорусского фронта 17 апреля составили 79 танков и САУ сгоревшими, 85 танков и САУ подбитыми и еще 15 выведенными из строя по другим причинам{221}. Таким образом, потери техники на второй день наступления несколько возросли. Что интересно, противник в этот день претендовал только на 106 уничтоженных советских танков.

18 апреля. В обход Зееловских высот

Главная ударная группировка. Задачей главной ударной группировки было развить успех, наметившийся на стыке 5-й ударной и 8-й гвардейской армий. При этом советские войска встретили противодействие выдвинутых в полосу 9-й [416] армии дивизий «Нордланд» и «Недерланд». Первоначально вторая должна была отправиться под Франкфурт-на-Одере, но в итоге была подчинена XI танковому корпусу СС. Связано это было с трудностями, возникшими с вводом в бой «Нордланда» в составе LVI танкового корпуса. Командующий LVI танковым корпусом генерал Вейдлинг впоследствии на допросе в советском плену описывал сложившуюся ситуацию:

«Чтобы предотвратить дальнейшее расширение прорыва между 56 тк и 11 тк СС и одновременно попытаться войти в связь с 11 тк СС, я приказал дивизии «Нордланд» сосредоточиться и 18 апреля утром нанести контрудар из района юго-восточнее Янсфельде (восточнее Мюнхеберг) на юго-восток. Приказ не мог быть выполнен из-за отсутствия бензина. Командир мд СС «Нордланд» весь день просидел у меня на КП, только к вечеру 18 апреля дивизия получила бензин»{222}.

Не имея возможности нанести контрудар, «Нордланд» вел оборонительные действия своими танко-гренадерскими полками, выступая как пехота. Дивизия «Недерланд» действовала на левом фланге XI танкового корпуса СС, стремясь предотвратить прорыв по северной кромке Зееловских высот.

На третий день операции 5-я ударная армия наступала в условиях лесного массива и цепочки озер (Леттин-зее, Кессель-зее, Штаф-зее, Биркен-зее), пересекавших полосу армии. Общая длина озер вместе с р. Штобберов составляла 7 из 9

километров всего протяжения фронта армии Н. Э. Берзарина. За день войска 5-й ударной армии продвинулись вперед на 4 км и вышли к западному ответвлению главной полосы обороны.

Вместе с 5-й ударной армией продолжали наступать два корпуса 2-й гв. танковой армии. 37-я механизированная бригада 1-го механизированного корпуса, проскочив 17 апреля в глубь обороны противника, стремилась удержать лидирующее положение. Совместно с ней действовала 48-я гв. танковая бригада 12-го гв. танкового корпуса. К утру 18 апреля под артиллерийским огнем была наведена переправа через [418] р. Штобберов, способная пропускать артиллерию, танки и САУ. Форсировав Штобберов, две бригады стали пробиваться строго на запад. К 12.00 был захвачен Ригенвальде. В боях под Ригенвальде погиб командир 48-й гв. танковой бригады Герой Советского Союза полковник В. И. Макаров.

После захвата Ригенвальде маршруты наступления бригад разошлись. К 16.30 37-я мехбригада вышла на окраину Бацлова. Здесь бригада была остановлена сильным огнем. С наступлением темноты части бригады, сковав фронтальной атакой силы противника, ударами справа и слева ворвались в Бацлов и завязали ночной бой за город. Параллельно с подготовкой ночной атаки 37-я механизированная бригада частью сил вела разведку в направлении Илова, обойдя Бацлов с юга. Разведка завязала бой на восточной окраине Илова уже в 18.00 18 апреля. Тем временем 48-я гв. танковая бригада штурмовала город Рейхенберг к югу от Бацлова.

За 37-й механизированной бригадой переправились через Штобберов 35-я и 19-я механизированные бригады, которые к 21.00 сосредоточились в Ригенвальде. Пытавшаяся развить успех на левом фланге корпуса 219-я танковая бригада наступала совместно с бригадами 11-го танкового корпуса на Вульков. Захватив Вульков и к 11.00 Херменсдорф к западу от него, части двух корпусов разных танковых армий встретили упорное сопротивление подразделений «Нордланда» и 18-й танко-гренадерской дивизии. В район Херменсдорфа также был отброшен один полк 9-й парашютно-десантной дивизии. Поскольку быстрого продвижения на этом направлении не ожидалось, 219-я танковая бригада была развернута на север. К 21.00 она воссоединилась с главными силами 1-го мехкорпуса в лесу к востоку от Ригенвальде.

Развернутый накануне на направление наступления 1-го механизированного корпуса 12-й гв. танковый корпус (без 48-й гв. танковой бригады) 2-й гв. танковой армии также наступал 18 апреля на Херменсдорф. Однако наметившийся прорыв на этом направлении был законопачен частями «Нордланда» и 18-й танко-гренадерской дивизии. Отсутствие быстрого продвижения вперед заставило развернуть корпус в затылок лидерам — 37-й механизированной и 48-й [419] гв. танковой бригадам. К 21.00 корпус сосредоточился в лесу к юго-востоку от Ригенвальде. На подступах к Ригенвальде также сосредоточились 94-я гв. стрелковая и 266-я стрелковая дивизии 26-го гв. стрелкового корпуса 5-й ударной армии. Таким образом, к исходу 18 апреля в районе Ригенвальде на подступах к Бацлову были собраны в готовности к прыжку вперед крупные силы советских стрелковых и механизированных соединений.

18 апрели стало для 2-й гв. танковой армии днем потерь среди комсостава. Командир 12-го гв. танкового корпуса генерал-лейтенант Н. М. Теляков управлял боем непосредственно в боевых порядках. Однако пребывание на передовой даже за две недели до окончания войны было небезопасным, Н. М. Теляков подорвался на мине и был тяжело ранен в обе ноги. Позднее в корпус прибыл гвардии генерал-майор М. Ф. Салминов, только что окончивший Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. М. Ф. Салминов командовал 12-м гв. танковым корпусом до конца Берлинской операции.

Тем временем вровень с другими частями 2-й гв. танковой армии вышел оставленный накануне перед разрушенной переправой 9-й гв. танковый корпус. Разбитая немецкой артиллерией 17 апреля переправа была восстановлена, и к 8.30 18 апреля на западном берегу р. Фриландерштром сосредоточилась 47-я гв. танковая бригада. Она не осталась в гордом одиночестве. Одновременно с 9-м гв. танковым корпусом наступала пехота 12-го гв. стрелкового корпуса 3-й ударной армии. К утру 18 апреля корпус переправил через Фриландерштром артиллерию, танки и САУ. Наступавшие в первом эшелоне 23-я и 33-я гв. стрелковые дивизии сбили противника с занимаемых рубежей и вскоре вышли к высотам северо-восточнее и восточнее Бацлова. На этом рубеже они были остановлены сильным огнем противника. В середине дня 47-я гв. танковая бригада через Готтенграбе также вышла в район Бацлова. К вечеру туда же вышли 50-я и 65-я гв. танковые

бригады 9-го гв. танкового корпуса. В 21.00 приказом Жукова 9-й гв. танковый корпус перешел во временное подчинение командующего 3-й ударной армии.

Развернув на направление намечающегося успеха корпуса [420] своей армии, М. Е. Катуков словно иголка потянул за собой нитку — стрелковые соединения 8-й гв. армии. Поскольку быстрого прорыва не получилось, ни о каком отставании пехоты от механизированных частей не могло быть и речи. 4-й гв. стрелковый корпус 8-й гв. армии наступал по пятам 11-го танкового и 11-го гв. танкового корпусов. Дальше всех продвинулась 35-я гв. стрелковая дивизия, которая к исходу дня вышла к Требницу.

11-й танковый корпус наступал на стыке с 2-й гв. танковой армией. Части корпуса разошлись веером от Вулькова, нащупывая слабое место в обороне противника. 65-я танковая бригада и 50-й тяжелый танковый полк корпуса с утра захватили вместе с 219-й танковой бригадой 1-го мехкорпуса Вульков, далее был захвачен Херменсдорф. 20-я танковая бригада отклонилась дальше к югу и захватила Оберсдорф. 36-я танковая бригада отклонилась еще дальше на юг, и во взаимодействии с частями 11-го гв. танкового корпуса заняла Требниц. Поздним вечером 18 апреля бригады 11-го танкового корпуса собрались в районе Мюнхехофе. Далее на подступах к Букову они встретили сопротивление частей «Нордланда» и дальнейшего продвижения не имели. [421]

11-й гв. танковый корпус к 6.00 форсировал р. Флисс у Герльсдорфа и наступал в направлении Мюнхеберга. К вечеру 40-я гв. танковая бригада захватила Требниц. Остальные бригады корпуса к полуночи заняли Янсфельде — населенный пункт на «Рейхсштрассе № 1».

8-й гв. механизированный корпус в ночь с 17 на 18 апреля производил перегруппировку на новое направление и с утра повел наступление по маршруту 11-го гв. танкового корпуса в юго-западном направлении. Тем самым механизированный корпус И. Ф. Дремова должен был выйти в тыл немецким войскам, обороняющимся на Зееловских высотах. К 19.00 корпус вышел к Марксдорфу, а к концу дня занял его. Тем самым был произведен глубокий охват оборонявшихся перед фронтом 8-й гв. армии и 69-й армии соединений немецкого XI танкового корпуса СС.

Оборона XI танкового корпуса СС фронтом на восток пока еще сохраняла свою прочность. Попытки наступления левофлангового 28-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии были безуспешными. Армия В. И. Чуйкова постепенно перекатывалась через р. Флисс у Герльсдорфа. К концу дня на западном берегу реки были уже не только соединения 4-го гв. стрелкового корпуса, но и 82-я и 27-я гв. стрелковые дивизии 29-го гв. стрелкового корпуса. 82-я гв. стрелковая дивизия с 7-й гв. тяжелой танковой бригадой выбила противника из Ворина (к юго-западу от Герльсдорфа). 105-й танковый полк тяжелой бригады вместе с 244-м гв. стрелковым полком вышел на «Рейхсштрассе № 1». Стрелковые дивизии армии В. И. Чуйкова постепенно снимались с места и обходили Зееловские высоты с севера.

Правая «пристяжная». Так получилось, что 3-я ударная армия наступала, имея для поддержки каждого из своих корпусов танковый корпус. 9-й гв. танковый корпус сместился в полосу армии В. И. Кузнецова из состава главной ударной группировки. Он поддерживал 12-й гв. стрелковый корпус. Соседний 79-й стрелковый корпус наступал совместно с введенным в первую линию 9-м танковым корпусом.

Действия 12-го гв. стрелкового корпуса описаны выше, при освещении ведения боевых действий 2-й гв. танковой [422] армией. Поэтому здесь ограничусь описанием наступления 79-го стрелкового корпуса. Переправившись через Фриландерштром, 150-я стрелковая дивизия совместно с 23-й и 95-й танковыми бригадами 9-го танкового корпуса захватила Кунерсдорф. Далее произошла ротация соединений в первом эшелоне: 150-я стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон, а в ее полосу из второго эшелона выдвинулась 207-я стрелковая дивизия. 171-я стрелковая дивизия в середине дня вышла к Меглину, а во второй половине дня преодолела оборону противника на рубеже Шульцедорф — Меглин. Основным противником двух дивизий был 119-й танко-гренадерский полк 25-й танко-гренадерской дивизии. К полуночи 171-я и 207-я стрелковые дивизии продвинулись в направлении Франкенфельде.

Ввиду того, что через Альте-Одер (Фриландерштром) было наведено всего две переправы, у них образовалась толчея, усугублявшаяся спорадическими ударами авиации противника. Канал по двум переправам пересекали части 2-й гв. танковой армии, танки и САУ непосредственной поддержки и тылы дивизий. Переправа артиллерийских частей затянулась. Поэтому лишь к исходу дня 18 апреля

артиллерия подошла ближе к пехоте и войска 3-й ударной армии все же продвинулись вперед. За день 79-й стрелковый корпус продвинулся на 5–6 км, а 12-й гв. стрелковый корпус — 4–5 км. 79-й стрелковый корпус преодолел не только главную полосу обороны, но и ее западное ответвление. На пути армии В. И. Кузнецова оставалась тыловая полоса обороны.

В 21.00 18 апреля боевым распоряжением штаба 1-го Белорусского фронта № 10479 9-й гв. танковый корпус 2-й гв. танковой армии был передан в подчинение командующего 3-й ударной армии. Корпусу была поставлена задача: войти в прорыв на фронте Меглин — Бацлов и наступать на Претцель и Бернау.

18 апреля также стало днем развала немецкой обороны под Вриценом. В 10.00 после 40-минутной артиллерийской подготовки войска 47-й армии перешли в наступление. К исходу дня 77-й стрелковый корпус вел уличные бои во Врицене. Город был полностью оставлен гарнизоном к полуночи. [423]

К югу от Врицена наступали 125-й и 129-й стрелковые корпуса 47-й армии. Во второй половине дня они преодолели все позиции немецкой обороны и вышли на шоссе Врицен — Шульцдорф, а к 20.00 вели бой в 1 км западнее шоссе. Продвижение корпуса за день составило 3 км и 4 км соответственно.

По итогам дня командир CI армейского корпуса генерал артиллерии Берлин был смещен и заменен командиром 5-й егерской дивизии генерал-лейтенантом Зикстом.

Левая «пристяжная». Интенсивность боевых действий в полосе 69-й армии 18 апреля существенно снизилась. Армия перегруппировалась для сосредоточения усилий на правом фланге 25-го стрелкового корпуса. Соответственно 25-й стрелковый корпус сдал часть своей полосы соседнему 61-му стрелковому корпусу, а последний ввел в первую линию полк 134-й стрелковой дивизии из второго эшелона. Также 61-й стрелковый корпус сдал часть своей полосы левофланговому 91-му стрелковому корпусу. Такая перегруппировка объяснялась тем, что впереди лежала цепочка озер и для сохранения связи с 8-й гв. армией ее нужно было обойти с севера.

Боевые действия 18 апреля 69-я армия начала в 12.30 после 30-минутной артиллерийской подготовки. Продвижение на 1 км имел только 61-й стрелковый корпус в центре построения армии. Потери бронетехники армии В. Я. Колпакчи за

три дня наступления составили 16 танков и 11 САУ сгоревшими, 30 танков и 17 САУ подбитыми, 38 танков и 8 САУ подорвавшимися на минах.

Обстановка, сложившаяся севернее и южнее Франкфурта-на-Одере, заставила немецкое командование принять решение об эвакуации гарнизона и усилить его частями оборону на западном берегу. Всю ночь с 18 на 19 апреля из Франкфурта-на-Одере выводились войска, и в 5.29 (берлинского времени) 19 апреля мост через Одер был взорван.

Форсирование Одера. Пока основные силы фронта продирались через череду полос обороны и мешанину каналов и озер, на правом фланге фронта расширяла плацдарм на Одере [424] 61-я армия. 9-й гв. стрелковый корпус в течение всей ночи вел бои за расширение плацдарма и переправлял оставшиеся части на западный берег реки. В 8.00 после 20-минутной артиллерийской подготовки корпус перешел к «вскрытию» плацдарма. К исходу дня наступающие продвинулись на 2 км.

Инженерными частями 61-й армии к 5.45 18 апреля была построена понтонная переправа у Ной-Глицена грузоподъемностью 16 тонн. Переправа позволяла начать переброску на плацдарм самоходных артполков. Однако немецкая авиация не позволяла расслабляться. В 10.35 построенный мост был разбит бомбардировкой с воздуха. Пока восстанавливался понтонный мост, переправа войск шла с помощью паромов. Переправить самоходки помогло братство по оружию. 312-й гв. и 1811-й самоходные артполки были рокированы к построенной польскими войсками Цольбрюккенской переправе. К 20.00 18 апреля полки уже были на западном берегу Одера.

Итоги дня. В течение 18 апреля войска 1-го Белорусского фронта продолжали методично перемалывать немецкую оборону на позициях, преграждающих путь с Кюстринского плацдарма в Берлин. Вводом в бой последних резервов (18-й танко-гренадерской дивизии, дивизий «Нордланд» и «Недерланд») на направлении наметившегося прорыва обороны немецкому командованию 18 апреля удалось предотвратить обвал фронта.

Советское командование было недовольно низкими темпами наступления. В 22.00 18 апреля Жуков направил в войска очередную «ругательную» директиву № 00566/оп. Она гласила:

«1. Наступление на Берлин у вас развивается недопустимо медленно. Если так будет операция и дальше проходить, то наступление может захлебнуться.

2. Основная причина плохого наступления кроется в неорганизованности, отсутствии взаимодействия войск и отсутствии требовательности к лицам, не выполняющим боевых задач. Приказываю: 1. Всем командармам, командирам корпусов, дивизий и бригад выехать в передовые части и лично разобраться с обстановкой, а именно: а) где и какой [425] противник; б) где свои части, где средства усиления и что они конкретно делают; в) имеют ли части взаимодействие, боеприпасы и как организовано управление.

3. До 12 часов 19 апреля привести части в порядок, уточнить задачи, организовать взаимодействие всех частей, пополнить боеприпасы и в 12 часов по всему фронту начать артиллерийскую и авиационную подготовку и, в зависимости от характера артподготовки, атаковать противника и стремительно развить наступление согласно плану.

Координацию действий на участке 5-й ударной и 2 гв. ТА возлагаю на командарма 5-й ударной. На участке 8 гв. и 1 гв. ТА — на командарма 8 гв. А. [...]

4. Все транспортные машины механизированных бригад, механизированных корпусов и тылов бригад и корпусов немедля убрать с дорог и отвести в укрытия. В дальнейшем мотопехоте продвигаться пешком.

5. Для организации жесткого порядка на дорогах немедленно организовать командирскую комендантскую службу.

6. Для поддержания взаимодействия стрелковых дивизий и танковых бригад танковых армий военным советам 5-й и 8-й армий иметь своих ответственных командиров со средствами связи в каждой танковой бригаде 1 и 2 ТА. Военным советам 1 и 2 гв. ТА иметь своих представителей в стрелковых дивизиях.

7. Всех командиров, проявивших неумение выполнять задачи и проявивших нерешительность, заменить умелыми и отважными командирами»{223}.

В целом этот приказ можно расценивать как признание того, что быстрого прорыва в ближайшее время не получится. Изъятие из танковых соединений автомашин и фактическое подчинение танковых армий командующим общевойсковыми армиями низводило мехсоединения на уровень непосредственной поддержки пехоты.

Подчинение танковых армий общевойсковым командирам 18 апреля просто запоздало. Танковые армии постепенно [426] обтекали встретившиеся им немецкие резервы, расходясь в разные стороны. 1-я гв. танковая армия отклонялась к югу, а 2-я гв. танковая армия — к северу. Поскольку переброшенные немцами резервы не имели возможности наносить контрудары, им оставалось лишь подпирать фронт. Статичную позицию можно было обойти, что и было сделано советскими подвижными соединениями на следующий день.

Командующий LVI танкового корпуса генерал Вейдлинг вспоминал: «18 апреля русские продолжали расширять прорыв между 56 тк и 11 тк СС, а равно между 56 тк и 101 ак, оказывая одновременно давление с фронта на части 56 тк»{224}. Интересно отметить, что 18 апреля последовала смена командира 9-й воздушно-десантной дивизии. Оборона дивизии стремительно рассыпалась, и последовали оргвыводы. Вейдлинг освободил от должности генерала парашютно-десантных войск Бруно Бройера и назначил вместо него полковника Гарри Германа, также ветерана воздушно-десантных войск.

Итоги наступления 18 апреля

Армия	1 ТА	2 ТА	61 А	47 А	3 уд. А	5 уд. А	8 гв. А	69 А	33 А
Убито	90	—	95	156	119			88	
Ранено	355	—	365	625	416			297	

Общие потери техники 1-го Белорусского фронта 18 апреля составили 65 танков и САУ сгоревшими, 86 танков и САУ подбитыми и еще 13 выведенными из строя по другим причинам{225}.

19 апреля. Плотина рухнула

Если в первые три дня сражения командующий фронтом ограничивался разносами и требованиями улучшить технику ведения наступления, то на четвертый день Жуков решил [427] перекроить план наступления. Ранним утром 19 апреля из штаба фронта в войска пришла директива № 00567/оп, в которой радикально изменялись направления наступления и разграничительные линии для армий правого крыла фронта. 47, 3 и 5-я ударные армии должны были повернуть на юго-запад и наступать непосредственно на Берлин. Глобально задача формулировалась — «на

плечах противника ворваться и захватить Берлин». Частные задачи были поставлены следующие:

47-й армии — наступать в общем направлении Газельберг, Лойенберг, Байерсдорф, Бернау, Шильдов, Хермсдорф (последние два пункта в северной части Берлина).

3-й ударной армии — наступать в общем направлении Претцель, Вернойхе, Бланкенбург (в северо-восточной части Берлина), Тегель (в северо-западной части Берлина).

5-й ударной армии — наступать в общем направлении Штраусберг, Альт-Ландсберг, Эйхе, пригород Вейсензее (в северной части Берлина).

2-й гвардейской танковой армии, не прекращая боевых действий ночью, к 6 часам 19 апреля овладеть: 1-м механизированным корпусом — Бацлов, 9-м гвардейским танковым корпусом — Штернебек, Претцель и 12-м гвардейским танковым корпусом, наступая через Илов, овладеть Груновом — важнейшими опорными пунктами третьей (тыловой) полосы обороны немцев, чем облегчить наступление 3-й и 5-й ударных армий 19 апреля на Берлин.

Разграничительные линии между тремя армиями получили излом в юго-западном направлении и заканчивались теперь в пригородах Берлина. Тем самым был сделан очередной шаг к тому, чтобы 150-я стрелковая дивизия вместо действий на периферии сражения штурмовала Рейхстаг.

С оперативной точки зрения смысл директивы № 00567/оп очевиден: обойти плотный заслон на «Рейхсштрассе № 1» и ворваться в Берлин с северо-востока.

Главная ударная группировка. Переход в наступление 5-й ударной армии в соответствии с директивой штаба фронта № 00566/оп был запланирован в 12.30 после 30-минутной артподготовки. По приказу Н. Э. Берзарина 1-й механизированный [428] корпус должен был взаимодействовать с 26-м гв. стрелковым корпусом и 12-й гв. танковый корпус — с 32-м стрелковым корпусом. Однако ночные действия танковых соединений существенно изменили обстановку и нарушили первоначальный замысел командования 5-й ударной армии.

В ночь с 18 на 19 апреля войска 2-й гв. танковой армии не прекращали боевых действий и добились существенных успехов, позволивших успешно наступать при свете дня. Поскольку 9-й гв. танковый корпус был временно подчинен 3-й ударной

армии, танковая армия действовала в двухкорпусном составе. 1-й механизированный корпус в течение ночи вел бои за Бацлов и к 7.00 35-й мехбригадой совместно с пехотой захватил этот опорный пункт противника. 12-й гв. танковый корпус, наступая в направлении Грунова, к 6.00 силами 48-й и 49-й гв. танковых бригад овладел Райхенбергом.

Захватив к 10.00 19 апреля Бацлов и Илов, бригады 1-го механизированного корпуса разошлись веером от узла дорог Рейхенов, нащупывая слабые места в обороне противника. Особенно ожесточенным было сопротивление противника в [429] узлах дорог Претцель и Предиков. Здесь наступающих встретил огонь зенитных, самоходных и противотанковых орудий. Атака 19-й механизированной бригады на Претцель успеха не принесла. Предиков был захвачен 219-й танковой бригадой к 18.00, но на пути бригады лежал упорно обороняемый [430] Претцель. На Претцель также была развернута 37-я механизированная бригада, захватившая Штернебек. Но, оценив штурм узла дорог как бесперспективный, С. М. Кривошеин решил обойти Претцель с северо-запада.

37-я механизированная бригада 19 апреля сохранила желтую майку лидера, которую она бессменно несла с 17 апреля. После принятого командиром корпуса решения об обходе Претцеля бригада повернула на запад и углубилась в лесной массив Претцелер Форст. Теснимый частями бригады противник откатывался на запад, и к 21.00 бригада овладела фл. Блументаль в глубине леса. К 23.00 бригада была остановлена взорванной 30-метровой насыпью на шоссе южнее озера Гамен. Взорванная насыпь задержала бригаду на несколько часов. К 4.00 37-я мехбригада вышла на рубеж «Рейхсштрассе № 158» и идущей параллельно шоссе железной дороги севернее станции Верфтпфуль. Остальные бригады ночью сосредоточились в лесу Претцелер Форст восточнее позиций своего лидера.

12-й гв. танковый корпус наступал от Илова одной бригадой на Претцель, а остальными — на Грунов. Местность в районе Грунова представляла сильно заболоченный участок, исключавший возможность действий танков в развернутом строю. Они могли действовать только вдоль дороги, неся потери от огня противника. Грунов был взят к 17.00 силами 34-й гв. мотострелковой бригады и 48-й гв. танковой бригады. Атаковавшая Претцель 49-я гв. танковая бригада, встретив ожесточенное сопротивление противника, попыталась обойти этот узел обороны с юго-запада. Однако обхода не получилось: бригаду встретили завалы в лесном

массиве. В итоге 49-я гв. танковая бригада была развернута на юг для наступления от Грунова на запад.

Таким образом, войска 2-й гв. танковой армии в течение 19 апреля, сломив сопротивление противника на «позиции Вотан», успешно продвинулись в западном направлении, пройдя с боями до 30 км. Лидером наступления, продвинувшимся на 30 км, был 1-й механизированный корпус. Однако для прорыва в глубину корпусу С. М. Кривошеина пришлось выйти в полосу соседней 3-й ударной армии и нарушить первоначальную [431] схему взаимодействия между стрелковыми корпусами 5-й ударной армии и подвижными соединениями 2-й гв. танковой армии.

Собственно со стрелковыми соединениями армии Н. Э. Берзарина из состава танковой армии С. И. Богданова взаимодействовал только 12-й гв. танковый корпус. При поддержке танкистов 26-й гв. стрелковый корпус и правый фланг 32-го стрелкового корпуса (60-я гв. стрелковая дивизия) сбили противника с рубежа восточнее Ригенвальде и, развивая наступление по открытой местности в направлении Рейхенберг, Илов, Грунов, продвинулись за сутки на 10,5 км.

Наступавший по сильно пересеченной местности 9-й стрелковый корпус двигался в два раза медленнее и продвинулся только на 5 км. И. П. Рослый принял решение не штурмовать Буков в лоб, а обойти его с севера и юга. 301-я стрелковая дивизия, оставив один стрелковый корпус перед Буковым, двумя другими обошла город и озеро Шермютцель-зее севернее. Другая стрелковая дивизия (248-я стрелковая дивизия) по узкому перешейку между Вейсер-зее и Абендрот-зее начала продвигаться на Хазенхольц, обходя Буков южнее.

Смещение танковых соединений в полосу соседей стало своего рода стандартом событий 19 апреля. Спутником 9-го стрелкового корпуса И. П. Рослого в сражении за Буков стал 11-й танковый корпус И. И. Ющука. До 11.00 19 апреля танковый корпус И. И. Ющука наступал на Буков, но понес большие потери и успеха не имел. Командир корпуса решил собрать две ударные группировки для обхода Букова с севера и юга. Правую (северную) группировку корпуса составили 65-я танковая бригада, 50-й тяжелый танковый полк, 1493-й и 1461-й самоходно-артиллерийские полки, 12-я мотострелковая бригада, минометный и легко-артиллерийские полки. Ее возглавил сам И. И. Ющук. В южную (левую) группировку вошли 20-я и 36-я танковые бригады. Возглавил южную группу начальник штаба корпуса генерал-

майор Гриценко. В отличие от И. П. Рослого, И. И. Ющук задумал широкий замах и охват не только Букова, но и прилегающих к нему озер. В результате правая ударная группировка к исходу дня вышла [432] в район Грунова, где уже вели бои танкисты 12-го гв. танкового корпуса, а левая вышла к Мюнхебергу и была остановлена на подступах к Дамсдорфу (севернее города).

По замыслу М. Е. Катукова 11-й и 11-й гв. танковые корпуса 1-й гв. танковой армии должны были прорвать оборону противника и выйти на восточную и юго-восточную окраины Берлина. 8-й гв. механизированный корпус во взаимодействии с левым флангом 29-го гв. стрелкового корпуса должен был ударить в направлении Фюрстенвальде в тыл группировке противника, обороняющейся на Зееловских высотах.

Однако быстрого прорыва 19 апреля еще не получилось. 11-й гв. танковый корпус с утра 19 апреля пытался внезапным ударом овладеть Мюнхебергом, но встретил организованное сопротивление противника и успеха не имел. Город Мюнхеберг обороняли части танковой дивизии «Мюнхеберг», снятые с Зееловских высот. С 13.30 танковый корпус А. Х. Бабаджаняна совместно с 29-м стрелковым корпусом начал наступление в обход Мюнхеберга с юга. Однако сам по себе обходной маневр не гарантировал успеха. 27-я гв. стрелковая дивизия, наступавшая совместно с 44-й и 45-й танковыми бригадами в обход Мюнхеберга, была встречена сильным артиллерийским огнем из Мюнхеберга и огнем пулеметов и противотанковых пушек из Элизенхофа. Это дали о себе знать неподавленные в ходе артподготовки огневые точки противника. В 17.00 был произведен повторный огневой налет по Мюнхебергу и Элизехофу. После налета 82-я стрелковая дивизия начала штурм Мюнхеберга, а 27-я гв. стрелковая дивизия и части 11-го гв. танкового корпуса атаковали Элизехоф. Поддержку штурмующим Мюнхеберг стрелковым частям оказывали танки ИС-2 7-й гв. тяжелой танковой бригады, завязавшие дуэль с танками противника. Одновременно 47-я гв. стрелковая дивизия 4-го гв. стрелкового корпуса к 16.00 вышла к Дамсдорфу, обходя Мюнхеберг с севера. К 18.00 сопротивление защитников Мюнхеберга было сломлено. К 18.30 части 82-й гв. стрелковой дивизии ворвались на окраину города, а к 21.00 он был полностью очищен от противника. В боях за Мюнхеберг 7-я гв. тяжелая танковая [434] бригада потеряла 2 танка сгоревшими и 7 танков подбитыми.

После того как угроза со стороны Мюнхеберга была устранена, корпус А. Х. Бабаджаняна, обходя город с юга, к 20.00 занял Фридрихсдорф, Эгерсдорф и продолжал наступать в юго-западном направлении. К полуночи танкисты А. Х. Бабаджаняна овладели Шенфельде, населенным пунктом к юго-востоку от Мюнхеберга. 8-й гв. механизированный корпус И. Ф. Дремова в первой половине дня вел бой фронтом на юг с частями «Недерланда», но продвижения не имел. Во второй половине дня М. Е. Катуков развернул корпус И. Ф. Дремова на направление наступления корпуса А. Х. Бабаджаняна. Несмотря на то, что корпуса армии М. Е. Катукова не выполнили поставленных на день задач, немецкая оборона на «позиции Вотан» (Wotan-Stellung) маневром в обход Мюнхеберга была прорвана. Потери техники 1-й гв. танковой армии за 19 апреля составили 20 Т-34, 2 ИС-2, 2 СУ-100, 1 ИСУ-122, 4 СУ-85, 6 СУ-76 сгоревшими, 13 Т-34, 1 ИС-2, 5 СУ-100, 3 СУ-85, 1 СУ-76 подбитыми{226}.

Войска 8-й гв. армии 19 апреля в полной мере разделили успехи и неудачи 1-й гв. танковой армии. В 10.00 по приказу В. И. Чуйкова 4-й и 29-й гв. стрелковые корпуса провели разведку боем с целью выявить систему обороны противника. В 12.30 частями 4-го гв. стрелкового корпуса и в 13.30 частями 29-го и 28-го гв. стрелковых корпусов возобновили наступление после 30-минутной артподготовки. 4-й гв. стрелковый корпус действовал совместно с 11-м танковым корпусом у Букова и Дамсдорфа. 29-й гв. стрелковый корпус во второй половине дня овладел Мюнхебергом. 28-й гв. стрелковый корпус как нитка за иголкой обтекал северный фас Зееловских высот, вел бой фронтом на юг и юго-запад.

Правая «пристяжная». Войска 47-й армии 19 апреля прорвали оборону противника на рубеже Врицен, Кунерсдорф. Далее сообразно директиве № 00567/оп армия Ф. И. Перхоровича изменила направление наступления с северо-запада на запад и юго-запад. Серьезную помощь в продвижении [435] вперед оказал 9-й гв. танковый корпус 2-й гв. танковой армии. Корпус, наступая в направлении Лойенберг, Шенфельд, частью сил прошел в полосе 129-го стрелкового корпуса 47-й армии, прорвал оборону и создал условия для быстрого продвижения пехоты на запад.

Осью наступления 9-го гв. танкового корпуса была железная дорога. Перейдя в наступление в 2.00, 47-я и 50-я гв. танковые бригады севернее железной дороги и 65-я гв. танковая и 33-я гв. мотострелковая бригады южнее железной дороги к 6.00

вышли на рубеж Франкенфельде. К 16.00 9-й гв. танковый корпус вышел на рубеж Харнекоп, Штернбек, что означало прорыв «позиции Вотан».

Развивая наступление, части 9-го гв. танкового корпуса углубились в лесной массив Претцель Форст. К 21.00 47-я гв. танковая бригада с двумя батальонами 33-й гв. мотострелковой бригады вышла на рубеж «Рейхсштрассе № 158» и завязала бой за узел дорог Штайнбек, который был захвачен к 23.00. 65-я гв. танковая бригада к 21.00 заняла узел лесных дорог фл. Бизов.

Используя успех 9-го гв. танкового корпуса, 129-й стрелковый корпус уже к исходу 19 апреля подошел к озеру Маркграфе, фл. Бизов, вклинившись в оборону противника более чем на 5 км. Итоговое продвижение корпуса за день составило 12 км. Вечером 19 апреля сложилась обстановка, при которой левофланговый 129-й стрелковый корпус значительно выдвинулся вперед, а два других корпуса 47-й армии оставались позади. 125-й стрелковый корпус вместо того, чтобы использовать брешь в обороне противника в полосе 129-го стрелкового корпуса для удара во фланг обороняющимся перед ним частям противника, продолжал безуспешные атаки. Обходной маневр начался только поздно вечером по приказу командующего армией.

Правофланговый 77-й стрелковый корпус 47-й армии был остановлен сильным огнем противника, отошедшего в лес Фраенвальдер Штадтфост. В результате быстрого продвижения левого фланга и увязания в лесных боях правого фланга 47-й армии войска Ф. И. Перхоровича развернулись фронтом на северо-запад, хотя директива № 00567/оп требовала разворота на юго-запад. Ввод в прорыв в полосе 47-й армии [436] 7-го гв. кавалерийского корпуса не был осуществлен, так как оборона противника прорвана не была. Корпус оставался во втором эшелоне.

Выполняя директиву № 00567/оп, 3-я ударная армия 19 апреля начала поворот на юго-запад, выходя в новые разграничительные линии. 12-й гв. и 79-й стрелковые корпуса должны были выйти на западную окраину лесного массива Претцелер Форст на рубеж Вертпфуль, Везендаль. Тем самым 3-я ударная армия нависала бы над флангом соединений противника, обороняющихся перед фронтом главной ударной группировки фронта. Армия В. И. Кузнецова пробивалась вперед по следам сразу нескольких механизированных соединений. Армию поддерживали 9-й гв. и 9-

й танковые корпуса, во второй половине дня 19 апреля в ее полосу вышел 1-й механизированный корпус.

Стрелковые корпуса 3-й ударной армии добивали узлы сопротивления, обойденные механизированными соединениями. В 12-м гв. стрелковом корпусе в первую линию были выведены все три стрелковые дивизии. Ранним утром 33-я и 52-я гв. стрелковые дивизии очищали от разрозненных групп противника Бацлов. 23-я гв. стрелковая дивизия атаковала Претцель с юго-востока и к 19.00 полностью очистила город от противника. 79-й стрелковый корпус наступал 171-й и 207-й стрелковыми дивизиями в первом эшелоне и 150-й стрелковой дивизией во втором. 207-я стрелковая дивизия с 1203-м самоходно-артиллерийским полком, двумя батареями 351-го самоходно-артиллерийского полка овладела Франкенфельде, Харнекопфом. 171-я стрелковая дивизия с 85-м танковым полком, двумя батареями 351-го самоходно-артиллерийского полка к вечеру вышла к фл. Блументаль в глубине лесного массива.

К концу дня корпуса 3-й ударной армии перешли к преследованию противника в лесу Претцелер Форст. Ввиду множества лесных завалов, противотанковых рвов и противотанковых минных полей на основных дорогах, вся тяжесть боев по очищению лесного массива приняла на себя пехота.

Левая «пристяжная». В связи с тем, что 8-я гв. армия потянулась за 1-й гв. танковой армией, разграничительная линия [437] между армиями В. И. Чуйкова и В. Я. Колпакчи была перенарезана. Теперь 69-я армия получила часть полосы 8-й гв. армии.

Первые успехи после череды неудач в предыдущие дни наметились в полосе 69-й армии еще ночью. В результате умелых ночных действий 25-й стрелковый корпус захватил Карциг. На левом фланге 69-й армии 283-я стрелковая дивизия совместно с частями 33-й армии с утра 19 апреля заняла оставленный противником плацдарм на восточном берегу Одера у Франкфурта.

В общее наступление войска 69-й армии перешли в 11.30 после 30-минутной артиллерийской подготовки. К вечеру 25-й стрелковый корпус занял Альт-Малиш, а 61-й стрелковый корпус — Нидер-Езар. Продвижение корпусов за день составило 3–4 км.

33-я армия 19 апреля приостановила наступление. Активные боевые действия ограничились занятием оставленного противником плацдарма на восточном берегу Одера. По показаниям пленных было выяснено, что плацдарм эвакуирован и на нем оставлено только слабое прикрытие. В 7.00 129-я стрелковая дивизия начала разведку боем и, встречая незначительное сопротивление противника, к 14.00 вышла на берег Одера. Остальные соединения 33-й армии закреплялись на достигнутых рубежах и отражали контратаки. Особенно ожесточенной была контратака против подразделений 383-й стрелковой дивизии, заставившая отойти на восточную окраину Маркендорфа. Также был эвакуирован плацдарм на южном берегу канала Одер — Шпрее. 362-я стрелковая дивизия 62-го стрелкового корпуса была отведена на северный берег канала. Теперь дивизия образовывала второй эшелон корпуса. Фактически 19 апреля стало днем смены стратегии: от расширения плацдарма по всем направлениям к сосредоточению усилий на его западном и северо-западном фасе.

Форсирование Одера. Войска 61-й армии на правом крыле 1-го Белорусского фронта 19 апреля продолжали бои за расширение плацдарма на западном берегу Одера. На плацдарме плечом к плечу действовали 89-й и 9-й гв. стрелковый [438] корпуса. Продвижение корпусов за день составило около 1 км. Переправленный на плацдарм 312-й самоходно-артиллерийский полк (20 СУ-76) в течение дня поддерживал 415-ю стрелковую дивизию. 286-й батальон амфибий переправлял через Одер людей и технику, потеряв за день два «Форда». Армия П. А. Белова вышла к Альте-Одеру и должна была на следующий день его форсировать. 1-я армия Войска Польского 19 апреля левым флангом форсировала Альте-Одер севернее Врицена и продвинулась на 2–3 км.

Итоги дня. Самым существенным результатом боевых действий 19 апреля стала полная реабилитация 1-й гв. танковой и 8-й гв. армий. Они сумели прорвать оборону противника в районе Мюнхеберга, обеспечив себе свободу действий как в западном, так и в юго-западном направлении. Напротив, армии на правом крыле фронта не оправдали надежд, которые на них возлагались директивой № 00567/оп. Дружного поворота на юго-запад и прорыва к Берлину не получилось. Но, так или иначе, «позиция Вотан» была взломана как в полосе 8-й гв. армии, так и в полосе 3-й и 5-й ударных армий.

Выдвижение немцами резервов на намечающееся направление прорыва вынуждало наступающие советские подвижные соединения выполнять обходные маневры через полосу соседних армий. 9-й гв. танковый корпус был подчинен 3-й ударной армии в приказном порядке, а 1-й механизированный корпус вышел в ее полосу при обходе узла обороны в Претцеле.

Итоги наступления 19 апреля

Армия	1 ТА	2 ТА	61 А	47 А	3 уд. А	5 уд. А	8 гв. А	69 А	33 А
Убито	135		86	287	166	—	—	204	—
Ранено	678		363	1112	594	—	—	652	—

Потери 33-й армии с 15 по 20 апреля составили 1687 человек убитыми, 7213 ранеными, 128 пропавшими без вести, 13 небоевые потери и 206 заболевшими{227}. [439]

Общие потери техники 1-го Белорусского фронта 19 апреля составили 105 танков и САУ сгоревшими, 76 танков и САУ подбитыми и еще 8 выведенными из строя по другим причинам{228}. В расчете на подбитые и сгоревшие это был день наибольших потерь в бронетехнике за время наступления.

20–22 апреля. Выход на подступы к Берлину

Прорыв «позиции Вотан» позволил наступающим советским войскам резко нарастить темпы своего наступления на Берлин. Если в предыдущие дни продвижение составляло иной раз единицы километров, 20–21 апреля счет пошел уже на десятки километров. Одновременно произошла смена ролей в наступающих ударных группировках 1-го Белорусского фронта. Поиск слабого места в обороне противника привел к тому, что 2-я гв. танковая армия вышла из полосы 5-й ударной армии, с которой она начинала операцию. Главная группировка разделилась и от «тройки» построение фронта разделилось на два крыла наступающих по сходящимся направлениям. 47-я, 3-я ударная армии и 2-я гв. танковая армия наступали на Берлин с северо-востока. Эти армии составляли правое крыло фронта. 5-я ударная, 8-я гвардейская армии и 1-я гв. танковая армии двигались к немецкой столице вдоль «Рейхсштрассе № 1». Они составили правое крыло фронта. 69-я и 33-я армии на левом фланге, 61-я и 1-я польская армии на правом фланге обособились от остальных армий и ушли на периферию сражения.

Правое крыло фронта. Вырвавшись из лесного массива Претцелер Форст, 2-я гв. танковая армия разошлась веером. Корпуса армии С. И. Богданова наступали на запад, юго-запад (к Берлину) и юг. В центре построения армии двигался 1-й механизированный корпус. С утра 20 апреля он наступал на узел дорог Бернау, находившийся в полосе 47-й армии. [440]

К 18.00 20 апреля на окраины Бернау вышли 219-я танковая бригада, 19-я и 35-я механизированные бригады. 37-я механизированная бригада наступала параллельным маршрутом. Бернау оборонялся мешаниной различных частей, включая фольксштурм и полицию при поддержке зенитных орудий ПВО Берлина. Сложилась характерная для последних дней Рейха картина участия в боях отдельных частей, в том числе вооруженных бронетехникой. В частности, в обороне Бернау участвовал охранный полк «Берлин». По показаниям пленных, полк во время войны нес охрану штаба Верховного командования. Полк состоял из трех боевых групп и танковой роты. Каждая боевая группа состояла из трех рот: двух стрелковых и одной пулеметной. На 20 апреля в ротах было по 80–85 человек. В танковой роте было 6 танков и самоходных установок. В боях за Бернау полк «Берлин» был разгромлен и потерял до 70% личного состава. К полуночи 20 апреля сопротивление защитников Бернау было сломлено, и город перешел под контроль советских войск.

9-й гв. танковый корпус после выхода из Претцелер Форст наступал на правом фланге 2-й гв. танковой армии. Он должен был наступать не к Берлину, а на запад, в район Рюдница и Ладенбурга. К 21.00 47-я гв. танковая бригада заняла Ладенбург, перерезав шоссе и железную дорогу между Берлином и Штеттином. 65-я гв. танковая бригада наступала, удаляясь от Берлина, и к 21.00 20 апреля вышла в район юго-восточнее Рюдница. Поскольку 2-я гв. танковая армия разворачивалась на юго-запад, 9-й гв. танковый корпус фактически выполнял задачу прикрытия фланга и тыла наступающих на Берлин частей.

Помимо простого прорыва к Берлину задачей 2-й гв. танковой армии стало доламывание обороны противника на подступах к городу. 12-му гв. танковому корпусу было поручено ударить в тыл немецким войскам перед фронтом 5-й ударной армии. Корпус должен был к 9.00 20 апреля выйти в район Тифензее и нанести удар на юг в направлении Вернойхен, Вегендорф, Хиршфельде. Из-за загруженности дорог войсками 1-го механизированного корпуса и 3-й ударной

армии корпус вышел в Верфтпфуль только к 12.00. К вечеру [441] 12-й гв. танковый корпус вышел к Альт-Ландсберг. Взять укрепленный город с ходу не удалось.

В 21.50 20 апреля Жуков потребовал от командующего 2-й гв. танковой армией как можно быстрее выйти к Берлину:

«2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе»{229}.

В отчете, составленном штабом 2-й гв. танковой армии по итогам операции, получение приказа ворваться в Берлин датируется 20.00 20 апреля. Получив директиву командующего фронтом, С. И. Богданов поставил задачи корпусам:

«9 гв. ТК — продолжать развивать наступление в западном направлении, обеспечивая фланг армии. [442]

1 МК — всеми силами нанести удар в юго-западном направлении и к 24.00 овладеть Шванебек, а к утру 21.4.45 Бланкебург, Мальхов.

12 гв. ТК, не считаясь ни с какими силами сопротивления противника, атаковать в юго-западном направлении, овладеть Альт-Ландсберг. Выйти на северо-восточную окраину Нойенхавен»{230}.

Как мы видим, постановка задач достаточно спокойная и только в адрес 12-го гв. танкового корпуса идут слова «не считаясь ни с какими силами сопротивления противника», Но при этом от корпуса требуют захватить узел дорог Альт-Ландсберг, продолжая решать задачу предыдущего дня по расшатыванию обороны противника перед фронтом 5-й ударной армии. Контрольное время 4.00 утра 21 апреля, назначенное Жуковым, С. И. Богдановым просто проигнорировано. Фактически командующий танковой армией направил прикоснуться к берлинской мостовой только один 1-й механизированный корпус.

К утру 21 апреля 1-й механизированный корпус двигался двумя группами вдоль «Рейхсштрассе № 2» и «Рейхсштрассе № 158». К 13.00 219-я танковая бригада и

35-я механизированная бригада заняли Мальхов и вышли на окраину пригорода Вейсензее. 37-я механизированная бригада вышла к Вейсензее к 17.00. Помимо фольксштурмистов Вейсензее обороняли отошедшие с одерского фронта остатки 9-й воздушно-десантной дивизии. Для прорыва по улицам Вейсензее советскими танкистами была использована традиционная для городских боев «елочка»: идущие впереди по сторонам улицы два танка вели огонь, правый по левой стороне улицы, левый по правой; идущие позади на дистанции 30–40 метров ИСУ-122 подавляли обнаруженные огневые точки противника. Позади ИСУ-122 шли два танка, которые вели огонь по верхним этажам зданий. Бронетехника дополнялась перекатываемыми на руках орудиями, задачей которых было поражение огневых точек в подвалах. Пробиваясь штурмовыми отрядами по улицам Вейсензее, обходя забаррикадированные [444] улицы, корпус С. М. Кривошеина к 23.00 22 апреля всеми бригадами вышел на южную окраину пригорода Вейсензее и завязал уличные бои в самом Берлине.

Альт-Ландсберг, который 12-му гв. танковому корпусу нужно было взять, «не считаясь ни с какими силами сопротивления противника», был захвачен к полуночи 21 апреля. Ночью корпус пересек кольцевую берлинскую автостраду (Берлинерринг) и захватил опорный пункт Хенов к западу от нее. Противником наступающих советских частей были отходящие к Берлину подразделения LVI танкового корпуса. Они иногда огрызались, переходя в контратаки местного значения. Утром 22 апреля Хенов был контратакован пехотой и танками. Для отражения атаки были задействованы ИС-2 из 65-го тяжелого танкового полка, подбившие две «Пантеры». К 18.00 Хенов был сдан пехоте 5-й ударной армии, и 12-й гв. танковый корпус продолжил наступление. К 20.00 22 апреля танковый корпус вышел в район Фалькенберг, Эйхе.

9-му гв. танковому корпусу С. И. Богданов приказал: «Всеми силами пробиваться в западном направлении и к исходу 21.4.45 овладеть Геннигсдорфом. После выхода в район Геннигсдорф и овладения переправами через Гогенцоллерн-канал, оставив прикрытие на север, главными силами резко повернуть на юг и овладеть Шпандау»{231}. Сообразно поставленной задаче, 9-й гв. танковый корпус обошел Берлин и к 8.00 22 апреля вышел на восточный берег Гогенцоллерн-канала. На другом берегу канала находился назначенный командармом как конечная цель

очередного этапа наступления Геннигсдорф. К 19.00 22 апреля канал был форсирован мотопехотой, и началась постройка переправы.

С утра 20 апреля в результате ночного обходного маневра, грозившего окружением частей противника в лесу западнее Газельберга, сопротивление перед фронтом 47-й армии значительно ослабело. Это позволило армии Ф. И. Перхоровича выполнить заказанный директивой № 00567/оп маневр с разворотом фронтом на юго-запад. За день войска 47-й армии, [445] наступая в пространстве между «Рейхсштрассе № 2» и «Рейхсштрассе № 158», продвинулись на 15–22 км и к исходу дня вышли на рубеж Альбертсхоф, Шенфельде, Везов. С 16.00 артиллерия 47-й армии вела деморализующий огонь на дальних прицелах по Берлину.

21 апреля наступление 47-й армии на Берлин продолжилось прежним темпом. Еще в ночь с 20 на 21 апреля войска Ф. И. Перхоровича завязали ночной бой за Бернау совместно с танкистами 1-го мехкорпуса. Бернау был захвачен мехкорпусом С. М. Кривошеева, а отдельные очаги сопротивления добивала пехота 47-й армии. Отставание 1-й армии Войска Польского вынуждало Ф. И. Перхоровича Часть сил своей армии развернуть по дуге для прикрытия фланга. Эта задача была поручена 77-му стрелковому корпусу, который оборонялся фронтом на север. В 13.30 21 апреля наступающие войска 47-й армии перерезали окружную берлинскую автостраду в районе Буха. К концу дня армия вышла на северные и северо-восточные окраины Берлина на фронте Бухорст, Буххольц. Но частям 47-й армии не пришлось познать вкус славы покорителей Берлина. На следующий день армия была развернута от Берлина на запад, на внешний фронт окружения города. [446]

3-я ударная армия 20 апреля наступала в направлении, заданном директивой № 00567/оп, т.е. двигалась на Берлин вдоль «Рейхсштрассе № 158». Войска армии В. И. Кузнецова прошли с боями лес Претцелер Форст и, выйдя из лесного массива, захватили узел дорог на «Рейхсштрассе № 158» — город Вернойхен. С 13.30 20 апреля артиллерия 79-го стрелкового корпуса начала обстрел Берлина. 3-я ударная армия сохраняла глубокоэшелонированное построение с четырьмя дивизиями в первой линии.

Приказ Жукова о скорейшем прорыве к Берлину получила не только 2-я гв. танковая армия. На 21 апреля В. И. Кузнецов поставил войскам задачу:

«79 ск к 5.00 21.4 любой ценой пересечь Берлинскую автостраду на фронте: Каров, Миденберг и ворваться в Берлин.

12 гвск к 4.00 21.4.45 захватить Линденберг, Кларахе и выбросить сильные передовые отряды в Берлин»{232}.

Как мы видим, В. И. Кузнецов несколько модернизировал задачу командующего фронтом. В его интерпретации «ворваться на окраину Берлина» означало пересечение кольцевой берлинской автострады, проходящей на некотором расстоянии от города. Выполняя приказ, в ночь с 20 на 21 апреля войска 3-й ударной армии продолжали наступление. Ранним утром соединения армии поочередно выходили на кольцевую автостраду. Первой в 6.30 пересекла Берлинерринг 171-я стрелковая дивизия 79-го стрелкового корпуса. В 7.00 автостраду пересекла 23-я гв. стрелковая дивизия. 207-я стрелковая дивизия, наступавшая вдоль «Рейхсштрассе № 158», вышла к Берлинерринг к 10.00 21 апреля. Для решения задачи прорыва в город из второго эшелона корпуса была введена 150-я стрелковая дивизия. Дивизия, которой предстояло штурмовать Рейхстаг, 21 апреля захватила пригород Берлина — Каров. Преодолев Берлинерринг, корпуса 3-й ударной армии завязали бои за пригороды Берлина.

Левое крыло фронта. Прорыв «позиции Вотан» произошел на флангах LVI танкового корпуса. Однако сбитый с позиций корпус сохранял относительную боеспособность и [447] стал ядром сопротивления на пути последнего броска на Берлин 5-й ударной армии и части сил 8-й гв. армии.

В то время как 2-я гв. танковая армия, 3-я ударная армия и 47-я армия быстрыми темпами двигались к пригородам Берлина и начали обстрел города артиллерией, 5-я ударная армия замедлила своей бег вперед перед Штраусбергом. 32-й и 9-й стрелковый корпуса были 20 апреля остановлены сильным огнем противника на подступах к Штраусбергу. Продвижение корпусов за день составило 7 км и 6 км соответственно. Несколько лучше шли дела у 26-го гв. стрелкового корпуса, продвинувшегося на 11 км. Относительный неуспех стрелковых соединений 5-й ударной армии разделил 11-й танковый корпус, вышедший после обхода Букова на подступы к Штраусбергу. По итогам дня Н. Э. Берзарин решил использовать успех своего правофлангового корпуса и соседней 3-й ударной армии для обхода позиций противника у Штраусберга.

Захват 12-м гв. танковым корпусом Альт-Ландсберга в тылу группировки противника у Штраусберга, а также заходящий маневр 26-го гв. стрелкового корпуса привели к обвалу немецкой обороны перед фронтом 5-й ударной армии. В 9.00 войска 9-го и 32-го стрелковых корпусов штурмом овладели Штраусбергом. 26-й гв. стрелковый корпус прошел за день 24–25 км и присоединился к армиям правого крыла, ведущим бой за пригороды Берлина.

Командир LVI танкового корпуса Вейдлинг вспоминал:

«20 апреля сильно побитые части 56 тк вели бои на линии Гартенштадт (севернее Штраусберг), Клостнрдорф, Хозенхольц, [448] Дамсдорф, Мюнхеберг. Это был самый тяжелый день для моего корпуса, и, пожалуй, для всех немецких частей; части, понесшие огромные потери в предыдущих боях, измотанные и усталые до крайности, не могли больше выдержать огромный натиск превосходящих русских войск и к 21 апреля отошли в район Зеберг (2 км юго-зап. Альт-Ландсберга), южнее Альт-Ландсберг, севернее Брухмюле, южная конечность оз. Бец-Зее (6 км восточнее Альт-Ландсберга), западная окраина Хенникендорф (8 км южнее, юго-западнее Штраусберга)»{233}.

Описанный Вейдлингом рубеж отхода его корпуса означал сохранение позиций поперек «Рейхсштрассе № 1» даже 21 апреля. Сохранение ядра сопротивления на шоссе привело к замедлению в продвижении к Берлину 8-й гв. армии. 20 апреля 4-й гв. стрелковый корпус силами 35-й и 47-й гв. стрелковых дивизий наступал в пространстве между Буковом и Мюнхебергом, преодолевая упорное сопротивление противника и огонь его артиллерии, минометов и закопанных в землю танков. Продвижение корпуса за день составило всего 4 км. Намного лучше шли дела у соседнего 29-го гв. стрелкового корпуса, увлекаемого вперед наступлением 1-й гв. танковой армии. Преодолев лесной массив юго-западнее Мюнхеберга, 27-я гв. стрелковая дивизия корпуса вступила в бой за опорный пункт Кагель. За день левым флангом корпус продвинулся на 30 км, а правым на 12 км. 28-й гв. стрелковый корпус сдавал позиции 69-й армии и выдвигался вслед 1-й гв. танковой армией в район юго-восточнее Мюнхеберга. К вечеру 20 апреля стрелковые дивизии 8-й гв. армии и 5-й ударной армии выстроились подковой вокруг сбитых с «позиции Вотан» остатков корпуса Вейдлинга. Это вывело две армии главной ударной группировки фронта в разряд аутсайдеров в сражении за Берлин.

Обвал обороны LVI танкового корпуса в районе Альт-Ландсберга 21 апреля позволил войскам 8-й гв. армии ускорить [449] свой бег к Берлину. Однако решительный результат был достигнут за счет оправдавшей себя тактики «нитка за иголкой» по следам 1-й гв. танковой армии.

Прорвавшись через «позицию Вотан» южнее Мюнхеберга, 1-я гв. танковая армия прорвалась глубоко на юго-восток в разрыве между LVI танковым корпусом и XI танковым корпусом СС. Еще в ночь с 19 на 20 апреля 11-й гв. танковый корпус вышел к реке Лекниц. К 13.00 был наведен мост, и началось форсирование реки танковыми бригадами. Следующим препятствием на пути корпуса А. Х. Бабаджаняна стали озера Штиниц и Кальк, соединенные каналом. Они находились намного южнее «пробки» на «Рейхсштрассе № 1», образованной остатками корпуса Вейдлинга, но сама природа давала разрозненным немецким частям возможность к сопротивлению. В междуозерье находился город Калькенберге, превращенный в опорный пункт и оборонявшийся танками, артиллерией и пехотой. В обход озерного дефиле была отправлена 44-я гв. танковая бригада, которая в 19.20 захватила исправный мост у Тасдорфа и, преследуя отходящего противника, в 2.00 22 апреля пересекла Берлинерринг. Остальные бригады 11-го гв. танкового корпуса были отправлены по ее маршруту.

8-й гв. механизированный корпус с утра 20 апреля наступал на юг и юго-запад в тыл XI танковому корпусу СС. К 16.00 части корпуса И. Ф. Дремова вышли к Шпрее западнее Фюрстенвальде. Мотопехотой был захвачен плацдарм, и началось строительство переправы. Когда к 2.00 был готов 60-тонный мост через Шпрее, последовал приказ М. Е. Катукова: переправу прекратить и понтонный парк снять. Окружение противника было поручено другим соединениям, а корпус возвращался на берлинское направление. К утру 21 апреля 8-й гв. механизированный корпус вернул на северный берег части, форсировавшие Шпрее, и повернул в направлении Берлина.

К цепочке озер мехкорпус вышел южнее той точки, где ее преодолел 11-й гв. танковый корпус. Здесь в озерном дефиле располагался город Эркнер. Ранним утром передовой [450] отряд корпуса ворвался в Эркнер, вышел к железнодорожному мосту и взял его под обстрел. В 16.00 мехкорпус И. Ф. Дремова форсировал канал в районе Эркнера, приспособив для этого частично подорванный железнодорожный мост.

Прорыв корпусов армии М. Е. Катукова через озерные дефиле позволил войскам 8-й гв. армии вырваться из цепких объятий LVI танкового корпуса. 21 апреля был выполнен обходной маневр 29-м гв. стрелковым корпусом через Тасдорф и Калькенберге. 22 апреля по маршруту 8-го гв. механизированного корпуса через Эркнер был брошен на Берлин 28-й гв. стрелковый корпус. С утра 22 апреля соединения 8-й гв. армии завязали бои за пригороды Берлина.

Оставшиеся на периферии. Вследствие неуспешного наступления в первые дни операции 69-й армии естественным образом досталась задача загонщиков для окружаемых к юго-востоку от Берлина немецких соединений. Отход противника стал хорошо заметным, в журнале боевых действий [451] 69-й армии отмечалось: «Нашей авиаразведкой отмечено беспорядочное сплошное движение танков, автомашин и пехоты из районов северо-западнее Франкфурт в западном направлении»{234}. Используя успех 8-й гв. армии, 69-я армия продвинулась за день 20 апреля на 10 км, развернув фронт на юго-запад и юг. Продвижение 21 апреля составило уже 20 км, развернувшись фронтом на юг в полосе 40 км.

33-я армия 20–21 апреля практически не продвигалась вперед. 20 апреля армия В. Д. Цветаева наступала в обход Франкфурта-на-Одере, стремясь окружить его гарнизон. Части 16-го стрелкового корпуса перерезали шоссе Франкфурт — Фюрстенвальде. Продвижение за день составило 2–3 км. За 21 апреля продвижение 16-го и 62-го стрелковых корпусов армии составило 4 км. 2-й гв. кавалерийский корпус, который так и не удалось ввести в прорыв, был выведен из подчинения штаба 33-й армии.

Форсирование Одера. 61-я армия 20 апреля форсировала Альте-Одер. 397-я стрелковая дивизия 89-го стрелкового корпуса при содействии 286-го батальона ОСНАЗ форсировала несколько рукавов Альте-Одера к юго-западу от Брайлица и захватила город Фалькенберг на «Рейхсштрассе № 167». 9-й гв. стрелковый корпус силами 415-й стрелковой дивизии захватил узел шоссейных и железных дорог Бад-Фраенвальде. Развивая успех своего соседа на западном берегу Альте-Одера, 356-я стрелковая дивизия того же корпуса овладела Данненбергом.

21 апреля части 61-й армии развивали наступление с занятого плацдарма. 89-й стрелковый корпус наступал вдоль «Рейхсштрассе № 167» на Эберсвальде, очищая от разрозненных немецких частей южный берег Финов-канала. 9-й гв. стрелковый

корпус и переправившиеся через Одер и Альте-Одер части 80-го стрелкового корпуса наступали на запад южнее Эберсвальде. Продвижение частей армии П. А. Белова за день составило 4–8 км. После преодоления Одера и Альте-Одера 286-й батальон амфибий был выведен из боя и передан в распоряжение командования фронта. [452]

Развитие наступления польских войск с захваченного 19 апреля плацдарма поначалу запаздывало за продвижением основных сил 1-го Белорусского фронта. 20 апреля разрыв между правым крылом 47-й армии и 1-й польской армией составил 20 км. На следующий день 1-я польская армия, левый фланг которой увлекало стремительное продвижение 47-й армии, постепенно разворачивалась фронтом на северо-запад. К исходу 21 апреля войска армии вышли на рубеж Трампе, Данневиц, Рюдниц, Шметцдорф. Продвижение польской армии за день составило 8–25 км.

Поскольку форсирование Одера и Альте-Одера войсками 2-го Белорусского фронта запаздывало, задачей 1-й польской и 61-й армий стало прикрытие северного фланга 1-го Белорусского фронта. Обе армии постепенно разворачивались фронтом на север. Естественным рубежом для обороны фронтом на север был Финов-канал.

После взлома «позиции Вотан» и выхода на подступы к Берлину сражение распалось на три: бои за сам город, хальбский «котел» и периферийное сражение на внешнем фронте окружения немецкой столицы. Соответственно тройка ударной группировки 1-го Белорусского фронта распалась. В уличных боях за Берлин из состава войск фронта участвовали 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 8-я гвардейская армия, 3-я и 5-я ударные армии. В позиции загонщика для окруженных к юго-востоку от Берлина соединений 9-й армии оказались 33-я и 69-я армии. Вскоре к ним присоединилась находившаяся в резерве 3-я армия А. В. Горбатова. На внешнем фронте окружения Берлина действовали 47, 61-я армии и 1-я армия Войска Польского.

Обсуждение

В силу ряда обстоятельств Зееловские высоты стали жупелом сражения за Берлин. Однако в действительности это была достаточно ограниченная область, затрагивавшая только полосы наступления 8-й гв. армии и 69-й армии. Уже подразделения соседа справа 8-й гв. армии, 5-й ударной армии, видели Зееловские

высоты в лучшем случае в бинокль. При [453] этом нельзя сказать, что 3-я и 5-я ударные армии пробивалась с Кюстринского плацдарма намного большими темпами, чем 8-я гв. армия.

В этом разделе читатель чаще встречал слова «форсирование», «переправа», чем «высоты». Командующий 2-й гв. танковой армией С. И. Богданов вспоминал:

«Местность, изобилующая сетью озер, каналов, стесняла маневр танков, и танковые части для преодоления значительного препятствия (оросительный канал, который долго преодолевался пехотой) затрачивали много времени, т.е. объездных путей по причине слабого грунта устроить было нельзя, а восстанавливать или наводить переправу на месте взорванной противником по той же причине было невозможно. Танки вынуждены были искать обходные пути или удобные места для устройства переправ. Все это связано было с потерей времени, а следовательно, с потерей темпа наступления. Если сюда прибавить упорное сопротивление и организованную защиту немцами возможных мест переправы танков, то станет ясным, в каких тяжелых для танков условиях действовали наши части»{235}.

Такие же слова про реки и каналы мы находим в журнале боевых действий 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии: «Еще более серьезным препятствием на пути наших войск была система озер, рек и каналов, расположенных в глубине обороны до самого города»{236}.

Преодоление многочисленных каналов серьезно замедляло темпы продвижения советских войск. Для продвижения вперед артиллерии и танков приходилось строить переправы под огнем противника. Затем у переправы выстраивалась пробка из тракторов с орудиями на буксире, танков, автомашин и гужевых повозок пехоты. Например, через переправу у Платкова проходила пехота и артиллерия 5-й ударной армии, боевые и вспомогательные машины 12-го гв. танкового корпуса. Главу о преодолении Одерского рубежа войсками [454] 1-го Белорусского фронта следовало бы назвать не «Зееловские высоты», а «ирригационные каналы», но это было бы чересчур эксцентрично.

Но не следует думать, что взлом обороны перед Кюстринским плацдармом был унылым и дорогостоящим перемалыванием немецких дивизий, опирающихся на систему каналов и инженерных заграждений. Если схематически изобразить линии, по которым происходил прорыв обороны 9-й армии, то получится буква «Х» или два

поставленных рядом математических знака: > <. 1-я и 2-я гв. танковые армии сначала протиснулись смежными флангами между Гузовом и Герльсдорфом, затем, встретившись с резервами, разошлись к межозерному дефиле к югу-западу от Мюнхеберге и лесу Претцелер Форст. Танковые армии увлекали за собой стрелковые соединения. Особенно ярко это проявилось в наступлении 8-й гвардейской армии, шедшей по следам корпусов армии М. Е. Катукова.

Однако штурм собственно Зееловских высот и обходные маневры дорого стоили 8-й гв. армии, учитывая изначально слабый состав ее соединений. К сожалению, автору не удалось обнаружить детальных данных по динамике потерь армии В. И. Чуйкова. Но имеются данные по численности стрелковых дивизий 8-й гв. армии к началу операции и к моменту прорыва одерского рубежа обороны (см. таблицу).

Сведения о численности стрелковых дивизий и укомплектованности стрелковых рот соединений 8-й гв. армии за апрель 1945 г.

Дивизия	На 10 апреля 1945 г.		На 20 апреля 1945 г.	
	Числ. сд	Ср. числ. ср	Числ. сд	Ср. числ. ср
35 гв. сд	4997	102	4347	64
47 гв. сд	4882	99	3422	29
57 гв. сд	4871	95	3347	28
39 гв. сд	5046	113	4563	85
79 гв. сд	5110	114	3319	20
88 гв. сд	5008	109	3680	42 [455]
27 гв. сд	5056	112	3061	26
74 гв. сд	4963	108	3145	29
82 гв. сд	4992	112	4629	90

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 409, л. 125.

Хорошо просматривается почти катастрофическое падение численности стрелковых рот в большинстве дивизий 8-й гв. армии. При этом в 47-й гв.-стрелковой дивизии число рот было сокращено с 12 до 10, а в 57-й гв. стрелковой дивизии — до 11. Потери техники также были довольно серьезными. За период с 10 по 20 апреля

1945 г. 8-я гв. армия потеряла 54 ИС-2, 22 Т-34, 19 ИСУ-152, 58 СУ-76 и 536 человек из состава экипажей убитыми и ранеными{237}. В танковых частях армии на 20 апреля осталось 32 ИС-2, 31 Т-34 (с учетом прибывшего пополнения), 2 ИСУ-152, 45 СУ-76. В 105-м тяжелом танковом полку 7-й гв. тяжелой танковой бригады к 20 апреля осталось 6 боеготовых танков, которые были переданы 104-му и 106-му полкам бригады. 105-й полк был выведен из боя, и бои за Берлин бригада ИСов вела в двухполковом составе.

По неутешительным итогам боев последовали оргвыводы. Решением Военного совета армии командир 29-го гв. стрелкового корпуса генерал-майор А. Д. Шеменков был отстранен, и его место занял командир 82-й гв. стрелковой дивизии генерал-майор Г. И. Хетагуров. Вместо Хетагурова командиром его дивизии стал заместитель командира 27-й гв. стрелковой дивизии Герой Советского Союза гвардии генерал-майор М. И. Дука. Мотивы назначения Хетагурова видны из вышеприведенной таблицы — его дивизия после прорыва одерского рубежа сохранилась в наилучшем состоянии.

69-я армия в ходе разведки боем и в первые дни наступления понесла потери, несколько меньшие, чем 8-я гв. армия (см. таблицу). [456]

Потери личного состава 69-й армии в период с 10 по 20 апреля 1945 г.

	Убито	Ранено	Без вести	Небоевые	Заболело	Всего
4 сд	85	338	—	—	35	458
77 гсд	192	764	—	—	58	1014
134 сд	57	254	—	3	43	357
247 сд	268	1251	—	1	44	1564
274 сд	297	1230	—	2	18	1547
117 сд	1	13	—		57	71
312 сд	149	469	—		24	642
370 сд	117	573	—		13	703
41 сд	267	480	—		13	760
283 сд		3	—		35	38

Ост. части	252	800	—	18	148	1218
Итого	1685	6175	—	24	488	8372

ЦАМО РФ, ф. 426, оп. 10753, д. 1342, л. 362.

Потери танковых армий были намного ниже общевойсковых армий. В период боев с 16 по 21 апреля соединения 2-й гв. танковой армии понесли следующие потери. 9-й гв. танковый корпус потерял 26 человек убитыми и 581 человек ранеными. Потери техники сгоревшими: 28 Т-34, 2 ИСУ-122, 2 СУ-100, подбитыми: 30 Т-34, 2 СУ-100, 1 ЗСУ М-17. 12-й гв. танковый корпус потерял 148 человек убитыми и 565 ранеными. Корпусом было потеряно 43 Т-34 сгоревшими, 48 Т-34, 2 ИС-2, 1 СУ-100, 2 СУ-76 подбитыми. 1-й механизированный корпус потерял 91 человека убитыми и 384 ранеными. Потери бронетехники составили 20 «Шерманов», 1 СУ-76 сгоревшими, 59 «Шерманов», 1 СУ-76, 1 ИСУ-122 подбитыми.

1-я гв. танковая армия с 16 по 20 апреля потеряла безвозвратно 128 танков и САУ. По итогам боев ремонтниками армии М. Е. Катукова были осмотрены 75 танков и САУ из числа безвозвратных потерь за период с 16 по 22 апреля. Поражения от различных видов противотанкового оружия распределились следующим образом (см. таблицу). [457]

Причины безвозвратных потерь танков и САУ 1 гв. ТА

Марка танка	Кол-во осмотренных танков	От какого вида огня погиб танк	Кол-во попаданий
Т-34–85	32	88-мм бронебойный	59
Т-34–85	11	75-мм бронебойный	11
Т-34–85	15	Бронебойные др. калибров	20
Т-34–85	5	Фаустпатрон	5
Т-34–85	2	Авиация	2
ИС-2	7	88-мм бронебойный	13
ИСУ-122	2	88-мм бронебойный	2
ИСУ-122	1	Фаустпатрон	1
Всего	75		113

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3067, д. 91, л. 93.

Как видно из приведенных данных, большая часть потерь приходилась на 88-мм бронебойные снаряды. Это могли быть как орудия «Королевских тигров», так и 88-мм противотанковые пушки ПАК-43 различных модификаций. Потери от фаустпатронов незначительные, но имеют место. Это может быть объяснено характером местности, в которой действовала армия.

11-й танковый корпус потерял с 16 по 22 апреля 369 человек убитыми и 1291 человека ранеными. Потери техники составили 41 Т-34, 3 ИС-2, 2 СУ-76 сгоревшими, 94 Т-34, 6 ИС-2, 13 СУ-85/СУ-100 и 5 СУ-76 подбитыми{238}. Сравнивая потери корпуса И. И. Ющука с потерями корпусов 2-й гв. танковой армии, приходится характеризовать потери людей и техники 11-го танкового корпуса как высокие. Видимо, это одна из причин, по которой корпус не был упомянут в приказе И. В. Сталина № 339 о прорыве укрепленной полосы.

Общие потери техники 1-го Белорусского фронта с 16 по 22 апреля составили 531 танк и САУ сгоревшими, 531 танков [458] и САУ подбитыми (вот такая гримаса статистики) и еще 94 выведенными из строя по другим причинам{239}.

При описании Берлинской операции неизбежно напрашивается сравнение действий 1-го Белорусского фронта, руководимого Г. К. Жуковым, и 1-го Украинского фронта, возглавлявшегося И. С. Коневым. Подробнее наступление 1-го Украинского фронта будет рассмотрено в следующем разделе, поэтому здесь имеет смысл сказать несколько общих слов. В отличие от группы армий «Центр» подвижные резервы группы армий «Висла» вводились в систему обороны не после высасывавшего последнее горючее протяженного марша. Танко-гренадерские дивизии, которые немцы бросали под паровой каток наступления 1-го Белорусского фронта, стояли достаточно близко к Кюстринскому плацдарму. Кроме того, их было больше, и они могли заполнять возникавшие бреши в обороне. Если не считать выведенных в первую линию еще в период разведки боем «Мюнхеберга» и «Курмарка», немецким командованием были выдвинуты четыре новых соединения: 18-я и 25-я танко-гренадерские дивизии и дивизии СС «Нордланд» и «Недерланд». Постепенно перемалывая стоявшие в первой линии дивизии, наступающие войска 1-го Белорусского фронта натыкались на новые полки и дивизии на новых линиях обороны.

Неожиданный соперник. Конев поворачивает на Берлин

Лесистые районы у Нейсе благоприятствовали скрытному накоплению войск для наступления. Но, как и любую крупную операцию, готовящееся наступление 1-го Украинского фронта не удалось полностью сохранить в тайне. Одним из источников информации противнику стали перебежчики. Как позднее показывал на допросе в советском плену офицер для поручений немецкого 544-го полка, в период с [459] 4 по 7 апреля 1945 г. в районе Гросс-Бадемейзель были задержаны три перебежчика с советской стороны, в том числе один лейтенант. Они сообщили, что на этом участке 10 апреля должно начаться советское наступление к Берлину. В действительности операция началась на шесть дней позже.

15 апреля, как только стемнело, усиленные стрелковые роты переправились на западный берег Нейсе. Их задачей было проведение разведки в полосе наступления. Однако попытки разведчиков продвинуться вперед и вклиниться в оборону противника натолкнулись на организованное и сильное огневое сопротивление немцев. В ходе ночного боя было установлено, что противник оставил первые траншеи и отошел во вторые. Именно это и ожидалось, и такая тактика немцев предусматривалась планом артиллерийской подготовки.

Артиллерийская и авиационная подготовка началась в 6.15 утра 16 апреля. После короткого налета по первой траншее вся масса артиллерии обрушилась на вторую траншею. Град снарядов и бомб заставил обороняющихся уйти в укрытия и не препятствовать наведению штурмовых мостиков. Одновременно на берег подвезли лодки для переправы пехоты. В 6.55, когда артиллерия перенесла огонь в глубину, было задействовано еще одно средство прикрытия переправы — дымовая завеса. Под ее прикрытием усиленные батальоны дивизий первого эшелона начали форсирование Нейсе. Первыми двинулись через реку головные роты этих батальонов по штурмовым мостикам и на подручных плавучих средствах.

После того как эти роты захватили плацдармы на западном берегу реки и закрепились на них, саперы приступили к наводке мостов, по которым и началась переправа первых эшелонов главных сил. Понтонные мосты на лодках НЛП были наведены через 50 минут, мосты для 30-тонных грузов через 2 часа; мосты на жестких опорах под грузы до 60 т были построены в течение 4–5 часов. Переправа

первого эшелона главных сил была закончена за один час, в течение которого артиллерийская подготовка не прекращалась. Теперь предстояло развить наступление с захваченных плацдармов. [460]

От Нейсе до Шпрее

День первый. На правом фланге главной ударной силой группировки 1-го Украинского фронта наступала 3-я гв. армия В. Н. Гордова. Боевой порядок армии строился в два эшелона. В первом эшелоне были пять стрелковых дивизий{240}, во втором эшелоне — три стрелковых дивизии{241}. Армейский резерв составляла 389-я стрелковая дивизия.

В полосе наступления 3-й гв. армии находился город Форст, превращенный немцами в крупный опорный пункт оборонительного рубежа на реке Нейсе. Оборонял Форст 554-й полк 342-й пехотной дивизии. После форсирования Нейсе за юго-восточную окраину Форста завязали бой части 149-й стрелковой дивизии. 555-й стрелковый полк 127-й стрелковой дивизии захватил опорный пункт Койне. Большую помощь в наступлении оказала штурмовая авиация, налеты которой основательно разрушили Койне. 329-я и 253-я стрелковые дивизии после форсирования Нейсе сломили сопротивление 697-го полка 342-й пехотной дивизии и продвинулись в лесном массиве до Гросс-Бадемейзеля и Клейн-Бадемейзеля. К 10.30 оборона противника была взломана на глубину до 3 км, что позволило ввести в бой главные силы армии. Также в бой был введен 25-й танковый корпус.

Немецкий опорный пункт в Форсте был атакован с юго-восточного фланга 149-й стрелковой дивизией, которая к 18.00 вела бои за центр города. 76-й стрелковый корпус одной стрелковой дивизией оборонялся севернее Форста, второй стрелковой дивизией штурмовал восточную часть Форста, а третьей стрелковой дивизией готовился форсировать Нейсе в районе излучины северо-восточнее Форста. Для стрельбы по Форсту прямой наводкой были выведены две батареи 183-й гаубичной артиллерийской бригады большой [461] мощности (203-мм Б-4). 329-я и 253-я стрелковые дивизии преодолели лесной массив и вышли к Гросс-Цшаксдорфу. 127-я стрелковая дивизия совместно со 175-й танковой бригадой 25-го танкового корпуса наступали на Носдорф, обходя Форст с юго-запада. Продвижение стрелковых и танкового корпусов армии В. Н. Гордова за день боя составило 4–6 км. Прорыв был расширен по фронту до 10 км. 197, 58 и 389-я стрелковые дивизии

оставались во втором эшелоне и в соприкосновение с противником не вступали. Продвижение войск 3-й гв. армии пока отставало от графика, хотя для наступления с форсированием водной преграды 4–6 км было все же неплохим результатом.

Во второй половине дня 21-й стрелковый корпус 3-й гв. армии был поддержан 6-м гв. танковым корпусом армии П. С. Рыбалко. 3-я гв. танковая армия 16 апреля двигалась вперед южнее Форста. Передовой отряд 6-го гв. танкового корпуса составляла 51-я гв. танковая бригада полковника И. Я. Якунина. К 13.20 бригада полностью переправилась вброд через р. Нейсе и вышла на шоссе южнее Койне. К 16.00 бригада подошла к Дамсдорфу и до 20.00 вела бои на подступах к деревне. Встретив сильное огневое сопротивление танков, артиллерии и минометов противника, 51-я бригада успеха не имела. Один батальон бригады наступал с юга на Форст, содействуя частям 120-го стрелкового корпуса. На параллельном маршруте действовала 52-я гв. танковая бригада. К 13.00 бригада полностью переправилась через Нейсе и перешла в наступление в западном направлении, где в 20.00 была остановлена сильным огневым сопротивлением из района Гросс-Цшаксдорф и вела бои за него уже совместно с пехотой. 53-я гв. танковая бригада находилась во втором эшелоне за боевыми порядками 52-й гв. танковой бригады. 22-я гв. мотострелковая бригада к 20.00 16 апреля все еще переправлялась через Нейсе. Дневное продвижение 21-го стрелкового корпуса 3-й гв. армии и 6-го гв. танкового корпуса 3-й гв. танковой армии составило 9 км. Это было пока вдвое ниже планового темпа наступления, предусматривавшего прорыв в первый день операции на 18 км.

13-я армия наступала в центре построения главной ударной [462] группировки 1-го Украинского фронта. Правое крыло армии составлял 102-й стрелковый корпус, действовавший тремя дивизиями в одном эшелоне. Корпус поддерживал 7-й гв. танковый корпус 3-й гв. танковой армии. Несмотря на то что бригады 7-го гв. танкового корпуса переправились через Нейсе в среднем позже своего соседа справа — 6-го гв. танкового корпуса, — их продвижение вперед проходило более бодрыми темпами. 54-я гв. танковая бригада переправилась через реку к 19.00, 56-я гв. танковая бригада — к 15.00, а 23-я гв. мотострелковая бригада — к 20.00. Однако к 20.00–21.30 бригады совместно с пехотой 102-го стрелкового корпуса к 20.00 захватили Гросс-Кельциг и Клейн-Кельциг и продвинулись на 13 км, став лидером первого дня наступления. Находившийся во втором эшелоне 3-й гв.

танковой армии 9-й механизированный корпус переправлялся вечером 16 апреля по следам 7-го гв. танкового корпуса. Пока его время еще не пришло — он должен был пойти в бой после выхода армии на оперативный простор.

На левом фланге 13-й армии наступал 27-й стрелковый корпус. После захвата плацдарма во второй половине дня в его полосе в бой был введен 10-й гв. танковый корпус 4-й гв. танковой армии. В первый день наступления из состава корпуса в бою участвовали только 62-я гв. танковая бригада И. И. Прошина и 29-я гв. мотострелковая бригада А. И. Ефимова. Бригады в 11.45 16 апреля переправились через Нейсе и перешли в наступление по двум маршрутам. В 14.00 бригады вышли в район Тцшерница и Дубруцке, где встретили организованное сопротивление противника. Во второй половине дня 62-я гв. танковая и 29-я гв. мотострелковая бригады все еще вели бой на прежнем рубеже, поддерживая наступление 350-й стрелковой дивизии на Тцшерница и Дубруцке. Продвижение за день было умеренным — 10 км. Потери, однако, были небольшими. В течение этого дня 62-я танковая бригада потеряла один танк Т-34 подбитым, 5 человек убитыми и 7 ранеными. 61-я и 63-я гв. танковые бригады 10-го гв. танкового корпуса к 22.00 переправились через Нейсе и сосредоточились во втором эшелоне за 62-й гв. танковой бригадой. Час ее вступления в бой еще не наступил. [463]

Начавшийся рано утром с перебежки по штурмовым мостикам процесс переправы через Нейсе советских корпусов и дивизий продолжался весь день. Находившийся во втором эшелоне 13-й армии 24-й стрелковый корпус к исходу дня заканчивал переправу через реку и сосредотачивался на ее западном берегу. Части 6-го гв. механизированного корпуса 4-й гв. танковой армии также потратили большую часть дня на прохождение по переправам, наведенным через Нейсе в районе Кебельна. После толчеи и пробок у мостов они сосредотачивались в лесах на западном берегу Нейсе. Поток людей и техники не остановился даже вечером. За 6-м гв. механизированным корпусом двигался 5-й гв. механизированный корпус армии Д. Д. Лелюшенко. 16 апреля в 20.00 его 10-я механизированная бригада начала переправляться через Нейсе у Кебельна по скрипучим временным мостам, наведенным саперами еще рано утром.

Стандартный сценарий с форсированием Нейсе под прикрытием дымовой завесы и артиллерийской подготовки не был воспроизведен только на левом фланге главной ударной группировки 1-го Украинского фронта, так как здесь наступала 5-я гв.

армия А. С. Жадова, вынужденная частью сил ликвидировать плацдарм противника на восточном берегу Нейсе. Одновременно с другими соединениями фронта форсировал реку 32-й гв. стрелковый корпус А. И. Родимцева. Корпус был построен в два эшелона. В первом эшелоне наступали 95-я и 13-я гвардейские стрелковые дивизии. Для поддержки 95-й гв. стрелковой дивизии вскоре был введен в бой 4-й гв. танковый корпус. За день двум дивизиям и танковому корпусу удалось продвинуться лишь на 8 км. Находившаяся во втором эшелоне 97-я гв. стрелковая дивизия переправилась через Нейсе к концу дня. Ее задачей было с утра следующего дня наступать из-за левого фланга 95-й гв. стрелковой дивизии и тем самым усилить удар корпуса. В то время как 32-й стрелковый корпус форсировал Нейсе, соседний 34-й стрелковый корпус Г. В. Бакланова атаковал позиции противника на плацдарме у Мускау. С ходу форсировала Нейсе только 58-я стрелковая дивизия. Двум другим соединениям нужно было вначале очистить лежащую перед [464] ними часть восточного берега Нейсе у Мускау. Быстрее всего вышла к Нейсе 15-я гв. стрелковая дивизия: уже в 8.30 50-й гв. стрелковый полк соединения вышел к реке, а к 10.00 — полностью форсировал ее. К 20.00 частями дивизии был захвачен плацдарм шириной до 7 км и глубиной 5–6 км. Левофланговая 14-я гв. стрелковая дивизия, решив задачу ликвидации плацдарма противника у Мускау, во второй половине дня форсировала Нейсе и вклинилась на 0,5–1 км в немецкую оборону на левом берегу реки. Выделенный во второй эшелон 33-й гв. стрелковый корпус 5-й гв. армии в первый день операции еще оставался на восточном берегу Нейсе. Места на пока еще тесном плацдарме для него не было.

Сдержать силами двух пехотных дивизий и батальонов фольксштурма удар нескольких советских армий, в том числе танковых, было, конечно же, нереально. Замедлить советское наступление немцы могли только вводом в бой резервов. Однако здесь сыграла роковую роль ошибка в оценках планов противника. Ожидаемое германским командованием советское наступление на рассечение Германии надвое через Саксонию не состоялось, вместо этого был нанесен удар на берлинском направлении соединенными силами двух фронтов. Поэтому подвижные резервы группы армий «Центр» оказались в районе Герлица, далеко к югу от направления главного удара 1-го Украинского фронта. В районе Котбуса и Шпремберга с ходу могли быть задействованы 21-я танковая дивизия и дивизия «Сопровождение фюрера». 16 апреля обе дивизии были выдвинуты на рубеж

железной дороги Форст — Вейсвассер. 21-я танковая дивизия оседлала трассу Бреслау — Берлин, а «Сопровождение фюрера» — шоссе на Шпремберг.

Единственным соединением, которое немцы смогли выдвинуть из района Герлица к Шпрембергу и Котбусу, стала дивизия СС «Фрундсберг». Дислокация частей 10-й танковой дивизии СС бригадефюрера Хармеля на 15 апреля также была ориентирована на действия в Саксонии, она находилась в районе восточнее Герлица. Около полудня 16 апреля штаб «Фрунсдсберга» получил приказ выдвинуться на север, в район Бауцена. «Фрундсберг» выдвигался своим ходом, [465] что было сопряжено с немалыми трудностями в условиях нехватки горючего. Понимание того, что направлением главного удара советских войск является район Котбуса и Шпремберга, пришло уже слишком поздно. Тыловые части дивизии были вынуждены слить все топливо для боевых подразделений и остаться в Баутцене. На остатках горючего эсэсовцы двинулись дальше на север занимать оборону между Котбусом и Шпрембергом.

Возможности немецкого командования по влиянию на обстановку на направлении советского наступления не исчерпывались подвижными соединениями. После того, как определился участок фронта, подвергшийся удару крупных сил Красной армии, на него начали рокировать дивизии с неатакованных участков. Из района Губена были сняты боевые группы из состава 214-й и 275-й пехотных дивизий и 70-я саперная бригада. Они были направлены в район восточнее Котбуса.

Борьба за время шла по обе стороны фронта. 16 апреля в 23.00 командир 10-го гв. танкового корпуса сообщил командующему 4-й гв. танковой армии, что командиры передовых танковой и мотострелковой бригады встретили какие-то выдвигающиеся вперед танковые части противника. Д. Д. Лелюшенко, понимая, что любая потеря времени может стоить столкновения с изготовившимися к обороне или контрударам резервами противника, решает продолжать наступление ночью. 17 апреля в 1.45 командующий 4-й гв. танковой армии приказывает «не ожидая подхода пехоты полевых армий, продолжать стремительное наступление ночью»{242}.10-му гв. танковому корпусу Лелюшенко поставил задачу захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее севернее Шпремберга, а 6-му гв. механизированному корпусу — южнее Шпремберга.

17 апреля. Борьба с резервами. Ночными действиями не пренебрегал и противник. В ночь на 17 апреля немцами была предпринята контратака из района Носсдорфа в направлении южной окраины Форста. Контратака поддерживалась [466] девятью САУ «Штурмгешюц». Ее отразили батареи 379-го истребительно-противотанкового полка 7-й истребительно-противотанковой бригады. Атакующих осветили ракетами, и вскоре большая часть немецких самоходок была подбита. После отражения ночной контратаки днем 17 апреля шло окружение и уничтожение опорного пункта противника в районе Форста. 197-я стрелковая дивизия 120-го корпуса была введена в бой из второго эшелона и брошена в обход Форста. К концу дня она вышла в район деревни Госды, к северо-западу от города. Левый фланг дивизии и внешний фронт окружения немецкого опорного пункта обеспечивала 127-я стрелковая дивизия. На второй день операции Форст был атакован еще и с северо-востока: 287-я стрелковая дивизия двумя батальонами форсировала Нейсе к северу от города и завязала бои на его северо-восточной окраине. 149-я стрелковая дивизия продолжала вести уличные бои в центре Форста. К исходу дня она была передана в состав 76-го корпуса. Вследствие этого произошло разделение 3-й гв. армии по задачам: 120-й стрелковый корпус наступал на запад, а 76-й стрелковый корпус штурмовал Форст.

17 апреля также ознаменовалось столкновением подвижных соединений сторон. 21-я танковая дивизия перешла к контратакам против передовых частей 3-й гвардейской и 3-й гвардейской танковой армий. В какой-то мере планы немцев были спутаны ночными действиями наступающих. 54-я гв. танковая бригада 7-го гв. танкового корпуса армии П. С. Рыбалко в 22.30 овладела опорным пунктом противника в Зиммерсдорфе. Не останавливаясь, бригада продолжила наступление на запад и ценой потери одного танка ворвалась на восточную окраину Гари. Всю ночь шел бой за Гари, но захватить его целиком так и не удалось. Только к 8.00 во взаимодействии со 172-й стрелковой дивизией и 23-й гв. мотострелковой бригадой Гари был занят советскими войсками.

Но уже в 10.00 утра последовала немецкая контратака. Боевые группы 21-й танковой дивизии наступали на Гари с севера и юга, из Габленца, Ете, Маттендорфа и Требендорфа, стремясь окружить и уничтожить вырвавшиеся вперед советские части. Все атаки были отражены. Однако бой был [468] тяжелым: 54-я танковая бригада потеряла за день 12 танков сожженными и 9 танков подбитыми{243}. В

бою погиб командир 2-го танкового батальона бригады, дважды Герой Советского Союза, ветеран Халхин-Гола гвардии майор С. В. Хохряков. Окончательно планы противника по окружению и разгрому 54-й гв. танковой бригады были сорваны наступлением остальных частей 7-го гв. танкового корпуса. 23-я гв. мотострелковая и 55-я танковая бригады обошли Гари с севера, оттеснили наносившие контрудар немецкие части на запад и к 19.30 овладели Габленцем. 56-я гв. танковая бригада с 1977-м тяжелым самоходным артполком к 18.00 заняла Маттендорф и Требендорф (южнее Гари). Потери 7-го гв. танкового корпуса за 17 апреля составили 27 танков сожженными и подбитыми и 82 человека убитыми и ранеными{244}.

Еще до рассвета 17 апреля 4-я гв. танковая армия продолжила наступление по обе стороны от «Рейхсштрассе № 156» в направлении Шпремберга. На том же направлении действовал 27-й стрелковый корпус 13-й армии, прорвавший в течение Дня вторую полосу обороны противника в районе Деберна. Еще в 7.00 утра 350-й стрелковой дивизии при поддержке 62-й танковой бригады, 29-й гв. мотострелковой бригады и 416-го тяжелого артсамоходного полка удалось захватить Дубруцке. Пробитая в обороне противника брешь открыла бригадам 10-го гв. корпуса путь на запад. На второй день операции танкистам удалось обогнать пехоту и вырваться вперед. Ставшая передовым отрядом 62-я бригада лесными массивами обошла Рейтен и продвигалась к переправам через Шпрее у Зеллентина. За день бригада потеряла 3 танка Т-34 сгоревшими и 1 подбитым, 16 человек убитыми и 38 ранеными. 61-я танковая и 29-я мотострелковые бригады наступали по следам передового отряда и к 14.20 захватили Рейтен. К 16.20 17 апреля бригады захватили Блойшдорф и к 19.00 вели бой за Гросс-Луя, подойдя к железной дороге Котбус — Шпремберг. Потери бригад за день составили 23 человека убитыми и ранеными, 1 Т-34 сгоревшим и 1 подбитым. [469]

63-я гв. танковая бригада днем 17 апреля в бою не участвовала и двигалась во втором эшелоне.

Бригады 6-го гв. механизированного корпуса наступали южнее «Рейхсштрассе № 156». На этом же направлении в одноэшелонном построении наступал 34-й гв. стрелковый корпус 5-й гв. армии. 16-я гв. механизированная бригада начала день захватом в 8.45 Кляйн-Дюбена. 16-я и 35-я гв. механизированные бригады шли вперед почти вровень. К 20.00 17 апреля бригады вели бой за овладение Шлайфе. 17-я гв. механизированная бригада двигалась за ними во втором эшелоне.

5-й механизированный корпус в бой не вводился и следовал во втором эшелоне за 6-м гв. механизированным корпусом. 17 апреля войскам 4-й гв. танковой армии в тяжелых боях удалось отбросить противостоящего противника на Шпремберг, но разгромить его еще не удалось. Поставленная командармом задача захвата плацдармов к северу и югу от Шпремберга войсками решена не была. Продвижение за день составило 8–9 км на правом фланге (10-й гв. танковый корпус) и всего 6 км на левом фланге (6-й гв. механизированный корпус). Пехота 13-й и 5-й гв. армий начала отставать: [470] 27-й стрелковый корпус продвинулся за день на 6 км, 34-й гв. стрелковый корпус — на 5 км.

Тем временем командование группы армий «Центр» подтягивало резервы в полосу наступления 1-го Украинского фронта. 17 апреля разведывательный батальон «Фрундсберга» уже был в районе Котбуса. Развернув командный пункт дивизии в город Ройтце, западнее Шпремберга, Хармель получил от командующего 4-й танковой армии Грассера приказ контрударом закрыть брешь между Котбусом и Шпрембергом.

Вечером 17 апреля И. С. Конев приказывает:

«С половины дня 17.4.45 противник мелкими группами отходит за р. Шпрее. Небольшими группами танков и самоходок по дорогам на основном направлении стремится задержать наше наступлении восточнее р. Шпрее с целью отвести разбитые части за р. Шпрее.

Приказываю:

1. Стремительно развивать наступление и с хода на плечах противника ночью 17.4.45 форсировать р. Шпрее, не давая противнику закрепиться на рубеже р. Шпрее.

2. Смелее маневрировать танками и пехотой вне больших дорог, населенные опорные пункты решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои.

Мобилизовать все, со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед.

Наши войска должны быть первыми в городе Берлине и это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина.

3. Подтягивать артиллерию и снаряды к реке Шпрее и в случае сопротивления нанести мощный артиллерийский удар с утра 18.4.45»{245}.

Бросается в глаза фраза в приказе Конева: «должны быть первыми в городе Берлине». Пока еще нет речи о санкции на поворот к Берлину, но командующий 1-м Украинским фронтом уже готовит своих подчиненных к трудной, но почетной миссии. [471]

Вечером 17 апреля состоялся разговор по ВЧ между И. В. Сталиным и И. С. Коневым. В интерпретации И. С. Конева этот разговор выглядел так:

«Сталин вдруг прервал меня и сказал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение:

— Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен — городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

— Вы по какой карте докладываете? — спросил Сталин.

— По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

— Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского генерального штаба?

— Да, знаю.

— Очень хорошо, — повторил он. — Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился»{246}.

Сразу хочется отметить несколько несообразностей в этом диалоге. Во-первых, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии 1-го Белорусского фронта с первого дня операции были [472] введены в бой, и И. В. Сталин прекрасно это знал. Вывод их из боя потребовал бы дополнительного времени. Марш на юг в полосу 1-го Украинского фронта также означал потерю времени. При этом до Берлина войскам Г. К. Жукова было идти меньше 70 км и они в течение первых двух дней операции все же продвигались вперед, пусть и не с плановыми темпами. Во-вторых, вечером 17 апреля самому Коневу было нечем похвастаться: его войска, несмотря на ввод в бой танковых армий, еще не форсировали Шпрее. Выход на оперативный простор еще только намечался. Поэтому версия Конева о содержании разговора с Верховным представляется не слишком убедительной. Скорее всего, имела место санкция на реализацию «домашних заготовок» командующего 1-го [473] Украинского фронта на фоне относительного неуспеха Жукова на Зееловских высотах.

К слову, Конев уверенно говорил о расположении в Цоссене немецкого Генерального штаба, однако он почему-то не сообщил об этом своим подчиненным. Позднее при разборе действий 3-й гвардейской танковой армии в ходе Берлинской операции П. С. Рыбалко сетовал, что: «Мы даже не знали, что в Цоссене находилась Ставка германского Генштаба. Две бригады вошли в Цоссен, и Ставка на их глазах ушла из Цоссена. О Цоссене мы узнали от корреспондентов»{247}.

Получив разрешение Верховного, И. С. Конев сразу же отдал приказ танковым армиям поворачивать на Берлин:

«Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю командарму 3 гв. ТА:

1. В течение ночи с 17 на 18.4.45 г. форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южн. окраина Берлин.

Задача армии в ночь с 20 на 21.4.45 г. ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА в течение ночи с 17 на 18.4.45 г. форсировать р. Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Лукенвальде.

Задача армии к исходу 20.4.45 г. овладеть районом Беелитц, Тройенбритцен, Лукенвальде.

В ночь с 20 на 21.4.45 г. овладеть Потсдам и юго-западной частью Берлин.

При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 мк. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед.

Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. [474]

Требую твердо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад»{248}.

Поворот танковых армий почти на 90 градусов относительно их первоначального направления наступления был для И. С. Конева привычным делом. В январе и феврале 1945 г. он постоянно был вынужден разворачивать на юг 3-ю гв. танковую армию. Теперь в той же стилистике начиналась битва за немецкую столицу.

18 апреля. Прорыв через Шпрее. Перетряска первоначального плана операции и разворот танковых армий на Берлин на задачах общевойсковых армий 1-го Украинского фронта пока не сказывался. На 18 апреля командующий 3-й гв. армии В. Н. Гордов поставил задачу подчиненным ему соединениям выйти главными силами на восточный берег р. Шпрее, с ходу форсировать ее и к утру 19 апреля овладеть городом Котбус. В целом это укладывалось в первоначальный план операции. Напомню, что 3-я гв. армия должна была пробиться через Котбус на Форшау и далее наступать на Берлин с юга.

Основные боевые действия 18 апреля в полосе 3-й гв. армии развивались вокруг Форста, к которому начали подходить немецкие резервы с неатакованных участков

фронта. 76-й стрелковый корпус ударом части сил 287-й стрелковой дивизии с севера и северо-востока и силами 149-й стрелковой дивизии с юга и юго-запада после упорных уличных боев овладел Форстом. Остатки гарнизона были выбиты из города в северном направлении. Превращать Форст в «фестунг» и тратить на его осаду, по крайней мере, один стрелковый корпус было бы бессмысленным. Поэтому решение дать противнику вырваться из руин Форста на север следует признать оправданным. В боях за Форст было нанесено поражение 698-му полку 342-й пехотной дивизии, 367-му полку 275-й пехотной дивизии, частям 36-й дивизии СС «Дирлевангер». [475]

Два других корпуса 3-й гв. армии вели бои на широкой дуге от «Рейхсштрассе № 112» до автобана Берлин — Бреслау. 120-й стрелковый корпус одной дивизией отражал контратаку противника из района Вессага, а второй дивизией и 175-й танковой бригадой — наступал вдоль железной дороги Форст — Котбус. 21-й стрелковый корпус тем временем наступал на запад и форсировал канал и водохранилище к северу и к югу от автобана. В целом наступление 3-й гв. армии никак не назовешь «стремительным»: средний темп продвижения по итогам трех дней операции составил 6 км в сутки.

Директива И. С. Конева была получена командованием 3-й гв. танковой армии в 3.40 18 апреля. Немедленных изменений в задачах корпусов армии П. С. Рыбалко не произошло — до поворота на Берлин нужно было сначала форсировать Шпрее. Прикрываясь от контратак противника с севера 55-й гв. танковой бригадой, 7-й гв. танковый корпус в 13.00 передовой 56-й гв. танковой бригадой форсировал реку у Мук Неймюлле (к северу от Шпремберга). Глубина брода у Мук Неймюлле составляла около 1 метра, и танки форсировали реку методом слепого вождения, при закрытых и герметизированных подручными средствами люках механика-водителя. Вслед за 56-й гв. танковой бригадой через Шпрее переправились 54-я гв. танковая бригада и 23-я гв. танковая бригада того же корпуса. Соседний 6-й гв. танковый корпус действовал менее успешно — он полностью вышел на канал Флисс, но форсировать его не смог вследствие сильного сопротивления частей 21-й танковой дивизии противника. Поэтому 6-й гв. танковый корпус временно стал отстающим.

Во второй половине дня 18 апреля в район боевых действий 3-й гв. танковой армии, а точнее в 7-й гв. танковый корпус, выезжал И. С. Конев. Как лаконично отмечается

в журнале боевых действий армии, командующий фронтом «дал ряд указаний, ускоряющих выход армии в оперативную глубину»{249}. Судя по всему, именно в этот момент было принято решение протолкнуть через игольное ушко у Мук Неймюлле [476] все три корпуса армии Рыбалко. По направлению к переправе был развернут от канала Флисс 6-й гв. танковый корпус, а потом и двигавшийся во втором эшелоне 9-й механизированный корпус. Уже в 19.00 18 апреля через Шпрее переправилась передовая 53-я гв. танковая бригада 6-го гв. танкового корпуса. 22-я гв. мотострелковая бригада корпуса была оставлена на канале Флисс и к 20.00 форсировала его. Лидер наступления армии Рыбалко, 7-й гв. танковый корпус, развивал наступление по западному берегу Шпрее. Контратаки частей 21-й танковой дивизии из района Копац (западнее канала Флисс) в направлении столь удачно захваченной переправы были успешно отражены 55-й гв. танковой бригадой. Группировка противника в Копаце также была атакована с востока 58-й стрелковой дивизией 3-й гв. армии. Грамотное сочетание обороны и наступления свело немецкий контрудар на нет.

После прорыва через Шпрее был снят с позиций 57-й гв. отдельный тяжелый танковый полк. Немногочисленные тяжелые танки ИС-2 3-й гв. танковой армии были не на острие наступления, а занимали позиции далеко позади передовых частей — в засадах к югу от Форста. 18 апреля в 24.00 полк ИСов снялся с позиций и к 7.00 19 апреля занял оборону с целью не допустить прорыва противника к переправам через Шпрее. Нельзя не отметить этого достаточно своеобразного решения П. С. Рыбалко: в качестве противотанкового резерва были использованы не СУ-100 и даже не ИСУ-122, а тяжелые танки ИС-2. [477]

В целом можно констатировать, что 18 апреля судьба немецкой обороны в междуречье Нейсе и Шпрее была решена. Не имея в достаточном количестве резервов для прикрытия рубежа реки Шпрее, немецкое командование было вынуждено занимать очаговую оборону. Она относительно свободно взламывалась наступающими советскими войсками через промежутки между занятыми участками. Так котбусское направление было занято 21-й танковой дивизией, а шпрембергское — 10-й танковой дивизией СС и дивизией «Сопровождение фюрера». Однако по глухим лесным дорогам части 7-го гв. танкового корпуса проскочили между ними и вышли к Шпрее там, где их никто не ждал. В течение ночи с 18 на 19 апреля части 3-й гв. танковой армии безостановочно переправлялись через Шпрее. К рассвету 6-

й и 7-й гв. танковые корпуса переправились целиком, а из состава 9-го механизированного корпуса были переправлены две бригады. [478]

Командующий 4-й гв. танковой армией Д. Д. Лелюшенко получил приказ о повороте на Берлин намного позже своего коллеги — только в 13.15 18 апреля. Но даже запаздывающий приказ еще опережал события. Соединения армии пока только нащупывали слабое место в обороне противника на рубеже Шпрее. 18 апреля в 1.50 Д. Д. Лелюшенко приказывает:

«стремительно развивать наступление и с хода на плечах противника к утру 18.4.45 форсировать р. Шпрее:

10 ТК — в районе севернее Зелессин, Бесков

6 МК — в районе Тратендорф.

При форсировании широко использовать маневр, выбирая наиболее слабые места противника и выгодные участки для форсирования.

5 МК к утру 18.4.45 выйти в район Шенхайде в готовности развить успех 10 ТК или 6 МК»{250}.

Смысл этого приказа очевиден при первом же взгляде на карту. Столкнувшись с упорным сопротивлением противника в районе Шпремберга, 4-я гв. танковая армия стала 18 апреля обтекать его с севера и юга, стремясь выйти к Шпрее за пределами города. Успех должен был сопутствовать либо 10-му гв. танковому корпусу севернее Шпремберга, либо 6-му гв. механизированному корпусу южнее Шпремберга. Соответственно 5-й гв. механизированный корпус выводился в узел дорог во втором эшелоне в готовности развить успех 10-го танкового или 6-го гв. механизированного корпуса. Почему 5-й гв. механизированный корпус плелся во втором эшелоне, понятно — низкая укомплектованность матчастыо не обещала громких успехов.

Кому будет сопутствовать удача, днем 18 апреля еще было неясно. К 7.45 18 апреля 62-я гв. танковая бригада 10-го гв. танкового корпуса захватила Зелленссен и заняла оборону фронтом на юг и юго-восток. Двигавшаяся вслед за ней 29-я мотострелковая бригада с ходу форсировала Шпрее и к вечеру вышла к шоссе Шпремберг — Котбус на западном берегу реки. К 21.00 была готова переправа для танков, и 61-я гв. [479] танковая бригада сразу же начала переправляться,

расширяя плацдарм. В течение ночи с 18 на 19 апреля части корпуса перешли в наступление с захваченного плацдарма, продвигаясь на Дребкау и Калау.

Части 6-го гв. механизированного корпуса вышли к р. Шпрее южнее Шпремберга к 9.00 18 апреля. К вечеру на западный берег Шпрее были переправлены по одному мотострелковому батальону от 16-й и 17-й механизированных бригад и три мотострелковых батальона от 35-й механизированной бригады. Вечером 18 апреля 6-й гв. механизированный и 10-й гв. танковый корпуса разделяли 8 км. В промежутке между ними находилась потрепанная, но еще достаточно активная танковая группировка противника, лишь в ограниченной мере скованная с фронта действиями 5-й гв. армии. Ее контрудары еще могли создать кризисную ситуацию и замедлить наступление армии Рыбалко. Продвижение 4-й гв. танковой армии за 18 апреля составляло 6–7 км на правом фланге и до 10 км на левом. Вместе с тем на правом фланге, сместившемся на меньшее число километров, уже была переправа для танков.

Однако новые перспективы, открывшиеся в связи с приказом Конева о повороте на Берлин, не оставляли места для сомнений. Нужно было сосредотачивать усилия на направлении, быстрее выводившем на Берлин. Поэтому Лелюшенко 19 апреля в 2.40 направляет командующим корпусами директиву, в которой 5-й механизированный корпус рокируется на правый фланг и ставится в затылок правофланговому 10-му гв. танковому корпусу.

Таким образом, в ночь с 18 на 19 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта, форсировав Шпрее, вышли на оперативный простор. На третий день наступления две танковых и две общевойсковых армии смогли преодолеть всю глубину обороны противника на р. Нейсе. Крупных резервов для контрударов или восстановления фронта у немцев на этом направлении не было. Путь на Берлин был открыт. [480]

Сражение распадается на три

«Угловой столб» у Котбуса. После выхода к Шпрее и получения танковыми армиями приказа на наступление в направлении Берлина действия главной ударной группировки 1-го Украинского фронта разделились по трем обособленным направлениям. Во-первых, развернулись бои за Котбус, во-вторых, танковые армии начали поворот на Берлин и, в-третьих, общевойсковые армии продолжили наступление в западном направлении. Успешное продвижение вперед двух

танковых армий в значительной степени обеспечивалось тем, что 3-я гв. армия на правом фланге фронта собирала на себя резервы противника. Это касалось не только 21-й танковой дивизии, но и пехотных соединений немцев. Перебрасывавшиеся из района Губена части 214-й и 275-й пехотных дивизий подтягивались в район Котбуса против 3-й гв. армии. В итоге Котбус оборонялся частями 36-й дивизии СС, 242, 214 и 275-й пехотных дивизий, 21-й танковой дивизии и разведбатом 10-й танковой дивизии СС. Именно поэтому армия В. Н. Гордова не оказалась в числе форсировавших р. Шпрее 18 апреля. 19 апреля войска 3-й гв. армии правым крылом теснили противника, выбитого из Форста, а левым — форсировали Шпрее и продвигались на Котбус. Гордов поставил своим войскам задачу на 19 апреля нанести главный удар четырьмя стрелковыми дивизиями в обход Котбуса на Кольквиц. На главном направлении наступал 21-й стрелковый корпус в составе 253, 58 и 106-й стрелковых дивизий, поддержанный 1-й артиллерийской дивизией прорыва, 938-м и 1453-м самоходно-артиллерийскими полками, 87-м танковым полком. К наступлению на Кольквиц также привлекался резерв — 389-я стрелковая дивизия. Соседний 120-й стрелковый корпус с 175-й танковой бригадой должен был выйти к Шпрее севернее Котбуса и форсировать ее.

Поставленные командармом задачи были решены 19 апреля далеко не в полном объеме. Форсировать Шпрее удалось 19 апреля только 253-й стрелковой дивизии 21-го стрелкового корпуса. Но даже это можно было весьма условно считать достижением 3-й гв. армии: дивизия воспользовалась [481] для обхода позиций противника успехом в форсировании Шпрее соседней 13-й армией. 253-я дивизия была снята с фронта и к вечеру 19 апреля переправилась через Шпрее по бродам в районе Нейхаузена, в полосе 102-го стрелкового корпуса армии Н. П. Пухова. 58-я стрелковая дивизия 21-го корпуса до вечера вела бои на восточном берегу Шпрее в районе города Копаца. Подчиненные 21-му корпусу 106-я и 389-я стрелковые дивизии 19 апреля производили перегруппировку и встретили ночь на восточном берегу реки. Два других стрелковых корпуса 3-й гв. армии также пока еще оставались на восточном берегу Шпрее.

В. Н. Гордов последовательно реализовывал выбранную 19 апреля стратегию сокрушения котбусской группировки противника. Его план по овладению Котбусом сводился к тому, чтобы нанести главный удар левым крылом армии в обход города

с северо-запада. Тем самым перерезались коммуникации котбусской группировки немцев, идущие на запад. Существенно было и то, что на выбранном командующим 3-й гв. армии направлении условия местности были более благоприятными для ведения наступательных действий.

Обход фланга котбусской группировки противника за счет переправы через Шпрее в полосе 13-й армии сразу же ускорил развитие событий. Переправившиеся через реку дивизии 21-го стрелкового корпуса быстро развивали наступление в северном и северо-западном направлении. К 17.00 20 апреля 389-я стрелковая дивизия подошла вплотную к Кольквицу, перерезав железную дорогу Котбус — Калау. 58-я и 253-я стрелковые дивизии подошли вплотную к автобану Берлин — Бреслау, проходившему южнее Котбуса. Столкнувшись с угрозой с западного берега Шпрее, противник весь день проводил контратаки против частей 21-го стрелкового корпуса, стремясь отбросить их в южном направлении. 106-я стрелковая дивизия заняла оборону фронтом на север, став связкой между 21-м стрелковым корпусом и основными силами 3-й гв. армии. Остававшиеся на восточном берегу Шпрее 76-й и 120-й стрелковые корпуса встретились лишь с незначительным сопротивлением противника. [482]

Котбус был типичным «угловым столбом», который так любили удерживать немцы на флангах советских наступлений. Чаще всего в качестве такого «углового столба» выбирался узел дорог. Необходимость концентрировать для взлома обороны противника артиллерию и танки естественным образом суживала фронт прорыва. Для продвижения вперед крупной ударной группировки требовались линии снабжения с большой пропускной способностью. Наступающий был вынужден расширять прорыв в стороны для опоры на возможно более широкую дорожную сеть. Этим пользовались немецкие военачальники в ходе оборонительных операций. Они стремились концентрировать усилия на флангах прорыва, удерживая узлы дорог, становившиеся в немецкой терминологии «угловыми столбами». Испытывавшие трудности с подвозом горючего и боеприпасов ударные части постепенно «задыхались» и наступление вследствие этого приостанавливалось. Вместо движения в глубину сражение превращалось в позиционные бои за «угловой столб», усиливавшийся стягивавшимися с неатакованных участков фронта частями. Характерным примером «углового столба» является город Славянск в ходе Барвенковско-Лозовской операции зимы

1941–1942 гг. Его удержание позволило немецкому командованию ухудшить условия снабжения ударной группировки Южного и Юго-Западного фронта и стало одним из факторов, приведшим к замиранию операции.

Командующий 1-м Украинским фронтом понимал важность захвата «углового столба» в Котбусе. Возвращаясь к событиям 20 апреля в своих воспоминаниях, И. С. Конев писал: «Мы же не могли в данном случае ограничиться окружением котбусского узла. Слишком чувствительно нарушал этот узел всю работу наших тылов. Пока он не был взят, нам приходилось обходить его проселочными дорогами, с большим трудом организуя подвоз и горючего и боеприпасов, в особенности для танковых армий. В этот день я поехал к Гордову и провел, как говорится, «воспитательную работу». Моей целью было укрепить решимость командования 3-й гвардейской армии как можно скорее покончить с котбусской [483] группировкой»{251}. Действительно, без захвата Котбуса не могло быть и речи о полноценном использовании автобана Берлин — Бреслау. Учитывая, что от эффективности снабжения танковых армий в значительной степени зависел успех плана И. С. Конева по выходу к Берлину, его раздражение было нетрудно понять.

Недовольство И. С. Конева усугублялось невозможностью снять с фронта 3-й гв. армии средства усиления и бросить их на Берлин. Вечером 20 апреля из подчинения В. Н. Гордова должна была быть выведена 25-я артиллерийская дивизия прорыва. С разрешения командующего фронтом дивизия была оставлена в 3-й гв. армии еще на шесть часов. Проведя утреннюю артподготовку, артиллерийская дивизия прорыва убывала в 3-ю гв. танковую армию. Между тем проблема «углового столба» должна была быть решена на следующий день. К исходу 21 апреля 21-й стрелковый корпус должен был решительной атакой главных сил с запада, юга и юго-запада овладеть Котбусом. 25-му танковому корпусу предписывалось нанести удар из района Кольквица на Кунерсдорф, Рубен, перехватив пути отхода противника из Котбуса на север и северо-запад.

Надо сказать, что к 20 апреля соединения 3-й гв. армии понесли потери, существенно ослабившие и без того не отличавшиеся комплектностью соединения. Потери армии с 10 по 20 апреля составили 1231 человек убитыми и 6207 ранеными, еще 39 человек составили небоевые потери и 486 человек выбыли из состава армии по болезни{252}. Лидерами по общим потерям были 106-я стрелковая дивизия — 732 человек, 253-я стрелковая дивизия — 977 человек, 149-я стрелковая дивизия

— 861 человек, 127-я стрелковая дивизия — 1816 человек и 324-я стрелковая дивизия — 1539 человек. При средней численности дивизии 3-й гв. армии перед началом операции в 5000 человек такие потери выводили многие стрелковые части на нижнюю границу боеспособности. [484]

Численность соединений 3-й гв. армии на 20 апреля 1945 г.

Корпус	Соединение	Численность, чел.
21 СК	58 сд	4882
	106 сд	4434
	253 сд	4344
76 СК	149 сд	4291
	287 сд	4897
120 СК	127 сд	4048
	197 сд	4823
	329 сд	4296
Армейское подчинение	389 сд	5319

21 апреля в сражении за Котбус участвовали уже два корпуса 3-й гв. армии. 21-й стрелковый корпус наступал по западному берегу Шпрее, 120-й стрелковый корпус — по восточному. 389-я стрелковая дивизия 21-го корпуса наступала на Котбус с запада, вдоль «Рейхсштрассе № 115». 58-я и 253-я стрелковые дивизии того же корпуса с 9.00 вели бои за населенные пункты вдоль автобана Бреслау — Берлин к югу от Котбуса: Галлихен, Гросс-Гаглов, Клейн-Гаглов. К 18.00 они были захвачены, и корпус в полном составе пересек автобан. Потери 21-го стрелкового корпуса 21 апреля стали самыми тяжелыми с начала операции — 61 человек убитыми и 342 ранеными. Поддержанный оставленной на шесть часов 25-й артиллерийской дивизией прорыва 120-й стрелковый корпус преодолел внешний обвод укреплений города и ворвался в его восточную часть. К концу дня 21 апреля котбусская группировка противника была окружена с востока, юга и запада. У немецких частей оставалось только «окно» на север в район болот. Подытоживая результаты дня, В. Н. Гордов поставил своим войскам задачу к утру 22 апреля овладеть Котбусом.

Развитие событий на правом фланге главной ударной группировки вызвало неудовольствие командования фронта. И. С. Конев вспоминал:

«Армия Гордова 21 апреля продолжала драться с ожесточенно сопротивлявшейся котбусской [485] группировкой противника, фактически уже находившейся в полуокружении, отрезанной от коммуникаций, прижатой к болотистой пойме реки. Выразив неудовольствие командарму 3-й гвардейской за промедление в ликвидации этой группировки, я выделил ему в помощь крупные авиационные силы — 4-й и 6-й бомбардировочные корпуса, 2-й и часть 6-го истребительного корпуса и 2-й гвардейский штурмовой авиационный корпус. Кроме того, командарму было приказано ввести в дело 25-й танковый корпус, находившийся у него во втором эшелоне. Однако при ликвидации котбусской группировки Гордов, по существу, так и не использовал его по назначению. Слов нет, в районе Котбуса у противника была сильная противотанковая оборона, да и сама местность не особенно благоприятствовала действиям танков. Тем не менее, на мой взгляд, в начале и в середине боев под Котбусом Гордов излишне медлил и неуверенно использовал танки. Подчас он неохотно склонялся к быстрым маневренным действиям и к связанному с ними правильному и решительному использованию подвижности танковых войск»{253}.

Если быть точным, то 25-й танковый корпус просто не имел танков для их «уверенного» использования. Он сначала участвовал в наступлении одной 175-й танковой бригадой, остальные бригады ожидали поступления танков из ремонта и от промышленности. Темпы поступления боевых машин в корпус были, прямо скажем, недостаточными для доведения его численности до штатов. К 20 апреля 1945 г. 111-я танковая бригада 25-го танкового корпуса насчитывала 30 боеготовых танков и 2 в ремонте, 162-я танковая бригада — 20 боеготовых танков, 175-я танковая бригада — 16 боеготовых танков и 6 в ремонте, 262-й гв. тяжелый самоходный артполк — 10 боеготовых ИСУ-152 и 5 в ремонте и 1 ИСУ-122, 1451-й самоходно-артиллерийский полк — боеготовыми 1 СУ-85 и 15 СУ-76{254}. В условиях низкой комплектности мотострелковых подразделений своих бригад 25-й танковый [486] корпус был соединением, лишь условно пригодным для маневренных действий.

С сильными артиллерийскими средствами усиления Гордову вскоре пришлось расстаться. 21 апреля 25-я артиллерийская дивизия прорыва была выведена из

подчинения 3-й гв. армии. Учитывая, что в артдивизии были все 203-мм гаубицы большой мощности (23 штуки) армии, это была серьезная потеря. Крупное артиллерийское соединение (1-я АДП) осталось только в 21-м стрелковом корпусе. Но вместо артиллерии, как мы видим, Конев направил на Котбус крупные силы авиации.

22 апреля город Котбус наконец был захвачен. 127-я стрелковая дивизия 120-го корпуса переправилась через Шпрее в черте города и завязала бои за его центр. Ночной атакой части 21-го стрелкового корпуса сломили сопротивление противника на ближних подступах к Котбусу. К 9.00 утра 22 апреля 58-я и 253-я стрелковые дивизии ворвались в город с юга. К 13.00 были ликвидированы последние очаги сопротивления защитников, и город Котбус был взят. Одновременно 389-я стрелковая дивизия наступала в обход Котбуса с запада, очистив Штребиц и аэродром. Развивая успех, наступающие продвинулись дальше на север до рубежа Шпрее. Потери 21-го стрелкового корпуса в боях 22 апреля составили 66 человек убитыми и 245 человек ранеными. Было [487] захвачено 350 пленных, трофеями стали 74 танка, 60 орудий и более 600 автомашин.

Всего в боях за Котбус советскими войсками были взяты около 1500 пленных, захвачены 100 танков и САУ, 2000 автомашин и другое военное имущество. Также в городе были захвачен завод, производивший «Фокке-Вульф-190». Однако в сравнении с немецкой столицей даже такой крупный промышленный центр и узел дорог как Котбус казался мелочью. Вместо почетной роли покорителей Берлина, которую им готовил И. С. Конев, стрелковые корпуса армии В. Н. Гордова втянулись в трудное и неблагодарное дело разгрома группировки, собранной немцами для флангового контрудара и латания взломанного фронта. Она была недостаточно сильна, чтобы нанести серьезный контрудар, но еще достаточно боеспособна, чтобы осложнить наступательные действия советских войск в районе Котбуса. Увязание в боях за «угловой столб» привело к тому, что место 3-й гв. армии в роли покорителей Берлина заняла переданная И. С. Коневу из резерва Ставки 28-я армия А. А. Лучинского. Армия Лучинского была выдвинута по следам 3-й гв. танковой армии 21 апреля, в предпоследний день борьбы за Котбус.

Танки идут на Берлин. Механизированные соединения в силу своей подвижности позволяли командованию на ходу изменять первоначальные планы операций. Они были в состоянии в сжатые сроки переносить усилия минимум на десятки

километров в сторону от назначенной в период подготовки операции точки. Хрестоматийным примером является переброска 3-й гв. танковой армии осенью 1943 г. с Букринского на Лютежский плацдарм на Днепре и последовавшая затем операция по взлому немецкой обороны на рубеже Днепра. Чаще всего такие маневры были вынужденными: танковое объединение увязало в позиционных боях, и его рокировка на новое направление позволяла сохранять темпы операции. Подвижность механизированных соединений также искушала командующих возможностью бросить их на самостоятельный захват стратегически важных пунктов. Однако оборотной стороной маневренных качеств является слабость механизированных соединений при решении [488] «пехотных» задач. Широко известна попытка немцев в сентябре 1939 г. войти в Варшаву частями 4-й танковой дивизии. 8–9 сентября 1939 г. немецкая 4-я танковая дивизия завязала бои на окраинах Варшавы, но потерпела неудачу вследствие недостатка пехоты.

Разворачивая танковые армии на Берлин, И. С. Конев серьезно рисковал. Конечно, организация советских танковых войск к 1945 г. значительно изменилась к лучшему. Однако типичная для 1945 г. низкая комплектность личного состава и свойства собственно механизированных соединений создавали серьезные трудности в использовании танковых армий в захвате крупного города. Разработанный еще до начала операции план с вводом в бой за Берлин трех стрелковых корпусов 3-й гв. армии своего развития не получил. Армия В. Н. Гордова втянулась в бои за «угловой столб» Котбус и не могла оказать содействие наступлению танковых армий.

Однако до выхода к городским кварталам танковые армии могли продемонстрировать свои маневренные возможности и дерзкими обходными маневрами проложить себе [489] путь до немецкой столицы. В сущности, после взлома войсками 1-го Украинского фронта обороны противника на всю глубину пришло их время. Именно для этого они и создавались — для действий в глубине, захвата важных пунктов, охвата и обхода. Именно в расчете на это с утра 19 апреля началось стремительное наступление танковых армий в северо-западном направлении.

6-й гв. танковый корпус 3-й гв. танковой армии наступал вдоль шоссе Бреслау — Берлин. К 15.00 19 апреля 53-я гв. танковая бригада заняла крупный узел дорог Фетшау и оставила остатки его гарнизона на растерзание шедшим следом 52-й гв.

танковой и 22-й гв. мотострелковой бригадам. Последние до конца дня занимались очисткой города от разрозненных групп противника. 53-я гв. танковая бригада продолжила наступление и к 19.00 заняла Гросс-Любенау. 51-я гв. танковая бригада к 19.00 овладела Боблицем. 7-й гв. танковый корпус наступал на левом фланге армии. Лидировала в наступлении 56-я гв. танковая бригада, которая к 14.00 захватила Казель, к 15.00 — Огрозен и к 19.00 — Калау. Остальные части корпуса находились за боевыми порядками 56-й гв. танковой бригады. 9-й механизированный корпус 19 апреля все еще оставался во втором эшелоне танковой армии П. С. Рыбалко. 16-я самоходно-артиллерийская бригада прикрывала правый фланг армии со стороны Котбуса.

К исходу 19 апреля, т.е. в Д+4 (на четвертый день операции), войска 3-й гв. танковой армии выполнили задачу, которую по плану должны были решить к Д+2. Однако сокрушение обороны противника между Нейсе и Шпрее прошло достаточно гладко, и танковые армии не понесли потерь, существенно влиявших на их боеспособность. К 20 апреля 1945 г. 3-я гв. танковая армия насчитывала исправными 368 танков, 194 САУ, 114 бронемашин и 72 бронетранспортера. С 16 по 20 апреля танковая армия П. С. Рыбалко потеряла только 53 танка и 19 САУ. 6-й гв. танковый корпус за этот период потерял 48 человек убитыми и 221 раненными, 7-й гв. танковый корпус — 85 человек убитыми, 9 пропавшими без вести и 268 ранеными, 9-й механизированный корпус — 22 [490] убитыми и 94 ранеными. Основные, наиболее тяжелые потери были еще впереди.

В 2.40 19 апреля командующий 4-й гв. танковой армией отдал приказ:

«1. Командиру 10 ТК продолжать стремительное наступление в направлении Гросс-Букков, Дребкау, Казель, Калау, Клабендорф, Люкау и к исходу 19.4.45 овладеть районом Цельменсдорф, Витмансдорф, Кансдорф. Иметь в виду к исходу 20.4.45 овладеть районом Белитц (20 км южнее Потсдама).

2. Командиру 6 МК не позднее 2.00 19.4.45 всеми силами форсировать р. Шпрее в районе Шпрееталь и, продолжая стремительное наступление в районе Ной-Петерсхайн, Альт-Деберн, Зетинхен, к исходу 19.4.45 овладеть районом Барнсдорф, Вейссаг, Бесдау, иметь в виду к исходу дня 20.4.45 овладеть районом Луккенвальде.

Командиру 5 МК вывести 10 и 11 МБр из боя юго-западнее Сламен, и следуя за 10 ТК в направлении Лискау, Рейтен, Гросс-Луя, Зелленсен, Дребкау, Калау, к исходу 19.4.45 выйти в район Гаренхен, Ваннихен, Шланбендорф. Выслать сильный РГ на Альт-Деберн, Финстервальде. Иметь в виду к исходу 20.4.45 выйти в район Тройенбрицен, ведя разведку на Герцберг.

Требую смело и решительно пробиваться вперед, крупные населенные пункты обходить, не ввязываться в затяжные фронтальные бои и выполнять задачу во что бы то ни стало. Это должны уяснить все командиры бригад»{255}.

Этим приказом соединениям 4-й гв. танковой армии предписывалось выйти на линию «Рейхсштрассе № 2» фронтом на запад. Это должно было обеспечить левый фланг ударной группировки 1-го Украинского фронта, наступающей на Берлин с юга.

На острие наступления 4-й гв. танковой армии был 10-й гв. танковый корпус. Героем дня 19 апреля стала 63-я гв. танковая бригада М. Г. Фомичева. Первоначально она не была лидером. К 6.00 61-я и 63-я гв. танковые бригады переправились [491] через Шпрее. В 10.00 частями был захвачен Дребкау. Выйдя к Калау, бригады встретили организованное сопротивление. Командир корпуса принял решение не ввязываться в бой за этот узел дорог, прикрыться 29-й гв. мотострелковой бригадой и обойти Калау с юга. Однако к исходу дня 61-я гв. танковая бригада была остановлена перед Люкау. Передовой отряд корпуса, каковым являлась 63-я танковая бригада, продолжил наступление в северо-западном направлении. К 17.00 она в обход Люкау вышла к Кроссену. За день бригада М. Г. Фомичева прошла 70 км. В образовавшуюся брешь сразу же стали втягиваться остальные танковые бригады 10-го гв. танкового корпуса. Несмотря на необходимость обходить отдельные узлы сопротивления, 10-й гв. танковый корпус двигался в оперативной пустоте. Незначительные гарнизоны фольксштурма в наиболее крупных населенных пунктах либо разбегались, либо сдавались. 5-й механизированный корпус энергичными мерами был развернут на направление наступления 10-го гв. танкового корпуса, переправился через Шпрее и к концу дня 19 апреля вышел в район Люкау.

Некоторые дополнительные затруднения вызвала смена первоначального плана операции. Движение главных сил 10-го гв. танкового корпуса было осложнено тем,

что корпус теперь наступал в полосе, первоначально предназначенной для 3-й гв. танковой армии. Поворот такой огромной военной машины, как танковая армия Рыбалко, на Берлин по директиве Конева от 18 апреля произошел с запозданием. В результате после прорыва 63-й танковой бригады главные силы 10-го гв. танкового корпуса смешались с частями 3-й гв. танковой армии у Казеля. Такое перемешивание частей существенно затрудняло их продвижение вперед.

Тем временем 6-й гв. механизированный корпус 4-й гв. танковой армии медленно продвигался вперед в районе южнее Шпремберга. В течение 19 апреля частям корпуса удалось продвинуться всего на 7 км. К концу дня корпус отстал от основных сил 4-й гв. танковой армии на 65 км. Фактически армия осталась в двухкорпусном составе. Видя это, Д. Д. Лелюшенко решил изменить направление наступления [492] 6-го гв. механизированного корпуса и развернул его на северо-запад, вместо наступления строго на запад по первоначальному плану операции.

Глубокий прорыв танковых армий окончательно отсек V армейский корпус немецкой 4-й танковой армии от ее основных сил. Вечером 19 апреля корпус был переподчинен 9-й армии. Бюссе немедленно приказал своему новому соединению оставить на Нейсе лишь слабую завесу и выстраиваться фронтом на запад от Люббена до Хальбе. Ценным приобретением для Бюссе стала действовавшая в составе V армейского корпуса 21-я танковая дивизия. Она была подчинена непосредственно штабу 9-й армии.

До Берлина — 30 км. 20 апреля 1945 г., в 56-й день рождения Адольфа Гитлера, к его столице в маршевых колоннах шли советские танки. Колонна в 360 танков и 700 других машин была зафиксирована немецкой авиаразведкой в районе Люббена. Чтобы как-то сдержать советское наступление, берлинскому оборонительному району была передана формирующаяся пехотная дивизия «Фридрих Людвиг Ян». Дивизия спешно перевозилась на грузовиках. Также в танковой школе в Вюнсдорфе был сформирован и брошен в бой 2108-й танковый батальон. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Кребс отправил в направлении Люкау отряд численностью в 250 человек. Этот отряд под командованием обер-лейтенанта Кренкеля, подчиненный лично начальнику Генерального штаба, получил задачу встретить наступающие советские части на подступах к его штаб-квартире.

Не встречая серьезного сопротивления, советские танкисты на всех парах неслись к Цоссену. 6-й гв. танковый корпус, очистив от противника Люббенау, на рассвете овладел Гольсеном. Корпус двигался двумя колоннами вдоль двух автострад с задачей к утру 21 апреля ворваться в Берлин. На тот момент он насчитывал 113 танков и 42 САУ. Вскоре головная походная застава 53-й гв. танковой бригады корпуса в составе трех танков внезапно ворвалась в Барут и рассеяла до 1000 человек пехоты противника. На железнодорожных платформах в Баруте было захвачено 8 исправных танков, которым так и не суждено было вступить в бой. К 13.30 [493] передовая 53-я гв. танковая бригада заняла Барут. К вечеру 20 апреля она вышла к внешнему кольцу обороны Берлина. В свою очередь, выйдя к Баруту, 52-я гв. танковая бригада продолжила наступление по шоссе на Цоссен.

Задачей 7-го гв. танкового корпуса также был выход к Берлину к утру 21 апреля. Смешавшись с частями 4-й гв. танковой армии, корпус 20 апреля наступал левее 6-го гв. танкового корпуса. На тот момент в нем насчитывалось 89 танков и 57 САУ. К 10.00 корпус занял Люкау. К концу дня его передовые части преодолели болотистую пойму к западу от Барута и вышли к Куммерсдорфу. Не следует путать этот населенный пункт с Куммерсдорф Гут, где располагался немецкий полигон артиллерийского вооружения.

9-й механизированный корпус 20 апреля по-прежнему двигался во втором эшелоне армии Рыбалко за подразделениями 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов. Противотанковый резерв Рыбалко, 57-й гв. отдельный тяжелый танковый полк был перемещен в районе Гольсена. 16-я самоходно-артиллерийская бригада вела бои за Люббен, прикрывая правый фланг армии.

Конев был недоволен действиями Рыбалко 20 апреля. В 17.30 командующий фронтом адресует командующему танковой армией боевое распоряжение следующего содержания:

«Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком. Смелее маневр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести»{256}.

Что интересно, в своих достаточно подробных мемуарах «Сорок пятый» И. С. Конев не приводит этого распоряжения и вообще никак не комментирует свое неудовольствие относительно наступления 3-й гв. танковой армии.

4-я гв. танковая армия 20 апреля фактически двигалась в маршевых порядках. 10-й гв. танковый корпус шел на северо-запад [494] колонной, лидировавшейся 61-й гв. танковой бригадой. К исходу дня 20 апреля бригада достигла леса в 5 км юго-восточнее Ениккедорфа, т.е. «Рейхсштрассе № 101». 5-й гв. механизированный корпус армии Д. Д. Лелюшенко наступал на Ютеборг и в 20.00 вышел к Даме. 6-й гв. механизированный корпус в отрыве от основных сил армии вел бои под Шпрембергом.

К вечеру 20 апреля командующий фронтом начинает отчетливо понимать, что его план прорыва к Берлину начинает рушиться на глазах. В 19.40 Конев торопит Рыбалко и Лелюшенко:

«Войска Маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести»{257}.

До пригородов Берлина оставалось пройти всего около 30 километров. В 23.50 20 апреля Конев требует от Рыбалко продолжать наступление на Берлин ночью: «Войска правого соседа находятся в 10 км восточнее Берлина. Приказываю во что бы то ни стало к утру 21 апреля 1945 г. ворваться в Берлин. Задача по моему приказу от 19 апреля 1945 г. Начало наступления на Берлин в 1.00 21 апреля 1945 г.»{258}.

4-я гв. танковая армия из приказа исключалась, так как к тому моменту она уже практически полностью развернулась фронтом на запад. Получив распоряжение командующего фронтом о продолжении наступления ночью, командующий 3-й гв. танковой армии отдал приказ выйти в район круговой Берлинской автострады. Корпуса предполагалось впервые с начала операции развернуть в линию.

Вечером 20 апреля в сражение за Берлин был введен еще один участник. Завершившееся сражение за Восточную Пруссию позволило советскому командованию использовать войска 3-го Белорусского фронта для усиления берлинского направления. 1-й Украинский фронт получил 28-ю армию генерал-лейтенанта А. А. Лучинского и 31-ю армию генерал-лейтенанта [495] П. Г. Шафранова. Армия Лучинского 20 апреля была переправлена через Нейсе и

сосредоточилась во втором эшелоне главной ударной группировки фронта. Сказать, что 28-я армия была сильно потрепана в боях за Восточную Пруссию, это не сказать ничего. Численность стрелковых дивизий армии упала до самых низких величин за всю войну (см. таблицу).

Состояние частей и соединений 28-й армии на 20.4.1945 г.

					Пулеметы			Минометы		Орудий				
	Людей	Лошадей	Автомашин	Танков	ручные	станковые	зенитные	120 мм	82 мм	122 мм	76 мм ДА	76 мм ПА	45 мм	СУ-76
Упр. 3 гв. ск	822	171	89	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50 гв. сд	2849	831	155	1	55	23	10	10	17	11	25	6	6	6
54 гв. сд		835	155	1	110	44	14	12	21	12	23	7	16	4
96 гв. сд		919	156	1	88	37	15	10	17	12	26	6	21	2
Упр. 20 гв. ск	807	156	115	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20 сд	3553	803	148	—	59	28	12	11	17	12	24	4	12	9
48 гв. сд	4053	945	157	1	55	15	14	8	15	12	20	1	20	8
55 гв. сд	3907	988	154	—	64	17	17	13	25	12	28	—	33	5
Упр. 128 ск	793	95	74	—	2	—	—	—		—		—	—	—
61 сд	4262	726	139	—	60	35	13	10	28	12	17	7	8	11

130 сд	4147	665	154	—	27	10	10	14	13	11	18	6	—	7
152 сд	4210	738	142	—	37	21	13	13	32	12	28	2	12	10
157 апабр	1310	—	136	—	20					22–152-мм и 122 мм гаубиц			10–	—
530 иптап	410	—	67	—	13				—		22	—	—	—
133 гв. мп	519	—	74	—	—			33	—		—	—	—	—
607 зап	382	—	51	—	—		16		—	16 орудий		зенитных		—
Всего	38177	7872	1966	4	602	230	134	134	185	116	231	40	125	62

Таблица составлена по данным ЦАМО РФ, ф. 382, оп. 8465, д. 247, л. 36–37. [496]

Однако даже 3–4-тыс. дивизии были лучше, чем ничего. 20 апреля в 20.00 командующий 28-й армии устно приказывает командиру 128-го стрелкового корпуса и 61-й стрелковой дивизии 21 апреля в 2.00 начать погрузку на автомашины фронтовых автомобильных частей. На автомашинах стрелковый корпус и дивизия в 7.00 21 апреля должны были выступить из занимаемого района и к 14.00 того же дня сосредоточиться в районе Гольсена (город на «Рейхсштрассе № 96» южнее Барута). После выгрузки из грузовиков соединения должны были пешим маршем выйти в район Тельтова. Задачей частей армии Лучинского было содействовать танковым частям на подступах к городу.

Черный день маршала Конева. Планам командующего 1-го Украинского фронта относительно выхода 21 апреля на улицы германской столицы не суждено было сбыться. В лесисто-озерной полосе между Барутом и Цоссеном темп был потерян. Войска 3-й гв. танковой армии встретили здесь внешнее кольцо обороны Берлина. Оно прикрывалось многочисленными заграждениями — завалами, рвами, минными полями, ДОТами. Также навстречу советской танковой армии была выброшена 218-я бригада штурмовых орудий.

Танковой армии Рыбалко в ночь с 20 на 21 апреля и днем 21 апреля пришлось пробиваться через узкое дефиле между двумя болотами к востоку и западу от Барута и леса севернее него. В этом месте через Барут на Цоссен проходило шоссе и железная дорога. Севернее этого дефиле был крупный лесной массив с цепочкой озер, пересекавших направление наступления 3-й гв. танковой армии. Естественные препятствия были дополнены искусственными сооружениями. Промежутки между озерами перекрывались противотанковыми рвами, немногочисленные лесные дороги — завалами. Нельзя не отметить, что И. С. Конев недооценил построение обороны Берлина по принципу кольца на ближних подступах к городу. Оборонительные рубежи словно опоясывали его, и даже занятие их разрозненными отрядами замедляло прорыв танковых соединений непосредственно к Берлину с любого направления.

Наличие узостей на Барут-Цоесенском рубеже также [497] благоприятствовало последнему усилию люфтваффе по сдерживанию советского наступления. Авиасоединения немцев отвлеклись от воздействия на войска 1-го Белорусского фронта и занялись находившимися на острие наступления на Берлин соединениями 1-го Украинского фронта. В этот момент авиация 2-й воздушной армии находилась в процессе перебазирования на новые аэродромы, которое началось именно 21 апреля. Замысловатые маневры Конева заставляли авиасоединения следовать за танковыми армиями с риском попасть под атаки прорывающихся на запад окруженцев. Так, например, авиаполки 1-го штурмового авиакорпуса с утра 21 апреля перебазировались на аэродром Цвитов (7 км южнее Калау). В 20–25 км в тылу этого аэродрома продолжала вести бои в полуокружении шпрембергская группировка противника. Вскоре пробивавшиеся из окружения немецкие части вышли к аэродрому. Батальонам аэродромного обслуживания двух перебазировавшихся авиаполков пришлось вести бой в качестве пехотинцев. Встретив сопротивление аэродромной команды, окруженцы отказались от лобовых атак и предпочли обойти аэродром стороной. Обстановка в воздухе не замедлила сказаться на наступлении войск Рыбалко. В журнале боевых действий 3-й гв. танковой армии отмечалось: «Авиация противника группами по 20–25 самолетов бомбила боевые порядки частей корпусов. Действия нашей авиации не отмечалось»{259}. Атаки, производившиеся реактивными Ме-262, создали определенные трудности советским зенитчикам. Стандартное упреждение,

рассчитанное на поршневые самолеты, оказывалось совершенно недостаточным для реактивных машин.

Но у люфтваффе, конечно же, не было достаточно сил для того, чтобы остановить танковую армию. Наступил момент, когда решалось, кто будет покорителем Берлина. Наиболее щекотливым было на тот момент положение 6-го гв. танкового корпуса В. А. Митрофанова. Пресловутое дефиле и шоссе на Цоссен находились в его полосе наступления. Вследствие этого корпус 20 апреля был лидером наступления [498] 3-й гв. танковой армии. Уже к 16.00 53-я гв. танковая бригада 6-го гв. танкового корпуса вышла на подступы к Вюнсдорфу и была остановлена завалом на «Рейхсштрассе № 96». Вслед за ней двигалась 52-я гв. танковая бригада.

В. А. Митрофанов построил свой корпус в две колонны. Одна наступала вдоль «Рейхсштрассе № 96», а вторая — по лесным дорогам параллельно автостраде. Ночь с 20 на 21 апреля прошла в поиске лазеек в завалах и заслонах на Барут-Цоссенском рубеже. Наиболее результативный маневр был предпринят 52-й гв. танковой бригадой. В 17.00 бригада ушла с шоссе и углубилась в лес к востоку от него. Батальон 52-й гв. танковой бригады по лесным дорогам пробился в глубь обороны противника и к 21.00 овладел Топхином. Занятие этого населенного пункта означало преодоление всех трех построенных в районе Цоссена немецких рубежей обороны. Однако существенно отклонившийся от оси наступления армии передовой отряд бригады вскоре был фактически изолирован — немцы в полночь восстановили линию обороны за его спиной. Оборону с опорой на преодоленный отрядом противотанковый ров между двумя озерами заняли полк связи и батальон фольксштурма. Только к 4.00 21 апреля основные силы 52-й гв. танковой бригады обходным маневром вышли к Топхину.

51-я и 53-я гв. танковые бригады наступали вдоль шоссе и за день не смогли пробиться не только к Берлину, но и к Цоссену. К 16.00 20 апреля 53-я гв. танковая бригада вышла к заслону на «Рейхсштрассе № 96», построенному учебным танковым полком немцев из Вюнсдорфа. Попытка обойти заслон успеха не принесла. Повторная атака прикрытого огнем завала на шоссе была предпринята 51-й гв. танковой бригадой, шедшей по следам своего предшественника. Результат атаки был прежним, и 51-я бригада ушла с шоссе в лес. Так все танковые бригады

6-го гв. танкового корпуса постепенно сместились с «Рейхсштрассе № 96». Опирающийся на болота заслон в какой-то мере выполнил свою задачу.

Тем временем 22-я гв. мотострелковая бригада 6-го гв. танкового корпуса пробивалась через леса к востоку от «Рейхсштрассе № 96». С утра 21 апреля на ее маршрут была [500] приказом В. А. Митрофанова развернута 51-я гв. танковая бригада. К 14.00 21 апреля 51-я гв. танковая и 22-я гв. мотострелковая бригады заняли Церенсдорф и вышли вровень с 52-й гв. танковой бригадой в Топхине. Однако попытка пробиться к своим товарищам, изолированным в Топхине, успеха не имела — 51-я гв. танковая бригада потеряла два танка и была вынуждена отступить. Но эти трудности уже носили локальный характер. Оборона Барут-Цоссенского рубежа была взломана на всю глубину и от засад немцы были вынуждены перейти к контратакам в тщетной надежде «запечатать» прорыв. Около 19.00 51-й гв. танковой и 22-й гв. мотострелковой бригадам прошлось отражать контратаки, проводившиеся силами 6–10 танков и «Штурмгешюцев». 53-я гв. танковая бригада днем 21 апреля преуспела в обходе завала на «Рейхсштрассе № 96», помешавшего пробиться к Цоссену ночью. Дальнейшее продвижение бригады было остановлено в межозерном дефиле.

7-й гв. танковый корпус и 91-я танковая бригада 9-го механизированного корпуса во второй половине дня 20 апреля пробивались через Барутский лес. В ночь с 20 на 21 апреля частям корпуса пришлось двигаться на запад, перпендикулярно оси наступления 3-й гв. танковой армии. В первом эшелоне корпуса наступали 54-я и 55-я гв. танковые бригады. К концу дня они завязали бои за Рехаген к юго-востоку от Цоссена. Корпус наступал в непосредственной близости от Куммерсдорфского полигона. Однако собственно полигон остался на левом фланге 7-го гв. танкового корпуса. Из числа задействованной на полигоне техники в бой вступили только один танк «Тигр» без двигателя и 75-мм противотанковая пушка. Они обороняли мост через «Королевский ров» к юго-востоку от полигона. Ранним утром к переправе подошли советские танки. Скорее всего, это было подразделение 56-й гв. танковой бригады. После короткой перестрелки защитники оставили танк и орудие перед лицом превосходящих сил наступающих советских частей. Однако наступление через полигон было сочтено бесперспективным, и 7-й танковый корпус наступал через Куммерсдорф только одной 56-й гв. танковой бригадой. 54, 55 гв. и 91-я танковые бригады [501] наступали параллельно «Рейхсштрассе № 96». В

15.00–16.00 они были остановлены противотанковым рвом в межозерном дефиле к юго-востоку от Вюнсдорфа. Трофеями 7-го гв. механизированного корпуса 21 апреля стали 36 танков, 6 орудий, 20 бронетранспортеров и 17 тягачей противника.

В тот момент, когда образовалась брешь в Барут-Цоссенском рубеже обороны, пришел наконец час находившегося во втором эшелоне 9-го механизированного корпуса И. П. Сухова. К тому моменту части корпуса уже постепенно задействовались для решения текущих задач. В резерве в Баруте была оставлена 71-я механизированная бригада. Совместно с 7-м гв. танковым корпусом в районе Куммерсдорфа действовала 91-я танковая бригада корпуса И. П. Сухова. Оставшиеся две бригады 9-го механизированного корпуса 21 апреля были выдвинуты в первый эшелон и, двигаясь в затылок друг другу, продвигались на север. 69-я гв. механизированная бригада вышла на позиции отражавших контрудары противника 51-й гв. танковой и 22-й гв. мотострелковой бригады. К 18.00 она уже начала наступление на север. К 20.00 21 апреля бригада заняла Шейнехе на выходе из Куммерсдорфского леса и танками вышла к Цоссену. За ней двигалась 70-я гв. механизированная бригада. Бригаде было поручено прочесывание лесов.

57-й гв. тяжелый танковый полк на ИСах и 71-я механизированная бригада 21 апреля оставались не вовлеченными в бои и прикрывали тылы армии от возможного прорыва на запад котбусской группировки противника. Наученный горьким опытом сражений февраля — марта 1945 г. (да и всего опыта войны), Рыбалко «мариновал» ИСы в тылу на случай внезапного удара во фланг. Но время прорыва остатков 9-й армии на восток пока еще не пришло.

За день боя войска 3-й гв. танковой армии прошли пятнадцатикилометровую лесную полосу заграждений, обороняемых пехотой, танками и САУ противника, и вышли к каналу Нотте. В сравнении с шестидесятикилометровым рывком в предыдущий день это было лишь маленьким шажком вперед. Фортуна безжалостно отворачивалась от Конева. Ухудшение погодных условий 21 апреля и необходимость [502] перебазирования на новые аэродромы существенно снизили возможности авиации 2-й воздушной армии по поддержке наступления Рыбалко с воздуха. Всего 2-й воздушной армией за день было произведено 845 самолето-вылетов, из них 265 — на поддержку левого крыла 1-го Украинского фронта. Гонка за Берлин была фактически проиграна И. С. Коневым. 21 апреля войска 3-й ударной

и 2-й гв. танковой армий 1-го Белорусского фронта ворвались на северо-восточную окраину Берлина.

Чтобы избежать досадных задержек в продвижении к Берлину, И. С. Конев 21 апреля принял решение о максимальном усилении 3-й гв. танковой армии. В ночь на 22 апреля П. С. Рыбалко был переподчинен 10-й артиллерийский корпус прорыва, 25-я артиллерийская дивизия прорыва, 23-я зенитная артиллерийская дивизия и 2-й истребительный авиационный корпус. Последние два явно были последствием последней выходки немецких ВВС под Цоссеном. Артиллерийские соединения прорыва были призваны скомпенсировать недостаток гаубичной артиллерии, остававшийся серьезным недостатком советских самостоятельных механизированных соединений до самого конца войны. Приданные Рыбалко артиллерийские соединения существенно повышали возможности танковой армии. 10-й артиллерийский корпус прорыва РГК насчитывал двенадцать 203-мм орудий, шестьдесят 152-мм орудий, сто пятьдесят одно 122-мм орудие, тридцать шесть установок М-31, сто пять 120-мм и шестьдесят 160-мм минометов. 25-я артиллерийская дивизия РГК насчитывала двадцать четыре 203-мм орудия, семьдесят 122-мм орудий, тридцать шесть установок М-31, сто 120-мм и тридцать два 160-мм минометов. Соединения прорыва дополняла 32-я гвардейская минометная бригада в составе тридцати шести установок М-31. 23-я зенитная артиллерийская дивизия насчитывала шестнадцать 85-мм и семьдесят две 37-мм зенитные пушки и сорок семь крупнокалиберных пулеметов ДШК. Кроме того, командующему 28-й армией в ночь на 21 апреля было приказано перебросить автотранспортом 61-ю и 48-ю гв. стрелковые дивизии на усиление 3-й гв. танковой армии в район Барута. [503]

События на Барут-Цоссенском рубеже оказали непосредственное воздействие на наступление двух корпусов 4-й гв. танковой армии. Их тоже словно магнит начал притягивать Берлин. 63-я гв. танковая бригада 10-го гв. танкового корпуса с утра 21 апреля заняла Ениккендорф и наступала на Лукенвальде. 61-я гв. танковая бригада к утру подтянулась к Ениккендорфу и перешла в наступление из-за правого фланга 63-й гв. танковой бригады. Обе бригады были развернуты на север. 29-я гв. мотострелковая и 62-я гв. танковая бригады корпуса к концу дня подтянулись к Ениккендорфу. За день 10-й гв. танковый корпус продвинулся на 20 км. Причина

поворота была более чем прозрачной. В 14.55 21 апреля Д. Д. Лелюшенко отдал командиру корпуса следующий приказ:

«Подтверждаю мой устный приказ.

Обходя Лукенвальде, продолжать стремительное наступление в направлении Верехольц-Ребрюкке, Штансдорф, Цендендорф. С хода 21.4.45 овладеть юго-западной частью Берлина. Требую особой решительности и стремительности действий»{260}.

Судя по оговорке про устный приказ, решение об изменении направления наступления 4-й гв. танковой армии было принято, по крайней мере, утром 21 апреля. Такой приказ явно был реакцией на медленное продвижение 3-й гв. танковой армии в ночь с 20 на 21 апреля. Армия Лелюшенко разворачивалась для наступления вдоль «Рейхсштрассе № 101» на Берлин. Указанные в приказе Штансдорф и Цедендорф это уже пригороды Берлина. Вместо Биелица (в 20 км южнее Потсдама) по приказу от 19 апреля 10-й гв. танковый корпус должен был идти прямо на Берлин. Остальные соединения танковой армии Д. Д. Лелюшенко пока еще действовали по директивам, полученным ранее. 5-й гв. механизированный корпус 4-й гв. танковой армии с утра 21 апреля занял Ютеборг и, продолжая выполнять прежнюю задачу, наступал на Троенбритцен. Продвижение корпуса за день составило 35 км, он двигался все быстрее и быстрее. Поворот одного корпуса [504] на Берлин был максимумом того, что можно было себе позволить в тот момент. Правый фланг нацеленной на Берлин ударной группировки 1-го Украинского фронта был и так сильно растянут. Полностью отказаться даже от построения завесы фронтом на запад было бы уже шагом на грани авантюры.

В войсках восприняли новые приказы с нескрываемым энтузиазмом. Бывший командир 63-й гв. танковой бригады вспоминал: «В бригаду прибыли командарм Д. Д. Лелюшенко и командир корпуса Е. Е. Белов. Командарм возбужден, лицо его сияет.

— Готовы, челябинцы, штурмовать Берлин?

— Так точно, товарищ генерал! — с необычайным задором отвечают танкисты»{261}.

Сражение за Барут-Цоссенский рубеж не обошло стороной даже 61-ю стрелковую дивизию только-только переданной фронту 28-й армии. Выполняя приказ

командования фронта, в ночь с 20 на 21 апреля дивизия приступила к погрузке на автомашины. Пассажирами становились не только люди, но и лошади. Фактически вся стрелковая дивизия с обозом грузилась в автомашины для быстрой переброски ближе к Берлину. В 14.00 61-я стрелковая дивизия проследовала Гольсен, и в 22.00 авангард соединения завязал бой в 1 км восточнее Куммерсдорфа. Для перевозки 152-й и 130-й стрелковых дивизий автомашин не хватило, и две эти дивизии 21 апреля двигались пешим маршем. Первая должна была перевозиться 22 апреля, а затем автомашины возвращались для погрузки 130-й стрелковой дивизии. Конечной точкой для всех трех дивизий оставался Тельтов.

В целом 21 апреля 1945 г. было для И. С. Конева самым черным днем Берлинской операции. Его надежды на единоличное покорение столицы Рейха растаяли как последний снег под апрельским солнцем. Все задуманные им ходы не достигли успеха. Армия Гордова не смогла взять Котбус и высвободить силы для наступления на Берлин. Танковая армия Рыбалко завязла в перегороженных завалами и противотанковыми [505] рвами лесах под Цоссеном. Спешный поворот на Берлин танковой армии Лелюшенко уже не давал немедленного результата. Кроме того, 4-й гв. танковой армии все равно пришлось бы преодолевать кольцо укреплений на дальних подступах к немецкой столице.

Однако топтание перед Барут-Цоссенским рубежом не могло занять более двух-трех суток. Возможности разрозненных немецких частей по сдерживанию прорыва на Берлин крупных механизированных соединений были не бесконечны. Сутки на удержание Барут-Цоссенского рубежа уже были большим достижением. 22 апреля наступление армии Рыбалко значительно ускорилось. Введенный в бой 21 апреля 9-й механизированный корпус Н. П. Сухова стал на следующий день лидером наступления 3-й гв. танковой армии. 69-я механизированная бригада форсировала к 1.00 22 апреля Нотте-канал в районе Тельца, к 6.00 захватила Тельц и к 11.00 перерезала Берлинское кольцо, захватив Юнсдорф. К исходу дня бригада вела бой за овладение плацдармом на северном берегу канала Тельтов. 91-я танковая бригада корпуса Н. П. Сухова 22 апреля была выведена с бесперспективного куммерсдорфского направления и отправлена вслед основным силам корпуса. К исходу дня она вышла к Ланквицу. 70-я механизированная бригада двигалась во втором эшелоне и к концу дня подходила к Мариенфельде. Мехкорпус на широком фронте вышел к каналу Тельтов.

Захватив город Цоссен, 6-й гв. танковый корпус был остановлен взорванным мостом. Для переправы через канал части корпуса В. А. Митрофанова воспользовались бродом к востоку от города и приспособили для переправы неумело взорванный железнодорожный мост. Тем временем Ставка германского Генштаба эвакуировалась из бункеров в районе Цоссена. В 13.00 22 апреля поступил приказ Гитлера передислоцировать Генеральный штаб в Потсдам-Айхе, в казармы военно-воздушных сил. В 14.00 последняя колонна автомашин миновала входные ворота комплекса Майбах II. Следующим обитателем комплекса под Цоссеном стала Группа Советских войск в Германии (ГСВГ).

Вырвавшись из лесов в районе Цоссена, 6-й гв. танковый [506] корпус стремительно продвигался вперед. К 20.00 22 апреля 51-я и 52-я гв. танковые бригады полностью овладели Тельтовым и вели бои за плацдарм на его северном берегу. 53-я гв. танковая бригада вела бои в районе железной дороги юго-западнее Тельтова. 22-я гв. мотострелковая бригада подходила к Тельтову. 7-й гв. танковый корпус 22 апреля наступал на левом фланге 3-й гв. танковой армии. За день корпус прошел 30 км и к исходу дня передовой 54-й гв. танковой бригадой вел бой за овладение Штансдорфом (на южном берегу канала Тельтов).

В боевых порядках 3-й гв. танковой армии 22 апреля действовала 61-я гв. стрелковая дивизия 28-й армии, переброшенная на автомашинах к Берлину. Задержка на время около полутора суток с выходом к южным окраинам Берлина радикально изменила обстановку на направлении наступления армии Рыбалко. LVI танковый корпус был отброшен в Берлин и его соединения заняли оборону по периметру города. Собственно на берегу Тельтов-канала советских танкистов вначале встретили зенитчики и фольксштурмисты, но вскоре к ним присоединились подразделения 20-й танко-гренадерской дивизии.

Видя перед собой окутанные дымом кварталы Берлина, П. С. Рыбалко не потерял голову. Он трезво оценивал обстановку и осознавал опасность растягивающемуся флангу своей танковой армии. 71-я механизированная бригада 9-го механизированного корпуса стала резервом командарма. Ее поддерживали две батареи 1798-го тяжелого самоходного артполка и дивизион 91-го гв. минометного полка. Свой резерв командарм сосредоточил юго-восточнее Цоссена с приказом предотвратить прорыв частей 9-й армии на Берлин. 57-й гв. тяжелый танковый полк

по-прежнему плелся во втором эшелоне и занял позиции на автостраде в районе Юнсдорфа.

Задержка по времени с прорывом к Берлину войск 1-го Украинского фронта оказала влияние не только на характер и силу сопротивления противника на южных окраинах Берлина. Действующим фактором стала снявшаяся с позиций на Нейсе и Одере немецкая 9-я армия. Прорыв к Тельтову за [507] ее спиной уже не мог остаться без последствий. Поддержку 3-й гв. танковой армии на канале Тельтов могла оказать только 61-я стрелковая дивизия 28-й армии. 152-я и 130-я стрелковые дивизии 28-й армии получили приказ генерала Лучинского 23 апреля развернуться фронтом на восток. Первая должна была прикрывать берлинское, а вторая — цоссенское направление.

23 апреля к Берлину приблизился 10-й гв. танковый корпус 4-й гв. танковой армии. В 12.40 составлявшая передовой отряд корпуса 62-я гв. танковая бригада вышла к каналу Тельтов в районе Штансдорфа. Здесь советских танкистов встретили взорванные мосты и сильный огонь с противоположного берега канала. Потери бригады за день были малозначительными — 2 Т-34 сожженными, 2 убитых и 5 раненых. К исходу дня к каналу вышли 63-я гв. танковая и 29-я гв. мотострелковая бригады. 61-я гв. танковая бригада действовала на левом фланге корпуса Е. Е. Белова, прикрывая фланг вышедших к Тельтов-каналу частей со стороны Потсдама.

Для боев в городе 10-му гв. танковому корпусу была придана пехота. Д. Д. Лелюшенко вспоминал: «Получив разведданные, Белов напряженно готовил войска корпуса к форсированию канала Тельтов. В тот же день (23 апреля — *А. И.)* маршал И. С. Конев передал нам в оперативное подчинение 350-ю стрелковую дивизию из 13-й армии под командованием генерал-майора Г. И. Вехина. Это было очень кстати, так как настоятельно требовалась пехота для создания боевых групп при штурме Берлина»{262}.

23 апреля наступило временное затишье. Рыбалко принял решение дать войскам отдых, привести в порядок матчасть и подтянуть тылы. Активные наступательные действия вела 71-я гв. механизированная бригада 9-го мехкорпуса. Она наступала на восток вдоль кольцевой автострады, окружавшей Берлин. Тем самым командарм обеспечивал фланг от 9-й армии, в глубоком тылу которой он оказался. В лихорадочной гонке на Берлин наступила пауза. Речи о том, чтобы войти в Берлин

первыми, уже не было. Предстоял совместный [508] с войсками 1-го Белорусского фронта штурм города, требовавший серьезной подготовки.

«Котел» у Шпремберга. «Осиротевшим» после поворота на Берлин танковых армий 13-й и 5-й гв. армиям пришлось громить довольно крупные силы противника в районе Шпремберга. Глубоко обойденные с флангов три немецкие дивизии и отдельные части не спешили отступать назад. Они еще сохраняли надежду если не на восстановление фронта, то на результативные контрудары во фланг наступающим советским войскам.

Однако в отличие от котбусского «углового столба» шпрембергская группировка немцев была подобна островку посреди бурного потока. Она была охвачена с севера и юга. В промежутке между Шпрембергом и Котбусом зияла брешь в построении немецких войск. Плацдармы на Шпрее были образованы еще в период наступления танковых армий. Следовавшая по пятам за танковыми армиями 13-я армия 19 апреля воспользовалась обстановкой для стремительного броска вперед. Лидерами наступления стали 172-я стрелковая дивизия 102-го стрелкового корпуса и 6-я гвардейская дивизия 27-го стрелкового корпуса. Первая прошла за день 22 км, а вторая — 20 км.

Разумеется, такое глубокое вклинение требовалось обеспечить с флангов. Армия Н. П. Пухова оказалась 19 апреля между котбусской и шпрембергской группировками противника. Каждая из этих группировок могла в случае неблагоприятного для советских войск развития событий стать молотом или наковальней для 13-й армии. Кроме того, организованный удар с севера и юга мог привести к перехвату коммуникаций ушедших на Берлин танковых армий. Поэтому Н. П. Пухов был вынужден четыре дивизии использовать для прикрытия флангов, а наступление на запад вести только двумя вышеозначенными стрелковыми дивизиями. 350-я стрелковая дивизия 27-го стрелкового корпуса после форсирования Шпрее повернула на юго-запад и юг, нацеливаясь на коммуникации шпрембергской группировки противника. 280-я стрелковая дивизия того же корпуса также к исходу дня вела бои фронтом на юг, обеспечивая левый фланг армии. [509] По аналогичной схеме использовались соединения 102-го стрелкового корпуса. 117-я гв. стрелковая дивизия, обеспечивая правый фланг армии, развернулась фронтом на север. Для прикрытия со стороны Котбуса был также выдвинут второй эшелон корпуса — 147-я стрелковая дивизия. Для сковывания противника в районе

Шпремберга был использован второй эшелон армии. 24-й стрелковый корпус 13-й армии 19 апреля остался на восточном берегу Шпрее и вел бои против шпрембергской группировки противника. В итоге боевых действий 19 апреля 13-я армия образовала вытянутую вслед танковым армиям дугу длиной 60 км.

Южный фас «котла» у Шпремберга образовывала 5-я гв. армия и оторвавшийся от 4-й гв. танковой армии 6-й гв. механизированный корпус. Последний фактически решил 19 апреля задачу перехвата большинства дорог, по которым группировка противника могла отойти из Шпремберга. Еще в ночь с 18 на 19 апреля 16-я гв. механизированная бригада с 28-м тяжелым танковым полком заняла городок Шпреталь на «Рейхсштрассе № 96» к югу от Шпремберга. К 22.00 35-я и 17-я механизированные бригады пересекли железную дорогу и «Рейхсштрассе № 156» к западу от Шпремберга и заняли деревню Терпле. В итоге отрыв 6-го гв. механизированного корпуса от пехоты 5-й гв. армии составлял 19 апреля всего 3–6 км.

В отличие от прорвавшейся далеко вперед по западному берегу Шпрее пехоты 13-й армии 5-я гв. армия вклинилась в оборону противника на меньшую глубину, но на более широком фронте. После форсирования двумя дивизиями 32-го гв. стрелкового корпуса реки Шпрее корпус разделился. 95-я стрелковая дивизия 19 апреля наступала на Шпремберг с востока, находясь еще на восточном берегу реки. 13-я и 97-я гв. стрелковые дивизии к тому моменту уже переправились на западный берег Шпрее. Для прикрытия разрыва между соединениями 32-го стрелкового корпуса из второго эшелона 5-й гв. армии был выдвинут 33-й гв. стрелковый корпус Н. Ф. Лебеденко. Его задачей стала ликвидация удерживаемого немцами плацдарма на восточном берегу Шпрее. Отошедшие к Шпрембергу немецкие дивизии на восточном берегу [510] реки нависали над тылами устремившихся вперед советских корпусов и дивизий. Поэтому скорейшая ликвидация плацдарма стала одной из первоочередных задач войск фронта. Левофланговый 34-й гв. стрелковый корпус армии А. С. Жадова к тому моменту растянулся на фронте 50 км и постепенно разворачивался фронтом на юг для прикрытия фланга всей основной ударной группировки 1-го Украинского фронта.

Потенциальной опасностью для развития наступления 1-го Украинского фронта было превращение Шпремберга в плацдарм для контрударов. А. С. Жадов в своих воспоминаниях отмечает: «В этот день к нам на КП армии прибыл командующий

фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. С удовлетворением отметил общий успешный ход событий, но одновременно подчеркнул, что на флангах нашей ударной группировки слева на стыке со 2-й армией Войска Польского и справа в районе Котбуса, а также в районе Шпремберга складывается не вполне нормальное положение. Требовалось разгромить эти узлы сопротивления, ибо, опираясь на них, противник уже начинал проводить контрудары по нашим наступающим войскам. Маршал дал нам указания (соответствующие указания получил и наш сосед — 13-я армия) массированными ударами артиллерии и действиями стрелковых соединений при поддержке авиации в течение 20 апреля уничтожить сдерживающую наше продвижение шпрембергскую группировку противника»{263}. К вечеру 19 апреля находившиеся в районе Шпремберга соединения немцев были глубоко охвачены с флангов 13-й и 5-й гв. армий и полуокружены.

Опасения советского командования относительно возможных вариантов действий противника были небезосновательны. На командный пункт 10-й танковой дивизии СС 20 апреля в адрес Хармеля по радио были переданы два приказа сходного содержания. Первый был от фюрера, а второй от Шернера:

«В вашем секторе имеется разрыв фронта между Котбусом [511] и Шпрембергом. Он должен быть закрыт немедленным ударом на север. Вы персонально ответственны за выполнение этого приказа. Вы должны провести эту атаку, победить или погибнуть вместе со своей дивизией».

Также неблагоприятным вариантом развития событий было образование «фестунга» в Шпремберге. Это был еще один типичный для немцев прием с удержанием крупного узла коммуникаций в условиях глубокого обхода флангов или даже в условиях окружения. Образование поедающего дивизии «фестунга» в полосе наступления главной ударной группировки фронта И. С. Конева совершенно не устраивало. Для ликвидации опасностей фланговых контрударов и предотвращения образования «фестунга» город было решено взять штурмом. Для разгрома шпрембергской группировки и обеспечения штурма Шпремберга была создана сильная артиллерийская группировка, основное ядро которой составляли 3-я и 17-я артиллерийские дивизии 7-го артиллерийского корпуса прорыва и 4-я артиллерийская дивизия 10-го артиллерийского корпуса прорыва. Всего для обеспечения штурма шпрембергского узла сопротивления было привлечено 14

артиллерийских бригад, насчитывавших в своем составе 1104 орудия и миномета и 143 установки гвардейских минометов.

Район Шпремберга был плотно окаймлен советской артиллерией с севера, востока и юга. При этом был предусмотрительно оставлен коридор для отхода противника на запад. Артиллерийский удар должен был заставить противника отказаться от удержания опорного пункта в Шпремберге и отходить по предоставленному коридору. Подталкивать оборонявшие район Шпремберга соединения противника к отступлению должен был 33-й гв. стрелковый корпус 5-й гв. армии. Пехота 13-й армии оставалась в сражении за Шпремберг пассивным зрителем: ее основной задачей оставалась оборона тыла танковых армий.

Штурм Шпремберга начался в 10.30 20 апреля с мощной артиллерийской подготовки. В 11.00 части 33-го гвардейского корпуса перешли в наступление. В результате нескольких часов упорного боя корпус овладел Шпрембергом и к исходу [512] дня вышел на рубеж Штрадов, Госда, продвинувшись на 5–6 км. Успешный штурм Шпремберга позволил основным силам 5-й гв. армии сосредоточиться на продвижении на запад, в направлении Эльбы. Соединения 32-го гв. стрелкового корпуса вместе с 4-м гв. танковым корпусом 20 апреля встали на острие наступления 5-й гв. армии на запад. К концу дня 97-я гв. стрелковая дивизия и 4-й гв. танковый корпус прошли 20 км и вышли к железнодорожному узлу Зенфтенберг. В полосе 5-й гв. армии по-прежнему действовал 6-й гв. механизированный корпус 4-й гв. танковой армии. Корпус фактически выполнял роль связки между 32-м и 33-м гв. стрелковыми корпусами. К 17.00 20 апреля он вышел на фронт Прошин — Госда. 34-й гв. стрелковый корпус все больше растягивал свой фронт, к концу дня 20 апреля он составлял уже 70 км, что было уже на грани возможностей обороны бедного пехотой корпуса образца 1945 г.

Несмотря на очевидные успехи, войска А. С. Жадова безнадежно проигрывали в продвижении на запад войскам Н. П. Пухова. 13-я армия 20 апреля наступала в быстром темпе по проложенному двумя танковыми армиями коридору. В течение 20 апреля армия основными силами (102-м и 27-м корпусами) продвинулась на 30 км. 102-й корпус двумя дивизиями (147-й и 172-й), не встречая сильного сопротивления противника, к исходу дня вышел к железной дороге Берлин — Дрезден на рубеже от Вальтерсдорфа до Бренитца. Фактически 13-я армия оказалась рассеянной на широком фронте при ушедших на Берлин танковых

армиях. Строго говоря, положение армии Н. П. Пухова было достаточно щекотливым.

Однако удача пока улыбалась командующему 1-м Украинским фронтом. Будучи выбитыми из Шпремберга, три немецкие дивизии отказались от активных действий. Генерал Хармель собрал 20 апреля совещание с участием генерал-майоров Отто-Эрнста Ремера (командир дивизии «Сопровождение фюрера») и Эрвина Йолассе (344-я пехотная дивизия). Вскоре было получено сообщение, что Йолассе повышен в звании до генерал-лейтенанта и тем самым стал старшим по званию среди командиров трех окруженных дивизий. [513]

Однако это уже не влияло на принятые решения. Заблуждений относительно реальной обстановки на фронте у Хармеля и Ремера не было. Поэтому вместо контрудара на северо-восток было решено прорываться из окружения по лесам в северо-западном направлении. Целью прорыва было соединение с 12-й армией Венка к югу от Берлина. Вся ненужная для прорыва техника должна была быть уничтожена. Лидировал прорыв «Фрундсберг», в арьергард были поставлены части «Сопровождение фюрера». Остатки 344-й пехотной дивизии прикрывали прорыв с севера. В ночь на 21 апреля части «Фрундсберга» и дивизии «Сопровождение фюрера» начали сниматься с позиций под Шпрембергом и готовиться к прорыву.

Операция началась ранним утром 21 апреля. Ее лидировали последние танки, ЗСУ и БТР «Фрундсберга». На острие клина двигались БТР саперного батальона эсэсовской дивизии. К полудню окруженцы вышли к Крауше. Городок был занят советскими войсками, и первая атака немцев была отражена. Части «Фрундсберга» смогли взять Крауше только к вечеру 21 апреля. С утра прорыв на запад был возобновлен. На этот раз путь к свободе лежал через луг между двумя деревнями, занятыми советскими войсками. Сохранившиеся у немцев танки вскоре были подбиты фланговым огнем. После прорыва через дефиле остатки трех дивизий перестали существовать как единое целое. «Фрундсберг», «Сопровождение фюрера» и 344-я пехотная дивизия рассыпались на небольшие группы. Возглавлявшаяся Хармелем передовая группа окруженцев сохранила связь с командованием. Благодаря этому группа Хармеля получила информацию об обстановке: о повороте крупных сил советских войск на Берлин и наступлении на Дрезден. Не горя желанием сталкиваться с сильным противником, Хармель решил пробиваться на юго-запад. Аналогичное решение приняли командиры других групп,

выходивших из окружения. Как действующая сила сражения три немецкие дивизии вышли из игры.

Прорыв «Фрундсберга» и остатков двух других немецких дивизий из Шпремберга был более чем своевременным. 21 апреля части 33-го гв. стрелкового корпуса 5-й гв. армии [514] соединились с частями 24-го стрелкового корпуса 13-й армии в районе Ной-Вельцов. Тем самым было замкнуто кольцо окружения вокруг остатков трех немецких дивизий. Не успевшие прорваться на запад части были рассеяны, и шпрембергская группировка противника прекратила свое существование. Только войсками 5-й гв. армии было захвачено в плен в районе Шпремберга 1130 солдат и офицеров. Следует отметить, что окружение подвижных частей немцев фактически проводилось стрелковыми соединениями. При плановом развитии событий Шпремберг был бы окружен танковыми армиями. В изменившейся обстановке обе танковые армии ушли с коммуникаций шпрембергской группировки противника на север, к Берлину.

Ад на дрезденском направлении

Командующий 1-м Украинским фронтом мог позволить себе вольности с поворотом танковых армий почти на 90 градусов на Берлин, поскольку был спокоен за свой левый фланг. Его прикрытие осуществлялось ударом на Дрезден силами 52-й армии и 2-й польской армии. Однако ошибочные предположения немецкого командования о намерении Красной армии рассечь Германию пополам заставили сконцентрировать на дрезденском направлении крупные подвижные резервы. Поэтому наступавшие на Дрезден армии 1-го Украинского фронта приняли на себя всю тяжесть ударов резервов группы армий «Центр». Немецкие дивизии, собранные в феврале и марте 1945 г. на фланге нацеленной на Берлин группировки советских войск, теперь были вынуждены пойти в бой на вспомогательном направлении. Неблагоприятное для советских войск соотношение сил сторон привело к тяжелым и нехарактерным для заключительного периода войны боям.

Назначенные для наступления на Дрезден правое крыло 52-й армии и 2-я польская армия начали операцию 16 апреля одновременно с основной ударной группировкой 1-го Украинского фронта. 2-я польская армия, форсировав 7, 9 и 8-й [515] пехотными дивизиями р. Нейсе, прорвала главную полосу обороны противника на глубину 1–6 км. Правофланговые дивизии 52-й армии (254-я и 50-я стрелковые

дивизии 73-го корпуса и 373-я стрелковая дивизия 78-го корпуса) форсировали р. Нейсе и к 11.30 полностью переправились на западный берег реки. К концу дня наступающие прорвали главную полосу обороны немцев на глубину до 10 км.

Успешный захват плацдарма на западном берегу Нейсе позволил саперам приступить к постройке двух переправ для танков 7-го гв. механизированного корпуса. Уже к 13.00 16 апреля обе переправы были готовы. Это стало сигналом к выходу бригад первого эшелона корпуса на плацдарм в исходное положение для ввода в прорыв. В 15.00 первый эшелон закончил переправу. Чтобы не терять светлое время дня, командир 7-го гв. механизированного корпуса принял решение ввести в бой передовые отряды от 25-й и 26-й гв. механизированных бригад. Вступление в сражение корпуса И. П. Корчагина состоялось с опережением графика примерно на полсуток. К концу дня 26-я и 25-я гв. механизированные бригады корпуса наступали на запад, 57-я гв. танковая бригада прикрывала фланг, а 24-я гв. механизированная бригада составляла второй эшелон. Предпринятая поздно вечером 16 апреля попытка форсировать с ходу р. Вейсер-Шепс успеха не принесла. Части корпуса встретили сильное огневое сопротивление. Ночью с 16 на 17 апреля подразделения корпуса вели разведку противостоящего противника, приводили себя в порядок и готовились к форсированию реки с боем.

Наступление 7-го гв. механизированного корпуса продолжилось в 5.15 17 апреля. Из второго эшелона в бой была введена 24-я гв. механизированная бригада, направленная в обход узла сопротивления противника в районе деревень Зерихен и Кодерсдорф с севера. 25-я и 26-я гв. механизированные бригады атаковали узел сопротивления с фронта. После семичасового боя, к 13.30 тыловой оборонительный рубеж был взломан, бригады корпуса И. П. Корчагина форсировали р. Вейсер-Шепс и завязали уличные бои в Зерихене и Кодерсдорфе. Широкомасштабное применение противником [516] фаустпатронов заставило впереди танков вести мотопехоту, которая ликвидировала фаустников. К 22.35 17 апреля 24-я и 26-я гв. механизированные бригады ударами с фланга и с фронта овладели опорным пунктом противника в Зерихене, а 25-я гв. механизированная бригада совместно с 57-й гв. танковой бригадой заняли Кодерсдорф. В боях за рубеж реки Вейсер-Шепс корпус потерял 37 человек убитыми, 206 ранеными, 13 танков Т-34, 1 бронемашину. Было захвачено 221 человек пленных.

Однако за продвижением вперед мехкорпуса И. П. Корчагина не успевали стрелковые дивизии 52-й армии. Здесь явно проявился краевой эффект крупного наступления, когда действующие на стыке атакованного и неатакованного участка фронта противника соединения испытывают серьезные трудности в продвижении вперед. Наступавшие в болотистой местности в общем направлении на Бауцен дивизии 73-го стрелкового корпуса продвинулись за 17 апреля всего на 4–5 км, вклинившись на 2–3 км во вторую полосу обороны немцев. Свою роль в замедлении продвижения вперед сыграл немецкий фланговый контрудар.

Еще в 11.00 16 апреля командующий группы армий «Центр» фельдмаршал Шернер приказал 20-й танковой дивизии и дивизии «Герман Геринг» в 13.00 перейти в наступление из района Герлица. Предполагалось отсечь переправившиеся через р. Нейсе советские части ударом по западному берегу реки. Однако поспешно организованный контрудар натолкнулся на сильную противотанковую оборону и успеха не имел. В отражении контрудара приняли участие [517] 124-й отдельный танковый полк и 8-я самоходно-артиллерийская бригада 52-й армии. 124-й танковый полк к 14.30 16 апреля переправился через Нейсе и получил задачу поддерживать пехоту 111-й стрелковой дивизии. С 20.00–21.00 124-й танковый полк вступил в бой с контратакующим противником в районе Ней-Крауша и Гросс-Крауша. С 2.00 до 20.00 17 апреля полк отразил восемь атак и заявил об уничтожении 12 танков и 200 солдат и офицеров противника. 8-я самоходно-артиллерийская бригада также в середине дня 16 апреля переправлялась через р. Нейсе и получила задачу взаимодействовать с наступающей 111-й стрелковой дивизией. 1-м дивизионом бригада вечером 16 апреля наступала совместно с пехотой на Ней-Крауш, но успеха не имела. 2-й дивизион бригады наступал на Цодель, но был остановлен организованным огнем противника. Днем 17 апреля 1-й и 2-й дивизион отражали контратаки противника, а 3-й дивизион оставался в резерве. Фланг наступающей 52-й армии еще не успел растянуться и контратакующих немцев встретил плотный огонь танков и САУ. Однако и быстрого продвижения вперед у соединений советского 73-го стрелкового корпуса не получилось.

Механизированный корпус все дальше отрывался от основных сил 52-й армии. Прорвав тыловой рубеж обороны, он стремительно развивал наступление на запад. Одним из средств развития успеха стало «разворачивание» прорыва в сторону

флангов с перехватом путей отхода противнику, оборонявшемуся справа и слева от наметившегося прорыва. Резерв командира корпуса — 24-я гв. механизированная бригада расширяла прорыв в северо-западном направлении, а 57-я гв. танковая бригада — в юго-западном. Наступавшие в центре бригады, спокойные за свои фланги, быстро продвигались вперед. В 7.30 25-й и 26-й механизированными бригадами были захвачены Енкендорф и Уллерсдорф. Уже в 10.00 18 апреля 26-я гв. механизированная бригада на плечах противника ворвалась в Буххольц и завязала бой на восточной окраине Вейсенберга. Противник отходил в западном направлении на Баутцен и на юг. Мосты через р. Лобауер-Вассер были взорваны. Используя заранее заготовленные [518] своими саперными подразделениями сборные мосты, части корпуса навели две переправы в Вейсенберге и продолжили наступление на Баутцен по двум маршрутам. В боях за Вейсенберг части корпуса потеряли 52 человека убитыми, 230 ранеными, 8 танков и САУ. Передовые отряды корпуса, разгораживая и обходя баррикады на магистралях, к концу дня практически вплотную подошли к Баутцену. Неприятным моментом стало возрастание активности авиации противника, значительные силы которой еще оставались в распоряжении командования группы армий «Центр». После форсирования р. Лобауер-Вассер, начиная с 15.30 и до темноты авиация противника группами по 15–20 самолетов Ю-87 и ФВ-190 штурмовала части мехкорпуса И. П. Корчагина. Заявки на прикрытие истребителями остались неудовлетворенными — авиация действовала преимущественно на направлении главного удара фронта.

Войска 52-й армии и 2-й польской армии в этот период поддерживали с воздуха 3-й штурмовой авиакорпус в составе 93 боеготовых Ил-2 и 181-я отдельная истребительная авиадивизия в составе 83 боеготовых истребителей Як-9. 52-й армии придавалась 307-я штурмовая авиадивизия 3-го штурмового авиакорпуса (50 самолетов), а 2-й армии Войска Польского — 308-я штурмовая авиадивизия того же корпуса [519] (43 самолета). 181-я истребительная авиадивизия должна была распределять свое внимание между двумя армиями. Кроме того, истребителям ставились задачи на штурмовку поля боя и ведение воздушной разведки. Обеспечение операции двух армий такими силами было, прямо скажем, недостаточным. Несколько сглаживало картину наличие в этом районе американской авиации. Так, ас-штурмовик обер-лейтенант Август Ламберт,

командир эскадрильи штурмовой эскадры SG77, был 17 апреля сбит «Мустангами» над Хойсвердой.

По следам 7-го гв. мехкорпуса как нитка за иголкой навстречу своей не очень счастливой судьбе двигалась пехота 254-й стрелковой дивизии 52-й армии. Дивизия 18 апреля продвинулась на 20 км. Левофланговые дивизии 73-го стрелкового корпуса не смогли развить таких темпов и остались на рубеже, пройденном 7-м гв. мехкорпусом 17 апреля. Кроме того, 73-й стрелковый корпус постепенно разворачивался фронтом на юг, прикрывая пространство между вырвавшимися вперед соединениями и оставшимся неподвижным центром и правым флангом армии. 373-я стрелковая дивизия 78-го стрелкового корпуса практически не сдвинулась с рубежа Нейсе и вела бои за город Пенцих.

2-я польская армия 18 апреля овладела узлом сопротивления в городе Ниски и тем самым завершила прорыв второй полосы обороны противника. Совместно с пехотой вторую полосу обороны прорывали танкисты 1-го польского танкового корпуса. К исходу дня танковые бригады продвинулись на 10–15 км, оторвавшись от стрелковых соединений на 5–6 км. Польская пехота продвинулась за день на 9 км.

Город Баутцен, являвшийся крупным узлом дорог на подступах к Дрездену, был превращен немцами в сильный опорный пункт. Город имел три кольца оборонительных сооружений с системой минных заграждений. На улицах города и на подходах к нему были возведены железобетонные, каменные и деревянные баррикады толщиной до 2 м и высотой до 2,5–3 м. Дома, улицы, а также узлы обороны были соединены между собой хорошо укрытыми ходами сообщений и окопами полного профиля. В каменных оградах были сделаны [520] амбразуры для фаустников и пулеметчиков. Город обороняли четыре батальона фольксштурма и 1459-й крепостной батальон. Гарнизон насчитывал примерно 1600 человек. Оставленные в Баутцене тыловые подразделения «Фрундсберга» взорвали обездвиженную из-за отсутствия горючего технику и отошли на Дрезден.

С рассветом 19 апреля части 7-го гв. механизированного корпуса и 254-й стрелковой дивизии, охватив Баутцен с северо-запада, востока и юга, начали штурм города. Только к 19.00 после ожесточенных боев за окраины части корпуса ворвались: 26-я гв. механизированная бригада — в северную, 24-я гв. механизированная бригада — в восточную, 25-я гв. механизированная бригада — в

южную окраины города. Мотопехота корпуса очищала дом за домом от фаустников, снайперов и пулеметчиков. К 5.00 20 апреля Баутцен был полностью окружен, была также захвачена переправа через р. Шпрее в западной части города.

Левофланговые соединения ударной группировки 52-й армии (213, 50 и 111-я стрелковые дивизии) тем временем попали под новый немецкий контрудар. Предназначался он для 7-го гв. механизированного корпуса, но к тому времени корпус уже ушел далеко на запад. Поэтому контрудар в районе Кодерсдорфа 19 апреля приняла на себя 213-я стрелковая дивизия 73-го стрелкового корпуса. Дивизия была оттеснена к северу и выбита из захваченного на второй день наступления 7-м гв. мехкорпусом Зерихена. В связи с этим весьма странно читать приведенное в истории «Германа Геринга» донесение начальника штаба дивизии майора Эбеля о встрече в 2 км к востоку от Кодерсдорфа с крупным танковым соединением в маршевых колоннах. Немцы идентифицировали соединение как 1-й польский танковый корпус и заявили об уничтожении 17 «Пантерами» 43 советских танков в течение 20 минут. Еще 12 танков были захвачены, включая 4 ИСа. Позднее эти якобы ИСы использовались с «балочными крестами» на башнях. Полоса 2-й армии Войска Польского была значительно севернее Кодерсдорфа. Польский 1-й танковый корпус еще 18 апреля вышел в район Обер Прауске, далеко к северо-западу от Кодерсдорфа. Пехоту 52-й армии [521] поддерживал всего один танковый полк, причем вооруженный не ИС-2, а Т-34. К началу сражения 124-й отдельный танковый полк насчитывал много меньше 43 машин — 19 танков Т-34–85. Именно он был вероятным противником «Пантер» дивизии «Герман Геринг». 124-й танковый полк 19–21 апреля двумя танками занимал засады у Гросс-Крауша, т.е. к востоку от Кодерсдорфа, еще пять танков были резервом командира дивизии. Одним словом, рассказ об одномоментной встрече с более чем полусотней советских танков представляется выдумкой. В лучшем случае противником «Пантер» дивизии «Герман Геринг» и трофеями немцев могли стать многочисленные СУ-76 52-й армии. Однако такие крупные потери советской стороной в этот день не отмечаются. Вместе с тем, несмотря на легкомысленные заявления о встрече с крупными массами советской бронетехники, немецкий контрудар замедлил наступление 52-й армии. Перешедшим в контрнаступление дивизии «Герман Геринг» и 20-й танковой дивизии удалось потеснить части 52-й армии на 3–4 км.

Поскольку 73-й стрелковый корпус застрял в районе Кодерсдорфа, командующий 52-й армией генерал-полковник К. А. Коротеев принял решение выдвинуть вперед 48-й стрелковый корпус З. З. Рогозного с левого фланга армии. Дальнейшая растяжка фронта была невозможна, и перегруппировка была осуществлена за счет прибытия высвободившихся в Восточной Пруссии соединений. Корпус З. З. Рогозного сдавал свои рубежи обороны 31-й армии и постепенно перевозился автотранспортом на направление немецкого наступления. На основании устного приказа командарма в подчинение штаба 48-го стрелкового корпуса также была передана 254-я стрелковая дивизия, ведущая уличные бои в Баутцене. Дивизия оторвалась от основных сил 73-го стрелкового корпуса, и управлять ею штабу корпуса было затруднительно. Так 254-я стрелковая дивизия стала передовым соединением 48-го стрелкового корпуса. Для переброски остальных дивизий корпуса Рогозного был задействован автотранспорт. В ночь на 19 апреля 116-я стрелковая дивизия сдавала позиции 62-й и 174-й стрелковым дивизиям 31-й армии. Следующей [522] ночью, т.е. 20 апреля, 294-я стрелковая дивизия сдала свою полосу обороны двум дивизиям 31-й армии и в 5.30 приступила к погрузке на автомашины. Погрузка закончилась в 9.00, и далее соединение перебрасывалось в район Вейсенберга через Ниски. Грузившиеся в автомашины солдаты и офицеры еще не знали, что им предстоит последнее окружение советских войск во Второй мировой войне.

Переброски автотранспортом частей 48-го стрелкового корпуса, по большому счету, просто запоздали. Крупная группировка немецких механизированных соединений в районе Герлица должна была так или иначе себя проявить. За первыми неудачными контрударами последовали более результативные. Противник постепенно наращивал численность предназначенной для контрудара группировки войск. После того, как определилось направление удара советских войск, немцы начали перегруппировки войск, симметричные произведенным советским командованием до начала операции. Из первой линии обороны в районе Пенцих, Лаубан за счет дополнительной растяжки фронта 6-й народно-гренадерской дивизии была выведена 72-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Хуго Бейсвенгера. 19 апреля к полю сражения подтянулась 17-я пехотная дивизия генерал-майора Макса Заксенхаймера. Она была снята с первой линии обороны из района Шенау (36 км юго-восточнее Бунцлау).

Дополнительным фактором, обусловившим успешность немецкого контрудара, стало появление у него северной «клешни». Советским наступлением дивизия «Бранденбург» была разорвана надвое. Под нажимом польских частей 1-й танко-гренадерский полк дивизии отошел на северо-запад и пропустил основные силы 2-й армии Войска Польского на запад. Далее полк сумел оторваться от преследования польскими частями и к 20 апреля вышел к Шпрее с востока в районе Боксберга. У стоявших на берегу Шпрее немцев было несколько альтернатив. 1-й полк «Бранденбурга» мог пытаться прорываться на западный берег Шпрее и двигаться дальше на запад. Однако к тому моменту 34-й гв. стрелковый корпус 5-й гв. армии занял крупный узел Гоейрсверду, Вейсвассер и перекрыл маршруты отступления на запад. Кроме того, на [523] путях отхода «Бранденбурга» действовал 1-й гв. кавалерийский корпус. Кавалерийские и стрелковые части продвинулись далеко вперед на западном берегу Шпрее. В лесисто-озерной местности контроль над узлами дорог делал перспективы прорыва немцев на запад крайне туманными. Задача прорыва была посильной для корпуса, но не для боевой группы на основе мотопехотного полка. Многообещающим выглядел прорыв на юг по кратчайшему расстоянию по восточному берегу Шпрее. Основные силы 2-й польской армии ушли на запад к Дрездену, и пронизать сравнительно слабые фланговые заслоны было уже намного проще. В итоге «бранденбургеры» из 1-го полка дивизии собралась в ударную группу на северном фланге советского наступления на дрезденском направлении. 2-й танко-гренадерский полк дивизии «Бранденбург» был в несколько лучшем положении. Он был сбит 73-м стрелковым корпусом 52-й армии с позиций на Нейсе, но отошел на юго-запад, объединившись с переброшенными Шернером на фланг советского наступления резервами. Фактически «Бранденбург» решал две задачи — соединялся в единое целое и облегчал задачу наступавшим с юга соединениям.

Утром 20 апреля собранные в районе северо-западнее Герлица дивизии перешли в наступление навстречу 1-му полку «Бранденбурга». Для руководства контрударом было использовано управление LVII танкового корпуса генерала танковых войск Фридриха Кирхнера. На правом фланге наступала 20-я танковая дивизия, на левом фланге — 17-я пехотная дивизия, во втором эшелоне — 72-я пехотная дивизия. Сильный контрудар против растянутого фланга 52-й армии принес немцам первый успех. На этот раз им удалось нащупать слабое место, разрыв между штурмующими

Баутцен 7-м гв. мехкорпусом с 254-й стрелковой дивизией и 116-й стрелковой дивизией. Наступающим удалось глубоко вклиниться с фланга в построение советских войск, овладеть Дизой, Кольмом и выйти к Шпройцу, перерезав дорогу Ниски — Бауцен. Перевезенная в район Вейсенберга 294-я стрелковая дивизия была фактически доставлена автомашинами в формирующееся окружение. [524]

Немецкий контрудар поставил в весьма щекотливое положение 8-ю самоходно-артиллерийскую бригаду. 19 апреля бригада сначала получила приказ на выдвижение на запад вслед наступающим на запад 7-му гв. механизированному корпусу и части сил 48-го стрелкового корпуса. Однако с полпути она была возвращена и вечером 19 апреля наступала на Зерихен с запада совместно с частями 213-й стрелковой дивизии. Встретив сильный огонь противника и оценив его силы в одну танковую дивизию, командир бригады принял решение поставить дивизионы в засады и готовиться к отражению контратак противника. В 7.50 20 апреля бригада получила приказ наступлением на восток содействовать захвату Зерихена и Кодерсдорфа. Командир бригады доложил, что наступать на танковую дивизию противника силами бригады СУ-76 с малочисленной пехотой нецелесообразно, но получил подтверждение приказа. Дискуссию прервали немцы, которые в 9.30 перешли в наступление после сильной артиллерийской подготовки. После отражения контратаки бригаде была подтверждена задача на наступление. В 16.00 20 апреля наступление СУ-76 все же состоялось, но вскоре было остановлено, и бригада отошла на исходные позиции. Вечером 20 апреля бригада занимала оборону в районе Эдерница, к западу от Зерихена.

Немецкому наступлению сопутствовал успех. Наступающие с юга соединения LVII танкового корпуса в течение 21 апреля установили связь с «Бранденбургом». Таким образом, основные силы 2-й армии Войска Польского и были отрезаны и фактически окружены. Однако увлеченный наступлением на Дрезден штаб польской армии совершенно оставил без внимания опасность и действовал так, как будто ничего не произошло. Между тем во время немецкого контрнаступления были разгромлены тылы и штаб 5-й польской пехотной дивизии, а также части советской 16-й танковой бригады. Окруженные части были практически уничтожены. Погиб командир польской 5-й пехотной дивизии генерал Александр Вашкевич, а из советской 16-й танковой бригады уцелел лишь только один батальон. [525]

Для организации противодействия немецкому контрудару был направлен начальник штаба фронта И. Е. Петров. Конев пишет: «...положение, сложившееся здесь, требовало внимания со стороны командования фронтом. По моему указанию в 52-ю армию и во 2-ю армию Войска Польского выехал начальник штаба фронта генерал армии Иван Ефимович Петров»{264}.

Инерция планов и стремление на запад имели место не только в польских, но и в передовых советских соединениях. Будучи уверен, что кризис на фланге 52-й армии будет вскоре преодолен, командир 7-го гв. механизированного корпуса снарядил два передовых отряда для продолжения наступления на запад. В состав первого передового отряда вошел мотострелковый батальон 26-й гв. механизированной бригады, 2 танка Т-34, батарея СУ-76, батарея противотанковых пушек, рота 82-мм минометов и взвод саперов. Второй передовой отряд составили мотострелковый батальон 25-й механизированной бригады, 2 танка Т-34, батарея ИСУ-122, батарея противотанковых пушек, рота 82-мм минометов и взвод саперов. Как мы видим, состав передовых отрядов был схожим и включал в себя все рода войск. В 12.20 21 апреля передовые отряды выступили в направлении Дрездена. Передовые отряды должны были захватывать важные рубежи на направлении наступления корпуса, искать просветы в построении войск противника. До того, как в тот или иной пункт выдвигались резервы или успевали отойти разбитые немецкие части, даже пара Т-34 и батарея самоходок могли сыграть решающую роль.

И. С. Конев отреагировал на немецкий контрудар приказом командующему 52-й армией выдвинуть на участок Штоктейх, Ниски две истребительно-противотанковые артиллерийские бригады. Это боевое распоряжение было отправлено в 3.10 22 апреля, а в 3.45 последовала телеграмма с приказом нанести удар силами 7-го гв. механизированного корпуса и 1-го польского танкового корпуса из района севернее Баутцена [526] на Гросс-Радиш через Барут. Тем самым только что наступавшие на запад советские и польские танковые части разворачивались на 180 градусов и наносили контрудар с запада на восток во фланг LVII танковому корпусу противника. Одновременно армии на дрезденском направлении получили долгожданную поддержку авиации. Для отражения немецкого контрудара 52-й и 2-й польской армиям штабом фронта выделялись 3-й штурмовой, 2-й истребительный авиационный корпуса, а также часть сил 6-го гвардейского и 4-го бомбардировочных корпусов.

Тем временем 52-я армия вела оборонительные бои на всем своем фронте. 21 апреля вслед за другими соединениями 48-го стрелкового корпуса последовала 214-я стрелковая дивизия, перевозившаяся автотранспортом в район Ниски. К утру 22 апреля на фронте 52-й армии сложилась следующая обстановка. 214, 116 и 111-я стрелковые дивизии вели бои на рубеже Шпройц, Енкедорф, кол. Вильгельминенталь, окаймляя правый фланг немецкого вклинения. Здесь же действовали 124-й танковый полк (8 танков, район Шпройца) и 8-я самоходно-артиллерийская бригада (район Кана). 294-я стрелковая дивизия полковника Г. Ф. Короленко занимала оборону фронтом на восток на рубеже Зерка, Вейсенберг, Занд-Ферстген. Коммуникации вырвавшихся вперед 7-го гв. механизированного корпуса, 254-й и 294-й стрелковых дивизий были перерезаны.

Для нормализации обстановки на дрезденском направлении командованием 1-го Украинского фронта был спланирован контрудар по флангам вклинившейся группировки противника. Сложившееся критическое положение заставило развернуть часть сил 7-го гв. механизированного корпуса И. П. Корчагина на 180 градусов. Он утром 22 апреля получил задачу: «силами двух бригад и полком ИСУ-122 нанести немедля удар на Диза кратчайшим расстоянием. О начале наступления донести. В последующем информировать через 3–4 часа»{265}. С 7-м гв. механизированным корпусом должен [527] был взаимодействовать 1-й танковый корпус Войска Польского. С северо-востока на Диза навстречу танковым частям должны были наступать 214, 116 и 111-я стрелковые дивизии 52-й армии. Несколько позднее задача была подтверждена и назначено время наступления — 13.00.

Для действий в районе Вейсенберга И. П. Корчагиным был собран отряд, который возглавил заместитель командира корпуса генерал-майор Максимов. В состав отряда вошли 25-я гв. механизированная бригада с 355-м гв. тяжелым самоходным артполком, 57-я гв. танковая бригада с 1820-м самоходным артполком, артиллерийские части. Всего в отряде генерала Максимова насчитывалось 2043 человека, четырнадцать танков Т-34, один ИС-2, двенадцать ИСУ-122, пять СУ-85, три БА-64, шесть бронетранспортеров, одиннадцать 76-мм пушек, девять 37-мм зенитных пушек, четыре 120-мм и двенадцать 82-мм минометов.

Однако вместо пробивания коридора на восток отряду генерала Максимова пришлось отражать удары противника на восточной и северо-восточной окраинах

Вейсенберга. Наладить взаимодействие с польским танковым корпусом и совместными усилиями переломить ситуацию в свою пользу не удалось. В докладе, составленном по итогам боев в штабе 7-го гв. механизированного корпуса, ситуация описывалась следующим образом: «1-й ТК 2-й АВП, будучи полностью укомплектован, пытаясь выполнить приказ командующего фронтом, был остановлен заслоном противника в 13 танков и до батальона пехоты на рубеже р. Шпрее, откуда он в направлении Диза не продвинулся ни шагу, чем дал возможность [528] противнику свободно действовать из района Диза на Вейсенберг и на Баутцен»{266}.

Пассивность 1-го польского танкового корпуса 22 апреля объяснялась не трусостью, а самонадеянностью. Сформированная в самом конце войны 2-я польская армия спешила повоевать и захватить крупный немецкий город. По приказу командующего 2-й армией Войска Польского генерала К. Сверчевского 1-й польский корпус 22 апреля продолжал наступать на Дрезден. Польские части продвинулись на запад на 10 км. Лишь в полдень Сверчевский осознал грозящую армии катастрофу и дал распоряжение об отводе 1-го танкового корпуса от Дрездена, который форсированным маршем преодолел тот самый маршрут, по которому наступал утром этого дня. Корпус прибыл под Баутцен вечером, но с марша не мог овладеть ситуацией. Спешившим повоевать польским частям предстояло вкусить все сомнительные прелести войны с окружениями и боями без надежды на спасение. В тылу 2-й армии Войска Польского 22 апреля начиналась настоящая драма. Лишенные защиты пехоты, артиллерийские части пытались огнем прямой наводкой остановить атакующих немцев, неся огромные потери. Немецкое [529] контрнаступление стало причиной углубляющегося с часа на час хаоса. Стала давать сбои связь, войска получали противоречивые приказы или не получали их вовсе. Оказавшиеся без связи со штабом армии польские соединения к востоку от направления немецкого наступления фактически лишились управления. В расположение 7-й пехотной дивизии в районе Ниски добрался И. Е. Петров и начал лично руководить действиями соединения. Вскоре потерявшая связь со штабом своей армии 7-я польская пехотная дивизия была передана под управление командующего 52-й армии.

Тем временем обстановка в районе Вейсенберга и Баутцена неуклонно ухудшалась. Все больше досаждала советским войскам активность в районе Вейсенберга

авиации противника. От налетов немецкой авиации с 12.00 до 15.0022 апреля части 7-го гв. мехкорпуса в Вейсенберге потеряли 6 Т-34, 3 СУ-85 и 110 человек личного состава. Столь высокие потери от ударов с воздуха объясняются тем, что на герлицком направлении действовали противотанковые Ю-87 под командованием Ганса-Ульриха Руделя. Он писал об этих боях: «Обычно мы взлетаем с Куммерского аэродрома рано утром силами четырех или пяти противотанковых самолетов. Нас сопровождают двенадцать-четырнадцать истребителей ФВ-190, несущих бомбы и в то же самое время играющих роль эскорта»{267}. Штурмовики Г.-У. Руделя в этот период объединялись в боевую группу, названную его именем (Gefechtsverband Rudel). В нее входили штаб, II и III группы штурмовой эскадры SG2 на самолетах Ю-87 и ФВ-190, 10-я (противотанковая) эскадрилья штурмовой эскадры SG2 на Ю-87 и I группа штурмовой эскадры SG77 на ФВ-190. Кроме того, в самом Герлице базировалась 10-я (противотанковая) эскадрилья штурмовой эскадры SG77 на Ю-87.

К вечеру 22 апреля обстановка еще больше ухудшилась. Продолжавший наступать на юг 1-й полк «Бранденбурга» вышел в район Вейсенберга. В 19.15 немцами была взломана оборона 857-го полка 294-й стрелковой дивизии к северу от [530] Вейсенберга. Далее они начали вести разведку в направлении к Вюршену, стремясь перехватить дорогу, связывающую Вейсенберг и Баутцен. По приказу командира 7-го гв. механизированного корпуса отряд генерала Максимова в 20.30 провел контрудар, на время отбил Вюршен и предотвратил разделение корпуса надвое. Однако опасность не была полностью устранена. С юго-востока к Вейсенбергу подходил 2-й танко-фенадерский полк «Бранденбурга».

В ночь на 23 апреля в удержании шоссе между Баутценом и Вейсенбергом принял участие командующий 48-м стрелковым корпусом З. З. Рогозный. Он приказывает командиру 294-й стрелковой дивизии частью сил оборонять Вейсенберг, а частью сил пробиваться в направлении Баутцена для соединения с частями 254-й стрелковой дивизии. Для выполнения этой задачи командиром 294-й стрелковой дивизии был выделен 859-й стрелковый полк. Полк сумел с тяжелыми боями пройти половину пути до Баутцена и ворваться в Вюршен. Однако дальнейшее продвижение полка было остановлено. Более того, с утра 23 апреля последовал фланговый контрудар противника из района Лауске, в результате которого 859-й стрелковый полк был отрезан от основных сил дивизии. В конце дня 23 апреля

командир дивизии принимает решение остановить прорыв в направлении Баутцена и вернуть 859-й полк, что и было сделано. Тем временем ситуация продолжала неуклонно ухудшаться. «Бранденбург» вклинился между Баутценом и Вейсенбергом. В этих условиях сохранить связь между отрядами 48-го стрелкового корпуса и 7-го гв. механизированного корпуса в этих двух городах было практически невозможно. Тылы 294-й стрелковой дивизии под воздействием сильного огня пехоты, артиллерии и танков противника и ударов с воздуха отошли на Баутцен. В результате вклинения противника между Вейсенбергом и Баутценом тыловые части 294-й стрелковой дивизии потеряли почти весь транспорт.

23 апреля было отмечено нарастанием кризиса на левом фланге 1-го Украинского фронта. В результате удара LVII танкового корпуса по сходящимся направлениям в районе Вейсенберга 48-й стрелковый корпус З. З. Рогозного был сбит [531] с занимаемого рубежа и расчленен на отдельные группы. 7-й гв. механизированный корпус удерживал двумя бригадами Баутцен, двумя бригадами — Вейсенберг и, выдвинув два передовых отряда на Дрезден, не мог активно противодействовать маневрам противника.

7-й гв. механизированный корпус и 254-я стрелковая дивизия 23 апреля отражали в районе Баутцена ожесточенные атаки противника. 20-я танковая дивизия генерал-майора фон Оппельн-Брониковски расширяла вклинение ударом на Бауцен с северо-востока, а дивизия «Герман Геринг» атаковала Баутцен с юга. 1-й польский танковый корпус постепенно оттеснялся от Баутцена в северном направлении. Надо сказать, что, пока развивался кризис в тылу 7-го гв. механизированного корпуса, 21–23 апреля непрерывно шли уличные бои в Баутцене. 24-я гв. механизированная бригада и 254-я стрелковая дивизия своими штурмовыми группами постепенно очищали город от разрозненных групп противника. Теперь предстояло удержать захваченное. В ночь с 23 на 24 апреля на южную окраину Баутцена была переброшена 24-я гв. танковая бригада в составе 8 Т-34 и 245 «активных штыков». На юго-восточной окраине заняли оборону саперный батальон 7-го гв. механизированного корпуса и 248-й понтонный батальон 83-й саперной бригады. Первые атаки «Германа Геринга» на Баутцен, предпринятые 24 апреля, были неудачными — в 1945 г. Красная армия умела закреплять достигнутое. Только к 17.00 была прорвана оборона понтонного батальона и группа из 7 «Пантер» и 9 бронетранспортеров вышла в тыл 24-й гв.

механизированной бригады. Под угрозой окружения бригада стала отходить к центру Баутцена. Прикрывали отход вооруженные трофейными фаустпатронами заслоны.

К 19.00 24 апреля мехбригада совместно с саперным батальоном корпуса организовали круговую оборону центра города. К 21.00 бригада и саперный батальон отошли в район заводов на севере Баутцена. К тому моменту 24-я гв. механизированная бригада имела 295 «активных штыков» и 2 Т-34. В сражавшихся в районе заводов фронтом на север 26-й гв. механизированной бригаде и 291-м гв. самоходно-артиллерийском [532] полку оставалось 87 «активных штыков», 1 Т-34 и 2 СУ-76.

И. Е. Петров настойчиво требовал от польских частей наступать на выручку корпусу И. П. Корчагина: «7-й гв. МК в тяжелом положении. Немедленно выдвигаться 1-му ТК (2-й АВП) в направлении 7-го гв. МК. Командующий фронтом разрешает, смотря по обстановке, использовать 8 ПД для взаимодействия с 14 ПД. Немедленно выслать обстановку». Однако попытка 1-го польского танкового корпуса пробиться к Баутцену с севера привела к встречному сражению с немецкими танками, в котором 2-я польская танковая бригада была окружена и понесла тяжелые потери в людях и технике.

Результативный контрудар противника на левом фланге войск 1-го Украинского фронта пока еще не заставил генерала Сверчевского полностью отказаться от наступления на дрезденском направлении. 2-я польская армия силами 5, 8 и 9-й пехотных дивизий продолжала продвигаться на запад, пройдя за 23 апреля 18 км. Однако 10-я и 7-я польские пехотные дивизии были по-прежнему отсечены от прорвавшихся [533] на запад польских соединений. Эти две дивизии развернулись фронтом на юг в районе Шпройца (к востоку от немецкого вклинения). Скорее всего, Сверчевский расценивал хаос в тылу своих войск как временное явление, вызванное стремлением немецких частей прорваться из окружения в плен к американцам. В какой-то мере такой подход был обоснованным: прорвавшись на юг, «бранденбургеры» ушли с коммуникаций польских войск. Однако даже пробивавшиеся на юг по тылам 2-й польской армии части «Бранденбурга» вскоре развернулись на 180 градусов и присоединились к контрудару LVII танкового корпуса.

Продвижение противника на глубину 20 км, окружение ряда частей и перехват коммуникаций 2-й польской армии заставил И. С. Конева принимать экстренные меры для выхода из крайне опасного положения. Дальнейшее продвижение противника по западному берегу р. Шпрее могло привести к выходу в район Шпремберга и выходу в тыл левофланговых армий фронта. В качестве противоядия был применен испытанный прием с разворотом войск на 90 градусов, если не на все 180 градусов от направления главного удара. Поскольку обе танковые армии к тому моменту были развернуты на северо-запад, на Берлин, замысловатые маневры поручалось выполнять общевойсковым армиям. Командующему 5-й гв. армией А. С. Жадову было приказано 33-й гв. стрелковый корпус с 14-й стрелковой дивизией 34-го гв. стрелкового корпуса использовать для наступления в общем направлении на Лоза, Угист, т.е. на восток. Войска А. С. Жадова 24 апреля должны были восстановить целостность фронта и установить непосредственную связь с частями польской армии.

Наступление 2-й польской армии по решению И. С. Конева приостанавливалось в приказном порядке. На дрезденском направлении 24 апреля предполагалось оставить только 9-я польскую пехотную дивизию, переходившую к обороне на широком фронте. 8-я пехотная дивизия возвращалась назад в район севернее Бауцена с задачей наступления навстречу частям 14-й стрелковой дивизии 5-й гв. армии. После установления контакта с войсками А. С. Жадова 8-я пехотная [534] дивизия должна была наступать на восток — на соединение с 7-й и 10-й польскими пехотными дивизиями. Последние, в свою очередь, должны были продвигаться на запад, стремясь установить контакт с наступающими на восток соединениями 2-й польской армии. 1-й польский танковый корпус и 7-й гв. механизированный корпус должны были наступать из района к северу от Баутцена на восток, во фланг двигающейся на север ударной группировке LVII танкового корпуса.

Реальное развитие событий заставило отклониться даже от этого разработанного на лету плана. Место 8-й польской пехотной дивизии в составе группировки, пробивающей коридор к своим, заняла 24 апреля 5-я польская пехотная дивизия. Она наступала из района Каменца на Луппа. После встречного боя с частями 20-й танковой дивизии, наступающей на север по дороге в лесах на Кенигсварту, польская дивизия вышла на рубеж Радибор, Кенигсварта. Соответственно в районе Радибора она установила связь с 1-м польским танковым корпусом, а в районе

Кенигсварты — с 95-й стрелковой дивизией 33-го гв. стрелкового корпуса 5-й гв. армии. Гвардейцы А. С. Жадова прибыли как раз вовремя и остановили в озерных дефиле в лесах к северу от Баутцена наступление 20-й танковой дивизии, дивизий «Герман Геринг» и «Бранденбург». Фактически части 5-й гв. армии стали связкой между наступающими навстречу друг другу польскими соединениями. Польская 10-я пехотная дивизия наступала вдоль дороги Вейсвассер — Баутцен, 7-я пехотная дивизия 24 апреля в наступление не переходила. Также не смог развить наступление и вел бои оборонительного характера 1-й польский танковый корпус.

Поскольку перспективы деблокирования окруженных в Вейсенберге частей 7-го гв. механизированного корпуса были туманными, И. П. Корчагин принимает решение на прорыв своими силами. В 20.40 23 апреля он отправляет командиру вейсенбергского отряда генералу Максимову шифровку с приказанием пробиваться на соединение с основными силами 52-й армии. Отряду предписывалось в 3.00 24 апреля выступить из Вейсенберга в направлении на Енкендорф, где [535] соединиться со 116-й стрелковой дивизией. С собой прорывающиеся должны были взять всю технику и раненых медсанбата.

Отразив ночную атаку противника, в 6.15 24 апреля отряд генерала Максимова при поддержке 3 танков и 4 ИСУ-122 начал прорыв через Дизу на Енкендорф. На полпути к Дизе отряд был окружен и, как написано в отчете штаба 7-го гв. механизированного корпуса, «большая часть личного состава, самоотверженно выполнявшая задачу в бою за соединение со стрелковыми частями 52 армии, — погибла и только 30% пробились на Ниски — соединились с нашей пехотой утром 25.4.45 года»{268}. В ходе попытки прорваться из окружения погибли: заместитель командующего корпуса Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Максимов, командир 25-й гв. мехбригады Герой Советского Союза гвардии полковник Дудка, начальник оперативного отдела штаба корпуса гвардии майор Удовицкий, начальник штаба 57-й гв. танковой бригады гвардии майор Шестаков, заместитель начальника политодела корпуса гвардии подполковник Савинов и многие другие. В боях за Вейсенберг корпус потерял 983 человека личного состава, 10 танков Т-34, 1 ИС-2, 6 ИСУ-122, 3 СУ-85, 3 БА-64, 6 бронетранспортеров, 20 орудий и 12 минометов.

Крестный путь прорыва из окружения также прошла 24 апреля 294-я стрелковая дивизия. В описании боевых действий 48-го стрелкового корпуса обстановка на 23

апреля характеризовалась следующим образом: «Отсутствие боеприпасов делает невозможным держаться дивизии дальше в окружении, кольцо окружения сжималось. Подбросить боеприпасы наземным путем было невозможно, поскольку все дороги были перерезаны противником. По воздуху также не представлялось возможным из-за неблагоприятных метеорологических условий. Тем более, наступающие с северо-востока части 116 и 214 СД, имеющие задачу наступать в направлении Вейсенберг, успеха не имеют, благодаря превосходящей силе противника как в живой силе, так и технике [536] и его активных действий»{269}. Более чем странно читать такие строчки в отношении событий конца апреля 1945 г. Привычнее такие эпизоды ассоциировать скорее с начальным периодом войны. Характерно, что в своей саге «Полководец» об И. Е. Петрове писатель Владимир Карпов предпочел не рассказывать об окружениях и серьезном кризисе, с которым пришлось столкнуться «гению обороны». Вместо этого В. Карпов уделил большое внимание событиям на берлинском направлении, к которым И. Е. Петров имел опосредованное отношение. Доставшаяся И. Е. Петрову трудная и неблагодарная работа по выходу из кризиса на дрезденском направлении выпала из поля зрения В. Карпова.

Во второй половине ночи с 23 на 24 апреля командир 294-й стрелковой дивизии Г. Ф. Короленко принял решение прорываться из Вейсенберга на соединение с частями 116-й стрелковой дивизии. Утром 24 апреля части дивизии совместно с отрядом 7-го гв. механизированного корпуса атаковали передний край противника и прорвали кольцо окружения. Пехотинцам повезло больше, чем танкистам. К 15.00 того же дня 294-я дивизия вышла к своим в полосе 116-й стрелковой дивизии. Потери соединения в боях за Вейсенберг с 20 по 24 апреля 1945 г. составили 1358 человек (105 человек убитыми, 215 ранеными и 1038 пропавшими без вести). В ходе прорыва 24 апреля погиб командир 857-го стрелкового полка 294-й стрелковой дивизии Б. М. Франкель. В журнале боевых действий Верховного командования вермахта последний раз прозвучали победные нотки: «Вейсенберг снова освобожден от противника. Захвачены многочисленные трофеи»{270}. По немецким данным, в ходе контрудара ими было захвачено около 800 пленных.

Управление штабом корпуса 294-й стрелковой дивизией в условиях окружения было отрицательно оценено руководством. Ответственность возложили на командира корпуса З. З. Рогозного. Ему было поставлено в вину то, что он «не

доложил командованию армии о принятом решении, в результате [537] не была должным образом организована помощь частям дивизии, пробивающимся из окружения, что повлекло за собой значительные потери в личном составе и оставление материальной части». Проще говоря, прорыв проходил без встречного деблокирующего удара. За допущенные промахи в руководстве прорывом дивизии из окружения генерал Рогозный был отстранен от занимаемой должности и направлен в распоряжение Военного совета 1-го Украинского фронта. Вместо него был назначен генерал-лейтенант А. А. Гречкин.

После выдавливания частей 7-го гв. механизированного корпуса и 254-й стрелковой дивизии в район заводов на севере Баутцена, дивизия «Герман Геринг» продолжила наступление на север вдоль «Рейхсштрассе № 96». «Бранденбург» и 20-я танковая дивизия охватывали Баутцен с востока. К 17.00 25 апреля части 7-го гв. мехкорпуса, находившиеся в Баутцене, насчитывали 8 Т-34, 1 СУ-76 и 390 человек «активных штыков». И. П. Корчагин принял решение пробиваться из окружения. Также с полпути от Баутцена к Дрездену выводились передовые отряды корпуса. Прикрываясь арьергардами, 25-я и 26-я гв. механизированные бригады отошли на север и соединились с частями 2-й армии Войска Польского и вернувшимися от Дрездена передовыми отрядами. В боях за Баутцен с 19 по 25 апреля 1945 г. корпус потерял 299 убитыми и 1215 человек ранеными, 24 Т-34, 4 бронетранспортера, 3 зенитных установки М-17, 9 орудий и 9 минометов.

Донесение штаба 52-й армии о состоянии 254-й стрелковой дивизии к 18.00 25 апреля была еще мрачнее, чем описание состояния 294-й стрелковой дивизии за двое суток до этого. Оно гласило:

«929 сп — роща юго-зап. Баутцен, южн. окр. [аина] Баутцен, ведет бой в окружении.

936 сп сев. — вост. окр. [аина] Баутцен, ведет бой в окружении.

933 сп — одним батальоном с подразделениями 107 и 110 сап. [ерных] батальонов удерживает переправу через р. Шпрее в районе сев. заводов в Баутцен, юго-вост. Тейхниц»{271}. [538]

Удержание Баутцена в таких условиях было бессмысленным и просто невозможным. В ночь с 25 на 26 апреля поредевшие бригады и остатки 254-й стрелковой дивизии заняли оборону фронтом на юг на пути продвижения противника вдоль

«Рейхсштрассе № 96». К утру сюда же подтянулись остатки вейсенбергского отряда, сведенного в одну 57-ю гв. танковую бригаду численностью всего 337 человек. Боеспособность бригады несколько повысили полученные из ремонта 15 танков.

Однако пытаться сдерживать немецкое контрнаступление измученными окруженцами и польской пехотой было бы неблагоразумно. К месту сражения подтягивались части развернутой на юг 5-й гв. армии. Командующему 5-й гвардейской армией было приказано выстраивать дугообразный фронт к северу от Баутцена. 14-й гв. стрелковой дивизии приказывалось овладеть Каменцом и примкнуть в этом районе левый фланг последней к частям 2-й польской армии. 95-я гв. стрелковая дивизия со 150-й танковой бригадой выводилась к утру 26 апреля на фронт Кёнигсварта, Сдир за центром 2-й армии Войска Польского. 78-я гв. стрелковая дивизия с двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками также была использована для подпирания польских дивизий. Она выдвигалась на рубеж за левым флангом 2-й армии Войска Польского. В качестве мобильного резерва строящейся обороны был развернут 4-й гв. танковый корпус. Корпус П. П. Полубоярова выдвигался на позиции за правым флангом 2-й польской армии в район Гойерсверды и Виттихенау, на маршруте вероятного наступления противника по «Рейхсштрассе № 96». Все эти меры вскоре сделали продолжение немецкого контрудара бесперспективным.

«Герман Геринг» и 20-я танковая дивизия продолжили наступление с утра 26 апреля к западу от «Рейхсштрассе № 96». 20-я танковая дивизия двигалась на левом фланге, «Герман Геринг» — на правом. Основной удар пришелся на польскую 8-ю пехотную дивизию, которая в связи с большими потерями солдат оставила позиции. Ввод в бой польского 1-го танкового корпуса и остатков польской 5-й пехотной [539] дивизии не изменил ситуацию. Немецкое наступление остановили части 33-го гвардейского и 4-го гвардейского танкового корпусов и в результате боев 26 апреля отбросили противника в южном направлении на 3–4 км. 27 и 28 апреля попытки немцев возобновить наступление успеха не имели.

29 апреля 24-й гв. механизированной бригаде и 254-й стрелковой дивизии пришлось отражать атаки противника. К действиям частей 2-й армии Войска Польского в этих боях вновь были серьезные претензии: «В момент наступления противника на оборону 24-й гв. мбр и 254 сд, в разгар боя пехота частей 8 и 9 пд

2-й АВП начала панически бежать из района: Хольшдубрау, Бока, Дробен на Кёнигсварта и далее на север. Частям корпуса и 254 сд, выставившим заград. отряды, удалось задержать и возвратить в оборону меньшую часть бежавших войск. Остальные возвратили в оборону ночью на 29.4.45 года от заград. отрядов, выставленных управлением корпуса на южной и юго-восточной окраинах Кёнигсварта и по южной границе озер севернее Кёнигсварта»{272}. Остатки 7-го гв. механизированного корпуса были выведены из боя 30 апреля, получали пополнение личного состава и техники. Линия фронта на дрезденском направлении оставалась практически неизменной до начала Пражской операции. Последнее немецкое контрнаступление на Восточном фронте закончилось. Однако волею судеб оно было нанесено на второстепенном направлении. Несмотря на тактические успехи, помешать прорыву главных сил 1-го Украинского фронта немцам не удалось.

29 апреля 1-я парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» была выведена из первой линии и 30 апреля переброшена в район севернее Дрездена. Здесь 1-я и 2-я парашютно-танковые дивизии были объединены под управлением корпуса «Герман Геринг». 3 мая корпусом как единым целым было предпринято наступление в направлении Берлина. Наступление было прекращено 5 мая, и обе дивизии отошли в район южнее Дрездена, где и капитулировали.

В своем последнем контрударе немцы в очередной раз [540] продемонстрировали разрушительную силу своих танковых войск. Попавшая в окружение в Бауцене 254-я стрелковая дивизия понесла в десятидневном сражении тяжелейшие потери. Согласно боевому донесению штаба дивизии № 00127 к 19.00 21.4 в соединении насчитывалось 4072 человека (офицеров 596, сержантов 945, рядовых 2531), 5 СУ-76, 76-мм дивизионных пушек — 15, 122-мм гаубиц — 15, 45-мм противотанковых пушек — 22, 120-мм минометов — 12, 82-мм минометов — 42. После боев в окружении дивизия сильно поредела. По боевому донесению № 00130 штаба дивизии к 17.00 30.4.45 г. в ней насчитывалось только 2484 человека (офицеров 452, сержантов 654, рядовых 1378), 76-мм дивизионных пушек — 9, 122-мм гаубиц — 9, 45-мм пушек — 9, 120-мм минометов — 11, 82-мм минометов — 29{273}. О тяжести боев красноречиво свидетельствует донесение командира дивизии, направленное в адрес командования 7-го гв. механизированного корпуса 21 апреля 1945 г.: «929 сп с 3/791 ап из окружения не вышел, по имеющимся данным, личный

состав полка погиб в первой (описка, правильнее «неравной»? — *А. И.)* схватке с врагом. Вместе с 929 сп было его знамя и знамя 791 ап»{274}. Сам командир 254-й стрелковой дивизии генерал-майор М. К. Путейко 21 апреля был тяжело ранен и умер от ран. Его сменил полковник В. В. Андрианов.

Бои под Бауценом стали одним из самых крупных (с точки зрения численности укомплектованных поляками частей) сражений польской армии во Второй мировой войне. Потери 2-й армии Войска Польского в этих боях можно характеризовать как тяжелые. Всего польские части потеряли 18232 человека: 4902 убитых, 10 532 раненых и 2 798 пропавших без вести. Было потеряно 205 танков и САУ.

В целом немецкое контрнаступление имело сугубо локальное значение. Бауцен и Вейсенберг находились далеко в стороне от направления главного удара 1-го Украинского фронта. В сущности, 52-я и 1-я армия Войска Польского выполнили свою задачу по обеспечению фланга основной [541] ударной группировки фронта. Они поглотили энергию удара крупных резервов противника, в буквальном смысле легли костьми на пути их движения к коммуникациям армий на берлинском направлении.

Обсуждение

Оценивая события начального этапа Берлинской операции в полосе 1-го Украинского фронта, можно без колебаний сказать, что И. С. Коневу вначале исключительно повезло. Немецким командованием было катастрофически неверно оценено направление главного удара советских войск. Вследствие этого резервы группы армий «Центр» были сосредоточены крайне неблагоприятно с точки зрения отражения наступления на котбусском и шпрембергском направлениях. На марш дивизий своим ходом из района Герлица до Шпремберга уже не было ни горючего, ни времени. Этот путь сумела проделать только дивизия «Фрундсберг». Остальные механизированные соединения, имевшиеся в распоряжении Шернера, смогли только нанести чувствительные удары по советской и польской пехоте на дрезденском направлении. [542]

Именно везение позволило Коневу отбросить первоначальный план операции и повернуть две танковые армии на Берлин. Если бы дивизии «Бранденбург», «Фрундсберг», «Герман Геринг» и 20-я танковая дивизия были сосредоточены в районе Шпремберга, а не в районе Герлица, события развивались бы куда

драматичнее. Выдвижение навстречу двум советским танковым армиям сильных механизированных соединений противника могло привести к большим потерям людей и техники, а также к замедлению взлома немецкой обороны. Появление на поле боя одного «Фрундсберга», двигавшегося на последних литрах горючего, позволило отделаться испугом — эсэсовская дивизия была просто обойдена и отдана большей частью на растерзание следующей за танковыми армиями пехоте. В случае выдвижения на поле сражения еще одной-двух танковых или танко-гренадерских дивизий привело бы к закрытию «окон», через которые 3-я и 4-я гвардейские танковые армии прорвались через Шпрее. Последствия очевидны — резкое замедление наступления и безнадежное отставание от 1-го Белорусского фронта. Но удача в апреле 1945 г. улыбнулась командующему 1-го Украинского фронта.

Счастливо избежав столкновения главных сил своего фронта с отравлявшими ему существование на протяжении последних двух месяцев соединениями Шернера, И. С. Конев позволил себе инициировать и продавить через высшие командные инстанции поворот на Берлин. При другой расстановке сил растягивать фланг и даже подставлять противнику тылы двух танковых армий было бы самоубийством.

Везение вполне определенно сказалось на потерях. Прорыв обороны противника на Нейсе и Шпрее, несмотря на отставание от графика, прошел сравнительно гладко. Потери личного состава войск 1-го Украинского фронта за период с 10 по 20 апреля 1945 г. составили:

Убитыми	6024 человека
Ранеными	25 204 человека
Пропавшими без вести	310 человек [543]
Заболело с эвакуацией в госпиталь.	2442 человека
Небоевые потери	467 человек
Итого	34447 человек{275}

Потери бронетехники войск И. С. Конева в начальный период Берлинской операции можно оценить как умеренные. Было безвозвратно потеряно 179 танков, 85 САУ всех типов, итого — 264 бронеединиц{276}.

Характер повреждений бронетехники фронта в этот период иллюстрирует статистика потерь 4-й гв. танковой армии (см. таблицу).

Потери танков и САУ 4-й гв. танковой армии в период с 16 по 22 апреля 1945 г.

Тип и марка машин	Всего повреждено	Безвозвратные потери	Из числа поврежденных					
			От артогня	От авиации	От мин	От фаустпатронов	Попало в ямы	По тех. неисправностям
Т-34–85/-76	120	61	91	2	3	20	1	3
ИС-2	12	2	10	—	—	1	—	1
ИСУ-122	5	1	2	—	—	—	—	3
СУ-100	18	6	15	—	—	2	—	1
СУ-85	2	1	1	1	—	—	—	—
СУ-76	13	5	12	—	—	1	—	—
СУ-57	21	7	18	—	—	3	—	—
Всего	191	83	149	3	3	27	1	8

ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 68–69.

Из таблицы видно, что наибольший вклад в потери танков и САУ вносил артогонь противника — на него приходится 75,5% потерь боевых машин. В очередной раз подчеркну, что под артогнем следует понимать не только полевую и противотанковую [544] артиллерию немцев, но и обстрел из орудий танков и САУ. Следующим по значимости фактором становятся фаустпатроны, на их долю приходится 14% потерь бронетехники армии Д. Д. Лелюшенко в первой фазе операции. Особенно неприятными последствиями попаданий фаустпатронов являлись пожар и даже взрыв танка или САУ. Из 27 поврежденных фаустпатронами боевых машин армии 22 были потеряны безвозвратно.

В целом операция на берлинском направлении развивалась достаточно успешно. Однако за поворот танковых армий на северо-запад неизбежно вскоре пришлось

расплачиваться на других направлениях. В ходе наступлений января — марта 1945 г. 1-му Украинскому фронту постоянно приходилось разворачиваться в сторону левого фланга под влиянием немецких контрударов. Раз за разом 3-й гв. танковая армия была вынуждена останавливать прорыв на запад и поворачивать на юг и даже на юго-восток. В Берлинской операции эта традиция была нарушена. Ни 3-я, ни 4-я гв. танковые армии не были развернуты на парирование кризиса, вполне привычно возникшего на левом фланге фронта. Обе танковые армии были словно мощным магнитом притянуты на Берлин. Оказавшимся на левом фланге фронта не самым сильным соединениям 2-й польской и 52-й армий пришлось пережить немало драматичных моментов, и они понесли тяжелые потери. Нет сомнений, что в случае следования стандартному сценарию на юг были бы повернуты части одной из танковых армий. В подобной ситуации сражение на дрезденском направлении развивалось бы без окружений, прорывов из него и тому подобных неподобающих для победителя ситуаций.

Кроме танковых армий Берлин притянул к себе основные силы ВВС 1-го Украинского фронта. 25 апреля стало днем наибольшей активности авиации фронта. Всего в течение этого дня соединения 2-й воздушной армии произвели 2577 самолето-вылетов. На бауценском направлении 157 самолето-вылетов было выполнено по контратакующим войскам противника, и всего 114 самолето-вылетов выполнили истребители на прикрытие боевых порядков своих войск. [545]

Как мы видим, большая часть самолето-вылетов досталась берлинскому направлению. Красноречивее всего об активности авиации противника свидетельствуют потери бронетехники 7-го гв. механизированного корпуса (см. таблицу). Авиация, которая обычно давала единицы потерь танков и САУ, оказалась ответственной за значительную часть потерянной корпусом И. П. Корчагина техники. 20,5% потерь от авиации следует признать рекордом даже с учетом того, что против 7-го гв. мехкорпуса действовали опытные экипажи-противотанкисты под руководством Ганса-Ульриха Руделя.

Потери 7-го гв. механизированного корпуса в период Бауценской операции

	Всего	От артогня	От авиации	От фаустпатронов
Т-34	79	54	16	9

ИСУ-122	16	14	1	1
ИС-122	1	—	—	1
СУ-85	8	—	2	6
СУ-122	2	—	—	2
СУ-76	11	5	5	1
Итого	117	73	24	20

ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1,д. 147, л. 83.

От немецкой авиации также пострадали СУ-76 8-й самоходно-артиллерийской бригады. В отчете по боевым действиям бронетанковых и механизированных войск 52-й армии при описании потерь бригады отмечалось: «СУ-76 сгорело от артогня и авиации — 29»{277}.

И. С. Конев массировал на берлинском направлении не только самые сильные маневренные объединения фронта, но и авиацию. На все цели механизированных и авиационных соединений не хватило. Поэтому произошло разделение ролей: [546] танки идут на Берлин, авиация бьет окруженцев в хальбском «котле». Попавшим под мощный немецкий контрудар корпусам пришлось выкарабкиваться из кризиса преимущественно своими силами.

Однако подарок судьбы в лице сосредоточенных на вспомогательном направлении резервов противника стал последним. В целом первоначальный план операции 1-го Украинского фронта полетел в тартарары уже в первые дни сражения. В сражении за «угловой столб» у Котбуса 3-я гв. армия потеряла драгоценное время. В итоге у Конева остался невеселый выбор между отправкой на Берлин малочисленных частей сильно потрепанной армии Лучинского, или потерей суток или даже двух на смену соединений 3-й гв. армии на дивизии 28-й армии. В первом случае был бы крепче заслон на пути окруженной группировки противника, а во втором — сильнее пехотная составляющая войск в Берлине. Конев предпочел не терять время и усилить прибывшей из резерва 28-й армией войска на окраинах Берлина, несмотря на низкую численность ее соединений.

По мере продвижения развернутых на Берлин армий, постепенно накапливалась задержка, ставшая для смелого плана И. С. Конева роковой. Сначала 3-я гв. танковая армия зацепилась за Барут-Цоссенский рубеж и потеряла сутки на бои в

лесисто-озерной местности. Командующий фронтом недооценил влияние сложной местности, дополненной инженерными сооружениями, на наступление армии Рыбалко. Тем временем LVI танковый корпус Вейдлинга отошел в Берлин и занял круговую оборону по периметру города. Вследствие этого на канале Тельтов соединения армии Рыбалко и Лучинского встретили не пустоту и даже не фольксштурмистов, а боеспособные части, пусть и потрепанные. На преодолении канала Тельтов снова было потеряно время. Уже 21 апреля надежда И. С. Конева стать покорителем Берлина развеялась как дым. Части и соединения 1-го Украинского фронта стали лишь второстепенными участниками боев за германскую столицу. [547]

Часть шестая.

Последний штурм

Хальбский»котел»

Разгром 9-й и части 4-й танковой армии немцев в «котле» к юго-востоку от Берлина стал одним из самых крупных сражений на окружение на советско-германском фронте. К сожалению, оно осталось в тени уличных боев за Берлин. Однако в районе к юго-западу от Берлина была окружена почти 200-тысячная группировка немецких войск, в которой на момент замыкания кольца окружения оставалось большое количество разнообразной военной техники, включая «Королевские тигры». В советских документах и исследованиях она обычно называлась франкфуртско-губенской, по имени рубежа обороны на Одере, который занимала значительная ее часть к началу Берлинской операции. В западной литературе бои окруженцев обычно связываются с названием деревни Хальбе, ставшей местом ожесточенных боев остатков окруженной группировки при прорыве из «котла» на запад. Привязку наименования «котла» к Хальбе считаю вполне целесообразной, так как именно здесь собрались части, отброшенные с фронта перед Кюстринским плацдармом, с позиций на Одере и с северного фланга наступления 1-го Украинского фронта.

Образование «котла». Предпосылками для окружения 9-й армии к юго-востоку от Берлина стал прорыв одерского рубежа войсками 1-го Белорусского фронта и выход на оперативный простор танковых армий 1-го Украинского фронта после

форсирования р. Шпрее. Для советского командования окружение 9-й армии было шагом в направлении упрощения задачи захвата немецкой столицы. Отсечение оборонявшихся на Одере и Нейсе войск противника от Берлина [548] означало их исключение из участия в уличных боях в самом городе.

Командующий 9-й армии Бюссе описывал происходившее следующим образом: «22 апреля кольцо вокруг трех корпусов 9-й армии замкнулось, когда противник перекрыл все проселочные дороги через Шпреевальд на юге, железную дорогу Люббен — Хальбе на юго-западе и озерные перешейки между Тёпитцем и Кёнигс-Вустерхаузеном на западе. Тотчас же войска 1-го Белорусского фронта перерезали и последний путь на запад, проходящий через Эркнер и южнее него. 5-й армейский корпус получил приказ, оставив небольшие силы на рубеже Нейсе и перекрыв переправы через Шпрее в лесном массиве Шпреевальд, создать новый оборонительный рубеж от северных окраин Люббена до Хальбе. 21-ю танковую дивизию корпуса, перешедшую в непосредственное подчинение армии, предполагалось перебросить на запад, к цепочке озер между Тёпитцем и Кёнигс-Вустерхаузеном, для охраны перешейков между озерами. Правда, там дивизия пробыла недолго и вскоре была отведена к цепочке озер Тёпитц — Прирос... Когда был получен приказ ОКХ о выходе из окружения, все необходимые приготовления, а именно отвод войск с Восточного фронта, уже шли полным ходом. Если бы эти меры были приняты после получения официального приказа, было бы уже поздно»{278}.

Надо сказать, что Бюссе несколько торопит события, говоря о замыкании кольца окружения уже 22 апреля 1945 г. Встреча двух фронтов произошла несколько позднее. 22 апреля между частями 3-й гв. танковой армии П. С. Рыбалко 1-го Украинского фронта и 8-й гв. армии В. И. Чуйкова 1-го Белорусского фронта еще оставался коридор шириной около 12 километров. На тот момент можно было говорить об окружении 9-й армии и части 4-й танковой армии только в форме перехвата наиболее важных коммуникаций.

Но нельзя не отметить, что 22 апреля командующие двух фронтов принимали срочные меры по предотвращению отхода крупных сил противника на Берлин, их блокированию [549] и уничтожению. Г. К. Жуков озаботился выходом в тыл соединениям 9-й армии немцев в период прорыва одерского рубежа обороны противника. Поначалу на Фюрстенвальде, в тыл XI танковому корпусу СС был

направлен 8-й гв. механизированный корпус. Однако когда переправы для корпуса армии Катукова к западу от Фюрстенвалвде уже были готовы, он был развернут для более глубокого охвата противника. Задача наступления на Фюрстенвальде была передана стрелковым соединениям. 21 апреля 69-й армии командующий фронтом приказал, изменив направление основного удара с западного на южное, с утра 22 апреля возобновить наступление в общем направлении на Фюрстенвальде, Бад Заров (директива № 00585/оп). Командующему 3-й армией 21 апреля была поставлена задача — переправившись через р. Одер на участке Гёритц, Лебус, продолжать марш в западном направлении и к 12.00 22 апреля сосредоточиться в районе Мюнхеберга (директива № 00582/оп). Одну стрелковую дивизию армии А. В. Горбатова с полком самоходной артиллерии было приказано направить в район Мюнхеберга форсированным маршем.

Конев не отставал от Жукова в стремлении быстрее замкнуть клещи вокруг 9-й армии противника. В 17.00 22 апреля командующий 28-й армии получил директиву Военного совета 1-го Украинского фронта, в которой было сказано следующее:

«Котбусская группировка противника отходит на Берлин. С целью не допустить в Берлин, окружить его совместно с частями 1 Белорусского фронта в лесу юго-восточнее и восточнее Берлин.

Приказываю:

Командующему 28 Армией две стрелковые дивизии поставить фронтом на восток на рубеже: Тойпиц, Гросс-Бештен, Кёнигс-Вустерхаузен, Бендорф.

Перехватить дороги, междуозерные дефиле прочной противотанковой и противопехотной обороной.

Главными силами, во взаимодействии с 3 ТА наступать на Берлин»{279}. [550]

Для 28-й армии этот приказ означал и поворот части сил от Берлина с занятием ими обороны фронтом на восток и юго-восток. В 23.30 22 апреля А. А. Лучинский поставил соединениям своей армии задачу на следующий день. Из состава 128-го стрелкового корпуса на Тельтов-канале оставалась только 61-я стрелковая дивизия. Она должна была во взаимодействии с 3-й гв. танковой армией форсировать канал. Две другие дивизии корпуса, двигавшиеся до этого на Берлин, разворачивались против котбусской группировки немцев. 152-я стрелковая дивизия должна была занять оборону на дугообразном фронте, правым флангом

опираясь на Миттенвальде, а левым — на озера. 130-я стрелковая дивизия должна была занять оборону фронтом на восток от Тойпица до Миттенвальде, прикрывая цоссенское направление. Избежали разворота против окружаемой 9-й армии соединения 20-го стрелкового корпуса. Их командующий армией планировал сосредоточить между Тельтовом и Миттенвальде. Задачей 48-й гвардейской и 20-й стрелковой дивизий было наступление на север через Штеглиц на Берлин. 22 апреля 3-й гв. стрелковый корпус армии Лучинского в этот период находился еще на марше и не мог облегчить положение своей армии, разрывающейся между зарождающимся «котлом» и немецкой столицей.

Тем временем к образованию периметра окружения прибавился еще один игрок. После захвата Котбуса войска 3-й гв. армии 22 апреля получили задачу наступать в общем направлении Котбус, Люббен, Вендиш-Бухгольц. Формально задачей армии В. Н. Гордова стало рассечение окруженной группировки противника надвое. Реально танковые армии Рыбалко и Лелюшенко в сражении на окружение почти не участвовали. Поэтому образование «котла» в основном легло на плечи общевойсковой армии. В то время как Бюссе перебрасывал соединения с Одера назад для построения обороны фронтом на восток, Гордов выстраивал симметричную им линию фронтом на запад. 76-й и 120-й стрелковые корпуса образовывали южный и западный фасы «котла». Ударную группировку составляли 21-й стрелковый корпус с 1-й артиллерийской дивизией прорыва, 8-м гв. минометным полком [551] и 25-й танковый корпус (без 175-й танковой бригады). 21-й стрелковый и 25-й танковый корпуса должны были наступать вдоль шоссе Котбус — Люббен и 24 апреля войти в район юго-западнее Люббена.

На наиболее опасное с точки зрения советского командования направление прорыва противника указывает расположение противотанкового резерва. В этой связи небезынтересно отслеживать перемещения противотанковой бригады 3-й гв. армии. На 23 апреля 7-я гв. истребительно-противотанковая бригада занимала оборону к северу от Котбуса. Прочность обороны советских войск на южном фасе образовывающегося «котла» была проверена уже 23 апреля. Немцами была предпринята попытка отбить Котбус. В ночь на 23 апреля противник силами до трех полков переправился на западный берег Шпрее юго-западнее Пейц и перешел в наступление на Котбус. Части 149, 127 и 253-й стрелковых дивизий встретили противника организованным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным

огнем. В 15.00 атака была повторена из района Скадов (4 км севернее Котбуса), но ее успешно отбили части 149-й стрелковой дивизии. 24 апреля вклинение противника в оборону 76-го стрелкового корпуса севернее Котбуса было ликвидировано.

Однако главная задача 3-й гв. армии лежала севернее, где постепенно выстраивались ее соединения фронтом на восток. В районе Люббена днем 23 апреля вела бои 197-я стрелковая дивизия. С целью усиления группировки на левом фланге армии в район Люббена 23 апреля перебрасывались 389, 329 и 58-я стрелковые дивизии. 389-я стрелковая дивизия выступила в 3.00, 58-я стрелковая дивизия вслед за ней в 7.00, и к вечеру они сосредоточились в лесах восточнее Люкау. Также в район Люббена были выдвинуты 2-я гв. гаубичная артиллерийская бригада и 3-я легко-артиллерийская бригада 1-й артиллерийской дивизии прорыва. Остальные части 1-й артиллерийской дивизии прорыва двигались совместно с частями 21-го стрелкового корпуса.

Заслон на кратчайшем пути отхода войск 9-й армии на Берлин 23 апреля выстраивался лоскутами частей 28-й армии. В назначенный район поначалу вышла только 152-я стрелковая [552] дивизия. Развернутая от Тельтова дивизия 646-м стрелковым полком по инерции все же вышла к Тельтову, а 480-м и 544-м стрелковыми полками завязала бои за Миттенвальде и вышла к Рагову (северо-восточнее Миттенвальде).

Загонщики. Выход на окраины Берлина основных сил 1-го Белорусского фронта совпал с решительными мерами против войск 9-й армии к юго-востоку от Берлина. 33-я и 69-я армии были перенацелены на наступление в юго-западном направлении. В разрыв между XI танковым корпусом СС и LVI танковым корпусом вводились 3-я армия и 2-й гв. кавалерийский корпус. Три армии и кавкорпус должны были отжимать немецкие войска дальше к югу, не позволяя им отступить в Берлин.

Уже вечером 22 апреля командующий 33-й армии получил указания Г. К. Жукова об изменении направления удара. Вместо наступления в обход Франкфурта-на-Одере 33-я армия должна была наступать на юго-запад, в направлении Беескова. В ночь на 23 апреля 38-й стрелковый корпус занял Франкфурт-на-Одере. На следующий день корпус был изъят из 33-й армии и перешел в резерв фронта.

Позднее он был введен в бой за Берлин в составе 3-й ударной армии. К вечеру 23 апреля 16-й и 62-й стрелковые корпуса 33-й армии вышли к каналу Одер — Шпрее и начали его форсирование.

Тем временем фронт обороны 9-й армии начал «схлопываться» за счет отхода с Одера на запад. В 13.00 23 апреля командование 9-й армии направило в штаб группы армий «Висла» телеграмму с подтверждением, что приказ об отводе войск с Одера и Нейсе получен, и доложило о предпринятых в связи с этим мерах:

«1. Вывод войск с Восточного и Северо-Восточного фронта на рубеж Бург — Бутцен — Швилох-зее — Шпрее в течение ночи 23/24 апреля.

2. V армейский корпус принимает на себя руководство действиями на всем южном участке правого крыла (Кёнигс-Вустерхаузен) до Бурга включительно.

V горный корпус СС — на восточном участке от Бурга до Керсдорфского шлюза (в 2 километрах к западу от Бризена). [553]

3. Высвободившиеся силы: 342-я пехотная дивизия, усиленная боевая группа 35-й полицейской дивизии СС (до сих пор действовавшая севернее Губена), одна боевая группа крепостного гарнизона Франкфурта (примерно два полка) — уже приданы XI танковому корпусу СС. Артиллерии нет.

4. Для создания ударной группировки в соответствии с новым планом предусматривается соединение с 12-й армией следующих частей: боевой группы 21-й танковой дивизии, 342-й пехотной дивизии, подразделений 35-й полицейской дивизии СС, бронированной группы на основе разведывательного батальона СС V горного корпуса (105-го разведывательного батальона СС гауптштурмфюрера Фуккера). Начало не позднее 25 апреля»{280}.

33-я армия 24 апреля форсировала канал Одер — Шпрее, продвинулась на 14–20 км и к 18.00 частью сил переправилась через Шпрее. Укрепленные районы, занимавшие часть полосы армии В. Д. Цветаева, перешли к преследованию. Однако УРы по своей структуре могли лишь следовать за отходящим противником.

Немецкие войска на восточном фасе формируемого «котла» пока еще могли сдерживать наступающие войска 1-го Белорусского фронта. О причинах медленного продвижения войск 33-й армии до 23.4.45 г. офицер Генштаба, подполковник Рыбак в своем письме маршалу Г. К. Жукову докладывал:

«Местность в районе действий армии (леса, реки и каналы) способствует обороне противника, который искусственно усилил заграждения (завалы, порча переправ), что создает затруднения при продвижении войск, кроме того, противник создал несколько линий оборонительных рубежей.

Малочисленность соединений и частей вследствие больших потерь. За время наступления армия потеряла убитыми и ранеными около 11000 человек, в результате чего в дивизиях полки имеют по четыре роты (два с[трелковых]б[атальона] численностью 30–45 человек в роте). [554]

Танков и авиации армия не имеет. Только 24.4.45 г. на участке армии начала действовать авиация (и очень удачно)»{281}.

Кольцо окружения вокруг 9-й армии и части 4-й танковой армии замкнулось 24 апреля. В 10.00 24 апреля в районе Бонсдорфа 71-я механизированная бригада 3-й танковой армии встретилась с 88-й гв. стрелковой дивизией 8-й гв. армии. На пути прорыва окруженной группировки противника в направлении Берлина был сразу же создан заслон. 24–26 апреля на выручку берлинскому гарнизону попытались пробиться части 21-й танковой дивизии, действовавшие на фронте Кёнигсвустер-Хаузен, Миттенвальде. Они были отражены силами 57-го отдельного тяжелого танкового полка и 16-й самоходной артиллерийской бригады 3-й гв. танковой армии во взаимодействии с 152-й стрелковой дивизией 28-й армии. 24 апреля все полки 152-й стрелковой дивизии развернули от Тельтова. Ведя наступательные бои и отражая контратаки, они стали выстраиваться в линию от Миттенвальде до Кикебуша. В распоряжении противника остались только шоссе и железная дорога, идущие по берегу озера.

Командующий войсками охраны тыла 9-й армии генерал-лейтенант Ф. Бернгард на допросе в советском плену дал численности попавших в «котел» войск следующую характеристику: «В окружении оказались остатки дивизий 11 тк СС, 5-го горнострелкового корпуса СС, 5-го армейского корпуса, части фольксштурма, различные тыловые подразделения. Я считаю, что в окружении оказалось до 50 000 человек боевого состава, до 10 000 фольксштурмистов. А вместе с тылами, я думаю, в окружении оказалось до 150 000 человек».

Берлинский магнит. 24 апреля 3-я гв. армия оказалась растянута на широком фронте на юго-западном фасе «котла» к югу от Шпрее. 287, 149, 127 и 253-я

стрелковые дивизии все еще действовали севернее Котбуса, очищая от противника берег Шпрее. Только 25 апреля из боя была выведена 253-я стрелковая дивизия и отправилась вслед за остальными частями 21-го стрелкового корпуса. Заслон на пути из «котла» на запад повторял изгиб Шпрее и его построение было начато [555] 24 апреля 120-м стрелковым корпусом 3-й гв. армии. 106-я стрелковая дивизия заняла Люббенау. 197-я стрелковая дивизия при поддержке 175-й танковой бригады 25-го танкового корпуса очистила от противника западную часть Люббена (до р. Шпрее). 329-я стрелковая дивизия выстраивала фронт по Шпрее севернее Люббена: заняла Краусник и Гросс-Вассербург. Остальные бригады 25-го танкового корпуса, 389-я и 58-я стрелковые дивизии сосредотачивались в районе к юго-западу и западу от Люббена в готовности к наступлению на Вендиш-Бухгольц.

Тем временем советская авиаразведка сообщала о том, что «в направлении на автостраду на район Фрейдорф — Хальбе двигается группировка противника численностью до 70 тысяч человек при поддержке артиллерии и до 200 бронеединиц»{282}. Можно себе представить состояние людей после длительных маршей, которым сообщили о накатывающем с востока «девятом вале» пробивавшихся из окружения немцев. Дивизии 3-й гв. армии, находившиеся не в блестящем состоянии к началу операции, были уже потрепаны в прорыве обороны на Нейсе и боях за Котбус. Теперь им предстояло выдержать сильный удар движимого отчаянием и многочисленного противника.

По обе стороны от Шпрее началась гонка. Маршевые колонны двигались на северо-запад. К западу от реки советские пехотинцы стремились выстроить сплошной фронт на пути прорыва противника. К востоку от реки выбитые из Котбуса и Форста немецкие дивизии стремились опередить своих оппонентов и выскочить из окружения. Более эффективным, конечно, было бы выстраивание заслона на пути окружаемых механизированными соединениями танковых армий и постепенная их смена на пехоту. Но немецкая столица словно магнит оттягивала на себя танковые и механизированные корпуса 1-го Украинского фронта. Грязная работа по сдерживанию пойманного в «котел» врага досталась стрелковым дивизиям. Они в изматывающих маршах выдвигались [556] для того, чтобы перекрыть все выходы из гигантской западни юго-восточнее Берлина.

Однако близость Берлина оказывала воздействие на обоих противников. 25 апреля Бюссе получил телеграмму из Ставки Гитлера следующего содержания:

«1. 9-я армия, прикрывая свой тыл и свои фланги атакой в направлении запада, устанавливает связь правым крылом вдоль автострады южнее Берлина с 12-й армией, атакующей из района Нимег — Бельциг в северо-восточном направлении на Лёвенбрух.

Участок Люббенау, Люккау, Даме необходимо удержать при любых обстоятельствах, для того чтобы создать для группы армий «Центр» возможность установления связи атакой с юга на север.

2. Действие 9-й армии является решающим для того, чтобы удалось отрезать вторгнувшиеся войска противника в оборонительную полосу города Берлин и освободить столицу рейха. Само собой разумеется, что для этой атаки подтягивается последний резерв и что войска, прикрывающие тыл и фланги атакующей армии, должны защищаться на своих позициях до последнего патрона»{283}.

Требование решить две задачи одновременно поставило Бюссе в тупик. Одну из задач явно нужно было игнорировать. Выбор был очевиден. Позднее командующий 9-й армией вспоминал:

«Преодолеть расстояние в 60 километров по прямой линии, чтобы соединиться с 12-й армией, к тому же через позиции северного крыла 1-го Украинского фронта, возможно было только в том случае, если бы этот бросок был осуществлен с предельной скоростью, чтобы противник не успел предпринять ответных мер. Для этого войскам пришлось бы идти день и ночь. К тому же для этого желательно было ослабить действия русской авиации и танков. Широкий лесной массив, тянущийся от Хальбе через Куммерсдорф к северным окраинам Лукенвальде, представлял единственную возможность [557] для этого. Тем более что 12-я армия получила разочаровывающее известие о том, что ей придется наступать не на восток, а северо-восток в направлении Беелитца. О броске навстречу больше не было и речи. Напротив, высшее руководство снова и снова приказывало, чтобы по завершении этого броска армия немедленно атаковала с тыла войска противника на южных окраинах Берлина. Штаб армии оставлял эти приказы без внимания и без ответа. Последовать им можно было бы только в том случае, если бы командование твердо хотело осуществить свое намерение бросить все оставшиеся в его распоряжении силы против русских. Таким образом, я пришел к решению вырваться из кольца

окружения под Хальбе и прорываться через лесные массивы южнее Беелитца»{284}.

Однако притяжение столицы оттягивало силы потенциальных спасителей частей 9-й армии. Как мы видим, вместо традиционного деблокирующего удара 12-я армия Венка должна была решать, прежде всего, задачу прорыва к Берлину. Оставленный выручать себя сам Бюссе должен был не только прорываться из окружения, но и ударить в тыл советским войскам на южных подступах к Берлину. Даже игнорируя приказ о действиях в направлении Берлина, Бюссе был вынужден приноравливаться не только к условиям местности, но и к поставленным перед Венком задачам.

В. Н. Гордов, конечно же, не обладал точной информацией о принятом Бюссе решении на прорыв на запад через Хальбе. Поэтому в поставленной войскам 3-й гв. армии задаче командующий стремился прикрыть максимально широкий фронт:

«76 СК решительно наступать силами 287 и 127 СД в общем направлении Люббен, Шлепциг, выйдя к исходу дня главными силами на рубеж: Гросс-Лейне, Кругау, Шлинциг.

120 СК прочной обороной рубежа Люббен, Вендиш-Бухгольц не допустить прорыва противника в юго-западном направлении. К исходу дня очистить восточную часть Люббен, Вендиш-Бухгольц. [558]

21 СК силами 58 СД занять рубеж Хальбе, Тарнов вдоль автострады, создать опорные пункты, не допустив прорыва противником на юго-запад на участке Тарнов, Нейендорф, силами 389 СД прочно прикрывать рубеж вдоль автострады и железной дороги»{285}.

Таким образом, «окно» у Хальбе должна была захлопнуть 58-я стрелковая дивизия. Она в 23.00 24 апреля выступила маршем из Дубэна (к западу от Люббена) в район Тойпица. Дивизия в середине дня 25 апреля заняла оборону на широком фронте от Тойпица до автострады. 170-й стрелковый полк занял Торнов и рассеял первую группу пытающихся прорваться на запад немецких пехотинцев. 270-й и 335-й стрелковые полки 58-й дивизии еще находились 25 апреля к югу от Хальбе, у Брандта и Ритца. Судя по дислокации войск на 25 апреля, В. Н. Гордов считал наиболее вероятным прорыв через Люббен вдоль автострады на юго-запад или из района к северу от Люббена в том же направлении. Поэтому только 58-я стрелковая

дивизия заняла оборону в районе Хальбе. 389-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне обороны к западу от Люббена, седлая шоссе у Кадена и Дубэна. 149-я стрелковая дивизия (армейский резерв) была перевезена на автомашинах в район Шенвальде. Противотанковый резерв, 7-я гв. истребительно-противотанковая бригада была переброшена во Фридрихсхов, к юго-востоку от Барута.

Прорыв 21-й танковой дивизии. Быстрее всего к выходу из захлопывающейся мышеловки могли подойти подвижные части, ранее входившие в состав котбусской группировки немцев. Это были разведывательный батальон «Фрундсберга» и части 21-й танковой дивизии. На начальном этапе сражения на окружение они были рокированы на северо-западный фронт «котла», в непосредственной близости к Берлину. Теперь они могли выполнить маневр на юг для прорыва из окружения. Именно они вышли к Хальбе первыми и должны были проложить путь к спасению остальным.

Удар механизированных частей немцев приняла на себя [559] 58-я стрелковая дивизия 21-го стрелкового корпуса. С 1.40 26 апреля начались атаки с целью прорваться через Хальбе на запад в направлении Массова. Ночные атаки немцев, проводившиеся силами одной-двух рот, можно расценить как разведку боем. Серьезный удар, преследовавший цель проложить путь на запад из хальбского «котла», последовал в 12.00. Ценой больших потерь немцам удалось потеснить 335-й стрелковый полк 58-й стрелковой дивизии в юго-западном направлении и пробить коридор в направлении Массова. На выручку 58-й стрелковой дивизии пришла 389-я стрелковая дивизия генерал-майора Л. А. Колобова, вышедшая к 18.00 26 апреля 1277-м стрелковым полком к Хальбе, 545-м стрелковым полком — в район Фрейдорфа.

Учитывая наличие в составе прорывающейся группировки противника танков, на направление немецкого прорыва были также выдвинуты противотанковые средства. В первую очередь это была 7-я гв. истребительно-противотанковая бригада. Одним из первых вышел в район Хальбе 26 апреля 320-й полк бригады. Двумя батареями он занял позиции в районе Фрейдорфа, на стыке между 545-м и 1279-м полками 389-й стрелковой дивизии. В 22.30 началась очередная атака прорывающихся из «котла» немцев при поддержке огня артиллерии и самоходных орудий. Под нажимом противника пехотинцы начали отходить, оставив

«противотанкистов» один на один с атакующим противником. Ситуация была достаточно распространенной для крупных сражений — устойчивость пехоты была в среднем ниже, чем у артиллеристов. Учитывая, что у частей 389-й стрелковой дивизии не было времени окопаться, их нерешительные действия легко объяснимы. Кроме того, противотанковые подразделения были разновидностью артиллерии, привыкшей смотреть в глаза врагу. Артиллеристы двух батарей 320-го гв. истребительно-противотанкового полка в течение пятичасового боя успешно отбили атаку противника. В качестве пехоты использовался взвод управления батареи. Об интенсивности боя и широком использовании стрелкового оружия свидетельствует расход боеприпасов 320-м полком: 120 [561] выстрелов к 76-мм пушке, 5500 винтовочных патронов и 4000 патронов к ППШ.

С целью не допустить прорыва через боевые порядки 3-й гв. армии В. Н. Гордов приказал в ночь на 27 апреля 21-му стрелковому корпусу силами 389-й и 58-й стрелковых дивизий овладеть Хальбе и Тейровым и прочно удерживать рубеж Хальбе, Тейров, Тойпитц, не допустив прорыва противника на юго-запад. 253-я стрелковая дивизия образовывала вторую линию обороны в районе Массова. 120-й стрелковый корпус занимал оборону южнее, по западному берегу Шпрее до Либенау.

Пережив шок первого удара, части 389-й стрелковой дивизии пришли в себя и в 4.00 27 апреля перешли в контратаку. К 17.30 1279-й полк вел бой за центр Хальбе, 1279-й полк занял перекресток шоссе с автострадой к югу от Хальбе. Так выход из хальбского «котла» вновь был перекрыт.

Генерал Бюссе впоследствии описывал этот прорыв так: «Первая попытка... выскользнуть из смыкающегося кольца и отходить на запад не удалась. Хотя танковая группа вышла к бреши у Хальбе, вопреки приказу она не стала ждать подхода пехоты, а занялась собственным спасением. Русские тут же снова заняли брешь, прежде чем пехота успела последовать за авангардом»{286}.

Однако здесь Бюссе немного лукавит. Он явно переоценил темпы выдвижения в район прорыва основных сил 9-й армии и недооценил воздействие на отходящие колонны советской авиации. Бросив танковые армии на Берлин, И. С. Конев направил против войск противника в Хальбском «котле» крупные силы авиации. Для содействия войскам 1-го Украинского фронта в ликвидации окруженной

группировки противника были привлечены 6-й гвардейский бомбардировочный, 4-й бомбардировочный, часть сил 1-го и 2-го гвардейских штурмовых, 6-й гвардейский и 2-й истребительные авиакорпуса. Это составляло около 70% всех наличных сил авиации фронта. Задачами авиации было не допустить прорыва и уничтожать противника на переправах [562] через реки Шпрее и Даме. В результате ударов с воздуха на дорогах, по которым двигались в район Хальбе немецкие части и соединения, образовались огромные пробки. Вследствие этого прорывом, образованным частями 21-й танковой дивизии, было попросту некому воспользоваться. Задержанные ударами с воздуха колонны не успели выйти к Хальбе и последовать как нитка за иголкой за танковым тараном. Бросившиеся навстречу свободе части были вскоре наказаны за презрение к судьбе товарищей. Осознавая опасность прорыва окруженного противника на тылы штурмующей Берлин группировки, И. С. Конев решился оторвать кусок из рядов штурмующих и бросить его навстречу прорыву. Распоряжением командующего фронтом 71-я механизированная бригада — резерв командующего 3-й гв. танковой армии, из района Малов была переброшена в район Цоссен, Шперенберг. Бригада была усилена двумя батареями СУ-100 из 1978-го самоходно-артиллерийского полка, дивизионом [563] РС из 91-го гвардейского минометного полка и батареей 1719-го зенитно-артиллерийского полка. К 12.30 27 апреля бригада вышла в район Шперенберг (южнее Цоссена) и заняла оборону фронтом на восток на рубеже Нейхов, Рехаген.

Однако высланная из Берлина бригада несколько опоздала. Первые атаки с запада последовали уже 26 апреля. Поэтому противодействие прорывающимся немецким частям было оказано пехотой 3-го гв. стрелкового корпуса 28-й армии и 68-й гв. танковой бригады 4-й гв. танковой армии. Танковая бригада активных действий не вела, находясь в резерве. После того как было выявлено движение противника в районе Барута, по решению командира бригады полковника К. Т. Хмылова она форсированным маршем в середине дня 26 апреля вышла в район Барута.

Дивизии 3-го гв. стрелкового корпуса выдвигались в большой спешке. 50-я гв. стрелковая дивизия в ночь на 26 апреля совершила 40-км марш из района Люккау. 152-й гв. стрелковый полк шел в голове колонны, и уже в 8.00 26 апреля с марша вступил в бой в 2 км севернее Барута. Вскоре в район Барута вышли 150-й и 148-й гв. стрелковые полки дивизии. 54-я гв. стрелковая дивизия комбинированным

маршем (походом и на автомашинах) из района Люккау вышла в район Цеша и Яхцен-Брюка около 12.00 26 апреля и перешла к обороне. 96-я гв. стрелковая дивизия после 50-км марша вышла в район восточнее Барута и с марша атаковала противника в лесу восточнее Барута. Выдвинутые в спешке соединения смогли во второй половине дня 26 апреля отразить первый натиск прорывающегося на запад противника. Танкистами 68-й танковой бригады были подбиты 3 САУ, 2 «Пантеры» и 1 «Тигр» (предположительно Pz.IV).

Рано утром 27 апреля боевая группа, созданная из частей 21-й танковой дивизии и 712-й пехотной дивизии, собралась в лесу к северо-востоку от Барута. Дивизии 3-го гв. стрелкового корпуса 28-й армии занимали оборону в районе шоссе Цоссен — Барут. В 7.00 после артиллерийской подготовки (!!!) немецкая боевая группа прорвалась к шоссе из леса Штатсдорф-Штааков и атаковала правый фланг 148-го гв. стрелкового полка 50-й гв. стрелковой дивизии. К 10.00 совместными [564] действиями 148-го и 150-го гв. стрелковых полков и 68-й танковой бригады прорывающаяся группа была большей частью отброшена назад. Группе немецких солдат и офицеров численностью около 200 человек удалось прорваться через железную дорогу и шоссе и углубиться в лес западнее. Эта группа была окружена и уничтожена частями 50-й гв. стрелковой дивизии в районе болота южнее Мюккендорф. Атакам 27 апреля подвергалась также оборона 54-й гв. стрелковой дивизии в районе Цеша.

В результате боя танки 68-й танковой бригады уничтожили 7 танков противника, захватили 8 танков «Пантера», 4 тяжелых орудия, 10 полевых орудий, 2 бронетранспортера и 111 автомашин. Также танкистами в плен было взято 670 солдат и офицеров противника. Собственные потери 68-й танковой бригады составили 1 танк сожженным и 1 подбитым, 6 человек убитыми и 29 ранеными.

Однако просто отразить удар противника было мало. Накопление в лесу Штатсдорф-Штааков крупных сил противника могло привести к успешному прорыву на запад в один из последующих дней. Поэтому в 22.45 27 апреля командующий 28-й армии приказывает: «3 гв. ск к утру 28.4.45 уничтожить или пленить разрозненные группы противника в лесах сев.-вост. Барут, между автострадой и шоссе Барут — Цоссен»{287}. Совместными действиями 50-й и 96-й гв. стрелковых дивизий лес Штатсдорф-Штааков был очищен от противника. За два дня боевых

действий в районе Барута в плен частям 3-го гв. стрелкового корпуса сдались около 3 тыс. немецких солдат и офицеров.

Так бесславно закончилась попытка самостоятельного прорыва из «котла» остатков 21-й танковой дивизии. Справедливости ради нужно сказать, что штаб соединения остался в окружении и позднее был пленен частями 3-й гв. армии.

Прорыв главных сил. Фактически на пути прорывающихся из окружения немцев стоял эшелонированный в глубину заслон. Первый эшелон составляли подразделения 389-й и 58-й стрелковых дивизий 3-й гв. армии, второй эшелон — [565] части 3-го гв. стрелкового корпуса 28-й армии и третий — 71-я мехбригада. Даже если кому-то удавалось проскочить этот трехслойный заслон, для соединения с 12-й армией Венка требовалось еще пронизать расположение 4-й гв. танковой армии. 28–29 апреля противник из района Тойпиц, Торнов, действуя мелкими группами, нащупывал слабые места в обороне 54-й и 55-й стрелковых дивизий 28-й армии и просачивался в лес западнее шоссе Барут — Цоссен. Здесь они были встречены частями 71-й механизированной бригады.

Тем временем верховное командование бомбардировало штабы 9-й и 12-й армий требованиями прорываться к Берлину. В телеграмме от 27 апреля 1945 г., адресованной командованию группы армий «Висла», 9-й и 12-й армиям, Кейтель писал:

«Битва за Берлин достигла своего кульминационного пункта. Спасти положение можно только при условии, если удастся быстро объединить 9-ю и 12-ю армии и немедленно бросить их в наступление на север и если усиленный корпус Штайнера будет продвигаться на Тегель»{288}.

Однако 27 апреля даже первый шаг на пути реализации этого плана — соединение 9-й и 12-й армий — не обещал быстрый успех. Группировка артиллерии на пути прорывающихся на запад окруженцев из армии Бюссе непрерывно усиливалась. С рассветом 27 апреля 321-й гв. полк 7-й гв. истребительно-противотанковой бригады снялся с занимаемого ПТОП и выступил для занятия обороны в районе северо-восточнее Хальбе. «Противотанкисты» должны были поддерживать огнем оборону 1277-го полка 389-й стрелковой дивизии. Времени на рекогносцировку уже не было — через 15 минут после выхода на позиции полк вступил в бой. Фактически батареи разворачивались под ружейно-пулеметным и минометным огнем

противника. Новая попытка прорваться через Хальбе была предпринята немцами в 22.30 27 апреля. После первой атаки немцев 1277-й стрелковый полк отошел за позиции артиллеристов. Бой в лесном массиве без пехотного [566] прикрытия создавал большие трудности для 100-мм пушек БС-3 полка. Возможность маневрировать тяжелыми орудиями была более чем условной. Приходилось рассчитывать на эффективность первого удара. Подпустив противника на 300–400 метров, артиллеристы открыли огонь и подбили шедший в голове прорывающейся колонны танк. Шедший за ним танк и бронетранспортеры сочли за благо отступить. Часть пехоты противника была перебита, часть — сдалась. Это были первые 250 пленных, захваченных «противотанкистами». 319-й полк 7-й гв. истребительно-противотанковой бригады к 20.00 28 апреля занял позиции к северу от Фрейдорфа.

За день частями 21-го стрелкового корпуса было захвачено в плен 1950 человек, 3 танка, 3 зенитных установки. Потери противника оценивались в 2500 человек, 5 танков, 3 САУ, более 700 автомашин и свыше 200 лошадей. Собственные потери 21-го корпуса составили 42 человека убитыми и 119 ранеными.

Упустив удачу с прорывом 21-й танковой дивизии, генерал Бюссе начал заново готовить войска к прорыву на запад. В 14.00 28 апреля все командиры корпусов и дивизий, кто смог, прибыли в штаб 9-й армии, расположившийся в лесничестве Хаммер. Генерал Бюссе и его начальник штаба Хельц ознакомили командиров соединений с обстановкой. После подробного обсуждения было принято решение в 18.00 начать прорыв на запад через Хальбе в сторону Биелитца, навстречу 12-й армии.

Деревня Хальбе представляла собой клочок застроенного пространства между двумя крупными лесными массивами. Через деревню проходили с северо-запада на юго-восток шоссе и железная дорога. Прорвавшись через Хальбе, остатки 9-й армии могли вновь углубиться в лес, где недостаток тяжелого оружия был не так чувствителен, и пробиваться дальше на запад.

Построение 9-й армии для прорыва было следующим:

XI армейский корпус СС должен был образовать и держать северный фас прорыва у Хальбе;

V армейский корпус отвечал за образование южного фланга прорыва; [567]

V горный корпус СС должен был прикрывать прорыв с востока и севера, а по мере его развития стать арьергардом;

21-я танковая дивизия осуществляла прикрытие с северо-запада. После образования прорыва она сворачивалась и следовала за V горным корпусом СС.

На этот раз окруженцы повторили попытку прорыва более крупными силами. Колонны немцев шли напролом из леса, что севернее Хальбе. Огонь открыли все батареи полка из орудий, пулеметов и автоматов. Немцы массами валились друг на друга, но продолжали двигаться вперед. Дальность вскоре была такова, что 100-мм орудия БС-3 прекратили огонь и далее батареи отбивали атаку ружейно-пулеметным огнем и гранатами.

Наконец последовала решающая атака утром 29 апреля. В 6.30 группа немцев, численность которой оценивалась с советской стороны в 2500 человек, при поддержке 12 танков и 27 бронетранспортеров нанесла удар прямо через деревню, обойдя тем самым заслон БС-3 в северной части Хальбе. Удар был достаточно сильным и артиллерийские позиции в районе Хальбе были оставлены. Правый фланг 321-го гв. истребительно-противотанкового полка был открыт. Орудия были развернуты, и полк открыл огонь по колоннам противника. В разгар боя из леса севернее станции вышли два танка и одна САУ. Выход на позиции БС-3 был плохим решением — с дистанции 400 м все они были подбиты.

В 23.00 29 апреля группа численностью около 1500 человек с танками и автомашинами вновь атаковала полк БС-3, стремясь вдоль деревни прорваться с востока на запад. К вечеру батареи 321-го полка почти полностью израсходовали запас патронов к личному оружию. В этой ситуации решающую роль сыграло трофейное оружие, в изобилии доставшееся от предыдущих групп прорывавшихся через Хальбе окруженцев. В распоряжении «противотанкистов» был 21 пулемет, большое количество автоматов, фаустпатронов и ручных гранат. Накрытые волной немецкой атаки батареи полка были изолированы друг от друга и поддерживали связь по радио и телефону. Весь личный состав полка переквалифицировался в пехоту и отбивался личным оружием, гранатами [568] и фаустпатронами. В бою также нашли применение ленд-лизовские бронетранспортеры из управления полка. Они сеяли смерть в нестройных рядах немцев огнем крупнокалиберных пулеметов.

* * *

320-й гв. истребительно-противотанковый полк поддерживал оборону 545-го стрелкового полка южнее Хальбе. Задачей противотанкистов и пехотинцев было не допустить прорыва противника вдоль шоссе Тейров — Фрейдорф. В 4.00 при поддержке редкого артиллерийского и минометного огня немцы перешли в атаку при поддержке бронетранспортеров. Под нажимом противника пехота отошла и оставила батареи без прикрытия.

Прорывающиеся были бедны артиллерией, дотянуть которую до Хальбе в условиях нехватки топлива и постоянных ударов с воздуха было почти нереально. Ее заменяли фаустпатроны, которыми наступающие вели огонь по артиллерийским позициям противотанкистов. Иногда им удавалось выводить пушки из строя. Бой вскоре стал походить на сражения наполеоновской эпохи: атакующие немцы наседали на батареи, обтекали их с флангов, а артиллеристы в ответ вели огонь из 57-мм противотанковых пушек ЗИС-2 картечью с дистанции в десятки метров. Как было написано в отчете 7-й истребительно-противотанковой бригады: «массы трупов противника валялись вокруг огневых позиций, а противник все продолжал наседать». Как тут не вспомнить Лермонтова: «Рука бойцов колоть устала, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел». Для контратаки был использован взвод управления полка при поддержке БТРа командира полка. К 7.00 утра положение было восстановлено вернувшейся на исходные позиции пехотой 545-го стрелкового полка.

В бою 29 апреля противотанкисты уничтожили до 420 немцев, сожгли два бронетранспортера и взяли в плен 250 солдат и офицеров противника. Собственные потери 320-го полка в бою 29 апреля можно оценивать как незначительные. Батареи потеряли 9 человек убитыми и 22 ранеными. Было повреждено пять автомашин, в том числе один «Студебеккер», четыре 76-мм орудия и одно 57-мм орудие. За время [569] боя было израсходовано к 76-мм пушкам: 642 осколочно-фугасных снаряда и 10 шрапнелей. Соответственно 57-мм пушки ЗИС-2 расстреляли 99 осколочных, 59 бронебойных, 40 подкалиберных, 18 картечных выстрелов. Использование подкалиберных боеприпасов, судя по всему, было вызвано нехваткой более подходящих для стрельбы по волнам немецкой пехоты боеприпасов.

Фактически идущие плотным потоком на прорыв немецкие соединения разделили оборону советских войск под Хальбе на несколько островков, которые держались в

бурном потоке ищущих спасения солдат и офицеров 9-й армии. 1277-й стрелковый полк 389-й стрелковой дивизии 29 апреля вел бой в окружении в 1,5 км западнее Хальбе. Ему на выручку в 17.00 выступил из Фрейдорфа 1279-й стрелковый полк.

В кратковременное окружение попадали не только пехотинцы, но и артиллеристы. 203-й гаубичный артполк 2-й гаубичной артиллерийской бригады в течение ночи на 29 апреля отбивал ожесточенные атаки пехоты и танков южнее Хальбе. К 8.00 полк был полностью окружен и отбивал атаки огнем гаубиц и личного оружия. Вскоре начал ощущаться недостаток боеприпасов. Управлением 2-й гаубичной артбригады была создана специальная группа, которая прорвалась в расположение полка на трофейной самоходке и доставила боеприпасы к стрелковому оружию.

Эти в целом нетипичные для артиллерии действия не были исключением. 3-й дивизион 98-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады также занимал позиции в районе Хальбе. Прорывавшиеся немцы окружили огневые позиции дивизиона. В течение шести часов артиллеристы вели бой 152-мм гаубицами на прямой наводке и личным оружием. Поспешное занятие позиций привело к тому, что поблизости не было артиллерийских частей средних и мелких калибров, которые могли бы оказать содействие тяжелым гаубицам. Артиллерийской поддержки прорывающиеся практически не имели, но у них была «карманная артиллерия» — фаустпатроны. От фаустпатронов дивизион понес большие потери в матчасти и технике, все восемь орудий были выведены ими из строя. [570]

Несмотря на понесенные под Хальбе потери, части сил 9-й армии все же удалось прорываться на запад. Следующим заслоном, который нужно было преодолеть пробивающимся из «котла» окруженцам, были позиции 3-го гв. стрелкового корпуса 28-й армии. По приказу генерала Лучинского 3-й гв. стрелковый корпус строил оборону в два эшелона. В первом эшелоне оборонялись 96-я и 50-я гв. стрелковые дивизии, 130-я стрелковая дивизия. Во втором эшелоне занимала позиции 54-я гв. стрелковая дивизия.

Вскоре оборона 3-го гв. стрелкового корпуса была проверена на прочность. Восточнее линии железной дороги и шоссе Барут — Цоссен сосредоточились значительные силы. В 8.00 29 апреля передовые части 9-й армии потеснили левый фланг 50-й гв. стрелковой дивизии и вышли к боевым порядкам второго эшелона соединения. Немецкие пехотинцы стремительным броском пересекли дорогу, а

затем, выйдя в тыл обороняющимся подразделениям, расширили прорыв к северу и югу. Образованный таким образом коридор был прикрыт на флангах пехотой. Несмотря на убийственный огонь артиллерии, минометов и пулеметов вдоль шоссе, окруженцы плотными колоннами пересекали его и углублялись в лес восточнее Куммерсдорфа.

Так же как под Хальбе, на рубеже обороны 3-го гв. стрелкового корпуса, отдельные части оказывались посреди потока прорывающихся частей противника. 29 апреля 10 танков 3-го танкового батальона 68-й гв. танковой бригады оказались в окружении в лесном массиве к северу от Мюккендорфа. Один Т-34 был вскоре потерян от попадания фаустпатрона, а другой — подбит «Тигром» из числа прорывающихся немецких подразделений. Командир батальона запросил у командира бригады помощи и к 3-му батальону в 1.00 ночи пробился 1-й батальон (8 танков). В 8.00 30 апреля в расположение батальонов вышел отряд немцев численностью около 200 человек и сдался в плен. К тому моменту батальонам уже сдались около 500 человек. При этом на каждый танк бригады приходилось по 2–3 автоматчика. Вскоре на позиции батальонов вышел отряд немцев численностью около 400 человек с 8 танками и САУ. От общей массы отделился полковник, [571] который через парламентера предложил русским сдаться в плен ввиду численного превосходства над ними своего отряда. Не дожидаясь окончания переговоров, отряд начал обтекать позиции танкистов. Началась перестрелка, «Пантера» отряда подбила один из Т-34. Батальоны начали отход. При этом 500 человек пленных неотступно следовали за отходящими танками. Два батальона вышли из окружения в район Нейхоф. В тот же период 2-й батальон 68-й гв. танковой бригады занимал засаду к востоку от Мюккендорфа. Действиями из засад были уничтожены 8 САУ противника, 4 бронетранспортера и колонна автомашин. К утру 30 апреля в район Мюккендорф прибыли части 395-й стрелковой дивизии 13-й армии. Совместными усилиями 50-й гв. стрелковой и 395-й стрелковой дивизий и 68-й гв. танковой бригады пробитый у Мюккендорфа коридор на запад был закрыт.

Те немецкие части, что не смогли прорваться через заслоны у Хальбе на запад, были частью уничтожены, а частью взяты в плен «загонщиками» — войсками 69-й и 33-й армий. Массовая сдача в плен началась уже в середине дня 29 апреля. [572]

Частями 33-й армии 29 апреля были захвачены в плен 7330 человек, в том числе командующий службой охраны тыла 9-й армии генерал-лейтенант Бернгард.

Трофеями армии В. Д. Цветаева стали 134 орудия разных типов, 540 автомашин, 15 тягачей, 150 мотоциклов и другое имущество и снаряжение. Соединения 69-й армии 29 апреля взяли в плен 17842 человека. Трофеи армии В. Я. Колпакчи были даже богаче, чем у соседа: 507 полевых орудий, 413 минометов, 3996 автомашин, 26 танков, 15 САУ, 182 трактора и 1621 мотоцикл.

30 апреля зачистка района Вендиш-Бухгольц и Хальбе была продолжена. 69-я армия вышла из боя, и зачисткой занимались войска 33-й армии. Мелкие разрозненные группы противника, скрывающиеся в лесах, после коротких перестрелок сдавались советским войскам. За день 33-й армией было захвачено в плен 3735 солдат и офицеров. Трофеями армии стали 175 орудий полевой артиллерии, 40 самоходных орудий, 1735 автомашин, 400 мотоциклов, 663 лошади и 2042 повозки.

Последними навстречу уходящей на запад группировке немецких войск были брошены из района Ванзее 61-я и 63-я гв. танковые бригады 10-го гв. танкового корпуса 4-й гв. танковой армии, а также 7-й мотоциклетный полк. Если быть точным, то 61-я гв. танковая бригада была выброшена к Биелитцу еще 29 апреля. Однако сдержать противника на широком фронте две потрепанные бригады не смогли. Всего прорвались из «котла» на запад, по немецким оценкам, от 30 до 40 тыс. солдат и офицеров 9-й армии и несколько тысяч сопровождавших их беженцев.

Обсуждение

Успех окружения 9-й армии был несколько смазан ослаблением заслона на пути пробивающихся из «котла» немецких войск. Основные силы 3-й гв. танковой армии и 28-й армии действовали в районе Берлина, поэтому воспрещению прорыва из окружения было уделено меньше внимания. 26 апреля два корпуса 28-й армии уже были втянуты в бои на Тельтов-канале под Берлином, и навстречу прорывающимся [573] немецким частям пришлось форсированным маршем выдвигаться в район Барута дивизиям 3-го гв. стрелкового корпуса.

Однако полноценному прорыву из окружения помешало отсутствие деблокирующего удара и развал управления окруженными войсками. В этом смысле интересна оценка командования 68-й гв. танковой бригады, сделанная в докладе, написанном по итогам боев в районе Барута:

«Обладая большими резервами живой силы и техники, командование 9-й армии могло бы при минимальных условиях организовать боевые порядки своих войск и добиваться успеха. Но здесь в тяжелых условиях ведения боя в окружении немецкая тактика потеряла свои достопримечательности и оказалась бессильной поднять дисциплину своих войск»{289}.

Существенную роль сыграло также «бесконтактное» уничтожение окруженных войск. И. С. Конев пытался выкроить силы для удара на Берлин за счет нацеливания на уничтожение окруженных немецких войск крупных сил авиации. На отдельных этапах в операции принимала участие большая часть авиации 1-го Украинского фронта. Приведу лишь некоторые цифры. В период прорыва оборонительного рубежа с 16 по 18 апреля 2-я воздушная армия 1-го Украинского фронта произвела 7517 боевых полетов (28% от всех запланированных). Обеспечивая маневр войск фронта по окружению группировки противника (с 19 по 25 апреля), воздушная армия произвела 10 285 боевых вылетов (39%). Поддерживая войска фронта в период ликвидации окруженных группировок немецких войск (с 26 апреля по 2 мая), 2-я воздушная армия произвела 8533 самолето-вылетов (33%). Для борьбы собственно с франкфуртско-губенской группировкой противника в период с 22 апреля по 1 мая воздушной армией был произведен 6001 самолето-вылет. Из этих 6001 вылета штурмовиками было сделано 2459 самолето-вылетов, бомбардировщиками 1131 самолето-вылет, истребителями 1858 самолето-вылетов и ночными бомбардировщиками 552 самолето-вылета. Авиацией 1-го Украинского фронта были [574] сброшены 4850 тонн бомб, выпущено 980000 снарядов авиапушек и 9200 реактивных снарядов. Соответственно 16-я воздушная армия 1-го Белорусского фронта выполнила по франкфуртско-губенской группировке немцев 1244 вылета. Однако помимо «бесконтактного» уничтожения окруженных немецких войск ударами с воздуха, естественно, пришлось вести «контактные» бои по периметру окружения.

Изменение численности дивизий 3-й гвардейской армии с 20 по 30 апреля 1945 г.

	Численность на 20.4	Численность на 25.4	Численность на 30.4	Пополнение с 20.4
58 сд	4882	3985	3555	750

106 сд	4434	4259	4150	750
253 сд	4344	3954	3787	500
149 сд	4291	3823	3958	750
287 сд	4897	4482	4392	500{~1}
127 сд	4048	3163	3210	1250
197 сд	4823	4329	3973	750
329 сд	4296	3548	3289	1250
389 сд	5319	4906	4175	600

{~1}занаряжено, но не получено

ЦАМО РФ, ф. 3 гв. А, оп. 4251, д.44, л. 200, 209, 213

Достаточно серьезными были потери «загонщиков», гнавших окруженные войска 9-й армии в направлении Хальбе.

Потери 33-й армии с 20 по 30 апреля 1945 г., пополнение и численность соединений к концу боевых действий

	Убито	Ранено	Всего	Пополнение за апрель	Численность на 30.4.45
323 сд	293	1687	1980	784	3017
339 сд	144	875	1019	583	3557
383 сд	181	861	1042	212	3515 [575]
222 сд	130	291	421	70	3524
362 сд	66	175	241	335	3712

95 сд	33	201	234	128	3832
49 сд	120	519	639	743	3472
115 УР	33	80	118	—	2574
119 УР	25	65	90	—	2933
Всего	1030	4754	5784	2855	

Потери войск 69-й армии с 20 по 30 апреля 1945 г.

	Убито	Ранено	Заболело	Небоевые	Всего
117 сд	219	912	30	30	1191
134 сд	291	1251	—	—	1542
247 сд	84	621	19	2	728
274 сд	243	1063	16	21	1343
370 сд	147	521	—	—	668
312 сд	190	558	—	—	748
4 сд	145	488	11	1	645
41 сд	311	644	5	—	960
77 сд	205	925	52	—	1182
Ост. части	261	701	83	22	1067
Всего	2096	7684	216	78	10074

ЦАМО РФ, ф. 426, оп. 10753, д. 1425, л. 137.

Динамику потерь 69-й армии можно видеть по следующей таблице. Как мы видим, 23 апреля еще наблюдалось упорное сопротивление, задерживавшее армию В. Я. Колпакчи в течение первых дней наступления. Затем потери снизились, так как 69-я армия перешла к преследованию отходящего противника. [576]

Потери 69-й армии с 23 по 29 апреля 1945 г.

	23.4	24.4	25.4	26.4	27.4	28.4	29.4
Убито	298	126	92	51	131	161	118

Ранено	1272	498	256	182	557	618	508

В целом можно сделать вывод, что армии-«загонщики» понесли в боях с окруженным в районе к юго-востоку от Берлина противником потери, сравнимые с потерями армий, штурмовавших Берлин. Это лишний раз показывает силу сопротивления окруженных войск. Их отвод на улицы Берлина мог привести к поистине катастрофическим для штурмующих город советских войск последствиям.

Венк и Штайнер спешат на помощь

Формирование 12-й армии. Когда в конце марта 1945 г. замкнулся рурский «котел», Гитлер приказал ОКВ сформировать новую армию на Эльбе, в районе Дессау и Виттенберга. Армия должна была формироваться из только что поставленных под ружье младших возрастов (17 и 18-летних) и персонала RAD. Существующей пока еще только на бумаге армии была поставлена задача:

«Собраться в Гарце, западнее Эльбы. Атаковать в западном направлении с целью освободить группу армий Б. Образовать цельный фронт путем рассечения сил западных союзников и проведения широкомасштабных операций».

Поскольку командование группы армий «Север» больше не нуждалось в управляющих инстанциях армейского уровня для войск, разбитых в Восточной Пруссии в начале апреля 1945 г., им было высвобождено управление 12-й армии. Оно прибыло по морю в период с 12 по 15 апреля. Новым командующим армией был назначен генерал танковых войск Вальтер Венк. В тот момент он находился в Баварии на лечении после автомобильной аварии в Восточной Померании. Утром 6 апреля Венк был разбужен телефонным звонком. На другом конце провода был генерал Бургдорф. Он сообщил [577] Венку, что на следующий день его ждут в Ставке фюрера в связи с назначением командующим 12-й армии. Когда Венк поинтересовался, что это за армия и почему он еще о ней не слышал, последовал ответ: «Вы узнаете все, что нужно, от фюрера лично. Армия только еще создается». 7 апреля генерал предстал перед Гитлером.

Формально штабу генерала Венка было подчинено десять формируемых дивизий, «последний призыв» Третьего рейха:

1) танковая дивизия «Клаузевиц»;

2) танко-гренадерская дивизия «Шлагетер»;

3) пехотная дивизия «Потсдам»;

4) пехотная дивизия «Шарнхорст»;

5) пехотная дивизия «Ульрихфон Гуттен»;

6) пехотная дивизия «Фридрих Людвиг Ян»;

7) пехотная дивизия «Теодор Кернер»;

8) пехотная дивизия «Фердинанд фон Шилль»;

9) пехотная дивизия из северной Германии (так и не прибыла в район действий 12-й армии);

10) танковая дивизия СС в южной Германии, формируемая из учебных подразделений СС (была введена в бой до того, как 12-я армия закончила формирование).

Кроме пехотных дивизий и подвижных соединений армии был подчинен 3-й истребительно-противотанковый батальон из двух рот по 15 САУ-истребителей танков в каждой и роты пехоты на бронетранспортерах.

12-я армия получила последнюю сформированную в Германии танковую дивизию. Приказ на формирование танковой дивизии «Клаузевиц» последовал 4 апреля 1945 г. Ядром, вокруг которого формировалась новая дивизия, были остатки 106-й танковой бригады. Перспектива скорого ввода соединения в бой вызвала быстрое (по меркам апреля 1945 г.) поступление новой техники с заводов. 13 апреля прибыла 31 САУ «Штурмгешюц», 14 апреля — 10 «Пантер» и 5 «Ягдпантер», 15 апреля — 10 Pz.IV/70(V). Одновременно 13 апреля поступил приказ на подчинение «Клаузевицу» боевой группы «Путлос». К 17 апреля в составе «Путлоса» было 7 Pz.KpfW.IV, 12 Pz.Kpfw.V»Пантера», 1 Jagdpanzer IV, 1 StuG, 4 Pz. IV/70(V) и 2 «Тигра» в составе двух танковых рот. [578]

Торопливое формирование 12-й армии не могло не сказаться на боевых возможностях ее соединений. Автор не располагает документально подтвержденными данными об укомплектованности дивизий 12-й армии, однако немецкий историк Рихард Лаковски в своей книге «Зеелов 1945» привел цифры по боевому и численному составу пехотной дивизии «Фридрих Людвиг Ян». В дивизии

имелось в наличии 285 офицеров, 2172 унтер-офицера и 8145 солдат, вооруженных 900 пистолетами из 1227 по штату, 826 винтовками из 3779 по штату и 1060 «Штурмгеверами» из 1115 по штату. Пистолетов-пулеметов было 0 (ноль) из 400 по штату. Из 9 штатных 75-мм противотанковых пушек ПАК-40 не было ни одной, 105-мм гаубиц leFH — также ни одной. Зато из 2700 штатных фаустпатронов налицо были все 2700 штук.

Для объединения дивизий 12-й армии были использованы четыре корпусных управления: XXXXVIII, XXXIX и XXXXI танковых корпусов, XX армейского корпуса. Когда-то победы шли по следам этих корпусов. XXXXVIII танковый корпус прорывался через Дубно, наступал на южном фасе Курской дуги, наносил контрудары на правобережье Днепра. XXXXI и XXXIX корпуса дошли через Прибалтику до Ленинграда и затем действовали на московском направлении и на периметре Ржевского выступа. В 1945 г. управление XXXIX танкового корпуса стало штабом «пожарной команды», который направлялся на участки фронта, где планировались контрнаступления. Теперь штабы этих корпусов должны были вести в бой наспех сформированные дивизии. Командиром XX армейского корпуса был назначен генерал кавалерии Карл-Эрих Коллер. XXXXVIII корпус возглавил генерал танковых войск Эдельштейн. XXXIX танковым корпусом с 21 апреля командовал генерал-лейтенант Карл Арндт. XXXXI танковым корпусом с 19 апреля командовал генерал-лейтенант Рудольф Хольсте. До этого он командовал кавалерийской бригадой в Венгрии.

К моменту выхода советских войск на окраины Берлина 12-я армия еще стояла на Эльбе. С одной стороны она противостояла американским войскам под Виттенбергом, а с другой — передовым советским частям под Цаной. [579]

Около 2,00 23 апреля на командный пункт армии Венка прибыл сам начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель. В своих воспоминаниях он описал свой визит к Венку так:

«Я выехал в расположение 12 армии Венка прямо из рейхсканцелярии на служебном автомобиле. [...] С глазу на глаз я кратко обрисовал Венку сложившуюся под Берлином ситуацию и добавил только, что вижу единственный путь спасения фюрера в прорыве его армии к столице и соединении с 9 армией. Теперь все зависит от него, в противном случае останется только пойти против воли

фюрера и «похитить» его из рейхсканцелярии... Венк вызвал начальника своего штаба оберста генштаба Гюнтера Райххельма. На штабной карте я показал им обстановку на берлинском направлении, во всяком случае ту, что была там сутки тому назад. Потом оставил их вдвоем, а сам отправился ужинать, пока Венк диктовал приказ по армии, копию которого я собирался отвезти фюреру»{290}.

Командование 12-й армии приказало 24 апреля следующее:

«а) XXXXI танковый корпус оставляет на Эльбе только слабое охранение, основные же силы перебрасывает на оборонительную линию восточнее Бранденбурга — по линии озер между Потсдамом и Бранденбургом — к западу от Ной-Фербеллин, обращенную фронтом на восток, и ищет соприкосновения с тыловыми подразделениями группы армий «Висла».

б) Командующему XX армейского корпуса, генералу кавалерии Келеру, чей штаб вновь полностью боеспособен, ставится задача подготовить и вести сражение фронтом на восток. Дивизию «Шарнхорст» следует в основном использовать согласно предыдущему приказу в районе плацдарма Барби. Боеспособные части корпуса следует немедленно развернуть на Эльбе между Косвигом и Дессау фронтом на юг. Дивизия «Гуттен» перебрасывается в район Бельциг и подчиняется дивизии «Кернер». [580]

в) Дивизия «Гуттен» ночью выходит из соприкосновения с противником, оставляя лишь слабое охранение в ключевых точках предшествовавших боев и на переправах и марширует за один переход через Грейфенхейнихен в Виттенберг.

Задача для дивизии «Гуттен»:

Защита плацдарма Виттенберга фронтом на восток и северо-восток и выставление охранения на Эльбе фронтом на юг между Виттенбергом и Косвигом.

Подчиняется командованию XX армейского корпуса (см. соответствующее распоряжение в предыдущем разделе).

г) Дивизия «Кернер» концентрируется в районе Бельциг. Ее задача — обеспечение охранения и разведка в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлении, установление контакта с дивизией «Гуттен» к северу от Виттенберга. Подчинение XX армейскому корпусу.

д) Дивизия «Шилль» заканчивает свое развертывание и начинает 25 апреля движение через Цейсар в район к западу от Нимегк. Подчинение командованию XX армейского корпуса.

е) XXXXVIII танковый корпус сохраняет свою предыдущую задачу. Следует подготовить быстрый отход всех боеспособных частей за Эльбу между Виттенбергом и Дессау, намеченный на 25 апреля. Дальнейшая задача: защита линии Эльбы между Виттенбергом и Дессау фронтом на юг»{291}.

Приказ носит, как мы видим, характер общих указаний на перегруппировку, без конкретизации направления наступления. Время на тот момент еще было — атакующим Берлин армиям нужно было 24–25 апреля преодолеть Тельтов-канал и Шпрее.

Пока Кейтель на командном пункте Венка строил планы спасения фюрера, по другую сторону фронта командующий 4-й гв. танковой армией Д. Д. Лелюшенко нацеливал свои соединения на наступление в северо-западном направлении. 10-й гв. танковый корпус должен был наступать в направлении Берлина, через Биелитц на Потсдам или Ленин, в зависимости [581] от обстановки{292}. Слабому 5-му гв. мехкорпусу командующий 4-й гв. танковой армией поручил удерживать Бухгольц, Тройенбрицен. Задачей корпуса было «обеспечить удар главных сил армии в северном направлении от возможных контрударов противника с севера, северо-запада и юго-запада»{293}. 23 апреля Д. Д. Лелюшенко была передана 350-я стрелковая дивизия из состава 13-й армии. В целом маневр 4-й гв. танковой армии можно было оценить как весьма рискованный, подставляющий фланг под удар противника. Как показала практика, слабый 5-й гв. мехкорпус оказался лишь способен удерживать район своего расположения, будучи неспособным к активным действиям.

Вскоре соединения немецкой 12-й армии и 4-й гв. танковой армии начали обмениваться ударами. Вторым (после незадачливого [582] «Фридрих Людвиг Ян») соединением, которое вступило в соприкосновение с советскими войсками, была дивизия «Кернер». Еще 23 апреля дивизия при поддержке штурмовых орудий атаковала Тройенбрицен, занятый в середине предыдущего дня 10-й гв. механизированной бригадой 5-го гв. мехкорпуса 4-й гв. танковой армии. Однако отбить город дивизии не удалось, так как к нему с востока подошли основные силы

5-го гв. механизированного корпуса. 11-я гв. механизированная бригада заняла юго-западную, южную и юго-восточную окраины Тройенбрицена, 10-я гв. механизированная бригада — северо-восточную и северную окраины города.

Одновременно с постановкой 9-й армии задачи на прорыв в 19.00 25 апреля Гитлер послал телеграмму командующему 12-й армией Венку, в которой говорилось:

«Обострение обстановки в Берлине и последовавшая затем блокада столицы Германии делают настоятельно необходимым быстрейшее осуществление наступательных действий в приказанных ранее направлениях с целью деблокады.

Только при условии, если наступающие группировки не будут обращать внимания на свои фланги и на положение соседей и их действия будут твердыми и решительными, направленными исключительно только на осуществление прорыва, 9-й армии удастся снова соединиться с войсками в Берлине и при этом уничтожить крупные части противника. Сосредоточение сил 12-й армии в одном районе или локальные действия явно недостаточными силами не обеспечивают успеха. Поэтому я приказываю:

1) 12-й армии своей южнофланговой группой, оставив охранение в районе Виттенберга, наступать из района Бельциг к рубежу Беелитц Ферх и тем самым отрезать 4-ю советскую танковую армию, наступающую на Бранденбург, от ее тылов и сразу же продолжать наступление в восточном направлении до соединения с 9-й армией.

2) 9-й армии, удерживая свой теперешний восточный фронт между Шпреевальд и Фюрстенвальде, наступать кратчайшим путем на запад и установить связь с 12-й армией.

3) После соединения двух армий повернуть на север, непременно [584] уничтожить соединения противника в южной части Берлина и соединиться на большом участке с войсками в Берлине.

25.4.19.00»{294}.

Что касалось направления удара, то здесь перед 12-й армией открывались две возможности:

1) По предложению командования XX корпуса — атака из района Бельцига через Потсдам на Берлин. К преимуществам этого плана относились возможность

произвести все необходимые перегруппировки в течение одной ночи и предположительно слабая оборона противника на этом направлении.

Кроме того, такое наступление позволяло установить контакт с 9-й армией, прорывающейся на запад к северу от Тройенбрицен.

2) Наступление в полосе действий XXXXI танкового корпуса между цепочкой озер к северу от Хавель, сохраняя контакт с левым флангом группы армий «Висла», фронт которого, казалось, стабилизировался в районе Фербелина.

Хотя проведение в жизнь второго плана, предложенного генералом Венком еще 23 апреля фельдмаршалу Кейтелю, потребовало бы значительных перегруппировок, армейское командование видело в нем следующие преимущества:

а) 12-я армия находилась в длинном узком коридоре между двумя четко обрисовавшимися последними сражающимися группами немецких войск на юге и на севере. Связь с южной группой должна была прерваться с уже подготовленным отходом 48-го танкового корпуса на север за Эльбу в районе Виттенберг — Дессау.

Итак, следовало искать соединения с северной группой. В этом случае основные силы 12-й армии должны находиться на северном крыле. Таким образом, удалось бы сосредоточить силы армии на меньшем пространстве и использовать для наступления минимум два армейских корпуса.

б) Если бы группе армий «Висла» удалось собрать силы к [585] юго-востоку от Фербелина для наступления в направлении Берлина, то в сочетании с ударом 12-й армии с запада, возможно, удалось бы разбить советские силы к северо-западу от Берлина по частям.

в) Были бы обойдены озера в районе Хавеля, представляющие собой препятствие для любого передвижения войск.

Переданное по радио 12-й армией предложение действовать в соответствии с вариантом 2) было отклонено ОКВ. Несмотря на это, группе армий «Висла» был отдан приказ наступать на Берлин с севера (армейская группа Штайнера). Таким образом, две группировки, призванные деблокировать Берлин, должны были наступать на разных направлениях, не имея возможности даже согласовать свои действия. Более того, действовавший к северо-западу от Берлина у Фербелина

XXXXI корпус Хольсте впоследствии вел боевые действия в изоляции от главных сил 12-й армии.

После долгих переговоров командующего 12-й армией с ОКВ был утвержден вариант 1). При этом армейское руководство сознавало, что таким образом в течение короткого времени будет утрачен контакт также и со сражающимися на севере частями. Единственным выигрышем было время на перегруппировку войск. В Потсдаме 12-ю армию должны были дождаться остатки дивизии «Ян» и дивизия «Потсдам», находившиеся под командованием генерала Рейнмана, бывшего коменданта Берлина.

Ранним утром 26 апреля 12-й армии был подчинен XXXIX танковый корпус, который после разгрома обеих своих дивизий «Клаузевиц» и «Шлагетер» находился в стадии переформирования под командованием генерал-лейтенанта Арндта. Номер этого корпуса хорошо знаком читателям — его управление постоянно использовалось в качестве штаба для нанесения контрударов на разных направлениях. Во время переформирования XXXIX танковый корпус был дислоцирован на участке Эльбы между прежней северной границей расположения 12-й армии и населенным пунктом Дэмиц. Он получил от ОКВ задачу оставить на Эльбе резервную дивизию «Гамбург» и дивизию «Мейер» и объединить части 84-й пехотной дивизии с остатками танковой дивизии «Клаузевиц [586] «. Обе дивизии потеряли две трети своего личного состава в тяжелых боях двух минувших недель.

Пока проходила перегруппировка армии Венка и подготовка к наступлению, соединения 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов соединились в районе Потсдама. Город Потсдам был захвачен в середине дня 27 апреля частями двух фронтов:

а) 1-го Белорусского фронта: 33-я мотострелковая бригада, 50-я танковая бригада и 388-я стрелковая дивизия;

б) 1-го Украинского фронта: 17-я и 35-я гв. механизированные бригады, 61-я и 63-я танковые бригады, 1433-й и 1727-й самоходно-артиллерийские полки, 1080 стрелковый полк 350-й стрелковой дивизии.

После штурма город был передан частям 9-го гв. танкового корпуса для очистки от мелких групп противника. По приказу Д. Д. Лелюшенко 6-й гв. механизированный корпус был развернут на Бранденбург. С захватом Потсдама задача Венка

существенно осложнилась: требовалось не просто дойти до удерживаемого силами берлинского гарнизона плацдарма, а с боем пробиться в город.

Утром 28 апреля части XX армейского корпуса заняли свои исходные позиции между Бельцигом и Виттенбергом. Вскоре поступил долгожданный приказ, и три дивизии корпуса пришли в движение. В центре ударной группировки 12-й армии наступала дивизия «Гуттен». На левом фланге дивизии «Гуттен», чуть позади нее, наступала в северо-восточном направлении дивизия «Шилль». На правом фланге «Гуттена» наступала дивизия «Шарнхорст». Во второй половине дня 28 апреля дивизия «Гуттен» и дивизия «Шилль» на ее левом фланге прорвались в лес Ленинер Форст. Авангарды дивизии «Гуттен» находились в 15 километрах от первоначальной цели наступления — переправы через Хавель к юго-западу от Потсдама. 28 апреля авангарды XX армейского корпуса уже достигли Ферх к югу от Потсдама. XXXXVIII танковый корпус тем временем переправился через Эльбу, и последние находящиеся там части XX армейского корпуса смогли быть выведены оттуда и переброшены на северо-восток для дальнейшего использования. [587]

В районе Ферха в тот момент находилась 70-я самоходно-артиллерийская бригада 4-й гв. танковой армии. 12-я гв. механизированная бригада 5-го гв. механизированного корпуса в течение дня отбивала атаки противника в районе Белица. 10-я гв. механизированная бригада атаковала подразделения «Шарнхорста».

Радиограмма командования 12-й армии достигла защитников Потсдама в полдень 28 апреля. Она гласила:

«XX армейский корпус достиг Ферх. Всеми силами установить контакт и прорываться к 12-й армии».

Генерал Рейманн немедленно начал действовать. Он собрал 20 тысяч своих солдат для прорыва. Ему удалось установить контакт с прорвавшимися в лес Ленинер Форст частями дивизий «Шилль» и «Гуттен». В то время как штурмовые орудия дивизии «Шилль» атаковали с юго-востока вражеское кольцо окружения и разгромили позиции противника на южной и юго-западной окраине Потсдама, части защитников города рвались навстречу гремящим танковым выстрелам.

Генерал Венк направил генералу Рейманну во второй половине дня указание прорываться через озерный пролив Альт-Гельтов и разгромить внутреннее

советское кольцо окружения. Началась ожесточенная борьба. Снова и снова одни части прорывающегося гарнизона оттеснялись назад. Другим удавалось прорываться. В конце концов защитники Потсдама смогли вырваться на свободу.

Против дивизий Венка были направлены 17-я и 35-я гв. механизированные бригады 6-го гв. мехкорпуса. Удары советских войск пришлись главным образом на дивизии «Кернер» и «Шарнхорст», в то время как дивизии «Гуттен» и «Шилль» сражались левее выдвинутым вперед фронтом и вечером 29 апреля сдерживали наступающие из Потсдама советские войска в лесу Ленинер Форст и на шоссейной развязке Лейпцигский треугольник.

Тем не менее советская пехота, имевшая большой опыт лесных боев, просачивалась дальше и дальше в лес Ленинер форст. Свежеиспеченные пехотинцы Венка вынуждены были шаг за шагом отступать. [588]

Город Бранденбург был окружен с юга и востока советскими войсками. Весь северный фланг 12-й армии повис в воздухе.

Дивизия «Шилль», поддержанная Потсдамской боевой группой, должна была при любых обстоятельствах держаться на северном фланге, чтобы армия не была окружена с севера и с запада.

С точки зрения командования 4-й гв. танковой армии ситуация выглядела так: «Кризис сражения резко затянулся. Это отвлекло большую часть сил 4 гв. ТА в районе Беелиц и затянуло развязку Берлин-Бранденбургского сражения»{295}.

Командующий 12-й армией Венк видел перед собой теперь лишь две задачи:

1. Обеспечить прорыв 9-й армии, с которой командование XX армейского корпуса поддерживало регулярное радиосообщение и которая была своевременно предупреждена о концентрации противника в районе Ютеборг — Тройенбрицен и направлена в занятый слабыми русскими частями район к югу от Беелица.

Командованию 12-й армии и всем подчиненным ему войскам было ясно, что эта задача, которая требовала многодневного удержания достигнутых рубежей, потребует от офицеров и солдат применения всех сил. Но эта жертва во имя боевых товарищей считалась само собой разумеющейся, и молодые солдаты демонстрировали беспримерную готовность выполнить свой долг.

2. Организованный отход на Эльбу, если возможно — контакт с северной группировкой в районе Хавельберга.

Штабы и части были устно проинформированы о том, что командование 12-й армии намерено продолжить борьбу с русскими до последнего патрона, в то же время ведя переговоры с американцами, чтобы обеспечить почетную сдачу организованных подразделений с сохранением личного оружия.

Бои продолжались 29 апреля. Армия Венка оборонялась в трех направлениях и удерживала позиции. Все дивизии [589] сражались. Во второй половине дня 29 апреля Венк послал следующую радиограмму в ОКВ:

«Армия и в особенности XX армейский корпус, который временно установил контакт с гарнизоном Потсдама и смог обеспечить отход последнего, на всем фронте находится под столь сильным давлением противника, что наступление на Берлин более невозможно, тем более что на поддержку силами 9-й армии тоже нельзя рассчитывать»{296}.

Эта радиограмма достигла ОКВ, но не была передана в Берлин.

В 23.00 29 апреля в ставку ОКВ была отправлена последняя радиограмма Гитлера:

«Шефу руководящего штаба вермахта, генерал-полковнику Йодлю.

1. Где авангард Венка?

2. Когда он начнет наступление?

3. Где 9-я армия?

4. Где группа Хольсте?

5. Когда она начнет наступление?

Подпись: Адольф Гитлер»

Неутешительные ответы по всем этим вопросам предопределили события следующего дня — самоубийство фюрера, за которым последовали сначала капитуляция берлинского гарнизона, а затем и всей немецкой армии.

Утром 1 мая между Тройенбриценом и Беелицем первые вырвавшиеся из хальбского «котла» части 9-й армии вышли на позиции 12-й армии. Фронт удерживался 1 и 2 мая, а затем армия Венка стала откатываться на Эльбу. Переговоры с американцами

о сдаче начались уже 3 мая. Фронт 12-й армии сжимался к переправе у Тангермюнде, где по полуразрушенному мосту немецкие солдаты и офицеры переходили Эльбу и сдавались в плен.

Группа Штайнера. Первое упоминание об армейской группе Штайнера появляется в немецких документах сразу же после прорыва «позиции Вотан» одерского рубежа обороны. Тогда ударом 2-й гв. танковой армии, 3-й ударной и 47-й армий были разобщены смежные фланги CI армейского [590] корпуса и LVI танкового корпуса. В ночь на 21 апреля генерал войск СС Штайнер получил приказ начать наступление с плацдарма в районе Эберсвальде на юге целью восстановить локтевую связь между CI и LVT корпусами. На тот момент Феликс Штайнер числился командиром III танкового корпуса СС. Штайнер командовал корпусом с момента его формирования и лишь ненадолго оставлял свой пост в феврале — марте 1945 г., возглавив 11-ю танковую армию. После того как из состава III танкового корпуса СС были изъяты дивизии СС «Нордланд» и «Недерланд», Штайнер фактически остался командующим без армии. Однако вскоре корпус начал наполняться спешно формируемыми войсками. Одной из первых его частей стал полк СС «Солар», сформированный из «истребительных отрядов СС», в том числе 600-го парашютного батальона СС, предназначенного для спецопераций. Во время Арденнского наступления он должен был захватить Эйзенхауэра. Также для корпуса Штайнера восстанавливалась из вывезенных в Свинемюнде остатков 4-я дивизия СС «Полицай».

В 14.55 21 апреля Гитлер направил в армейскую группу Штайнера телеграмму:

«Первоочередной задачей армейской группы Штайнера является наступление с севера силами полицейской дивизии СС, 5-й егерской и 25-й танко-гренадерской дивизий, которые можно высвободить, заменив частями 3-й дивизии морской пехоты, с целью восстановить сообщение с LVI танковым корпусом, стоящим под Вернёйхеном и юго-восточнее него, и удерживать его любой ценой.

Всем воинским частям запрещается отступать на запад. Офицеры, которые не следуют безоговорочно этому указанию, должны быть заключены под стражу и немедленно расстреляны. Вы лично отвечаете передо мной Вашей головой за выполнение этого приказа.

От успешного выполнения Вашей задачи зависит судьба столицы германского Рейха.

Адольф Гитлер»{297}. [591]

В этом документе впервые появляется наименование «армейская группа» применительно к подчиненным эсэсовскому генералу войскам. Также в подчинение Штайнеру передаются 5-я егерская и 25-я танко-гренадерская дивизии. Следует отметить, что 20–21 апреля вследствие отставания 1-й польской армии от 47-й армии в построении советских войск имелся разрыв, удар по которому мог привести наступающих в некоторое замешательство. Для прикрытия разрыва между 47-й и 1-й польской армиями по приказу Г. К. Жукова выдвигался 7-й гв. кавалерийский корпус — старый знакомый Штайнера по боям в районе Арнсвальде.

Однако уже к моменту своего появления приказ армейской группе Штайнера не соответствовал обстановке — наступающие советские войска через Бернау прорвались к Берлину. Поэтому в тот же день из штаба группы был получен новый приказ, в котором комбинировались наступательная и оборонительная задачи. На Штайнера взваливалась ответственность за довольно протяженный участок фронта от Финов-канала до Шпандау: «III танковый корпус, преобразованный в группу Штайнера, с этого момента принимает на себя оборону участка Шпандау (включительно) — Ораниенбург — Финовфурт (включительно)».

При этом никто не снимал со Штайнера наступательной задачи. Командиру вновь созданной армейской группы предписывалось:

«Развернуть наступление из района Церпеншлёйзе силами ударной группировки, которую следует сформировать незамедлительно, чтобы нанести противнику глубокий фланговый удар, отрезать и уничтожить его передовые отряды и своими мобильными действиями нанести максимальный урон вражеским танковым группам. Наступление следует начать как можно раньше».

Таким образом, направление контрудара сместилось от плацдарма Эберсвальде дальше на запад. Теперь осью наступления должна была стать «Рейхсштрассе № 109». В состав армейской группы Штайнера продолжали прибывать различные части вермахта и войск СС, в том числе дивизион реактивных минометов народно-артиллерийского корпуса. Также [593] в Цеденик прибыл первый эшелон с частями 3-й дивизии морской пехоты и части 15-й латышской дивизии СС. 22 апреля

ударная группировка Штайнера постепенно сосредотачивалась в назначенном районе, но в наступление не переходила.

Во второй половине дня 22 апреля на докладе в Рейхсканцелярии Йодль и Кребс были поставлены в тупик вопросом Гитлера «А где Штайнер с его армией?». В итоге в 17.15 из Рейхсканцелярии в штаб группы армий «Висла» была отправлена телеграмма: «III танковому корпусу СС категорически приказывается выступить непосредственно сегодня. Фюрер ждет, что наступление начнется еще сегодня. Генерал Кребс лично свяжется со Штайнером позднее».

Командующий группой армий «Висла» Хайнрици оттранслировал этот приказ Штайнеру:

«Приказанное мною 21.4.1945 глубокое фланговое наступление против рвущихся на запад вражеских войск следует начать сегодня вечером, не дожидаясь подхода остальных частей ударной группировки. Главной целью наступления является район от Вензикендорфа до Вандлитца и автотрассы к востоку от него.

Я надеюсь, что Вы приложите для успеха этого наступления всю Вашу энергию и решимость. О времени выступления доложите мне»{298}.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения действий войск 1-го Белорусского фронта, то сама по себе идея контрудара группы Штайнера не кажется совсем уж безнадежной. 3-я ударная и два корпуса 2-й гв. танковой армии развернулись к Штайнеру спиной, начав наступление на северные пригороды Берлина. 47-я армия наступала фронтом на запад в направлении Потсдама через северо-западные пригороды Берлина: Хелингензее, Геннигсдорф. Войска армии Ф. И. Перхоровича готовились к форсированию Гогенцоллерн-канала и Хавель-зее. На направлении наступления армейской группы Штайнера находились растянутые по фронту польские дивизии. [594]

Наступление войск Штайнера началось утром 23 апреля, но успеха не имело. Более того, наступающая ударная группировка под нажимом с востока была вынуждена отступить и оставить плацдарм на южном берегу канала. Командующий 1-й польской армией вспоминал об этом эпизоде: «К полудню 23 апреля наши соединения, тесно взаимодействуя с советскими кавалеристами, форсировали канал в районе Ораниенбурга и разбили 3-ю морскую дивизию противника, спешно переброшенную с другого участка фронта»{299}.

Сохранившиеся документы позволяют восстановить состав группы Штайнера. Это было типичное для заключительного периода войны лоскутное одеяло из отдельных частей:

«Оперативный отдел 23 апреля 1945 г.

Боевое расписание 3-го (германского) танкового корпуса СС

Состояние на 23 апреля 1945 г. 12.00

a) Комендант внешнего кольца обороны Берлина Участок «Р» — командир 62-го крепостного полка Командир: подполковник Лёлинг; командный пункт —

Авиамоторный завод, Берлин-Шпандау, Нёйхаузер-штрассе. Войска:

— батальон Нидермайера (47/62/225);

— 203-й батальон (12/67/469);

— 23-й саперный батальон (10/100/540);

— батальон Пакебуша (фольксштурм) (8/41/184);

— батальон Шмиловского (3/22/109);

— батальон переводчиков (2/80).

b) Боевая группа Харцера.

Командир: штандартенфюрер Харцер; командный пункт Шванте (10 км в западу от Ораниенбурга).

Войска:

— боевая группа гауптмана Хербера, командный пункт в Айхштедте (в 12 км к юго-западу от Ораниенбурга);

aa) боевая группа Вентцеля:

— 968-й саперный заградительный батальон (без одной роты (230 чел.); [595]

— 1 усиленная рота 116-го крепостного пулеметного батальона (усилена 3 средними минометами) (130 чел.);

— 1 танкоистребительная рота (10 отрядов).

bb) боевая группа Брига:

— 116-й крепостной пулеметный батальон (без одной роты и части 4-й роты) (380 чел.);

— 1 рота 968-го саперного заградительного батальона (100 чел.);

— 1 рота истребителей танков (10 отрядов).

Боевая группа 9-го полка морской пехоты (из 3-й дивизии морской пехоты); командный пункт — Ораниенбург; состав — 9-й полк морской пехоты в составе 2 батальонов, сводный батальон СС «Ораниенбург». 2 сводные роты люфтваффе, 1 сводная морская рота.

Артиллерийская боевая группа Харцера

— 2-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка,

— 1 зенитная батарея зенитно-артиллерийского полка «Рейхсфюрер СС».

Резервы для контрудара или действующие позади передовой линии фронта:

— 8-й танко-гренадерский полк СС (1 истребительно-противотанковый батальон из состава танко-гренадерской дивизии «Висла», 1 рота истребителей танков из состава 103-го полка истребителей танков (румынского);

— 23-й истребительно-противотанковый дивизион (из дивизии «Недерланд» (только личный состав без орудий), 1 пешая танкоистребительная рота, 1 зенитно-артиллерийская рота, оснащенная 37-мм орудиями, на 50% моторизованная).

Одна самоходно-артиллерийская зенитная батарея 37-мм орудий из состава 6-го штурмового зенитно-артиллерийского полка.

c) Боевая группа Ширмера:

Командир: подполковник Ширмер; командный пункт — имение Фрайхаген (в 10 км к северу от Ораниенбурга).

Войска:

— оперативный батальон 5-го учебного полка люфтваффе (300 чел.); [596]

— 74-й маршевый батальон люфтваффе (1000 чел.);

— оперативный батальон 3-го учебного полка люфтваффе (300 чел.);

— оперативный батальон 1-го, 2-го и 4-го учебных полков люфтваффе (численность неизвестна).

d) Боевая группа Крезина:

Командир: начальник артиллерии 3-го танкового корпуса СС (Arko 138) полковник Крезин; оперативный штаб и командный пункт — в Шёнебеке, Гросс-Шёнебек (5 км к северу от Церпеншлёйзе).

Войска:

— высшая парашютная школа (2 батальона по 500 чел.);

— 2-й батальон 6-го полка люфтваффе;

— школа переподготовки офицерского и унтер-офицерского состава «Герман Геринг».

Артиллерийская боевая группа Крезина:

— 6-й штурмовой зенитно-артиллерийский полк (2 тяжелых батареи, 1 самоходная батарея 37-мм орудий).

e) Ударная группа фон Вольфа:

Войска:

— 115-й (моторизованный) разведывательный батальон (майор фон Вольф);

— 630-й армейский саперный батальон (без одной роты);

— штаб 103-й полевой резервной бригады;

— 1 батальон 103-го полка разрушителей танков;

— 1 истребительно-противотанковый батальон из состава истребительно-противотанковой дивизии «Висла» (подчинен только формально);

— 1 смешанный зенитно-артиллерийский дивизион (1 тяжелая, 1 легкая батареи)»{300}.

Пользуясь случаем, в середине дня 23 апреля Штайнер просит передать ему из подчинения 9-й армии дивизию СС «Нордланд» и 25-ю танко-гренадерскую дивизию. Вывод из полуокруженного на тот момент Берлина «Нордланда» мог вызвать только усмешку. Однако эвакуация плацдарма в Эберсвальде и использование снятых с него частей для нового контрудара была вполне возможной. [597]

Вечером 23 апреля в дневном донесении группы армий «Висла» сообщалось:

«25-я танко-гренадерская дивизия, 7-й танко-гренадерский полк СС (Солар) и 3-я дивизия морской пехоты (последние части покинули остров Воллин) перебрасываются в район северо-западнее Ораниенбурга в распоряжение группировки Штайнера».

Состояние восстанавливаемой после разгрома в Восточной Померании 4-й дивизии СС «Полицай» было жалким. По показаниям пленного из состава 7-го танко-гренадерского полка, захваченного частями 61-й армии под Эберсвальде, полк состоял из трех батальонов по четыре роты в каждом. В ротах насчитывалось по 20 активных штыков, четыре ручных пулемета.

Подкрепления тонким ручейком лились в группу Штайнера. В дневном донесении группы армий «Висла» указывалось, что 24 апреля из Свинемюнде выехали три из тринадцати эшелонов с остатками 7-й танковой дивизии. Также Штайнеру были присланы пять маршевых батальонов кригсмарине — около 2200 человек под командованием фрегаттен-капитана Прейсса. Вооружить их предполагалось «за счет того оружия, которое можно отобрать у пожилых солдат и батальонов фольксштурма».

Утром 25 апреля группа Штайнера перешла в очередное наступление в районе Германсдорфа. Войска, подчиненные III танковому корпусу СС, в очередной раз перешли в наступление, опять сменив исходные позиции и конечную цель контрудара. На этот раз острие удара немецких войск было нацелено на Шпандау, к западу от Хавеля. Как показали более поздние события, цель контрудара была не такой уж бессмысленной. Переправы у Шпандау держали части Гитлерюгенда, и они смогли усидеть на них до момента капитуляции Берлина. Именно район Шпандау стал одной из точек, через которые остатки Берлинского гарнизона пробивались на запад 3 мая 1945 г. Утром 25 апреля ситуация была намного более благоприятной, чем 3 мая. Несмотря на прорыв советских войск в направлении Потсдама, еще удерживались позиции на Тельтов-канале к юго-востоку от Берлина. Форсирование [598] Тельтов-канала 3-й гв. танковой армией началось только 25 апреля. То есть 25 апреля все пространство к востоку от Шпандау до Берлина находилось под контролем немецких войск. Одновременно в район Науэн был переброшен XXXXI танковый корпус армии Венка, ставший оппонентом советских войск в этом районе.

Итак, утром 25 апреля наступление началось. Однако польские части активными действиями воспрепятствовали развитию наступления. В утреннем донесении группы армий «Висла» итоги предыдущего дня были описаны следующим образом: «Наступление 25-й танко-гренадерской дивизии было остановлено севернее Герменсдорфа из-за многочисленных атак противника со всех сторон. Вечером (25 апреля) наши ударные отряды были оттеснены к опушке леса в 1 км к северо-западу от Герменсдорфа».

В мемуарах командующего 1-й польской армии эти события описывались как бои, шедшие с переменным успехом:

«Уже следующий день показал, что противник питает самые агрессивные замыслы. На рассвете части 25-й моторизованной, 3-й морской и 4-й полицейской дивизий нанесли контрудар в районе Зандхаузена. Особенно сильный нажим был произведен в стыке между 5-м и 6-м пехотными полками. Не выдержав натиска, они отступили на три километра. При этом командир 2-й пехотной дивизии полковник Суржиц допустил оплошность, оставив врагу небольшой плацдарм на южном берегу канала Руппинер. Остановить немцев удалось благодаря мужеству и находчивости артиллеристов 2-й гаубичной бригады полковника Казимира Викентьева и противотанковой артиллерийской бригады полковника Петра Дейнеховского. Они выставили орудия на прямую наводку и в упор расстреливали контратакующих. Освобождение от врага территории южнее Зандхаузена продолжалось два дня — промах Суржица стоил дорого. Правда, он был молодым комдивом. Видно было, что полковник тяжело переживает неудачу, как, впрочем, и недавний командир этой дивизии Я. Роткевич»{301}. [599]

Дальнейшее развитие событий отражено в очередном дневном донесении группы армий «Висла» от 26 апреля: «Продолжающееся наступление 25-й танко-гренадерской дивизии с целью расширения нашего плацдарма севернее Гермендорфа не дало результатов. Вражеские контратаки с юго-запада, юга и юго-востока, предпринимавшиеся силами до одного батальона при поддержке танков, частично отражены. Вечером после сильной огневой подготовки противник возобновил контрнаступление».

Большой и жирный крест на действиях группы Штайнера поставила 61-я армия. После ликвидации плацдарма у Эберсвальде войска армии П. А. Белова силами 89-

го стрелкового корпуса 27 апреля переправились через канал Гогенцоллерн и перешли в наступление по северному берегу канала. Такой маневр означал выход в тыл группировке Штайнера. Утром 29 апреля правофланговые соединения 61-й армии вышли к Фосс-каналу — последней водной преграде перед флангом и тылом группы Штайнера. Одновременно наступающие южнее Гогенцоллерн-канала части 80-го стрелкового корпуса 61-й армии вышли в район Ораниенбурга и тем самым создали непосредственную угрозу войскам Штайнера у Гермендорфа (к западу от Ораниенбурга). Остатки группы Штайнера отступили к Эльбе.

Обсуждение

Выбранная Гитлером стратегия борьбы за столицу после обвала одерского фронта была простой, можно даже сказать, стандартной для таких ситуаций. По такому же сценарию шла борьба за Ленинград до самого прорыва блокады и за Сталинград в конце августа и начале сентября 1942 г. Это была стратегия удара извне с целью восстановить снабжение блокированной в районе крупного города группировки. Основной проблемой Венка и Штайнера была слабость имеющихся в распоряжении того и другого генерала войск. Если бы у Штайнера была ударная группировка, сравнимая по численности и боеспособности войск с той, которая наносила [600] контрудар под Баутценом, его контрудар мог стать знаменитым. Однако собранные с бору по сосенке части группы Штайнера успешно сдерживались польскими пехотными дивизиями и кавалеристами корпуса М. П. Константинова.

Наступление армии Венка развивалось несколько более успешно, чем удар Штайнера. Принятое в спешке решение о повороте двух танковых армий к Берлину не было отменено, и войска 1-го Украинского фронта были разбросаны на широком фронте. 3-я и 4-я гв. танковые армии, которые должны были бы пройтись огнем и мечом по исходным позициям армии Венка еще на дальних подступах к Берлину, оказались развернуты на север и северо-восток. Фактически Венка сдерживала частью сил 5-го и 6-го гв. механизированных корпусов 4-я гв. танковая армия. Для парирования удара дивизий XX армейского корпуса армии Венка пришлось разворачивать бригады 6-го гв. мехкорпуса от Потсдама и Бранденбурга. Однако свежесформированные дивизии из РАДовцев и «последнего призыва», несомненно, существенно уступали по своим профессиональным качествам и их сдерживание не составляло больших сложностей для гвардейских механизированных бригад армии Лелюшенко.

Сохранение первоначального плана действий войск 1-го Украинского фронта, несомненно, сделало бы наступление 12-й армии невозможным. Более того, наступление танковых армий Рыбалко и Лелюшенко в обход Берлина отодвинуло на запад бы внешний фронт окружения 9-й армии Бюссе. Тем самым прорывающиеся из хальбского «котла» немцы вынуждены были идти по лесам большее расстояние. Соответственно число выживших после такого путешествия было бы намного меньше.

Флаг над Рейхстагом

Вопрос о том, кто первый вошел в Берлин, зависит от того, что считать границей города. Традиционная трактовка предполагала, что граница немецкой столицы проходит по кольцевой Берлинской автостраде (Берлинерринг). Именно [601] такую интерпретацию событий мы можем видеть в классическом советском исследовании «Последний штурм»: «В 6 час. 21 апреля передовые части 171-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник А. И. Негода, первыми ворвались на северо-восточную окраину Берлина»{302}. Около 6 утра 21 апреля, точнее в 6.30, передовой батальон 713-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии пересек Берлинерринг к западу от его пересечения с «Рейхсштрассе № 2».

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о том, что собой представлял Берлин в 1945 г. Это был один из крупнейших городов мира. По своей площади (88 тыс. гектаров) Берлин уступал только Большому Лондону. Наибольшее протяжение города с запада на восток — до 45 км, а с севера на юг — свыше 38 км. Эта огромная площадь, так называемый Большой Берлин, застроена только на 15 процентов. Остальная часть территории города была занята садами и парками. В центре города находился крупный парк Тиргартен, к которому примыкал Зоологический сад. Большой Берлин делился на 20 районов, из них 14 относились к внешним. Застройка внешних районов была разреженной, малоэтажной, большинство домов имело толщину стен 0,5–0,8 м. Границей Большого Берлина была кольцевая автострада, поэтому ее пересечение можно считать началом боев за город. Внутренние районы города — в черте окружной железной дороги — застроены наиболее плотно.

Примерно по границе области плотной застройки проходил периметр разделенной на девять секторов системы обороны города. Средняя ширина улиц в этих районах 20–30 м, а в отдельных случаях до 60 м. Строения каменные и бетонные. Средняя высота домов 4–5 этажей, толщина стен зданий до 1,5 м. К весне 1945 г. большинство домов было разрушено бомбардировками союзников. Именно вторжение в один из секторов обороны этой части Берлина было действительным началом городских боев. С этой точки зрения первым прорвался в Берлин 1-й механизированный корпус. [602]

Лицо города определял не только статус политического и финансового центра страны, но и сосредоточение в Берлине большого количества промышленных предприятий. В нем было сосредоточено 2/3 электротехнической промышленности, 1/6 машиностроения Германии, значительная часть военной промышленности — до 20 больших заводов. В частности, в Берлине был расположен завод Alkett, специализировавшийся на производстве самоходных орудий. Крупнейшие промышленные предприятия были расположены преимущественно во внешних городских районах. В городе насчитывалось большое количество средних и мелких промышленных предприятий, фабрик и заводов.

Политический и промышленный центр был связан со страной множеством транспортных артерий. К Берлину сходились 15 железнодорожных линий. Железные дороги, примыкающие к Берлину с запада и востока, соединены между собой четырехколейной городской железной дорогой. Кроме того, все сходящиеся к Берлину железные дороги соединены окружной дорогой в черте города. В Берлине насчитывается до 30 вокзалов, более 120 железнодорожных станций в пригородах, 8 крупных и ряд мелких сортировочных станций. Крупнейшие вокзалы, с которых осуществлялась связь со всей страной, находятся непосредственно в городской черте и даже в самом центре города (Потсдамский вокзал, вокзал Фридрихштрассе, Лертерский вокзал, Силезский вокзал и другие).

Как и многие крупные города тех лет, Берлин располагал целой сетью подземных сооружений, из которых важнейшим является метро. От неглубокого залегания линии часто выходят на поверхность и идут по эстакадам. Общее протяжение линий метро было около 80 км.

Бомбардировки союзников привели к появлению в городе таких своеобразных сооружений, как башни ПВО (Flaktuerm). Это были бетонные башни высотой около 40 м, на крыше которых оборудовались установки зенитных орудий до 128-мм калибра. Также башни оснащались 20-мм и 37-мм автоматическими зенитными пушками. Башни ПВО строились в 1940–1941 гг. по проекту Шпеера, и по своему [603] основному назначению они были убежищами для населения в период налетов. Считалось, что вероятность прямого попадания бомбы в башню ниже, чем в подземное убежище. Каждая башня по плану вмещала 18 тыс. человек. В Берлине было построено три таких гигантских сооружения. Это были Flaktuerm I в районе Зоопарка, Flaktuerm II во Фридрихсхайне (на востоке города) и Flaktuerm III в Гумбольтхайне (на севере города).

Помимо циклопических башен ПВО в городе было несколько десятков наземных убежищ (Luftschutzbunker) меньшего размера. Это были железобетонные сооружения высотой примерно 18 метров с квадратным основанием, с маленькими узкими окошками, а часто вовсе без них, разбросанные по всему городу. Многие из берлинских наземных убежищ (например, бункер у Ангальтского вокзала и на Альбрехтштрассе) сохранились до наших дней.

Местность, отравлявшая существование частей 1-го Белорусского фронта на пути к Берлину, сохранила некоторые свои особенности в черте города. Берлин пересекает множество естественных и искусственных водных рубежей и препятствий. К ним относятся р. Шпрее шириной до 100 м, протекающая через город с юго-востока на северо-запад, а также большое количество каналов, особенно в северо-западной и южной частях города. В связи с этим в городе много мостов. Городские надземные дороги проходят по стальным эстакадам и насыпям высотой до 10 м.

В 1939 г. в столице Третьего рейха проживало 4 321 000 человек. Однако гибель людей вследствие бомбардировок союзников, призыв на военную службу как мужчин, так и женщин и бегство почти миллиона горожан от бомбардировок в более безопасную сельскую местность в 1943–1944 гг. сократили эту цифру более чем на треть. В январе 1945 года население города оценивалось в 2 900 000 человек. Отток берлинцев из города в некоторой степени компенсировался накоплением в нем беженцев из занятых Красной армией районов Германии. В середине апреля в городе насчитывалось около 2–2,5 млн человек.

Наступая по улицам Берлина, советские корпуса и дивизии [604] нацеливались на массивное здание в его центре — Рейхстаг. Оно было сооружено в конце XIX столетия для немецкого парламента. В ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. Рейхстаг был подожжен неизвестными, Гитлер обвинил в поджоге коммунистов, и вскоре последовали ограничения прав и свобод. Фактически после поджога Рейхстага в Германии воцарилась однопартийная система, и парламент как таковой перестал существовать. Здание Рейхстага соответственно утратило свое первоначальное значение. Во время войны были даже планы переделки его в башню ПВО.

Хотя советские войска в Берлине стремились к Рейхстагу, мозговой центр Третьего рейха находился в другом месте. Бункер Гитлера располагался под старой Рейхсканцелярией на улице Вильгельмштрассе, 77. Это был один из комплекса правительственных зданий к юго-востоку от Рейхстага. Постройка бомбоубежища под Рейхсканцелярией, известного под обозначением Б207, началась в 1942 г. Оно дополняло старое бомбоубежище постройки 1936 г. и располагалось под сквером во дворе Рейхсканцелярии. Толщина перекрытий сооружения составляла 3,5 метра упрочненного бетона и обеспечивала достаточно надежную защиту от бомб. В бомбоубежище вели два входа, один из массивного сооружения во дворе Рейхсканцелярии и второй из старого бомбоубежища в подвале здания. Старое бомбоубежище получило наименование Vorbunker — передовой или «фронтовой» бункер. Бункер Б207 проектировался только как временное убежище и не предусматривал длительного проживания в нем, как это случилось волей обстоятельств. Это бомбоубежище тем более не проектировалось как центр управления войсками. Суммарная площадь помещений бункера фюрера составляла всего около 700 квадратных метров. При этом в бункере постоянно жили Гитлер и его приближенные (Ева Браун, Мартин Борман, Йозеф Геббельс, административный персонал), здесь же складировались продукты, действовал телефонный узел и проводились совещания. По воспоминаниям очевидцев, во всех помещениях бункера оставались голые бетонные стены, источавшие запах мокрого цемента. Постоянным звуковым фоном в бункере был равномерный [605] гул системы вентиляции. В этом негостеприимном месте Гитлер оставался до самого конца. Ставка Верховного главнокомандования вермахта 20 апреля покинула Берлин и перебралась в Голштинию.

Готовил Берлин к обороне с января 1945 г. штаб III военного округа. 6 марта 1945 г. комендантом Берлина был назначен генерал-лейтенант Хельмут Рейман. Это был достаточно опытный военачальник. Рейман участвовал в войне с СССР с июня 1941 г., в 1944 г. командовал 11-й пехотной дивизией, воевавшей в районе Нарвы и Риги. Был награжден Рыцарским крестом и дубовыми листьями. Задачу Реймана нельзя было назвать простой: основные усилия командования группы армий «Висла» были сосредоточены на укреплении обороны на Одере. В распоряжении коменданта Берлина были только 92 батальона фольксштурма и отдельные части. Вообще сражение за Берлин характеризуется участием в нем целого «зоопарка» различных немецких частей. В частности, только 1-я гв. танковая армия опросом пленных выявила среди противостоявших немецких войск около 70 (!!!) частей и подразделений. Среди них были батальоны фольксштурма, полицейские участки, полицейские группы по откапыванию засыпанных после бомбардировки, охрана Берлинской тюрьмы, батальон шоферов, батальоны связи, строительные батальоны, батальон аэродромной комендатуры, крепостные противотанковые и пулеметные батальоны. Немецкая армия в Берлине была словно вывернута наизнанку, в бой пошли множество вспомогательных и учебных подразделений.

Система подготовки города к обороне была достаточно типичной для немецких «фестунгов» — массивные баррикады, подготовка зданий к обороне. Баррикады в Германии сооружались на промышленном уровне и не имели ничего общего с грудами хлама, которыми перегораживают улицы в период революционных волнений. Берлинские баррикады, как правило, имели 2–2,5 метра в высоту, 2–2,2 м в толщину. Сооружались они из дерева, камня, иногда рельс и фасонного железа. Часть улиц была полностью перегорожена баррикадами, не было оставлено даже проезда. По основным магистралям [606] баррикады имели 3-метровый проезд, подготовленный к закрытию вагоном с землей, камнем и другими материалами. Подходы к баррикадам минировались. Все железнодорожные и автогужевые путепроводы были забаррикадированы. Подходы к мостам через каналы и выходы с мостов также имели баррикады. Одной из «находок» в обороне Берлина была танковая рота «Берлин», состоявшая из неспособных к самостоятельному передвижению танков. Они были вкопаны на перекрестках улиц и использовались как неподвижные огневые точки. Всего в состав роты «Берлин» входили 10 танков «Пантера» и 12 танков Pz.IV.

Однако подготовившему город к обороне генералу Рейману не суждено было войти в историю в роли защитника немецкой столицы. 23 апреля Гитлер заменил Реймана на 27-летнего подполковника Эриха Беренфенгера, кавалера Рыцарского креста с мечами и дубовыми листьями. Считалось, что энергичный подполковник лучше седовласого генерала. Однако в конечном итоге был сделан выбор в пользу генерала. С 24 апреля комендантом Берлина был назначен командир отошедшего на улицы города LVI танкового корпуса [607] генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг. Командный пункт Вейдлинга расположился в башне ПВО в Зоологическом саду.

Следует отметить, что первоначально генерал Вейдлинг вовсе не горел желанием стать защитником Берлина. Начальник артиллерии LVI танкового корпуса полковник Веллерман вспоминал о совещании, проходившем в штабе корпуса 22 апреля:

«На совещании присутствовали все командиры корпуса, которые могли прибыть, от командиров полков и выше. Генерал Вейдлинг сообщил им о создавшемся положении. С одной стороны, командующий 9-й армией угрожает ему расстрелом, если он немедленно не присоединится к 9-й армии. С другой стороны, Гитлер грозит ему тем же, если он со своим корпусом немедленно не войдет в Берлин. Но всем без исключения было ясно, что втянуть танковый корпус в развалины Берлина... означало бы бессмысленную и неминуемую смерть. Командующий корпусом решился на немедленный переход Шпрее, чтобы у Кёнигс-Вустерхаузена попытаться присоединиться к 9-й армии. Это отвечало той цели, которую мы постоянно имели в виду — вместе с другими корпусами 9-й армии обойти Берлин с юга. Все присутствующие одобрили этот план»{303}.

Вскоре Вейдлинг получил приказ из штаба 9-й армии, в котором ему предписывалось установить связь с 21-й танковой дивизией у Кляйн-Кинитца (в 12 км к западу от Кёнигс-Вустерхаузена) и тем самым воссоединиться с 9-й армией. Однако дальнейшее развитие событий получило неожиданный поворот. Вейдлинг был вызван в Рейхсканцелярию к Гитлеру. Начальник Генерального штаба Кребс объяснил ему, что главной задачей LVI танкового корпуса является оборона Берлина, а не соединение с 9-й армией. Вейдлинг немедленно связался со своим штабом и дал указания о смене задачи. Пока командир LVI корпуса отсутствовал, в штабе был получен приказ о его отстранении от должности и назначении вместо

Вейдлинга генерала Бурмайстера (командира [608] 25-й танко-гренадерской дивизии). На встрече с Вейдлингом фюрер подтвердил ему задачу обороны Берлина. Решение о смене Вейдлинга на Бурмайстера было отменено. На заданный Вейдлингом вопрос о том, кому он будет подчиняться, последовал ответ: «Непосредственно фюреру!» Получив новый приказ, дивизии LVI танкового корпуса развернулись почти на 180 градусов и начали занимать позиции в Берлине, усиливая сектора его обороны. Справедливости ради нужно сказать, что некоторые части LVI корпуса (9-я воздушно-десантная дивизия и дивизия «Мюнхеберг») уже были отброшены в Берлин. По приказу Вейдлинга дивизии его корпуса постепенно распределились по секторам обороны города. Северо-восточная часть города была передана 9-й воздушно-десантной дивизии, юго-восточная — «Нордланду», южная — «Мюнхебергу», юго-западная — 20-й танко-гренадерской дивизии, западная — 18-й танко-гренадерской дивизии.

Какова была численность защитников Берлина? Традиционной для отечественной исторической литературы является оценка численности берлинского гарнизона в 200 тыс. человек. Однако эта цифра представляется завышенной примерно вдвое. Хорошую количественную оценку немецких войск в Берлине дает Зигфрид Кнаппе, в чине майора служивший начальником оперативного отдела LVI танкового корпуса. Он утверждает, что в подчинении корпуса во время штурма Берлина было пять дивизий численностью в две комплектные дивизии. Кнаппе оценивает численность соединений, подчиненных LVT корпусу, в 40 тыс. человек, а с учетом различных частей, находившихся на территории Берлина, — 60 тыс. человек и 50–60 танков. К цифре численности берлинского гарнизона, называемой в советских источниках, он относится скептически. Кнаппе считает эту цифру расчетной, исходя из штатной численности войск, а не из реального состояния к началу штурма города.

Помимо оценок Кнаппе есть конкретные цифры, приведенные в книге «The fall of Berlin» английских историков Энтони Рида и Дэвида Фишера. На 19 апреля в распоряжении военного коменданта Берлина генерал-лейтенанта Хельмута [610] Реймана было 41 253 человека. Из этого числа только 15 000 были солдатами и офицерами вермахта, люфтваффе и кригсмарине. В числе остальных было 1713 полицейских, 1215 «гитлерюгендов» и представителей рабочей службы и 24 000 фольксштурмистов. Теоретически в течение шести часов мог быть поставлен под ружье призыв, называвшийся «Clausewitz Muster», численностью 52 841 человек.

Но возможность такого призыва и его боевые возможности были достаточно условными. Кроме того, большой проблемой было вооружение и боеприпасы. Всего в распоряжении Реймана было 42 095 винтовок, 773 пистолетов-пулеметов, 1953 ручных пулеметов, 263 станковых пулеметов и небольшое число минометов и полевых орудий. Резюмируя состояние обороны города. Рид и Фишер называют Берлин «крепостью с бумажными стенами»{304}. В Берлине также дислоцировалось элитное подразделение «Караульный полк Великая Германия Берлин» (Wachregiment Grossdeutschland Berlin) под командованием майора Ленхофа. Отход в Берлин LVI танкового корпуса незначительно усилил гарнизон. Вейдлинг вспоминал: «56-й танковый корпус прибыл в Берлин, вернее, отступил в Берлин, имея в 18 мд до 4000 человек, в дивизии «Мюнхеберг» до 200 человек, артиллерию дивизии и четыре танка; мд СС «Нордланд» имела в своем составе 3500–4000 человек; 20 мд — 800–1200 человек; 9 адд — до 500 человек, но в Берлине она пополнилась до 4000 человек, т.е. 56 тк к началу своих операций непосредственно в Берлине насчитывал 13 000–15 000 человек»{305}. Разумеется, качественно регулярные войска превосходили фольксштурмистов, но их было недостаточно для эффективной обороны города. Особняком среди защитников Берлина стояла личная охрана Гитлера, насчитывавшая около 1200 человек.

Истина, как всегда, лежит посередине. Вышеприведенные цифры Кнаппе следует рассматривать как нижнюю [611] оценку, а советскую — как верхнюю. О численности защитников Берлина также свидетельствует количество взятых в ходе капитуляции пленных. Численность берлинского гарнизона можно оценить в 100–120 тыс. человек.

23 апреля

Штурмовавшую Берлин группировку советских войск можно условно разделить на три группы: северную (3-я ударная и 2-я гвардейская танковая армии), юго-восточную (5-я ударная, 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая армии) и юго-западную (войска 1-го Украинского фронта).

Северная группировка. Войска 3-й ударной армии 23 апреля вели бой в северо-восточной и северной части Берлина. Типичной для 3-й ударной армии в Берлинской операции была практика ротации дивизий в стрелковом корпусе. Корпуса наступали в двухэшелонном построении, с двумя дивизиями в первой

линии и одной дивизией — во второй. Состав дивизий первого эшелона постоянно менялся. Например, в 79-м стрелковом корпусе 23 апреля наступали 207-я и 150-я стрелковые дивизии, а 171-я стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон. Периодически корпуса разворачивали все три стрелковые дивизии в одну линию. Так были развернуты в линию дивизии 12-го гв. стрелкового корпуса 23 апреля. 23-я гв. стрелковая дивизия корпуса в ночь на 23 апреля овладела пригородом Панков и вела наступление в направлении пригорода Рейникендорфа. 52-я гв. стрелковая дивизия, очистив Вейсензее, вела уличные бои в северо-восточной части Берлина.

Командующий армией был недоволен темпами наступления. В. И. Кузнецов шифровкой высказал свое неудовольствие подчиненным ему командирам:

«В ночь на 23.4.45 и в течение дня войска армии фактически наступательных действий не вели. Командиры полков, дивизий и корпусов не потребовали от своих частей выполнения приказа на наступления, а их штабы (в особенности 207 и 150 сд 79 ск) потеряли управление частями и до 12.00 23.4.45 г. не знали, что делают войска и где они находятся. За [612] 23.4 в результате плохой организации боя 23 и 52 гвсд 12 гвск продвинулись только на 200–250 метров»{306}.

Наступление 3-й ударной армии замедлилось в связи с втягиванием ее соединения в плотно застроенные районы. Фаустпатроны стали универсальным средством борьбы: обороняющиеся применяли их не только против бронетехники, но и против орудий, установленных на прямую наводку на улицах города. Потери 3-й ударной армии за 23 апреля составили 124 человека убитыми и 841 человек ранеными.

После выхода главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта к Берлину, 2-я гв. танковая армия была перегруппирована в район к северо-западу от города. Армия С. И. Богданова, до этого наступавшая в боевых порядках общевойсковых армий, получила собственную полосу наступления. Также из 2-й гв. танковой армии был изъят 9-й гв. танковый корпус для действий к западу от Берлина.

В 22.40 22 апреля командующий 2-й гв. танковой армией приказал:

«2 гв. ТА из района Розенталь, приг. Панков наносит удар в общем направлении стрельбище Тегель, Сименсштадт, Вестенд и выходит в район Рулебен, иск. Груневальд, Шарлотенбург.

Командиру 1 МК — корпус вывести из боя и к 5.00 23.4.45 сосредоточить западнее Розенталь, Витенау, Борзигвальде, западная часть стрельбища Тегель и, переправившись через канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс, овладеть западной частью Сименсштадт. В последующем форсировать р. Шпрее и овладеть районом Рулебен, иск. Эйхкампф, Вестенд.

Командиру 12. гв. ТК корпус к 5.00 23.4.45 вывести из боя и сосредоточить в Хайнерсдорф. С 6.00 23.4.45 во взаимодействии с 1 МК наступать в направлении приг. Панков, приг. Рейникендорф, переправиться через канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс, овладеть восточной частью Симменсштадт. В последующем форсировать р. Шпрее и занять район Шарлоттенбург»{307}. [613]

Этим приказом 2-я гв. танковая армия выводилась из боев за Берлин и направлялась на юго-запад, в направлении берлинских пригородов. Пригороды с разреженной, в сравнении с центральной, частью города были соразмерной с возможностями механизированных соединений целью.

Выполняя приказ командующего армией, 1-й механизированный корпус к полуночи 22 апреля вышел из боя за Вейсензее и ночным маршем сосредоточился в назначенном районе. В 11.00 корпус перешел в наступление и к 3.00 захватил станцию Виттенау. 12-й гв. танковый корпус в 21.00 22 апреля вышел из боя и к 5.00 сосредоточился на исходных позициях для наступления. В наступление корпус перешел синхронно со своим соседом — в 11.00 23 апреля. К исходу дня корпус вышел к каналу Берлин-Шпандауэр-Шиффартс и уткнулся во взорванные переправы. Предстоял традиционный для Берлинской операции конвейер с форсированием канала пехотой, расширением плацдарма, постройкой моста или понтонной переправы для тяжелой техники.

Юго-восточная группировка. Для форсирования Шпрее 5-й ударной армии были приданы катера Днепровской флотилии. Это были связные полуглиссеры, вооруженные одним пулеметом «Максим». Полуглиссеры были подвезены к намеченному району на автомашинах, выгружены и спущены на воду. В 1.45 23 полуглиссер № 111 переправил первых 15 разведчиков на другой берег Шпрее. В ту ночь переправлялись передовые подразделения 301-й и 230-й стрелковых дивизий. Переправу прикрывала артиллерия.

С утра 23 апреля 5-й ударной армии был подчинен в качестве средства поддержки пехоты 11-й танковый корпус И. И. Ющука. По приказу Н. Э. Берзарина танковые бригады корпуса были приданы стрелковым корпусам и распределены по дивизиям:

36-я танковая бригада с 1071-м легко-артиллерийским полком — 85-й стрелковой дивизии 26 стрелкового корпуса;

65-я танковая бригада с 50-м тяжелым танковым полком и 243-м минометным полком — 60-й стрелковой дивизии 32-го стрелкового корпуса;

20-я танковая бригада с 1493-м самоходно-артиллерийским [614] полком — 230-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса.

22 апреля в соединениях 5-й ударной армии были созданы штурмовые группы для ведения городских боев. Состав групп варьировался от соединения к соединению. Например, в 60-й гв. стрелковой дивизии штурмовая группа состояла из стрелковой роты (40 человек), двух станковых пулеметов, двух 45-мм орудий, одной 76-мм дивизионной и одной 76-мм полковой пушки, одной-двух 122-мм гаубиц, двух СУ-76 или одного танка ИС-2. В 301-й стрелковой дивизии штурмовые группы состояли из двух отделений стрелков (15 человек), отделения саперов (5 человек), двух танков или САУ, одной-двух 76-мм дивизионных пушек или 122-мм гаубиц.

Задачей 1-й гв. танковой и 8-й гв. армий был охват Берлина с юга. Противником двух армий в юго-восточных районах Берлина были остатки дивизии СС «Нордланд» и отдельные части берлинского гарнизона. Первой неприятностью [615] на пути выполнения задачи захвата юго-восточной части Берлина была р. Шпрее. Для форсирования реки 8-й гв. армии был передан 273-й батальон амфибий. 29-му гв. стрелковому корпусу придавались одна рота и два взвода батальона (47 «Фордов»), а 28-му гв. стрелковому корпусу — одна рота и один взвод (40 «Фордов»). Плацдарм на Шпрее был захвачен во второй половине дня 82-й и 27-й гв. стрелковыми дивизиями 29-го гв. стрелкового корпуса в районе Адлерсхофа. Для переправы использовались подручные средства, амфибии и частично взорванный мост. Поддержку форсирования осуществляла артиллерия армии с плотностью до 200 стволов на километр фронта. После захвата плацдарма началось строительство понтонного моста, по которому переправлялись танки и САУ. 23 апреля в оперативное подчинение 8-й гв. армии вошла 64-я гв. танковая бригада (40 Т-34) из состава 1-й гв. танковой армии.

1-я гв. танковая армия вышла к Шпрее несколько севернее 8-й гв. армии. На 8.00 23 апреля 11-й гв. танковый корпус насчитывал боеготовыми 57 Т-34, 18 ИСУ-122, 8 СУ-100, 5 СУ-85, 2 СУ-57, 10 СУ-76: 8-й гв. механизированный корпус — 72 Т-34, 8 ИС-2, 9 СУ-100, 4 СУ-85, 2 СУ-57, 17 СУ-76.

На северном фланге армии М. Е. Катукова наступал 11-й гв. танковый корпус. В первой половине дня корпус форсировал р. Вуле и вышел к р. Шпрее в районе Карлсхорста и Обер-Шеневейде. Южнее 11-го гв. танкового корпуса наступал 8-й гв. механизированный корпус; Ранним утром бригады корпуса И. Ф. Дремова форсировали р. Вуле и вышли к р. Шпрее. Танковой армии М. Е. Катукова был придан 274-й батальон амфибий. 21-я гв. механизированная бригада с утра мотопехотой форсировала р. Шпрее в районе Кепеника (восточнее точки слияния Даме и Шпрее). Силами приданного 274-й батальона амфибий мотопехота бригады форсировала Даме. В дальнейшем бригада вела бой в восточной части Адлерсхофа. Танки бригады переправились через р. Шпрее на трех паромах к 20.30.

Юго-западная группировка. Попытка И. С. Конева упредить войска 1-го Белорусского фронта в выходе к Берлину потерпела неудачу еще на начальном этапе. 3-я гв. танковая [616] армия застряла на Барут-Цоссенском рубеже, а затем не смогла с ходу преодолеть Тельтов-канал. Поэтому в период, когда армии 1-го Белорусского фронта уже вышли на берлинские улицы в районе Вейсензее, 3-я гв. танковая армия готовилась к переправе через Тельтов-канал в юго-восточной части Большого Берлина. Наступление было назначено на 7.00 24 апреля. Во взаимодействии с механизированными соединениями 3-й гв. танковой армии должны были наступать подтянувшиеся к Берлину стрелковые дивизии 28-й армии. Совместно с 6-м гв. танковым корпусом должна была наступать 48-я стрелковая дивизия, с 9-м механизированным корпусом — 61-я стрелковая дивизия.

Помимо соединений 3-й гв. танковой армии к Тельтов-каналу вышел 10-й гв. танковый корпус 4-й гв. танковой армии. По приказу Д. Д. Лелюшенко корпусу ввиду предстоящих уличных боев была придана 350-я стрелковая дивизия. К 12.40 23 апреля корпус 62-й гв. танковой бригадой вышел к Тельтову, а 61-й гв. танковой бригадой продвигался на запад, в направлении Новавес. К исходу дня к Тельтов-каналу вышли 63-я гв. танковая бригада и 29-я гв. мотострелковая бригада.

Итогом торопливых решений 17–20 апреля был аншлаг, созданный 23 апреля на южных подступах к Берлину подвижными и стрелковыми соединениями 1-го Украинского фронта.

24 апреля

Директивой командующего 1-го Белорусского фронта № 00603/оп войскам детализировалась технология городских боев. В частности, рекомендовалось включать в состав штурмовых отрядов 8–12 орудий калибром от 45 мм до 203 мм, 4–6 минометов 82–120-мм.

Северная группировка. 3-я ударная армия 24 апреля с боями продвигалась к центру Берлина, овладела пригородом Рейникендорф и вышла на северный берег канала Берлин-Шпандауэр-Шиффартс в районе Фолькс-парка. Южнее канала простирался большой парк Симменсштадт, а юго-восточнее [617] — жилой массив района Плетцен-зее. Канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс при ширине 75 метров имел глубину 2–3 метра. Усложняли форсирование отвесно опускавшиеся к зеркалу воды бетонированные стены канала. Все мосты через канал были взорваны. В полночь 207-я стрелковая дивизия 79-го стрелкового корпуса двумя батальонами форсировала канал и ночью вела бои по его расширению. Была также предпринята попытка найти маршрут обхода. В 16.00 24 апреля 150-я стрелковая дивизия получила от командира корпуса приказ выйти к химическим и газовым заводам, найти переправу и к исходу 25 апреля выйти в район железнодорожной станции в 1 км западнее Рейхстага.

Ведение боевых действий в городе, в котором осталось неэвакуированное население, было сопряжено с большими трудностями морального и тактического характера. Как отмечалось в журнале боевых действий 3-й ударной армии:

«Очищение кварталов Берлина от войск противника затрудняется наличием неэвакуированного населения. Снайперы и отдельные группы солдат противника переодеваются в гражданскую одежду и скрываются в массе берлинских жителей. [618] Это затрудняет борьбу с ними и ведет к порядочным потерям (особенно в офицерском составе)»{308}.

Быстрого продвижения пока не получалось. 24 апреля В. И. Кузнецов устроил разнос командованию только что введенного в бой из резерва 7-го стрелкового корпуса:

«7 ск в течение истекших двух суток фактически топтался на одном месте. Все это происходило только потому, что лично командиры полков, дивизий и сам комкор по-настоящему бой не организовали и должной требовательности к своим подчиненным не проявили»{309}.

Для правого соседа 3-й ударной армии, 2-й гв. танковой армии 24 апреля также стало борьбой за преодоление канала Берлин-Шпандауэр-Шиффартс. Части 1-го механизированного корпуса к 8.00 24 апреля вышли на северный берег канала. Переправы, к которым вышли танкисты, были взорваны, и поиск невзорванных переправ маневрами вдоль канала успеха не принес. В течение дня корпус С. М. Кривошеина вел упорные бои за захват плацдармов на южном берегу канала Берлин-Шпандауэр-Шиффартс. Наиболее результативными были действия 19-й механизированной бригады, образовавшей плацдарм и успешно отразившей все контратаки на него. 12-й гв. танковый корпус основными силами 24 апреля также вышел к каналу Берлин-Шпандауэр-Шиффартс и вел бои за захват плацдарма.

Юго-восточная группировка. Второй день штурма города для стрелковых корпусов 5-й ударной армии прошел без громких успехов. Наступление 26-го гв. стрелкового корпуса по правому берегу р. Шпрее на запад от Силезского вокзала было встречено организованным огневым сопротивлением, и корпус успеха в продвижении не имел. Форсирование Шпрее 32-м стрелковым корпусом также пока не обещало решительного результата. К 24 апреля были захвачены два моста. Одним стрелковым батальоном 60-й гв. стрелковой дивизии был захвачен мост с Мален-штрассе, одним стрелковым батальоном 60-й гв. стрелковой дивизии и одним [619] стрелковым полком 416-й стрелковой дивизии — мосте с Варшауэр-штрассе. Однако корпус не мог их использовать для переправы на левый берег Шпрее главных сил, так как противник жестким сопротивлением сковал действия передовых подразделений по расширению плацдарма. Мосты продолжали оставаться в зоне огня всех видов оружия. Форсирование же реки, минуя мосты, при ширине ее в полосе корпуса 125–175 метров под непрерывным и сильным огнем, было сопряжено с большими потерями в личном составе и технике.

Только 9-й стрелковый корпус полностью переправился на западный берег Шпрее дивизиями первого эшелона. Переправа поначалу происходила на полуглиссерах Днепровской флотилии, затем катера стали буксировать паромы с тяжелой техникой.

Форсирование Шпрее 1-й гв. танковой армией также шло с переменным успехом. 8-й гв. механизированный корпус к утру 24 апреля закончил форсирование Шпрее на 60-тонных паромах, наведенных в районе Кепеника. Переправившись на западный берег, корпус И. Ф. Дремова начал наступление в северо-западном направлении и овладел Иоганисталем, Адлерсхофом, Бамшуленвегом и Брицем. 20-я гв. механизированная бригада форсировала р. Шпрее мотопехотой в районе Обер-Шеневейде, а танками — на переправе главных сил корпуса. К 20.00 бригада захватила переправой через канал в районе Бамшулевега и к 20.00 вела бой в районе Келлнише Хайде.

11-й гв. танковый корпус теоретически находился в более выгодном положении — его частями был захвачен плацдарм севернее плацдарма 8-го гв. механизированного корпуса. Однако при попытке форсировать главными силами р. Шпрее в районе северо-восточнее Бамшуленвега встретил сильное огневое сопротивление. Мотопехота 27-й гв. мотострелковой бригады, захватившая плацдарм в предыдущий день, не смогла его расширить до вывода переправы из-под огня противника. Район переправы простреливался огнем всех видов оружия из каменных зданий в 200–300 м от реки.

Паром, наведенный с большими трудностями, в первый же рейс был обстрелян артиллерией, а переправляющийся [620] на нем танк подожжен. Паром и танк затонули в 20 метрах от западного берега реки. Приказом М. Е. Катукова корпус А. Х. Бабаджаняна был в 12.30 развернут на переправу 8-го гв. механизированного корпуса. 45-я гв. танковая бригада переправилась через р. Шпрее в районе Кепеника. К исходу дня 11-й гв. танковый корпус вышел в пригород Трептов.

После захвата плацдарма на Шпрее 8-я гв. армия развивала наступление на северо-запад. 4-й гв. стрелковый корпус переправлялся на захваченный 28-м гв. стрелковым корпусом плацдарм. Его задачей было наступление вдоль железной дороги в районе Потсдамского и Ангальтского вокзалов. 29-й гв. стрелковый корпус должен был наступать на аэропорт Темпельхов. 28-й гв. стрелковый корпус должен был обеспечивать действия армии с юга и запада. Через Шпрее были переправлены танки и САУ. Так, 7-я гв. тяжелая танковая бригада в 11.00 24 апреля переправилась на паромах у Кепеника. Бригада ИСов была придана 29-му гв. стрелковому корпусу.

В 10.30 24 апреля 8-я гв. армия соединилась с 3-й гв. танковой армией 1-го Украинского фронта в районе Шенефельда. 4-й гв. стрелковый корпус вышел к Ландвер-каналу, а 28-й и 29-й гв. стрелковые корпуса — к Тельтов-каналу. Противник стремился остановить продвижение армии на рубеже двух каналов. Продвижение вперед было возможно после переправы через канал танков и артиллерии. Для наведения понтонного моста или паромной переправы требовалось расширением плацдарма вывести место форсирования из-под огня стрелкового оружия и града фаустпатронов. Танки 8-й гв. армии огнем с места поддерживали действия пехоты по захвату и расширению плацдарма. Борьба за Ландвер-канал в полосе 8-й гв. армии свелась к штурму невзорванного, но прикрываемого сильным огнем и баррикадами моста.

Юго-западная группировка. В 6.05 24 апреля по всему фронту 3-й гв. танковой армии началась мощная артиллерийская подготовка. Авиационная подготовка не проводилась из-за нелетной погоды. В 7.00 началось форсирование [621] Тельтов-канала пехотой. На участке 9-го механизированного корпуса переправились подразделения 69-й механизированной бригады. Однако направление наступления корпуса было правильно оценено противником как наиболее опасное и выводившее прямо к Берлину. Поэтому немцами были приняты решительные контрмеры. 69-я бригада подверглась контратаке пехоты при поддержке танков и не смогла удержать плацдарм. За день бригада потеряла более 400 человек.

Остальные корпуса армии П. С. Рыбалко сумели захватить и удержать плацдармы на северном берегу канала. Наилучший результат был достигнут 6-м гв. танковым корпусом. Преодолев канал, 22-я мотострелковая бригада отразила контратаки противника и создала предпосылки для постройки моста для переправы техники. На участке 7-го гв. танкового корпуса переправа была организована по обломкам моста у Штансдорфа. Однако после переправы на северный берег канала восьми СУ-76 под последней самоходкой мост обвалился. В итоге наиболее перспективным был признан плацдарм 6-го гв. танкового корпуса. Под прикрытием переправившихся частей корпуса армейские саперы навели два понтонных моста под грузы 30 тонн: один — в районе восточной части Тельтова, другой — в районе западной окраины Тельтова.

7-й гв. танковый корпус и 9-й механизированный корпуса были развернуты на переправы у Тельтова. В течение дня 24 апреля и ночи с 24 на 25 апреля на

северный берег канала по наведенным мостам переправлялись части всех трех корпусов армии П. С. Рыбалко. По восточному мосту переправились 52, 53, 55 и 56-я гв. танковые бригады, по западному — 51-я и 54-я гв. танковые бригады и 9-й механизированный корпус. Полк ИСов оставался в резерве, переправа грузоподъемностью 60 тонн была наведена 25 апреля.

К исходу 24 апреля 6-й гв. танковый корпус полностью переправил все бригады на северный берег канала и, развивая наступление в пригороде Лихтерфельде, вышел на линию железной дороги Берлин — Потсдам.

10-й гв. танковый корпус двумя бригадами (62-й гв. танковой [622] и 29-й гв. мотострелковой) пытался форсировать Тельтов-канал, но безуспешно. В итоге обе бригады были развернуты на переправу 3-й гв. танковой армии. 61-я и 63-я гв. танковые бригады действовали в направлении Потсдама, но также были остановлены перед каналом на подступах к городу.

25 апреля

Северная группировка. Войска 3-й ударной армии 25 апреля вели боевые действия за расширение плацдармов на канале Берлин-Шпандауэр-Шиффартс. Отправленная в обход 150-я стрелковая дивизия встретила сильное сопротивление и в середине дня вышла к каналу Берлин-Шпандауэр-Шиффартс на другом участке. В ночь с 25 на 26 апреля дивизия форсировала канал и занималась расширением захваченного плацдарма. Части 9-го танкового корпуса, танковые и самоходно-артиллерийские полки были распределены для непосредственной поддержки пехоты (см. таблицу). [623]

Справка о состоянии матчасти 9-го тк и отдельных полков 3-й ударной армии по состоянию на 24.00 24.4.45 г.

	Марка	В строю	Примечание
23 тбр 9 тк	Т-34	30	Придана 79 ск
95 тбр 9 тк	Т-34	15	Придана 7 ск
	СУ-100	5	
108 тбр 9 тк	Т-34	7	Придана 12 гв. ск
	ИС-2	6	

36 оттп	ИС-2	12	В резерве
	ИСУ-122	6	В резерве
1049 сап	СУ-100	9	В резерве
1415 сап	СУ-85	11	В резерве
	СУ-100	7	
1508 сап	СУ-76	12	В резерве
1818 сап	СУ-85	10	33 гв. сд
88 тп	Т-34	12	Придан 171 сд
	ИС-2	7	
351 тсап	ИСУ-152	17	Придан 207 сд
1203 сап	СУ-76	10	Придан 207 сд
1728 сап	СУ-76	18	Придан 364 сд

ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 505, л. 118.

25 апреля во 2-й гв. танковой армии стало днем сбора плодов борьбы за плацдармы на канале Берлин-Шпандауэр-Шиффартс в предыдущий день. В течение ночи на 25 апреля противник неоднократно пытался сбросить захвативший плацдарм батальон 19-й механизированной бригады в воду. Однако все атаки были отражены, а с утра 25 апреля батальон перешел в наступление и успешно расширил плацдарм до размеров, позволяющих беспрепятственно переправлять технику. Главные силы 19-й механизированной бригады к утру 25 апреля форсировали канал и начали продвижение вперед. На плацдарм 19-й мехбригады были рокированы 219-я танковая бригада и 37-я механизированная бригада. [624]

Успешное «вскрытие» плацдарма 1-м механизированным корпусом способствовало успеху 12-го гв. танкового корпуса. 48-я гв. танковая бригада корпуса была развернута на переправу соседа и в 21.00 уже завязала бой на территории заводов Симменсштадта. Основные силы 12-го гв. танкового корпуса начали переправу через канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс через переправу 1-го мехкорпуса в 18.00 25 апреля.

Однако нельзя сказать, что 12-й гв. танковый корпус паразитировал на успехе соседа. 34-я гв. мотострелковая бригада корпуса добилась крупного успеха абсолютно самостоятельно. Выйдя к взорванным переправам через канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс, подразделения бригады стали нащупывать слабое место в обороне противника. Оно обнаружилось в месте, где канал разделяется на два рукава. Здесь канал был технически труднее преодолим и поэтому захват плацдарма в этой точке оказался для противника полной неожиданностью. Средством форсирования канала стали лодки, найденные саперами на озере Плетцензее.

Закончив переправу и подтянув артиллерию, 34-я гв. мотострелковая бригада начала наступление и к 21.00 25 апреля захватила стадион Олимпия. Не останавливая продвижения вперед с наступлением темноты, бригада вышла к железнодорожному мосту через Шпрее. На мосту группа немецких саперов готовила его к взрыву. Быстрые и решительные действия предотвратили взрыв моста. В руках 12-го гв. танкового корпуса оказалась переправа, пригодная для танков и САУ.

Юго-восточная группировка. Лидирующее положение среди корпусов 5-й ударной армии по-прежнему занимал 9-й стрелковый корпус. Он продолжал наступать вдоль западного берега Шпрее с выпадом в тыл немецким частям перед фронтом соседнего 32-го стрелкового корпуса. Поскольку кровопролитная борьба за плацдармы пока не обещала успеха, усилия 32-го стрелкового корпуса были перенаправлены в полосу 26-го гв. стрелкового корпуса. В течение третьих суток боев за Берлин 5-я ударная армия продвинулась правым флангом и центром (26-й гв. стрелковый и 32-й стрелковый корпуса) на 450 метров и левым флангом (9-й стрелковый корпус) — на 2800 метров. [625]

После Шпрее следующим препятствием на пути 1-й гв. танковой и 8-й гв. армий были Тельтов-канал и Ландвер-канал. В 8.00 25 апреля войска 8-й гв. армии возобновили штурм города. Крупным успехом дня был захват переправы через Ландвер-канал частями 57-й гв. стрелковой дивизии. Наступление ее частей было настолько стремительным, что противник не успел разрушить подготовленный к взрыву мост. После разминирования мост был использован для переправы танков и артиллерии на западный берег канала. Тельтов-канал был форсирован частями 74-й гв. стрелковой дивизии и 39-й гв. стрелковой дивизии.

В противоположность неуспеху в форсировании Шпрее в предыдущий день удача сопутствовала 25 апреля наступлению корпуса А. Х. Бабаджаняна. 11 гв. танковый корпус 40-й гв. танковой бригадой в 16.00 вышел к Ландвер-каналу и захватил исправную переправу. 44-я и 45-я гв. танковые бригады были развернуты на маршрут 40-й гв. танковой бригады. 8-й гв. механизированный корпус после напряженного боя форсировал Тельтов-канал севернее Брица и втянулся в уличные бои в паутине улиц к северу от канала.

Юго-западная группировка. 25 апреля 3-я гв. танковая армия успешно развивала наступление веером с плацдарма у Тельтова. 7-й гв. механизированный корпус наступал на левом фланге, 6-й гв. танковый корпус — в центре и 9-й механизированный корпус — на правом фланге. В течение дня 7-й гв. танковый корпус очистил от противника берлинские пригороды Берлин-Эйгенхерт, Целендорф, Шлахтзее, Николазее. 9-й механизированный корпус наступал во фланг и тыл группировке противника, не позволившей корпусу форсировать Тельтов-канал. 6-й гв. танковый корпус лидировал наступление танковой армии П. С. Рыбалко на Берлин. В течение дня части корпуса очистили от противника район Далем и подошли к пригороду Шмаргендорф, за которым уже начинались кварталы плотной застройки, собственно город Берлин.

Совместно с 3-й гв. танковой армией в районе Далема действовали три бригады 10-го гв. танкового корпуса 4-й гв. танковой армии. 61-я гв. танковая бригада того же корпуса, [626] оставшаяся на южном берегу канала, пыталась пробиться на запад в Потсдам, но без особого успеха.

Продвигаясь к Берлину, частям 3-й гв. танковой армии пришлось пожинать плоды выхода в полосу соседнего фронта. Во второй половине дня 25 апреля бомбардировочная авиация 1-го Белорусского фронта с больших высот бомбила боевые порядки армии Рыбалко. Было убито и ранено до 100 человек, сожжено 16 автомашин и разбито 6 орудий.

26 апреля

Северная группировка. Успешно преодолев канал Берлин-Шпандауэр-Шиффартс, войска 3-й ударной армии 25 апреля вышли к следующей водной преграде — каналу Фарбингдус. 150-я стрелковая дивизия в 12.00 после сильной артподготовки атаковала мост через канал, но прорваться через него не смогла. 171-я стрелковая

дивизия в 3.15 одним полком форсировала пехотой Фарбингдус-канал. Однако после ряда контратак противника при поддержке бронетехники плацдарм пришлось эвакуировать. 12-й гв. стрелковый корпус в течение дня выбил противника из нескольких кварталов, при этом атаки 52-й гв. стрелковой дивизии вообще успеха не имели.

Захваченный 34-й гв. мотострелковой бригадой 2-й гв. танковой армии железнодорожный мост через Шпрее был приспособлен для переправы танков к 6.00 26 апреля. Однако по условиям местности мост находился на возвышенности. Поэтому появляющиеся на нем танки становились прекрасной мишенью для артиллерии противника. Ввиду ожесточенного артобстрела моста было решено отложить переправу 12-го гв. танкового корпуса на темное время суток.

В полосе своего наступления 1-й механизированный корпус уперся в череду взорванных переправ через Шпрее. Поэтому во второй половине дня 26 апреля корпус С. М. Кривошеева пытался образовать плацдармы на южном берегу реки. Расширение захваченных мотопехотой плацдармов затруднялось наличием у противника бронетехники. Переправившаяся [627] через Шпрее мотопехота 35-й механизированной бригады была контратакована 4 САУ при поддержке батальона пехоты и была вынуждена отойти в исходное положение. Мотопехота 37-й механизированной бригады также столкнулась с серьезными трудностями при расширении плацдарма, захваченного у ипподрома.

Юго-восточная группировка. В наступлении 5-й ударной армии по-прежнему лидировал 9-й стрелковый корпус. За день корпусом были очищены от противника 80 кварталов. 26-й гв. стрелковый и 32-й стрелковый могли похвастаться захватом всего нескольких кварталов.

26 апреля 1-я гв. танковая армия развивала наступление в северо-западном направлении, ведя упорные уличные бои в районе Нейкельна. В результате ожесточенных боев войска армии за день овладели 30 кварталами города Берлин. Противник оказывал противодействие огнем прямой наводки артиллерии, танков и САУ, залповым огнем фаустпатронов.

Центральной фигурой в уличных боях стала штурмовая группа. Штурмовые группы, сколоченные в частях армии в период подготовки к Берлинской операции, к началу штурма Берлина фактически распались в результате напряженных боев на

подступах к городу. Восстанавливать группы пришлось на ходу, в ходе боев. Это обстоятельство, а также острый недостаток своей пехоты в значительной степени понизили эффективность действий штурмовых групп.

Штурмовые группы создавались в корпусах армии Катукова из расчета 2–3 на бригаду с учетом того, что к этому времени бригады имели незначительное количество танков и мотопехоты. В частности, в 20-й гв. механизированной бригаде были созданы две штурмовые группы:

штурмовая группа № 1.

а) подгруппа блокирования (взвод мотопехоты, отделение саперов);

б) подгруппа обеспечения (два взвода мотопехоты, взвод ПТР);

в) два 76-мм и одно 57-мм орудие;

штурмовая группа № 2. [628]

а) подгруппа блокирования (взвод мотопехоты, отделение саперов);

б) подгруппа обеспечения (два взвода мотопехоты, рота ПТР);

в) два 76-мм и два 57-мм орудия.

Обе группы действовали по одной улице (одна — по правой стороне, другая — по левой). Подгруппы блокирования [629] подрывали дома, блокировали огневые точки. Подгруппа обеспечения одной штурмовой группы своим огнем обеспечивала действия подгруппы блокирования соседей, двигающихся по другой стороне улицы. Танки бригады (на 26 апреля их в 20-й гв. мехбригаде оставалось всего 8) обеспечивали огнем продвижение штурмовых групп.

Штурмовые группы также были основой действий пехоты 8-й гв. армии. Используя опыт уличных боев в Познани, штурмовые группы успешно продвигались вперед, от одного квартала к другому, окружали и уничтожали разрозненные группы противника. Глубокое вклинение штурмовых групп нарушало общую систему обороны, и она рассыпалась. Штурмовой отряд 82-й гв. стрелковой дивизии, приобретший большой опыт в Познани, смелыми и решительными действиями прорвался вперед и к 12.00 вышел в район тюрьмы севернее аэропорта Темпельхоф. Главные силы 82-й и 27-й гв. стрелковых дивизий, используя успех

штурмового отряда и уничтожая оставшиеся группы противника, вплотную подошли к аэропорту Темпельхоф.

Юго-западная группировка. 26 апреля первые части армии П. С. Рыбалко наконец пробились на улицы Берлина. 6-й гв. танковый корпус быстро продвигался вперед, овладев в течение дня всем районом берлинских пригородов Шмаргендорф и Рейгау. После этого 51-я гв. танковая бригада вышла к станции Шмаргендорф круговой железной дороги. Наступление 9-го механизированного корпуса против своих старых оппонентов в форсировании канала Тельтов развивалось 26 апреля не слишком успешно. Корпус имел незначительное продвижение в наступлении по обе стороны железной дороги.

Одновременно 26 апреля произошел прорыв из хальбского «котла» части сил окруженных к юго-западу от Берлина войск 9-й армии. Это событие заставило И. С. Конева принимать срочные меры. К Баруту были направлены 63-я танковая бригада 4-й гв. танковой армии, 54, 50 и 96-я стрелковые дивизии 28-й армии. [630]

27 апреля

Северная группировка. Выволочка, устроенная командующим 3-й ударной армией в адрес командира 7-го стрелкового корпуса В. А. Чистова, на следующий день привела к его смене на генерал-полковника Я. Т. Черевиченко. Впрочем, смена командования на темпы продвижения корпуса не повлияла. 12-й гв. стрелковый корпус 3-й ударной армии 27 апреля имел незначительное продвижение вперед. 23-я и 52-я гв. стрелковые дивизии заняли несколько кварталов, 33-я гв. стрелковая дивизия — буквально несколько зданий. Потерпевшие неудачу в форсировании Шпрее 26 апреля дивизии 79-го стрелкового корпуса были развернуты на новое направление. В течение ночи и с утра 27 апреля дивизии корпуса очистили от противника кварталы юго-восточнее Симменсштадта и вышли на берег Шпрее. 171-я стрелковая дивизия форсировала Фербингдус-канал и заняла исходное положение для штурма Моабита.

С утра 27 апреля подразделения 1-го механизированного корпуса отражали контратаки противника на захваченные на южном берегу Шпрее плацдармы. Отразив все атаки, бригады перешли в наступление. Расширяя плацдарм, мотострелковые батальоны бригад в 14.30 27 апреля соединились с частями 55-й гв. танковой бригады 7-го гв. танкового корпуса 3-й гв. танковой армии. Войска 1-

го Белорусского и 1-го Украинского фронта соединились к западу от Берлина, окончательно изолировав гарнизон города от цепочки озер к западу от Берлина.

Наметившаяся встреча двух фронтов заставила С. И. Богданова развернуть корпус С. М. Кривошеина на Берлин. Задача очистки западных пригородов Берлина была решена, и первоочередной задачей наступления становился Шарлоттенбург. В 10.00 27 апреля командующий 2-й гв. танковой армией приказал:

«Командиру 1 МК — переправу через р. Шпрее произвести на участке 12-го гв. танкового корпуса, после переправы овладеть юго-восточной частью Вестенд, юго-западной частью Шарлоттенбург. В дальнейшем наступать в направлении [631] Нойекант-штрассе, Зоологический сад, Тиргартен-штрассе, частью сил наступать по южному берегу Ландвер-канал»{310}.

Главные силы 1-го механизированного корпуса выступили в район переправ 12-го гв. танкового корпуса и к 16.00 [632] переправились через р. Шпрее в районе станции Юнгфернхайде. В 18.00 бригады корпуса С. М. Кривошеева уже наступали по берлинским улицам. В заслоне на прежнем направлении наступления была оставлена 19-я механизированная бригада.

Тем временем 12-й гв. танковый корпус под покровом темноты к 6.00 27 апреля переправил на южный берег Шпрее 49-ю гв. танковую бригаду. Наступая на юг, во второй половине дня бригада вышла к станции Вестенд, от которой двинулась на запад. Под сильным огнем бригада медленно, но верно продвигалась в направлении парка Тиргартен. Вскоре переправились через Шпрее остальные бригады корпуса. К концу дня 12-й гв. танковый корпус глубоко вклинился в один из центральных районов Берлина — Шарлоттенбург. 27 апреля 2-й гв. танковой армии была передана 2-я гаубичная артиллерийская бригада Войска Польского.

Юго-восточная группировка. За день 27 апреля войска 5-й ударной армии очистили от противника свыше 40 кварталов. За 26 и 27 апреля продвижение 5-й ударной армии составило 1250 метров. До Рейхстага оставалось 2250 метров по прямой. В заключительный период боев за Берлин состав штурмовых групп соединений 5-й ударной армии уменьшался, их численность редко превышала 15 человек. В батальонах первых эшелонов с успехом действовали штурмовые группы из 3–5 автоматчиков, 1–2 снайперов, 1 пулеметчика, 2–3 саперов, 1–2 химиков. Сокращение состава штурмовых групп объяснялось не только понесенными

потерями, но и сужением полос наступления по мере приближения к центру города. Стрелковый полк наступал в этот период на фронте 200–250 м.

В ночь на 27 апреля и в течение дня 27 апреля войска 1-й гв. танковой армии во взаимодействии с 8-й гв. армией продолжали наступление, в результате которого к 15.00 выбили противника из 80 кварталов Берлина и вышли к железнодорожному узлу южнее Ангальтского и Потсдамского вокзалов (южнее канала).

Гвардейцы М. Е. Катукова, несомненно, были элитой Красной армии и вполне достойными кандидатами на роль [633] покорителей Рейхстага. После выхода танковой армии к двум вокзалам командующий фронтом поставил М. Е. Катукову задачу: с овладением железнодорожным узлом южнее Ангальтского и Потсдамского вокзалов танковым корпусом форсировать канал западнее Потсдамского вокзала и нанести удар в направлении Рейхстага.

В соответствии с возложенной на него Жуковым почетной миссией командующий 1-й гв. танковой армией приказал:

«11 гв. тпк с прежними частями усиления и 274-м батальоном особого назначения с овладением сетью ж.д. путей южнее Ангальтского и Потсдамского вокзалов и выходом на рубеж Потсдамер штрассе форсировать канал на участке Потсдамский вокзал, Виктория штрассе и нанести удар на север вдоль Герман Геринг штрассе и овладеть Рейхстагом»{311}.

Как мы видим, 274-й батальон амфибий был отобран у корпуса И. Ф. Дремова и передан корпусу А. Х. Бабаджаняна. Задачей 8-го гв. механизированного корпуса было овладение юго-западной частью парка Тиргартен, войдя в связь с 2-й гв. танковой армией.

Если нанести поставленную Катуковым задачу 11-го гв. танкового корпуса на карту Берлина, то с высоты сегодняшнего знания нельзя не удивиться заключенному в ней парадоксу. Корпус Амазаспа Бабаджаняна должен был пройти мимо бункера фюрера и выйти к зданию, имеющему преимущественно символическое значение.

Тем временем стрелковые части 8-й гв. армии вышли к Ландвер-каналу южнее Ангальтского вокзала, к юго-востоку от Рейхсканцелярии. В 9.00 27 апреля к мосту через канал вышли танки ИС-2 104-го полка 7-й гв. тяжелой танковой бригады совместно с частями 82-й гв. стрелковой дивизии. Перед мостом было построено несколько баррикад и завалов. Из-за баррикад и из зданий на северном берегу

канала ИСы и двигающихся впереди них пехотинцев встретил шквал огня. К вечеру 27 апреля к передовым частям подтянулись [634] основные силы 7-й гв. танковой бригады и 82-й гв. стрелковой дивизии.

Юго-западная группировка. Быстро пробившись к Берлину после форсирования Тельтов-канала, 3-я гв. танковая армия 27 апреля почувствовала горький вкус постепенного прогрызания обороны противника в городских кварталах. 6-й гв. танковый корпус встретил упорное сопротивление противника на рубеже кольцевой железной дороги и продвижения почти не имел. Также неуспешными были действия частей 10-го гв. танкового корпуса 4-й гв. танковой армии. 61-я гв. танковая бригада корпуса вела бои за Потсдам, но успеха не имела. В Потсдаме оборонялась наспех созданная дивизия «Потсдам» под командованием бывшего коменданта Берлина Рейнмана. 63-я гв. танковая бригада и 350-я стрелковая дивизия 27 и 28 апреля без особого успеха вели боевые действия у острова Ванзее. Переправиться через канал и захватить остров не удалось.

Вторжение 9-го механизированного корпуса в район Фриденау и выход на Хаупт-штрассе было слабым утешением. До Рейхстага частям механизированного корпуса оставалось 8 км. Преодоление этих 8 км по берлинским улицам [635] могло занять несколько суток. 7-й гв. танковый корпус тем временем продвигался дальше на север, мимо Берлина, навстречу 2-й гв. танковой армии 1-го Белорусского фронта.

Угроза прорыва немцев из хальбского «котла» заставила П. С. Рыбалко поднять по тревоге 71-ю механизированную бригаду и направить ее в Шперенберг. 16-я самоходно-артиллерийская бригада и 57-й гв. тяжелый танковый полк оставались в районе Берлинерринг, в качестве резерва на случай прорыва противника из хальбского «котла» в Берлин.

28 апреля

Северная группировка. В течение 28 апреля важнейшим направлением наступления 3-й ударной армии был район Моабита, лежавший непосредственно к северу от Рейхстага. 150-я и 171-я стрелковые дивизии совместными усилиями очистили от противника тюрьму политических заключенных «Моабит». К концу дня части 79-го стрелкового корпуса очистили от противника район Моабит и вышли на берег р. Шпрее. 7-й стрелковый корпус в 10.10 после артподготовки перешел в наступление, но успеха не имел. 12-й гв. стрелковый корпус силами 33-й

стрелковой дивизии овладел несколькими кварталами, остальные дивизии корпуса продвижения не имели.

Корпуса 2-й гв. танковой армии 28 апреля наступали с запада в направлении парка Тиргартен. В центральной части города им пришлось столкнуться с вкопанными в землю танками роты «Берлин». 219-я танковая бригада в районе станции метро на Кайзер-дамм-Бисмарк-штрассе встретила сильный огонь врытых в землю танков. Бригадой был предпринят обходной маневр. Позднее эти вкопанные в землю танки были уничтожены 35-й механизированной бригадой того же корпуса С. М. Кривошеева. 12-й гв. танковый корпус к вечеру 28 апреля подошел к Ландвер-каналу на подступах к парку Тиргартен.

Юго-восточная группировка. Продолжая упорные бои на улицах Берлина, войска 5-й ударной армии на отдельных [636] участках продвинулись вперед и очистили от противника 27 кварталов. Наиболее успешно продвигался 9-й стрелковый корпус, выбивший противника из 23 кварталов. 28 апреля в оперативное подчинение 5-й ударной армии прибыли для разрушения особо прочных зданий города два дивизиона (331-й и 332-й) 305-мм орудий. Они заняли позиции в районе станции Лихтенберг.

По мере продвижения советских войск к центру города, сопротивление противника становилось все более ожесточенным. Остатки берлинского гарнизона упорно оборонялись, используя водные рубежи и оборонительные сооружения. В этот период бои шли уже не за улицы и кварталы, а за отдельные здания и перекрестки улиц. Бои в каменных джунглях не прекращались даже после захвата того или иного объекта. Отдельные пехотинцы и фаустники, используя развалины зданий и действуя поодиночке, выводили из строя технику, наносили потери в людях даже в тылу наступающих частей.

Махина танковой армии М. Е. Катукова, будучи зажатой в узкой полосе, ограниченной несколькими улицами, была [637] вынуждена действовать ограниченным числом танков и САУ. Остальная техника стояла на улицах в колоннах, неся потери от артиллерии и затаившихся в развалинах фаустников и просто фольксштурмистов и гитлерюгендов с винтовками и автоматами. Расширить полосу, однако, было невозможно из-за недостатка пехоты в корпусах армии. К моменту начала боев на улицах Берлина 1-я гв. танковая армия имела в танковых

бригадах по 80–100 человек мотопехоты, а в механизированных бригадах — 300–450 человек мотопехоты. В ходе боев, в связи со значительными потерями, количество мотопехоты сократилось еще больше. Это привело к тому, что вся тяжесть уличных боев была переложена на танки, САУ и артиллерию. Кроме того, не имея достаточного количества мотопехоты, части не имели возможности очищать от мелких групп противника уже пройденные с боем кварталы. Лишь частично мотопехоту удалось пополнить за счет тылов и частей боевого обеспечения. Также были изъяты автоматчики из специальных частей — мотоциклетных, химических и т.п.

Быстрый прорыв к Рейхстагу 11-го гв. танкового корпуса не состоялся. 40-я гв. танковая бригада с батальоном 27-й гв. мотострелковой бригады к 13.00 вышла к переправе через Ландвер-канал на Флот-Велль-штрассе (непосредственно к югу от комплекса правительственных зданий). Здесь бригаду встретила баррикада, которая была расчищена только к 22.00. После преодоления баррикады 40-я танковая бригада попыталась форсировать канал, но была встречена сильным огнем противника и успеха не имела. 44-я и 45-я гв. танковые бригады и два батальона 27-й гв. мотострелковой бригады добились несколько лучшего результата. Им удалось форсировать Ландвер-канал, и к 22.00 они вели бои в районе восточнее Ангальтского вокзала. Совместно с двумя бригадами корпуса А. Х. Бабаджаняна наступали дивизии 29-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии. Они форсировали Ландвер-канал и завязали бои за Ангальтский и Потсдамский вокзалы. Вследствие взрыва переправ в полосе 82-й гв. стрелковой дивизии, ИСы 7-й гв. танковой бригады переправились через Ландвер-канал восточнее, в полосе 74-й гв. стрелковой дивизии. [638] Попытки танкистов пробиться к пехоте 82-й гв. стрелковой дивизии к успеху не привели, было потеряно 4 ИС-2 сожженными и 1 подбитым.

8-й гв. механизированный корпус наступал в направлении Зоологического сада и в течение дня очистил от противника 60 кварталов города. К 22.00 28 апреля корпус с боями вышел в кварталы в 300–500 м юго-восточнее Зоологического сада. Здесь части корпуса И. Ф. Дремова были задержаны сильным огнем противника из района Зоологического сада.

Юго-западная группировка. Поскольку 27 апреля наступление 3-й гв. танковой армии в глубь берлинских улиц было неуспешным, И. С. Конев сделал следующий

ход: все корпуса армии П. С. Рыбалко были развернуты на Берлин и усилены пехотой 28-й армии. В 20.45 27 апреля П. С. Рыбалко поставил задачу частям армии во взаимодействии с 20-м стрелковым корпусом 28-й армии полностью овладеть юго-западной частью Берлина и выйти на Ландвер-канал.

9-й механизированный корпус получил задачу наступать во взаимодействии с 61-й стрелковой дивизией в общем направлении на парк Генриха V, Виктория-штрассе, к исходу 28 апреля выйти на Ландвер-канал.

6-й гв. танковый корпус получил задачу во взаимодействии с 48-й стрелковой дивизией наступать в общем направлении ст. Шмаргендорф, Пройсен-парк, Виланд-штрассе и к исходу 28 апреля выйти на Ландвер-канал.

7-й гв. танковый корпус получил задачу во взаимодействии с 20-й стрелковой дивизией наступать в общем направлении на Зоологический сад.

С утра 28 апреля после артиллерийской подготовки части 3-й гв. танковой армии перешли в наступление. На северном фланге армии наступал с запада на восток 7-й гв. танковый корпус. 55-й гв. танковой бригадой корпус преодолел кольцевую железную дорогу у станции Вест Кройц, 23-я гв. мотострелковая бригада вела бои в районе станции Халензее. В центре построения армии П. С. Рыбалко наступал 6-й гв. танковый корпус. Результаты наступления были умеренными: 52-я гв. танковая бригада не смогла продвинуться вперед [639] у станции Гогенцоллерндамм, 51-я и 53-я гв. танковые бригады вышли к исходу дня на Берлинер-штрассе (к юго-востоку от станции Гогенцоллерндамм). Несколько успешнее наступал 9-й механизированный корпус, но из-за его наступления на стыке с войсками 1-го Белорусского фронта возникли трения на самом высоком уровне.

Вечером 28 апреля началось разбирательство относительно толкания локтями войск двух фронтов на берлинских улицах. Вечером 28 апреля в 20.45 И. С. Конев направил Г. К. Жукову просьбу изменить направление наступления: «По донесению т. Рыбалко, армии т. Чуйкова и т. Катукова 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала. Таким образом, [640] они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север. Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова»{312}. Тот факт, что своим наступлением 3-я

танковая армия пересекла почти половину полосы 1-го Белорусского фронта, был оставлен за кадром. Г. К. Жуков в ответ на это безобразие и ультимативного облика просьбу в 22.00 28 апреля флегматично обратился к И. В. Сталину, описав свой план действий и возникшие сложности взаимодействия фронтов. Завершил он послание Верховному фразой: «Прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине»{313}.

К тому моменту судьба Рейхстага уже была решена. Вечером 28 апреля части 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии уже стояли на берегу Шпрее у моста Мольтке. До Рейхстага им оставалось пройти всего несколько сотен метров. Спешка и беспокойство относительно возможного выхода союзников к Берлину остались позади. В 21.20 (т.е. за 40 минут до запроса Жукова) директивой Ставки ВГК разграничительная линия между двумя фронтами была сдвинута на северо-запад, окончательно отрезав И. С. Конева от Рейхстага.

29 апреля

На 29 апреля командованием 1-го Белорусского фронта был назначен общий штурм окруженной берлинской группировки противника, засевшей в районе парка Тиргартен, к северо-востоку и юго-западу от него. Артподготовка по всему фронту была спланирована продолжительностью 30 минут — с 11.30 до 12.00. [641]

Северная группировка. Войсками 3-й ударной армии 29 апреля был предпринят первый штурм Рейхстага. Армия сохраняла прежнее построение — все корпуса в линии. Очередной оборот ротации дивизий в первом эшелоне привел к тому, что в первом эшелоне 79-го стрелкового корпуса наступали 150-я и 171-я стрелковые дивизии. Бронетехника была распределена для непосредственной поддержки пехоты (см. таблицу).

Справка о состоянии матчасти 9-го тк и отдельных полков 3-й ударной армии по состоянию на 28.4.45 г.

	Марка	В строю	Примечание
23 тор 9 тк	Т-34	30	Придана 150 сд
95 тбр 9 тк	Т-34	11	Придана 146 сд

	ИС-2	1	
	СУ-100	5	
	Т-34	9	
108 тбр 9 тк	ИС-2	5	Придана 52 гв. сд
	ИСУ-122	5	
36 оттп	ИС-2	15	В резерве
	ИСУ-122	5	
1049 сап	СУ-100	15	В резерве
1415 сап	СУ-100	7	В резерве
	СУ-85	11	
1508 сап	СУ-76	14	В резерве
1728 сап	СУ-76	17	Придан 146 сд
1729 сап	СУ-76	16	Придан 23 гв. сд
88 ттп	ИС-2	5	Придан 23 гв. сд
1818 сап	СУ-85	4	Придан 33 гв. сд
	СУ-100	6	
351 тсап	ИСУ-152	16	Придан 150 и 171 сд
85 тп	Т-34	10	Придан 150 сд
	ИС-2	6	
1203 сап	СУ-76	7	Придан 171 сд

ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 505, л. 136. [642]

По таблице хорошо просматривается концентрация бронетехники в 79-м стрелковом корпусе, наступающем на Рейхстаг. Для поддержки 150-й и 171-й стрелковых дивизий была выделена наиболее боеспособная танковая бригада 9-го танкового корпуса, полк ИСУ-152 и сохранивший 16 танков 85-й танковый полк.

Ни по первоначальному плану Берлинской операции, ни по промежуточным директивам Г. К. Жукова 3-я ударная армия не числилась среди потенциальных

покорителей Рейхстага. Однако замысловатая логика развития крупного сражения вывела части армии В. И. Кузнецова на дистанцию, с которой было хорошо видно здание с куполом, башенками и колоннами.

Еще в полночь 28 апреля части 171-й стрелковой дивизии полковника А. И. Негоды форсировали Шпрее и завязали бой в 800 метрах от Рейхстага. Однако для решительного штурма требовался захват переправы. Наиболее заманчивым вариантом преодоления Шпрее был захват капитального моста Мольтке у «дома Гиммлера». Планом командира 79-го стрелкового корпуса предусматривалось захватить мост Мольтке в ночь на 29 апреля. Эта задача возлагалась на подразделения 171-й стрелковой дивизии. Они же должны были форсировать р. Шпрее северо-восточнее моста.

Задачи соединениям 79-го гв. стрелкового корпуса были поставлены в боевом распоряжении командира корпуса генерал-майора С. Н. Переверткина № 0025 от 28 апреля 1945 г.:

«...3. 150-й стрелковой дивизии — одним стрелковым полком — оборона на р. Шпрее. Двумя стрелковыми полками продолжить наступление с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть западной частью рейхстага...

4. 171-й стрелковой дивизии продолжать наступление в своих границах с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть восточной частью рейхстага...»{314}.

Для артиллерийской поддержки переправы были установлены для стрельбы прямой наводкой три батареи 1957-го истребительного противотанкового полка (девять 57-мм [643] орудий), три 152-мм гаубицы (из 86-й гаубичной бригады), шесть 45-мм противотанковых орудий, три 76-мм дивизионные пушки (из состава дивизиона 328-го артиллерийского полка). С закрытых позиций действия штурмующих поддерживались дивизионом 328-го артиллерийского полка (без одной батареи) и частью сил дивизионной артиллерийской группы и корпусной группы (3, 4/86 гаубичной бригады, 1/124 тяжелой гаубичной бригады большой мощности, дивизион 50-го минометного полка и дивизион гвардейских минометов).

В период 00.30 до 1.30 29 апреля 380-й стрелковый полк 171-й стрелковой дивизии под прикрытием артиллерийско-минометного огня захватил мост Мольтке, овладел домом юго-восточнее моста Мольтке и закрепился. Не останавливаясь, части двух дивизий бросились к Рейхстагу. В атаке участвовали 756-й стрелковый полк 150-й

стрелковой дивизии, 380-й и 525-й стрелковые полки 171-й стрелковой дивизии. В 15.00 атакующие части приступили к штурму Рейхстага. Однако захватить здание или хотя бы закрепиться в Рейхстаге им не удалось. Как было записано в журнале боевых действий 79-го стрелкового корпуса, «немцы в предсмертных судорогах, с оружием в руках с исключительным упорством обороняли каждое окно, каждую дверь и каждую лестничную клетку». Части двух дивизий залегли в непосредственной близости от главного здания Рейхстага. В 23.00 29 апреля, подтянув артиллерию, части двух дивизий предприняли второй штурм Рейхстага. Одной из помех для штурма стал огонь противника из Кроль-оперы, стоявшей напротив Рейхстага. Несмотря на неуспех штурма 29 апреля, частями 150-й и 171-й стрелковых дивизий был захвачен «дом Гиммлера» — здание МВД. Потери соединений в форсировании Шпрее и неудачном штурме Рейхстага были умеренными. 150-я стрелковая дивизия потеряла 29 апреля 18 человек убитыми и 50 ранеными, 171-я стрелковая дивизия — 14 убитыми и 31 ранеными.

Поскольку к тому времени хальбский «котел» к юго-востоку уже был обжат наступающими советскими войсками до небольшого лесного района к востоку от Хальбе, штурмующие [645] Берлин получили пополнение. 3-й ударной армии был передан 38-й стрелковый корпус из состава 33-й армии. На 30 апреля корпус получил от В. И. Кузнецова задачу наступать вдоль Ферберлинер-штрассе.

12-й гв. танковый корпус 2-й гв. танковой армии в ночь на 29 апреля силами 34-й гв. мотострелковой бригады захватил исправный мост через Ландвер-канал, чем обеспечил быструю переправу через канал. Днем 29 апреля части корпуса расширяли плацдарм. Попытки форсировать канал частями соседнего 1-го механизированного корпуса успехом не увенчались.

Юго-восточная группировка. До Рейхстага войскам 5-й ударной армии оставалось пройти 1500 метров, а От передовых частей 3-й ударной армии части армии Н. Э. Берзарина отделяло 1750 метров.

М. Е. Катуков поставил корпусам своей армии задачу очистить от противника парк Тиргартен и частями 8-го гв. механизированного корпуса войти в связь с 2-й гв. танковой армией. На 8.00 29 апреля в 11-м гв. танковом корпусе насчитывалось боеготовыми 42 Т-34, 10 СУ-100, 5 СУ-85, 2 СУ-57, 8 СУ-76, в 8-м гв. механизированном корпусе — 56 Т-34, 9 ИС-2, 9 СУ-100, 3 СУ-85, 2 СУ-57, 17 СУ-

76. В 12.00 29 апреля, после 30-минутной артподготовки из всех огневых средств, войска 1-й гв. танковой армии и 8-й гв. армии перешли в наступление.

Части 8-го гв. механизированного корпуса в результате ожесточенных боев к 21.00 вышли к Будапештер-штрассе на участке южнее Зоологического сада. Дальнейшее продвижение задерживалось сильным огнем противника из сада. М. Е. Катуков вспоминал: «Зоологический сад, за которым виднеется зеленый массив парка Тиргартен, обнесен железобетонным забором двухметровой высоты. В самом парке возвышались железобетонные бункера, а каменные здания были заранее подготовлены к обороне. Все улицы, ведущие к зоосаду, были перекрыты баррикадами, которые простреливались артиллерийско-пулеметным огнем. Гарнизон сада насчитывал до 5 тысяч человек. Ликвидировать этот последний [646] узел обороны нам предстояло совместно с гвардейцами 39-й стрелковой дивизии»{315}.

Если быть точным, то в Зоологическом саду возвышались не «бункера», а один бункер — башня ПВО Flaktuerm I. Башня использовалась немцами как укрытие от огня советской артиллерии. Обстрел башни 152-мм артиллерией был безрезультатным. С наступлением темноты корпус И. Ф. Дремова продолжал бой за Зоологический сад штурмовыми группами и сильной разведгруппой 8-го гв. мотоциклетного батальона. К 4.00 были захвачены дома и церковь южнее Зоологического сада.

Тем временем 11-й гв. танковый корпус подошел вплотную к комплексу правительственных зданий, в который входила Рейхсканцелярия. Однако 40-я гв. танковая бригада, которая в течение дня вела бой за переправу через Ландвер-канал, успеха не имела. Танкисты даже не подозревали, [647] что от бункера фюрера бригаду отделяли буквально несколько улиц. На этом направлении оборонялись остатки 24-го танко-гренадерского полка дивизии «Нордланд». 44-я и 45-я гв. танковые бригады корпуса А. Х. Бабаджаняна продолжали боевые действия в районе Ангальтского вокзала. Здесь же действовал совместно с пехотой 82-й гв. стрелковой дивизии 104-й танковый полк 7-й гв. тяжелой танковой бригады. Советским войскам противостоял разведывательный батальон «Нордланда» и батальон Фене из состава дивизии СС «Шарлемань». Ввиду неуспеха с форсированием канала 11-й гв. танковый корпус был развернут от

Рейхсканцелярии на запад, к Тиргартену. Свои позиции корпус сдал 4-му гв. стрелковому корпусу 8-й гв. армии.

Юго-западная группировка. После перенарезания разделительных линий между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами вечером 28 апреля перед 3-й гв. танковой армией осталось всего около 4 квадратных километров берлинского района Вильменсдорф. В новых границах между фронтами пришлось развернуть 9-й механизированный корпус на северо-восток. Теперь 3-я гв. танковая армия ударами по сходящимся направлениям стала очищать западную часть Берлина.

30 апреля. Рейхстаг

Северная группировка. В течение ночи на 30 апреля подразделения 79-го стрелкового корпуса отдельными группами вели разведку в направлении Рейхстага, подтягивали артиллерию большой мощности на прямую наводку. Утром на исходных позициях сосредоточились подразделения 380-го и 525-го стрелковых полков 171-й стрелковой дивизии, 756-го и 674-го стрелковых полков 150-й стрелковой дивизии. 207-я стрелковая дивизия должна была захватить Кроль-оперу и обезопасить фланг и тыл наступающих на Рейхстаг частей.

В 11.30 после сильной артподготовки части корпуса перешли в наступление с целью захвата Рейхстага. До 12.00 преодолевался заполненный водой противотанковый ров [648] под прикрытием огня артиллерии сопровождения, танков и САУ. В 13.30 началась мощная артиллерийская подготовка штурма самого Рейхстага, которая осуществлялась орудиями прямой наводки (три батареи 1957-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, две батареи 328-го артиллерийского полка, девять 45-мм орудий и два 76-мм полковых орудия 674-го стрелкового полка, 152– и 203-мм гаубицы). К артиллерийской подготовке прямой наводкой также были привлечены танки и САУ.

В 14.20 1-й батальон 380-го стрелкового полка и 1-й батальон 525-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии первыми ворвались в Рейхстаг и водрузили в окне здания знамя Победы. Как утверждается в журнале боевых действий 3-й ударной армии, «первым ворвался в здание Рейхстага командир 1-го батальона 380-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии капитан Самсонов»{316}. В 14.25 в здание [649] ворвались подразделения 756-го и 674-го стрелковых полков 150-й стрелковой дивизии.

О водружении флага было немедленно сообщено в штаб фронта шифротелеграммой № 3453 за подписью начальника штаба 3-й ударной армии М. Ф. Букштыновича: «[В] 14.25 30.4.45 частями 79 ск занят район Рейхстага, над зданием Рейхстага поднят флаг Советского Союза»{317}.

Бои за Рейхстаг продолжались весь день, и только в 21.30 30 апреля было поднято знамя на его куполе. В приказе Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06 от 30 апреля 1945 года значилось:

«2. Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ...подняли на нем наш Советский флаг. В боях за район и главное здание рейхстага отличились 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова»{318}.

Г. К. Жуков в своих воспоминаниях, цитируя приказ № 06, опускал время водружения знамени, так как к тому моменту оно было установлено только в окне второго этажа.

Впоследствии главным героем штурма Рейхстага стал командир 1-го батальона 756-го стрелкового полка С. А. Неустроев. Имя Константина Яковлевича Самсонова среди первых, кто поднял знамя над Рейхстагом, по неясным причинам не упоминалось. Возможно, имело место уточнение данных, возможно, были еще какие-то причины. Более того, от участия в штурме «оттерли» 171-ю стрелковую дивизию полковника Алексея Игнатьевича Негоды, отдав все лавры 150-й стрелковой дивизии. При этом и Самсонов, и Негода стали Героями Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1946 года «за умелое руководство батальоном, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с [650] немецко-фашистскими захватчиками» старшему лейтенанту К. Я. Самсонову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6970). После войны Самсонов работал старшим преподавателем в Московском институте инженеров транспорта (МИИТ), умер в 1977 г. А. И. Негода получил медаль «Золотая Звезда» № 6733, ушел в запас в 1951 г. (в возрасте 42 лет) и умер в 1975 г.

В то время как войска 3-й ударной армии штурмовали Рейхстаг, корпуса 2-й гв. танковой армии наступали к окраине парка Тиргартен. 12-й гв. танковый корпус наступал в [651] уменьшенном составе: 49-я гв. танковая бригада, сдав оставшиеся танки 48-й гв. танковой бригаде, была выведена из боя. В течение дня части корпуса вели упорные бои за станцию Тиргартен, прикрывающую подступы к парку Тиргартен с запада, но успеха не имели.

Под занавес сражения в город прибыли союзники Красной армии. Для содействия 2-й гв. танковой армии была прислана 1-я польская пехотная дивизия. В условиях недостатка мотопехоты, польские пехотинцы были как нельзя кстати. Вечером 30 апреля части 12-го гв. танкового корпуса устанавливали процедуру взаимодействия. 1-я польская дивизия должна была наступать на восток по Шарлоттенбурген шоссе. 1-й механизированный корпус 30 апреля наступал на юго-западную часть парка Тиргартен.

Повторная атака станции Тиргартен совместно с польскими частями успеха не имела, и к исходу дня части 12-го гв. танкового корпуса оставались в 200 метрах западнее станции Тиргартен.

Юго-восточная группировка. Продвижение 5-й ударной армии 30 апреля практически приостановилось. За сутки из трех корпусов армии Н. Э. Берзарина только один правофланговый 26-й гв. стрелковый продвинулся на 850 метров. Сложность боев в этот период можно проиллюстрировать следующим примером. 286-й гв. стрелковый полк 94-й гв. стрелковой дивизии 5-й ударной армии 30 апреля встретил упорное сопротивление на станции Берзее. Противник простреливал сильным огнем подступы к станции. Оборона Берзее облегчалась наличием высокой (до 6 м) железнодорожной насыпи. Еще один объект в полосе наступления полка, телеграфная станция была построена уже во время войны и должна была выдерживать попадания авиабомб среднего калибра. Толщина стен станции достигала трех метров.

Опросом пленных и местных жителей было установлено, что от складов в 300 м от Берзее идет подземный ход к станции. В районе станции подземный ход входит в тоннель метро, проходящий в районе телеграфной станции. По подземным коммуникациям в тыл противника были направлены два стрелковых батальона по 50–60 активных штыков в каждом. [652] Танки и артиллерия оставались перед

станцией и открыли по ней огонь, под прикрытием которого была имитирована фронтальная атака. По красной ракете, пущенной прошедшими по подземельям батальонами, огонь артиллерии был прекращен, и начался штурм станции. Атакой с фронта и тыла станция Берзее, а затем телеграфная станция были захвачены.

30 апреля М. Е. Катуков решил сосредоточить усилия на штурме Зоологического сада. На это направление был развернут 11-й гв. танковый корпус, который до этого наступал на Рейхсканцелярию.

В 10.30 30 апреля 8-й гв. механизированный корпус с 39-й и 88-й гв. стрелковыми дивизиями после 30-минутной артподготовки начал штурм Зоологического сада, нанося удар с юга. Яркую картину штурма нарисовал в своих воспоминаниях М. Е. Катуков: «Под прикрытием сильного артиллерийского огня и дымовой завесы саперы подобрались к кирпичной стене зоосада, подложили под нее взрывчатку и проделали в нескольких местах бреши. Пехота, танки, артиллерия, укрываясь за развалинами и завалами, накапливались у зоосада. Огонь открыт из всех орудий. Зоосад заволокло пылью и гарью. В этой страшной какофонии даже не слышен рев моторов наших бомбардировщиков, хотя проносились они совсем низко и, развернувшись над зоосадом, обрушивали на него бомбовый удар»{319}. Во второй половине дня пехота, преодолев ожесточенное сопротивление противника, ворвалась в южную часть Зоологического сада. Танки корпуса огнем с места поддерживали действия пехотинцев. Башня ПВО в Зоологическом саду так и не была взята до капитуляции гарнизона города.

11-й гв. танковый корпус по приказу М. Е. Катукова к 9.00 сосредоточился в районе парка Генриха V с задачей нанести удар вдоль южного берега канала Ландвер и совместно с 8-м гв. механизированным корпусом уничтожить противника в Зоологическом саду и захватить плацдарм на северном [653] берегу канала. Выдвигаясь в западном направлении, 40-я гв. танковая бригада к 20.00 30 апреля достигла Лютцов-штрассе, где встретила массивную каменно-земляную баррикаду. До 6.00 бригада разбирала баррикаду, а в 6.00 по приказу командарма сдала оставшиеся 12 танков 44-й гв. танковой бригаде и вышла из боя. Двигавшиеся по следам 40-й гв. танковой бригады 44-я и 45-я гв. танковые бригады также были остановлены на перегороженной Лютцов-штрассе. Участие корпуса А. Х. Бабаджаняна в сражении за Берлин фактически завершилось. Прорыв к Рейхстагу мимо Рейхсканцелярии так и не состоялся.

Юго-западная группировка. В течение 30 апреля войска 3-й гв. танковой армии продолжали сжимать группировку противника в районе Шенеберга и Вильменсдорфа. 9-й механизированный корпус двумя бригадами, наступая на станцию Савиньи, выбил противника из нескольких кварталов. 7-й гв. танковый корпус двумя бригадами совместно с 20-й стрелковой дивизией наступал навстречу 9-му механизированному корпусу. 23-я гв. мотострелковая бригада овладела станцией Халензее, но дальнейшего продвижения не имела. 6-й гв. танковый корпус в течение дня продвижения не имел.

Переговоры

В то время как шел штурм Рейхстага, парка Тиргартен и Зоологического сада, на фронте южнее Рейхсканцелярии пробивалась вперед 8-я гв. армия. Парламентеры из бункера фюрера отправились именно туда, к ближайшей линии соприкосновения войск. В 23.30 30 апреля на передний край 102-го гв. стрелкового полка 35-й гв. стрелковой дивизии прибыл парламентер подполковник Зейферд с пакетом на имя командующего советских войск. В предъявленных документах командиру 35-й гв. стрелковой дивизии гвардии полковнику Смолину и начальнику штаба 4-го гв. стрелкового корпуса гвардии полковнику Лебедю значилось, что полковник Зейферд уполномочен германским Верховным командованием для переговоров с русским командованием. Предметом [654] переговоров было установление места и времени для перехода линии фронта начальником Генерального штаба генералом Кребсом. Последний должен был передать советскому командованию особо важное сообщение.

В 3.00 1 мая были созданы условия для перехода линии фронта, и генерал пехоты Кребс, в сопровождении начальника штаба LVI танкового корпуса полковника фон Дуфвинга, переводчика и одного солдата были доставлены в штаб 35-й гв. стрелковой дивизии. В штабе дивизии их встретили заместитель командующего армией гвардии генерал-лейтенант Духанов и начальник разведывательного отдела штаба гвардии подполковник Гладкий.

Генерал Кребс заявил, что ему поручено Геббельсом и Борманом сделать русскому Верховному командованию особо важное сообщение. Согласно журналу боевых действий 8-й гв. армии в 3.30 1 мая генерал Кребс и полковник фон Дуфвинг были доставлены к командующему армией генерал-полковнику В. И. Чуйкову. Свои

впечатления от встречи с начальником Генерального штаба вермахта Чуйков описал так:

«Наконец в 3 часа 55 минут дверь открылась, и в комнату вошел немецкий генерал с орденом Железного креста на шее и фашистской свастикой на рукаве. Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой делает жест приветствия по-своему, по-фашистски; левой подает мне свой документ — солдатскую книжку. Это начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник Генерального штаба фон Дуфвинг и переводчик»{320}.

Как мы видим, Чуйков в своих мемуарах датирует визит Кребса несколько более поздним временем, чем это записано в журнале боевых действий армии. Генерал Кребс предъявил три документа: [655]

1. Полномочия на имя начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала пехоты Кребса на право ведения переговоров с русским Верховным командованием на бланке за подписью и печатью начальника канцелярии фюрера Мартина Бормана.

2. Обращение доктора Геббельса и Мартина Бормана к вождю советских народов Маршалу Сталину, также на бланке с печатью имперской канцелярии фюрера.

3. Список нового имперского правительства и Верховного командования согласно завещанию фюрера.

Все документы были датированы 30 апреля 1945 г.

В обращении Геббельса и Бормана говорилось:

«Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут самовольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери.

Геббельс».

В состав нового правительства, согласно списку, представленному генералом Кребсом, вошли:

Рейхспрезидент — гросс-адмирал Дениц.

Рейхсканцлер — доктор Геббельс.

Министр по делам партии — М. Борман.

Министр иностранных дел — Зейс-Инкварт.

Министр внутренних дел — Ханке.

Главнокомандующий сухопутных войск — генерал-фельдмаршал Шернер.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Германии — генерал-полковник Модель.

Начальник Генштаба сухопутных войск — генерал пехоты Кребс.

Командующий ВВС — генерал-фельдмаршал Риттер фон Грейм.

Командующий военно-морскими силами — гросс-адмирал Дениц. [656]

Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции — гаулейтер Ханке.

Министр вооружения — Заур.

Интересно присутствие в этом списке покончившего с собой за неделю до описываемых событий Вальтера Моделя. Видимо, в хаосе последних дней Третьего рейха информация о гибели Моделя не дошла до Берлина из Рурского «котла».

Выслушав Кребса, командующий 8-й гв. армией заявил, что он не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона. На это предложение генерал Кребс ответил, что Геббельс и Борман не могут пойти на капитуляцию без санкции рейхспрезидента Деница и что это связано с фактической самоликвидацией нового правительства.

Чуйков доложил Жукову просьбу нового германского правительства. В ответ командующий фронтом задал Кребсу два вопроса: [657]

1. Где находится труп Гитлера?

2. Обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?

На это генерал Кребс ответил, что труп Гитлера был тотчас же сожжен по его завещанию. К командованию англоамериканских войск Геббельс и Борман не

обращались, так как не имеют с ними связи. В 5.00 маршал Жуков подтвердил предложение о безоговорочной капитуляции и сообщил, что доложит правительству о ходе переговоров. В. И. Чуйков в своих воспоминаниях приписывает Г. К. Жукову жгучий интерес к времени смерти Гитлера, но это выглядит менее логично, чем вопрос о вещественном подтверждении ухода диктатора в другой мир.

На вопрос, имеет ли смысл дальнейшее сопротивление Берлинского гарнизона, генерал Кребс ответил, что они намерены оборонять столицу до последнего солдата. Прибывший в армию зам. командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии В. Д. Соколовский предложил Кребсу послать полковника фон Дуфвинга с представителем советского командования для доклада о ходе переговоров и изложения требований советского командования, а также установления телефонной связи через линию фронта.

После доклада Геббельсу полковник фон Дуфвинг вызвал по телефону Кребса и сообщил, что Геббельс вызывает его лично. Перед уходом генерал Кребс попросил окончательно сформулировать советские предложения. Они были даны генералом Соколовским в виде следующих пунктов:

1. Немедленная и безоговорочная капитуляция Берлинского гарнизона.

2. Всему составу гарнизона гарантируется жизнь, раненым — медицинская помощь, сохранение орденов и личных вещей, а офицерам — сохранение холодного оружия.

3. В случае принятия этого предложения советское правительство не будет рассматривать как военнопленных состав нового германского правительства и его ответственных сотрудников, согласно особому списку.

4. Членам правительства в г. Берлин будет предоставлена [658] советским командованием возможность связаться с Деницем, с тем, чтобы немедленно обратиться к правительствам всех трех союзных держав с предложением начать переговоры о мире. Причем советское командование не гарантирует, что правительства СССР, Англии и США вступят с германским правительством в какие-либо переговоры.

В 18.00 прибыл уполномоченный Геббельса полковник войск СС с пакетом, в котором был ответ германского правительства за подписями Кребса и Бормана на советские предложения. Германское правительство не приняло советские

предложения и возобновило военные действия. После этого телефонная связь с немцами была прервана. Кребс застрелился 1 мая 1945 г.

1 мая

Северная группировка. Несмотря на водружение знамени над Рейхстагом, полного контроля над зданием к 1 мая достигнуто не было. В подвалах Рейхстага оставалось еще около 1500 немцев. 1 мая они предприняли попытку прорыва из подвала в главный зал, были отброшены назад. Они сдались 756-му полку 150-й стрелковой дивизии только 2 мая, в период общей капитуляции гарнизона. Нельзя сказать, что последние часы штурма Берлина были легкими. Потери войск 3-й ударной армии за 1 мая составили 254 человека убитыми и 893 ранеными{321}.

2-я гв. танковая армия 1 мая продолжала вести упорные бои к западу от парка Тиргартен. 12-й гв. танковый корпус 1 мая по-прежнему пытался взять штурмом станцию Тиргартен. Было решено использовать для прикрытия наступления дымовую завесу, которая продержалась с 6.00 до 20.00 1 мая. В ночь на 1 мая в Берлин после 80-км марша был введен 9-й гв. танковый корпус. В 8.00 корпус сосредоточился в районе Симменсштадта, а в 15.00 двумя бригадами сосредоточился в северо-восточной части Шарлоттенбурга для наступления на парк Тиргартен. [659]

Характерным примером являются действия штурмовой группы, которой на 1 мая была поставлена задача ворваться в парк Тиргартен. Группа состояла из роты автоматчиков, роты танков, батареи СУ-100. Автоматчики двигались впереди, и вели огонь по окнам домов на противоположной стороне улицы. За автоматчиками шли танки, уничтожавшие огневые точки противника. СУ-100 прикрывали действия автоматчиков и танков, а также разрушали здания, в которых засел и упорно оборонялся противник. Стена парка Тиргартен была подорвана саперами. Медленно продвигаясь, проводя беглый осмотр помещений, свою задачу группа выполнила к 7.00 2 мая.

Юго-восточная группировка. Поскольку переговоры с Кребсом закончились неудачей, боевые действия утром 1 мая возобновились. В 10.45 после артподготовки 4-й гв. стрелковый корпус перешел в наступление и форсировал Ландвер-канал непосредственно к югу от Рейхсканцелярии. 47-я гв. стрелковая

дивизия наступала по Потсдамер-штрассе, непосредственно выводящей в район правительственных зданий у Рейхсканцелярии.

Юго-западная группировка. 1 мая войска 3-й гв. танковой армии практически полностью очистили от противника Вильменсдорф и Халензее. К исходу дня не очищенной от противника оставалась территория площадью меньше одного квадратного километра.

2 мая. Капитуляция

Жирную точку в борьбе за город поставил его комендант Гельмут Вейдлинг. Он с самого начала был настроен пессимистически относительно перспектив обороны Берлина имеющимися силами. 1 мая вернувшийся с переговоров Кребс сообщил Вейдлингу, что советское командование требует безоговорочной капитуляции гарнизона. К тому же к вечеру 1 мая частям 8-й гв. армии оставалось пройти до Рейхсканцелярии всего несколько кварталов.

На допросе в советском плену Вейдлинг описывал принятие [660] решения о капитуляции так:

«1 мая в 21.30 я собрал работников штаба 56 тк и работников штаба обороны Берлина с целью решить — будет ли штаб пробиваться или сдаваться русским. Я заявил, что дальнейшее сопротивление бесполезно, что прорываться означает при успехе попасть из «котла» в «котел». Меня все работники штаба поддержали и в ночь на 2 мая я послал полковника фон Дуфвинга парламентером к русским с предложением о прекращении немецкими войсками сопротивления»{322}.

В качестве средства связи через линию фронта было выбрано радио. В 0.40 (московского времени) 2 мая радиостанция 79-й гв. стрелковой дивизии приняла радиограмму на русском языке немецкой рации LVI танкового корпуса, в которой говорилось: «Алло! Алло! Говорит 56-й танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12.50 по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный знак — белый флаг на фоне красного цвета. Ждем ответа».

Заявленное в радиограмме время 12.50, т.е. без десяти час ночи, соответствовало 2.50 московского времени. Радиограмма была доложена Чуйкову, который приказал прекратить огонь на этом участке и принять парламентеров. По другим данным, было согласовано время 2.00 московского времени. Согласно журналу боевых действий 47-й гв. стрелковой дивизии, немецкие парламентеры были встречены в

2.00 2 мая на мосту в районе Клукк-штрассе (к западу от Потсдамского моста). Возглавлял парламентеров начальник штаба LVI танкового корпуса полковник фон Дуфвинг. Он заявил, что парламентеры уполномочены командиром LVI танкового корпуса генералом Вейдлингом заявить о прекращении сопротивления и капитуляции корпуса.

Поскольку командир 47-й гв. стрелковой дивизии генерал В. М. Шугаев был ранен, переговоры вели его заместитель по строевой части гвардии полковник Семченков и начальник [661] политотдела дивизии гвардии подполковник Николаев. Советских командиров в первую очередь интересовало время, необходимое LVI танковому корпусу для полного разоружения и организованной сдачи. Фон Дуфвинг ответил, что для этого необходимо три-четыре часа. Причем они намерены использовать ночное время, так как Геббельс приказал стрелять в спину всем, кто попытается перейти к русским. После этого фон Дуфвинг отправился к Вейдлингу с предложением советского командования о разоружении и сдаче частей корпуса к 7.00 2 мая. Было согласовано место, куда будут выходить немецкие части и сдавать оружие. Самому Вейдлингу и его штабу было предложено сдаться в 6.00 2 мая. В 5.50 к Чуйкову прибыла делегация от заместителя министра пропаганды доктора Ганса Фриче. Это был популярный немецкий радиожурналист, начальник отдела радиовещания. Даже когда дела на фронте шли плохо, его передачи вещали о победах германского оружия. Делегатов было трое, все в штатской одежде, с ними солдат с белым флагом. Один из прибывших — правительственный советник министерства [662] пропаганды Хейнерсдорф, с ним и вели переговоры. Хейнерсдорф передал Чуйкову письмо от Фриче:

«Как Вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Гитлер недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу Вас взять Берлин под свою защиту. Мое имя известно. Директор министерства пропаганды доктор Фриче».

С ответом на предложение Фриче был отправлен зам. начальника разведотдела штаба армии гвардии подполковник Вайгачев. Через него новому директору министерства пропаганды были переданы следующие требования:

1. Отдать приказ по радио берлинскому гарнизону и всей немецкой армии о безоговорочной капитуляции.

2. Прибыть на КП командующего армией для ведения дальнейших переговоров.

Не успела делегация от Фриче отправиться в обратный путь, как прибыл Вейдлинг. В 6.00 он в сопровождении генералов Шмидт-Ланкварта и Веташа перешли линию фронта и сдались в плен. Немецкие генералы были доставлены на командный пункт 8-й гв. армии. Чуйков описал прибывшего так: «Вейдлинг — в очках, среднего роста, сухощавый и собранный». После проверки документов командующий 8-й гв. армии задал Вейдлингу несколько вопросов:

1. Являетесь ли Вы командующим обороной г. Берлин?

2. Распространяется ли капитуляция на весь гарнизон г. Берлин или только на части LVI танкового корпуса?

3. Что заставило Вас принять решение о капитуляции?

Отвечая на вопросы, Вейдлинг заявил, что 6 дней назад он был назначен приказом Гитлера командующим обороной г. Берлин. Решение о капитуляции распространяется только на части LVI танкового корпуса, так как весь гарнизон разбит на отдельные группы, согласно ранее отданному им приказу, и связи с ними он не имел. Решение о капитуляции принял сам, без санкции Геббельса, который якобы покончил жизнь самоубийством, видя дальнейшее сопротивление бессмысленным.

По предложению В. Д. Соколовского Вейдлинг вместе с [663] начальником штаба обороны г. Берлина полковником Рефиором составил приказ подчиненным ему войскам:

«30.4.45 фюрер покончил с собой, предоставив нас, давшим ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час вашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому, в согласии с Верховным командованием советских войск, я призываю вас немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина».

Этот приказ был объявлен через громкоговорители для гарнизона Берлина.

Отданный приказ о капитуляции был доведен до немецких солдат и офицеров, и к исходу дня 2 мая организованное сопротивление берлинского гарнизона прекратилось. [664]

Сдача берлинского гарнизона в плен началась еще в 6.00 утра 2 мая. К 12.00 через порядки 47-й гв. стрелковой дивизии (к которой вышли парламентеры) проследовали 4 генерала, 359 офицеров и 3240 рядовых и унтер-офицеров. К 14.00 2 мая из состава капитулировавшего гарнизона Берлина сдалось частям 1-й гв. танковой армии 7700 немецких солдат и офицеров, частям 2-й гв. танковой армии — 10 354 солдат и офицеров. К 20.00 2 мая войскам 3-й ударной армии сдались 20 150 солдат и офицеров, в том числе вице-адмирал Фосс — представитель Ставки гросс-адмирала Деница, и личный пилот Гитлера — Баур. Разумеется, объявление капитуляции Вейдлингом не означало полного прекращения сопротивления противника. Войска 3-й ударной армии 2 мая очищали город от мелких групп противника, потери при этом не сильно отличались от других дней боев за Берлин — 227 человек убитыми и 686 ранеными.

Только 11-й танковый корпус принял 21 115 человек пленных, что красноречиво свидетельствует о силе сопротивления берлинского гарнизона в полосе наступления 5-й ударной армии.

Потери

Отчаянное сопротивление защитников привело к серьезным потерям в рядах штурмующих. Пробившаяся к Рейхстагу 3-й ударная армия понесла в сражении за Берлин достаточно тяжелые потери. С 20 по 30 апреля армия В. И. Кузнецова потеряла 12 130 человек (2151 человека убитыми, 59 пропавшими без вести, 41 небоевые потери, 446 заболевшими и 9433 ранеными){323}. В период с 10 по 20 апреля войска 3-й ударной армии потеряли вдвое меньше — 5863 человека.

Потери 8-й гв. армии в городских боях также были достаточно высокими. Показательно распределение понесенных потерь по дивизиям (см. таблицу). Сохранившаяся в наилучшем состоянии после прорыва одерского фронта 82-я гв. [665] стрелковая дивизия стала лидером в уличных боях. Кроме того, дивизия наступала в направлении Рейхсканцелярии и встречала упорное сопротивление

противника. Вследствие всех этих факторов 82-я гв. стрелковая дивизия понесла наибольшие потери.

Потери 8-й гв. армии в период с 20 по 30 апреля 1945 г.

	Убито	Без вести	Небоевые	Ранено	Заболело	Всего
35 гв. сд	286	—	—	1072	3	1361
47 гв. сд	45	17	5	312	31	410
57 гв. сд	111	—	—	673	5	799
27 гв. сд	112	—	1	595	37	745
74 гв. сд	159	5	2	695	8	869
82 гв. сд	409	3	—	1657	32	2101
39 гв. сд	190	5	—	817	5	1017
79 гв. сд	30	—	—	225	6	261
88 гв. сд	139	30	4	969	49	1191

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 366, л. 217.

Всего 8-я гв. армия с корпусными частями потеряла с 20 по 30 апреля 1945 г. 10 356 человек. Общие потери армии В. И. Чуйкова с 11 по 30 апреля составили 24 484 человека. Таким образом, в противоположность 3-й ударной армии потери 8-й гв. армии в боях в Берлине были почти в полтора раза ниже, чем в прорыве обороны противника на Зееловских высотах.

Обсуждение

Штурм Берлина, несомненно, является беспрецедентным в истории войн XX столетия событием. Сталинград 1943 г. и Бейрут 1982 г. все же заметно уступают по численности задействованных в сражении войск и площади штурмуемого города. Штурм Берлина был проведен в сжатые сроки: уже через 10 дней боев гарнизон капитулировал. Упрощалась задача штурмующих тем, что обороняли город остатки регулярных [666] соединений, отдельные вспомогательные части и вооруженное население. Сложности для штурмующих создавались спецификой этого района Германии, изобилующего реками, озерами и каналами. Также замедляло штурм

города падение к концу войны средней численности стрелковых и танковых соединений Красной армии.

Стратегия. Зачем штурмовали Берлин? Захват немецкой столицы был кратчайшим путем к капитуляции Германии. Во второй половине апреля 1945 г. еще оставалось немало боеспособных немецких войск. Достаточно напомнить о группе армий «Центр» Шернера, командующий которой был даже назначен Главнокомандующим сухопутных войск. Захват Берлина привел к массовой сдаче в плен остатков вермахта и войск СС.

Цель наступающих советских армий в Берлине, здание Рейхстага, была достаточно абстрактной. Захват Рейхстага никак не мог привести к параличу управления обороной города. Рейхстаг был политическим центром Веймарской республики. В 1945 г. значение Рейхстага как правительственного сооружения было мизерным. Рабочий кабинет Гитлера располагался в Рейхсканцелярии, а под ней был бункер, в котором фюрер встретил свои последние дни. Секретность для того и существует, чтобы сохранять в тайне расположение важных правительственных объектов. Поэтому положение бункера фюрера было неизвестно штурмующим. Они игнорировали комплекс правительственных зданий и собственно Рейхсканцелярию. Правда, справедливости ради нужно отметить, что выход советских войск к Рейхстагу означал непосредственную угрозу Рейхсканцелярии.

Но сама по себе охота за фюрером была занятием бесполезным. В случае выхода советских частей к Рейхсканцелярии Гитлер был бы вывезен из нее. 30 апреля еще была возможность отступить, например, в Гумбольтхайн. Поэтому наступать можно было в направлении любой точки в центре города. Наступление по сходящимся направлениям все равно приводило к расчленению гарнизона на несколько частей — стандартный прием штурма больших и малых крепостей. [667]

В случае с Берлином ситуацию предопределил обжим системы обороны города до центрального сектора обороны. Вейдлинг на допросе в советском плену так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Берлин располагал запасами продовольствия и боеприпасов на 30 дней, но склады были расположены на окраинах, в центре почти не было ни боеприпасов, ни продовольствия, и чем больше суживалось кольцо русских войск вокруг обороняющихся, тем тяжелее

становилось положение с боеприпасами и продовольствием, а в последнюю пару дней мы почти остались и без того, и без другого»{324}.

Однако капитуляция гарнизона позволила избежать больших жертв. О моральном духе защитников Берлина свидетельствует соотношение пленных, захваченных в ходе уличных [668] боев и после объявления о капитуляции гарнизона. 3-я ударная армия захватывала пленных следующим темпом: 23 апреля — 563 человека, 24 апреля — 1200, 25 апреля — 78, 27 апреля — 97, 28 апреля — 1832 человека, а потом сразу более 20 тыс. человек. 11-и танковый корпус И. И. Ющука до капитуляции захватил в плен 667 солдат и офицеров противника, а после капитуляции — 21 015. В Берлине остались люди, решившие защищаться до конца.

Тактика. К моменту начала штурма Берлина советские войска уже обладали опытом штурма городов и уличных боев в реалиях 1945 г. 5-я ударная армия штурмовала Кюстрин, 8-я гв. армия — Познань. Кроме того, Красная армия уже обладала технологией штурмовых действий, частным случаем которой являются штурмовые группы для уличных боев.

Сущность действий штурмовых групп заключалась в тесном взаимодействии родов войск на уровне мелких подразделений. Важными фигурами штурмовых групп были саперы. Они входили в группы в количестве 4–5 человек. Именно саперы стали сокрушителями баррикад промышленной постройки. В некоторых случаях баррикады разбивались огнем артиллерии, но достаточно часто приходилось подрывать их с помощью зарядов взрывчатки или обычных противотанковых мин. По опыту действий войск 1-й гв. танковой армии для подрыва баррикады требовалось 120–140 кг взрывчатки или 30–35 противотанковых мин. Саперы также наводили штурмовые переправы через каналы и предотвращали взрыв мостов.

Еще одним важным инструментом борьбы в штурмовой группе были средства задымления. Одной из типовых технологий штурма зданий была следующая. После артподготовки, поднимавшей кирпичную пыль и дым, штурмовая группа прорывалась в здание и закреплялась в нем. Обосновавшись в штурмуемом доме, передовая группа проводила задымление улицы и прорыв под прикрытием дымовой завесы основных сил подразделения. Накопление в штурмуемом объекте крупных сил позволяло очистить его от противника. Задымление также широко применялось для прикрытия переправ через каналы. [669]

«Химики» вообще играли большую роль в уличных боях. В частности, широкое применение в получили огнеметы. За пять дней уличных боев в Берлине огнеметчиками 3-й ударной армии было сожжено 28 укрепленных зданий, 2 танка «Пантера» (предположительно из танковой роты «Берлин») и 2 орудия, выставленных на прямую наводку. Также широко применялись бутылки КС, которыми было сожжено 74 здания, превращенных в опорные пункты обороны.

Разумеется, действия штурмовых групп в Берлине поддерживались огнем артиллерии всех калибров, до 203-мм включительно. О распределении ролей между различными артсистемами дает представление статистика расхода боеприпасов войсками 5-й ударной армии (см. таблицу). В целом в период прорыва одерского рубежа противника (16–20 апреля) интенсивность расхода боеприпасов в сутки выше, чем в ходе боев в Берлине (21 апреля — 2 мая). Однако в уличных боях существенно меняется баланс между типами орудий и минометов. Расход 82-мм мин падает, а 120-мм и 160-мм, наоборот, возрастает. Объясняется это могуществом выстрелов 120-мм и 160-мм минометов, заслуживших уважение солдат еще в уличных боях февраля — марта 1945 г. Интенсивность использования 45-мм выстрелов также падает (в расчете на суточный расход), что объясняется низкой эффективностью 45-мм орудий в городе с прочными зданиями. Теми же причинами объясняется проседание расхода 57-мм выстрелов — ОФ снаряд у ЗИС-2 был слабый, а бронетехники в городе у немцев было немного. Расход 76-мм выстрелов к дивизионным пушкам падает, но это в значительной степени объясняется переходом орудий этого типа к стрельбе прямой наводкой при поддержке штурмовых групп. То же самое можно сказать о 122-мм гаубице М-30 обр. 1938 г. Выстрелы к М-30 всю войну занимали одно из первых мест в статистике расхода боеприпасов частями Красной армии. Расход 203-мм сохраняется, что особенно показательно в условиях перехода 203-мм гаубиц большой мощности к стрельбе прямой наводкой. Сохраняется также темп расходования 100-мм выстрелов к БС-3. [671]

Расход боеприпасов войсками 5-й ударной армии с 16 апреля по 2 мая 1945 г.

	С 16 по 20 апреля	С 21 апреля по 2 мая	Всего
82-мм мины	41872	21842	63714

120-мм мины	38358	53014	91372
160-мм мины	2189	4590	6779
45-мм выстрелы	12148	14353	26501
57-мм выстрелы	2191	1153	3344
76-мм ОФ ПА	5565	6533	12098
76-мм кумул. 42 г.	175	474	649
76-мм кумул. 43 г.	1475	790	2265
76-мм ОФДА	42343	31229	73582
76-мм УВЗР ДА	4153	4068	8221
76-мм подкал. ДА	131	400	531
122-мм ОФ обр. 38 г.	16745	16276	33021
122-мм кумул. 38 г.	1318	1499	2817
122-мм ОФ 31 г.	4428	3157	7585
152-мм ОФ 37 г.	6885	8831	15716
152-мм ОФ 09/30 гг.	2710	3848	6558
100-мм выстрелов	440	1159	1609
203-мм выстрелов	17572	3061	4818

ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 243.

Основным принципом действий бронетехники в городе в условиях массового применения фаустпатронов стал вывод танков и САУ во второй эшелон. Наступая по улицам, танки следовали в 30–40 м за пехотинцами, подавляя и уничтожая мешающие продвижению пехоты огневые точки. В 5-й ударной армии противодействие фаустникам было организовано следующим образом: «Борьба с вражескими гранатометчиками «Фауст» велась специально назначенными (2–3 на стрелковый батальон) отличными стрелками или снайперами, [672] а также командами, вооруженными трофейными гранатометами «Фауст». В некоторых соединениях гранатометами «Фауст» были вооружены целые подразделения»{325}.

На мой взгляд, лучше всего сформулировал аргументы в пользу использования танковых армий в Берлине командующий 3-й гв. танковой армии Павел Семенович Рыбалко:

«В рамках крупнейшей операции против германской столицы, в которой приняло участие четыре полевых и четыре танковых армии двух фронтов, использование танковой армии для непосредственного наступления на такой крупный город, каким является Берлин, и борьба на его улицах, приобретает крупный оперативно-тактический интерес. Сложившаяся оперативно-стратегическая и политическая обстановка в финальном этапе войны требовала быстрого захвата германской столицы. С падением Берлина предвиделся крах Германии, деморализация ее армии и неизбежно скорая капитуляция.

В данных условиях обстановки использование танковой армии для непосредственной борьбы внутри крупного города диктовалось необходимостью. Сковывание ценнейших качеств танковых и механизированных войск — подвижности, применение таких войск в условиях, где они не могут использовать полностью своих боевых возможностей — огня на предельную дистанцию и мощи таранного удара, — оправдывается важностью операции и ее решительными результатами.

Применение танковых и механизированных соединений и частей против населенных пунктов, в том числе и городов, несмотря на нежелательность сковывать их подвижность в этих боях, как показал большой опыт Отечественной войны, очень часто становится неизбежным. Поэтому надо этому виду боя хорошо учить наши танковые и механизированные войска»{326}. [673]

Заключение

Когда считать мы стали раны...

С появлением известной книги «Гриф секретности снят» потери Красной армии в Берлинской операции перестали быть секретом. Однако картина сражения выглядит неполной без детализации потерь по участвовавшим в ней армиям. Попробую восполнить этот пробел (см. таблицу).

Сведения о потерях личного состава в боевых частях 1-го Белорусского фронта за период с 11 апреля по 1 мая 1945 г.

	Убито	Ранено	Пропало без вести	Подругам причинам	Всего
1 гв. ТА	1395	5857	58	344	7654
2 гв. ТА	1443	6155	1	266	7865
3 уд. А	3280	13541	108	1074	17993
5 уд. А	3628	13702	60	476	17966
8 гв. А	4145	18919	421	999	24484
33 А	3462	13696	220	532	17910
47 А	2615	10839	22	726	14202
61 А	1897	5679	306	780	8662
69 А	3781	13944	26	795	18446
16 ВА	134	67	81	119	401
Ост. части	391	576	53	765	2586
Всего	27649	108611	1388	7560	155809
1 АВП	1656	5793	516	616	7781

ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 739, л. 507. [674]

Распределение потерь между периодом прорыва обороны противника на одерском рубеже и в боях за город Берлин приводится в соответствующих разделах книги. В некоторых случаях (3-я ударная армия) потери в Берлине оказывались большими, чем в период взлома обороны противника на подступах к городу. В других случаях (8-я гв. армия) потери в уличных боях уступали потерям на Зееловских высотах.

В таблице хорошо просматриваются «лидеры» и «аутсайдеры» по потерям в сражении за Берлин. Как и следовало ожидать, наибольшие потери понесла 8-я гвардейская армия, штурмовавшая Зееловские высоты. Но нельзя сказать, что потери армии В. И. Чуйкова составляют львиную долю потерь 1-го Белорусского фронта. 8-я гвардейская армия превышает примерно на треть средний уровень потерь «корневых» и «пристяжных». Весьма высокий уровень потерь наблюдается в 33-й армии, вначале таранившей оборону под Франкфуртом, а потом

выполнявшей роль загонщика для окруженных к юго-востоку от Берлина частей немецкой 9-й армии. Как видно из таблицы, потери армии В. Д. Цветаева незначительно отличаются от потерь 3-й и 5-й ударных армий, наступавших с Кюстринского плацдарма и участвовавших в уличных боях за немецкую столицу. Наименьшие в абсолютном исчислении потери понесли 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, наступавшие на стыке с 2-м Белорусским фронтом.

Сведения о потерях личного состава в боевых частях 1-го Белорусского фронта за период с 1 по 9 мая 1945 г.

	Убито	Ранено	Пропало без вести	По другим причинам	Всего
1 гв. ТА	312	1619	42	225	2198
2 гв. ТА	361	1830	1	230	2422
3 А	854	2412	53	346	3665
3 уд. А	839	2500	17	307	3663
5 уд. А	640	2302	39	169	3150
8 гв. А	662	3042	69	406	4189
33 А	273	834	12	300	1419 [675]
47 А	1101	3163	42	220	4526
61 А	462	1387	2	264	2125
69 А	304	514	6	414	1238
16 ВА	41	14	20	47	123
Ост. части	409	1156	37	260	2762
Всего	6268	20783	340	3198	30479
1 АВП	358	1217	—	195	1870

ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 739, л. 508.

В этой таблице также неожиданно возникает всплеск потерь у 47-й армии, действовавшей на периферии сражения. В первую очередь потери армии Ф. И. Перхоровича объясняются тем, что она была вынуждена вести боевые действия дольше остальных армий фронта. Последними боями 47-й армии стало

выдавливание остатков 12-й армии Венка за Эльбу. Однако существенный вклад в потери 47-й армии на совести остатков берлинского гарнизона, пытавшегося прорваться на запад через Шпандау и из Шарлоттенбурга.

На послевоенной конференции, посвященной изучению опыта войны, бывший член Военного совета фронта К. Ф. Телегин так описывал ситуацию с 47-й армией:

«Вот еще такой же очень печальный факт, который был уже здесь, в Берлине. Вы знаете, что с 30.4 на 1.5 и с 1.5 на 2.5 противник начал прорываться из Берлина. Первое донесение получено из 47-й армии о том, что мелкие группы противника прорываются на запад. Ведем их уничтожение. Но эти мелкие группы начинают расти, расти, начинают «бить по шапке», «гулять» по тылам, начинают убивать наших людей, громить наши штабы. Всполошились, встряхнулись. Вот тут сидит генерал-лейтенант тов. Андреев. Он в результате этой операции набрал чуть не 15 тысяч этих так называемых мелких групп, прорывавшихся из Берлина, а все время официальными документами доносил: «Прорываются мелкие группы, уничтожаем, закончили ликвидацию». Тут тов. Савицкий рассказывал, что им пришлось аэродромы защищать наземным [676] оружием и захватить в плен до двух тысяч человек этих «мелких» групп. Всего прорвалось до 300 руководителей этих боевых групп и примерно 17 тысяч человек, при наличии 80–90 бронеединиц. В других условиях, имея достаточное количество боеприпасов, противник в составе 17 тыс. человек, почти с сотней бронеединиц, наделал бы у нас в тылах большой беды. Войска 47-й армии и 2-й танковой армии понесли бы большие потери. И все из-за того, что сразу начали неправильно информировать штаб фронта, что только мелкие группы, а не крупные силы противника пробиваются на запад»{327}.

В условиях интенсивных боевых действий армиям 1-го Белорусского фронта вряд ли бы удалось поддерживать боеспособность соединений без пополнения. В апреле 1945 г. 3-я ударная армия получила 10 794 человека пополнения, 5-я ударная армия — 7850 человек, 8-я гв. армия — 12 489 человек, 33-я армия — 2960 человек, 47-я армия — 12 095 человек, 61-я армия — 7677 человек, 69-я армия — 4084 человека, 1-я гв. танковая армия — 5550 человек, 2-я гв. танковая армия — 3901 человек{328}.

Представление о роли в операции штрафных батальонов 1-го Белорусского фронта дает баланс их численности:

«Всего было переменного состава на 1 апреля 1945 г. — 2626

Прибыло за апрель месяц — 833

Освобождено досрочно — 552

Освобождено по отбытию установленного срока — 478

Потери — 3573.

Выбыло по другим причинам — 41

Итого выбыло — 4435»{329}.

Основную тяжесть боев, конечно же, вынесли войска 1-го Белорусского фронта. В то время как армии Г. К. Жукова штурмовали Берлин, часть армий И. С. Конева двигалась в [677] маршевых порядках к Эльбе. Потери личного состава войск 1-го Украинского фронта за период с 20 по 30 апреля 1945 г. составили:

Убитыми — 11 608 человек;

Ранеными — 42 711 человек;

Пропавшими без вести — 1967 человек

Заболело с эвакуацией в госпиталь — 2487 человек;

Небоевые потери — 438 человек;

Всего — 59211 человек{330}.

Эти цифры ненамного превышают потери за десятидневку в Верхне-Силезской операции марта 1945 г. Тогда потери личного состава войск 1-го Украинского фронта за период с 20 по 31 марта 1945 г. составили:

Убитыми — 10251 человек;

Ранеными — 34732 человека;

Пропавшими без вести — 1181 человек;

Заболело с эвакуацией в госпиталь — 3155 человек;

Небоевые потери — 305 человек;

Итого — 49 624 человека{331}.

Безвозвратные потери бронетехники 1-го Украинского фронта в период с 15 по 30 марта 1945 г. составили 521 единицу (389 танков и 132 САУ). С 16 апреля по 5 мая 1945 г. 1-й Украинский фронт безвозвратно потерял 852 бронеединицы (593 танка и 259 САУ){332}.

Всего с 16 апреля по 2 мая 1945 г. 1-я гв. танковая армия потеряла безвозвратно 232 танка и САУ. По типам боевых машин эти потери распределились следующим образом: 185 Т-34, 12 ИС-2, 3 ИСУ-122, 5 СУ-85, 8 СУ-100, 16 СУ-76, 3 СУ-57.

Достаточно характерным примером распределения потерь техники по их причинам дает нам 11-й танковый корпус И. И. Ющука, начинавший сражение в составе 1-й гв. танковой армии, а закончивший в составе 5-й ударной армии. [678]

Потери техники 11-го танкового корпуса в Берлинской операции

Потеряно от	Т-34	ИС-2	СУ-85 и 100	СУ-76	Всего
Артогня	42/121{~1}	4/14	2/16	2/6	50/157
Мин	1/3	—	—	—	1/3
Фаустпатронов	23/13	1/0	2/2	—	26/15
Авиации	0/1	—	—	—	0/1
Всего	66/138	5/14	4/18	2/6	77/176

{~1}В числителе показаны сгоревшие боевые машины, в знаменателе — подбитые

ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2309, д. 54, л. 218.

Как мы видим, большую часть потерь 11-го танкового корпуса составляли танки, пораженные артиллерийским огнем противника. Даже среди потерь сгоревшими ручное противотанковое оружие составляет всего около трети. Людские потери 11-го танкового корпуса составляли 483 человека убитыми и 1650 человек ранеными.

7-я гв. тяжелая танковая бригада потеряла за операцию 67 танков. Из них сгорело от артогня 28 машин, от фаустпатронов — 11 машин, подбито артогнем 28 машин (отремонтированы и введены в строй){333}.

В достаточно сложном положении оказалась 2-я гв. танковая армия. За время операции армия С. И. Богданова безвозвратно потеряла 209 боевых машин. По типам они распределялись следующим образом: 123 Т-34, 53 М4А2 «Шерман», 7

ИС-2, 7 СУ-122, 7 СУ-100, 1 СУ-85, 6 СУ-76{334}. За время уличных боев в Берлине с 22 апреля по 2 мая 1945 г. 2-я гв. танковая армия потеряла безвозвратно 52 Т-34, 31 М4А2 «Шерман», 4 ИС-2, 4 ИСУ-122, 5 СУ-100, 2 СУ-85, 6 СУ-76{335}. Таким образом, общие безвозвратные потери составили 31% [679] численности танков и САУ к началу операции. Потери на улицах города составили 16% численности парка боевых машин к началу операции.

Потери 2-й гв. танковой армии в Берлинской операции

Марка машин	Выведено из строя	Из числа выведенных из строя						
		От артогня	От мин	От авиации	Утонуло	Увязло	Сгорело	Фаустпатрон
Т-34	289	108	17	17	—	5	77	65
ИС-2	14	4	2	—	—	—	2	6
М4А2	209	112	3	10	1	16	41	26
СУ-76	17	9	2	—	—	—	5	1
СУ-85	8	1	—	—	—	—		1
СУ-100	18	10	1	—	—			—
ИСУ-122	21	9	—	2	—	—	5	5
Итого	576	259	25	29	1	21	135	106

ЦАМО РФ, ф. 2 гв. ТА, оп. 4163, д. 85, л. 32.

Особый интерес представляют данные по потерям танков на улицах Берлина. Всего ремонтниками 2-й гв. танковой армии была просмотрена 41 машина из числа потерянных на территории Берлина. Попадания на этих машинах распределились следующим образом (см. таблицу).

Сравнительные данные по потерям 2-й гв. ТА от различных видов противотанкового оружия в городе Берлин

Марка машин	Всего просмотрено	В том числе потеряно от	
		артиллерии	фаустпатронов
Т-34	18	4	14

ИС-2	2	—	2
М4А2	11	3	8
СУ-76	5	2	3 [680]
СУ-100	3	1	2
ИСУ-122	2	1	1
Итого	41	11	30

ЦАМО РФ, ф. 2 гв. ТА, оп. 4163, д. 85, л. 34.

Причинами такой структуры потерь 2-й гв. танковой армии можно назвать следующие. Во-первых, соединения армии С. И. Богданова действовали на улицах города без поддержки стрелковых соединений. Только в последний день активных боевых действий армии была придана 1-я польская пехотная дивизия. В отчете, составленном по итогам боев штабом 1-го мехкорпуса, сложившаяся ситуация была обрисована следующим образом: «Не имея в достаточном количестве своей пехоты, корпус испытывал серьезные трудности при ведении боев на улицах Берлина, особенно в ночное время. Имели место случаи, когда прочесывание домов и отдельных строений приходилось производить экипажами танков, оставляя в танке 1–2 человека...»{336}. Во-вторых, основным противником корпусов армии были не регулярные соединения, а отдельные части и фольксштурм.

За Берлинскую операцию 3-я гв. танковая армия потеряла 191 танк, из них 174 — безвозвратно, и 40 САУ, из них 30 — безвозвратно. К началу операции армия насчитывала боеготовыми 431 танк и 201 САУ, а всего 632 бронеединицы. По этапам операции потери распределялись следующим образом. При прорыве обороны немцев на реке Нейсе армия потеряла безвозвратно 58 танков и 9 САУ. Остальные 121 танк и 21 САУ были потеряны на подступах к Берлину и в уличных боях за Берлин. В самом Берлине за 9 дней боев с 23 апреля по 2 мая 1945 г. армия безвозвратно потеряла 99 танков и 15 САУ{337}. Это 23% танков, имевшихся к началу операции. Статистика потерь танков армии Рыбалко см. в таблице. [681]

Потери 3-й гв. танковой армии с 15 апреля по 2 мая 1945 г.

Тип	Всего	Из числа выведенных из строя

		Артогонь	Авиация	Фаустпатроны	Мины	Застряли	Тех. неиспр.
Т-34	166/365{~1}	97/198	0/1	65/105	—	2	47
ИС-2	2/12	2/6	—	—	—	—	2
ИСУ-122	7/31	6/19	—	1/3	0/1	—	8
СУ-100	4/16	4/11	—	—	—	—	5
СУ-85	5/32	4/11	—	1/6	0/1	1	8
СУ-76	8/31	2/12	—	6/11	0/2	—	6
СУ-57	6/10	3/6	—	3/4	—	—	—

{~1}В числителе безвозвратные потери, в знаменателе — общие

ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 2 12, л. 15, 16.

Так же, как и в случае с 2-й гв. танковой армией, в таблице просматриваются достаточно высокие потери техники от фаустпатронов. Это объясняется действиями 3-й гв. танковой армии в Берлине при слабой поддержке стрелковых соединений. Из числа вышедших из строя танков армии Рыбалко 29 Т-34, 3 ИС-122, 5 ИСУ-122, 9 СУ-85 и 3 СУ-76 вышли из строя по причине естественного износа (отработан моторесурс).

4-я гв. танковая армия также оказалась вовлеченной в бои за Берлин, хотя собственно в районах с плотной застройкой ей воевать не пришлось. Поэтому потери армии Д. Д. Лелюшенко были ниже, чем у других армий.

Потери 4-й гв. танковой армии с 23 апреля по 2 мая 1945 г.

Тип	Всего потеряно	Из числа потерянных пострадали от				
		артогня	мин	фаустпатронов	утонуло	тех. неиспр.
Т-34	34/73	20/50	1	14/16	1	5
ИС-2	1/8	1/5	—	—	—	3 [682]

ИСУ-122	1/4	1/3			—	1
СУ-100	3/13	3/11			1	1
СУ-85	0/1	0/1			—	—
СУ-76	2/8	0/7	—	2/1	—	1
СУ-57	5/13	2/11	—	3/1	—	—
Всего	46/120	27/88		19/18	2	11

В числителе безвозвратные потери, в знаменателе — поврежденные танки и САУ.

ЦАМО РФ ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 68 и 69.

Может возникнуть закономерный вопрос: «Почему не получили широкого распространения противокумулятивные экраны на танках и САУ?» Соответствующая доработка танков перед Берлинской операцией теоретически могла снизить потери бронетехники от фаустпатронов. Якобы экипажи были вынуждены самостоятельно приваривать к танкам кроватные сетки. Однако такая возможность спасти жизни танкистов существует только теоретически. Испытания экранов проводились, но результаты этих испытаний были разочаровывающими. Разумеется, ни о каких кроватных сетках не могло быть и речи. Сетка слишком мягкая, и при попадании гранаты фаустпатрона просто промнется до брони.

Во 2-й гв. танковой армии проходили испытания сетчатые экраны, набранные из стального прутка диаметром 4 мм с шагом 40 мм. Получившаяся сетка укреплялась на кронштейне на расстоянии 600 мм от борта танка. Результаты испытаний были следующими:

«Выстрел из фауста «2» (модернизированный фаустпатрон для тяжелых танков) производился по танку с расстояния 12 метров (типичной дистанции применения этого оружия в уличном бою. — *А. И.).* В результате выстрела поверхность сетки была разорвана на площади 4200 кв. см. и имела прогиб в сторону брони. Пробоина в наклонном листе борта [683] танка была сквозной, эллипсной формы, с малой осью, равной 30 мм. Отверстие на внутренней стороне брони отклонений в размерах не имело»{338}.

«Модернизированный фаустпатрон» это «Panzerfaust 60M» или «Panzerfaust 100M». Вторым вариантом экрана, испытанного управлением бронетанкового снабжения и ремонта 2-й гв. танковой армии, был стальной лист толщиной 1,5 мм, укрепленный так же как сетка. «Выстрелом из Фауст «2» с того же расстояния лист был разорван, пробоина в нижней части башни была сквозной, круглого сечения, диаметром 30 мм»{339}.

Последний эксперимент был воспроизведен на НИИ БТ полигоне в Кубинке обстрелом оснащенного штатными экранами-»шурценами» трофейного танка Pz.Kpfw.IV. Попадание фаустпатрона (судя по прилагавшемуся к отчету снимку «Panzerfaust 60M» или «Panzerfaust 100M») в экран привело к его разрушению и поражению башни танка. Кумулятивная [684] струя пробила башню Pz.Kpfw.IV от борта до борта насквозь.

Некоторый эффект от преждевременного срабатывания фаустпатрона все же наблюдался. Если граната фаустпатрона попадала в неэкранированный танк, то диаметр пробоины достигал 70 мм (чаще 45–50 мм), с конусообразным отколом с внутренней стороны брони диаметром выходного отверстия до 80 мм. Таким образом, экран не давал решения проблемы защиты танков от поражения фаустпатронами наиболее распространенных в 1945 г. модификаций. Экраны из тонкой листовой брони защищали в лучшем случае от пуль противотанковых ружей, кумулятивных снарядов калибром около 75 мм и ухудшали условия пробития брони бронебойными снарядами небольших калибров.

Столь же разочаровывающими были результаты экранирования в других частях 1-го Белорусского фронта. Так, в отчете 7-й гв. тяжелой танковой бригады указывалось: «приварка кронштейнов рем. силами бригады не дает должных результатов вследствие большой силы взрыва (от фаустпатронов), кронштейны не выдерживают»{340}. Картина, как мы видим, такая же, как на испытаниях во 2-й гв. танковой армии и на Кубинке — разрушение экрана с пробитием брони.

Массовая установка экранов на танки и САУ, наступающие на Берлин, была бы бесполезной тратой сил и времени. Экранировка танков только ухудшила бы условия посадки на них танкового десанта. Боевые машины все равно бы поражались фаустниками. Кроме того, как отмечалось в одном из отчетов по Берлинской операции, увидев экранированные танки и САУ, немцы стремились

поражать их выстрелами с верхних этажей зданий. Танки не экранировались не потому, что мешала косность мышления или отсутствовали решения командования. Экранировка не получила широкого распространения в последних сражениях войны вследствие доказанной опытным путем ее ничтожной эффективности. [685]

Краткие выводы

Две армии. Позиция страуса, спрятавшего голову в песок, со стороны выглядит забавно и является объектом острот: «Просьба не пугать страусов, у нас бетонный пол!» Занявший страусиную позицию человек может быть куда менее забавным. Он сохраняет способность действовать, а если у него в руках оружие — сеять смерть и разрушение. Многие немцы заняли в 1945 г. интеллектуальную позицию страуса и стремились не думать о будущем. Государство, в котором они жили, рушилось на их глазах. Имело место не просто отрешение от власти нацистов, но разрушение под внешним воздействием структуры общества и привычной для людей обстановки. Будущее Германии после обвала государства было неизвестным и у многих были самые мрачные предположения. Поэтому имел место отказ от далеко идущих прогнозов и бегство от мыслей о будущем в скрупулезное исполнение сиюминутных обязанностей. Это явление касалось всех, от фольксштурмистов до фельдмаршала. Массовость страусиного движения привела к тому, что колесики военной машины Третьего рейха вертелись до самой капитуляции.

Для многих разрушение государства означало крушение мира. Исчерпав возможности сопротивления, немецкие солдаты и офицеры сплошь и рядом пускали себе пулю в лоб. Завершение боев как конец существования приводило к упорству даже в безвыходных ситуациях, самопожертвованию и сохранению боеспособности частей даже после ужасающих потерь. Наличие в армии костяка фаталистов, упрямо выполнявших свой долг невзирая ни на что, влияло на сопротивляемость немецких войск в целом. Пассивные и пораженчески настроенные солдаты и офицеры вовлекались в механистичное исполнение своих обязанностей и плыли по течению. «Фаталисты» при этом использовали самые суровые меры поддержания дисциплины. Германию «украшали» повешенные и расстрелянные за неповиновение и дезертирство.

С другой стороны, конечно, странно требовать от людей массовой сдачи в плен и неподчинения приказам. Особенно [686] в условиях, когда Геббельс обещает Сибирь и ужасы плена у варваров. Находились также те, кто верил в «чудо-оружие» или просто не знал обстановки на фронте. Последнее чаще касалось рядовых солдат. Так или иначе сотни тысяч немецких солдат и офицеров плыли по течению и исполняли приказы, даже понимая в душе неизбежность поражения Германии. Одним из популярных вариантов «страусиного» движения было стремление задержать Красную армию до прихода союзников. Эта позиция была прямым текстом декларирована генералом Бюссе, сформулировавшим цель 9-й армии на подступах к Берлину как «Мы будем считать свою задачу выполненной, если нам в спину ударят американские танки».

Опираясь на лояльность и стремление плыть по течению большинства населения, немецкое руководство раскрутило маховик мобилизации, исправно поставлявший на фронт корпуса и дивизии. Свежесформированные соединения с марша, по частям вступали в сражение, несли потери, громились в «котлах», вновь восстанавливались и снова шли в бой. Картина, хорошо знакомая по событиям 1941 г. у нас в стране. Европейский «лоск» ей придали рассеянные по Германии батальоны фольксштурма. Старики и юнцы с повязками фольксштурмистов первыми встречали на улицах своих городов советские танки и часто становились последними защитниками «фестунгов», хоронивших их под своими обломками.

Для Красной армии 1945 г. был отмечен нарастающей усталостью от войны. Средняя численность соединений уже в начале 1945 г. была на достаточно низком уровне — 5–6 тыс. человек. Если в середине войны укомплектованная по штату стрелковая дивизия была не такой уж редкостью (по крайней мере, такие встречались), то в 1945 г. найти такую дивизию уже невозможно. Автор, изучая многочисленные отчетные документы разных фронтов за январь — апрель 1945 г., укомплектованных по штату дивизий не нашел. Понесенные к сражению за Германию потери привели к дальнейшему ухудшению ситуации.

Апофеозом этой борьбы стала битва за Берлин. Берлинскую операцию можно назвать сражением, проведенным из [687] последних сил. Численность стрелковых соединений, проводивших операцию фронтов, упала до рекордно низкого за всю войну уровня. Такая же численность наблюдается разве что осенью 1943 г. среди соединений, с тяжелыми боями вышедших к Днепру. В какой-то мере ситуация

повторяла в зеркальном отражении обстановку под Москвой в октябре — ноябре 1941 г. Тогда численность немецких соединений существенно снизилась, а Красная армия получала хорошо укомплектованные людьми, но посредственно вооруженные соединения.

Проведение операций в таких условиях могло опираться только на возросший профессионализм солдат и офицеров Красной армии и разнообразную технику. Артиллерия и танки стали таранами, которыми малочисленные дивизии взламывали оборону противника. Солдаты-специалисты — саперы, «химики» — стали важным элементом штурмовых групп. Владение техникой ведения наступательных операций позволяло быстро и элегантно выходить из ситуаций, которые могли вводить в ступор соединения Красной армии образца 1942 г. и даже 1943 г. Армия 1945 г. сочетала обходные маневры с решительным штурмом нуждающихся в захвате опорных пунктов противника. Например, 19 апреля 1945 г. наступавший в обход Мюнхеберга 11-й гв. танковый корпус был остановлен сильным фланговым огнем из этого города, превращенного в опорный пункт обороны. Армия 1942 г, попыталась бы прорваться в обход танками без пехоты с предсказуемым избиением боевых машин в глубине немецкой обороны. Соответственно пехота бы тратила силы в череде неудачных атак опорного пункта противника. Захват опорного пункта пехотой 1945 г. перестал быть проблемой. Задержка в наступлении 19 апреля 1945 г. составила всего несколько часов: Мюнхеберг был взят штурмом, а наступление корпуса А. Х. Бабаджаняна в обход города успешно развивалось сразу после ликвидации непосредственной угрозы из него. В 1945 г. мы также находим множество примеров энергичного маневрирования и разворачивания соединений на направление наибольшего успеха. Быстрое форсирование реки или канала, «вскрытие» плацдарма и прорыв в глубину [688] обороны одного корпуса танковой армии сразу же вызывал выстраивание ему в затылок менее успешных соединений, снимаемых с бесперспективного направления. На следующий день корпуса могут поменяться местами, и вчерашнего победителя развернут в затылок новому лидеру. Все это придавало операциям динамичный характер и делало сражения 1945 г. весьма интересными для историка.

Большая стратегия. Формирование новых и спешное переформирование старых соединений, мобилизация населения позволили немецкому командованию строить стратегию на комбинации обороны и контрударов. Ключевые узлы дорог

удерживались, часто в полном окружении — стратегия «фестунгов» переживала свой звездный час. По растягивавшимся флангам советских ударных группировок целеустремленно, можно даже сказать с ослиным упорством наносились контрудары. Несмотря на сомнительные результаты многих контрударов, они сыграли свою роль в смене стратегии и повороте фронтов на берлинском направлении в сторону флангов — в Померанию и Силезию.

Также смену стратегии советского руководства вызвало упорное сопротивление врага на флангах берлинского направления, препятствующее смещению всей линии фронта на запад и сокращению ее протяженности с пропорциональным высвобождением сил. На северном фланге отставал 2-й Белорусский фронт, завязший в лесах и болотах Померании. На южном фланге серьезные проблемы возникли у 4-го Украинского фронта, наступавшего в гористой местности на Силезию. В результате линия фронта в середине февраля 1945 г. выдавалась далеко вперед до Одера и Нейсе, сверкая на север и юг растянутыми флангами. Контрудары по растянутым флангам показали, что спокойно наступать на Берлин не получится. Собственно битва за Берлин была лишь последним звеном в цепочке операций, проводившихся на подступах к немецкой столице. Именно поэтому захват плацдармов на Одере в последний день января 1945 г. и начало Берлинской операции разделяют два с половиной месяца.

Вследствие отставания флангов в Померании и Силезии в конце февраля и в начале марта 1945 г. последовал поворот [689] главных сил 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов прочь от Берлина. Были спланированы операции, призванные обеспечить продвижение вперед отставших 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Этот поворот стал неожиданным для противника, что обусловило успешность Восточно-Померанской операции и начального этапа Верхне-Силезской операции. Нависавшая над флангом нацеленных на Берлин войск с севера Восточно-Померанская группировка противника была разгромлена, и фронт был выровнен по Одеру. На юге дела шли куда хуже. Обвалить фронт и захватить Силезию, Моравско-Остравский промышленный район к началу апреля не удалось. Горный рельеф местности, весенняя распутица не способствовали успеху совместного наступления 1-го и 4-го Украинских фронтов. Операция двух фронтов в Силезии была просто брошена незавершенной, поскольку в ситуацию неожиданно вмешались события на Западном фронте.

Неожиданный обвал Западного фронта и быстрое продвижение союзников на восток заставили советское руководство лихорадочно разворачивать разбросанные на флангах войска в направлении немецкой столицы. В плане Берлинской операции в том виде, в котором она была спланирована Ставкой, четко прослеживается стремление не только овладеть немецкой столицей, но и выстроить линию соприкосновения с союзниками к западу от нее. При этом встреча могла состояться еще до падения Берлина.

Резкое сокращение сроков подготовки операции сузило возможные варианты ее проведения для 1-го Белорусского фронта. От запланированного Г. К. Жуковым образования нового крупного плацдарма у Франкфурта-на-Одере пришлось отказаться. Единственным вариантом стало «вскрытие» Кюстринского плацдарма. Некоторое облегчение обещало взаимодействие с 1-м Украинским фронтом. Впоследствии смежными флангами двух фронтов была окружена крупная группировка 9-й армии и части сил 4-й танковой армии, исключенная тем самым из боев за сам Берлин.

Задаче «вскрытия» Кюстринского плацдарма также благоприятствовало планомерное расширение захваченных в [690] конце января и начале февраля 1945 г. плацдармов на Одере. Пока армии северного крыла 1-го Белорусского фронта сражались в Восточной Померании, 8-я гвардейская и 5-я ударная армии целенаправленно расширяли плацдарм и в апреле 1945 г. он уже позволял разместить на нем сильную ударную группировку.

Зееловские высоты «затеняли» лишь часть Кюстринского плацдарма. Воздействие этой области на общий ход боевых действий в отечественной литературе несколько преувеличено. Прорыв одерского рубежа обороны немцев прошел не в результате лобового штурма высот, а в результате прорыва по их северной кромке. Фактически прорыв глубокоэшелонированной обороны 9-й армии на подступах к Берлину за несколько дней был проведен изящно, хотя и с отставанием от планового графика. Х-образный прорыв одерского фронта вполне достоин академических учебников. Здесь куда больше поводов для гордости за эффективность советской военной машины, чем для посыпания головы пеплом.

Дальнейшие события развивались по предсказуемому сценарию. Берлин обороняли разрозненные части и остатки сбитых с одерского фронта соединений. Сильные

резервы, сосредоточенные в группе армий «Центр», которые позволили немцам удержать Силезию в марте 1945 г., находились слишком далеко от Берлина. Поэтому попытки деблокировать город армией Венка и группой Штайнера провалились. Берлин исчерпал возможности организованного сопротивления меньше чем за десять дней.

«Соревнование» фронтов. Определенная спешка в подготовке Берлинской операции и оглядка на союзников привели к некоторым компромиссам в планировании наступления двух фронтов. Впоследствии они оказали существенное влияние на ход событий, и операция изменилась до полной неузнаваемости в сравнении с первоначальным планом. Само по себе соревнование за звание покорителя немецкой столицы было явно личной инициативой И. С. Конева. Обрыв разграничительной линии между фронтами лишь отмечал возможность для 1-го Украинского фронта занять на Эльбе линию соприкосновения с союзниками севернее или южнее [691] меридиана Берлина. Также эта линия обозначала возможность совместных действий при окружении группировки противника к юго-востоку от Берлина.

Однако широкая интерпретация смысла обрыва разграничительной линии привела И. С. Конева к дерзкому плану броска на Берлин. Он трезво оценивал трудности своего соседа во «вскрытии» Кюстринского плацдарма и подготовил бросок пехоты и танков на немецкую столицу. Очень трудно однозначно оценить действительный эффект решения И. С. Конева участвовать в штурме Берлина на развитие событий. На чаши весов можно положить как положительные, так и отрицательные последствия этого решения командующего 1-го Украинского фронта. Попробую свести те и другие в таблицу.

Плюсы	**Минусы**
Распыление сил LVI танкового корпуса, оборонявшего Берлин. Ввод в сражение за город дополнительных сил советских войск.	Предотвращение прорыва LVI танкового корпуса из Берлина на запад.

Ускорение окружения 9-й армии. Прорыв в Берлин был практически исключен.	12-я армия Венка не была перехвачена на дальних подступах к Берлину. Затягивание обороны города вследствие напрасных надежд.
Отвлечение сил немецкой авиации от 1-го Белорусского фронта 21–23 апреля.	Втягивание 3-й гв. танковой армии в бои в городе при недостаточной пехотной поддержке. Большие потери армии от ручного противотанкового оружия.
	Серьезный кризис на дрезденском направлении. Последние окружения советских войск в Великой Отечественной войне.
	Неплотное кольцо окружения вокруг 9-й армии 28–29 апреля. Прорыв части сил армии Бюссе к Биелитцу.

Не следует оценивать решение Конева лишь по количеству пунктов «за» и «против». Большие потери, понесенные в боях на подступах к Берлину, существенно измотали и без того слабые по численности соединения 3-й и 5-й ударных и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта. В этих условиях свежие танковая и общевойсковая армии, введенные [692] в бой за Берлин И. С. Коневым, были существенной поддержкой для штурмующих город войск 1-го Белорусского фронта. Без выхода к Берлину 3-й гв. танковой и 28-й армий командованию 1-го Белорусского фронта пришлось бы выделять силы для блокирования юго-восточной части Берлина.

Без попыток пробиться в Берлин и водрузить знамя над Рейхстагом наступление 1-го Украинского фронта было бы таким же скучным, как и наступление 2-го Белорусского фронта после форсирования Одера. Это было бы примитивное занятие местности от Нейсе до Эльбы. Разнообразие было бы внесено только борьбой с окруженной 9-й армией. Но, пожалуй, подчиненные И. С. Конева, от командарма до солдата, не простили бы ему отказа от попытки войти в немецкую столицу.

Честь поднять красный флаг над зданием Рейхстага в итоге досталась тому, кто не лез из кожи вон во имя славы покорителя Берлина — 3-й ударной армии В. И. Кузнецова. Войска 3-й ударной армии, наступая мимо столь желанной для многих цели, целеустремленно проламывали оборону одерского фронта. В итоге они оказались в положении, когда Г. К. Жуков перенарезкой полос армий развернул их на Берлин. Далее державшийся В. И. Кузнецовым в резерве 7-й стрелковый корпус был введен в бой, что дало свободу действий 79-му стрелковому корпусу в броске на Рейхстаг. В этом броске к Рейхстагу войска В. И. Кузнецова опередили не только безнадежно отставшего И. С. Конева, но и своих соседей — 5-ю ударную и 8-ю гвардейскую армии.

Тактика. Символом 1945 г. стали уличные бои. Конечно же, для маневров и глубоких прорывов танковых армий оставалось место, но сражаться за городские кварталы приходилось едва ли не чаще. Познань, Шнейдемюль, Арнсвальде, Кольберг, Бреслау, Кюстрин, Данциг и другие города стали предтечей сражения за Берлин. Опыт штурма Кюстрина пригодился в Берлине бойцам 5-й ударной армии, опыт штурма Познани — 8-й гвардейской армии.

1945 г. был отмечен не только количественными, но и качественными изменениями в характере боевых действий. Ручное противотанковое оружие в последние дни войны постепенно [693] находило себе все более широкое применение. Дело было даже не в воздействии фаустпатронов на танки. Процент потерь бронетехники был достаточно низким, хотя и заставлявшим приспосабливать тактику к новым условиям. Интуитивно немецкие пехотинцы нащупывали приемы их использования, ставшие неотъемлемыми элементами тактики пехоты послевоенного периода и даже наших дней. В отчете 7-го гв. механизированного корпуса отмечалось: «пытаясь задержать продвижение нашей мотопехоты, обеспечивающей танки, противник использовал фаустпатроны как и противопехотное средство, причем фаустпатрон при разрыве наносил тяжелые контузии нашим пехотинцам»{341}. По той же модели применялись противотанковые гранатометы немецкими частями, пробивавшимися через Хальбе и сражавшимися на улицах Берлина. В журнале боевых действий 8-й гв. армии указывалось: «Широко применяя фаустпатроны, противник использовал их не только против наших танков и СУ, но и против пехоты штурмовых групп»{342}. Сражения за Германию словно стали предтечей войн

нашего времени, ареной которых часто становились города, и гранатометы заняли устойчивую позицию как «карманная артиллерия» пехоты.

В сравнении с другими периодами войны бои 1945 г. были очень тяжелыми в психологическом плане. Они проходили в чужой стране с недружелюбным населением и не позволяли расслабляться. Опасность пронизывала всю толщу войск, от передовой до тылов и штабов. Недостаток пехоты затруднял прочесывание развалин и лесных массивов, где оставались отдельные настроенные на продолжение сопротивления группы солдат и офицеров противника. Например, во 2-й гв. танковой армии в Берлине была перебита бригада ремонтников, отправившаяся чинить оставленный в уже формально занятом районе города танк. В той же армии нападению подверглась колонна легко-артиллерийской бригады, двигавшаяся по улицам, которые уже были пройдены [694] танками и мотопехотой. Маневренный характер действий, когда немецкий фронт распадался на отдельные узлы сопротивления, также приводил к «вывернутому наизнанку» фронту. Тыловики и штабы сталкивались с «блуждающими котлами» и пробивающимися к своим организованными группами противника с бронетехникой и даже артиллерией. Атаки на штабы соединений и даже армий были едва ли не рядовым явлением. С немецкими окруженцами сталкивалась даже охрана перебазировавшихся вперед аэродромов.

Участники битвы за Берлин сделали для нас очень много. Они дали нашей стране не просто победу в одном из бесчисленных сражений русской истории, а символ военного успеха, безусловное и немеркнущее достижение. Может меняться власть, можно рушить с пьедесталов былых кумиров, но поднятое над развалинами вражеской столицы знамя останется абсолютным достижением. Недаром в наше время западные историки без устали мечут копья в Эйзенхауэра за то, что он отказался идти на Берлин. Ведь захват столицы противника понятен любому «человеку с улицы» как свидетельство победы и, безусловно, указывает на первого в списке победителей. От остальных можно лишь выслушивать жалкие оправдания. Это тот исторический факт, на который можно опираться в периоды безвременья и ослабления страны. [695]

Приложения

Приложение № 1. Перечень авиационных соединений и частей 4, 16 и 2-й воздушных армий и их боевой состав на 15 апреля 1945 г.

№по пор.	Наименование соединений и частей	Тип самолета	Количество самолетов
	4-я воздушная армия		
	Соединения, входившие в состав армии		
1.	229-я истребительная авиадивизия	Ла-5	40/19
		Ла-7	39/2
2.	269-я истребительная авиадивизия	Як-9	21/1
		Ла-5	66/7
3.	309-я истребительная авиадивизия	Як-3	59/3
		Як-9	42/0
4.	329-я истребительная авиадивизия	Аэрокобра	90/11
5.	230-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	47/2
6.	233-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	57/3
7.	260-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	54/9
8.	332-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	53/7
9.	325-я ночная бомбардировочная авиадивизия	По-2	135/1
10.	164-й гв. разведывательный авиаполк	Пе-2	27/1
11.	204-й и 209-й разведывательно-корректировочные авиаполки	Як-9	20/0
	Соединения, приданные из РГК		
	8-й истребительный авиакорпус		
12.	215-я истребительная авиадивизия	Ла-5	48/8
		Ла-7	31/6

	323-я истребительная авиадивизия	Як-9	63/21
	4-й штурмовой авиакорпус		
13.	196-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	58/16
	199-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	57/14
	5-й бомбардировочный авиакорпус		
14.	132-я бомбардировочная авиадивизия	А-20Ж	49/4
	327-я бомбардировочная авиадивизия	А-20Ж	81/6
	Всего по 4 В А		1137/141

Примечание . Числителем показаны исправные самолеты, знаменателем — неисправные. К 20 апреля прибыло от промышленности и из ремонта 82 самолета.

Всего к началу операции армия имела 1360 самолетов. [697]

№по пор.	Наименование соединений и частей	Тип самолета	Количество самолетов
	16-я воздушная армия		
	Соединения, входившие в состав армии		
	3-й бомбардировочный авиакорпус		
1.	241-я бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	71/6
	301-я бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	67/3
	6-й бомбардировочный авиакорпус		
2.	326-я бомбардировочная авиадивизия	Ту-2	56/0
	334-я бомбардировочная авиадивизия	Ту-2	22/21
	368-я бомбардировочная авиадивизия	Як-9	33/0
	9-й гвардейский штурмовой авиакорпус		
3.	3-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	118/3
	300-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	81/3

4.	2-я гвардейская отдельная штурмовая авиадивизия	Ил-2	124/5
5.	11-я отдельная штурмовая авиадивизия	Ил-2	102/4
6.	286-я отдельная истребительная авиадивизия	Ла-5	56/2
7.	9-я гвардейская ночная бомбардировочная авиадивизия	По-2	75/7
8.	16-й и 98-й разведывательные авиаполки	Як-9	24/2
9.	72-й и 93-й разведывательно-корректировочные авиаполки	Як-1	2/0
		Як-9	3/4
	Соединения, приданные из РГК		
10.	3-й истребительный авиакорпус		
	265-я истребительная авиадивизия	Як-3	33/4
		Як-9	89/4
		Ла-7	51/4
	278-я истребительная авиадивизия	Як-3	31/0
		Як-9	66/9
11.	6-й истребительный авиакорпус		
	234-я истребительная авиадивизия	Як-3	54/7
		Як-9	54/10
	273-я истребительная авиадивизия	Аэрокобра	115/1
12.	13-й истребительный авиакорпус		
	193-я истребительная авиадивизия	Як-3	5/0
		Як-9	110/11
	283-я истребительная авиадивизия	Як-1	15/3

		Як-3	96/5
		Як-9	37/2
	1-й гвардейский истребительный авиакорпус		
13.	3-я гвардейская истребительная авиадивизия	Ла-7	85/22
	4-я гвардейская истребительная авиадивизия	Як-3	108/3
	6-й штурмовой авиакорпус		
14.	197-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	117/0
	198-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	121/2 [698]
15.	1-я гвардейская отдельная истребительная авиадивизия	Аэрокобра	114/6
16.	240-я отдельная истребительная авиадивизия	Як-3	45/2
		Як-9	82/12
17.	282-я отдельная истребительная авиадивизия	Як-1	27/2
		Як-9	53/2
18.	113-я отдельная бомбардировочная авиадивизия	Ту-2	94/4
19.	183-я отдельная бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	95/2
20.	188-я отдельная бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	55/7
21.	221-я отдельная бомбардировочная авиадивизия	А-20Б	78/8
22.	242-я отдельная ночная бомбардировочная авиадивизия	По-2	70/0

23.	9-й гвардейский отдельный истребительный авиаполк	Ла-7	24/8
	Всего по 16 ВА		2758/200

Дополнительно прибыло из промышленности и из ремонта 229 самолетов.

№по пор.	Наименование соединений и частей	Тип самолета	Количество самолетов
	2-я воздушная армия		
	Соединения, входившие в состав армии		
	2-й гвардейский штурмовой авиакорпус		
1.	5-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	97/3
	6-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	101/6
	3-й штурмовой авиакорпус		
2.	307-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	44/21
	308-я штурмовая авиадивизия	Ил-2	60/10
	6-й гвардейский бомбардировочный авиакорпус		
3.	1-я гвардейская бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	75/13
	8-я гвардейская бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	77/9
4.	208-я ночная бомбардировочная авиадивизия	По-2	92/10
5.	193-й разведывательный авиаполк	Пе-2	19/2 [699]
6.	118-й корректировочный авиаполк	Як-9	15/0
		Ил-2	19/1
	Соединения, приданные из РГК		

	2-й истребительный авиакорпус		
7.	7-я гвардейская истребительная авиадивизия	Як-3	69/0
		Як-9	37/3
	322-я истребительная авиадивизия	Ла-5	25/2
		Ла-7	46/25
	5-й истребительный авиакорпус		
8.	8-я гвардейская истребительная авиадивизия	Ла-5	15/26
		Ла-7	34/4
	256-я истребительная авиадивизия	Як-3	56/17
		Як-9	50/5
	6-й гвардейский истребительный авиакорпус		
9.	22-я гвардейская истребительная авиадивизия	Аэрокобра	111/15
	23-я гвардейская истребительная авиадивизия	Аэрокобра	92/10
	1-й гвардейский штурмовой авиакорпус		
10.	8-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	77/3
	9-я гвардейская штурмовая авиадивизия	Ил-2	88/18
	4-й бомбардировочный авиакорпус		
11.	202-я бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	64/10
	219-я бомбардировочная авиадивизия	Пе-2	43/15
12.	9-я отдельная гвардейская истребительная авиадивизия	Аэрокобра	96/4
13.	11-я отдельная гвардейская истребительная авиадивизия	Як-9	54/13
		Ла-5	21/1

14.	12-я отдельная гвардейская истребительная авиадивизия	Як-1	101/7
15.	181-я отдельная истребительная авиадивизия	Як-9	87/11
	Всего по 2 ВА		1765/264

Примечание. К началу операции дополнительно прибыл в части и соединения 131 самолет.

К началу операции имелось:

в 4-й воздушной армии	1360 самолетов
в 16-й воздушной армии	3188 самолетов
во 2-й воздушной армии	2158 самолетов
Всего	6706 самолетов [700]

Приложение № 2. Ведомость боевого состава по состоянию на 15 апреля 1945 года

Наименование соединений и частей	58 СД	253 СД	329 СД	106 СД	287 СД	127 СД	149 СД	197 СД	389 СД
Личный состав:									
Офицерский	610	614	623	652	668	678	664	654	626
Сержантский	1271	1340	1139	1378	1374	1329	1449	1283	1371
Рядовой	3079	3109	3380	2977	2994	2942	3043	3087	3350
ИТОГО	4960	5063	5142	5007	5036	4949	5154	5024	5347
Всего лошадей	973	926	977	958	1001	976	913	1013	1076
Винтовок всех видов	2814	3004	3517	2946	3029	2731	2734	2871	3260

Пистолетов-пулеметов	1093	699	908	986	1027	967	951	780	873
Пулеметов:									
Ручных	173	170	138	178	251	177	166	163	174
Станковых	101	49	58	62	54	61	60	52	50
Зенитных	17	17	17	7	11	13	16	9	12
Минометов:									
120 мм	18	15	15	16	16	16	16	16	14 [701]
82-мм	52	48	53	52	48	52	51	56	50
Орудий:									24
122– 152– 203-мм	16	14	14	14	13	15	16	15	15
76-мм ДА	29	22	24	23	25	24	22	24	19
76-мм ПА	10	8	11	8	8	9	7	8	10
45-мм	14	13	21	20	17	16	18	25	15
Противотанк. ружей	20	2	33	30	27	23	32	46	23
Автомашин всех видов	124	117	94	108	97	116	96	118	95

тп. 3 экзем.

29.6.45.

П.п начальник отдела оргучетного и укомплектования 3 гвардейской армии

гвардии подполковник /ЦЫГАН/.

Верно: Пом. Нач. Оперотделения по использованию опыта войны 3 гвардейской армии

гвардии майор /ЕВДОКИМОВ/. [702]

Приложение № 3. Ведомость боевого состава соединений и отдельных частей 69-й армии по состоянию на 15 апреля 1945 года

№ п. п.	Наименование соединений и частей	Личный состав			Пулеметов		Минометов		Орудий					Мин. Уст. М-8, М-19, М-31	Зенитн. оруд. 85–76 мм 37–20 мм	Примечания
		Офицер. сост.	Рядов. сост.	Всего	Винтовок всех видов	Пистолетов-пулеметов	Станковых	Ручных	82–120 мм	120–152 мм	76 мм ДПА	45 мм	Противотанк. ружья	Автоматов, всех видов	Танков всех видов			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
1.	Упр. 25 стр. Рад. Кор. С кор. част.	12	74	86	124	490	93	4	—	—	—	—	—	—	—	95	—	—	—	—
2.	77 Гв. Стр. Черн. Орд. Ленина Кран, орд. Суворова д.	69	64	133	711	3006	1062	17	6	11	5	8	0	16	312	223	12	178	—	—	—	—

| | | |

	Кутузова																										
	п.																										
10.	Упр. СКК Част.	91	1 3 1 1	2 0 1 0	5 2	8 12 8	525	77	4	—	—	—	—	86	—	—	—	—
11.	117 Кр. Дивиз.	69	1 6 6 9	3 4 8 9	5 8 5 4	13 01 2	309	127 1	15 7 1	15 8 9	1 - 6	3 1 2 2	3 0	60	143	—	—	—	—
12.	312 стр. Смол. Крз. ордена Суворова див.	68 5	1 6 7 1	3 4 7 7	5 8 3 7	11 00	337 0	127 9	16 8 0	14 9 52	1 - 6	3 1 2 2	2 4	54	168	—	—	—	—
13.	370 стр. Крз. Тор. д. Кутузова дивизия	73 9	1 3 5 7	3 1 2 8	5 1 6	10 02	223 4	120 5	26 10 3	11 00	15 82	1 6	3 4	1 0	9	63	146	—	—	—	—
14.	41 стр. Крзн. див.	74 8	1 6 8	3 3 1	7 4 7	14 07	322 7	146 8	26 04	11 20	15 94	1 6	3 1	2 1	4	82	151	—	—	—	— [70 4]
	1206 Сам.													С													
15.	Арт. Нов. Кр. орд. Кутузова п.	48	1 2 7	3 3	2 0 8	—	61	36	1	—	—	—	—	У 2 0	-/	—	36	—	—	—	—
16.	12 АРТДИВИЗИЯ 32 ГАБР/с	19 82	1 4 4	1 1 8 4	3 4	—	113 0	302	2 6	—	—	—	8 4	—	—	82	162	—	—	—	—

	469, 539 872 ГАП/.																	
17.	46 ПАБр/с 786, 1214 ЛАП/.	126 280 119	10 1 1	—	456	142	20	———	—	48	——35	78	—	—	—	—		
18.	41 Пуш. Арт. Бригада/125 и 155 ПАП/	198 560 943	13 2 6	—	829	273	30	———		17/18	———35	62	—	—	—	—		
19.	11 Мин.бр./с 208и 234 и 232 МП/.	139 790 116	14 6 8	—	828	305		10 2	———		101	221	—	—	—	—		
20.	89 гауб. арт. Бриг.	137 154 551	12 1 1	—	716	152	34	———		0/32	———32	98	—	—	—	—		
21.	104 Гауб. арт. бр. БМ	138 102 657	12 4 8	—	833	176	24	———		203мм/24	———24	62	—	—	—	—		
22.	62 Арм. Пуш. Арт. Таман. Рад. Орд. Суворова и	198 354 007	13 2 7		548	242	16	———		0/36	———36	104						

	Кутузова Бригада															
23.	8 ИПТАБр 107 ИПТАП	46	1 2 4 3 3 1 — 9 4 9	166	125	8	------	24	---	49	—	—	—	—		
24.	405 ИПТАП	49	1 2 4 2 4 1 — 7 2 8	187	135	11	------	--	57 / 24	50	—	—	—	—		
25.	492 ИПТАП	98	1 2 9 1 1 6 — 7 2 7	160	135	7	------	160 мм /16	---	57	—	—	—	—		
26.	39 ИПТАБр 992 ИПТАП	45	1 2 3 2 2 9 — 6 6 7	171	141	11	------	--	57 М / 18	48	—	—	—	—		
27.	11774 ИПТАП	46	1 2 4 3 9 0 — 0 0 6	139	119	10	------	24	---	54	—	—	—	—		
28.	1179	47	1 2 3 2 2 8 — 2 0 9	159	145	11	------	--	57 М /	41	—	—	—	—		

																		19	
29.	22 ИПТАП	Арм.	46	124489	—	116	151	7	—	—	—	24	—	17	66	—	—	—	—
30.	256 мин. о.	Арм.	62	139501	—	150	254	—	—	35	—	—	—	32	72	—	—	—	—
31.	293 мин. п.	Арм.	63	135149	—	272	136	—	—	30	—	—	—	32	68	—	—	—	—
32.	41 Мин.бр.	Гв.	89	248380	—	608	121	—	—	—	—	—	—	14	137	—	36	—	—
33.	75 Гв. мин. полк.	Мин.	70	136592	—	535	125	8	—	2	—	—	—	12	110	—	24	—	—
34.	306 мин. полк.	Гв.	69	136973	—	365	131	8	—	6	—	—	—	24	106	—	204	—	—
35.	18 Зен. Арт. Дивизия 160 зен. арт. полк	Гв.	42	124263	—	243	—	—	—	12	—	—	—	—	52	—	—	19	—
36.	166 зен. арт. полк	Гв.	42	124525	—	202	76	—	—	16	—	—	—	—	58	—	—	24	—

| | | |

| | | |

| | | |

| | | |

| | | |

| | | |

5 АД	9 8 1	24 05 24 55	7 5 1	72	333 6	10 36	6 5	7 9	1 4 2 x	4 5	204	893		32–152 мм Г, 30–152 ПГ, 6–122П, 75–122 мм гауб.
20 ИПТАБр	1 5 7	37 99 26	1 3 4 5		649	54 4	3 3		1 6 x	4 8		186		100 мм БС
30 Гв.ПАБр	1 2 8	38 57 95	1 3 6 2		771	25 3	1 8		3 6 x		36	141		12–122 ммП, 24–152 ммПГ
460 ОМП	6 2	13 42 18	5 3 1		308	16 7		3 1			29	59		
163 ИПТАП	4 6	12 27 94	4 4 9		158	21 0	74			1 7		42		
305 ГМП	7 0	13 79 12	6 3 3		351	91	1 2				8	129	24	
1488 АЗП	4 0	12 06 40	4 0 4		241	62		1 6				47	16	37 мм
18 ИСБр	1 5 4	39 31 61	1 4 1	19 05	133	90 5	9 0					80		

3 экз.

журнала боевых действий

П.п. Начальник отдела оргучета и ук полковник /ЕЛИЗАРОВ/

П.п. Начальник 3 отделения майор а/с /ВАРЕНОВ/

Верно: Ст. пом. нач. отд. по использованию опыта войны оперотдела штарма 47 майор /ЦЫКАЛО/ [710]

Приложение № 5. Ведомость боевого состава соединений и частей 5-й ударной армии по состоянию на 10 апреля 1945 года

Наименование соединений и частей	Личный состав						Пулеметов		Минометов	Орудий												
	Офицерский состав	Сержантский состав	Рядовой состав	Всего лошадей	Винтовок всех видов	Пистолетов-пулеметов	Ручных	Стационарных	120–160-мм	122–152-мм	203-мм	76-мм ДП АА	Противотанк. ружей	Автоматов всех видов	Танков всех типов	Миномет. установок М-8, М-13, М-30	Зенит. орудия 85–76-мм, 37–20 мм	СУ-76	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Стрелковые войска																								
Правление 9 кск	134	138	5451	8127	580	177	1						2	76										

| | | |

60 гв. стр. дивизия	74	12 00	3 39 9	5 3 4 8	11 25	309 4	122 5	1 2 5 0	5 7	1 1 7 0	1 6	2 1 10	2 6	40	135	1			8
295 стр. дивизия	72 5	11 48	3 51 0	5 3 8 1 3	98	291 7	121 0	1 3 0	4 6	1 1 3 2	4 5	1 9	1 6	63	162				9
416 стр. дивизия	69 7	97 8	2 97 4	4 6 4 9	11 70	221 8	843	63 72	1 8	1 8	4 6	1 9	2 9	37	135				7
ИТОГО	729	12 61 2	3 04 27	5 0 3 8	10 78	264 66	108 82	1 2 6 0	4 8 7	1 1 5 1 3	4 5 3	1 8 12	2 0	578	147 1	3			9 4
БТиМВ 220 ТБр	227	605	4 00	1 2 3 2		62	440	1 8	4	8	6		7		104	26			
ПТБр	378	591	6 83	1 6 5 2		451	511	4							206	65			
67 ТБр	364	568	7 28	1 6 6 0		504	573	6							183	62			

92 инж. танк. полк	54	107	91	252	67	87					58	15			
396 САП	70	127	188	385	120	164					53			СУ 152–21	
	57	106	62	225	90	53	3				29			СУ-76–21	
ИТОГО	115 0	2104	2152	5406	1294	1788	31	48	6	7	633	168		СУ 152–21 СУ 76–21 [712]	

Литература

1. 3-я гвардейская танковая. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1982.

2. 9 Мая 1945 года. М.: Наука, 1970.

3. *Бабаджанян А. Х.* Дороги победы. М.: «Молодая гвардия», 1975.

4. *Бедекер Г.* Горе побежденным. Беженцы III Рейха 1944–1945 гг. М.:Эксмо, 2006.

5. *Белов В. К. , Пятков В. К. , Фролов С. С.* Третья ударная. Боевой путь 3-й ударной армии. М.: Воениздат, 1976.

6. *Белых В.* Моторы заглушили на Эльбе. К.: Политиздат Украины, 1986.

7. Берлинская операция 1945 г. М.: Военное издательство военного министерства Союза ССР, 1950.

8. Боевые действия военно-воздушных сил Советской армии в Берлинской операции (апрель — май 1945 г.). Оперативно-тактический очерк. М.: Воениздат, 1951.

9. Боевые действия войск 3-й гвардейской танковой армии в Висло-Одерской операции (январь 1945 г.). Учебное пособие для проведения группового занятия на картах. М.: Академия бронетанковых войск им. Р. Я. Малиновского, 1973.

10. Боевые действия стрелкового полка. Сборник боевых примеров. М.: Воениздат, 1958.

11. *Боков Ф. Е.* Весна победы М.: Мысль, 1985.

12. *Больдт Г.* Гитлер. Последние десять дней. Рассказ очевидца. 1945. М.: Центрполиграф, 2006.

13. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983.

14. Военно-исторический очерк о боевом пути 16-й воздушной армии (1942–1945). М.: Воениздат, 1973.

15. *Воробьев Ф. Д. , Паротькин И. В. , Шиманский А. Н.* Последний штурм. Берлинская операция 1945 г. М.: Воениздат, 1970.

16. *Высоцкий Ф. И. , Макухин М. Е. , Сарычев Ф. М. , Шапошников М. К.* Гвардейская танковая. М.: Воениздат, 1963. [713]

17. *Григорьев В. В.* И корабли штурмовали Берлин. М.: Воениздат, 1984.

18. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.

19. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973.

20. *Доманк А. С. , Лазуткин С. П.* Резерв Верховного Главнокомандования. Боевой путь 1-й гвардейской артиллерийской Глуховской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии прорыва Резерва Верховного Главнокомандования. М.: Воениздат, 1987.

21. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

22. *Зайцев В. И.* Гвардейская танковая. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во,1989.

23. *Зинченко Ф. М. .* Герои штурма рейхстага. М.: Воениздат, 1983.

24. *Катуков М. Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.

25. *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот... Ростов н/Д: Феникс, 2000.

26. *Конев И. С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966.

27. *Краснов В.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: Олма-пресс, 2000.

28. *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М.: Наука, 1987.

29. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973.

30. *Майстер Ю.* Восточный фронт — война на море 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2005.

31. *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. *Книга П.* М.: Наука, 1973.

32. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–45 гг. М.: Изографус, 2002.

33. Наступление стрелкового корпуса (Сборник тактических примеров из Великой Отечественной войны). М.: Воениздат, 1958.

34. *Неустроев С. А.* Путь к Рейхстагу. М.: Воениздат, 1961.

35. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Том IV. М.: Воениздат, 1959.

36. *Попель Н. К.* Впереди — Берлин! М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.

37. *Поплавскии С. Г.* Товарищи в борьбе. М.: Воениздат, 1974.

38. Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник статей. М.: Воениздат, 1985. [714]

39. *Пухов Н. П.* Годы испытаний. М.: Воениздат, 1959.

40. *Радзиевский Л. И.* Прорыв (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1979.

41. *Радзиевский А. И.* Танковый удар. М.: Воениздат, 1977.

42. *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.

43. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995.

44. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4.. М.: Терра, 1999.

45. *Самчук И. А.* Гвардейская Полтавская. М.: Воениздат, 1965.

46. *Самчук И. А. , Скачко П. Г. , Бабиков Ю. Н. , Гнедой И. Л.* От Волги до Эльбы и Праги. Краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии. М.: Воениздат, 1970.

47. Сандомирско-Силезская операция. Наступление 1-го Украинского фронта в январе 1945 г. Краткий оперативный очерк. М.: Воениздат, 1948.

48. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 6. М.: Воениздат МВС СССР, 1952.

49. *Семенов Г. Г.* Наступает ударная. М.: Воениздат, 1986.

50. Советские танковые войска 1941–1945. М.: Воениздат, 1973.

51. *Телегин К. Ф.* Войны несчитанные вёрсты. М., Воениздат, 1988.

52. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999.

53. *Фомичев М. Г.* Путь начинался с Урала. М.: Воениздат, 1976.

54. Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М.: Издательство «Кучково поле», 2003.

55. *Чуйков В. И.* Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973.

56. *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин. 1944–1945. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

57. *Ющук И. И.* Одиннадцатый танковый корпус в боях за Родину. М.: Воениздат, 1962.

58. *Alhfen Hans von* Der Kampfum Schlesien. 1944–1945. Motorbuch Verlag, 1998.

59. *Gunter G.* Last Laurels. The German Defence of Upper Silesia January — May 1945. Helion&Company, 2002.

60. *Fisher D., Read A.* The Fall of Berlin. London: Hutchinson, 1992.

61. *Jent. T.* Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Emloyment of Germany's Tank Force. 1943–1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. [715]

62. *Kaufmann J. E., Jurga R. M.* Fortress Europe. European Fortifications of World War II. Combined Publishing. 1999.

63. *Komornicki S.* Regularne jednostki ludowego wojska polskiego. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa obrony narodowej, 1977.

64. *Kurowski F.* Armee Wenk. Die 12. Armee zwischen Elbe und Oder 1945. Neckargemuend: Kurt Vowinkel Verlag, 1967.

65. *Kurowski F.* Hitler's Last Bastion. The Final Battles for the Reich 1944–1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1998.

66. *Kurowski F.* The history of the Fallschirm Panzerkorps Herman Goering. Soldiers of the Reichsmarschall. J. J.Fedorowicz Publishing Inc., 1995.

67. *Le Tissier T.* Slaughter at Halbe. The destruction of Hitler's 9-th army, april 1945. Sutton Publishing Ltd., 2005.

68. *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder. The Decesive Battle for Berlin. London: Praeger, 1996.

69. *Magenheimer H.* Abwehrschlacht an der Weichsel 1945. Vobereitung, Ablauf, Erfahrungen. Verlag Rombach Freiburg, 1976.

70. *Michaelis R.* 11. SS-Freiwilligen Panzer Grenadier Division «Nordland». Warszawa: Militaria, 2004.

71. *Raus E.* Panzer Operations. The Eastern front Memoir of General Raus, 1941–1945. Compiled and Translated by Steven H. Newton. DA Capo Press. 2003.

72. Small Unit Actions during the German Campaign in Russia. German Report Series. Naval&Military Press.

73. *Spaeter H.* The History of the Panzerkorps Grossdeutschland. Volume 3. J.J.Fedorowicz Publishing Inc., 2000.

74. *Tieke W.* In the Firestorm of the Last Years of the War. II. SS'Panzerkorpswiththe 9. and 10. SS-Divisions «Hohenstaufen» and «Frundsberg». J. J.Fedorowicz Publishing Inc., 1999.

75. *Tieke W.* Tragedy of the Fainthful: A History of the III. (germanisches) SS-Panzer-Korps. J. J.Fedorowicz Publishing Inc., 2001.

76. *Whiting C.* Ike's Last Battle. The Battle of the Ruhr Pocket APRIL 1945. Pen&Sword, 2002.

Примечания

{1} *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск.: Русич, 1999, с. 554.

{2} ЦАМО РФ, ф.233, оп. 2374, д. 154, л. 91.

{3} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 153, л. 137 об.

{4} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 153, л. 137 об.

{5} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 61.

{6} TB OKW, Band 4, Zweiter Halbband, S. 1061.

{7} Сандомирско-Силезская операция. Наступление 1-го Украинского фронта в январе 1945 г. Краткий оперативный очерк. М.: Воениздат, 1948, с. 104.

{8} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 647, л. 158.

{9} Gunter G. Last Laurels. The German Defence of Upper Silesia. January — May 1945. Helion and Company, 2002, p. 112.

{10} *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М: Эксмо-Изографус, 2002, с. 453.

{11} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 154, л. 49.

{12} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 154, л. 45.

{13} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 154, л. 59.

{14} NARA T78 R399 F6368791.

{15} NARA T78 R399 F6368802.

{16} NARA T78 R399 F6368850.

{17} NARA T78 R418 F6387862.

{18} NARA T78 R418 F6387865.

{19} *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988, с. 322.

{20} ЦАМО РФ, ф. 408, оп. 10013, д. 19, л. 203–204.

{21} http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2584.html.

{22} http://www.so1dat.ru/doc/gko/text/3164.html.

{23} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 339, л. 350.

{24} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 344, л. 91.

{25} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 344, л. 89.

{26} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 344, л. 99.

{27} ЦАМО РФ, ф. 418, оп. 10695, д. 554, л. 78.

{28} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 63.

{29} *Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973.

{30} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 196–197.

{31} KTB OKW, Band 4, Zweiter halbband, S. 1150.

{32} KTB OKW, Band 4, Zweiter halbband, S. 1159.

{33} KTB OKW, Band 4, Teil 2, S. 1099.

{34} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3067, д. 91, л. 55. (Далее Военный совет армии давал ряд конкретных рекомендаций по борьбе с «фаустниками»).

{35} *Гудериан Г.* Указ. соч., с. 568.

{36} NARA T78 R399 F6368747.

{37} NARA T78 R399 F6368744.

{38} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 57.

{39} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 59.

{40} ЦАМО РФ, ф. 402, оп. 9575, д. 866, л. 140.

{41} *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 278.

{42} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). М.:Терра, 1999, с. 198.

{43} Там же.

{44} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 18.

{45} *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966, с. 59.

{46} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 14.

{47} Там же, л. 30.

{48} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 111.

{49} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 122–123.

{50} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 180, л. 143.

{51} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 18.

{52} KTB OKW, Band 4, Zweiter Halbband, S. 1100.

{53} *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966, с. 71.

{54} *Гудериан Г.* Указ. соч., с. 570.

{55} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 366. л. 39.

{56} ЦАМО РФ, ф. 418, оп. 10695, д. 619, л. 357.

{57} ЦАМО РФ, ф. 418, оп. 10695, д. 619, л. 357.

{58} ЦАМО РФ, Ф. 418,оп. 10695, д. 554, л. 90.

{59} ЦАМО РФ, ф. 418, оп. 10695, д. 554, л. 40.

{60} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 330.

{61} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М: Терра, 1999, с. 200.

{62} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 344, л. 113.

{63} NARA T78 R399 F6368746a.

{64} Завершающий смертельный удар *(фр.).*

{65} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 16.

{66} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 366, л. 54.

{67} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 743, л. 15.

{68} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 26.

{69} KTB OKW, Band 4, Zweiter Halbband, S. 1144.

{70} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2374, д. 154, л. 43.

{71} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 298, л. 120.

{72} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 37.

{73} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 39.

{74} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 366, л. 77.

{75} *Tieke W.* Tragedy of the Faithful: A History of the III. (germanisches) SS-Panzer-Korps, p. 264.

{76} NARA T311 R169 F7221230.

{77} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 743, л. 28.

{78} ЦАМО РФ, ф. 237, оп. 2394, д. 1371, л. 202.

{79} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 743, л. 36.

{80} *Дёниц К.* Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1964, с., со ссылкой на Die offizielen Jalta-Dokumente des U.S. State Department, deutshe Ausgabe, Seite 60, 62, 63, 67 auch 69.

{81} *Кузнецов Н.Г.* Курсом к победе. М.: Голос, 2000, с. 457.

{82} ЦАМО РФ, ф. 237, оп. 2400, д. 51, л. 87.

{83} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3067, д. 91, л. 77.

{84} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). М.:Терра, 1999, с. 331.

{85} Там же, с. 201.

{86} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 77.

{87} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 39.

{88} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 189, л. 135.

{89} KTB OKW, S. 1176.

{90} KTB OKW, S. 1184.

{91} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 28.

{92} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 57.

{93} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 214.

{94} *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. М.: Наука. С. 568.

{95} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 85.

{96} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 41.

{97} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 331.

{98} *Лелюшенко Д. Д.* Указ. соч. С. 321.

{99} *Зайцев В.И.* Гвардейская танковая. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989, с. 145.

{100} Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 2. Жуковский: Кучково поле, 2006, с. 229–230.

{101} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 85–86.

{102} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 45.

{103} ЦАМО РФ, ф. 426, оп. 10 753, д. 1342, л. 76.

{104} Там же.

{105} NARA T78 R399 F6368745.

{106} ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 366, л. 83.

{107} Там же, л. 145.

{108} Там же, л. 168.

{109} ЦАМО РФ, ф. 426, оп. 10753, д. 1342, л. 114 и ф. 426, оп. 10753, д.1342,л.140.

{110} NARA T311 R169 F7221401.

{111} *Больдт Г.* Последние десять дней. Рассказ очевидца 1945. М.: Центрполиграф, 2006, с. 10.

{112} NARA T311 R169 F7220670.

{113} NARA T311 R169 F7220670.

{114} *Гудериан Г.* Указ. соч., с. 587.

{115} NARA T311 R169 F7220669.

{116} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2338, д. 131, л. 33.

{117} NARA T311 R169 F7220671.

{118} NARA T311 R169 F7220672.

{119} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 376, л. 61.

{120} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 42.

{121} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 42.

{122} *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder. The Decesive Battle for Berlin. London: Praeger, 1996, p. 94.

{123} Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995, с. 543.

{124} *Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973, с. 173.

{125} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 376, л. 51.

{126} Там же, л. 52.

{127} ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 366, л. 184.

{128} Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. Под общей редакцией Г.В. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с. 317.

{129} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 45.

{130} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999. С. 221.

{131} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 339, л. 403.

{132} ЦАМО РФ, ф. 418, оп. 10 695, д. 619, л. 24.

{133} *Le Tissier T.* Op. cit., p. 117–118.

{134} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2583, л. 351.

{135} *Черчилль У.* Вторая мировая война. Книга 3. Тома 5–6. М.: Воениздат, 1991, с. 579.

{136} *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000, с. 448–449.

{137} *Жуков Г.К.* Указ. соч., с. 292.

{138} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 66.

{139} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995, с. 64.

{140} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3067, д. 91, л. 86.

{141} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2309, д. 54, л. 196.

{142} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4164, д. 33, л. 234.

{143} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4163, д. 85, л. 11.

{144} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4163, д. 85, л. 13.

{145} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, Д: 459, л. 71.

{146} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 71.

{147} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 71.

{148} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 71.

{149} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 75.

{150} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 75.

{151} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 62.

{152} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 77.

{153} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 77.

{154} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

{155} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 92.

{156} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 88

{157} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 459, л. 78–79.

{158} NARA T311, R169, F7221522.

{159} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 5.

{160} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 5.

{161} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 225.

{162} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 30.

{163} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 32.

{164} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 295, л. 110.

{165} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4251 д. 44, л. 194.

{166} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 676, л. 8.

{167} *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966, с. 98.

{168} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). М.:Терра, 1999, с. 225.

{169} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 79.

{170} Там же.

{171} ЦАМО РФ,ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 82.

{172} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440., д. 676, л. 10.

{173} Берлинская операция 1945 г. М.: Военное издательство военного министерства Союза ССР, 1950, с. 560.

{174} Там же.

{175} Берлинская операция 1945 г. М.: Военное издательство военного министерства Союза ССР, 1950, с. 561.

{176} *Лелюшенко Д.Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М.: Наука 1987, с. 335.

{177} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 538, л. 60.

{178} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 62.

{179} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2704, д. 211, л. 65.

{180} ЦАМО РФ, ф. 5 гв. мк, оп. 1, д. 15, л. 3.

{181} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 225.

{182} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 5.

{183} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 82.

{184} ЦАМО РФ, ф. 408, оп. 10013, д. 19, л. 421.

{185} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 223.

{186} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999, с. 225.

{187} *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966, с. 98–99.

{188} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 67.

{189} ЦАМО РФ, ф. 426, оп. 10 753, д. 1425, л. 96.

{190} Там же.

{191} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 81.

{192} *Le Tissier T.,* Op.cit., p. 152.

{193} *Le Tissier T.,* Op. cit., p. 152.

{194} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 506).

{195} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15(4–5). М.: «Терра», 1995. С. 506.

{196} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 303.

{197} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 224.

{198} ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 409, л. 38.

{199} *Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973, с. 186.

{200} *Чуйков В. И.* Указ. соч., с. 186.

{201} *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2, с. 306.

{202} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 28.

{203} *Чуйков В.И.* Указ. соч., с. 188.

{204} ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 1113, л. 79.

{205} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 327, л. 145.

{206} NARA T311 R169 F7221738.

{207} Там же.

{208} *Жуков Г.К.* Указ. соч., с. 306.

{209} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 506.

{210} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995. С. 72–73.

{211} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 571.

{212} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): т. 15(4–5), М: «Терра», 1995, с. 527.

{213} NARA T311 R169 F7221780.

{214} NARA T311 R169 F7221779.

{215} NARA T311 R169 F7221778.

{216} NARA T311 R169 F7221778.

{217} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): т. 15(4–5), М: «Терра», 1995, с. 84–85.

{218} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): т. 15(4–5), М: «Терра», 1995, с. 85.

{219} NARA T311 R169 F722177.

{220} NARA T311 R169 F7221778 и F7221779.

{221} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 506.

{222} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 304.

{223} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 94–95.

{224} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 304.

{225} Там же, с. 506.

{226} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 771, л. 88.

{227} ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 1113, л. 47.

{228} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 506.

{229} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 97.

{230} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 40.

{231} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 41.

{232} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 272.

{233} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 304.

{234} ЦАМО РФ, ф. 426, л. 55.

{235} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15(4–5). М.: «Терра», 1995, с. 531.

{236} ЦАМО РФ, ф. 815, оп. 1, д. 197, л. 50.

{237} ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 409, л. 54.

{238} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2309, д. 54, л. 206.

{239} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 506.

{240} 106-я стрелковая дивизия 76-го корпуса, 149-я и 127-я стрелковые дивизии 120-го корпуса, 329-я и 253-я стрелковые дивизии 21-го стрелкового корпуса.

{241} 197-я стрелковая дивизия 120-го стрелкового корпуса, 58-я стрелковая дивизия 21-го стрелкового корпуса и 389-я стрелковая дивизия 76-го стрелкового корпуса.

{242} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187. л. 71.

{243} ЦАМО РФ, ф. 315,оп. 4440, д. 713, л. 20.

{244} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 20.

{245} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 74–75.

{246} *Конев И.С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966, с. 116–117.

{247} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 729, л. 35.

{248} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 158.

{249} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 713, л. 23.

{250} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 78.

{251} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 128.

{252} ЦАМО РФ, ф.312,оп. 4251, д. 45, л. 70.

{253} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 135.

{254} ЦАМО РФ, ф. 3 гв. А, оп. 4521, д. 44, л. 200.

{255} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 86.

{256} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 159.

{257} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 160.

{258} Там же.

{259} ЦАМО РФ, ф. 315,оп. 4440, д. 713, л. 29.

{260} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 97.

{261} *Фомичев М.Г.* Путь начинался с Урала. М., Воениздат, 1976, с. 201.

{262} *Лелюшенко Д.Д.* Указ. соч., с. 342.

{263} ВИЖ, 1967, № 10, с. 83.

{264} *Конев И.С.* Указ. соч., с. 132.

{265} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 28.

{266} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 29.

{267} *Рудель Г.-У.* Пилот «штуки», пер. Е. Ковалева, http://militera.lib.ru/memo/german/rudel/17.html.

{268} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 20.

{269} ЦАМО РФ, ф. 932, оп. 1, д. 139, л. 90.

{270} KTB OKW, S. 1267.

{271} ЦАМО РФ, ф. 408, оп. 9991, д. 441, л. 487.

{272} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1, д. 147, л. 47.

{273} ЦАМО РФ, ф. 1540, оп. 1, д. 38, л. 274.

{274} ЦАМО РФ, ф. 1540, оп. 1, д. 38, л. 271.

{275} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 41.

{276} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 40.

{277} ЦАМО РФ, ф. 408, оп. 10 013, д. 19, л. 428.

{278} *Тике В.* Указ. соч., с. 318.

{279} ЦАМО РФ, ф. 382, оп. 8465, д. 247, л. 51.

{280} *Тике В.* Указ. соч., с. 322.

{281} ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 1113, л. 53.

{282} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 295, л. 145.

{283} Последний штурм, с. 285 со ссылкой на ЦАМО, ф. 6598, оп. 725168, д. 1346, л. 11.

{284} *Тике В.* Указ. соч., с. 328.

{285} ЦАМО РФ, ф. 312, оп. 4245, д. 301, л. 47.

{286} *Тике В.* Указ. соч., с. 328.

{287} ЦАМО РФ, ф. 382, оп. 8465, д. 247, л. 80.

{288} Последний штурм, с. 299, со ссылкой на ЦАМО ф. 6598, оп. 725168, д. 1346, л. 16.

{289} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 189, л. 76.

{290} *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот... — Ростов н/Д: Феникс, 2000, с. 350–351.

{291} *Kurowski F.* Armee Wenk, S. 117–118.

{292} Название «Ленин» лишь фонетически созвучно псевдониму В.И. Ульянова.

{293} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 107.

{294} Последний штурм, с. 286, со ссылкой на ЦАМО ф. 6598, оп. 725168, д. 1346. л. 12.

{295} ЦАМО РФ, ф. 323, оп. 4756, д. 187, л. 158.

{296} *Kurowski F.* Armee Wenk, S. 132.

{297} *Тике В.* Указ. соч., с. 397.

{298} *Тике В.* Указ. соч., с. 399.

{299} *Поплавский С.Г.* Товарищи в борьбе. М.: Воениздат, 1974.

{300} NARA T311 R170 F7222233 — F7222234.

{301} *Поплавский С.Г.* Указ. соч., с. 271.

{302} *Воробьев Ф.Д., Паротькин И. В. Шиманский А.Н.* Последний штурм. (Берлинская операция 1945 г.) М.: Воениздат, 1970, с. 160.

{303} *Тике В* . Указ. соч., с. 339.

{304} *Fisher D., Read A.* The fall of Berlin. London: Hutchinson, 1992, p. 336.

{305} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с 306.

{306} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 280.

{307} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 51.

{308} ЦАМО РФ. ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 280.

{309} Там же.

{310} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 59.

{311} ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 771, л. 32.

{312} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 164.

{313} Там же, с. 115.

{314} Цит. по *Жуков Г.К.* Указ. соч., с. 320.

{315} *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974, с. 417.

{316} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 287.

{317} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 552, л. 290.

{318} *Жуков Г.К.* Указ. соч., с. 321.

{319} *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974, с. 417–418.

{320} *Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973, с. 249.

{321} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 548, л. 15.

{322} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 307.

{323} ЦАМО РФ, ф. 317, оп. 4306, д. 505, л. 129.

{324} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 305.

{325} ЦАМО РФ, ф. 333, оп. 4885, д. 394, л. 202.

{326} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 676, л. 55.

{327} Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: «Терра», 1995, с. 499.

{328} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2356, д. 739, л. 502.

{329} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2338, д. 131, л. 128.

{330} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 44.

{331} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 33.

{332} ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 2508, л. 43.

{333} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2309, д. 54, л. 88.

{334} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 336, л. 105.

{335} Там же. л. 90.

{336} ЦАМО РФ, ф. 307, оп. 4148, д. 327, л. 318.

{337} ЦАМО РФ, ф. 315, оп. 4440, д. 676, л. 43.

{338} ЦАМО РФ, ф. 2 гв. ТА, оп. 4163, д. 85, л. 43.

{339} Там же, л. 44.

{340} ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2309, Д. 54, л. 89.

{341} ЦАМО РФ, ф. 3437, оп. 1,д. 147, л. 20.

{342} ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 409, л. 75.